

Вопросы
ИСТОРИИ
СИБИРИ

ВЫПУСК 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1967

В О П Р О С Ы
ИСТОРИИ
СИБИРИ

ВЫПУСК 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1967

Сборник статей посвящен актуальным и недостаточно разработанным вопросам из истории развития феодализма, капитализма, советскому и социалистическому строительству в Сибири.

Ряд статей посвящен некоторым вопросам дореволюционной истории Сибири: формы землепользования, сельскохозяйственные системы и орудия труда в крестьянском хозяйстве второй половины XIX в., представительные органы буржуазии в Сибири в конце XIX—начале XX в., экономическое развитие Сибири в 1900—1914 гг., революционное движение в Сибири накануне Октябрьской революции. Значительная часть сборника включает статьи, в которых авторы исследуют ряд важных проблем в истории Сибири послеоктябрьского периода. Ряд статей посвящен различным вопросам советского, национального и культурного строительства в Сибири 1920—1940 гг.

Все статьи написаны на основе широкого привлечения опубликованных и неопубликованных архивных документов и материалов.

Редакторы — профессор И. М. Разгон,
доцент Л. И. Боженко

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Доц. А. П. Бычков (председатель, ректор университета), проф. В. А. Пегель (зам. председателя), доц. Ю. В. Чистяков (зам. председателя), доц. В. Е. Томилов (ученый секретарь), директор издательства М. С. Змазнев, проф. Р. Н. Щербаков, проф. И. А. Александров, проф. В. Н. Кессених, проф. К. В. Савицкий, доц. М. А. Кривов, ст. научн. сотр. В. П. Тарасенко, проф. А. В. Положий, проф. Н. В. Прикладов, проф. В. А. Хахлов, доц. В. В. Хахлов, проф. М. В. Тронов, ст. преподаватель Ф. И. Терлугов, проф. В. В. Серебrenников, проф. А. И. Ким, доц. С. М. Лисовик, проф. И. М. Разгон, доц. А. А. Говорков, проф. Н. Ф. Бабушкин, проф. В. С. Флеров, проф. К. П. Ярошевский, директор научной библиотеки М. Р. Филимонов, секретарь парткома доц. М. П. Кортусов.

Индекс 1-6-4

КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ФЕОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА

З. Я. БОЯРШИНОВА

Первичной экономической ячейкой феодального общества была крестьянская семья. К. Маркс, характеризуя французского крестьянина, писал: «Каждая отдельная крестьянская семья почти что довлеет сама себе, производит непосредственно большую часть того, что она потребляет, приобретая таким образом свои средства к жизни более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом. Парцелла, крестьянин и семья; рядом другая парцелла, другой крестьянин и другая семья. Кучка этих единиц образует деревню, а кучка деревень — департамент»¹⁾. Это определение, как отмечал В. И. Ленин, вполне приложимо к русскому крестьянству феодального периода²⁾.

Занимаясь историей земледельческого освоения Сибири русскими в феодальный период, ряд советских исследователей обратили внимание на то, что численный состав крестьянской семьи, возраст и работоспособность ее членов теснейшим образом связаны с вопросами хозяйственного упрочения переселенцев на новом месте жительства, с имущественной дифференциацией крестьянства³⁾.

Однако сделанные исследователями наблюдения приведены лишь попутно с изложением других вопросов русской колонизации. Исключение составляют работы В. А. Александрова, в которых дается характеристика семейного строя у русского населения Енисейского края в XVII — начале XVIII вв.⁴⁾ Для районов Западной Сибири, более близких и более доступных для переселения пришельцам из европейской части страны в XVII—XVIII вв., попытка рассмотрения вопроса о создании и развитии семейных ячеек переселенцев не предпринималась. Исполь-

¹⁾ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е, т. 8, стр. 207.

²⁾ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е, т. 3, примечание на стр. 312—313.

³⁾ В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня. Т. I, Иркутск, 1949, стр. 266—268; В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия XVII века. М., 1956, стр. 265—268; Ф. Г. Сафронов. Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX вв.) Якутск, 1961, стр. 31; А. Н. Копылов. Земледелие, промышленность и торговые связи населения Енисейского уезда в XVII в. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1963, стр. 10; В. А. Александров. Русское население Сибири XVII — начала XVIII вв. (Енисейский край), М., 1964, стр. 119—140.

⁴⁾ В. А. Александров. Указ. соч., стр. 119—140. Его же. Черты семейного строя у русского населения Енисейского края. Сибирский этнографический сборник, III, М.—Л., 1961.

зую различного рода источники (в первую очередь архивные), автор данной статьи пытается проследить основные этапы развития семьи земледельца в условиях сибирской жизни, вскрыть зависимость между составом семьи и степенью хозяйственного освоения того или другого района, между количеством работоспособных членов ее и хозяйственной самостоятельностью крестьянского двора.

Переселение русских людей в пределы Сибири началось с конца 80-х годов XVI в. Правительство, заинтересованное в создании сибирского земледелия, направляло туда крестьян с черносошного севера, использовало для обработки казенной запашки ссыльных, рекомендовало воеводам сибирских городов проводить вербовку («прибор») желающих переселиться, оказывать им помощь «подмогой» и возвратной ссудой.

Программа земледельческого освоения Сибири, создания в новом крае крестьянства была впервые четко сформулирована в 1593 г. в «наказе» П. Горчакову⁵⁾, назначенному воеводой вновь построенного Пелымского городка на берегу Тавды. В составе первых жителей г. Пельма были не только стрельцы, но и присланные из Каргополя, Перми и Вятки крестьяне. Царский «наказ» П. Горчакову обязывал воеводу устроить под новым городом крестьянскую слободу, выделив прибывшим крестьянам места под дворы и земельные участки под пашни. Крестьян предполагалось использовать для обработки «государевых десятин», урожай с которых поступал бы в казенные житницы.

Крестьяне-вендцы (так назывались направленные по указанию правительства земледельцы) обязывались взять с собой на место нового поселения лошадей, крупный рогатый скот, сохи и семена на первый посев. Из 49 вендцев 20 человек направлялись в Зауралье с семьями, остальным предлагалось ехать без жен и детей, но захватив с собой лошадей, необходимый сельскохозяйственный инвентарь и семена ржи и овса. Семьи этих вендцев предполагалось перевезти позднее, когда крестьяне устроятся на новом месте⁶⁾.

Наряду с принудительным переселением земледельцев в Сибирь с конца XVI в. развернулось переселение их по собственной инициативе. Упомянутый выше царский «наказ» предписывал П. Горчакову взять с собой в Зауралье не только вендцев, но и ржевского крестьянина Игнатия Хрипунова с его семьей и имуществом, пожелавшего переселиться в Сибирь. В Сибири Горчаков должен был розыскать двух беглых людей московского окольного А. П. Клешина — Кудеярку Иванова и Василия Севастьянова, которые самовольно ушли в Зауралье⁷⁾. В «наказе» глухо упоминается о том, что при строительстве нового городка Горчаков может встретиться с терскими казаками, которых следовало привлечь на «государеву» военную службу или завербовать в число посадских людей Пельма. В Чердыни в 1593 г. была зарегистрирована «поручная» десятника Т. Евтюгова, из которой известно, что 10 человек устюжан и жителей Перми заявили о своем желании переселиться в Сибирь на постоянное жительство. Все они со своими семьями в 1594 г. прибыли в г. Пелым⁸⁾.

Отрывочные, крайне неполные данные сохранившихся источников, конечно, не могут охарактеризовать картины вольнонародной колонизации конца XVI в. Они только показывают, что наряду с правительственным заселением Сибири служилыми людьми, крестьянами-вендцами

⁵⁾ Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I, М., 1937. Приложения документов, док. № 11, стр. 346—354.

⁶⁾ Там же, стр. 352, 353.

⁷⁾ Там же, стр. 351, 353.

⁸⁾ Там же, док. № 12, стр. 362.

и приборными имело место и народное переселение по собственной инициативе самих переселяющихся.

На первых порах русского переселения в новый край в составе переселенцев преобладали одиночки-мужчины. Они направлялись сюда в качестве служилых людей. Они составляли подавляющее большинство ссыльных, используемых на военно-сторожевой службе в гарнизонах сибирских городов, а также и для обработки казенной пашни. Одиночки-мужчины преобладали и среди переселяющихся по собственной инициативе, поскольку вольные переселенцы в это время в массе своей были беглыми из европейской части России крестьянами. Бежать с семьей в Сибирь из феодального поместья или вотчины было затруднительно. Одиночками-мужчинами были и временные жители сибирского края — промысловики, приходившие сюда на пушной промысел индивидуально или в ватагах (артелях) в качестве «покрученников» купцов-предпринимателей.

На новом месте жительства надо было прежде всего позаботиться о жилье. Пришедшие на промыслы в тайгу строили «промышленные» избышки полуземляночного типа. Из таких промышленных избышек постепенно вырастало временное или постоянное зимовье. Русские казаки и стрельцы строили себе под защитой городских укреплений бревенчатые избы. Возводили жилые постройки и вольные переселенцы, пополнявшие городской посад («жилицкие» и «оброчные» люди), или заводившие заимки и слободы вдали от административных центров — городов и острогов.

Если служилые люди в сибирских гарнизонах в течение почти всего XVII в. получали из казны хлебное жалование, то остальная масса русских переселенцев должна была сама обеспечивать себя продовольствием и, в первую очередь, хлебом. При неразвитости и даже полном отсутствии у ряда групп местного сибирского населения земледелия это означало необходимость для пришельцев из европейской части страны занятия хлебопашеством.

Поскольку в силу ряда исторических условий районы русского земледелия в XVII в. складывались в лесной полосе Сибири, переселенцу для занятия хлебопашеством нужно было найти елань (лишенную леса поляну) или вырубить лес на том месте, где предполагалось устроить пахотный участок, выкорчевать пни, примитивной сохой поднять целину и на вспаханном поле произвести посев. Земледельцу нужны были рабочие руки членов семьи или помощь соседей, сельскохозяйственные орудия (топоры, сохи, бороны, серпы, косы и т. д.), рабочий скот и запас семян на первый посев. Сразу хозяйственно окрепнуть на новом месте русским хлебопашам было трудно. У большинства из них не было нужных сил и средств для создания заново хозяйства, поэтому они вынуждены были на первых порах либо заниматься охотой и рыбной ловлей, либо вступать в «пашенные крестьяне», т. е. получать подмогу и возвратную ссуду от воеводской администрации за обязательство обрабатывать «десятинную государеву пашню», либо идти в хозяйство сибирских монастырей в качестве феодально-зависимого населения («быть за тем монастырем во крестьянех вечно»), либо становиться «половниками» и «призвещниками» состоятельных старожилов (зачастую из числа верхоушки служилых людей сибирских гарнизонов).

Многие веденцы и ссыльные, выполнявшие барщинные работы на «государевой пашне» даже в 40-е годы XVII в., не могли хозяйственно окрепнуть настолько, чтобы иметь свою запашку, свой двор, свою семью. В челобитной томских пашенных крестьян 1642 г. по этому поводу говорится: «А твоей государевой подмоги нам сиротам твоим oprичь лошадей и ральников и кос не давали и пашнишки нам сиротам твоим на себя

для своих нуж завести невозможно, потому что мы сироты твои нужны и бедны и жен и детей у нас нет и безродны и бесплеменны и нам сиротам твоим твоя государева пашня стала не в силу, потому что стары и увечны и безконны и домишек у нас сирот твоих нету своих, скитаемся меж двор христовым иняем»⁹⁾.

Челобитная рисует тяжелое положение томских пашенных крестьян из числа ссыльных, которые, обрабатывая в течение 20—30 лет казенные десятины, не могли создать собственного крестьянского хозяйства, не имели своих посевов, жилья, лишены были возможности иметь семью и вынуждены были жить по подворьям томских жителей.

Приведенная челобитная не является исключением. В фондах Сибирского приказа имеется много свидетельств о бедственном положении в XVII в. крестьян, связанных с обработкой «государевой пашни». Так, например, о крайней бедности направленных по указу из Томска в Красноярск пашенных крестьян в 1650 г. сообщал красноярский воевода. Он писал: «крестьяне Ивашка Поварнин с товарищи бедны и нужны, наги и босы, жен и детей у них нет»¹⁰⁾.

Чтобы стать земледельцем нужны были пригодный для посева участок земли, сенокосные угодия и места для выгона скота, жилые и хозяйственные постройки, необходимый сельскохозяйственный инвентарь, рабочий и продуктивный скот, запас семян для посева и рабочие руки не только самого хлебопашца, но и членов его семьи.

Вопрос о земле в сибирских условиях XVII в. решался относительно просто: слабая заселенность края позволяла переселенцу подобрать нужный участок для сельскохозяйственного производства, не затрагивая промысловых угодий редко разбросанного по тайге коренного населения.

Для создания хозяйства нужны были средства. Их можно было получить, занимаясь промысловой охотой и реализуя продукцию ее на пушном рынке, или временно работая по найму в монастырских хозяйствах и хозяйствах служилой знати. Необходимые средства можно было получить в воеводских канцеляриях в виде денежной или натуральной ссуды, которая давалась под обязательство отработок на казенном поле. Получивший такую ссуду становился пожизненно феодально-зависимым от верховного собственника сибирской земли — государства. Обязанность выполнения барщинных работ на «государевых десятинах» наследственно переходила и на потомство такого пашенного крестьянина.

Многие пришельцы на первых порах, не имея своего двора, жили на подворьях у старожилов, становились «половниками», «присевщиками», «захребетниками», или «крепостными дворовыми работниками». В Сибири XVII в., как отмечал В. И. Шунков, была широко распространена практика частичной или полной сдачи тягла (отработок и хлебного оброка), при которой съемщик тягла получал часть хозяйства сдатчика или поселялся в его дворе¹¹⁾.

Если переселенец приезжал в Сибирь с семьей, он имел возможность в более короткие сроки восстановить свое хозяйство на новом месте жительства. Однако, в силу целого ряда конкретно-исторических условий, в которых происходило переселение в течение XVII в., подавляющее большинство переселенцев было одиночками-мужчинами. Ехать с семьей и имуществом по бездорожью в неизвестный край было делом рискованным, даже для состоятельного человека.

⁹⁾ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 214, Сибирский приказ, стлб. 112, л. 614.

¹⁰⁾ ЦГАДА, ф. 214, Сибирский приказ, стлб. 381, лл. 431—432.

¹¹⁾ В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв. М.—Л., 1946, стр. 33—43.

Осмотревшись и освоившись на новом месте жительства, построив жилище и получив возможность заниматься земледелием, переселенцы-одиночки перевозили семью из европейской части страны в Сибирь. Эта перевезенная семья зачастую включала не только жену и детей, но также братьев и сестер, отца и мать и других близких родственников. Большим семейным коллективом легче было возделывать целинные земли, приспосабливаясь к новым географическим и климатическим условиям, создавать и расширять крестьянское хозяйство, выполнять феодальные повинности в пользу собственника земли — государства, нести бремя различных государственных денежных сборов.

Перевоз семьи в Сибирь не был доступен каждому переселенцу. Помимо официального разрешения администрации на месте выезда и на месте вселения, на перевоз семьи (т. е. на поездку за семьей в европейскую часть страны и возвращение с ней в Сибирь) нужна была значительная сумма денег, которая не всегда имела даже у служилого человека, получавшего денежное жалование. Поэтому многие переселенцы-мужчины создавали в Сибири новую семью, женились на дочерях старожилов или нерусских жителей. Смешанные браки русских мужчин и женщин из коренного сибирского населения были обычным для XVII в. явлением.

Формирование семей (восстановление старых или создание новых) у русских жителей Сибири протекало быстрее в более заселенных западных уездах и у тех переселенцев, которые были в той или иной степени связаны с земледелием и животноводством. Так, например, в двух волостях самого западного в пределах Сибири Верхотурского уезда Подгородной и Тагильской, через которые проходила Бабиновская дорога, уже в первой четверти XVII в. (1624 г.) имелось 82 населенных пункта с 145 крестьянскими дворами, в которых насчитывалось 223 взрослых мужчин. В среднем на каждый двор приходилось 1,5 человека работоспособных мужчин¹²⁾.

В 70-х годах XVII в. в пределах наиболее заселенных уездов Западной Сибири русские крестьяне имели в среднем на семью 2,3 души мужского пола.

Т а б л и ц а 1¹³⁾

Количество крестьянских дворов, в них крестьян, детей, братьев, племянников по данным Сибирского приказа 1674 г.

Название уезда	Крестьянских дворов	В них душ мужского пола	В среднем на двор душ мужского пола
Тобольский . .	1842	3872	2,1
Верхотурский .	1160	3717	3,2
Пелымский . .	52	70	1,3
Туринский . .	448	1121	2,5
Тюменский . .	344	925	2,6
Тарский . . .	3903	8720	2,2
Итого:	7749	18425	

¹²⁾ П. Н. Буцинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889, стр. 30—31, 34—35, 36.

¹³⁾ ЦГАДА, ф. 214, Сибирский приказ, стлб. 885, лл. 54—70.

Табл. I показывает, что наиболее многочисленными были семьи крестьян в Верхотурском, Тюменском и Туринском уездах, т. е. в уездах, которые уже тогда являлись хлебопроизводящими, снабжающими зерном и мукой северные и восточные районы Западной Сибири.

В последующее время происходил дальнейший рост состава семьи и ее упрочение. По данным переписных книг 1719 г. в Тюменском уезде выявлено 3767 дворов русских жителей, в них жило 9196 душ мужского пола, т. е. в среднем на двор приходилось 2,4 души мужского пола. Кроме того, переписными книгами учтено 495 душ мужского пола подворников. С учетом подворников средняя нагрузка на двор составляла 2,5 души мужского пола. Дворы с 1-й душой мужского пола составляли 28,5% общего числа учтенных дворов, с 2-мя — 31,3%, с 3-мя — 21,2%, с 4—5-ю — 15,8% и дворы, имевшие от 6 до 12 душ мужского пола — 3,2%¹⁴).

Приведенные процентные соотношения числа мужских душ в хозяйствах русских жителей Тюменского уезда в какой-то мере отражают процессы, происходившие в сибирской деревне. Прежде всего, они показывают упрочение семейных ячеек и рост их состава. Семья начинает объединять не только мужа, жену и их детей, но и родственников главы семьи: его братьев (иногда имеющих жен и детей), племянников, взрослых женатых сыновей и внуков.

Появление неразделенных семей, включающих широкий круг родственников (а иногда и не родственников — так называемых «вскормленников», подворников и др.), было вызвано хозяйственными потребностями, вытекавшими из трудностей освоения на новом месте: необходимость возделывать под посевы целинные земли в таежной полосе Сибири или вспахивать заросшие кустарником залежные участки. Господство перелога и залежной системы земледелия, экстенсивное ведение хозяйства, низкая техника сельскохозяйственного производства требовали от крестьянской семьи больших затрат труда. Далее, появление неразделенных семей было в какой-то степени и реакцией податного населения на налоговую политику государства. Единичей обложения в XVII — начале XVIII вв. был двор. С двора взимались стрелецкие, драгунские, ямские деньги, сборы с дворовых строений и др. Постепенно изжил себя и введенный в 20-е годы XVII в. «сулешевский оклад», т. е. принцип соответствия размеров обработок на «государевой пашне» размерам «собинной» крестьянской запашки. С 1721 г. приказом сибирского губернатора Черкасского единицей обложения барщинными работами на казенном поле стал двор пашенного крестьянина¹⁵). Такие же изменения претерпел и хлебный оброк.

Желая уменьшить бремя феодальных повинностей и платежей в казну, крестьяне и посадские люди не допускали семейных разделов, наоборот, стягивали в один двор семьи нескольких братьев или других родственников.

По материалам переписных книг Тюменского уезда 1719 г. видно, что у тюменских крестьян преобладали семьи с 2—3 душами мужского пола. Семьи неразделенные, с 6 и более душами мужского пола, составляли к числу всех крестьянских семей 5,1%¹⁶).

Во вновь осваиваемом районе Верхнего Приобья семьи русских переселенцев также имели достаточное число душ мужского пола. Так, в 1719 г. в ведомстве Бердского острога числилось 433 двора с 1582 ду-

¹⁴) Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске (ГАТОТ), ф. 47, оп. 1, св. 104, д. 1687, лл. 1—8.

¹⁵) См. В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв. М.—Л., 1946, стр. 183.

¹⁶) ГАТОТ, ф. 47, оп. 1, св. 104, д. 1687, лл. 1—8.

шами мужского пола, что составляло в среднем по 3,6 души на двор. В ведомстве Белоярской слободы перепись выявила 95 дворов, в которых было 311 душ мужского пола или 3,2 души в среднем на двор. В селениях Малышевской слободы было зарегистрировано 72 двора с 234 душами мужского пола, или 3,2 души на двор¹⁷⁾.

Заселение Верхнего Приобья в начале XVIII в. шло преимущественно за счет притока русских людей из более северных и северо-западных селений Томского и Тобольского уездов, где сосредоточивалось большое число старожилов, освоившихся в сибирских условиях с XVII в. Крестьяне-старожилы пересажали в новый, более благоприятный для земледелия по климатическим условиям район с семьями, имуществом, сельскохозяйственным инвентарем, рабочим и продуктивным скотом и относительно быстро создавали свое хозяйство на вновь избранном месте. Пришельцев непосредственно из европейской части государства в Верхнем Приобье в первые два десятилетия XVIII в. было немного.

Постепенно, со временем хозяйства сибирских земледельцев растут и пополняются рабочей силой. Это особенно становится заметным в земледельческих районах, сложившихся в XVII в. Здесь в переписи 1719—1720 гг. встречаются крупные неразделенные семьи, включавшие в свой состав по несколько человек взрослых мужчин и женщин.

Таблица 2

Число членов семьи во дворе	Илимский уезд		Томский уезд	
	число дворов	% к итогу	число дворов	% к итогу
1	—	—	3	1,8
2	2	0,7	6	3,6
3—4	14	5,0	15	8,8
5—6	28	10,0	34	20,0
7—8	45	16,1	35	20,5
9—10	62	22,1	23	13,5
11—12	45	16,1	23	13,5
13—14	32	11,4	9	5,3
15—16	18	6,4	9	5,3
17—18	14	5,0	6	3,6
19—20	8	2,9	3	1,8
более 20	12	4,3	4	2,3
	280	100,0	170	100,0

Изучавший историю русских крестьян в Якутии Ф. Г. Сафронов писал, что в конце XVII и в начале XVIII вв. на Лене были характерны многосемейные крестьянские дворы¹⁸⁾. Интересные цифровые материалы по Илимскому уезду приводил В. Н. Шерстобоев. Здесь в среднем на крестьянский двор по данным 1722 г. приходилось членов семьи обоего пола 10,9 человек¹⁹⁾. «Это был тот обычный семейный коллектив, который обеспечивал трудное дело крестьянствования в Илимской таежной, мало пригодной для земледелия области. Мелкие по количеству членов дворы постоянно рисковали оказаться в затруднении, а смерть главы семьи при отсутствии взрослых детей неизменно вела двор к упадку и нередко доводила членов его до нищенства»²⁰⁾.

В. Н. Шерстобоев характеризовал состав двора крестьянина по переписи 1722 г., используя материалы по 280 дворам Илимского уезда

¹⁷⁾ ЦГАДА, ф. 214, Сибирский приказ, кн. 1611, лл. 260—274.

¹⁸⁾ Ф. Г. Сафронов. Русские крестьяне в Якутии (XVII—начало XX вв.). Якутск, 1961, примечание к стр. 31.

¹⁹⁾ В. Н. Шерстобоев. Указ. соч., стр. 266.

²⁰⁾ Там же.

Восточной Сибири. Мы сопоставили с его таблицей²¹⁾ данные переписи 1720 г. по Томскому уезду Западной Сибири, взяв материалы по 170 дворам крестьян Спасского и Сосновского ведомств²²⁾. Для наглядности материалы по Илимскому и Томскому уездам сведены в одну таблицу.

Табл. 2 показывает, что в том и другом уездах большинство семей крестьян имело в своем составе до 5 и более человек. По Илимскому уезду такие семьи составляли 94,3%, по Томскому — 85,8% к общему числу семей. Если выделить наиболее крупные семьи (от 11 и более человек), то в Илимском уезде их было 46,1%, в Томском — 31,8%.

В среднем число членов крестьянской семьи (душ обоого пола) в Томском уезде было несколько меньше, чем в Илимском. Об этом свидетельствует приводимая ниже табл. 3.

Таблица 3²³⁾

Состав семей Томского уезда (1720 г.)

	Всего семей пашенных крестьян	В них душ обоого пола	В среднем на каждую семью душ обоого пола
Село Спасское	38	379	9,9
Селения Сосновского ведомства	132	1128	8,5
Итого:	170	1507	8,8

В селениях среднего Притоболья при проведении в 1710 г. подворной переписи в восьми слободах и подведомственных им деревнях выявлено 1294 двора, в которых жило 9646 человек обоого пола. Здесь в среднем на двор приходилось 7,4 человека. Из общего количества зарегистрированных переписчиками дворов 1022 двора принадлежали крестьянам и бобылям. В них насчитывалось 7935 человек (в среднем на двор 7,8 человека)²⁴⁾.

Количественные данные о среднем составе русских семей дают только самое общее представление о росте семейных ячеек в начале XVIII в. по сравнению с предыдущим временем.

Анализ переписной книги 1720 г. по Томскому уезду позволил заметить, что у различных социальных прослоек русского населения состав семьи был различен.

Табл. 4 показывает, что большее число крупных семей (свыше 10 человек) принадлежало в Томском уезде пашенным крестьянам, служилым и посадским людям.

Отдельные семьи использовали в своем хозяйстве труд крепостных дворовых работников и подворников. В Томском уезде в 1720 г. из 1178 хозяйств (учтенных Переписной книгой) привлеченных подворников и купленных дворовых людей («колмацкой» и «киргизской породы») использовали 132 хозяйства или 11,2%.

²¹⁾ Там же, стр. 267, табл. 23.

²²⁾ Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 321, оп. 1, д. 1а, Переписная книга Томского уезда, 1720 г.

²³⁾ Там же, ф. 321, оп. 1, д. 1а.

²⁴⁾ Сведения о результатах подворной переписи в слободах Притоболья взяты в статье А. А. Кондрашенкова «Русская колонизация Зауралья в XVII—XVIII вв.» (Ученые записки Курганского пединститута, т. VI, 1964, стр. 21—22).

Таблица 4²⁵⁾

Количественный состав семей Томского уезда (1720 г.)

Число членов семьи обоего пола	Социальные прослойки русского населения							
	Церковнослужители	Служилые люди	Отставные служилые люди	Казачьи дети	Посадские люди	Пашенные крестьяне	Гулящие люди	Оброчные люди
1—2	4	16	4	27	7	9	29	—
3—4	1	42	14	82	24	15	40	5
5—6	6	87	6	118	35	34	42	3
7—8	—	39	8	71	66	35	20	5
9—10	4	41	7	26	24	23	11	—
11—12	1	24	4	9	8	23	4	—
13—14	—	2	1	5	4	9	—	—
15—16	—	1	—	2	8	9	—	—
17—18	—	1	—	3	3	6	—	—
19—20	—	—	1	—	2	3	—	—
более 20	—	—	—	—	1	4	—	—
Всего семей	16	263	45	343	182	170	146	13
Из них более 10 чел.	1 (6,2%)	28 (10,5%)	6 (13,2%)	19 (6,3%)	26 (14,0%)	54 (31,8%)	4 (2,7%)	нет

Таблица 5

Привлечение в хозяйства подворников и купленных дворовых людей

Социальные прослойки	Количество семей				
	Всего	Из них			
		без дворовых и подворников	с дворовыми людьми	с подворниками	с дворовыми людьми и подворниками
Церковнослужители	16	10	4	2	—
Служилые люди	263	230	19	13	1
Отставные служилые люди	45	36	7	2	—
Казачьи дети	343	304	20	16	3
Посадские люди	182	169	3	10	—
Пашенные крестьяне	170	155	1	14	—
Гулящие люди	146	131	—	15	—
Оброчные	13	11	—	2	—
Всего:	1178	1046	54	74	4

²⁵⁾ ГАТО, ф. 321, оп. 1, д. 1а.

Отсюда видно, что в Томском уезде в начале 20-х годов XVII в. труд дворовых людей использовали преимущественно казачьи дети, не включенные в состав гарнизона и занимавшиеся сельским хозяйством, а также служилые люди. Подворники привлекались в хозяйствах крестьян, гулящих людей, посадского населения, служилых людей и казачьих детей.

Для выяснения количества работоспособных членов двора следует обратить внимание на возрастной состав его членов. В. Н. Шерстобоев приводил материалы по возрастному составу 62 семей крестьян Устькутского и Илгинского острогов Восточной Сибири. Мы привлекли материалы о возрастном составе 38 семей пашенных крестьян с. Спасского Томского уезда 1720 г. Все эти данные сведены в табл. 6²⁶).

Таблица 6

Возрастной состав семей пашенных крестьян

Устькутский и Илгинский остроги Восточной Сибири

	Всего человек обо-его пола	Из них			
		до 10 лет	11—15 лет	16—60 лет	Старше 60
число человек	626	240	81	268	37
% %	100	38,3	12,9	42,8	6,0
в среднем человек на двор	10,1	3,9	1,3	4,3	0,6

с. Спасское Томского уезда Западной Сибири

число человек	379	132	30	194	23
% %	100	34,8	7,9	51,2	6,1
в среднем человек на двор	9,9	3,4	0,8	5,1	0,6

Табл. 6 показывает, что возрастной состав крестьянских семей в старожильческих районах Восточной и Западной Сибири был примерно одинаков. Работоспособные члены семьи составляли примерно от 42 до 51% общего числа. В среднем на каждый крестьянский двор приходилось от 4 до 5 человек взрослых.

Конечно, за средними показателями скрываются большие отклонения в ту и другую сторону. Имелись семьи (и их было немало) с 1—2 работоспособными членами, были семьи, насчитывавшие более 5 человек работников (взрослых мужчин и женщин). Например, в 1720 г. в д. Константиновой Томского уезда жила семья казачьего сына Гаврилы Иванова Азовцева в следующем составе: глава семьи Гаврило Иванов Азовцев — 80 лет, его жена Агафья — 73-х лет, первый сын Гаврилы Василий — 40 лет, жена Василия Пелагея — 40 лет, дети Василия: Иван — 8 лет, Иван же — 4-х лет, Савва — 1 года, второй сын Гаврилы Михайло — 38 лет, жена Михайлы Ирина — 37 лет, дети Михайлы: Маремьяна 2-х лет, Лукерья 1,5 лет, дочь Гаврилы Василиса (девица) — 36 лет, сноха Пелагея — 35 лет, у нее сын Григорий — 4-х лет, свойственник Гаврилы Иван Шихлеев — 55 лет. Всего в составе семьи было 15 человек, из них трудоспособных — 7 человек²⁷). Гаврила Азовцев имел два

²⁶) В. Н. Шерстобоев. Указ. соч. стр. 268; ГАТО, ф. 321, оп. 1, д. 1а.

²⁷) ГАТО, ф. 321, оп. 1, д. 1а, лл. 272—273.

участка пахотной земли. Первый — 15 десятин — был закреплен за ним «данной» грамотой, второй — приобретен «по поступке» посадского человека. Кроме того, у Азовцева имелся купленный сенокосный участок, дававший ежегодно по 300 копен сена. Под посевами находилось 9 десятин земли. Имелась своя мельница. Хозяйство Г. П. Азовцева было типичным крестьянским. За используемую под пашню землю Азовцев платил отсыпной хлеб в размере 3 четвертей ржи и овса (вместе).

По речке Стрельной в Томском уезде жил своим двором пашенный крестьянин Семен Медынин (75 лет) с женой (70 лет). С ним жили: сын Иван (50 лет), жена Ивана (40 лет), дети Ивана (3, 1,5, 0,5 лет), брат дворохозяина Михаил (46 лет), его жена (40 лет); они имели двух сыновей (4 и 1 года) и дочь (2-х лет), другой брат дворохозяина Семен (42-х лет), третий брат Михайло (10 лет), сестра Татьяна (34-х лет), сестра Марфа (8 лет), четвертый брат дворохозяина Борис (44-х лет), его жена (40 лет) и их сын (0,5 лет). Всего в этой семье было 19 человек, из них трудоспособных 8. У С. Медынина имелся участок земли свыше 20 десятин, из которых 5 десятин были под посевами. Сена ежегодно косили до 300 копен. Имелась мутовчатая мельница, баня. За десятинную пашню в 1720 г. С Медынин (как и все пашенные крестьяне оСновского ведомства в это время) платил отсыпной хлеб в размере 20 четвертей ржи и овса (вместе)²⁸.

Используя материалы переписной книги Томского уезда 1720 г., мы попытались выделить типы крестьянских хозяйств и показать их процентное соотношение.

Таблица 7

Состав крестьянских семей Томского уезда 1720 г.

Типы крестьянских семей	Количество семей	% к общему числу
Один мужчина, бездетный, одиночка	5	2,9
Семьи без мужчин, во главе двора — женщина	3	1,7
Супружеские пары без детей	8	4,5
Супружеские пары с малолетними детьми	30	17,1
Супружеские пары с малолетними и взрослыми детьми	18	10,2
Родители с женатыми сыновьями и внуками	41	23,2
Семьи из нескольких взрослых братьев без детей	3	1,7
Семьи из взрослых братьев с малолетними братьями	5	2,9
Семьи из нескольких женатых братьев с детьми	37	21,0
Семьи из нескольких братьев, дети у одного	20	11,4
Семьи из взрослых дядей и племянников	6	3,4
	176	100,0

Неразделенные семьи, т. е. семьи, которые охватывали не только супружеские пары и их детей, но и включали более широкий круг родственников (братьев с их семьями, племянников, взрослых незамужних сестер, дядей и др.), были в начале XVIII в. широко распространены в Сибири. Особенно часто встречались семьи, состоявшие из нескольких взрослых братьев (женатых и неженатых). Это подтверждается матери-

²⁸) Там же, ф. 321, оп. 1, д. 1а, лл. 560—561.

алами переписи 1719 г. по Тюменскому уезду. Мы использовали данные по 105 хозяйствам крестьян трех населенных пунктов (д. Токарева, Огнева и слобода Покровская архирейская) для составления табл. 8.

Таблица 8²⁹⁾

Состав крестьянских семей трех селений Тюменского уезда 1719 г.

Типы крестьянских семей	Количество семей	% к общему числу
Один мужчина, бездетный, одиночка	5	4,8
Семьи без мужчин, во главе вдора — женщина	1	1,0
Супружеские пары без детей	10	9,5
Супружеские пары с малолетними детьми	29	27,6
Супружеские пары с малолетними и взрослыми детьми	14	13,3
Родители с женатыми сыновьями и внуками	16	15,2
Семьи из нескольких взрослых братьев без детей	4	3,8
Семьи из взрослых братьев и малолетних	3	2,9
Семьи из нескольких женатых братьев с детьми	4	3,8
Семьи из нескольких братьев, дети у одного	8	7,6
Семьи из взрослых дядей и племянников	11	10,5
	105	100,0

С хозяйственным упрочением начались семейные разделы. Уже в переписных книгах 1719—1720 гг. в отдельных селениях встречаются по несколько семей однофамильцев. В с. Спасском Томского уезда, где жили крестьяне, поселившиеся в XVII в. и обрабатывавшие казенные десятины, из 38 семей было только 18 различных фамилий³⁰⁾. Из 11 семей д. Чахловой, 4 имели фамилию Чахловы, 4 — Рябиковы и только 3 семьи имели различные фамилии³¹⁾. Примеры складывания фамильных гнезд в отдельных селениях Западной Сибири к 20-м годам XVIII в. можно было бы продолжить.

Серьезным препятствием семейным разделам крестьян, как об этом упоминалось выше, была фискальная политика правительства, считавшаяся тягловой единицей крестьянский двор. С введением при Петре I подушного обложения (подушной подати и денежного оброка «вместо помещичья доходу») частично это препятствие было устранено. При этом следует учитывать, что на денежный оброк были переведены далеко не все земледельцы Западной Сибири. Потомки пашенных и хлебооброчных крестьян XVII в. до 60-х годов XVIII в. выполняли барщинные работы на казенном поле или платили хлебный оброк, причем единицей обложения в таком случае оставался крестьянский двор, а не ревизская душа. Поэтому пашенные и хлебооброчные крестьяне-старожилы предпочитали сохранить неразделенные семьи и в XVIII в. после введения подушной подати, которая со всех податных сословий (в том числе и с сибирских пашенных и хлебооброчных крестьян) взималась с каждой ревизской души. Любопытно данные по д. Антипиной Тюменского уезда по матерналам II ревизии (1744—1745 гг.). В д. Антипиной в это время

²⁹⁾ ГАТО, ф. 47, оп. 1., д. 536, лл. 6—10.

³⁰⁾ ГАТО, ф. 321, оп. 1., д. 1а, лл. 158—172.

³¹⁾ Там же, лл. 578—586.

было учтено 6 семей крестьян, в которых числилось 65 душ мужского пола (в среднем на двор 10,8 ревизских душ). Все семьи — неразделенные, включающие в свой состав по несколько женатых сыновей, племянников, братьев дворохозяина и его внуков³²⁾.

Подобная д. Антипиной насыщенность крестьянской семьи ревизскими душами, конечно, была не повсеместной. Приток новых переселенцев из европейской части страны в Сибирь (в большинстве за счет ссыльных и беглых) оказывал влияние на среднюю величину количественного состава крестьянского двора (число ревизских душ). Наряду с большими по числу членов были семьи, состоявшие из 1—2 человек. В 60-е годы XVII в. сибирская губернская канцелярия считала средний состав крестьянской семьи в пределах Западной Сибири из четырех ревизских душ³³⁾.

Анализ состава крестьянских семей в Сибирии убеждает, что в XVIII в. мужчины и женщины составляли примерно равные доли. Некоторое исключение составляли вновь осваиваемые колонистами районы, где сохранилось типичное для XVII в. преобладание мужчин.

Крестьянская семья в Сибирии могла справляться с бременем феодальных повинностей, государственных податей и различных сборов и быть более или менее хозяйственно прочной лишь в том случае, если она имела в своем составе свыше четырех работоспособных человек. Размеры крестьянского производства в феодальный период теснейшим образом были связаны с количеством работников в семье. Из 509 крестьянских хозяйств Чаусской волости в 1784 г. посевы свыше 15 десятин имели только 17 хозяйств. Состав этих семей приведен в табл. 9.

Таблица 9³⁴⁾

Фамилия, имя крестьянина	Число душ в семье	Из них		Всего взрослых работников	Посеяно десятин хлеба
		муж.	жен.		
Орлов Степан . . .	20	9	11	10	18,6
Вдовин Лука	12	6	6	9	17,0
Ковригин Леонтий .	12	6	6	9	19,5
Руднев Иван	19	10	9	10	18,0
Ковригин Алексей .	14	4	10	10	20,0
Некрасов Андрей . .	8	4	4	5	17,3
Тропин Василий . .	18	6	12	12	18,2
Тропин Никифор . .	18	8	10	5	18,0
Тропин Гаврило . .	13	6	7	7	18,3
Некрасов Иван . . .	11	6	5	7	17,0
Ковригин Андрей . .	12	4	8	6	16,8
Гусев Никита	18	8	10	11	16,0
Польников Данило .	17	8	9	11	21,3
Барашков Кузьма . .	17	5	12	11	20,5
Шмаков Роман	21	5	16	7	24,8
Потапов Семен . . .	11	4	7	7	20,5
Бирюлин Василий . .	14	6	8	12	22,7

³²⁾ ГАТот, ф. 47, оп. 1, д. 540, лл. 1—13.

³³⁾ Там же, ф. 47, оп. 1, св. 561, д. 5321, л. 10.

³⁴⁾ Табл. 9 составлена по материалам Чаусской волости, хранящимся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО), ф. 109, оп. 1, д. 8, лл. 304—329.

Хозяйственно окрепнув, крестьянская семья начинала отпочковывать новые семьи. В практике крестьянской жизни начинаются семейные разделы, свидетельством чего (как об этом уже говорилось выше) явилось появление в населенных пунктах фамильных гнезд (нескольких однофамильцев).

Обеспокоенная администрация пыталась ограничить дробление крестьянских семей. Нами обнаружено любопытное распоряжение Томского нижнего земского суда от 22 апреля 1790 г., в котором (со ссылкой на указ тобольского наместнического правления от 8 марта 1790 г. за № 4776) с тревогой сообщается, что слишком часты стали в сибирской деревне семейные разделы «по самомалейшему в семействе несогласию, коему большей частью слабость отцовская», или «для мнимого избавления от рекрутства». Подчеркивая нежелательность семейных разделов, администрация утверждала: «одинакий крестьянин есть совершенно пропадаший хозяин, и семейство, имеющее мало работников не может вести свое хозяйство порядочно, потому что первая ему случившаяся болезнь, и особливо ежели она случится в рабочую пору, долженствует разрушить непременно хозяйство одинакого крестьянина, ибо в таком случае или поле должно оставить незасеянное, или хлеб с поля неснятый»³⁵).

Ссылаясь на 6-й пункт «Экономического наставления», томский нижний земский суд требовал от волостных властей: «наблюдать, дабы крестьяне малосемейные от семейных не отделялись, а непременно б считалось в каждом тягле не по четыре, а по крайней мере по три работника». Не допускать раздела семьи, если остается в каждом доме менее трех работников. Работниками считались лица мужского пола в возрасте от 15 до 60 лет. Рекрутские очереди должны «итти по семействам, считая одним семейством то, что живет в одном доме». Нижний земский суд требовал «в наказанье» за самовольные разделы отдавать в рекруты вне очереди. Волостные начальники должны были ознакомить крестьян каждого селения с указом наместнического правления и распоряжением нижнего земского суда и взять с крестьян подписку о выполнении указаний о неразделах семей. Наблюдение за выполнением этого возлагалось на капитан-исправников.

Причины такой «почетительской» политики сибирской администрации понятны. Она заботилась об интересах фиска, о платежеспособности крестьянского тягла и поэтому пыталась помешать дроблению больших неразделенных семей.

Запрещение семейных разделов не могло прекратить дробления крестьянских хозяйств, хотя, по-видимому, несколько снизило темпы этого отпочкования. Косвенным свидетельством сказанному являются фамильные гнезда в сибирских селениях. В качестве примера приводим данные конца 90-х годов XVIII в. по Нелюбинскому волостному правлению, которому было адресовано цитированное выше распоряжение томского нижнего земского суда. В 1799 г. в д. Нелюбиной жило 24 семьи. Из них 8 семей носили фамилию Нелюбиных (семья Андрея — 5 душ мужского пола, Егора — 4, Ивана — 2, Алексея — 2, Федора — 5, Михаила — 4, Петра — 4, Петра — 1). 6 семей д. Нелюбиной носили фамилию Казанцевых (семья Александра — 2 души мужского пола, Ивана — 8, Гаврила — 5, Михаила — 6, Ивана — 5, Ивана — 4). Кроме того, в этой деревне жили 3 семьи Плотниковых и 3 семьи Шумиловых. В соседней деревне Губиной из 16 крестьянских семей 11 семей имели фамилию Губиных (семья Ивана — 13 душ мужского пола, Василия — 8, Ивана — 6, Василия — 4, Семена — 2, Ивана — 2, Николая — 2, Ивана — 4,

³⁵) ГАТО, ф. 67, оп. 1, д. 1, л. 20.

Федора — 1, Федора — 4, Федора — 3)³⁶⁾. Приведенные примеры показывают, что в деревнях имелись семьи, в которых было меньше трех работоспособных мужчин.

Рост семейных гнезд в деревнях, селах и слободах Западной Сибири стал особенно заметен в первой четверти XIX в. В 1791 г. на берегу речки Солоновки в Бийской волости поселилась небольшая группа крестьян из соседних деревень. В 1803 г. селение получило официальное название д. Солоновки. Рост фамильных гнезд некоторых первопоселенцев этой деревни приведен в табл. 10.

Таблица 10³⁷⁾

Жители д. Солоновки Бийского уезда Томской губернии

Фамилии дворо- хозяев	Количество семей с данной фамилией				
	1803 г.	1807 г.	1812 г.	1814 г.	1823 г.
Щадринцев	1	1	2	3	4
Кошкарев	5	5	6	6	7
Черданцев	5	5	6	6	13
Фефелов	3	3	3	3	4
Рехтин	3	3	3	4	10
Третьяков	1	1	3	2	2
Шелегин	3	4	5	5	4
Большаков	1	1	2	2	3
Соколов	5	4	8	9	8
Зотеев	1	1	1	1	2
Субботин	2	1	1	1	3
Булатов	1	1	1	1	3
Лукьянов	1	1	3	2	2
Мосеев	3	1	1	2	3

Сопоставление имен, возраста дворохозяев и членов их семьи (душ мужского пола) убеждает в том, что здесь с укреплением хозяйства имели место семейные разделы. Отдельные случаи уменьшения числа семей той или иной фамилии чаще всего объясняются переселением крестьян на новое место³⁸⁾.

Семейный раздел был, как правило, результатом роста и укрепления хозяйства, от которого отпочковывалась новая семейная ячейка. Но в целом семейные разделы и рост фамильных гнезд приводили к уменьшению количества членов каждой семьи.

Среднее число членов крестьянской семьи в первой четверти XIX в. было меньше, чем в 60-е годы XVII в. Если в 60-е годы XVIII в. в пределах Западной Сибири типичной была крестьянская семья, состоящая из четырех ревизских душ, то к концу первой четверти XIX в. крестьянская

³⁶⁾ Там же, лл. 649—664.

³⁷⁾ Табл. 10 составлена по документам ГАТО, ф. 56, оп. 1, д. 7, лл. 702—705; д. 8, лл. 245—248; лл. 517—522; лл. 616—619; д. 14, лл. 189—194.

³⁸⁾ Об истории возникновения и развития д. Солоновки см. статью З. Я. Бояршиновой «К вопросу о хозяйстве приписных крестьян 1 четверти XIX века (по материалам дер. Солоновки типичной была крестьянская семья, состоящую из четырех ревизских душ, то к концу первой четверти XIX в. крестьянская»), помещенную в Известиях Сибирского отделения АН СССР (Серия общественных наук, вып. 1, Новосибирск, 1964, стр. 92—99).

семья в среднем насчитывала около трех ревизских душ. Очень показательны в этом отношении данные о количественном составе семей приписных крестьян Алтайского горного округа 1825 г., собранные К. Ф. Ледебуром. Используя материалы Ледебура, мы составили табл. 11.

Таблица 11³⁹⁾

Название округов	Количество дворов приписных крестьян	Жителей в среднем на двор			
		муж.	жен.	ревизских душ	душ обоого пола
Барнаульский	7936	22821	22334	2,8	5,6
Томский (3 волости).	1735	4881	5075	4,4	5,7
Колыванский	7663	22739	23751	2,9	6,1
Чарышский	5936	17362	17939	2,9	5,9
Кузнецкий	6399	17788	18821	2,7	5,7
Усть-Каменогорский	477	1351	1393	2,8	5,8
Во всех 40 волостях	30146	86942	89313	2,8	5,8

Таким образом, в приписной деревне Алтайского горного округа в среднем на крестьянскую семью приходилось около трех ревизских душ и около шести человек обоого пола. Это была обычная в дореформенной России семья земледельца.

Аналогичная картина наблюдалась в 20-х годах XIX в. и среди государственных крестьян Западной Сибири. В пределах Тюменского уезда на один крестьянский двор в среднем приходилось 2,9 ревизских душ и 6,2 человека обоого пола, на один ямщицкий двор — 3 ревизских души и 6,8 человек обоого пола⁴⁰⁾.

Вместе с освоением Сибири русским народом в феодальный период шло формирование и развитие семей земледельцев. На раннем этапе русской колонизации в Сибирь шли в подавляющем большинстве одиночки-мужчины (служилые люди и промысловики, переводимые по правительственным распоряжениям крестьяне, ссыльные и беглые).

Столкнувшись с необходимостью занятия хлебопашеством, многие из них на новом месте жительства воссоздали (перевозили из европейской части страны родственников: жену, детей, отца, мать, братьев, племянников) или создавали заново семью (женились на дочерях русских старожилов или коренных жителей). Этот процесс первоначального формирования семейных коллективов русских переселенцев протекал преимущественно в течение XVII в.

Трудности хозяйственного освоения на новом месте, особенности сибирской обстановки с ее многоземельем, большими, слабо заселенными пространствами, экстенсивный характер сельскохозяйственного производства, примитивность орудий труда, натуральный характер хозяйства сибирского земледельца и многоотраслевая направленность его (земледелие, животноводство, домашняя промышленность, промыслы — рыбный, извозный и др.), тяжелое податное бремя и растущие феодальные повинности — все это вместе взятое заставляло крестьянина включать

³⁹⁾ Используются данные таблиц 2, 3 и 4 в кн. Ледебура (см. Karl Friedrich von Ledebour «Reise durch Altai—gebirge und die soongorische Kirgisen—Steppe»). Берлин, 1829.⁴

⁴⁰⁾ ГАТО, ф. 47, оп. 1, д. 2081, лл. 3—33.

в состав своей семьи широкий круг родственников, чтобы иметь необходимые трудовые ресурсы в хозяйстве.

Постепенно в Сибири выростали неразделенные семьи, охватывавшие не только мужа, жену, их детей и внуков, но и семейные ячейки, включавшие несколько братьев с их женами и детьми, племянников и других родственников. В конце XVII—первых двух десятилетиях XVIII в. неразделенные семьи — широко распространенное явление.

Большому семейному коллективу, имеющему свыше 5 человек взрослых работников, легче было справиться с созданием и развитием крестьянского хозяйства, требующего в феодальный период (особенно в конкретно-исторических условиях Сибири) больших трудовых затрат.

Освоившись на новом месте, упрочив свое хозяйство, крупная семейная ячейка делилась на части, образуя новые семьи. Семейные разделы привели к формированию в различных селениях Сибири фамильных гнезд.

В интересах фиска представители царской администрации в Сибири пытались проводить политику «попечительства» в отношении государственных крестьян, запрещали семейные разделы, если в отделившейся или оставшейся семье было менее 3-х взрослых мужчин. Однако система административного «попечительства» не достигала цели. Несмотря на запреты, сборы подписок от крестьян о неразделах, административные наказания и даже отдачу виновных в рекруты вне очереди, семейные разделы в Западной Сибири продолжались.

В 20—30-е годы XIX в. подавляющее большинство крестьянских старожильческих семей в пределах более заселенной Западной Сибири приобрело обычный для дореформенной России вид, включая в свой состав коллектив из 6—7 человек. Семьи новых переселенцев были либо малочисленны, либо представляли соединенные коллективы родственников в форме неразделенной семьи.

ФОРМИРОВАНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПО КОЛЫВАНО-КУЗНЕЦКОЙ ВОЕННОЙ ЛИНИИ В XVIII в.

Ю. С. БУЛЫГИН

Колывано-Кузнецкая военная линия возникла в ходе присоединения Верхнего Приобья к России. В 70-х годах XVIII в. она состояла из следующих укрепленных пунктов.

Под ведомством Усть-Каменогорской комендантской канцелярии были: Усть-Каменогорская крепость, форпост Красноярский, форпост Убинский, Ульбинская защита, Бобровская защита, Секисовский редут, Верхне-Убинская защита, Большерецкий редут, редут Плоский и Ново-Алейский форпост. Они загоразивали пути с юга в бассейн реки Алей и вниз по Иртышу.

От верховий Алей шла линия укрепленных пунктов, подведомственных Бийской комендантской канцелярии: маяк Ключевской, защита Белорецкая на притоке Чарыша реке Белой, Тигирецкий форпост близ устья речки Тигирек притока реки Ини, маяк Яровой на притоке Ини речке Яровке, защита Тулатинская на речке Тулате, притоке Чарыша, Чарышский форпост, маяк Сосновский на речке Сосновке, форпост Казанской богоматери и Маралихинская защита на реке Маралиха, маяк Слюденской в верховьях реки Слюдянки, левого притока Ануя, на реке Ануе форпост Антоньевский, маяк Николаевский, Терская защита и Ануйская крепость.

Дальше на восток и северо-восток располагались Катунская и Бийская крепости, Бехтемирский маяк, Новиковский маяк у устья реки Нени, Лебяжий маяк на левом и Сайлапский маяк на правом берегах реки Бии, Урунский маяк, маяки Караканский и Верхне-Неннинский, Пуштулимский полумаяк, маяк Сары-Чумышский, полумаяк Кандалапский и Кузедеевский форпост¹⁾.

С самого начала сооружения Колывано-Кузнецкой военной линии возникла проблема снабжения гарнизонов, крепостей и других оборонительных пунктов продовольствием и фуражем. Первоначально хлеб и другие припасы приходилось доставлять издалека. В Усть-Каменогорскую крепость доставка производилась из окрестностей Тобольска и Тюмени. Снабжение Бийской крепости шло через Кузнецк.

В первые годы существования Бийской крепости (построена в 1718 г.) снабжение ее провиантом было особенно сложным делом для

¹⁾ Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. 1, оп. 1, л. 866, лл. 513—514. Все укрепленные пункты перечислены в порядке их расположения по военной линии от Усть-Каменогорской крепости до Кузнецка.

кузнецких властей. Сам Кузнецк лишь незадолго до этого стал обходиться собственным хлебом. В. И. Шунков отмечает, что в начале XVIII в. хлебные дачи в Кузнецке осуществлялись за счет тобольской присылки по ржи на 78%, по овсу на 53%²⁾.

Десятинная пашня в окрестностях Кузнецка была невелика. В 1724 г. умолот с нее составлял 333 четверти 2 четверика ржи и 449 четвертей 6 четвериков овса; в 1725 г. — 226 четвертей 6 четвериков ржи и 517 четвертей 4 четверика овса³⁾. Из этих запасов для Бийской крепости Кузнецк мог выделить немного.

Со временем поставка провианта в Бийскую крепость переключается на государственных крестьян периферийных районов Кузнецкого уезда. Этому способствовал рост сельскохозяйственного населения в ведомствах Бердского острога, Малышевской слободы и Белоярской крепости. В 1739 г. Кузнецкая воеводская канцелярия планировала собрать четвериковый провиант в следующих размерах: в ведомстве Бердского острога — 203 четверти 4 четверика, в ведомстве Малышевской слободы — 111 четвертей 6 четвериков, в ведомстве Белоярской крепости — 145 четвертей 3 четверика, в ведомстве Бийской крепости 16 четвертей 2 четверика⁴⁾.

Но и четвериковый сбор с трудом покрывал потребности. В том же 1739 г. только из ведомства Белоярской крепости нужно было поставить в Бийскую крепость 167 четвертей 5 четвериков, то есть больше чем весь четвериковый сбор провианта по этому ведомству⁵⁾.

Позднее от принудительной поставки провианта перешли к закупке его у крестьян. Это давало много больше. Однако с переходом алтайских заводов в собственность императора положение с провиантом снова ухудшилось. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства стала прямо запрещать закуп хлеба и фуража в заводском ведомстве. И дело совсем не в какой-то межведомственной вражде, а в возросших потребностях заводов и рудников в сельскохозяйственной продукции.

Поэтому одним из актуальных вопросов становится проблема заселения земледельцами самой Колывано-Кузнецкой военной линии.

Первоначально была сделана попытка завести на военной линии казенную пашню силами линейного казачества. Приказ об этом был дан генерал-майором Киндерманом в 1746 г. На Колывано-Кузнецкой военной линии к хлебопашеству определили 200 казаков. Каждый казак должен был распахать 3 десятины под яровой хлеб и 3 десятины под рожь⁶⁾.

Вскоре казенные пашни возникли в окрестностях Усть-Каменогорской крепости, а затем и около других пунктов Колывано-Кузнецкой военной линии. Однако казенное хлебопашество оказалось нежизнеспособным. Причины этого заключались в экономической несостоятельности самой системы казенной пашни. Назначенные к этому делу казаки не освобождались от несения военной службы и времени на хлебопашество у них оставалось мало.

В рапорте от 17 июня 1747 г. один из командиров военной линии Павлущкий доносил: «Казаки в разных многих трудностях, яко-то: в форпостах и станцах, в караулах и разъездах, а паче у хлебопашества

²⁾ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири XVII в. М., 1956, стр. 90.

³⁾ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 517, Кузнецкая воеводская канцелярия, оп. 1, д. 4, лл. 57—58.

⁴⁾ ЦГАДА, ф. 517, Кузнецкая комендантская канцелярия, оп. 1, д. 119, лл. 2—3.

⁵⁾ Там же, л. 3.

⁶⁾ См. Н. В. Алексеенко. Русская колонизация Рудного Алтая в XVIII—XIX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1961, стр. 61.

и в посылках в Тобольск на досчаниках за солью и в добыче соли, и в крепостные работы»⁷⁾.

Хлеб, полученный на месте с казенных пашен, обходился казне дороже привозного, поэтому в 1770 г. казенное хлебопашество было отменено⁸⁾.

Экономическая невыгодность казенной пашни вызвала необходимость развития по военной линии крестьянского земледелия. Эта задача выдвигается местными властями одновременно с началом казенного хлебопашества, которое не могло рассматриваться иначе, как временная мера до развития крестьянского земледелия.

Уже в декабре 1745 г. Безр предлагал около новых крепостей строить Колывано-Кузнецкой военной линии поселять крестьян «при каждой крепости по 1000, итого 8000 душ»⁹⁾. Осуществление этого проекта встретилось с огромными трудностями. И дело было не только в сложности организации массового переселения, а и в том, что правительство не располагало в Сибири такими резервами земледельцев. К тому же интересы заводского ведомства и командования военной линии скоро разошлись. По указу 1 мая 1747 г. всех найденных в Сибири приехавших велено было селить на землях ведомства Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства. Поэтому при заселении военной линии на первое время пришлось ограничиться тем, что давала добровольная крестьянская колонизация.

Именно за счет этой добровольной крестьянской колонизации сформировалось на Колывано-Кузнецкой военной линии первое земледельческое население, ранние местные старожилы. Подавая о них сведения в 1777 г. Усть-Каменогорская командантская канцелярия писала: «А сибирские крестьяне когда с начала сюда заселяться начали, о том за сгорением в бывшей в 1766 году в июле месяце здесь в крепости Усть-Каменогорской пожар, в коем и вся крепость згорела, и именных дел не известно»¹⁰⁾.

Утрата названных здесь документов, конечно, значительно осложняет изучение раннего этапа крестьянской колонизации по военной линии, но некоторыми материалами мы все-таки располагаем.

Прежде всего, несомненно, что инициатива заселения интересующей нас в данном случае территории исходила от самих крестьян. Уже в 1743 г. крестьянин Василий Шибавев обратился с просьбой поселиться близ Усть-Каменогорской крепости. Н. В. Алексеенко не без основания считает эту дату началом крестьянской колонизации Рудного Алтая¹¹⁾.

Наличие добровольных переселенцев позволило командиру военной линии генерал-майору Киндерману поставить перед правительством вопрос о разрешении и организации крестьянского переселения. 18 апреля 1746 г. он послал в Сенат донесение о необходимости заселения окрестностей Усть-Каменогорской крепости желавшими переселиться в эти места крестьянами Белоярской слободы и Томского уезда. Не получив ответа из Сената, Киндерман написал туда вторично 31 марта 1747 г. и приложил к донесению челобитную крестьян Ишимского дистрикта, также желавших переселиться в Усть-Каменогорской крепости¹²⁾.

После того, как предложение Киндермана было поддержано Канцелярией Колывано-Воскресенского горного начальства, вопрос о добровольных переселенцах был решен положительно.

7) Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. М., 1867, стр. 24.

8) Н. В. Алексеенко. Указ. соч., стр. 64—65.

9) ГААК, ф. 1, д. 6, лл. 137—138.

10) ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 866, лл. 141—142.

11) Н. В. Алексеенко. Указ. соч., стр. 64—65.

12) ГААК, ф. 1, д. 17, лл. 25—28.

Положение переселенцев было тяжелым. Им не оказывалось никакой помощи. Переселяться они должны были «своим коштом», то есть за свой счет и на своих средствах передвижения. Взимание податей и недонмок перед отъездом, дальняя дорога сказались на их экономическом положении. О первой партии переселенцев к Усть-Каменогорскому местное начальство сообщало, что 5 из присхавших крестьян «неизвестно куда съехали», 2 крестьянина начали строить избы, но вскоре были отпущены для прокормления на Шульбинский завод; о некоторых крестьянах сообщалось: «заболел и избу строить некому»¹³⁾.

В октябре 1748 г. И. Г. Улих в рапорте в Канцелярию Кольвановоскресенского горного начальства писал о первых поселенцах близ Усть-Каменогорска: «...крестьяне селиться начали по усмотрению и избранию ими мест, довольных к хлебопашеству земель и сеяных покосов на реке Убе от Убинского форпоста вверх по реке Убе версты с четыре, а от Усть-Каменогорской крепости 82 версты, да на реке Иртыше от Варова станца к крепости верст с пять, в урочище на Прапорщиковом от крепости 15 верст. И те места по прозбе их отведены им посланным от инженер-капитана Плаутина кондуктором Ешковым, и велено оным дворам селиться по наказанию оного кондуктора линейно, а на первый случай для укрепления приказано обкинуть плотными надолбами и рогатками, которые и строяцца»¹⁴⁾. Так возникли в юго-западной части военной линии две первые крестьянские деревни: Убинская и Прапорщикова.

Очевидно, вскоре после 1748 г. в ведомстве Усть-Каменогорской крепости возникли еще три деревни добровольно переселившихся сибирских крестьян: д. Глубокая на р. Иртыше у устья р. Глубокой, д. Выдринская на р. Убе и д. Зевакина на Иртыше выше устья Убы. О третьем из этих населенных пунктов П. С. Паллас писал: «От Убинской деревни к Барашевскому форпосту, ниже сего форпоста построено село Зевакино, которое населено вольными сибирскими переведенцами»¹⁵⁾.

Ко времени третьей ревизии 1763 г. в этих первых пяти населенных пунктах число жителей было следующим:

Таблица 1¹⁶⁾

Населенные пункты	Душ мужского пола	Душ женского пола	Всего
д. Убинская . . .	201	144	345
д. Прапорщикова	70	43	113
д. Глубокая . . .	154	93	247
д. Выдринская . .	69	45	114
д. Зевакина . . .	67	41	108
Всего	561	365	927

После третьей ревизии приток добровольных переселенцев продолжался. К 1782 г. в Бобровской слободе (бывшем ведомстве Усть-Каменогорской крепости) государственные крестьяне (так стали называть

¹³⁾ ГААК, ф. 1, д. 17, лл. 58, 78, 115.

¹⁴⁾ ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 17, л. 130.

¹⁵⁾ П. С. Паллас. Путешествия по разным местам Российского государства. ч. 2. кн. 2. СПб, 1786, стр. 252.

¹⁶⁾ ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 819, лл. 1—55, 145—181, 194—228, 238—294.

сибирских переселенцев и незначительное число присоединенных к ним выходцев из других мест в отличие от насильственно вселенных) жили уже в 11 деревнях. За время между 1763 и 1782 гг. на территорию Бобровской слободы государственные крестьяне прибыли из следующих мест:

Таблица 2

Откуда прибыли в ведомство Бобровской слободы	Прибыло душ муж. пола, учтенных 3 ревизией на прежних местах	Их детей муж. пола, родившихся после 3-й ревизии	Всего
1	2	3	4
Дети, родившиеся у старожилов	—	281	281
Переселились из деревень той же Бобровской слободы	131	84	215
Из Тарского уезда . .	47	25	72
Из Ишимского дистрикта	238	180	418
Из Ялутаровского дистрикта	62	38	100
Из Тюменского уезда .	16	5	21
Из Коркиной слободы .	4	—	4
Из Верхтурского уезда .	1	1	2
Из Подгородного дистрикта Тобольской губернии	4	2	6
Из Туринского уезда .	3	3	6
Из Краснослободского дистрикта	6	13	19
Из Исецкого дистрикта	5	2	5
Из города Тобольска .	3	1	4
Из г. Тары посадские .	2	—	2
Из татар Тобольской губернии	1	1	2
Из Оренбургской губернии	1	1	2
Из г. Нарыма	5	1	6
Из Омской крепости .	3	—	3
Из Усть-Каменогорской крепости	2	—	2
Из Семипалатинской крепости	20	11	31
Из г. Томска	5	1	6
Из Архангелогородской губернии	3	—	3
Из г. Коломны крестьянин	1	—	1
Из г. Одоева помещичьи крестьяне, записанные в государственные крестьяне .	2	3	5

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
Из г. Мещерска помещичий крестьянин, записанный в государственные крестьяне	1	—	1
Польские поселщники, записанные до 4 ревизии в государственные крестьяне	13	9	22
Из Соли Вычегодской	1	—	1
Из отставных, записанных до 4-й ревизии в государственные крестьяне	4	1	5
Вернувшиеся из бегов	3	1	4
Неизвестно откуда прибыли	15	2	17
Всего прибыло	602	664	1266

Включая старожилов и новоприбывших в Бобровской слободе на 1782 г. было в наличии государственных крестьян: душ мужского пола — 1403, душ женского пола — 1362, а всего — 2760 душ¹⁷⁾.

Второй группой земельного населения Бобровской слободы были так называемые великорусские поселщники или ссыльнопоселенцы.

13 декабря 1760 г. правительство предоставило помещикам право ссылать крестьян в Сибирь с зачетом их в счет рекрут. Такой же порядок ссылки предусматривался для дворцовых, монастырских, государственных крестьян и посадских. Вместе со ссыльными отправлялись в Сибирь их жены и дети. Этот указ предусматривал поселение ссыльных в пределах Сибирской губернии, Иркутской провинции и Нерчинского уезда¹⁸⁾. Изданный позднее, 6 августа 1762 г., сенатский указ относился непосредственно к заселению Сибирской военной линии. В нем предписывалось селить ссыльных в местах по направлению к реке Бухтарме, а преимущественно от Усть-Каменогорской крепости, «зачиная от оной вниз по Иртышу внутри границы против Семипалатинской, Ямышевской и Омской крепостей». Приказывалось: каждой поселяемой семье отводить под посев по 5 десятин и покосов на 50 копен, выдать по 54 пуда семенного хлеба с условием обязательного возврата. Предлагалось также на каждую семью давать по 5 рублей на заведение лошадей, причем давать не деньги, а лошадей, купленных администрацией оптом¹⁹⁾. Ссыльнопоселенцы получали трехлетнюю льготу, освобождавшую их на это время от подушных сборов.

Вселение ссыльных было одним из проявлений жесткого произвола помещиков и царизма. Большинство из них были участниками классовых, антифеодальных выступлений, тем «неспокойным элементом», от которого помещики и царские власти стремились избавиться.

¹⁷⁾ ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 819.

¹⁸⁾ Полное собрание законов Российской империи. 1830, т. XV, стр. 281—283.

¹⁹⁾ Полное собрание законов Российской империи, 1830, т. XVI, стр. 39—42.

В материалах 4-ой ревизии находим такие факты. Житель д. Плоской Матвей Васильев «Тверского уезду деревни Киевой помещика Степана Аксакова крестьянин за побег от своего помещика назад тому с 15 лет наказан кнутом и послан в зачет рекрут на поселение»²⁰). Житель той же деревни Михайла Афанасьев, бывший крепостной помещика Алексея Кошкарева из Арзамасского уезда «за ослушание помещика своего наказан кнутом и послан в ссылку»²¹). О ссылке поселенца Ивана Тюленева записано: «Тобольской губернии, Ялутаровского дистрикта, Царева городища, деревни Черемуховой крестьянин за бунт в 1760 г. об налагаемой в Сибирь на крестьян казенной пашни наказан и с сыном Андреем кнутом и послан с семейством в ссылку»²²).

Заселение ссылными Колывано-Кузнецкой военной линии началось в 1762 г.²³).

К 1782 г. они жили в 15 населенных пунктах ведомства Бобровской слободы в основанных ими деревнях: Красноярской на Иртыше, Крутоберезовской, Красноярской на Убе, Плоской, Ново-Алейской и Ульбинской; вместе со старожилами в деревнях Прапорщиковой, Глубокой, Зевакиной и Убинской; вместе со старожилами и польскими поселенцами в деревне Бобровской; вместе с польскими поселщиками в деревнях Шеманаевской, Екатерининской, Старо-Алейской, Верх-Убинской и Секисовской.

Материалы 4-й ревизии позволяют установить места, откуда были присланы ссылные, и их социальную принадлежность. Как видно из таблицы, среди ссылнопоселенцев больше всего было бывших помещичьих крестьян (51,8%). Крестьяне других категорий: государственные дворцовые, экономические и приписные к фабрикам и заводам (среди последних и крепостные крестьяне заводчиков) составляли 22,9% от общего числа ссылных, поселенных в Бобровской слободе. Таким образом, три четверти ссылнопоселенцев были из крестьян. Для сибирской администрации это имело немаловажное значение. Для решения продовольственного вопроса на военной линии для поселения нужны были именно земледельцы.

В 1782 г. четвертой ревизией в Бобровской слободе было учтено великорусских поселщиков 1644 души мужского пола, 1452 души женского пола, всего 3097 душ²⁴).

Здесь расхождение общего числа мужского пола с количеством ссылных по таблице объясняется убылью их со времени поселения до 1782 г. Только из мужчин умерло 299 человек, 25 ссылных бежали, главным образом на Бухтарму, «в Камень». Группу ссылнопоселенцев из деревни Ново-Алейской перевели в пределы Малышевской слободы на реки Чулым и Карасук.

Третьей группой населения Бобровской слободы были польские поселщики. Сибирские «поляки» — это потомки тех русских крестьян-раскольников, которые еще в первой четверти XVIII в. и в последующие годы бежали на территорию Польши от феодальной эксплуатации и религиозных преследований. Петр I неоднократно (указами от 8 марта 1728 г., от 28 августа 1723 г. и от 3 апреля 1724 г.) приказывал «по границам на заставах беглецов, кои из Руси бегут в Польшу, ловить и, бив кнутом, отсылать в те провинции, отколь бежали»²⁵).

²⁰) ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 819, л. 348.

²¹) Там же, л. 347.

²²) Там же, л. 389.

²³) ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 866, лл. 141—142.

²⁴) ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 819.

²⁵) ЦГАДА, ф. 248, Правительствующий Сенат, оп. 13, д. 690, л. 619.

Таблица 3

Ссыльнопоселенцы прибыли из	Число прибывших вместе с их детьми (души мужского пола)								всего
	государственные крестьяне	помещичьи крестьяне	экономические и дворянские крестьяне	заводские крестьяне	посадские	солдаты и ямщики	нерусской национальности	неизвестных чинов и колотники	
Архангелогородской губернии	2	—	—	—	—	—	—	—	2
Астраханской губернии	—	2	—	—	—	1	—	—	3
Владимирской губернии	4	71	8	3	18	—	—	—	104
Вологодской губернии .	1	5	5	2	8	—	—	—	21
Воронежской губернии	12	5	—	—	—	—	—	—	17
Вятской губернии . . .	3	—	1	—	—	1	—	—	5
Казанской губернии . .	12	58	16	14	14	—	19	—	133
Калужской губернии . .	—	142	2	15	18	3	—	—	180
Костромской губернии .	—	40	6	—	5	—	—	—	51
Курской губернии . . .	—	5	—	—	8	—	—	—	13
Московской губернии .	23	130	23	6	19	2	—	—	203
Нижегородской губ- ернии	7	52	10	—	5	—	—	—	7
Новгородской губернии	—	10	4	—	7	—	—	—	21
Орловской губернии . .	—	40	—	1	9	—	—	—	50
Пензенской губернии .	—	38	1	1	1	—	—	—	41
Пермского наместни- чества	15	10	—	45	4	—	1	—	75
Петербургской губернии	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Псковской губернии . .	—	5	7	—	—	—	—	—	12
Рижской губернии . . .	—	—	—	—	1	2	—	—	3
Рязанской губернии . .	—	36	—	3	9	14	—	—	62
Саратовской губернии .	—	—	2	—	—	—	—	—	2
Симбирской губернии .	9	114	5	11	13	—	5	—	157
Смоленской губернии .	—	9	—	—	9	—	1	—	19
Тверской губернии . .	—	32	7	—	9	—	—	—	48
Тобольской губернии .	77	2	25	10	7	—	1	1	123
Тамбовской губернии .	2	41	—	—	4	—	—	—	47
Тульской губернии . .	7	67	—	8	27	—	—	—	109
Уфимской губернии . .	14	9	—	14	—	—	—	—	37
Ярославской губернии .	1	96	9	1	29	—	—	—	136
Из Бийской и Семипа- латинской крепостей .	—	—	—	—	—	5	—	—	5
Беглые из Польши . . .	—	—	—	—	—	—	—	13	13
Неизвестно откуда . . .	—	—	—	—	—	2	—	202	207
Всего	189	1022	131	134	224	31	27	216	1974

Русское правительство не раз пыталось вернуть беглецов. В 60-х годах XVIII в., в связи с усилением влияния России в Польше, для этого сложились благоприятные условия. В 1762 г. был издан указ, приглашавший русских беглых добровольно вернуться в Россию. Среди мест, назначенных для поселения, были земли по рекам Убе, Ульбе и Березовке²⁶). Часть из беглых действительно вернулась добровольно, но большинство было насильственно выведено военными командами. Большая группа беглых отправилась в Сибирь для поселения в окрестностях Усть-Каменогорской крепости.

Обстоятельства их заселения и закрепления на новом месте подробно описаны П. С. Палласом и М. Швецовой. Работы этих исследователей использованы в диссертации Н. В. Алексенко. Поэтому, оставляя все подробности, укажем лишь самое необходимое.

Заселение окрестностей Усть-Каменогорской крепости польскими поселщиками началось в 1766 г.²⁷). Они основали деревни Шеманаевскую, Екатерининскую, Старо-Алейскую, Бобровскую и Секисовскую. Так же как это было с ссыльнопоселенцами, места для новых деревень были выбраны администрацией у укрепленных пунктов военной линии.

В 1782 г. в четвертую ревизию в ведомстве Бобровской слободы было учтено польских поселщиков: душ мужского пола — 1364, душ женского пола — 1293, всего — 2657 душ²⁸). Кроме того, часть польских поселщиков по их желанию были переведены к реке Аную, где на найденном ими месте основали деревню Петропавловскую в ведомстве Бийской комендантской канцелярии. До четвертой ревизии сюда переселились 76 душ мужского пола, все из деревни Старо-Алейской²⁹).

О заселении восточной части Кольвано-Кузнецкой военной линии, находившейся в ведении Бийской комендантской канцелярии, сохранилось крайне мало документов. Но даже то, что имеется, свидетельствует о некотором своеобразии колонизации этого района.

В окрестностях Бийской крепости военные власти и после приписки бийских крестьян к заводам по указу от 1 мая 1747 г. могли заготавливать провиант у неприписного земледельческого населения. К заводам было приписано лишь 258 душ мужского пола, но, кроме этого, оставалось еще немало кузнецких крестьян и разночинцев, переселившихся в Бийское ведомство из Кузнецкого уезда во время 2-й ревизии и вскоре после нее.

В 1760 г. полковник де-Гаррига писал: «... а между тем находятся и от времени размножаются кузнецкие крестьяне и разночинцы и живут в той же Бийской крепости своими домами не мало число»³⁰). Выходящими из Кузнецкого уезда были основаны также деревни Малая и Большая Угреньевы, Шубенская, и по Чумышу — Локтевая, Дупленская, Тарабинская, Клонкова. В 1760 г. все эти деревни были приписаны к заводам.

После этого командование Кольвано-Кузнецкой военной линии стало заселять ведомство Бийской крепости теми же способами, что и в окрестностях Усть-Каменогорска, то есть путем привлечения добровольных переселенцев и поселения ссыльных.

Как происходило это заселение в полном объеме установить, к сожалению, невозможно. На время третьей ревизии достоверно известно наличие неприписного населения лишь в одной деревне Ново-Чемров-

²⁶) Полное собрание законов Российской империи. 1830, т. XVI, стр. 129—131.

²⁷) ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 866, лл. 141—142.

²⁸) ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 819.

²⁹) Там же, лл. 439—474.

³⁰) ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 153, л. 1.

³¹) ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 185, лл. 57—75.

ской, где в 1763 г. было учтено 74 души мужского пола³¹⁾). Очевидно, эта деревня не была единственной. Некоторые косвенные данные свидетельствуют о существовании в 1763 г. еще одного населенного пункта с неприписными крестьянами. Это село Ново-Енисейское на реке Бие.

К 1777 г. в ведомстве Бийской комендантской канцелярии государственные крестьяне жили:

Таблица 4³²⁾

В селе Ново-Енисейском	272 души мужского пола
В деревне Ново-Чемровской	101 " " "
В деревне Чесноковке	27 " " "
В деревне Марушке	13 " " "
В селе Смоленском	10 " " "
Всего	423 души мужского пола

В этом ведомстве числилось, как уже сказано, село Петропавловское на Ануе, основанное польскими посельщиками. В 1777 г. в нем жило 117 душ мужского пола³³⁾.

Кроме названных населенных пунктов к 1777 г. в ведомстве Бийской крепости существовали также деревни Ненинская, Карабинская и Ельцовская, заселенные в 1770 г. «великорусскими посельщиками», то есть ссыльнопоселенцами. К 1782 г. численность населения в этих деревнях была следующей:

Таблица 5³⁴⁾

	Душ муж. пола	Душ жен. пола	Всего
В д. Ненинской	114	99	213
В д. Карабинской	75	71	146
В д. Ельцовской	156	132	228
Всего	345	302	647

Эти ссыльные были присланы из Московской губернии (больше всего), Воронежской, Нижегородской губерний и из других мест, преимущественно из Европейской части России³⁵⁾.

Списки четвертой ревизии по ведомству Бийской комендантской канцелярии или Ново-Енисейской слободы, больше чем наполовину утрачены. Поэтому численность населения в восточной части военной линии приходится восстанавливать по другим документам. В свободной ведомости к рекрутскому набору, составленной в 1786 г., указывается, что по четвертой ревизии в этом ведомстве было: 609 душ мужского пола государственных крестьян и 451 душа мужского пола поселенцев, всего — 1060 душ мужского пола³⁶⁾. Материалы 5-й ревизии дают не-

³²⁾ ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 866, лл. 57, 516—517.

³³⁾ Там же, л. 53.

³⁴⁾ Там же, лл. 79—116.

³⁵⁾ Там же.

³⁶⁾ ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 684, л. 411.

сколько иную цифру — 1099 душ мужского пола на 1782 г., на время 4-й ревизии³⁷⁾.

Особую группу населения по Колывано-Кузнецкой военной линии составляли отставные военнослужащие. Решение о поселении отставных в Сибири было принято 9 октября 1762 г. в форме утвержденного царницей специального доклада Сената³⁸⁾.

Цель поселения отставных по Колывано-Кузнецкой военной линии ясно определялась в промемории генерал-майора Шпрингера в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства. Он писал: «...поселение отставных на линиях чинится в силу высших правительственных указов более того, чтоб от них по обзаводстве без дальних убытков и труда на продовольствие воинских команд можно покупать хлеб, коего за запрещением в продажу от заводской стороны в здешнюю и получить надежды нет»³⁹⁾.

Единичные случаи поселения отставных были на линии еще до 1762 г. Известно, что в 1759 г. в Смоленском рудете определили на поселение отставных казаков: В. Хворого, Т. Богданова и Ломшакова. В 1760 г. в том же Смоленском рудете поселились отставные солдаты: Луцкого полка — Ф. Колчев и Олонцкого полка — Г. Окулов. Однако массовая отставка на поселение началась лишь после решения от 9 октября 1762 г. Только при Смоленском рудете в 1763 г. было поселено 12, а в 1764 г. — 43 отставных⁴⁰⁾.

Отставка военнослужащих происходила в двух видах. Различали «отставных на поселение» и «отставных на свое пропитание». Последние, очевидно, либо уже до отставки имели свое хозяйство, либо приселялись к родственникам.

Большинство отставных имели семьи. Этому придавалось большое значение. Для местной линейной администрации было выгодно селить именно семейных. Они быстрее обзаводились хозяйством.

В 1776 г. Бийская комендантская канцелярия в предложениях в Судебную об отставных контору напоминала, что «велено определять из отставных на поселение и с их семейством, либо ежели без детей поселить, то никакой пользы ожидать не можно. И у тех, у которых кроме одного сына других нет, то последнего не брать ни в службу, ни в школу, дабы через то по одиночеству вместо чаемой от поселения пользы, не навесить отставным отягощения. А таковых отставных, у коих два или три сына имеется, то из них только одного, буде годен явится в службу, а от семи лет в школу определять, а протчих оставлять впредь до резолюции при отцах их на поселении для вспоможения в домостроительстве, обзаводстве и хлебопашестве»⁴¹⁾.

Сыновей, оставленных с отцами на поселении и освобожденных от военной службы, зачисляли в особую категорию — «малолеток». Со временем эти сыновья становились взрослыми, сами обзаводились семьями, но по-прежнему оставались на том же положении в категории «малолеток». В документах конца XVIII — начала XIX вв. не раз встречаются «малолетки», имевшие детей и даже внуков.

Закрепление отставных на поселении и обзаводство их хозяйством зависело от ряда условий: состава семьи, возраста, состояния здоровья и т. д. Различия этих условий определяли и разницу в мощности хозяйств.

³⁷⁾ ГААК, ф. 169, оп. 1, 822, л. 66.

³⁸⁾ Полное собрание законов Российской империи, 1830, т. XVI, стр. 76—77.

³⁹⁾ ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 539, л. 14.

⁴⁰⁾ ГААК, ф. 167, оп. 1, д. 1, лл. 186—200.

⁴¹⁾ ГААК, ф. 167, оп. 1, д. 1, л. 62.

Для примера проанализируем состояние хозяйства отставных в самом крупном из заселенных ими пунктов — в селе при Смоленском редуте. На 1776 г. здесь было поселено 126 отставных. У всех вместе имелось: лошадей — 530, жеребят — 30, быков — 15, коров — 473, телят — 51, овец — 616, свиней — 315, засеянной пашни — 650,5 десятины. Но по семьям все распределялось неодинаково. Из 126 отставных было: безлошадных — 5, имели одну лошадь — 14, две лошади — 17, три — 22, четыре — 21, пять — 12, шесть — 15, семь — 13, восемь — 1, девять — 4, десять лошадей было в двух хозяйствах. Из тех же 126 отставных не имели посева 14, сеяли от 0,5 до 3 десятины — 21, от 3,5 до 6 десятины — 48, от 6,5 до 10 — десятины — 36, от 10,5 до 18 десятины — 7 хозяев.

Количественный состав семей отставных был следующим:

Семьи, в которых имелось всего 1—2 души, были как раз теми, у которых не было посева или сеялось мало. Они же были безлошадными и малолосадными. Слабое хозяйство, имели те, кто был оставлен на поселение незадолго до учета 1776 г. Как правило,

у тех, кто был поселен в 1774—1775 гг., скота и пашни было мало. В отличие от этого, крупные семьи, жившие на поселении уже несколько лет, имели наиболее крепкое хозяйство. Например, оставной солдат Колыванского полка С. О. Плотников имел семью в 11 душ, у него было 9 лошадей, 20 голов другого скота и самый большой в селе посев — 18 десятины. Плотников был поселен в 1766 г., то есть за 10 лет до учета⁴²⁾.

Поскольку ревизских материалов по отставным не найдено, общее количество их по Колывано-Кузнецкой военной линии можно установить

Таблица 7

Ведомства комендантских канцелярий и части военной линии	Число населенных пунктов с отставными	В них			всего
		отставных на поселение	отставных на свое пропитание	детей у тех и других	
В ведомстве Усть-Каменогорской комендантской канцелярии	13	139	53	91	283
В ведомстве Бийской комендантской канцелярии:					
по Колыванской линии	15	334	138	577	1049
по Кузнецкой линии	15	97	29	85	211
Всего	43	570	220	753	1543

лишь по ведомостям, составленным в 1777 г. Выборка из этих ведомостей дает такие сведения:

⁴²⁾ Там же, лл. 186—202.

Отставные были расселены в селах и деревнях, возникших у укрепленных пунктов, в большинстве случаев вместе с государственными крестьянами, а также в некоторых деревнях вместе с приписными алтайских заводов. Больше всего отставных жило в селе Смоленском, в деревнях Верх-Ануйской, в Бийской и Катунской крепостях, в деревнях Бобровской, Секисовской, при маяках Новиковском и Бехтемирском⁴³).

После четвертой ревизии нового притока крестьянства на Колывано-Кузнецкую военную линию не было. Некоторый прирост населения с 1782 по 1795 год (по 5-ю ревизию) произошел исключительно за счет детей, родившихся в межревизионный период. С истечением льготных сроков исчезло всякое отличие между добровольными переселенцами, польскими поселщиками и ссыльными. Все стали государственными крестьянами.

После четвертой ревизии изменилось административное деление на территории военной линии. Высшие ведомства Усть-Каменогорской комендантской канцелярии (Бобровской слободы) и Бийской комендантской канцелярии вошли в состав Колыванской губернии. Бобровская слобода была разделена на три слободы: Усть-Каменогорскую, Убинскую и Крутоберезовскую, включенные в Семипалатинский уезд. Ведомство Бийской комендантской канцелярии вошло в состав Бийского уезда как особая, населенная исключительно государственными крестьянами, Ново-Енисейская слобода. На 1795 г. население этих слобод было следующим:

Таблица 8

Семипалатинского уезда				
Усть-Каменогорской слободы	1602	души	мужского	
		пола		
Убинская слобода	1830
Крутоберезовская слобода	1429
Бийский уезд				
Ново-Енисейская слобода	1290

Всего государственных крестьян на Колывано-Кузнецкой военной линии в 1795 г. было — 6151 душа мужского пола⁴⁴). Отставные здесь не учтены.

В 1797 г. государственные крестьяне трех названных слобод Семипалатинского уезда были приписаны к алейским заводам⁴⁵). Крестьяне бывшей Ново-Енисейской слободы (позднее Смоленской волости) остались на положении государственных.

**

Изучение истории формирования земледельческого населения по Колывано-Кузнецкой военной линии раскрывает немало своеобразного, особенного, в отличие от других районов Сибири. Пограничное положение этой территории, особая заинтересованность правительства в ее заселении явились причиной того, что здесь преобладающей оказалась правительственная колонизация. В общей сложности, добровольная кре-

⁴³) ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 866, лл. 53, 141—142.

⁴⁴) ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 58, лл. 459, 471—473; ф. 169, оп. 1, д. 822, л. 66.

⁴⁵) ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 58, лл. 44—45.

стьянская колонизация дала лишь примерно одну четверть населения на этой территории. Остальное население, состоявшее из трех, приблизительно одинаковых по количеству групп (ссылные, польские поселщики и отставные), сформировались в результате заселения, организованного правительством.

Этот вывод никоим образом не умаляет огромной роли крестьянства в заселении и освоении территории по Колывано-Кузнецкой военной линии. Первыми поселенцами этих мест, если не считать казаков, были крестьяне, пришедшие сюда добровольно. Правительственное заселение происходило уже на территорию, в определенной степени освоенную старожилами. Да и в отношении поселенных правительством действия администрации ограничивались по сути дела только самой организацией заселения. Освоение территории, развитие на ней земледелия и скотоводства было делом самих крестьян. Их труд превратил эту территорию в один из самых развитых сельскохозяйственных мест Сибири. К концу XVII в. местное крестьянское хозяйство не только полностью удовлетворяло потребности военной линии, но и имело резерв для продажи продовольствия в соседнее заводское ведомство.

О ПОСТАВКАХ ПРИПИСНЫМИ КРЕСТЬЯНАМИ КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКОГО (АЛТАЙСКОГО) ГОРНОГО ОКРУГА ПРОВИАНТА И ФУРАЖА ДЛЯ ЗАВОДОВ И РУДНИКОВ

С. С. ЛУКИЧЕВ

В настоящее время в нашей литературе, посвященной истории горнозаводского Алтая в дореформенный период, еще не выяснены с достаточной полнотой условия поставок приписными крестьянами провианта и фуража на заводы и рудники, не решен вопрос, являлись ли эти поставки повинностью.

Впервые вопрос о поставках провианта и фуража приписными крестьянами Колывано-Воскресенского горного округа был рассмотрен дореволюционным исследователем Н. Зобниным. На основании изучения архивных материалов и опроса крестьян-старожилов он пришел к выводу, что основная масса заготавливаемого заводами и рудниками провианта и фуража закупалась у приписных крестьян в принудительном порядке по ценам ниже рыночных. Поставки провианта и фуража на заводы и рудники являлись, по его мнению, одной из тяжелых повинностей, выполняемых приписными крестьянами Колывано-Воскресенского горного округа¹). Вывод Н. Зобнина долгое время не вызывал сомнений и получил поддержку ряда советских исследователей²).

В последние годы, однако, точка зрения Н. Зобнина и его сторонников стала оспариваться. Сначала Г. П. Жидковым, относительно первой половины XIX в., а затем М. М. Грмыко — второй половины XVIII в., были выдвинуты положения о том, что поставка провианта и фуража приписными крестьянами Алтая не являлась повинностью.

Г. П. Жидков считает, что уже в первой четверти XIX в. хлеб заводами и рудниками заготавливался на основе добровольных соглашений, заключаемых с крестьянами. «Учреждение» 1828 г., — полагает он, — лишь законодательно закрепило ранее установленный порядок покупки хлеба по вольной цене из первых рук³).

¹) Н. Зобнин. Приписные крестьяне на Алтае, Алтайский сборник. Вып. I. Томск, 1894, стр. 57—60.

²) Т. И. Агапова. Усиление кризиса Алтайской и нерчинской горной промышленности в 30—50 гг. XIX в. Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока (Сборник). Новосибирск, 1961, стр. 80—81; З. Г. Карпенко. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700—1860 гг. Новосибирск, 1963, стр. 77; С. С. Лукичев. Состояние основных отраслей сельского хозяйства в Алтайском горном округе в первой половине XIX в. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961, Рига, 1963, стр. 380.

³) Г. П. Жидков. Уровень товарности земледельческого хозяйства приписной деревни Западной Сибири в дореформенный период. «Известия сибирского отделения АН СССР», 5, серия общественных наук, вып. 2, Новосибирск, 1964, стр. 122.

М. М. Громыко признает, что в XVIII в. заводы применяли принудительный способ заготовки провианта и фуража. Однако, по ее мнению, крестьяне получали за принудительно поставляемые на заводы и рудники продукты их рыночную цену. Принудительный порядок заготовки заводами провианта и фуража «основывается, — пишет она, — на внеэкономическом принуждении и феодален по всему своему духу. Однако власти уже не могут не считаться с ценами вольного рынка. А раз хлеб продается крестьянином по рыночной цене, поставки не являются феодальной рентой»⁴).

Вопрос о поставках провианта и фуража приписными крестьянами Кольвано-Воскресенского горного округа на заводы и рудники не являлся еще предметом специального исследования, а рассматривается лишь в связи с изучением более общих проблем истории приписной деревни. Естественно, исследователями поэтому привлекался к изучению сравнительно узкий круг источников, не позволявший с достаточной полнотой осветить этот вопрос. В настоящей работе автор ставит своей целью, привлекая наряду с уже опубликованными фактически материалом новые архивные данные, попытаться выяснить условия поставок приписными крестьянами провианта и фуража на заводы и рудники и решить вопрос, следует ли считать эти поставки повинностью.

Решение этой задачи позволило бы, в свою очередь, дать правильный ответ на другой важный вопрос: какое влияние оказывали поставки крестьянами провианта и фуража на экономикку приписной деревни.

Обратимся к выяснению характера поставок приписными крестьянами провианта и фуража на заводы и рудники во второй половине XVIII в.

После перехода в 1747 г. демидовских заводов и рудников на Алтай в ведение Кабинета началось быстрое расширение горнозаводского производства, требовавшее не только новых приписок к заводам местного крестьянства, но и увеличения контингента мастеровых.

В отличие от приписных крестьян, мастеровые, за небольшим исключением, не имели собственных хозяйств и необходимые им продовольственные продукты и другие предметы потребления должны были приобретать за счет жалования, получаемого от заводов. Прожиточный минимум мастеровых находился, следовательно, в прямой зависимости от уровня рыночных цен на предметы потребления, прежде всего на продукты питания. Размер жалования, положенного большинству мастеровых, в продолжение всего дореформенного периода был бы далеко недостаточным для обеспечения необходимого прожиточного минимума, если бы продукты питания приобретались ими по рыночным ценам. Большая часть заводских и рудничных поселков, где жили мастеровые, находилась вдалеке от основных хлебопроизводящих районов горного округа. Перевозка сельскохозяйственных продуктов за сотни верст при сибирском бездорожье удорожала цены на них в два, три и более раза. На некоторые рудники подвоз продовольствия был возможен только в определенные, весьма короткие периоды времени.

Для того, чтобы обеспечить мастеровым прожиточный минимум, необходимо было или повысить их жалование, или снизить цены на потребляемые ими продовольственные продукты. Кабинет и горнозаводское начальство Кольвано-Воскресенского горного округа выбрало второй путь, так как он открывал возможность значительную часть расходов по содержанию мастеровых переложить на плечи приписного крестьянства.

⁴) М. М. Громыко. Некоторые результаты земледелческого освоения Западной Сибири в XVIII в. «История СССР», 1965, № 2, стр. 64.

Преследуя последнюю цель, Кабинет и Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства обратились к следующим мерам.

Во-первых, заготовки провианта и фуража были централизованы. Объем заготавливаемых продуктов стал определяться Канцелярией горного начальства, а сами заготовки — производиться специально назначенными для этого чиновниками; обычно они поручались земским управителям. Для хранения заготовленного провианта и выдачи его мастерам на заводах и рудниках были созданы провиантские магазины.

Во-вторых, на закупку хлеба, крупы и фуражного зерна устанавливалась в пределах горного округа монополия заводов. Приписным крестьянам запрещалось без предварительного разрешения горнозаводского начальства продавать провиант и фураж за пределы горного округа не только частным лицам, но и военному и губернскому ведомствам.

В-третьих, в горном округе был введен принудительный порядок закупок у приписных крестьян необходимого для нужд заводов и рудников провианта и фуража.

• Система централизованной заготовки провианта и фуража и монополия на их закупку были введены на другой год после передачи демидовских горных предприятий в собственность императрицы Елизаветы Петровны. Указом от 28 сентября 1748 г. за подписью первого управителя Колывано-Воскресенских заводов Андрея Безра было приказано приказчикам и старостам объявить всем крестьянам, чтобы «оние провианту в посторонние места, кроме заводов, приезжавшим из других ведомств людям без ведома здешней Канцелярии не продавали под опасением за то жестокого наказания»⁵⁾. Для закупки провианта и фуража указом предписывалось послать в крестьянские селения «нарочных закупщиков», а крестьянам предлагалось везти хлеб в Барнаульский и Колыванский заводы⁶⁾.

• Запрещение приписным крестьянам продавать провиант и фураж за пределы горного округа без санкции горнозаводского начальства подтверждалось неоднократно в последующих указах и распоряжениях. В инструкции управителям, данной 16 ноября 1756 г., наряду с другими обязанностями, на них возлагалось «смотреть, чтобы никто из крестьян ни тайно, ни явно в другие посторонние места, кроме заводов и рудников, хлеба продавать не дерзали, а у кого хлеб на продаже будет, оный бы привозили и продавали на заводах и рудниках по вольной цене»⁷⁾.

• Вторым, после заводов и рудников, крупным потребителем сельскохозяйственных продуктов было военное ведомство, закупавшее их в селениях приписных крестьян для нужд Иртышской, Колыванской и Бийской укрепленных линий. Установление горнозаводским начальством монополии на закупку провианта и фуража на территории горного округа поставило под угрозу обеспечение гарнизонов крепостей и форпостов этими необходимыми для них продуктами. В 1762 г. сибирский губернатор Соимонов и командование укрепленных линий обратилось в Сенат с просьбой об издании указа, обязывающего приписных крестьян поставлять необходимое для снабжения укрепленных линий количество хлеба и фуража. Узнав об этой просьбе, Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства немедленно поставила о ней в известность Кабинет. В донесении она писала, что, если испрашиваемый Соимоновым и командованием укрепленных линий указ будет дан, то заводы из-за

⁵⁾ Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 521, оп. 1, д. 2, л. 417.

⁶⁾ Там же.

⁷⁾ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 468, оп. 18, д. 151, л. 3.

нехватки хлеба могут останавливаться⁸⁾). Кабинет оказал необходимое воздействие на Сенат, и просьба сибирского губернатора и командования укрепленных линий не была удовлетворена. В последующие годы военное ведомство всякий раз, когда оно нуждалось в закупках провианта и фуража в селениях горного округа, предварительно добивалось разрешения на это у горнозаводского начальства.

Следует отметить, что Кабинет и Канцелярия горного начальства были заинтересованы в этот период в существовании укрепленных линий. Размещенные на них воинские гарнизоны не только охраняли заводы и рудники от набегов кочевников, но и использовались для подавления антифеодалных выступлений приписного крестьянства и мастеровых. Поэтому просьбы военного ведомства о разрешении закупать провиант и фураж в селениях горного округа всегда удовлетворялись сравнительно с другими ведомствами и частными лицами в первую очередь⁹⁾.

Разрешения на закупку провианта и фуража другим ведомствам и частным лицам Канцелярия горного начальства давала, исходя из степени обеспеченности этими продуктами заводов и рудников. В неурожайные и малоурожайные годы разрешений или совсем не давалось, или разрешалось производить закупку лишь в строго ограниченном числе селений. Так, определениями, данными 6 июля 1752 г., 23 мая 1760 г. и 20 февраля 1761 г., было запрещено продавать хлеб винокурным заводам¹⁰⁾. В 1761 г. Канцелярия горного начальства разрешила производить закупку провианта и фуража в горном округе военному ведомству, но отказала в таком же разрешении купцам Нарыма и Кетска. Свой отказ она мотивировала тем, что, вследствие неурожая, хлеба и для заводов заготовлено недостаточно¹¹⁾. В 1771 г. было разрешено производить закупку хлеба для линейных магазинов только в трех населенных пунктах. А для того, чтобы не допустить недозволенного провоза хлеба на линию, на дорогах были поставлены заставы и разъезды¹²⁾.

При заготовках провианта и фуража Канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства опиралась, как уже указывалось, не только на монополию. Одна монополия не могла обеспечить заготовок необходимого количества провианта и фуража по желаемым для горнозаводского начальства ценам. Привоз на заводы и рудники сельскохозяйственных продуктов был незначительным. Наученные горьким опытом крестьяне предпочитали не иметь никакого дела с начальством. Поэтому, наряду с монополией, в горном округе был введен принудительный порядк поставки провианта и фуража.

Независимо от желания крестьяне обязывались поставлять на заводы и рудники установленное горнозаводским начальством количество ржаной муки, крупы и овса. Поставки этих продуктов стали раскладываться на приписных крестьян так же, как и заводские работы. Ежегодно Канцелярия горного начальства, определив размеры потребностей заводов и рудников в провианте и фураже, составляла раскладку поставок этих продуктов для каждой слободы округа. Объем поставляемых той или иной слободой продуктов определялся, как свидетельствуют источники, в зависимости от количества числящихся в их ведении ревизских

⁸⁾ ЦГИАЛ; ф. 468, оп. 18, д. 127, лл. 7—8.

⁹⁾ Там же, д. 151, лл. 5—6.

¹⁰⁾ Там же, л. 3.

¹¹⁾ ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 18, д. 151, л. 3.

¹²⁾ Н. Зобнин. Указ. соч., стр. 58.

душ¹³⁾. В свою очередь, в слободах поставки провианта и фуража складывались на крестьянские селения и крестьянские семьи.

Непосредственную ответственность за поставки провианта и фуража, расположенные на крестьян, несли перед Канцелярией горного начальства земские управители. Они должны были принимать все имевшиеся в их распоряжении меры, чтобы поставки выполнялись крестьянами в намеченные Канцелярией горного начальства сроки и по установленным ею ценам.

Таблица 1⁴⁾

Раскладка поставок приписными крестьянами провианта и фуража

В введении какой земской избы числятся крестьяне	Число ревизских душ	На какие заводы и рудники должен поставляться провиант и фураж	Количество поставляемого провианта и фуража		
			муки	крупы	овса
Кузнецкой земской избы	4793	Барнаульский завод	5000	500	1000
		Томский завод	2907	—	620
Чаусской земской избы	3455	Барнаульский завод	5840	400	973
Сосновской земской избы	5418	Барнаульский завод	9160	625	1527
Берской земской избы	4151	Змеиногорский рудник	9375	—	1414
		Нижнесузунский завод	—	—	700
			6000	203	997
Красноярской земской избы	2928	Змеиногорский рудник			
		Алейский завод	891	84	—
Бийской земской избы	1465	Змеиногорский рудник	3308	247	498
Белоярской земской избы	5028	Змеиногорский рудник	11661	426	1710
Мальшевской земской избы	4140	Змеиногорский рудник	9656	357	1408
	31378		63798	2842	10847

Как видно из таблицы, принудительными поставками провианта и фуража не были охвачены только томские и канские крестьяне по причине значительной удаленности их селений от заводов. Всего же в 1777 г. принудительными поставками провианта и фуража было обложено 79,7 числящихся в горном округе ревизских душ приписных крестьян¹⁵⁾. На каждую облагаемую ревизскую душу приходилось, таким образом, около 2,5 пудов.

¹³⁾ ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 18, д. 290, л. 122.

¹⁴⁾ ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 18, д. 290, лл. 122—123.

¹⁵⁾ В 1777 г. в горном округе числилось 39375 ревизских душ приписных крестьян. См. ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 18, д. 209, л. 113.

В отдельные годы поставки провiantа и фуража были еще более обременительными. В 1759 г., например, крестьяне ведения Бийской судной избы обязаны были поставить по 12 пудов с каждой ревизской души¹⁶⁾. Следовательно, средняя крестьянская семья, имевшая в своем составе 3 души мужского пола, обязана была поставить 36 пудов хлеба.

По каким ценам оплачивался горнозаводским начальством поставленный в принудительном порядке провiant и фураж?

М. М. Громыко, утверждая, что крестьяне получали за поставленные продукты рыночную цену, ссылается при этом на указ Канцелярии Кольвано-Воскресенского горного начальства, разосланный в декабре 1762 г. по судным избам. Этим указом было предписано установить на поставляемый крестьянами хлеб такую цену, какая будет в январе 1762 г. в вольной продаже на барнаульском базаре¹⁷⁾.

Однако приведенный М. М. Громыко указ не может быть признан сколько-нибудь основательным доказательством того, что заводы закупали провiant и фураж по рыночным ценам, по целому ряду причин. Приведем лишь наиболее важные из них.

Во-первых, как видно из указа, горнозаводским начальством устанавливалась единая закупочная цена на провiant и фураж для всех районов горного округа на основании январских цен на барнаульском базаре. Между тем хорошо известно, что в Кольвано-Воскресенском горном округе, занимавшем громадную территорию, локальные рыночные цены никогда не совпадали. Нередко рыночная цена хлеба в одном районе в два, три и более раза превышала рыночную цену в другом. Поэтому, если даже допустить, что установленная Канцелярией горного начальства закупочная цена на провiant и фураж совпадала с рыночной ценой на эти продукты на барнаульском базаре, то это вовсе не означало совпадения ее с рыночными ценами, сложившимися в других районах горного округа.

Во-вторых, закупочные цены определялись на основании так называемых справочных цен. Но последние устанавливались опять же Канцелярией горного начальства. Таким образом, одно и то же юридическое лицо являлось и покупателем хлеба и назначало на него цены. Это не могло не приводить к злоупотреблениям. И действительно, справочные цены, устанавливаемые горнозаводским начальством, были всегда ниже среднерыночных цен. Приведем несколько фактов.

В указе от 30 апреля 1761 г. Канцелярия горного начальства отмечала, что вследствие «ленности обывателей» хлеба в горном округе производится недостаточно и цены на него стоят высокие. Ржаная мука, говорилось в указе, продавалась прошедшей зимой при заводах и рудниках от 40 до 50 коп. пуд¹⁸⁾. Казалось бы, если согласиться с положением М. М. Громыко, закупочные цены на хлеб заводы должны были установить в пределах рыночных цен, зафиксированных Канцелярией горного начальства. Однако, на самом деле, закупочные цены были назначены в два раза ниже, чем низшие рыночные цены. Указом, изданным в марте 1761 г., Канцелярия горного начальства предписала Бийской судной канторе и управителю расположить на крестьян к поставке на заводы 7 тыс. пудов ржаной муки и 350 пудов крупы. За пуд муки было приказано платить по 20 коп, а крупы — 23 коп.¹⁹⁾

Чиновник Соболев, делавший в 1777 г. по поручению Кабинета описание Кольвано-Воскресенского горного округа, в своем донесении

¹⁶⁾ М. М. Громыко. Указ. соч. стр. 64.

¹⁷⁾ Там же.

¹⁸⁾ ГАТО, ф. 521, оп. 1, д. 7, лл. 421—422.

¹⁹⁾ ГАТО, ф. 521, оп. 1, д. 11, лл. 129—130.

отмечал, что назначаемые Канцелярией горного начальства закупочные цены были ниже рыночных цен. В Зменногорском руднике, писал он, рыночная цена на ржаную муку была в 1775 г. от 25 до 33 коп. и в 1776 г. от 25—27 коп. за пуд. Крестьяне же получали за поставляемую в Зменногорский рудник на основании принудительных раскладок ржаную муку по 12 коп. за пуд. Цены на ржаную муку на местных рынках также стояли выше установленной горнозаводским начальством закупочной цены. В слободах и острогах рыночная цена на ржаную муку, по данным Соболева, была в 1775 г. от 15 до 27 и в 1776 г. от 25 до 30 коп. за пуд²⁰).

В отдельные годы Канцелярия горного начальства устанавливала обязательные цены не только на провиант и фураж, поставляемый крестьянами на заводы и рудники в порядке принудительной раскладки, но и на продаваемый на рынках горного округа. Так, указом от 25 ноября 1771 г. ею было запрещено продавать муку пшеничную дороже 15 коп. за пуд, муку ржаную — 10 коп. за пуд, на крупу была установлена цена 18 коп. за пуд, овес — 8 и ячмень — 9 коп. за пуд²¹).

В-третьих, следует учитывать, что назначаемая горнозаводским начальством закупочная цена включала в себя не только плату за покупаемый хлеб, но и плату за его доставку до заводских провиантных магазинов. Расходы, которые вынуждены были нести крестьяне по доставке провианта и фуража до мест назначения, нередко превышали стоимость доставляемых продуктов. Так, например, селения чаусских крестьян от Барнаульского завода находились на расстоянии от 150 до 497 верст, от Павловского — от 131—447 верст, от Сузунского — от 67—404 верст и от Зменногорского рудника от 353 до 607 верст. Начальник Кольвано-Воскресенских заводов А. Порошин в своем донесении Кабинету от 7 марта 1764 г. писал, что многие крестьяне отдаленных от заводов и рудников селений доставляют положенный с них по раскладке провиант и фураж наймом, «за что не токмо оный хлеб и подлежащие за него из казны деньги тому отвощику даром отдают, но еще сверх того придают немалую наддачу»²²).

На основании всего выше сказанного можно сделать вывод, что поставляемые приписными крестьянами в принудительном порядке провиант и фураж оплачивались горнозаводским начальством по ценам ниже рыночных. При этом значительная часть поставляемых продуктов присваивалась заводами безвозмездно.

С 1762 до 1779 г. провиант и фураж поставлялся приписными крестьянами также в счет заводских работ. За одну душу работы²³) нужно было поставить на Барнаульский или другие заводы 100 пудов ржаной муки, или 200 пудов овса, или 15 пудов крупы²⁴). За поставленные продукты крестьяне получили от заводов, так же, как и за одну душу заводской работы, всего 1 руб. 70 коп. Поставлять провиант в счет заводских работ могли только зажиточные крестьянские семьи.

Этот способ заготовки провианта и фуража был очень выгоден для заводов и весьма не выгоден для малосостоятельных крестьян, так как объем заводских работ, падавший на крестьянские общества, оставался неизменным. Приписные крестьяне ведения Белоярской слободы в 1768 г.

²⁰) ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 18, д. 290, л. 306.

²¹) Н. Зобнин. Указ. соч. стр. 58; Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. 86, оп. 1, д. 1, л. 13.

²²) ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 18, д. 147, л. 1.

²³) Одна «душа раобты» равнялась такому объему заводских работ, который должен был выполнить приписной крестьянин, чтобы заработать по существующим расценкам сумму, равную до 1769 г. подушному окладу, а с этого года 1 руб. 70 коп.

²⁴) В. И. Семейский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. II, СПб., 1901, стр. 543.

в жалобе управляющему Кабинетом А. В. Олсуфьеву писали, что работы, причитавшиеся на долю крестьян, поставивших провиант и фураж в счет заводских повинностей, они принуждены раскладывать на «маломочных по четверти и по полдуши на одну годную и так, что самые бедные и маломочные от того бесполезного учреждения против прочих несут великое огорчение и самое разорение»²⁵).

• Каковы были условия поставок приписными крестьянами провианта и фуража на заводы и рудники в первой половине XIX века?

• Как свидетельствуют архивные источники, монополия заводов на закупки провианта и фуража на территории горного округа продолжала сохраняться и в первой половине XIX в. Земским управителям по-прежнему вменялось в обязанность строго следить за тем, чтобы без соответствующих разрешений хлеб и фураж, а в отдельные годы и некоторые другие сельскохозяйственные продукты, за пределы горного округа из заводских волостей не вывозились.

В 1816 г. томские мещане Дмитрий Нехорошев и Дмитрий Грибавин получили разрешение добывать на территории Берской волости известняк. Уведомив земского управителя и волостное правление о данном дозволении на разработку известняка, горнозаводское начальство вместе с тем потребовало от них проследить, чтобы Нехорошевым и Грибавиным «никаких других припасов, особливо провианта, кроме камня, из заводской округи отнюдь вывезено не было»²⁶).

• Не внесла никаких изменений в порядок торговли хлебом в Колывано-Воскресенском горном округе и ревизия М. М. Сперанского. Кабинет и Канцелярия горного начальства полностью игнорировали его распоряжение об установлении беспрепятственной торговли между губерниями и уездами. И после ревизии М. М. Сперанского подрядчики, бравшие подряды на поставку провианта и фуража в губернские и военные провиантские магазины, в том случае, если они хотели производить закупку этих продуктов на территории горного округа, по-прежнему делали в контрактах оговорку, что подряд они обязуются выполнить только при условии получения подряжающей стороной разрешения от горнозаводского начальства закупить необходимое количество провианта и фуража в селениях приписных крестьян. Так, в 1827 г. томский купец Чулошников заключил контракт с Комиссией тобольского провиантного дела на поставку в 1828 г. в магазины Томской и Енисейской губерний 17433 четвертей муки, 1311 четвертей крупы и 3658 четвертей овса. Полагая закупить эти продукты в волостях Томского, Барнаульского и Кузнецкого округов, Чулошников дал обязательство выполнить взятый им подряд «с условием таковым, чтоб о беспрепятственном дозволении производить закуп провианта в означенных округах предварительно Комиссия učinила со стороны своей с кем следует сношения»²⁷).

• Давая разрешение на закупку провианта и фуража в селениях приписных крестьян, Канцелярия горного начальства требовала от покупателей придерживаться справочных цен, установленных ею в горном округе. В том случае, если по мнению Канцелярии горного начальства цены подрядчиком завывались, ею принимались необходимые меры для того, чтобы сорвать закупку.

Приведем один характерный пример. В 1847 г. крестьянин села Белоярского Яков Чанцов заключил подряд с Омской полевой провиантской комиссией поставить в томский магазин 1506 четвертей хлеба. Для отправки хлеба необходимо было построить барку. Земский управитель,

²⁵) Там же.

²⁶) ГАТО, ф. 62, оп. 1, д. 22, л. 117.

²⁷) ГАТО, ф. 63, оп. 1, д. 27, лл. 1—2.

узнав, что Чанцов покупает хлеб по 85 коп. ассигнациями и выше за пуд, немедленно сообщил об этом горному начальству. В своем донесении он писал, что скупка хлеба Чанцовым подрывает заготовку его для заводов. Горнозаводское начальство распорядилось: скупку хлеба Чанцову по-прежнему разрешить, но постройку барки из заводского леса запретить. Для Чанцова создано безвыходное положение, так как доставка хлеба в Томск сухопутным путем потребовала бы непосильных для него расходов. В результате срок поставки был им просрочен, все его имущество было описано, и он разорился²⁸⁾.

О существовании в горном округе до отмены крепостного права заводской монополии на закупку провианта и фуража свидетельствуют и другие источники. Автор статьи «О Нарымском крае», опубликованной в Томских губернских ведомостях в 1859 г., писал, что, если купцам Нарыма «предполагается покупка хлеба в заводском ведомстве, то предварительно испрашивается для сего в Алтайском горном правлении дозволения...»²⁹⁾.

• В первой половине XIX в. Канцелярией горного начальства уже издаются указы о принудительной раскладке поставок провианта и фуража на приписных крестьян. Однако это вовсе не означает, что горнозаводское начальство отказалось от принудительного способа закупки этих продуктов, и в горном округе утвердился, как считает Г. П. Жидков, «порядок покупки хлеба по вольной цене из первых рук»³⁰⁾. Принудительный характер закупок заводами провианта и фуража сохраняется и в первой половине XIX в., только он становится более завуалированным.

В самом деле, при знакомстве с официальными документами, которыми оформлялись закупки заводами этих продуктов, создается на первый взгляд впечатление, что имеют место чисто рыночные сделки «купля-продажа», что совершаются эти сделки на основе добровольных соглашений обеих сторон. В документах указывается количество купленного у того или иного крестьянина хлеба, цена на него, размер выданного задатка, срок поставки. Напрасно было бы искать в этих документах отражения того, что и размер поставок и цены на поставляемые продукты были навязаны крестьянам. Применение горнозаводским начальством внеэкономического принуждения при закупках у приписных крестьян провианта и фуража прикрывалось формой рыночных взаимоотношений. И это делалось не случайно.

• Поставки провианта и фуража на заводы и рудники никогда не вменялись в обязанность приписных крестьян общегосударственным законодательством. Эта дополнительная повинность была введена с ведома Кабинета местным горнозаводским начальством, но, будучи незаконной, она облекалась в форму рыночных, товарных отношений. В данном случае форма скрывала не соответствующую ей сущность.

• В первой половине XIX в. закупки провианта и фуража по-прежнему возлагались на земских управителей, в непосредственном подчинении которых находились крестьянские волости. Н. Зобнин пишет, что «по рассказам старожилов, земские управители покупали провиант «по вольной цене» следующим образом. «Когда наступало время делать подряды, управители объезжали крестьянские селения и собирали крестьян. На сходках они объявляли, что такое-то селение должно доставить столько-то пудов муки, крупы или овса. Крестьяне раскладывали назначенное

²⁸⁾ ГААК, ф. 19, оп. 1, д. 122, лл. 140—205.

²⁹⁾ «Томские губернские ведомости», № 22, 1859 г.

³⁰⁾ Г. П. Жидков. Указ. соч., стр. 122.

количество между собой, а затем уже это облекалось в форму добровольного подряда со стороны каждого крестьянина»³¹⁾.

Принудительный способ закупки провианта и фуража в рассматриваемый период встречался и в других районах Сибири³²⁾. Однако, если в уездах губернского ведомства он был явлением более или менее временным, то в Колывано-Воскресенском горном округе являлся главным и постоянно действующим источником снабжения заводов и рудников этими продуктами.

Г. П. Жидков, как указывалось выше, утверждает, что в первой половине XIX в. в горном округе установился «порядок покупки хлеба по вольной цене из первых рук». Однако он противоречит себе, когда уже в следующем абзаце своей работы пишет, что «продовольствие для рабочих мануфактуры покупалось, конечно, по самой низкой рыночной цене»³³⁾. Если признать последнее положение Г. П. Жидкова справедливым, а оно, несомненно, ближе к истине, чем первое, то возникает вопрос, каким образом, не прибегая к внеэкономическому принуждению, заводы могли ежегодно закупать у крестьян в 50-е годы XIX в. до 1 млн. пудов хлеба по самой низкой рыночной цене.

В действительности же, как показывают источники, заводы очень часто покупали у крестьян провиант и фураж по ценам, стоявшим ниже уровня самых низких рыночных цен.

Таблица 2³⁴⁾

Уровень цен на хлеб, проданный крестьянами волостей Чаусского отделения в 1845—1849 гг. (в коп. за пуд)

Кому был продан хлеб	1845 г.		1846 г.		1847 г.		1848 г.		1849 г.	
	низ-шая	выс-шая	низ-шая	выс-шая	низ-шая	выс-шая	низ-шая	выс-шая	низ-шая	выс-шая
Горнозаводскому ведомству	11	14 $\frac{1}{2}$	14 $\frac{1}{4}$	28 $\frac{1}{2}$	20	28 $\frac{1}{2}$	15	40	20	35
Другим ведомствам и частным лицам	16 $\frac{1}{2}$	45	30	60	29	60	35	70	31 $\frac{1}{2}$	55

Как видно из приведенной таблицы, низший уровень заводских закупочных цен в течение всех пяти лет ни разу не совпадал с низшим уровнем рыночных цен. Первый всегда был ниже второго. Более того, в продолжение трех или пяти лет даже максимальные заводские закупочные цены были по своим размерам меньшими, чем низшие рыночные цены.

Сравнение заводских закупочных цен и рыночных убедительно свидетельствует, что первые не могли устанавливаться на основе добро-

³¹⁾ Н. Зобнин. Указ. соч., стр. 59.

³²⁾ М. М. Сперанский во время своей ревизии выяснил, что «в Иркутской губернии было признано излишним стеснять себя торгами и комиссионерами, и потому введено в обычай, сделав смету всех хлебных потребностей, расписывать их по уездам а исправники были уполномочены разлагать их на крестьян по их состоянию, платя ценами, установленными по произволу. В сем состояло самое внутреннее существо дела, во внешнем же его производстве соблюдены были некоторые приличия и обряды, как-то, составляемы и утверждаемы были средние справочные цены, заключаемы были контакты точно так, как бы на поставку и на цены в самом деле было добровольное крестьян согласие» (См. С. П р у т ч е н к о. Сибирские окраины. Приложения СПб., 1899, стр. 9).

³³⁾ Г. П. Жидков. Указ. соч., стр. 122.

³⁴⁾ ГААК, ф. 10, оп. 1, д. 106, лл. 620—621.

вольных соглашений, а навязывались крестьянам с помощью внеэкономического принуждения.

Принудительные поставки провианта и фуража и на заводы и рудники тяжело отражались на бюджете крестьянской семьи. Насколько значительными были потери крестьян от поставок провианта и фуража по заводским закупочным ценам показывают данные приведенной здесь таблицы.

Таблица 3⁵⁵)

Размер продажи крестьянами волостей Чаусского отделения ржаной муки и средние цены на нее в 1845—1849 гг.

Кому продавался хлеб	1845 г.		1846 г.		1847 г.		1848 г.		1849 г.	
	всего продано пудов	средняя цена пуда								
Горнозаводскому ведомству	56865	13,1	37000	21,1	33482	26,8	60460	31,2	89425	29,5
Другим ведомствам и частным лицам	207005	27,5	178981	40,2	190070	43,1	167298	51,2	104320	44,1

От поставок заводам ржаной муки крестьяне волостей Чаусского отделения в 1845 г. теряли на каждом пуде 14,4 коп., 1846 г. — 19,1 коп., 1847 г. — 16,3 коп., 1848 — 20 коп., 1849 — 14,6 коп.

Если допустить, что крестьянам по горному округу в целом заводы не доплачивали в среднем за каждый пуд поставляемого хлеба такую же сумму, что и крестьянам волостей Чаусского отделения, то нетрудно будет определить общую величину потерь, которую несли приписные крестьяне из-за несоответствия заводских закупочных цен со среднерыночными ценами.

Возьмем 1848 год. В этом году заводские закупки провианта и фуража составляли 894515 пудов. Недоплачивая, сравнительно со среднерыночными ценами, за каждый поставленный крестьянами пуд по 20 коп., заводы присвоили в общей сложности 178903 руб. В 1848 г. в горном округе числилось 112265 ревизских душ приписных крестьян. Таким образом, заводы получили в среднем с каждой ревизской души бесплатного провианта и фуража на сумму 1 руб. 59 коп. Однако вычисленная сумма не отражает еще полностью всей тяжести принудительных поставок, так как не включает в себя расходов, которые несли крестьяне по доставке провианта и фуража до заводских и рудничных провиантных магазинов. А расходы эти, как уже указывалось, нередко превышали стоимость доставляемых крестьянами продуктов.

Сами крестьяне считали поставки провианта и фуража на заводы и рудники в первой половине XIX века повинностью и повинностью весьма обременительной, мало уступающей по тяжести заводским работам. Крестьянин Бурлинской волости П. Школдин, делая обзор повинностей, выполняемых приписными крестьянами, писал: «Не многим менее работ тягостна для крестьян обязательная поставка для заводов провианта, которого всякий годный работник должен поставить через 100—

³⁵) ГААК, ф. 10, оп. 1, д. 106, лл. 620—621.

500-верстное расстояние 5—20 пудов, по цене почти половинной против настоящей, отчего они несут накладку до 6 руб. на душу³⁶⁾).

Так же, как и по заводским работам, по поставкам провианта и фуража за крестьянами числилась огромная из года в год переходящая задолженность. Приведем лишь некоторые факты. В 1813 г. за крестьянами числилось в непоставке с 1794 г. 25260 пудов ржаной муки, 380,5 пудов крупы и 683,25 пудов овса³⁷⁾. На 4 марта 1827 г. задолженность крестьян по поставкам составляла 287402 пуд., в том числе за 1823 г. — 7391 пудов, 1824 г. — 17097, 1825 г. — 19439 и 1826 г. — 243475 пудов³⁸⁾. К апрелю 1829 г. крестьянская задолженность по поставкам провианта и фуража возросла до 425018,75 пуд³⁹⁾.

• Непоставки провианта и фуража в назначенные горнозаводским начальством сроки носили массовый характер. На питанье в 1835 г. мастеровых и на корм заводских лошадей было закуплено 339734 пуд. ржаной муки, 69234 пуд. овса и 8683 пуд. крупы. Последний срок поставки был назначен на 1 марта 1835 г. Однако на 8 марта этого года крестьянами было поставлено лишь 54008 пуд. ржаной муки, 30040 пуд. овса, 4129 пуд. крупы⁴⁰⁾. Задолженность крестьян по поставкам провианта и фуража продолжала оставаться значительной и в 40—50 годы. В 1857 г. Алтайское горное правление, находя действия земских управителей по выколачиванию с крестьян недоимки по поставкам провианта и фуража недостаточно энергичными, отдало распоряжение горным конторам о прекращении выдачи им жалования до тех пор, «пока не поставят земледельцы весь хлеб по подрядам прежних лет»⁴¹⁾.

• За непоставку в срок провианта и фуража крестьяне подвергались таким же жестоким наказаниям, как и за недоимки по заводским работам. Земский управитель Зубарев, выслав волостным правлениям форму отчетности о мерах, принимаемых волостными головами и старостами по выполнению крестьянами повинностей, в качестве примерного ответа записал такой: «Выслал крестьян таких-то с провиантом и обязал старшину подпискою с тем, чтобы он их до того времени в селенье не впускал, пока не предьявят о сдаче провианта от контор квитанции»⁴²⁾.

• В первой половине XIX в. Канцелярией Кольвано-Воскресенского начальства был применен еще один способ заготовки провианта.

В 1812—1813 гг. горный округ был охвачен сильнейшим неурожаем. Цена 1 пуда хлеба доходила до 3 рублей. Крестьяне-бедняки умирали от голода. Гражданский губернатор Томской губернии Илличевский в своем донесении от 23 января 1813 г. сообщал Пестелю, что «горного ведомства в Ояшинской волости крестьяне до того подверглись нужде в пропитании, что решились уже примешивать к муке глину и питаться таковым хлебом»⁴³⁾. Но особенно страдали от недостатка продовольствия южные волости и горнозаводские поселки. Из-за употребления недоброкачественной пищи вспыхнули эпидемические заболевания. Современник писал: «В казенных заводах от скудной пищи появилась тогда повальная болезнь и губила людей сотнями. В Зменногорске смертность была так

³⁶⁾ П. Школкин. Хозяйственно-статистическое описание Бурлинской волости. Журнал заседаний Московского общества сельского хозяйства. Кн. 1, М., 1863, стр. 45.

³⁷⁾ ГАТО, ф. 62, оп. 1, д. 21, л. 291.

³⁸⁾ ГАТО, ф. 68, оп. 1, д. 16, л. 128.

³⁹⁾ ГАТО, ф. 61, оп. 1, д. 85, л. 19.

⁴⁰⁾ ГАТО, ф. 62, оп. 1, д. 43, л. 205.

⁴¹⁾ ГАТО, ф. 421, оп. 1, д. 36, лл. 153—154.

⁴²⁾ ГАТО, ф. 56, оп. 1, д. 18, лл. 17—18.

⁴³⁾ Государственный архив Омской области. ф. 2, оп. 1, д. 188, лл. 12—13.

веллика, что гробы заготовлены были вперед, и в одну могилу клали человек по семьдесят»⁴⁴).

Заводские и рудничные провиантские магазины должны были иметь двухгодичный запас хлеба и крупы, однако положенного запаса сделано не было. Канцелярия горного начальства приказала земским управителям выявить наличие хлеба у крестьян и составить ему описи. Однако эта мера не принесла желаемых результатов. Зажиточные крестьяне прятали хлеб, зная, что в противном случае им придется его продавать по заниженным ценам. Тогда Канцелярия горного начальства, не спрашивая согласия крестьянских обществ, приказала взять хлеб из сельских хлебозапасных магазинов. Указы об этом издавались ею дважды: 17 октября 1812 г. и 12 февраля 1813 г.⁴⁵).

Дело об изъятии заводами из сельских хлебозапасных магазинов рассматривалось в Комитете министров. В своем определении от 21 марта 1813 г. Комитет министров указал, что заводское начальство не имело права брать хлеб из сельских магазинов, «ибо в самых правилах о сельских магазинах предписано не выдавать сего хлеба никому ни под каким предлогом, кроме тех, кои его вносят»⁴⁶). Однако, хотя действия горнозаводского начальства были признаны незаконными, никто из его чинов не понес никаких наказаний. Более того, взятый из сельских магазинов хлеб по постановлению Комитета министров должен был быть возвращен заводами не немедленно, а лишь со следующего урожая⁴⁷). Но и этого постановления горнозаводское начальство не выполнило.

Всего из сельских хлебозапасных магазинов заводами было взято 290657 пудов 32,5 фунта хлеба. На апрель 1817 г. заводы не возвратили 285 тыс. пудов⁴⁸). Лишь к ноябрю 1818 г. ими было возвращено 289114 пудов 27,5 фунтов. В то время, как в 1812—1813 гг. пуд хлеба стоил от 2 до 3 рублей, возвращенный хлеб обошелся им в среднем по 41 коп. за пуд⁴⁹).

Все сказанное позволяет сделать вывод, что и в первой половине XIX века основная масса заготавливаемого Алтайскими горными предприятиями провианта и фуража приобреталась ими у приписных крестьян в принудительном порядке по ценам ниже рыночных. Для приписных крестьян поставка провианта и фуража на заводы и рудники являлась одной из тяжелых феодальных повинностей.

⁴⁴) Научная библиотека Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева, Витр. 786, «Голубая книга», л. 77.

⁴⁵) ГАТО, ф. 62, оп. 1, д. 22, лл. 188—189.

⁴⁶) ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 56, л. 102.

⁴⁷) Там же.

⁴⁸) ГААК, ф. 163, оп. 1, д. 59, л. 24.

⁴⁹) ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 2196, лл. 284—285.

РАЗВИТИЕ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ КАИНСКОГО ОКРУГА ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Ф. С. КУЗЬМИНА

Каинский округ, самый западный из всех округов Томской губернии, занимал центральную часть Барабинской степи. На севере, в верховьях р. Оми и ее притоков территория округа сливалась с Васюганской болотистой низменностью, а на юге в районе озера Чаны и речки Карасук граничила с Алтайским горным округом.

По сведениям Томского губернского правления Каинский округ в 1825 г. занимал пространство в 87300 кв. верст. Все население округа русские и татары-барабинцы проживали на территории 27004 кв. верст. Остальные 60296 кв. верст по характеристике этого документа «заклучают в себе одно лесное и болотистое пространство, кое привести в настоящую известность по пустоте и необитаемости никаких средств не предвидится»¹⁾.

В первой половине XIX в. население Каинского округа состояло из государственных крестьян, ссыльных поселенцев, прибывавших сюда в большом количестве из центральных губерний России, и ясачных татар-барабинцев. Государственных крестьян в Каинском округе в 1812 г. было 10953 души мужского пола, в 1850 г. — 23589²⁾. Сведения о количестве ссыльных поселенцев менее полны и, кроме того, они часто противоречат друг другу, так как строгого учета ссыльных не существовало. После сопоставления данных нескольких источников можно считать, что в Каинском округе находилось в 1825 г. 2690 душ мужского пола ссыльных, в 1840 г. — 9529³⁾. Татар-барабинцев по сведениям, доставленным в ясаную комиссию, в 1830 г. числилось в округе 2481 душ мужского пола⁴⁾.

Хозяйственная деятельность населения развивалась в условиях товарно-денежных отношений, получивших в первой половине XIX в. значительное распространение в связи с господством денежной ренты. Еще в 30-е годы XVIII в. свыше 50% западносибирских крестьян на государственных землях выплачивали денежную ренту, а с 1762 г. она стала

¹⁾ Центральный государственный исторический архив в г. Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 379, оп. 1, д. 974, л. 120.

²⁾ ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1, д. 4, лл. 46—47. Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 3, оп. 1, д. 352, лл. 536—537, ф. 3, оп. 2, д. 3096, л. 363.

³⁾ ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1, д. 26, лл. 114—115, д. 32, лл. 263—265, д. 38, лл. 139—140; ГАОО, ф. 3, оп. 2, д. 1927, л. 228.

⁴⁾ ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1, д. 277, л. 463.

господствующей формой эксплуатации сибирских крестьян⁵). При денежной ренте непосредственный производитель продолжает производить сам наибольшую часть своих средств существования, однако, часть его продукта должна теперь быть превращена в товар, произведена как товар. Характер производства изменяется, утрачивает свою независимость от связи с обществом. Денежная рента предполагает уже более значительное развитие торговли и городской промышленности⁶).

В крестьянских хозяйствах наиболее развитый торговый характер приобретала та или иная сторона хозяйственной деятельности в зависимости от специфических условий. Среди сибирских крестьян были распространены различные виды занятий. Н. М. Дружинин отмечал, что сибирские крестьяне наряду с занятием земледелием усиленно занимались скотоводством и разными промыслами⁷).

Поэтому, пожалуй, неправильными являются попытки искать развитие товарно-денежных отношений только в сельскохозяйственном хозяйстве крестьян, как это делают Л. И. Светличная и Г. П. Жидков⁸).

Л. И. Светличная считает, что товарно-денежные отношения развивались сильнее всего в сельском хозяйстве и торговле, слабее — в промышленности. Для сбыта сельскохозяйственной продукции в Сибири имелся, якобы, довольно значительный внутренний рынок, возникший на базе общественного разделения труда. По ее сведениям в Сибири в 1819 г. из всего урожая в 5 млн. четвертей, на хлебный рынок было выброшено 2,5 млн. четвертей, а вместе с крупной и другими продуктами — 3 млн. четвертей⁹).

Это положение неверно как в теоретическом, так и в фактическом плане. В. И. Ленин, разбирая вопрос о возникновении товарного производства, показал, что такой продукт, как хлеб везде и всегда всего позже и медленнее тягивается в товарное обращение¹⁰).

Общественное разделение труда в Сибири в I четверти XIX в. не достигло еще такой степени развития, когда разложение товаропроизводителей распространяется на сельскохозяйственную промышленность.

Г. П. Жидков рассматривает также товарность только сельскохозяйственного хозяйства приписных крестьян Алтайского горного округа и утверждает, что в первой половине XIX в. она росла быстрее, чем в Европейской России. Этот вывод он строит на основе применения особой методики расчета. Суть ее заключается в том, что из всего урожая определяются путем подсчета в общем по округу внутренние потребности крестьянских хозяйств, т. е. учитывается расход зерна на посев к будущему году, на питание населения и на корм лошадей. Оставшаяся масса хлеба объявляется товарной. На основании таких расчетов оказалось, что в урожайные годы уровень товарности сельскохозяйственного хозяйства крестьян достигал высокого процента, а в неурожайные годы сводился к нулю. Остается совершенно недоказанным — реализуется ли на рынке весь хлеб, показанный как товарный, за тот или иной год. Таблица о процентном содержании товарного хлеба в валовом и «чистом» сборе не по-

⁵) М. М. Громыко. Соотношение видов феодальной ренты в Западной Сибири в первой половине XVIII в. Изв. СО АН СССР, № 9, вып. 3, 1964, стр. 107—108.

⁶) К. Маркс. Капитал. Т. 3, М., 1951, стр. 810.

⁷) Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1, М.—Л., 1946, стр. 423—429.

⁸) Л. И. Светличная. К вопросу об экономическом развитии Сибири в I четверти XIX в. Ученые записки Тюменского пединститута, т. V, вып. 2, 1958, стр. 137—155; Г. П. Жидков. Уровень товарности сельскохозяйственного хозяйства приписной деревни Западной Сибири в дореформенный период. Изв. СО АН СССР, № 5, вып. 2, 1964, стр. 117—125.

⁹) Л. И. Светличная. Указ. соч., стр. 138—140.

¹⁰) В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 1, стр. 113.

казывает роста товарности земледельческих хозяйств из года в год, а, наоборот, говорит о резких колебаниях, что находится в противоречии с выводом автора о существовании тенденции быстрого роста товарности земледельческого хозяйства крестьян в предреформенный период¹¹⁾.

Безусловно, отрицать втягивание земледельческих хозяйств крестьян в торговый оборот не приходится. Вполне достоверными являются факты продажи хлеба сибирскими крестьянами на заводы и рудники Алтайского горного округа, на казенные и частные винокуренные заводы, в военные провиантские магазины, в города, в северные неземледельческие районы, в Казахстан, а с 30-х годов XIX в. на прински частных золотопромышленников в Томский округ и Енисейскую губернию. Но преувеличивать товарность земледельческого хозяйства крестьян тоже нет оснований. В первой четверти XIX в. потребителем хлебной продукции в Сибири было только казенное ведомство. В 1820 г. М. М. Сперанский указывал, что в Западной Сибири ежегодно требовалось в провиантские запасные магазины, а также на казенные винокуренные заводы 2062000 пудов хлеба¹²⁾. Другим крупным потребителем хлебной продукции были заводы и рудники Алтайского горного округа, куда в 1818 г. требовалось на заводской провиант 84000 четвертей, или 672000 пудов хлеба¹³⁾.

Кроме того, что в Сибири был недостаточен рынок для сбыта сельскохозяйственных продуктов, существовали еще многочисленные ограничения торговли, в том числе торговли хлебом, введенные местной администрацией и сохранившиеся вплоть до 20-х годов XIX в. Томской губернии, например, население не имело права продавать хлеб, скот и лес за пределы губернии, а также из одного округа в другой. Для продажи этих предметов каждый раз необходимо было получить особое разрешение¹⁴⁾. С 1812 по 1818 гг. действовал запрет о вывозе хлеба в Казахстан и Среднюю Азию. Только по особым разрешениям начальника сибирского корпуса генерал-лейтенанта Глазенапа за это время было отпущено за границу 8500 четвертей хлеба¹⁵⁾.

При закупке хлеба для казенных потребностей широко были распространены различного рода злоупотребления. Земские чиновники и полиция произвольно устанавливали в каждом округе низкие цены на хлеб, по которым принуждали крестьян продавать его. Из-за вымогательства и злоупотреблений земских чиновников крестьяне неохотно являлись на торги, объявляемые казенными палатами¹⁶⁾.

Против существующих ограничений в торговле М. М. Сперанским в 1820 г. были изданы «Подтвердительные правила о свободе внутренней торговли в Сибири»¹⁷⁾. От городской и земской полиции требовалось «не делать ни малейшего стеснения внутренней торговле». Запрещалось препятствовать привозу продуктов сельского хозяйства в города или селения и продаже их по вольным ценам. Все продукты одного округа или губернии разрешалось свободно доставлять и продавать в другие места. Отменялся старый порядок заготовки хлеба для казенных потребностей через земских чиновников и полицию. Хлеб должны были покупать с торгов на основании общих правил. Если крестьян,

11) Г. П. Жидков. Указ. соч., стр. 123—125.

12) ЦГНАЛ, ф. 1264, оп. 1, д. 3, лл. 13—14.

13) Г. П. Жидков. Указ. соч., стр. 122.

14) М. М. Сперанский. Отчет в обозрении Сибири с предварительными сведениями и основаниями к образованию ее управления. Сборник С. Прутченко «Сибирские окраины». СПб., 1899, стр. 7—8.

15) ЦГНАЛ, ф. 1287, оп. 1, д. 1550, л. 255.

16) М. М. Сперанский. Указ. отчет, стр. 8—9, 26.

17) ЦГНАЛ, ф. 1409, оп. 1, д. 3199, лл. 1—16.

продающих хлеб, на объявленные торги являлось мало, то разрешалось каждой воинской части или винокуренному заводу посылать своих комиссионеров в села, где они могли купить хлеб.

• «Подтвердительные правила» содержали пункт о праве свободной торговли как своим, так и покупным скотом. Никто не должен был спрашивать особого разрешения на прогон скота по трактовым или проселочным дорогам.

• «Подтвердительные правила» открывали простор развитию торговли сельскохозяйственными продуктами. Но далеко не сразу и не везде прежние ограничения торговли были устранены. Так, в 1823 г. каинский земский исправник пытался запретить крестьянам делать закуп хлеба с целью его перепродажи¹⁸⁾. Генерал-губернатор Западной Сибири Капцевич вместо объявления торгов по закупке хлеба, снова начал практиковать старые методы, посылая в округа своих адъютантов, которые заставляли крестьян продавать хлеб по низким ценам. Сибирский комитет в 1826 г. осудил действия Капцевича и потребовал соблюдения «Подтвердительных правил»¹⁹⁾.

Постепенно с устранением ограничений торговли продуктами сельского хозяйства была ликвидирована прежняя изолированность и хлеб из одной губернии мог быть продан в другие. Свобода торговли способствовала росту товарности земледельческого хозяйства крестьян. Рост товарности земледельческих хозяйств, таким образом, связан с увеличением рынков сбыта.

Однако в первой половине XIX в. в Западной Сибири после того, как были освоены южные плодородные лесостепи, крестьянские хозяйства стали остро ощущать узость рынка сбыта. • В 1827 г. сенаторская комиссия отмечала, что в южных плодородных округах Тобольской губернии крестьяне «не имеют способов сбывать хлеб, цены при изобильном урожае упадают до такой степени, что не могут вознаграждать трудов поселяннина»²⁰⁾.

• В 30-е годы XIX в. спрос на сельскохозяйственные продукты несколько увеличился в связи с возникновением частной золотопромышленности в Томском округе, основанной на вольнонаемном труде. В Томский округ стали привозить на продажу хлеб из всех соседних округов и даже из Тобольской губернии. • В 40—50-е годы XIX в. развитие золотопромышленности переместилось в Енисейскую губернию, куда по-прежнему поступали на продажу продукты сельского хозяйства из Западной Сибири²¹⁾.

• В 30-е годы XIX в. возросла торговля на пограничной сибирской линии. • С 1835 г. здесь разрешили свободную меновую торговлю между казахами и русскими и продажу хлеба с платежом отпускных пошлин. Затем особыми указами от 18 июня и 3 июля 1835 г. было разрешено: «для поощрения киргизов к развитию хлебопашества дозволить в течение десяти лет отпускать во внешние округа Омской области всякого рода хлеб и земледельческие орудия для киргиз беспошлинно»²²⁾.

В общем объеме хлебной торговли Сибири соответствующее место занимала продукция каждого округа. Для того, чтобы судить об уровне

¹⁸⁾ ЦГИАЛ, ф. 1376, оп. 1, д. 33а, лл. 112—113.

¹⁹⁾ Материалы, касающиеся некоторых беспорядков по управлению в Западной Сибири. Сборник С. Прутченко «Сибирские окраины», СПб., 1899, стр. 307.

²⁰⁾ ЦГИАЛ, ф. 1376, оп. 1, д. 4, л. 62.

²¹⁾ ГАОО, ф. 3, оп. 2, д. 1927, л. 429; Ю. А. Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири, т. 2, СПб., 1854, стр. 326—327.

²²⁾ ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1, д. 45, лл. 15—16.

товарности земледельческого хозяйства крестьян, необходимо иметь некоторое представление о состоянии земледелия.

В Каинском округе земледелие было распространенным занятием среди крестьян. В 1840 г. ревизоры комиссии, организованной министерством государственных имуществ, П. Д. Киселевым, установили, что в Каинском округе земледелием занимались почти все крестьяне, за исключением 425 человек, что составило 2% от общего числа. Очень мало занимались земледелием ссыльные поселенцы и татары-барабинцы. В 1840 г. только 10,5% ссыльных поселенцев Каинского округа сеяли хлеб в небольшом количестве²³). Среди татар-барабинцев преобладало промыслово-охотничье хозяйство. С 1832 по 1835 г. татары Каинского округа ежегодно засевали хлебом в общей сложности от 244 до 291 десятины земли²⁴). Совсем не занимались земледелием татары Каргалинской волости, расположенной в лесной болотистой местности в верховьях речки Тартас.

В первой половине XIX в. в Каинском округе под посевами было занято следующее количество земли: в 1812 г. — 10793 десятины, и в 1849 г. — 55194 десятины. Посевная площадь возросла не только в общем по округу, но и в расчете на каждую ревизскую душу. В 1812 г. на каждую ревизскую душу государственных крестьян приходилось около 1 десятины посева, в 1849 г. — по 2,3 десятины. В эти же годы валовый сбор зерна был равен в 1812 г. — 78501 четверти, в 1849 г. — 337650 четвертей²⁵).

Продукция земледельческого хозяйства каинских крестьян в первой четверти XIX в. поступала в продажу на Екатерининский винокуренный завод, расположенный около г. Тары, куда с 1818 по 1826 г. ежегодно требовалось около 19000 четвертей хлеба, и в военные провнантские магазины на Иртышскую линию. Иногда хлеб в Каинском округе покупали для отправки в северные неземледельческие округа, но только в тех случаях, когда не могли полностью сделать закупки в селениях округов, что примыкали непосредственно к берегам Оби и Иртыша, по которым сплавляли закупленный хлеб на север²⁶). Поставка хлеба в Екатерининский винокуренный завод и в военные провнантские магазины не была монополией каинских крестьян. Хлеб указанным потребителям поставляли еще крестьяне Тарского, Омского округов и из других мест. В 1820 г. из Каинского округа было продано в военные провнантские магазины только 4358 четвертей²⁷).

Из-за недостатка сбыта зажиточные крестьяне накапливали в своих амбарах большие запасы хлеба, который успешно могли реализовать в неурожайные годы. Так, например, в неурожайном 1813 г. зажиточные крестьяне Иткульской и Убинской волостей выгодно продавали накопившиеся у них запасы хлеба и раздавали беднякам с условием отработки. Они просили исправника, приехавшего сюда для проверки бедственного состояния поселенцев и крестьян, не разрешать выдачу хлеба из запасных магазинов потому, что они, «имея друг о друге попечение из своих собственных избытков и покупкою до будущего урожая, не допустят никого до потери с голоду»²⁸). Зажиточные крестьяне Иткульской и Убинской волостей стремились воспользоваться затруднениями бедняков и продавали хлеб по высоким ценам.

²³) ЦГИАЛ, ф. 1589, оп. 1, д. 555, л. 154.

²⁴) ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1, д. 40, л. 64; д. 42, л. 65; д. 44, л. 65; д. 46, л. 21.

²⁵) ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1, д. 4, л. 332; д. 42, лл. 62—63; ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 352, лл. 536—537; оп. 2, л. 2764, лл. 474—475.

²⁶) ЦГИАЛ, ф. 1376, оп. 2, д. 33а, лл. 23—26; ф. 1264, оп. 1, д. 4, лл. 460—462.

²⁷) ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1, д. 4, л. 464.

²⁸) ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 188, л. 33.

С 30-х годов XIX в. хлеб из Каинского округа поступал в продажу на золотые приски Томского округа. В связи с этим заметно увеличилось земледелие в Иткульской и Убинской волостях, которые были расположены рядом с Томским округом.

Тем не менее в 30—40-е годы XIX в. вопрос о рынках сбыта хлеба являлся одним из самых острых. Об ограниченности хлебной торговли в 1836 г. писал генерал-губернатор Западной Сибири князь Горчаков в докладной записке императору: «в теперешнем положении хлебопашества в Тобольской и Томской губерниях при посредственном урожае получается такой избыток хлеба, что за прокормлением туземцев, продовольствием войск и обеспечением винокурения, остается его немалое количество, из коего ничтожная только часть идет в Киргизскую степь на обмен скота, а остальное затем пропадает без пользы для хозяина или в вящей его ущерб служит к дальнейшему понижению цен и без того столь ограниченных». Эта же мысль звучала в высказываниях чиновника особых поручений главного управления Западной Сибири Смирнова²⁹⁾.

Там, где сбыт хлеба был особенно затруднен, цены оказывались очень низкими. Ю. А. Гагемейстер отмечал, что в Каинском округе, который не имел водного пути для отправки хлеба на север и далеко был удален от заводов Алтайского горного округа, цены на хлеб были, пожалуй, самые низкие из всей Томской губернии³⁰⁾. Позднее, в 1878 г., Н. М. Ядринцев, путешествуя по Барабе, заметил, что хорошие почвы ее дают сказочно богатые урожаи, вызывающие удивление, но тем не менее доходы крестьян от земледелия невелики. Причиной тому являются низкие цены на хлеб из-за отсутствия рынков сбыта³¹⁾. Г. Н. Потанин также писал, что в Барабе «вследствие недостатка сбыта и дешевизны хлеба доход от земледелия крайне невелик»³²⁾.

Таким образом, в развитии торговли Сибири хлеб крестьян Каинского округа играл незначительную роль и, следовательно, уровень товарности их земледельческого хозяйства был невысокий. Тем не менее этот округ не был самым отсталым и захолустным районом. В первой половине XIX в. товарно-денежные отношения получили здесь соответствующее развитие.

Более высоким уровнем товарности отличалось скотоводческое хозяйство крестьян Каинского округа. Мясо, масло, сало, так же как и хлеб, все время поставляли в военные провиантские магазины, а с 30-х годов — на золотые приски в Томский округ. Продукты скотоводства в большей мере, чем хлеб скупались на сельских ярмарках и базарах. В 30-е годы XIX в. на Ишимскую ярмарку ежегодно привозили до 80000 пудов сала, 10000 пудов масла и около 300 пудов щетины³³⁾. В этом числе была продукция и из Каинского округа.

В Западной Сибири был большой спрос на воловьих кожи, которые выделывали на многочисленных кожевенных заводах. Больше всего кожевенных заводов находилось в Тюменском округе. В Каинском округе в 30-е годы XIX в. было два кожевенных завода, которые в 1835 г. оказались во владении одного хозяина и были расширены. В 40-е годы XIX в. завод выпускал до 3000 штук выделанных кож на 27000—

²⁹⁾ ЦГИАЛ, ф. 1409, оп. 2, д. 6035, лл. 48—49; ф. 1589, оп. 1, д. 560, л. 18.

³⁰⁾ Ю. А. Гагемейстер. Указ. соч., стр. 327—328.

³¹⁾ Н. М. Ядринцев. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ. Записки Западносибирского отд. имп. рус. геогр. общ-ва. Кн. 2, Омск, 1880, стр. 17.

³²⁾ Г. Н. Потанин. Бараба. Живописная Россия. Т. XI. СПб., 1884, стр. 104.

³³⁾ Ю. А. Гагемейстер. Указ. соч., стр. 296.

30000 рублей серебром в год³⁴). Кроме того, в 1840 г. в Канском округе было еще 15 ремесленников-кожевников из крестьян, которые занимались производством кож на продажу. Один из них из д. Назаровой Покровской волости вел кожевенное дело в крупных размерах. В конце 40-х годов XIX в. в с. Устьянцево Нижне-Каннской волости был открыт кожевенный завод, состоящий из 3-х чапов, купцов 3-й гильдии Максимом Митрохиным. Из материалов киселевской ревизии за 1839—1840 гг. известно, что в с. Устьянцево один крестьянин занимался торговлей выделанными кожами, скупая их у крестьян³⁵). Можно с уверенностью сказать, что эта торговля дала ему возможность накопить необходимую сумму денег и открыть свое предприятие. Развитие торговли способствовало выделению зажиточной верхушки деревни. Продукция кожевенной промышленности Канского округа находила сбыт внутри округа, а также вывозилась на продажу в Китай через Кяхтинскую таможню³⁶). По сведениям Ю. А. Гагемейстера в 1847 г. юфть каннской выделки составляла 3% от общего числа проданной в Китай, а в 1848 г. — 12%³⁷).

Крестьяне Канского округа успешно занимались скотоводством. В 1865 г. И. Завалишин, описывая Западную Сибирь, выделил Канский округ как район скотоводства, а особенно коневодство, которое было здесь развито даже лучше, чем на всем юге Тобольской губернии³⁸).

В 1835 г. во владении канских крестьян находилось 35614 лошадей и 47530 голов крупного рогатого скота³⁹). В среднем на каждую ревизскую душу приходилось по 2 лошади и 2,6 голов крупного рогатого скота. Обеспеченность скотом так же, как размеры земледелия крестьян, были неодинаковы. В 1840 г. в селениях Верхне-Омской волости приходилось в среднем на каждый двор от 2-х до 40 голов. В деревнях Старогутовой, Горбуновой, Козиной в среднем на каждый двор приходилось по 10 голов крупного рогатого скота и лошадей вместе, в с. Иткульском — по 20 голов, в д. Коятской — по 27, в Костылевой — по 40, в Чулымской — по 60⁴⁰). При существовании имущественного неравенства, характерного для всего феодального периода, подобные цифры говорят о том, что у одних крестьян имелись больше табуны скота в несколько сотен голов, у других — одна, две лошади.

Но самые большие доходы получили крестьяне от коневодства. В первой половине XIX в. с ростом торговых оборотов Ирбитской ярмарки и в Кяхте увеличились перевозки грузов по тракту. Перевозка различных грузов и проезжающих давала крестьянам постоянные заработки, зависящие от того, сколько лошадей они могли использовать для этой цели. Все грузы через Сибирь перевозились на лошадях. В 1834 г. было установлено, что иногда в один день в каком-нибудь месте по тракту требовалось для подъема грузов, находящихся в пути, до 200 лошадей⁴¹).

В 50-е годы XIX в. около 5000 лошадей в подводах проходило от одного конца Сибири до другого, остальные менялись по дороге. Всего по главному сибирскому тракту ежегодно перевозилось до миллиона пудов груза, для подъема которого требовалось 50000 лошадей⁴²).

³⁴) Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 3, оп. 18, д. 180, л. 55; д. 174, лл. 58—59; оп. 4, д. 123, лл. 116, 201—202.

³⁵) ЦГИАЛ, ф. 1589, оп. 1, д. 554, лл. 90—112, ф. 144, оп. 2, д. 134, л. 26.

³⁶) ГАТО, ф. 3, оп. 19, д. 121, лл. 35—36.

³⁷) Ю. А. Гагемейстер. Указ. соч., стр. 533.

³⁸) И. Завалишин. Описание Западной Сибири, т. III, М., 1865, стр. 13.

³⁹) ГАТО, ф. 3, оп. 19, д. 193, л. 46.

⁴⁰) ЦГИАЛ, ф. 1589, оп. 1, д. 558, лл. 195—234.

⁴¹) Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 109, 4 эксп., оп. 189, д. 169, лл. 1—9.

⁴²) Ю. А. Гагемейстер. Указ. соч. 282—283.

На основании материалов киселевской комиссии известно, что в Каинском округе в 1839—1840 гг. выделялась уже определенная группа крестьян — «извозпромышленников», которые регулярно занимались перевозкой грузов. В Убинской волости они составляли 26%, в Иткульской — 30%, в с. Осиновые Колки Верхне-Каинской волости — 35% от всего количества населения.

Ревизоры комиссии разделили всех извозпромышленников на две группы: хозяев и работников. К числу хозяев-извозпромышленников относились те крестьяне, у которых извозный промысел был поставлен как крупное дело. Многие из них занимались извозом по торговым свидетельствам. Они заключали подряды на перевозку большого количества казенных или купеческих грузов до определенного места. В Усть-Тартаской волости было четыре таких крестьянина. Доходы их определены ревизорами комиссии по разному, у двух по 8000 рублей, у двух других по 2000 рублей в год⁴³). Эти показания ревизоров о доходах крестьян нельзя считать вполне достоверными, так как они получались на основании суммарных опросов крестьян и самостоятельных вычислений ревизоров. Крестьяне, боясь роста налогового обложения, старались скрыть и преуменьшить истинные доходы.

В Верхне-Омской волости извозпромышленников, которые занимались перевозкой большого количества грузов, было 39 человек, в Верхне-Каинской волости — 12, в Казанской, которая была удалена от тракта, — 5 человек. О некоторых извозпромышленниках известно, что они имели по четыре — шесть постоянных работников⁴⁴). Хозяйство этих крестьян носило уже торговый характер. Лошадей в таком хозяйстве держали для занятий извозным промыслом, а земледелие обеспечивало продуктами питания работников-ямщиков и кормом лошадей. С помощью дохода, получаемого от извозного промысла, крестьяне расширяли размеры своих хозяйств и использовали труд обедневших односельчан.

Другие крестьяне вследствие недостаточной предприимчивости или в результате падежа лошадей от сибирской язвы, эпизоотии, которые почти ежегодно происходили в Барабе, утрачивали возможность самостоятельно заниматься промыслом и попадали в зависимость от подрядчиков-извозпромышленников, превращаясь в «извозчиков-работников». Так, в Иткульской волости «хозяев» извозпромышленников было 119 человек, а «извозчиков-работников» — 251 человек, в Убинской волости первых было 135, а вторых — 217 человек⁴⁵).

Кроме хозяйств извозпромышленников в селах по тракту был еще ряд крестьянских хозяйств, отличающихся высоким уровнем товарности. Это были содержатели постоянных дворов. В каждом крупном селе по тракту было по несколько постоянных дворов, хозяева которых имели развитое земледельческо-скотоводческое хозяйство для обеспечения питанием проезжих за определенную плату.

Развитие товарно-денежных отношений наиболее ясными чертами выступало в промысловых занятиях крестьян. Жители Каинского округа, проживающие около озера Чаны, занимались ловлей рыбы на продажу. В 1822 г. около озера Чаны имелось несколько деревень, жители которых занимались исключительно рыбной ловлей и забросили земледелие. О них земские исправники писали, что живут они очень бедно, ибо весь улов рыбы заранее продают скупщикам по низким ценам. В 1882 г. из

⁴³) ЦГИАЛ, ф. 1589, оп. 1, д. 554, лл. 78—109.

⁴⁴) ЦГИАЛ, ф. 1589, оп. 1, д. 554, лл. 78—109.

⁴⁵) ЦГИАЛ, ф. 1589, оп. 1, д. 554, лл. 110—116.

озера Чаны добывалось до 20000 пудов рыбы в год. При этом вывозилось на продажу свежей рыбы 11500 пудов, вяленой 1600 пудов⁴⁶⁾.

• К 50-м годам XIX в. рыбный промысел в озерах Барабы достигает более значительных размеров, несмотря на то, что хищнический лов, а также обмеление озер привели к уменьшению рыбных запасов. В 50-е годы XIX в. из озера Чаны добывалось около 150000 пудов рыбы, из Сартлана, Урюма и Тандова до 30000 пудов в год. Количество добываемой рыбы несколько уменьшилось, но продажа ее увеличилась. В один только Алтайский горный округ из озер Каннского округа вывозилось на продажу 10000 пудов окуней, щук и 36000 пудов карасей, чебаков, ленков и ершей⁴⁷⁾. Кроме того, мороженая, вяленая и копченая рыба продавалась на ярмарках Каннского округа и вывозилась в южные округа Тобольской губернии.

• Развитие торговли способствовало углублению имущественной дифференциации крестьянства и перерастанию ее в капиталистическое расслоение. Среди «рыболовцев» Каннского округа этот процесс был замечен особенно ясно. В Казанской волости, расположенной на северном берегу озера Чаны, к 1840 г. сложилось несколько компаний из крестьян-рыболовцев, ведущих лов рыбы неводами. Каждая компания нанимала работников. Так, в с. Зюзинском находилась компания из четырех крестьян-рыболовцев и 29 работников, в д. Беловой — в составе трех хозяев и 28 работников, в д. Чистоозерной — из трех хозяев и 36 работников. Рыболовецкие компании подобные этим показаны ревизорами киселевской комиссии в десятих деревнях Казанской волости. Богатые крестьяне-рыболовцы Казанской волости были в то же время наиболее зажиточными земледельцами и скотоводами. Так, крестьянин Первухин, один из самых крупных рыболовцев, владел всем островом Банниковым на озере Чаны, где имелось пахотных и сенокосных угодий до 120 десятин. В хозяйстве его было 65 голов крупного рогатого скота и лошадей⁴⁸⁾.

С другой стороны, в Казанской волости были такие крестьяне, которые, занимаясь добычей рыбы, попали в зависимость от скупщиков. Часто они не имели собственных орудий лова и брали их у богатых рыболовцев, за что отдавали часть пойманной рыбы. Сельское хозяйство этих крестьян приходило в упадок. Не имея возможности восстановить свое хозяйство, бедняки-крестьяне забрасывали его и превращались в наемных работников. В этих случаях не выгодный промысел, а нужда заставляла крестьян порывать с сельским хозяйством.

• В материалах киселевской ревизии зачатки капиталистического расслоения крестьян выступают яркими чертами. В селах Каннского округа появились представители зарождающейся сельской буржуазии, которые сосредоточивали в своих руках занятие выгодным видом промысла, имели крупное земледельческо-скотоводческое хозяйство и эксплуатировали труд обедневших односельчан. Безусловно в это время крестьянская буржуазия не получала еще большего влияния и не была так могущественна, как во второй половине XIX в. В 30—40-е годы XIX в. она только начинала формироваться.

На другом полюсе деревни из числа крестьян начали выделяться полупролетарские элементы. В материалах киселевской ревизии по каждому округу Тобольской и Томской губерний показано определенное число «неоседлых» крестьян, которые, как указал Н. М. Дружинин,

⁴⁶⁾ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 48, лл. 13, 14—21, 41—42.

⁴⁷⁾ Ю. А. Гагемейстер. Указ. соч. стр. 216.

⁴⁸⁾ ЦГИАЛ, ф. 1589, оп. 1, д. 554, лл. 103—109.

«не имели собственного хозяйства и жили продажей своей рабочей силой»⁴⁹). В Каинском округе число «неоседлых» крестьян составило 4,7% от общего числа государственных крестьян⁵⁰). Кроме того, в Каинском округе проживало много ссыльных поселенцев, часть из них занимались каким-либо промыслом, т. е. были плотниками, портными; для других единственным источником существования была работа по найму в хозяйстве зажиточных крестьян. Таким образом, процент деревенского полупролетариата был значительно выше указанного.

* Товарно-денежные отношения в Каинском округе к началу 40-х годов XIX в. получили уже значительное развитие. Об этом, кроме всего выше сказанного, свидетельствовал рост ярмарочной торговли. В начале XIX в. в Каинском округе имелась только одна ярмарка в с. Вознесенское, которая происходила ежегодно весной. В 30-е годы XIX в. она стала самой крупной по торговым оборотам не только внутри округа, но во всей Томской губернии. На ярмарку в с. Вознесенское приезжали купцы, мещане и крестьяне из разных округов Тобольской и Томской губерний и даже известные на всю Россию «вязниковцы», торгующие красными товарами и иконами. На Вознесенской ярмарке продавались шелковые, хлопчатобумажные товары, крестьянские сукна и потники, колеса, железные изделия, серые и выделанные кожи, вяленая, копченая и свежая рыба, деготь, смола, хлеб, скот, сало и другие товары крестьянского производства. В 1838 г. на ярмарку было привезено товаров на сумму 76000 рублей, а в 1851 г. на 87710 рублей. Основная торговля заключалась в закупке товаров крестьянского производства. «На ярмарку в Каинском округе приезжают из округов Тобольской и Пермской губерний для закупки сельских произведений от местных жителей»⁵¹).

• В 40—50 годы XIX в. в селах Каинского округа, расположенных по тракту, возникли новые ярмарки. Четырехдневные осенние ярмарки происходили в селах Иткульское и Спасское. В 1857 г. по просьбе крестьян была организована ярмарка в с. Осиновые Колки. Крестьяне утверждали, что даже первое время торговые обороты ее будут не менее 5000 рублей, и что они смогут здесь продавать крупный рогатый скот и лошадей, сырые воловьих кожи и овчины, сало, масло, шетину, хлеб и различные ремесленные изделия. С 1854 г. начала действовать ежегодная осенняя ярмарка в с. Круглоозерное. В 50-е годы XIX в. крестьяне уже не могли обойтись без рыночных связей. Все большее количество продуктов своего хозяйства они продавали на ярмарках и сельских базарах.

Промыслово-охотничье хозяйство татар-барабинцев тоже втягивалось в торговлю. Татары продавали шкурки белок, горностаев, лисиц, птичий пух, рыбу. Для некоторой части обедневших татар единственным источником существования являлись сезонные работы в хозяйстве зажиточных русских крестьян⁵²).

• С расширением торговли в Каинском округе появились торговцы-скупщики, основная хозяйственная операция которых состояла в покупке товаров крестьянского производства для перепродажи. В 30-е годы XIX в. в Барабе появились скупщики хлеба, которые заключали торговые договоры с военным ведомством или винокуренными заводами, на его поставку. В 1840 г. в Казанской волости находилось два скупщика рыбы, в Верхне-Каинской два скупщика скота⁵³). Представители зажиточного

⁴⁹) Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформы П. Д. Киселева. Т. 1. М.—Л., 1946, стр. 431.

⁵⁰) ЦГИАЛ, ф. 1589, оп. 1, д. 558, лл. 195—311.

⁵¹) ГАТО, ф. 4, оп. 18, д. 106, лл. 1, 21; ф. 3, оп. 19, д. 220, л. 23.

⁵²) ЦГИАЛ, ф. 1589, оп. 1, д. 555, лл. 50—53.

⁵³) ЦГИАЛ, ф. 1589, оп. 1, д. 554, лл. 96, 103—109.

меньшинства концентрировали сбыт в своих руках, превращая его в крупный и регулярный. Появление скупщиков свидетельствовало о том, что товарное производство выходило из низшей стадии своего развития, когда мелкий производитель сбывал на местном мелком рынке свои товары часто непосредственно в руки потребителя. С появлением скупщиков «мелкий производитель оказался отрезанным от рынка и беззащитным перед властью торгового капитала»⁵⁴).

Но скупщики были представителями примитивных форм торгового ростовщического капитала. В. И. Ленин указывал, что «докапиталистическая деревня представляла из себя (с экономической стороны) *сеть мелких местных рынков, связывающих крохотные группы мелких производителей*»⁵⁵).

Так, в первой половине XIX в. в Канском округе происходил процесс превращения натурального хозяйства крестьян в товарное, которое было основанием для возникновения элементов капиталистического уклада.

⁵⁴) В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 359.

⁵⁵) В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 381.

ФОРМЫ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ, ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И ОРУДИЯ ТРУДА В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Л. Г. СУХОТИНА

Более свободное и быстрое развитие капитализма в Европейской России во второй половине XIX в. оказало заметное влияние и на жизнь сибирского села. Перерастание товарно-денежных отношений в капиталистические начинает приобретать здесь широкий социальный характер.

Формирование новых отношений затронуло все стороны жизни крестьянского хозяйства. Оно проявлялось не только в усовершенствовании орудий сельскохозяйственного производства, росте его товарности и классового расслоения, но и в появлении новых форм землепользования и новых земледельческих систем, соответствовавших более высокому уровню экономического развития.

Во второй половине XIX в. Сибирь была одной из немногих окраин Российской империи, где еще сохранилось и даже преобладало захватное пользование землей. Оно являлось следствием особенностей социально-экономического развития Сибири. Огромные земельные просторы и редкое население, а также отсутствие помещичьего землепользования определили здесь господство таких форм землепользования, которые уже давно изжили себя в центральной России.

Но, вместе с тем, преобладание захватного пользования землей не исключало совершенно наличия других способов земельного пользования, да и само оно не представляло собою чего-то раз и навсегда установившегося, а существовало в самых различных проявлениях, в зависимости от степени экономического развития данной местности, качества и количества земли и густоты населения. Дореволюционные исследователи крестьянского хозяйства Сибири, в частности А. А. Кауфман, различали заимочно-захватное и захватно-вольное (или захватно-общинное) землепользование, как основные проявления захватного пользования землей.

Заимочно-захватное землепользование было наиболее ранней формой земельного пользования в Сибири, сохранившейся и во второй половине XIX в. Оно являлось следствием преимущественного вольного заселения Сибири в условиях значительного земельного простора и соответствовало стадии натурального хозяйства. Сущность заимочно-захватного землепользования заключалась в неограниченном праве для каждого крестьянина обратиться в свое исключительное пользование такое количество земли, которое соответствовало его хозяйственным силам.

Владельческие права домохозяина на заимку были почти неограниченными и, хотя юридически он был лишен права собственности на занимаемую им землю, фактически он мог передавать ее по наследству и даже отчуждать. Правда, последнее право на практике не осуществлялось в виду возможности для каждого крестьянина, если позволяло его хозяйственное положение, обзавестись такой заимкой.

Заимочное право сложилось в Сибири как обычное право. Оно находилось под охраной волостного суда¹⁾. Государственные власти до определенного времени тоже не ущемляли владельческих прав заимочников, ибо заимочное землепользование вначале не противоречило интересам казны, а скорее соответствовало им, способствуя колонизации Сибири. Заимочное право, само по себе, было не совместимо с существованием поземельной общины со всеми присущими ей чертами (уравнительным землепользованием, переделами и т. д.). Поэтому во второй половине XIX в. оно сохранилось лишь в тех местах, где община еще не сложилась, или еще только находилась в процессе своего зарождения.

Такая форма землепользования была возможна лишь при полном земельном просторе. По мере же роста земельной тесноты заимочное землепользование вступает в противоречие с интересами крестьян данного села, почему-либо оказавшихся обделенными землею, и постепенно уступает место захватно-общинному землепользованию. При этом виде земельного пользования каждый крестьянин распахивал участок в любом месте отведенной селу земельной дачи, но пашня оставалась в его пользовании только до тех пор пока крестьянин обрабатывал ее, а в многоземельных селах—даже некоторое время после оставления ее в залежах.

В отличие от заимочного захватно-общинное землепользование не исключало, а предполагало существование общины. Здесь уже проявлялась некоторая регулирующая роль общины, как главного распорядителя земельными угодьями внутри сельского общества. Вся земля, находившаяся во владении отдельных общинников, принадлежала самому обществу, а право прежнего владельца на пустующие земли сохранялось лишь до того времени, пока земля эта не понадобится другим членам общества.

Отмеченные два вида захватного землепользования не существовали строго один после другого. В рассматриваемое нами время они, как правило, сочетались, сосуществуя в границах одного села или волости. При этом, заимочное право существовало в отношении пользования пашней, поскольку ее обработка требовала вложения труда, а захватно-общинное — в пользовании другого рода угодьями: покосом, лесом, кедровниками. Исключение составляли лишь выгонные земли, с давних времен находившиеся в общинном пользовании, что объяснялось условиями существовавшего землепользования. Отсутствие сложившегося общинного землепользования с обязательными севооборотами приводило к пестрополью и постоянной возможности потрав посевов скотом. Поэтому сибирские крестьяне издавна сообща огораживали выгон, образуя поскотину.

В практике землепользования крестьян Сибири проявление рассмотренных форм было исключительно разнообразным, варьируя в самых различных сочетаниях в зависимости от степени экономической развитости, населенности и специфики природных условий (почвенных и физико-географических особенностей) данной местности.

¹⁾ Об этом говорится в справке канцелярии Комитета Министров. Центральный государственный исторический архив в г. Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1273, оп. 1, д. 357, лл. 1896, 1898.

Эволюция землепользования шла в направлении изживания старого заимочного землепользования и складывания передельной поземельной общины с уравнительным душевым пользованием землей.

Захват земли осуществлялся самыми различными способами. На Дальнем Востоке, например, крестьянин опаживал облюбованный участок земли одною или двумя бороздами, или располагал по его углам пашню, и участок считался занятым²⁾. В лесных районах захваченный участок «закоривался» (по границам его с деревьев снималась кора)³⁾. На территории Западной Сибири богатые крестьяне захватывали несколько полей, оставляя между ними свободное пространство и считая всю площадь, окруженную их пашнями, своим наделом. Такие факты часто имели место в жизни сельских обществ⁴⁾.

При захватном принципе пользования большая часть земли оказывалась в руках богатых крестьян, в то время как земельные участки малосостоятельных и средних крестьян все более ограничивались. Историк села Грановского (в 25 километрах от Иркутска), характеризуя бытовавший в нем в 80-х годах порядок землепользования, писал: «При существовании еще и ныне захватного пользования землями. самые лучшие земли очутились в руках многомочных семей, засевающих без всяких платежей сотни десятин, когда как маломочные семьи едва имеют по 2—3 десятины уже истощенной, плохой земли»⁵⁾.

Крестьянский начальник Мариинского уезда Томской губернии А. А. Штирен отмечал на заседании комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности, что при захватном способе пользования землей «более сильные семейства стесняют... слабые или приселяющихся позднее, а мир часто не умеет или не желает поправить эту ненормальность»⁶⁾.

Неограниченный захват земли, приводя к крайне неравномерному распределению ее между отдельными домохозяевами, неизбежно порождал у основной массы крестьян стремление к установлению уравнительного начала в землепользовании. В условиях сокращения земельного простора захватное право все более изживало себя.

В последней четверти XIX в. в Сибири уже не встречается, за редким исключением, совершенно неограниченного захватного пользования землей. Правда заимки (в прежнем понимании этого слова) еще сохранялись, но уже как пережиток прошлого. Они существовали лишь в отдаленных от тракта, слабо развитых и малонаселенных местностях Сибири как, например, на Дальнем Востоке, или в Нарымском крае на севере Томской губернии. В это же время уже повсюду в Сибири постепенно вводится все большее и большее ограничение захвата земли. Крестьяне пользовались пашней уже только до тех пор, пока продолжали эксплуатировать ее. Правда, еще ограждалось безусловное право на пользование лесными расчистками, но и оно начинает уступать место ограниченному пользованию. Устанавливались определенные сроки пользования залежью. Сроки эти все более и более сокращались: от 20—15 лет до 2—3, а местами отменялись вообще. В последнем случае пашня становилась свободной для захвата, как только ее переставал разрабатывать

²⁾ М. И. Старков. Амурское крестьянство накануне Октября. Благовещенск, 1962, стр. 33.

³⁾ Там же, стр. 34.

⁴⁾ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 56. Томская губерния. СПб., 1904, стр. 271.

⁵⁾ М. Загоскин. Одна из сибирских общин (селение Грановское). Памятная книжка Иркутской губернии на 1891 г. Иркутск, 1891, стр. 79.

⁶⁾ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, стр. 271.

прежний владелец, и даже расчистки, сами по себе, переставали быть основанием на право безусловного владения землею. Так, в 80 и 90-х годах в ряде поселков, расположенных по среднему течению Лены, были пущены в раздел все старые расчистки⁷⁾. В некоторых обществах богатых крестьян принуждали уделять часть их расчисток вновь прибывшим крестьянам⁸⁾. В уже упомянутом селе Грановском в 1884 г. захваты ограничивались приговором общества, которое решало, «смотря по трудности расчистки сколько лет домохозяин может пользоваться расчистью без платы налога»⁹⁾. Тем более ограничивалось пользование мягкими пашнями. В большинстве волостей Западной Сибири в 80-х годах крестьяне пользовались землей до тех пор, пока продолжали сеять на ней. Земли же, оставленные в залежь, по истечении некоторого срока, а иногда и сразу могли быть захвачены любым другим общинником. Такой порядок существовал в 90-х годах в большинстве волостей Томского уезда, входящих в состав Алтайского округа. Право пользования крестьянина данным участком сохранялось здесь еще некоторое время после прекращения распахивания¹⁰⁾. Сроки эти были различны в зависимости от нужды в земле, колеблясь от 1 года до времени полной пригодности ее к посевам. У крестьян некоторых сел Чаусской волости еще живы воспоминания о том времени, когда пустоши считались наделом того, кто пахал их прежде¹¹⁾. Очевидно, были совсем недалеко те времена, когда домохозяин сохранял право пользования занятым участком земли неограниченный срок, даже если переставал ее обрабатывать. То есть даже в наиболее населенной части Сибири, какой являлся во второй половине XIX в. Алтайский округ, в середине XIX в. господствовало ничем не ограниченное заимочно-захватное землепользование, которое к концу XIX в. уступает место ограниченному захвату, захватно-общинному землепользованию. Но ограничение касалось еще, в подавляющей массе случаев, лишь сроков пользования, а не размеров земельных участков, которые, как правило, еще не ограничивались какой-либо нормой. Такого рода ограничение захватного права лишь в некоторой мере ущемляло возможности сосредоточения больших площадей земли в руках богатых крестьян, но не устранило ее. Оно не могло затормозить все усиливавшуюся, по мере развития капиталистических отношений в сибирской деревне, тенденцию роста количества крупнопосевных хозяйств, так как не устанавливало определенных норм землепользования.

В таких условиях в среде основной массы крестьянства неизбежно зрело стремление к установлению равенства в землепользовании путем введения подушного надельного пользования землей. Исследователь крестьянского хозяйства Тобольской губернии начала 80-х годов отмечал, что земля здесь еще не переделывалась, но неравномерность земельных участков «...сильно беспокоит крестьян, они ждут ревизии» (чтобы произвести раздел земли)¹²⁾. «Сильное движение» среди крестьян в пользу переделов земли здесь в это время отмечает и А. А. Кауфман¹³⁾.

⁷⁾ Ф. Г. Сафронов. Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX в.) Якутск, 1961, стр. 213.

⁸⁾ Там же.

⁹⁾ М. Загоскин. Указ. соч., стр. 16.

¹⁰⁾ Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. Т. II, вып. 2 (Землевладение и землепользование). Барнаул, 1898, стр. 169.

¹¹⁾ Там же, стр. 167.

¹²⁾ Н. Петропавловский. По Ишиму и Тоболу. Записки Западносибирского отдела Императорского русского географического общества, кн. VIII, вып. I, Омск, 1886, стр. 24.

¹³⁾ См. А. А. Кауфман. Земельная община Курганского округа Тобольской губернии. «Сибирский сборник». Вып. 2. Иркутск, 1895, стр. 46.

Ограничения размеров землепользования начинают появляться в наиболее населенных и экономически развитых районах Сибири — вначале на территории Западной Сибири и прежде всего в центральных районах Тобольской губернии и Алтайском округе, а затем и в отдельных районах Восточной Сибири.

Установление равенства земельных наделов, как и вытеснение захватного землепользования, происходило постепенно, путем частичных поравнений. Так, в конце 80-х годов в Иркутской губернии производились «отмерки» земли от тех дворохозяев, которые имели слишком много земли, и передача ее малоземельным, или не имеющим земли вовсе. Но и эти частичные поравнения практиковались еще только в наиболее населенных северной части Иркутского округа¹⁴). Это было первое реальное проявление роли общины, которая начинает диктовать свои права пока только в отношении наиболее важного в крестьянском хозяйстве вида земельных угодий — пашни.

Другим более решительным вмешательством общины в землепользование крестьян было установление уравнительных переделов части земель. В начале 90-х годов в волостях Курганского округа Тобольской губернии, например, переделывались по душам лучшие и ближние земли, а дальние и плохие по качеству оставались в захватном пользовании¹⁵). Такие переделки к 1890 г. были произведены на территории всего округа за исключением 14 селений¹⁶). При этом, в некоторых селах, очевидно, были переделены все пахотные земли. К концу 900-х годов были произведены переделы пахотных земель и в ряде волостей Алтайского округа. В наиболее населенной Шубенской волости Бийского округа переделы пашен произошли во всех селах¹⁷).

Переделы земли возникали по требованию бедноты. Зажиточное крестьянство, в руках которого сосредотачивались большие по размерам и лучшие по качеству земельные участки, стояло за сохранение захватного пользования, вопреки желаниям и требованиям основной массы крестьян. Правда, в борьбе за земельные переделы определенную роль играла взаимная конкуренция крупных крестьян, как это было в Амурской области¹⁸), но в основе своей переделы были направлены против зажиточных крестьян и являлись своеобразным проявлением классовой борьбы в сибирской деревне.

Исследователь С. А. Чудновский, объехавший в 1884—1885 гг. большое число сел Алтайского округа и наблюдавший жизнь алтайских крестьян, отмечал, что разделу земли по душам в местных селах упорно сопротивлялись богатые слои. В деревне Песчаной Смоленской волости Бийского уезда многие крестьяне единодушно утверждали: «Нам житья не будет пока не переделят землю. Богатые захватили все земли. Они говорят нам: пашите, где хотите — у нас волюно. А явишься ты вездё — то окажется его пашня. Они захватили лучшие пашни, огородили их, лучшие покосы — все ихнее»¹⁹). Жители села Ново-Чемровское (Бийский уезд) рассказывали, что у них уже три года шли толки про передел земли, за который, однако, стояли лишь бедные крестьяне. «Теперь я бе-

¹⁴) См. А. А. Кауфман. Хозяйственный и общинный быт крестьян и инородцев Иркутской губернии. «Северный вестник», 1891, № 10, стр. 47—48.

¹⁵) См. А. А. Кауфман. Земельная община Курганского округа Тобольской губернии. «Сибирский сборник». Вып. 2, Иркутск, 1895, стр. 45.

¹⁶) Там же, стр. 46.

¹⁷) Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде. Вып. 2 (Шубенская волость). Барнаул, 1899, стр. 28.

¹⁸) М. И. Старков. Указ. соч., стр. 36.

¹⁹) С. А. Чудновский. Алтайская поземельная община. «Северный вестник», 1888, № 10, стр. 94.

ден, — говорил один из них, — ничего не пашу, не сею, а оклад с меня требуют. А он богатый и на себя напашет, и на работников, а платит столько, сколько и я! Он сильнее меня, — явился и распахал мой залог, а как земля поделена будет по душам, он уже на мой залог не полезет²⁰⁾.

Стремление зажиточных слоев крестьянства возможно дольше сохранить захватное пользование землей задерживало складывание уравнительно-душевого. Сопротивление богатых крестьян в ряде мест (там, где кулаки были особенно богатыми и составляли в численном отношении значительную прослойку населения деревни) было причиной сохранения захватного пользования вплоть до революции. Так было, например, в Амурской области. Здесь в большинстве сел крестьянам не удалось добиться ни переделов земли, ни даже ограничения захватов²¹⁾. В ряде же сел (Ивановка, Толстовка, Дмитриевка), где были приняты приговоры о переделе, земля все-таки не была переделана, так как кулаки изыскивали различные способы, чтобы помешать осуществлению приговоров²²⁾.

В более населенных районах Сибири (в центральных уездах Тобольской и Алтайской округе Томской губернии) земельные переделы вводились легче и быстрее, ибо здесь наряду с острой классовой борьбой вокруг внедрения новых форм землепользования наблюдались и прямо противоположные процессы. Рост переселенческого движения толкал к известному сплочению всего старожильского крестьянства независимо от его имущественного положения, порождал у него стремление укрепить общину как организацию, препятствующую приселению новоселов.

Возникновение в конце XIX в. в ряде районов Сибири переделов пахотных земель не было первым проявлением роли общины. Еще гораздо раньше (в первой половине XIX в.) она уже заявила свои права в переделе сенокосных угодий. Это объясняется тем, что вследствие наличия развитого товарного животноводства и недостатка хороших пойменных лугов, покосы приобретали особую ценность. В середине XIX в. в большинстве мест Сибири луговые покосы уже переделались²³⁾. Вольное пользование оставались лишь лесные и залежные покосы, но и они в конце XIX в. большей частью уже делились по душам. Пользование лесом имело довольно разнообразные формы. При этом определяющим условием для существующих форм лесопользования были степень обеспеченности лесом и наличие рынка сбыта лесной продукции. В районах со значительными лесными массивами и отдаленных от городов, так что сбыт был затруднен, оно было совершенно свободным не только в границах сельского общества, но, нередко, и волости. Вблизи же городов, где был выгоден и практиковался сбыт лесных материалов, и в обезлесенных районах община ограничивала лесопользование, устанавливая определенные нормы порубок или даже учреждая заповедники в определенной части леса. Например, в селе Иглаково Нелюбинской волости Томского уезда в 1877 г. почти половина всех общинных лесов находилась под запретом от всяких порубок до 1891 г., когда заповедный участок должен был поступить в свободное пользование, а запрет установлен

²⁰⁾ Там же.

²¹⁾ М. И. Старков. Указ. соч., стр. 37.

²²⁾ Там же, стр. 37, 38.

²³⁾ См. В. В. Солдатов. Изменение форм общинного землепользования в Сибири. «Вопросы колонизации», 1910, № 7, стр. 41; М. Загоскин. Указ. соч., стр. 25; Ф. Г. Сафронов. Указ. соч., стр. 217; А. А. Кауфман. Указ. соч., стр. 49.

на остальную часть леса²⁴). На Алтае, где ощущался значительный лесной голод, в некоторых селениях наряду с переделами пашни практиковался в передел лесных площадей на подворные участки по числу душ.

Все рассмотренные формы земельного пользования в Сибири позволяют сделать вывод о том, что во второй половине XIX в. поземельная община выступает здесь как начало формирующееся. Она не сложилась еще не только в отношении своих внутренних черт, но и в отношении своих территориальных границ.

Вероятно, раньше общиной как субъектом землепользования являлось каждое отдельное селение, образовавшееся путем соединения близлежащих заимочных угодий в одно целое. По мере возникновения новых селений, соседние становились невольно совладельцами таких угодий, к которым не прикладывалось труда (леса, покосы). Таким путем образовывались сложные общины, состоящие из нескольких селений. Проводившееся затем в Сибири межевание с целью выявления наличных земельных угодий и составления на них земельных планов, закрепляло сложившиеся территориально общины как единицы землепользования. Такими общинами являлись иногда не только отдельные села, но целые волости и даже соединение двух волостей. Более того, иногда отдельные селения, представлявшие самостоятельную общину пользованию пашней, оказывались в то же время частью общины волости в пользовании каким-либо другим видом сельскохозяйственных угодий.

Такое многообразие общинных форм с течением времени сглаживалось. Во второй половине XIX в. существовала вполне определенная тенденция их унификации. Закрепленные межеванием в первой половине XIX в. общины постепенно дробились и мельчали, образуя новые простые (однодеревенские) общины. Это дробление всякий раз начиналось в рамках пользования наиболее важным, а следовательно, и более дефицитным видом сельскохозяйственных угодий, каким в крестьянском хозяйстве была пахотная земля.

К концу XIX в. большая часть общин в Западной Сибири в пользование сенокосами и пашней (а местами и в пользовании лесом) представляли собой именно такого рода общины.

В Восточной Сибири процесс разложения сложных общин и образование простых шел более замедленными темпами. В 80 и начале 90-х годов здесь, как отмечал А. А. Кауфман, существовала гораздо большая пестрота форм общинного землепользования и исследователи даже не пытались хоть как-то систематизировать их, так как часто было невозможно даже уловить внешние границы общин, ибо четко они не выделялись²⁵).

Однако и простые общины вовсе не являлись вполне сложившимися в смысле окончательного формирования своих внутренних черт. Даже в таких обществах, где пахотная земля была поделена по душам, община не связывала инициативы крестьян делением пашен на смены и принудительные севообороты, предоставляя полный простор хозяйственной деятельности ее членам. Такого рода общинные порядки появляются позже, там, где раньше всего стали практиковаться переделы пашни. Так, незадолго до 1917 г. в Тобольской губернии (Туринского и части Тобольского округов) на «околодворных удобряемых» пашнях стали устанавливаться принудительные смены. Здесь существовало обязательное для этих пашен двухпольное или трехпольное хозяйство с выпасом

²⁴) Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. XVII, т. 2. СПб., 1892, стр. 251.

²⁵) См. А. А. Кауфман. Крестьянская община в Сибири по местным исследованиям 1886—1892 гг. СПб., 1897, стр. 20.

скота по парам и жнивам²⁶). Эти черты сформировавшейся развитой поземельной общины были здесь, очевидно, следствием неоднократно повторяющихся переделов пашен, приведших к дроблению их на мелкие и узкие полоски и сделавших таким образом невозможным свободные севообороты.

В рассматриваемой нами период переделы пашни сводились в основном к частным поравнениям («сбавкам» и «надбавкам») и лишь в тех общинах, где они практиковались сравнительно давно, проводились коренные переделы.

Таким образом, эволюция форм крестьянского землепользования в Сибири во второй половине XIX в. шла в направлении складывания передельной поземельной общины, которая к началу XX столетия выступает еще как начало формирующееся, находившееся на начальной стадии своего становления.

Дореволюционные буржуазные и мелкобуржуазные исследователи по разному объясняли причины складывания передельной поземельной общины в Сибири. Н. М. Ядринцев, например, утверждал, что община не могла не сложиться в Сибири, ибо сибирякам, как и крестьянам Европейской России, несвойственно «стремление к индивидуальной обособленности», а характерны «то же мирское право и та же общинная тенденция». «Да иначе, — поясняет он далее, — это и не могло быть, так как это было то же переселившееся русское крестьянство»²⁷).

Большинство других исследователей: А. А. Кауфман, С. А. Чудновский, С. П. Швецов, П. А. Голубев и др. более реалистично подходили к истолкованию этого вопроса, объясняя появление общины ростом земельной тесноты, по мере увеличения притока переселенцев²⁸).

Не умаляя большого влияния переселенческого движения на все стороны жизни сибирского села, в том числе и на эволюцию форм землепользования, нельзя однако признать переселение не только единственной, но и главной причиной складывания поземельной передельной общины. Переселение лишь активизировало процессы, уже происходившие в сибирской деревне. Оно усиливало развитие капиталистических отношений и увеличивало растущее расслоение крестьянства, приводившее к неравномерному распределению земель. Это и вело к земельному утеснению, которое порождало земельные споры и стремление большей части крестьянства к установлению поравнений внутриобщинных наделов. То есть развитие капиталистических отношений, сопровождавшееся процессом капиталистической мобилизации земли, обусловило и появление уравнилельно-душевого пользования землей, возможного лишь при развитом общинном праве.

Каждому строю производства соответствует и свой строй земельных отношений, свои формы землевладения и землепользования. Изменения в характере производственных отношений привели к изживанию старых форм землепользования (соответствовавших стадиям натурального хозяйства) и появлению новых. Такой новой для Сибири формой землепользования в конце XIX в. была поземельная передельная община.

²⁶) См. К. К. Кауфман. Община и успехи сельского хозяйства в Сибири. Община, переселение, статистика. Сб. статей. М., 1915, стр. 136.

²⁷) Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. 2-е издание. СПб., стр. 143.

²⁸) Некоторые дореволюционные исследователи высказывали догадки о зависимости складывания общины от изменений в экономике крестьянских хозяйств. Так, В. В. Солдатов считал, что причины ломки старых форм землепользования коренились не только в росте народонаселения, но и в увеличении возможности вывоза, порождавшего «стремление расширять хозяйство далеко за пределы собственных потребностей». «См. В. В. Солдатов. Изменение форм общинного землепользования в Сибири. «Вопросы колонизации», 1910, № 7, стр. 50.

Складыванию в Сибири поземельной переделной общины способствовала также политика царизма. Государство было заинтересовано в существовании и укреплении общины, так как принцип круговой поруки, ее неперемный атрибут, отвечал финансовым интересам казны. Начавшееся в 90-х годах землеустройство, отграничивая крестьянские земли от казенных, отводило наделы всему сельскому обществу. Такой принцип наделения земель уже сам по себе предполагал распределение земель между дворохозяевами внутри сельского общества без вмешательства извне, укрепляя тем самым общину как административную и фискальную единицу.

Переделная поземельная община появляется в Сибири в тот период, когда земледелие делало лишь первые шаги к беззалежному хозяйству с трехпольным севооборотом. Поэтому она на той стадии еще не становилась серьезной помехой в деле сельскохозяйственного прогресса. Более того, как и во всяком сложном социально-экономическом явлении, в общине того времени были элементы в известной мере упорядочивающие и ускоряющие введение новой земледельческой системы, ибо соблюдение трехпольного севооборота, а также правильное использование лугов и пастбищ было общественным делом, за которым должна была следить община. Конечно, об этих прогрессивных элементах можно говорить лишь до той поры, пока вовлекались в хозяйственный оборот необработываемые участки захваченных ранее членами общины земель. В дальнейшем, по мере развития капиталистических отношений, возникающая переделная община остановится тормозом этого развития, так же как и в России в целом.

Таким образом, эволюция крестьянского землепользования находилась в непосредственной зависимости от развития и изменения в характере аграрного строя сибирской деревни. Во второй половине XIX в. оно складывалось здесь под сильным воздействием товарно-денежных отношений, перераставших в капиталистические через постепенное изживание старых форм феодального землепользования.

В связи с развитием капиталистических отношений изменялось не только землепользование, но и способы ведения сельского хозяйства — земледельческие системы. Они определялись характером социально-экономических отношений, уровнем развития производительных сил и, прежде всего, степенью развитости орудий обработки земли.

С приходом в Сибирь русских, власти старательно насаждали здесь практикуемое в центре России трехполье с удобрением полей. И хотя на крестьянских землях продолжали существовать перелог (а в лесных районах — подсека) и даже встречалась пашня наездом, сибирские поселенцы успешно осваивали русский обычай обработки пашни — трехполье²⁹). Однако трехпольная система не закрепилась в Сибири с этого времени в качестве господствовавшей системы. Она требовала от земледельца довольно высокого развития культуры земледелия и большого труда. В условиях огромного земельного простора задача сохранения плодородия почвы решалась гораздо более экономным способом обработки почвы — распашкой новых плодородных земель и забрасыванием старых пахотных участков. Поэтому в дальнейшем сибирское крестьянство отказывается от паровой системы с трехпольем и обращается вновь к перелогу, как наименее трудоемкому способу обработки земли.

В середине XIX в. господствующей земледельческой системой в Сибири была залежно-паровая система (перемеженце пара с залежью). Она представляла собою переходный этап от перелога к паровой систе-

²⁹ См. В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—XVIII вв. М.—Л., 1946, стр. 107—108.

ме. но в условиях Сибири с ее многоземельем и редкой населенностью, превратилась в самостоятельную земледельческую систему, сохранившуюся вплоть до 1917 г.

Сущность залежно-паровой системы заключалась в том, что на вспаханной земле производилось несколько посевов, но не «хлеб на хлеб», как при перелоге, а попеременно с паром. По истощении плодородия земля на несколько лет оставалась в залежь (пока на ней вместо сорных трав не появлялись пырей, марковник, клубника и костяника — верный признак того, что земля отдохнула), а затем снова распахивалась и засеивалась хлебом. Удобрение полей, за крайне редким исключением, не производилось. Залежно-паровая система была более прогрессивной в сравнении с перелогом (поскольку введение паровой обработки земли увеличивало ее плодородие, а в связи с этим и продолжительность периода посевов), но оставалась по существу своему все же экстенсивной. Являясь во второй половине XIX в. наиболее распространенной земледельческой системой, она тем не менее не вытеснила перелог даже к началу следующего столетия. В справке Комитета Министров отмечалось, например, что на территории Томской губернии в местах, богатых землей и менее населенных, в конце XIX в. сохранилась и даже преобладала переложная система³⁰). Широко распространен был перелог в Восточной Сибири, в частности, в центральных уездах Иркутской губернии³¹). Но и здесь он не являлся господствующей земледельческой системой. В малоземельных лесистых районах в давних времена практиковалась паровая обработка земли, ибо здесь запуск земли в залежь ставил крестьян в необходимость расчищать взамен девственные лесные пространства³²), что несомненно было более тяжелой и трудоемкой работой. Паровое земледелие издавна существовало также в среднем течении реки Лены, где вплоть до 1917 г. господствующей системой было двухполье (пар-зерновые)³³). Этот способ земледелия существовал также в Илимском крае³⁴). Давнее применение пара на Лене и Илеме объяснялось ограниченностью пригодных к хлебопашеству земель, вследствие физио-географических условий местности (население здесь жило в основном в долинах рек, окруженных тайгой и возвышенностями). Однако паровое двухпольное хозяйство было еще значительно менее развитой, более экстенсивной земледельческой системой в сравнении с трехпольем, при котором пашня удобрялась и под пар пускалась не половина, а лишь одна треть пашни.

Залежно-паровая система не являлась чем-то застывшим с раз и навсегда установившимися севооборотами. Напротив, как отмечали местные агрономы и исследователи крестьянского хозяйства, сибирские порядки полеводства были необычайно изменчивыми. Они варьировали не только по отдельным районам, но и в пределах одной и той же деревни, отличаясь различными севооборотами — сроками залежи и посевов. В Иркутской губернии в последней четверти столетия сроки залежи колебались от 5 до 20 лет³⁵). В Алтайском округе наиболее распространенным типом залежно-паровой системы был севооборот в 17 лет, из которых 6 лет было занято под посевами, 2 года — под парами и 9 лет —

³⁰) ЦГИАЛ, ф. 1273, оп. 1, д. 357, л. 424.

³¹) А. А. Кауфман. Указ. соч., стр. 85.

³²) Там же, стр. 36.

³³) Ф. Г. Сафронов. Указ. соч., стр. 312.

³⁴) См. В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня. Т. 2. Иркутск, 1957, стр. 221; Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. V. Иркутская губерния. СПб., 1903, стр. 65.

³⁵) А. А. Кауфман. Указ. соч., стр. 35.

под залежью³⁶). Но наблюдались и самые различные отклонения от этого «среднего» типа залежно-паровой системы, прежде всего в сроках залежи, в зависимости от величины крестьянских наделных земель и качества почвы³⁷).

Одной из причин существования большого многообразия севооборотов являлась степень экономической обеспеченности крестьянских хозяйств. А. А. Кауфман, исследуя крестьянские хозяйства, пришел к выводу о том, что маломощные крестьянские дворы эксплуатировали землю без определенного плана и, что севообороты в таких хозяйствах отличались отсутствием какой бы то ни было системы. Бедняк был вынужден подчиняться ряду обстоятельств, не позволяющих ему вести хозяйство в соответствии с его желанием³⁸).

Однако различия в способах ведения хозяйства не были следствием лишь местных преходящих факторов. При всем их многообразии ясно проглядывает тенденция эволюции залежно-паровой системы и более прогрессивной беззалежной, паровой. Повсюду происходило сокращение сроков залежи и, следовательно, увеличение продолжительности периодов посева и учащение паровой обработки земли. В ряде районов Сибири наблюдалось введение двухпольных и трехпольных севооборотов с правильным чередованием перемен. Так, в арендном хозяйстве Змеиногорского уезда в 90-х годах начали вводиться регулярные севообороты с переменами полей, когда высевалась лишь одна треть пашни, а две другие полосы попадали под посев поочередно, каждая через 6 лет³⁹). Это уже было трехпольное хозяйство, но еще не паровое, а парозалежное. В некоторых же районах Сибири к концу XIX в. залежь уже полностью вытесняется. В южной части Ишимского и ряде сел Тарского округов Тобольской губернии в 80-х годах уже практиковалось беззалежное паровое хозяйство с двухпольными и трехпольными севооборотами⁴⁰).

В 90-х годах начало применяться удобрение земель, тогда как в 70-х и начале 80-х годов оно было еще неизвестно населению, ибо в Сибири издавна сложилось убеждение, что «здесьняя земля навоза не принимает».

Наблюдаемый прогресс земледельческих систем был вызван теми значительными изменениями, которые имели место в сельском хозяйстве Сибири во второй половине и особенно в конце XIX столетия. Под влиянием роста общероссийского рынка крестьянское хозяйство Сибири становится в основе своей товарным. Начинается постепенное складывание районов торгового земледелия.

Эти существенные экономические сдвиги определяли собою и развитие земледельческих систем. Потребности рынка заставляли крестьян искать новые, более производительные методы ведения хозяйства, совершенствовать способы обработки земли.

Развитие земледельческих систем было неразрывно связано с введением более совершенных орудий обработки земли. В рассматриваемый период главным пахотным орудием в Сибири были сохи; «рогальха», «влячуха», «коляска», «сабан», различия между которыми сво-

³⁶ Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 3, оп. 45, л. 128, л. 225.

³⁷ См. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. Т. 2, вып. 3 (Промыслы населения). Барнаул, 1900, стр. 12.

³⁸ А. А. Кауфман. Обзор способов полеводства и севооборотов в Западной Сибири. Без м. и г. изд., стр. 140.

³⁹ Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. 4, оп. 3, д. 1997, л. 157.

⁴⁰ А. А. Кауфман. К вопросу о влиянии переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства в общинной жизни Западной Сибири. «Труды вольного экономического общества», 1891, № 4, стр. 19.

длились к второстепенным деталям. «Колесянка» и «сабан» были сохи передковые, запрягаемые не менее, чем двумя лошадьми. «Рогалюха» и «вйлачуха» — сохи без передка, запрягаемые в одну лошадь. Бороны, обычно применявшиеся в крестьянских хозяйствах, были деревянными, с железными и деревянными зубьями, в отдаленных же слабо развитых районах сохранились вплоть до XX века бороны из таловых прутьев. Косьба сена производилась косами «литовками», а уборка сена — серпами или «литовками» с приделанными к ним грабелями.

Многие исследователи отмечали, что сибирская соха при всем своем несовершенстве была лучше «российской». У нее уже были элементы плуга — отвальная доска и загнутый вперед край сошника — «мужичек» и даже некоторые приспособления для регулирования глубины пахоты. Правда, она была громоздкой и требовала большой тяги — двух или даже трех лошадей, но обладала большей производительностью в сравнении с русской сохой. Пашню сибирские крестьяне обрабатывали тщательно. Залежь обычно парили перед посевом, а жинво вспахивали дважды — осенью и зимой.

В конце XIX в. в крестьянских хозяйствах начали появляться первые механические орудия. На смену сохе приходил плуг, который уже в первые годы следующего столетия стал основным орудием пахоты⁴¹). Довольно широко стали применяться и другие механические сельскохозяйственные орудия — веялки, сортировки, молотилки и жнейки. Некоторые из этих машин крестьяне научились изготавливать кустарным способом, приобретая на стороне металлические части.

Особенно широко сельскохозяйственные машины распространились в селах Западной Сибири, где переселенческим управлением были созданы первые казенные склады сельскохозяйственных орудий. В 1898 г. здесь было продано 300 сенокосилок и в этом же году на склады было выписано с завода Ген в Одессе 1070 плугов, которые очень быстро разошлись⁴²).

В отчете агронома Томской губернии за 1898 г. отмечалось, что «теперь уже не редкость» найти в деревне сразу несколько жатвенных машин⁴³).

Однако далеко не везде сельскохозяйственные машины внедрялись быстро. В некоторых местах Сибири они к началу XX столетия были еще неизвестны или еще очень слабо распространены. Так, в Нижнеудинском уезде распространены были лишь веялки. Молотилки — только как исключение, сеялок не было, а жатвенных машин — только одна в Тулуновской области⁴⁴). В Киренском уезде не было даже веялок и молотилок. Хлеб веяли «лопатами по ветру»⁴⁵).

Новые более совершенные орудия труда не проникли, конечно, в хозяйства основной массы крестьян. Их приобретали только зажиточные слои. Но сам по себе факт широкого внедрения знаменателен как доказательство значительных экономических сдвигов в сибирской деревне. В. И. Ленин подчеркивал, что «именно капитализм» был фактором, «вызывающим и расширяющим употребление машин в сельском хозяйстве», и что само «применение машин к земледелию носит капиталистический характер»⁴⁶).

⁴¹) См. Экономическое исследование маслodelия в Сибири. Харьков, 1906, стр. 9.

⁴²) Отчет правительственного агронома Томской губернии И. К. Окулича департаменту земледелия за 1898 год. Томск, 1900, стр. 4.

⁴³) Там же.

⁴⁴) Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В. Иркутская губерния. СПб, 1903, стр. 77.

⁴⁵) Там же, стр. 65.

⁴⁶) В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 223.

Внедрение более совершенных земледельческих орудий, улучшив и облегчив обработку земли, создало возможность перехода к более интенсивному земледелию, каким в Сибири в конце XIX века было трехпольное паровое хозяйство.

Прогресс земледельческих систем находился, кроме того, в тесной связи с эволюцией землепользования. По мере сокращения земельных просторов и складывания передельной общины, крестьяне неизбежно искали новые способы полеводства, которые дали бы возможность не только сохранить, но и умножить производительность их хозяйств при сократившихся размерах земельного пользования.

Рубеж XIX и XX вв. был переходным периодом в развитии земледельческого хозяйства Сибири, когда начинает появляться трехпольное паровое земледелие. Но оно еще очень медленно внедрялось в жизнь. Простое товарное производство, имевшее место в большей части крестьянских хозяйств, вполне уживалось с экстенсивным залежно-паровым земледелием.

Препятствием на пути интенсификации земледелия был также крайне низкий уровень агрономических знаний в сибирской деревне.

Непосредственным результатом низкого состояния агротехники крестьянских хозяйств была большая неустойчивость урожаев, и наметившаяся к концу XIX века тенденция их падения, ибо отсутствие планомерного чередования культур приводило к быстрому истощению почвы и засорению ее сорняками.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН В АЛТАЙСКИЙ ОКРУГ (1865—1899 гг.)

Н. К. ТОМИЛОВА

Составной частью аграрного вопроса в России второй половины XIX в. является вопрос переселенческого движения крестьянских масс Европейской части России на ее окраины.

В последние годы в советской исторической науке появился целый ряд работ, посвященных вопросам колонизации Сибири и ее отдельных районов: монографии В. В. Покшишевского, Л. Ф. Складова, В. А. Степынина, статьи и диссертации В. Г. Тюкавкина и Е. И. Соловьевой.

Большинство исследователей освещает процесс переселенческого движения в Сибирь в период столыпинской аграрной реформы. Лишь в монографии Покшишевского В. В. переселенческий процесс в Сибирь дан на протяжении всего пореформенного периода второй половины XIX и начала XX вв. Но его работа представляет историко-географический очерк и процесс переселения во второй половине XIX в. рассмотрен автором как один из этапов колонизации.

Автор данной статьи ставит своей задачей на анализе архивных материалов и литературных источников показать отдельные стороны переселенческого движения в Алтайский округ с 1865 по 1899 гг. Именно сюда в пореформенный период направлялась основная масса переселенцев Европейской части России, шедших в Сибирь. 61,9% всех сибирских переселенцев осело на территории Алтайского горного округа.

Прежде всего нам представляется необходимым дать более точную статистику переселений в Алтайский округ, путем сопоставления данных отдельных дореволюционных исследователей и сравнения их с архивными материалами.

Богатый статистический и фактический материал по переселению в Сибирь, представленный в работах авторов и в официальных источниках досоветского периода¹⁾, требует строго критического подхода.

¹⁾ А. А. Кауфман. Переселение и колонизация. СПб, 1905; его же — Земельный вопрос и переселение. Сборник «Сибирь, ее современное состояние и нужды». СПб., 1908; его же — Сибирские переселения на исходе XIX в. СПб, 1901; Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. М., 1882; его же — Десятилетие переселенческого дела. «Вестник Европы», 1891, кн. 8; Л. С. Чудновский. Переселенческое дело на Алтае (статистико-экономический очерк). Иркутск, 1889; Н. Овсянкин. Колонизация и переселенческое дело. Алтай. Историко-статистический сборник экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890; там же П. Голубев. Земледелие. Скотоводство; его же — Сибирская жизнь и положение переселенцев на Алтае. «Юридический вестник», 1892, № 5—6; А. Исаев. Переселенческое де-

Так, по данным Чудновского, в Алтайский округ переселились: в 1887 г.— 15827 человек, в 1888 г.— 17201 и в 1889 г.— 17206²⁾). По другим материалам и исследованиям в эти годы переселились, соответственно: 15970, 18031 и 17248 душ обоего пола³⁾). Отдельные исследователи переселенческого движения, подводя итоги переселений за ряд лет, за отдельные годы подсчитывают количество ревизских душ переселенцев, за другие — количество душ обоего пола, получая при этом данные, значительно ниже действительных⁴⁾).

В официальном источнике «Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом» приводятся следующие данные движения переселенцев:

в Сибирь	на Алтай
в 1884 г.— 9180 человек	11905 человек
в 1885 г.— 11832 человека	17054 человека
в 1886 г.— 14863 человека	16279 человека ⁵⁾).

Подобных примеров расхождения много, ограничимся только еще одним замечанием. А. Кауфман определил общее количество переселенцев на Алтай с 1860 по 1903 гг. цифрой в 650 тыс. человек⁶⁾). Действительное количество переселившихся значительно больше и достигает приблизительно 983571 человек, то есть в полтора раза больше⁷⁾). Видимо, Кауфман не учел огромной массы непричисленных переселенцев, вывезенных на территории Алтайского округа после издания закона 27 апреля 1897 г.

Стремление крестьян переселиться на кабинетские земли Алтая, которые продолжали оставаться собственностью царя и после реформы 1861 г., представляет определенный научный интерес.

До 1865 г. Алтайский округ, за исключением Смоленской волости, население которой состояло из государственных крестьян, был закрыт для переселенцев. Но, несмотря на официальное запрещение, переселенцы Европейской части России шли на Алтай. Большое количество крестьян, переселившихся в Западную Сибирь, очень часто обращалось с просьбами «о водворении их на жительство в Алтайском округе», заселение которого по мнению генерал-губернатора Западной Сибири было выгодно для кабинета. Он признавал «полезным допустить свободное переселение на Алтайские заводские земли желающих, с уплатою в пользу кабинета оброка, установленного для бывших приписных крестьян»⁸⁾).

В 1865 г. 30 семей переселенцев из Семипалатинской области обратились в кабинет с просьбой разрешить им приписаться в Алтайской волости, так как администрация Алтайского правления «гнала их из округа». Кабинет дал переселенцам разрешение на приписку. Тогда, в свою очередь, Алтайское горное правление, обратилось в кабинет с за-

ло с начала 80-х годов. «Северный вестник», 1895, кн. 1; Н. О. Материалы по переселению в Алтайский округ в 1888—1892 гг. Алтайский сборник. 1894; Очерк переселенческого дела в Алтайском округе 1884—1898 гг. Барнаул, 1900; Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. 1900; Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. Составитель Турчанинов, 1910.

²⁾ Л. С. Чудновский. Указ. соч., стр. 223.

³⁾ Очерк переселенческого дела в Алтайском округе 1884—1898 гг., стр. 33; Н. О. Материалы по переселению в Алтайский округ в 1888—1892 гг., стр. 252.

⁴⁾ См. П. Голубев. Сибирская жизнь и положение переселенцев на Алтае. «Юридический вестник», 1892, № 5—6, стр. 130.

⁵⁾ Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом, стр. 336, диаграмма.

⁶⁾ А. А. Кауфман. Земельный вопрос и переселение, стр. 93.

⁷⁾ Подсчитано нами. См. табл. 2—4.

⁸⁾ П. С. З. Собр. 2, т. XLI, ст. 42353.

просом, как быть с 4368 непричисленными новоселами, которые живут в округе по нескольку лет, занимаются земледелием, но не платят 6-рублевого оброка в пользу кабинета и казны⁹⁾.

В ответ на этот запрос законом от 30 июля 1865 г. было утверждено положение комитета министров «О водворении в Алтайском округе государственных крестьян»¹⁰⁾.

Согласно положению, переселенцами на причисление в старожильческие селения должен быть получен приемный приговор от сельских обществ. В этом случае старожилы обязаны были отвечать «круговую за них порукою в исправном платеже государственных и общественных податей и повинностей, а также поземельного в пользу заводов оброка».

Переселенцы могли селиться и на свободных землях, так называемых «пустолежащих», ни к рудникам и заводам, ни к крестьянским селениям не относящихся, получая земельные наделы из расчета 15 десятин удобной земли на ревизскую душу. Предварительный осмотр свободных земель разрешался доверенным лицам из среды переселяющихся. Только после осмотра этих земель доверенными лицами разрешалось поселение всех переселенцев.

Закон 30 июля 1865 г. подчинял переселения строгому государственному контролю и регулированию. Осмотр земель, их отвод, как и «самое водворение крестьян во вновь образуемые или прежние общества должны последовать не иначе, как с разрешения и по распоряжению Алтайского горного правления, согласно с заключением кабинета его величества, утвержденным министром императорского двора и принятым генерал-губернатором Западной Сибири».

Руководствуясь правилами удельного управления, утвержденными 29 августа 1855 г., кабинет не давал никаких льгот переселенцам, кроме минимального количества леса, необходимого для постройки усадеб и для топлива. Эта льгота была затем отменена законом от 27 апреля 1896 г.¹¹⁾.

Относительно 4368 душ государственных крестьян, уже проживавших на территории округа и плативших оброк в размере 3 руб. 25 коп. в государственное казначейство, закон предусматривал постепенное, в течение 6 лет, увеличение суммы оброка до 6 руб., с тем, чтобы в 1872 г. он сравнялся с оброком бывших приписных крестьян и уплачивался в той же соразмерности, т. е. $\frac{3}{4}$ в пользу кабинета и $\frac{1}{4}$ в пользу государства.

Изданием закона 1865 г. преследовались, прежде всего, фискальные интересы кабинета. Главную доходную статью царской вотчины до отмены крепостного права составляли доходы от горнозаводской промышленности. После реформы 1861 г., утратив почти даровой труд приписных крестьян, она начала резко сокращать свое производство. Основным источником доходов кабинета становятся огромные земельные богатства Алтайского округа, точнее поземельно-оброчная подать, взимаемая с бывших приписных и вновь причисляемых в округ крестьян.

Конечной датой данного исследования автором взят 1899 г. Этот год знаменует собой начало поземельного устройства крестьян на кабинетских землях. 31 мая 1899 г. был принят закон о поземельном устройстве крестьян и инородцев, водворившихся в Алтайском округе на землях кабинета¹²⁾. Цель закона хорошо определена управляющим кабинетом в циркуляре на имя заведующего землеустройством Алтайского округа: определение «свободных, за наделом населения, земель округа,

⁹⁾ Н. Овсянкин. Указ. соч., стр. 330.

¹⁰⁾ П. С. З. Собр. 2, т. XLI, ст. 42353.

¹¹⁾ Там же. Собр. 3, т. XVI, ст. 12998.

¹²⁾ Там же. Собр. 3, т. XIX, ст. 16991.

которые останутся в непосредственном распоряжении кабинета его величества и составят его земельное хозяйство в округе. Таким образом, земельно-устроительные работы будут затрагивать весьма важные интересы кабинетского хозяйства...»¹³).

Проводимое землеустройство на Алтае, установление земельных планов крестьянских дач (из расчета 15 десятин на надельную мужскую душу), которые приобрели юридическую силу, ликвидировали широкие в прошлом возможности производить различные земельные операции за счет крестьянских земельных наделов. Поэтому законом 31 мая 1899 г. кабинет передал право собственности на крестьянские надельные земли казне за вознаграждение в размере 22 копеек с десятины в течение 49 лет¹⁴).

В результате проведения поземельного устройства крестьянам было отведено удобной земли меньше того количества, какое было в их пользовании до этого. Кабинет увеличил свои доходы за счет земли, отрезанной у крестьян, которую мог сдавать в аренду и продавать казне для «водворения» переселенцев.

Т а б л и ц а 1

Годы	Переселилось душ обоего пола	
	в Сибирь	на Алтай
1899	127282	77461
1900	114446	41501
1901	57907	16871
1902	46697	9200
1903	53621	5334
1904	7233	4040
1905	7206	3596

Автор ограничил данное исследование 1899 г. еще и потому, что начало XX в. характеризовалось для Алтая, как и для всей Сибири, резким сокращением переселенческого движения.

Немалую роль в этом сыграли запретительные меры в отношении переселенческого движения, к которым прибегало правительство в 1899 г. Министр внутренних дел распорядился прекратить выдачу разрешений на переселение, ликвидировать всякие льготы и принять самые строгие меры к задержанию самовольных переселенцев в пути, возвращая их на места прежнего жительства¹⁵). В этом же году на имя начальника Алтайского горного округа поступило распоряжение императорского двора от 26 июня 1899 г., в котором указывалось: допускать переселенцев на свободные кабинетские земли неполностью заселенные переселенческие поселки «только по испрошении ими предварительного разрешения министров императорского двора и внутренних дел», самовольным переселенцам не выдавать разрешений на водворение в незаполненных переселенческих участках и свободных кабинетских землях без разрешения вышеуказанных министров. В полностью заселенные переселенческие участки новоселов «вовсе не допускать»¹⁷).

Поворот переселенческой политики правительства к новым ограничениям объяснялся увеличением потока переселенцев во второй полови-

¹³) Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. 4, оп. 6, д. 232, л. 63.

¹⁴) П. С. З. Собр. 3, т. XIX, ст. 16991.

¹⁵) Таблица составлена по следующим источникам: ГААК, ф. 136, оп. 1, д. 179, л. 1; ф. 3, оп. 1, д. 383, лл. 3, 5, 311; Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом, стр. 336; И. О. Материалы по переселению в Алтайский округ в 1888—1892 гг., стр. 242; Очерк переселенческого дела в Алтайском округе 1884—1898 гг., стр. 34; Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг., стр. 54—55.

¹⁶) Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 391, оп. 2, д. 689, л. 104.

¹⁷) ГААК, ф. 3, оп. 1, д. 1035, л. 94.

не 90-х годов. Стронтельство сибирской железной дороги превратило Сибирь в более доступный район колонизации. В массе переселенцев увеличился процент беднейшей части крестьянства. Так, в 1898 г. они составляли 56,8%, в 1899 г. — 60,2%, в 1900 г. — 65,3% от общей массы переселенцев¹⁸). Условия же водворения в конце 90-х годов значительно ухудшились. Сократился запас свободных и удобных для разработки земель. Темпы работ по выявлению новых переселенческих участков безнадежно отставали от темпов переселенческого движения. Рост неустроенного крестьянства в Сибири, массовые обратные переселения в Европейскую часть России приводили к обострению аграрного кризиса на территории всей страны.

История социально-экономического развития Алтайского горного округа пореформенного периода тесно связана с историей его колонизации.

Проникновение первых поселенцев на Алтай, по мнению отдельных авторов, относится к рубежу XVII—XVIII вв.¹⁹). Крестьяне Европейской части России, мастеровые уральских заводов, раскольники бежали от феодальной эксплуатации, религиозных преследований, военной службы на «свободные» земли Алтая. Они старались селиться в более глухих местах, подальше от местной администрации.

Одновременно с тайным переселением «беглых» людей проводились правительственные меры по переселению на территории Алтая рабочих людей для обеспечения развивающегося горнозаводского производства рабочими руками.

Ни тайная, ни правительственная колонизация не могли быть интенсивными. Огромным тормозом для ее развития являлось крепостное право в России. За 100 лет, с 1761 по 1861 гг. число приписных крестьян Алтайского округа возросло с 40006 душ до 310725 душ²⁰).

Отмена крепостного права в России, закон 1865 г., официально разрешавший переселения на Алтай, способствовали превращению его в один из основных колонизационных районов Сибири.

Однако в первое пятилетие после официального разрешения переселений, т. е. с 1865 по 1870 гг., движение не принимает широкого размаха. По сведениям Томской казенной палаты в Алтайский округ было причислено 1737 ревизских душ мужского пола или 8685 душ обо-его пола²¹).

С 4368 душами непричисленных переселенцев, прибывшими на Алтай до 1865 г., к концу 60-х годов общая масса переселенцев составляла всего 13053 человек²²). Малочисленность переселений в 60-е годы находилась в прямой зависимости от крепостнической политики правитель-

¹⁸) ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 2, д. 1176, л. 278.

¹⁹) См. Ю. С. Булыгин. Колонизация русским крестьянством бассейнов рек Чарыша и Алая до 1763 г. «Вопросы истории Сибири». Выпуск 1. Томск, 1964, стр. 18.

²⁰) Н. Е. Рогозин. Экономическое развитие Западной Сибири и образование «вотчины» кабинета. Ученые записки Новосибирского пединститута, выпуск 3, 1946, стр. 27; М. Сорокин. Горнозаводское хозяйство кабинета в Западной Сибири в 1747—1779 гг. (Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук), Томск, 1965, стр. 137.

²¹) Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония, стр. 461. Души обо-его пола подсчитаны нами.

²²) Определяя количество переселенцев обо-его пола, автор пошел по пути других исследователей, увеличивая число ревизских душ в 5 раз, исходя из расчета среднего состава семьи. (См. Л. С. Чудновский. Указ. соч., стр. 9; Л. Ф. Скляров. Переселение и землеустройство в Сибири в годы стольпинской аграрной реформы. М., 1962, стр. 113). Этот способ не дает точной цифры переселенцев, но с уверенностью можно считать, что их число было больше. Это подтверждается архивными данными. Так, в 1887 г. в Алтайский округ по разрешению главного управления поселилось 3056 ревизских душ или 15970 душ обо-его пола. (См. ГААК, ф. 3, оп. 1, д. 383, лл. 11, 16).

ства, стоявшего на страже помещичьего землевладения. «Положение» 19 февраля давало право на переселение лишь незначительной части крестьянства, которые не получили надела по реформе 1861 г. Для основной массы помещичьих крестьян устанавливался 9-летний срок временно-обязанных отношений. В течение этого срока крестьяне не имели права отказываться от земельных наделов и переходить в другие общества и сословия. Отказ обставлялся целым рядом условий и всецело зависел от воли помещика. В 1866 г. было фактически запрещено переселение государственных крестьян. Законом от 18 января 1866 г. их передали из министерства государственных имуществ в «ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений». В этом же году был закрыт правительственный кредит на их переселение²³).

Правительственная политика всемерно сдерживала переселенческое движение, но совсем приостановить его была не в силах. Ограбленные реформой крестьяне на свой страх и риск переселялись от «земельной тесноты» на свободные земли Сибири.

Таблица 2

Годы	Число ревизских душ	Число душ обоого пола
1870	648	3240
1871	1295	6475
1872	1068	5340
1873	1475	7375
1874	1124	5620
1875	262	1310
1876	214	1070
1877	145	725
1878	1483	7415
1879	1610	8050
Итого	9324	46620

В результате «освобождения» крестьян их земельные наделы резко сократились. 1441076 десятин крестьянской земли было отрезано в пользу помещиков.

70-е годы характеризуются некоторым увеличением переселенческого движения на Алтай (см. табл. 2).

Истечение 9-летнего срока после отмены крепостного права в России дало возможность бывшим помещичьим крестьянам, выкупившим свои наделы, отказываться от них и переходить в другое общество или сословие. Правом этим могли воспользоваться лишь 54,7% всех бывших помещичьих крестьян²⁴). Однако в губерниях черноземной

полосы, самых малоземельных, где бывшие помещичьи крестьяне составляли большую часть, в обязательных отношениях на 1 января 1874 г. оставалось только 26% крестьян²⁵). Таким образом, 74% бывших помещичьих крестьян черноземной полосы получили официальное право на переселение.

Фактически же правительство, в силу своей феодально-крепостнической сущности, не могло допустить массовой отлив крестьянских масс из районов помещичьего землевладения, характер которого продолжал

²³) П. С. З. Собр. 2, т. ХLI, ст. 42899, 43987.

²⁴) П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России. М., 1954, стр. 207.

²⁵) Таблица составлена по данным: Н. М. Ядринцев. Указ. соч., стр. 461; П. Голубев. Указ. соч., стр. 130; Л. С. Чудновский. Указ. соч., стр. 24. Количество душ обоого пола подсчитано нами.

²⁶) П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958, стр. 142.

²⁷) Ю. Э. Янсон. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. Изд. 2-е, 1881, стр. 46.

оставаться полукрепостническим. Испольщина, отработки, «зимняя наемка» — распространенные формы эксплуатации крестьян помещиками черноземной полосы.

На протяжении 70-х годов правительство продолжало придерживаться политики запрещения переселенческого движения. Отражением этой политики явилось «Уложение о наказаниях», изданное в 1871 г. За подготовку к переселению без разрешения Уложение наказывало арестом на срок от 2 недель до 3 месяцев. За подстрекательство к переселению виновные подвергались лишению прав и имущества, заключению в смиренные дома сроком более одного года, отдаче в исправительные арестантские роты²⁸⁾.

Полиция задерживала переселенцев в пути, возвращая их на прежние места жительства. Но вернуть всех «самовольных» было невозможно, да и опасно.

Вторая половина 70-х годов характеризовалась новым этапом борьбы крестьянских масс за землю. Непрерывное возрастание арендных цен, тяжесть отработок, прямые и косвенные налоги, составлявшие 85% доходов государственного бюджета, тяжелым бременем лежали на плечах крестьянства. В отдельных районах черноземной полосы сумма всех платежей превышала доходность земли в 5 раз²⁹⁾.

Война 1877—1878 гг., недород хлебов в 1879 г. и особенно в 1880 г. еще более усугубили положение народных масс. По всей стране прокатилась волна крестьянских выступлений. Одновременно усилился поток самовольных переселенцев в Сибирь.

В стране сложилась революционная ситуация. Правительство вынуждено было пересмотреть свое отношение к переселениям. Этого требовали сами помещики. В 1880—1881 гг. земские учреждения Курской, Воронежской, Черниговской, Полтавской и ряда других губерний потребовали облегчения переселений малоземельных и безземельных крестьян на казенные земли. Они рассчитывали путем переселений увеличить земельные наделы крестьян и прекратить «все толки о переделе частной земельной собственности»³⁰⁾.

В 1881 г. 10 июля были утверждены «Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли». Этими правилами правительство узаконило крестьянские переселения. Однако переход правящих кругов в наступление против революционного движения после 1 марта 1881 г. наложил отпечаток на правила 10 июля. Крестьянские переселения были подчинены строгому государственному контролю и регламентации³¹⁾.

Таблица 3²⁹⁾

Годы	Число душ обоего пола
1880	7240
1881	8125
1882	7945
1883	11465
1884	12804
1885	20929
1886	16379
1887	15970
1888	18031
1889	17248
Итого	136036

²⁸⁾ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 2-е изд. СПб., 1871, стр. 286.

²⁹⁾ Э. Н. Бурджалов. История СССР. Лекции ВПШ. М., 1946, стр. 111.

³⁰⁾ Г. П. Сазонов. Обзор деятельности земств по сельскому хозяйству. Т. 2. СПб., 1896, стр. 755—762.

³¹⁾ См. Л. Ф. Скляр. Указ. соч., стр. 60—61; Е. М. Брусникин. Переселенческая политика царизма в конце XIX в. «Вопросы истории», 1965, № 1, стр. 29—30.

Несмотря на это, переселения в 80-е годы продолжали нарастать. За 10 лет, с 1880 по 1889 гг. в Алтайский округ переселилось в 3 раза больше, чем за предыдущее десятилетие (см. табл. 3).

Увеличение переселенческого потока объясняется резким ухудшением положения крестьянских масс, Европейской части России, прогрессирующим процессом обезземеливания, выделением громадного количества «свободных рук».

В 80-е годы Россию охватил мировой аграрный кризис, который сопровождался резким падением цен на все хлебные продукты. В среднем цена на хлеб сократилась в 1,5 раза, а в отдельных районах черноземной полосы — в 5 раз и более³²).

Ухудшилось и социальное положение крестьянских масс.

Революционная ситуация не переросла в революцию. Началось наступление реакции на гражданские права крестьянства. Серней «контрреформ» ознаменовался 1886 г. Законы о найме сельскохозяйственных рабочих и семейных разделах были направлены на усиление «властного положения» помещиков и подчинение крестьянских семейных разделов строгой регламентации. Законом о выкупных платежах для бывших государственных крестьян был затруднен их выход из общины.

Следующим этапом наступления реакции явился 1889 г. «Положение о земских начальниках», принятое 12 июля и «Временные правила о волостном суде» — 29 декабря, реставрировали крепостнические порядки в России, подчиняя крестьянство вотчинно-полицейской власти помещиков³⁴).

Однако никакие усилия правительства не могли остановить все увеличивающегося потока переселенцев в Сибирь. Лишь неурожаем хлебов на Алтае в 1883 и 1885 гг. явился некоторым препятствием для переселения и причисления в округ. Число переселенцев с 20929 человек в 1885 г. сокращается до 16279 в 1886 г. Но уже в 1888 г. вновь достигает цифры 18031.

Рост самовольных переселений заставил правительство пойти на некоторые уступки в переселенческом вопросе. 13 июля 1889 г. был утвержден закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и порядке перечисления лиц, означенных сословий, переселившихся в прежнее время»³⁵).

Закон разрешал крестьянам выселяться из малоземельных районов Европейской части России, предоставляя незначительные льготы и помощь переселенцам. Крестьяне, получившие разрешение на переселение, могли не просить увольнительных свидетельств у своих обществ. Они освобождались в Европейской части России на два года, а за Уралом на три года полностью, а в последующие три года в половинном размере от уплаты всякого рода казенных сборов. Новоселы, достигшие в год переселения призванного возраста, освобождались от исполнения воинской повинности в течение трех лет. Нуждающиеся переселенцы получали право пользоваться продовольственными и семенными ссудами на общих основаниях со старожилами.

³²) Таблица составлена по материалам: ГААК, ф. 136, оп. 1, д. 179, л. 1; ф. 3, оп. 1, д. 383, лл. 3, 5, 311; Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг., стр. 54—55, 58—59; Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом, стр. 336; П. О. Материалы по переселению в Алтайский округ в 1888—1892 гг., стр. 242; Очерк переселенческого дела в Алтайском округе 1884—1893 гг., стр. 34.

³³) П. И. Лященко. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М., 1927, стр. 123.

³⁴) П. С. З. Собр. 3, т. IX, ст. 6196, 6183.

³⁵) Там же. Ст. 6198.

В целом же закон 1889 г. отражал тот реакционный дух, который царил в России. Он представляет собой звено в цепи «контрреформ» 80—90-х годов XIX в.

По-прежнему, переселения допускались по разрешению министров внутренних дел и государственных имуществ по представлению местной администрации и при условии, если причины переселений будут признаны ими «заслуживающими уважения». Ходатайства крестьян могли быть отклонены под предлогом отсутствия свободных участков казенной земли. Размеры земельных наделов законом не определялись. Это было представлено местной администрации. Невыкупленные крестьянские наделы оставались в прежних сельских обществах вместе с оставшимися выкупными платежами и недоимками в казенных, земских и мирских сборах. Действия закона не распространялись на кабинетские земли.

Массовый отлив основных налогоплательщиков на казенные земли подрывал государственный бюджет в течение 6 лет. С переселением же крестьянства на кабинетские земли государственная казна подвергалась значительно большей убытку, так как в нее с крестьян Алтайского округа поступала лишь 1/4 часть оброка, что составляло меньше половины казенных сборов с государственных крестьян Сибири.

Для Алтайского округа продолжал действовать закон 1865 г. Тем не менее процент переселенцев, оседавших на территории Алтая в конце 80 и начале 90-х годов продолжал оставаться высоким: в 1889 г. он составлял 45,7%, в 1890 г. — 66,4% от общесибирских переселений.

Особенно усиливается переселенческое движение на Алтай, как и на всю территорию Сибири в 90-е годы. За 10 лет, с 1890 по 1899 гг. в округ переселились 359982 человека (см. табл. 4).

Таким образом, в последнее десятилетие в Алтайский округ прибыло более 80% всех крестьян-переселенцев, поселившихся в округ во второй половине XIX в.

Объективная причина усиления переселенческого движения заключается в дальнейшем ухудшении положения крестьянских масс, увеличении беднейшей его части. Слабость капиталистических производственных отношений приводила к росту армии безработных. Массы крестьян не могли найти применения своему труду ни в промышленном, ни в сельскохозяйственном производстве.

Продолжающийся аграрный кризис заставлял помещиков искать выход не в интенсификации земледелия, а в усилении старых крепостнических форм ведения хозяйства: отработках, исполщине, сдаче земли в аренду на кабальных условиях.

Основным районом колонизации в 90-е годы становится Сибирь. Этому способствовало резкое сокращение свободных земель в южных и юго-восточных губерниях России, которые были основными районами

Т а б л и ц а 4³⁶)

Годы	Число душ обоего пола
1890	31345
1891	23557
1892	39565
1893	43392
1894	31758
1895	24700
1896	38459
1897	21659
1898	59086
1899	77461
Итого	359932

³⁶) Таблица составлена по материалам: ГААК, ф. 136, оп. 1, д. 179, л. 1; ф. 3, оп. 1, д. 383, л. 3, 5, 311; Колонизация Алтая в связи с общим переселенческим вопросом, стр. 336; Материалы по переселению в Алтайский округ в 1888—1892 гг., стр. 242; Очерк переселенческого дела в Алтайском округе 1884—1898 гг., стр. 34; Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г., стр. 54—55.

колонизации в первые десятилетия после отмены крепостного права. Но в 90-е годы отвод государственных земель в этих районах прекращается.

Переселенческое движение в Сибирь возрастает относительно и абсолютно. Важным обстоятельством увеличения переселенческого потока в Сибирь и, прежде всего на Алтай, явилось строительство сибирской железной дороги. С начала эксплуатации ее в 1894 г. Сибирь становится более доступной для переселенцев.

Необходимость освоения земель, прилегающих к железной дороге, заставила правительство пойти на дальнейшие уступки в переселенческой политике. 16 апреля 1896 г. были приняты положения комитета Сибирской железной дороги³⁷⁾. Положения упрощали порядок выдачи разрешений для крестьян, переселяющихся на земли вдоль железной дороги. Они получали право на льготный проезд по железным дорогам. Закон 16 апреля 1896 г. не распространялся на всю Сибирь, в том числе и на Алтайский округ. Однако тысячи переселенцев использовали его для получения льготного проезда. А приехав в Сибирь, они устраивались по своему усмотрению, главным образом на территории Алтайского округа.

Запретительная политика правительства относительно свободного переселения крестьян Европейской части России на протяжении трех десятилетий после отмены крепостного права, незначительные уступки в конце 80-х и в 90-х годах, которые фактически не способны были урегулировать переселенческий вопрос, — все это способствовало росту самовольного движения в Сибирь и, прежде всего, на Алтай. Ежегодно тысячи «самовольцев» шли в Алтайский округ. В 1883 г. таких новоселов в округе насчитывалось до 30 тыс. человек, а в конце 1895 г. уже 184 тыс.³⁸⁾.

27 апреля 1896 г. был принят закон «Об устройстве переселенцев Алтайского округа»³⁹⁾. Закон давал право непричисленным переселенцам, имевшим хозяйства, на причисление в старожильческие селения без приемных приговоров, при наличии в них не менее 15 десятин земли на ревизскую душу. Причисляющиеся на переселенческие участки, освобождались от уплаты 6-рублевого оброка в течение первых трех лет. В последующие три года они облагались оброком в половинном размере. Правила распространялись на переселенцев, прибывших в округ до издания закона, если они не состояли под судом и следствием, и не оставили на родине нетрудоспособных членов семьи. Не отвечающие условиям закона причислялись к волостям для счета, т. е. без земельного надела.

Принятие этого закона, как и закона 1865 г., преследовало прежде всего фискальные интересы кабинета. Непричисленные крестьяне не платили оброка. За пользование земельными угодиями в старожильческих селениях они платили в пользу сельских обществ «полетки». Причисление крестьян увеличивало доходы кабинета. В 1880—1883 гг. в результате причисления переселенцев доходы кабинета возросли на 2987 руб., в 1884 г. — на 10129 руб. 50 коп., в 1885 г. — на 12439 руб.⁴⁰⁾.

К осуществлению закона 27 апреля 1896 г. администрация округа приступила в июле этого же года и уже к маю 1898 г., по данным казенной палаты, сумма оброчной подати достигла 979611 рублей. Последние полтора года интенсивного причисления крестьян дали увеличение дохо-

³⁷⁾ П. С. З. Собр. 3, т. XVI, ст. 12777.

³⁸⁾ А. А. Кауфман. Указ. соч., стр. 93; Л. Ф. Скляров. Указ. соч., стр. 69.

³⁹⁾ П. С. З. Собр. 3, т. XVI, ст. 12837.

⁴⁰⁾ ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 23, д. 1069, л. 1.

да на 52256 рублей. Учитывая, что причисление не было завершено, сумма оброка должна была достичь одного миллиона рублей⁴¹⁾.

До января 1897 г. в многоземельных селениях было зарегистрировано 33682 души мужского пола или 67364 души обоого пола переселенцев, имеющих право на причисление. Из них 56360 человек были причислены в состав сельских обществ и 11004 — к волостям, т. е. без земельного надела⁴²⁾. Кроме этого, были взяты на учет 6970 душ обоого пола, не имеющих прав на причисление и 160 человек, не желающих причисляться. Проведение закона в жизнь продолжалось до ноября 1899 г. В течение этого времени были зарегистрированы 391880 непричисленных переселенцев. Из этого количества 181074 человека были причислены и 210806 человек остались непричисленными, 10032 человека не получили права на причисление⁴³⁾.

Таким образом, за рассматриваемый период в Алтайский округ переселилось 983571 человек. Из них 591691 — с официальным разрешением и 391880 (39,6%) — самовольных переселенцев⁴⁴⁾. В итоге общесибирских переселений это составляет 61,9%:

Таблица 5⁴⁵⁾

Места вселений	1860—1880 гг.		1881—1899 гг.		1860—1899 гг.	
	количество человек	%	количество человек	%	количество человек	%
Сибирь	182373	100	1406137	100	1588511	100
Алтайский округ	66913	36,9	916658	65,1	983571	61,9

В переселенческом движении в Алтайский округ в рассматриваемый период участвовало около 60 губерний.

Пионерами движения в первом пятилетии были крестьяне 20 губерний, из них Пермская, Тамбовская, Курская, Вятская и Тобольская дали наибольший процент переселенцев. В 1871 г. к упомянутым губерниям присоединяется Воронежская, ставшая во главе переселенческого движения и давшая 402 ревизские души или 33,8% всех причисленных⁴⁶⁾. В 70-х годах, когда переселенческое движение увеличилось, наибольший процент продолжали давать те же губернии. (См. табл. 6)⁴⁷⁾.

За 6 лет, с 1878 по 1883 гг. 13 губерний Европейской части России и Тобольская губерния дали 90,2% всех переселившихся за это время в Алтайский округ. Остальные 20 губерний, принимавшие участие в переселении, дали 9,8%. В период с 1884 по 1888 гг. наиболее активное участие в переселенческом движении продолжали принимать крестьяне Тамбовской, Воронежской и Тобольской губерний. Возглавляли крестьяне

⁴¹⁾ ГААК, ф. 3, оп. 1, д. 383, л. 200.

⁴²⁾ Там же, д. 1032, лл. 1, 4, 9.

⁴³⁾ Там же, лл. 48, 52, 53, 199; д. 250, л. 226.

⁴⁴⁾ Там же, д. 1035, л. 148.

⁴⁵⁾ Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом, диаграмма; Л. С. Чудновский. Указ. соч., стр. 6; Ямзин. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912, стр. 11. Проценты подсчитаны нами.

⁴⁶⁾ П. Голубев. Сибирская жизнь и положение переселенцев на Алтае, стр. 130. Проценты подсчитаны нами.

⁴⁷⁾ ГААК, ф. 4, оп. 6, д. 250, л. 137; Л. С. Чудновский. Указ. соч., таблица А; И. О. Материалы по переселению в Алтайский округ в 1888—1892 гг., стр. 258—259; Очерк переселенческого дела в Алтайском округе. 1884—1898 гг., стр. 4—5, 35—36. Проценты подсчитаны нами.

Таблица 6

	Губернии	1878— 1883	1884— 1888	1889— 1893	1894— 1898	1878— 1898
1	Курская	1355 д. 2,7 %	12019 д. 14,3 %	27272 17 %	17847 10,2 %	58493 12,5 %
2	Тамбовская	7325 14,6 %	9711 11,6 %	22715 14,2 %	12497 7,1 %	52248 11,1 %
3	Полтавская	—	1437 1,7 %	14554 9,1 %	20945 11,9 %	36936 7,9 %
4	Черниговская	—	314 0,4 %	12965 8,1 %	22832 13 %	36111 7,7 %
5	Всронезская	7445 д. 14,8 %	7242 8,6 %	13063 8,2 %	13449 7,7 %	41199 8,8 %
6	Тобольская	6700 д. 13,3 %	10153 12,2 %	7250 4,5 %	5184 3 %	29287 6,2 %
7	Пермская	7910 д. 15,7 %	8494 10,1 %	7026 4,4 %	5127 2,9 %	28557 6,1 %
8	Рязанская	—	7011 8,3 %	5934 3,7 %	5654 3,2 %	18599 4 %
9	Харьковская	640 д. 1,3 %	3066 3,6 %	8529 5,3 %	6520 3,7 %	18755 4 %
10	Вятская	6020 д. 12 %	5926 7,1 %	4489 2,8 %	3474 2 %	19909 4,1 %
11	Томская (госуд. земли)	—	6784 8,1 %	3864 2,4 %	2349 1,3 %	12997 2,7 %
12	Самарская	2350 д. 4,7 %	1474 1,8 %	7643 4,8 %	2659 1,5 %	14126 3 %
13	Орловская	860 д. 1,7 %	1248 1,5 %	2636 1,6 %	7606 4,3 %	12350 2,6 %
14	Саратовская	—	107 0,1 %	7211 4,5 %	2870 1,6 %	10188 2,2 %
15	Пензенская	1165 д. 2,3 %	2568 3,1 %	3375 2,1 %	4076 2,3 %	11184 2,4 %
16	Оренбургская	1585 д. 3,2 %	1833 2,2 %	1080 0,7 %	1587 0,9 %	6085 1,3 %
17	Тульская	1005 2 %	786 0,9 %	597 0,4 %	2692 1,5 %	5080 1,1 %
18	Симбирская	950 д. 1,9 %	344 0,4 %	1485 0,9 %	2069 1,2 %	4848 1 %
	Всего	45310 д. 90,2 %	80517 95,9 %	151688 94,7 %	139435 79,3 %	416950 86,5 %
	Остальные губернии	4930 д. 9,8 %	3496 д. 4,1 %	8419 5,3 %	36227 д. 20,7 %	53072 13,5 %
	Итого в Алтайский округ переселилось	50240 д. 100 %	84013 100 %	160107 100 %	175662 100 %	470022 100 %

Курской губернии, давшие наивысший процент переселений — 14,3%. В эти годы в переселенческое движение втягиваются губернии: Харьковская, Полтавская и Томская (государственные земли). С государственных земель Томской губернии переселялись, вероятно, крестьяне Европейской части России, отчаявшиеся устроиться на казенных землях. В итоге за 5 лет в Алтайский округ переселилось 84013 человек, из них 80517 или 95,9% дали 16 губерний Европейской части России (в основном черноземный центр) и 2 сибирские.

Конец 80-х и первая треть 90-х годов (1889—1893 гг.) — период дальнейшего роста переселенческого движения в Алтайский округ. За это время переселились 160107 человек, из них 151688 человек или 94,7% дали 18 губерний. По-прежнему переселенческое движение возглавляли Курская и Тамбовская губернии. Усиливается поток переселенцев из Полтавской и Черниговской губерний (в прошлом пятилетии Черниговская губерния едва упоминалась). Зато сокращаются переселения из Тобольской, Вятской и Пермской губерний. Движение сокращается не только в процентном отношении, но и абсолютно.

В период наиболее интенсивного переселения (1894—1898 гг.) в Алтайский округ прибыло 175662 человека. Особенно увеличился поток новоселов из губерний Черниговской и Полтавской. Абсолютное число переселенцев из этих губерний возросло почти в 2 раза. По сравнению с предыдущим пятилетием сокращается количество переселенцев из Курской, Воронежской и Тобольской губерний. Зато Орловская и Тульская, давшие сравнительно небольшой процент общего количества переселенцев, значительно увеличили их абсолютное число (соответственно, 7606 и 2692 человека).

Проследив места выселений крестьян за весь рассматриваемый период, можно сделать вывод, что наибольший процент переселенцев дали губернии: Курская — 12,5%, Тамбовская — 11,1%, Воронежская — 8,8%. Полтавская и Черниговская — почти по 8%, т. е. губернии центрально-черноземной полосы России.

Процесс обезземеления крестьян, который начался еще в первой половине XIX в., особенно интенсивно происходил после реформы 1861 г. С 1875 по 1895 гг. в пятидесяти губерниях Европейской части России надельное землевладение сократилось в расчете на тысячу душ обоюго пола на 334 десятины⁴⁸).

В. И. Ленин в работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX в.» приводит следующие данные распределения надельной земли: по 3,1 десятины, в среднем, на двор имели 2857650 дворов, по 6,5 десятин — 3317601 двор, из общей массы 12,3 млн. дворов. Таким образом, 6,2 млн. дворов (24—30 млн. человек), т. е. 50% имели количество земли, не достаточное для содержания семьи⁴⁹).

Действительное распределение надельной земли в последней четверти XIX в. было крайне неравномерным.

В Курской губернии средний душевой надел составлял 1—2 десятины. В отдельных селениях он был значительно меньше. Так, в селе Платовец Корочанского уезда наделы государственных крестьян составляли 7 сажен на семью. Из общего числа дворов в Курской губернии насчитывалось около 6% безземельных⁵⁰).

⁴⁸) А. Д. Поленов. Исследование экономического положения центрально-черноземных губерний. М., 1901, стр. 13.

⁴⁹) В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 63.

⁵⁰) «Северный вестник», 1888, № 11, стр. 195; А. А. Исаев. Переселенческое дело с начала 80-х годов. «Северный вестник», 1895, кн. 1, стр. 272.

В Тамбовской губернии средний душевой надел составлял 2—2,5 десятины. Однако в ряде сел он доходил до 0,5 десятины. Общий процент безземельных крестьян составлял почти 5%. Средний крестьянский надел в черноземной полосе, губернии которой давали наибольший процент переселенцев, составлял: у бывших государственных крестьян — от 0,75 до 5 десятины, у бывших помещичьих — от 0,75 до 3,25 десятины на ревизскую душу. Недостаток надельной земли резко повысил покупательные цены на землю. Одна десятина земли в Воронежской губернии оценивалась почти в 42 рубля, в Курской — в 40, в Орловской — в 32 рубля. Еще дороже оценивалась земля при покупке подешагнну. Так, в Рязанской губернии одна десятина при покупке оптом стоила 32 рубля, а подешагнну — от 35 до 70 рублей, в Тульской губернии, соответственно, от 15 до 80 рублей. Резко повысились и арендные цены. За последние два десятилетия арендная плата в большинстве губерний возросла на 118—239%.

Земельная теснота толкала крестьян на поиски «вольных» земель в Сибири. Стремление переселенцев черноземных губерний уйти в Алтайский округ объясняется рядом причин. Прежде всего, при выборе места поселения огромное значение для крестьян имело наличие отхожих неземледельческих и земледельческих промыслов, необходимых особенно в первые годы жизни на новом месте.

Алтайский округ, в этом отношении, имел преимущество перед другими районами Западной Сибири. Наличие горнозаводского производства не могло не привлекать переселенцев Европейской части России, которые вынуждены были отпускать часть членов своей семьи на отхожие промыслы и у себя дома. П. Маслов в работе «Аграрный вопрос в России» приводит следующие данные: из 6898 хозяйств, зарегистрированных в 1895 г. в Челябинском переселенческом пункте, 6329 хозяйств отпускали членов своих семей на промыслы⁵¹).

Кроме того, Алтайский округ выгодно отличался от других районов Сибири наиболее благоприятными почвенно-климатическими условиями для сельского хозяйства, похожими на условия на родине переселенцев. Пользуясь известиями от ранее ушедших односельчан, официальными сообщениями о природе Алтая, переселенцы останащивали свой выбор на его территории.

Здесь крестьяне мирились и с 6-рублевым оброком сверх податей и повинностей, готовы были платить по 40 коп. за десятину аренды, высокую плату за приемные приговоры. «По нашему разумению, за эту землю стоит и убытки взять, — говорили новоселы, — лет через 5 все вернется с прибылью»⁵²).

Переселенцев привлекала особенно степная часть Алтая: Бийский и Барнаульский округа. За период с 1866 по 1878 гг. в Бийский округ переселилось 56,7%, в Барнаульский — 36,6% всех новоселов Алтайского округа. Таким образом, на эти два округа падает 92,3% всех переселенцев⁵³). Подобная же картина наблюдается и в последующие годы: за период с 1889 по 1898 гг. в эти два округа поселилось 86,9% всех переселенцев⁵⁴).

Между тем, Томский и Кузнецкий округа были наиболее богаты свободными землями. Но черневые леса, тайга и горные районы мало привлекали переселенцев. Жителям средней полосы Европейской части России трудно было устроиться в непривычных условиях. Этим же мож-

⁵¹) П. Маслов. Аграрный вопрос в России. Изд. 6. М.—Л., 1926, стр. 207.

⁵²) А. Исаев. Как относятся в Сибири к переселенцам. «Русская мысль», 1890, № 12, стр. 80—90.

⁵³) Л. С. Чудновский. Указ. соч., стр. 238.

⁵⁴) Очерк переселенческого дела в Алтайском округе 1884—1898 гг. Барнаул, 1900, стр. 44—45. Проценты подсчитаны нами.

но объяснить значительно меньший процент переселенцев, осевших на государственных землях Сибири.

Из других районов Сибири переселенцев центрально-черноземных губерний мог привлекать еще Минусинский округ Енисейской губернии, почвенно-климатические условия которого были также благоприятны, как и в Алтайском округе. И действительно, основная масса переселенцев, уходивших в Енисейскую губернию, осело в Минусинском округе. За период с 1865 по 1890 гг. туда переселилось 60,5% всех новоселов Енисейской губернии. Общее же количество переселенцев, прошедших в Енисейскую губернию за этот период времени, в общесибирском масштабе, незначительно и составляет 29911 человек или 4,7%⁵⁵). За это же время в Алтайский округ переселилось 233054 человека или 50,5%. Это объясняется относительной близостью Алтайского округа по сравнению с Минусинским и, следовательно, меньшими затратами времени и средств в пути. Так, в работе Л. Чудновского приведена таблица о наличии средств у переселенцев, достигших города Томска в 1888 г. Из 2825 семей имели при себе: до 10 руб. — 1250 семей, от 10 до 50 руб. — 819, от 50 до 100 руб. — 387, от 100 до 300 руб. — 289, от 300 до 500 руб. — 51 и от 500 до 1000 и более руб. — 20 семей⁵⁶). Таким образом, для дальнейшего продвижения из Томска имели средства немного более 70 семей, если учесть, что для заведения самостоятельного хозяйства на новом месте необходимо было иметь 100—125 руб., а в иных местах Сибири до 140—160 руб.⁵⁷).

Вопрос о преимущественном переселении крестьян среднего достатка в исторической науке изучен достаточно⁵⁸). Еще в конце прошлого столетия к этому выводу пришел В. И. Ленин, основываясь на работах И. Гурвича «Переселение крестьян в Сибирь» и Приймака «Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь»⁵⁹).

Таблица 7⁶⁰)

Количество средств	На местах выселения	На местах вселения
Без денег	—	28,6 %
Менее 50 руб.	16,7 %	18,2 %
50—150 руб.	32,5 %	24,4 %
150—300 руб.	25,2 %	15,1 %
300—800 руб.	22,7 %	12,6 %
Более 800 руб.	2,6 %	1,1 %

Абсолютный экономический уровень средних крестьян-переселенцев был низок. Распродажа имущества и скота способна была в большинстве случаев лишь покрыть путевые расходы. К моменту окончания передвижения у большинства крестьян оставались ничтожные суммы.

По мнению большинства исследователей, переселенцам центрально-черноземных губерний на проезд необходимо было иметь от 100 до 200 руб. Сравнивая имеющиеся суммы у крестьян-переселенцев ко времени выселения и на новых местах, видим сокращение группы крестьян среднего достатка к моменту приезда на новые места (см. табл. 7).

⁵⁵ В. А. Степelin. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962, стр. 91, 103. Проценты подсчитаны нами.

⁵⁶ Л. С. Чудновский. Указ. соч., стр. 130—140.

⁵⁷ ЦГИАЛ, ф. 1273, оп. 1, д. 360, л. 225; А. Чупров. Крестьянские переселения в Сибирь. «Русская мысль», без номера и года.

⁵⁸ См. Л. Ф. Склярков. Указ. соч., стр. 22; Т. П. Прудникова. Крестьянское землепользование в Сибири в пореформенный период (по материалам бывшего Томского округа). Труды IV научной конференции Новосибирского пединститута, 1957, стр. 165.

⁵⁹ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 175.

⁶⁰ Л. С. Чудновский. Указ. соч., стр. 60—62.

Таким образом, 46,8% переселенцев, прибывших на новые места, фактически не имели возможности обзавестись самостоятельным хозяйством и вынуждены были идти в батраки. Легостаевское волостное управление сообщало, например, в 1881 г., что переселенцы, прибывшие в волость, преимущественно бедняки. Только 0,1 часть прибывших зажиточная, но и они не имели скота, кроме того, на котором приехали. Подобные сообщения поступали из из других волостей⁶¹).

Устройство переселенцев на новых местах зависело, прежде всего, от количества привезенных средств. По свидетельству исследователей, новоселы с достаточными средствами обзаводились самостоятельным хозяйством через 2—3 года: «...по прибытию в деревню покупают себе избы в первую же зиму или лето и затем ходатайствуют о приеме на новое место и в то же время обзаводятся самостоятельным хозяйством»⁶²). Малосостоятельные обзаводились самостоятельным хозяйством через 5—7 лет. Единственный путь оставался для таких переселенцев — батрачество, которое для многих продолжалось по нескольку лет.

Безхозяйственные переселенцы имели место и среди проживших на новых местах до 10 лет и более. Эта группа крестьян насчитывала: безпосевных — 3,8%, безлошадных и однолошадных (что практически одно и то же) — 11,5%. Значительное число из этих хозяйств имели посев до 5 десятин на двор (17,9%), что было явно недостаточно для Сибири⁶³).

Для огромной массы переселенцев, не имеющих возможности устроиться на новом месте, оставался еще один путь — возвращение на родину. Уже в середине 80-х годов обратные переселения стали «обычным явлением» по отзывам самих же переселенцев. За период с 1881 по 1885 гг. обратные переселения из Сибири составляли 3,4% от прямого движения. Основная масса переселенцев шла из Алтайского округа⁶⁴).

Особенно усилился поток обратных переселений с начала 90-х годов. Причины этого явления заключаются в том, что в 90-е годы усилилось прямое движение. Новоселы, прибывая на Алтай, стремились селиться в поселках старожилов. Министр внутренних дел сообщал министру императорского двора: «Наибольший контингент переселенцев оседает не на свободных землях кабинета, а на общественных землях старожилов»⁶⁵). Переселенцы стремились на обжитые места, так как там было легче устроиться: земля была лучше, а самое главное, у старожилов можно было заработать средства на заведение самостоятельного хозяйства.

Если в 70-х начале 80-х гг. старожилы охотно принимали новоселов и за приемный приговор брали ведро водки или редко 5—10 руб. с ревизской души, то в конце 80-х годов и особенно в 90-е годы, в результате наплыва переселенцев, приемные приговоры стоили от 15 до 75 руб., а иногда и 100 с ревизской души⁶⁶). Переселенец фактически вынужден был покупать землю у старожилов.

Поток переселенцев вызывал страх и опасения за будущее у старожилов. Сельские общества ряда волостей Бийского округа уже в 80-е годы «порешили» не принимать к себе переселенцев. Старожилы говорили: «...здесь не Рассея. Не хотим, чтобы у нас стало также тесно, как у вас там»⁶⁷). Нежелание старожилов принимать новоселов в свои общества

⁶¹) П. Голубев. Указ. соч., стр. 144—145.

⁶²) Там же, стр. 147.

⁶³) А. А. Кауфман. Земельный вопрос и переселение, стр. 125—126.

⁶⁴) Там же, стр. 129.

⁶⁵) ЦГИАЛ, ф. 486, оп. 23, д. 779, л. 2.

⁶⁶) Н. Овсянкин. Указ. соч., стр. 341.

⁶⁷) Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 3, оп. 44, д. 2, л. 71; Л. С. Чудновский, Указ. соч., стр. 135.

заставило Алтайское управление в 1883 г. потребовать от волостных правлений «...выдавать приемные приговоры переселенцам, не стесняясь тем, сколько приходится по плану удобной земли на ревизскую душу»⁶⁸).

Причины обратных переселений достаточно полно рассмотрены Л. Ф. Скляровым. Его положения в полной мере относятся и к Алтайскому округу. Следует к этому добавить, что процессу обратных переселений способствовал весь курс переселенческой политики царизма. Закон 1889 г., представлявший переселенцам некоторые льготы, не распространялся на алтайских переселенцев. Основная же масса переселенцев, шедших в Сибирь, оседала на Алтае. Не получив ожидаемых льгот, сотни переселенческих семей, чаще всего совершенно разоренных, возвращались на родину.

Мерой борьбы правительства с обратными переселениями явился циркуляр министерства внутренних дел в 1894 г. о порядке причисления переселенцев, возвратившихся на родину⁶⁹). Согласно циркуляру переселенцы, причисленные на новых местах без наделения землей, по возвращению на родину признавались оставшимися в составе прежних обществ. Те переселенцы, которые на новых местах получали земельный надел, причислялись на родине на общих основаниях, т. е. после получения ими приемных приговоров от своих прежних обществ.

Осложнение устройства переселенцев на родине в результате этого циркуляра не остановило обратного переселения. В 1895 г. из Алтайского округа возвратились 14,7% переселенцев, в 1896 г. — 10,5% и в 1897 г. — 3,7%⁷⁰).

Сокращение обратных переселений в 1897 г. можно объяснить началом осуществления на территории Алтайского округа закона 27 апреля 1897 г., на основании которого администрация округа должна была устроить всех непричисленных. Поэтому переселенцы этой категории возлагали надежды остаться в Алтайском округе, но уже к середине 1898 г. несостоятельность этих надежд стала очевидной. Администрация округа отказала в причислении 10032 переселенцам и причислила к волостям без земельного надела 22221 человека⁷¹). В результате этого обратные переселения в 1898 г. возрастают до 6,5%⁷²).

Возвратившиеся на родину крестьяне оказывались в более худшем положении, чем до переселения. Часто старое общество отказывало им в выдаче приемных приговоров, так как не хотело наделять их землей. Прежние наделы крестьян-переселенцев после их отъезда попадали в общее пользование и при переделах отдавались другим общинникам. Чаще сами переселенцы перед отъездом продавали свои наделы зажиточным общинникам. Обратным переселенцам оставалось причисляться к прежним обществам без надела земли и идти батраками к местным кулакам или помещикам.

Таким образом, обратные переселения еще более обостряли аграрный вопрос в Европейской части России. В процессе обратных переселений ярко проявилась неспособность царского правительства устроить новоселов на новых местах.

Из всего выше сказанного можно сделать вывод, что основная масса переселенцев Европейской части России, уехавших в Сибирь во второй половине XIX в., осела на кабинетских землях Алтайского округа.

⁶⁸) ГААК, ф. 3, оп. 1, д. 213, л. 5.

⁶⁹) ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 2, д. 12, л. 4.

⁷⁰) Там же, д. 151, л. 105; д. 28, л. 94; А. Кауфман. Сибирские переселения на исходе XIX в., стр. 93. Проценты подсчитаны нами.

⁷¹) ГААК, ф. 4, оп. 6, д. 250, л. 226; ф. 3, оп. 1, д. 1032, лл. 4, 9, 48.

⁷²) ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 2, д. 250, лл. 115, 117. Проценты подсчитаны нами.

Приток новоселов сыграл огромную роль в хозяйственном развитии округа. Рост посевных площадей, внедрение неизвестных здесь ранее культур, применение новых земледельческих орудий, развитие ремесла, рост товарности сельского хозяйства — следствие переселенческого движения.

Площадь земли переселенческих участков в округе за период с 1882 по 1898 гг. составляла 1641383 десятины или 58,3% всей наделной земли Алтайского округа⁷³⁾.

Приток новоселов постоянно создавал рынок наемных рабочих и увеличивал спрос на продукты сельского хозяйства, способствуя развитию капиталистических отношений.

Объективной причиной переселенческого процесса являлось социально-экономическое развитие пореформенной России, которое характеризовалось слабо развитыми капиталистическими производственными отношениями в промышленности и сельском хозяйстве, наличием огромного количества феодально-крепостнических пережитков. Рост малоземелья, аграрное перенаселение выталкивали крестьян на свободные, необжитые земли Сибири.

Однако переселения не могли решить аграрный вопрос и избавить крестьянство от крепостничества. В. И. Ленин подчеркивал, что «Колонизационный вопрос в России есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны», что только решительная ликвидация остатков крепостничества в центре страны могла дать толчок быстрому капиталистическому развитию и центра и окраин России⁷⁴⁾.

Постановка переселенческого дела, вся переселенческая политика правительства не могли ослабить аграрного кризиса. Напротив, усиливали его, доводя крестьянство до полного разорения. Ярким проявлением этого явились массовые обратные переселения.

⁷³⁾ ГАТО, ф. 3, оп. 45, д. 128, л. 224.

⁷⁴⁾ В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 70—71.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ СИБИРСКОГО ОБЛАСТНИЧЕСТВА (70-е — НАЧАЛО 90-х ГОДОВ XIX в.)

М. Г. СЕСЮНИНА

В статье «К вопросу о возникновении сибирского областничества»¹⁾ была сделана попытка осветить начальный период областничества до 1865 г., показать, что, являясь попутчиками революционно-демократического движения, его основоположники Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев после возвращения их из Петербурга в Сибирь (1862—1863 гг.) начинают отходить от него, переходя постепенно на позиции буржуазного либерализма.

Данная статья ставит целью показать дальнейшую эволюцию областничества в сторону буржуазного либерализма, реформизма в 70-х начале 90-х годов XIX в., на основе сравнения его с господствующим в то время направлением разночинного этапа освободительного движения — народничеством, показать отсутствие в противоречивом мировоззрении идеологов областничества Ядринцева и Потанина тех черт, за которые революционное народничество впоследствии ценилось русскими марксистами и, с другой стороны, — проследить проявление черт, присущих либеральному народничеству.

Мы понимаем, что при сопоставлении народничества и областничества невозможно избежать некоторой односторонности и условности, поскольку первое — стремление охватить вопросы, касающиеся всей России, а второе — сознательно ограничивалось только Сибирью, пыталось вопреки ходу исторического развития обособить ее, противопоставить России. Кроме того, в данной статье мы оставляем в стороне некоторые другие стороны областничества, в частности — проявление в нем черт просветительства²⁾, которое мы рассматриваем в свете статьи Э. С. Виленской как общие прогрессивные черты разных антифеодальных направлений.

О наличии у областников в XIX в. народнических черт, элементов народнической идеологии говорится в работах М. Гудошников, А. Терентьева, Н. Степанова, Л. Потапова, М. Ветошкина, Я. Кошелева³⁾. Но

¹⁾ М. Г. Сесюнина. К вопросу о возникновении сибирского областничества. Вопросы Истории Сибири. Выпуск 2, Изд-во ТГУ, Томск, 1965.

²⁾ См. Э. С. Виленская. О статье В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся». Известия АН СССР, т. XIX, 1960, стр. 103—115.

³⁾ М. Гудошников. Классовая природа областничества. «Будущая Сибирь», 1931, № 1. М. А. Гудошников. Общественно-политические взгляды Н. М. Ядринцева. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ир-

они в своей характеристике этой стороны мировоззрения идеологов областничества не задавались целью сравнить его с общими чертами, присущими народничеству (в широком смысле), не ставили задачу рассмотрения областничества под углом зрения наличия в нем черт революционного или либерального народничества.

**

В период пребывания Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева в Омской тюрьме, а затем в ссылке⁴), они продолжали разрабатывать свою областническую программу, пытались подвести под нее теоретическую базу. Как тот, так и другой впоследствии писали, что в этот период они учились, много читали и тюрьма вооружила их данными для подкрепления программы⁵). С февраля 1872 г. завязалась оживленная переписка Ядринцева с Потаниным. Письма этого периода отражают дальнейшее формирование их областнического мировоззрения⁶). Потанин, направляя публицистическую деятельность Ядринцева, поддерживал его стремление искать связь всего изучаемого с местными сибирскими вопросами, для большей убедительности связывать их с общими. Он советует ему «сделать творчество тенденциозным», выделять такие вопросы, как штрафная колонизация Сибири, мануфактурное иго Москвы, отсутствие интеллигенции в крае, подчиняя им вопросы об общине, административный, инородческий, о путях сообщения в Сибири и прочие⁷).

Духом этой тенденциозности, стремлением рассматривать все явления с точки зрения «сибиризма» проникнуты не только письма Потанина и Ядринцева, но и их статьи⁸). Таким образом, Ядринцев и Потанин сознательно замыкались в круг вопросов, являвшихся для Сибири лишь порождением и отражением общих причин, тормозивших прогресс социально-экономических отношений всей страны. Тогда как уничтожение феодальных пережитков, главными из которых являлось помещичье землевладение и самодержавие, стало главной задачей освободительного движения России, областники стремились ограничиться рамками Сибири, подчинить общероссийские вопросы местным, противопоставляли область всему государству, искусственно старались оторвать Сибирь от России, не хотели и не добивались сближения с общероссийским революционным движением.

кутск, 1941; А. Терентьев, Н. М. Ядринцев. «Сибирские огни», 1934, № 6; Н. Степанов, П. А. Словоцков. (У истоков сибирского областничества), Л., 1935; Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953; М. Ветовкин. Очерки по истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири в 1898—1907 гг. Госполитиздат, 1953; Я. Р. Кошелёв. Русская фольклористика Сибири (XIX — начала XX вв.), Томск, 1962.

⁴) Следствие в Омске по «делу сепаратистов» закончилось 28 ноября 1865 г., затем его материалы рассматривались в Петербургской Следственной Комиссии и были переданы Министерству Юстиции для представления в Сенат. От последнего «обвинение и определение» последовало лишь в начале 1868 г. После смягчения наказания по ходатайству Государственного Совета, Потанин, отправленный на каторжные работы в Финляндию на 5 лет, пробывал на крепостных работах в Свеаборге три года, затем был выслан в Никольск Вологодской губернии, там пробывал до лета 1874 года; Ядринцев находился в ссылке, главным образом, в Шенкурске Архангельской губернии до конца 1873 года.

⁵) М. Лемке, Н. М. Ядринцев. СПб., 1904, стр. 70; Архив Г. Н. Потанина. Научная библиотека Томского государственного Университета. Опись 103, л. 44367.

⁶) Письма Н. М. Ядринцева частично опубликованы в Красноярске в 1918 г., письма Г. Н. Потанина, долго считавшиеся утерянными, хранятся в Томском областном краеведческом музее ТОКМ.

⁷) ТОКМ. Научный архив, фонд Г. Н. Потанина, оп. 14, д. 3, л. 46.

⁸) Ядринцев в период ссылки публикует свои статьи в «Деле», «Сибири», «Камско-Волжской газете», в последней активно участвовал и Потанин. Их статьи печатались также в «Неделе», «Искре» и др.

Перейдем непосредственно к сравнению областничества с господствовавшим направлением разночинного этапа освободительного движения пореформенной России — народничеством. Как известно, народничество не было однородным; в нем, начиная с его возникновения, намечались и развивались различные течения. Сравнивая областничество с народничеством, мы берем за основу те черты последнего, которые были общи и присущи всем его направлениям, выясняя затем, в каком отношении находились те или иные взгляды областников со взглядами революционных и либеральных народников. В. И. Ленин обобщил «основные социально-экономические взгляды всех и всяких народников».

Первой чертой, характеризующей систему воззрений народничества, В. И. Ленин назвал «*признание капитализма в России упадком, регрессом*», из чего проистекало стремление «задержать», «остановить», «прекратить ломку капитализмом вековых устоев»⁹). В этом коренном вопросе областники резко расходились с народниками. Письма Ядринцева и Потанина периода ссылки характеризуют их, особенно первого, как приверженцев капиталистического развития. Ядринцев подвергал критике высказывания тех людей, которые, желая «доказать во что бы то ни стало эксплуатацию фабричного труда», утверждали, «что земледелец-сырьевик лучше жил и был развитее», чем фабричный рабочий. Он обвинял их в том, что они «замечая одни темные стороны фабричного труда, забывают о темных сторонах предшествовавшего земледельческого труда, забывают культурное значение, которое вносится переходом к высшей степени труда». Т. е. Ядринцев понимал необходимость промышленного развития, считал его закономерным и прогрессивным. Но это правильное положение он понимал по своему, очень узко, рассматривал его, в первую очередь, как средство для достижения экономической независимости Сибири от Европейской России, Ядринцев писал о необходимости поднять заводскую промышленность, создать промышленные центры Сибири¹⁰).

Ядринцев критиковал народнический взгляд на развитие капитализма. Сравнивая земледельческие Южные штаты Америки с промышленными Северными в экономическом отношении и по уровню просвещения, он иронически восклицает: «И после этого говорят еще, что мануфактурное развитие поведет к худшему»¹¹).

Его идеал — капиталистическая Америка.

Если народники видели в капитализме лишь отрицательные стороны, делали упор на те бедствия, которые он несет трудящимся массам, то Ядринцев сбивается на точку зрения апологета капитализма. Дальше признания закономерности и прогрессивности капиталистического развития он не шел, никогда не поднявшись до понимания неизбежности и прогрессивности классовой борьбы. Он выступает здесь с позиций буржуазного объективизма, электически приспособляя марксистские положения к теории, не имеющей ничего общего с марксизмом.

Свою точку зрения Ядринцев пытается подкрепить даже ссылкой на Маркса, извращая его: «Он (К. Маркс. — М. С.) говорит, что можно помогать в родах исторической жизни, но не переделывать ее»¹²). Т. е. Ядринцев рассматривал капитализм как бесконфликтный процесс, которому надо всячески способствовать, поэтому он призывал поддерживать сибирскую буржуазию: «Говоря о промышленности нации, госу-

⁹) В. И. Ленин. Полное собрание сочинений (ПСС), т. 2, стр. 528, 529.

¹⁰) Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину. Красноярск, 1918, стр. 51, 113, 142, 216 и др.

¹¹) Там же, стр. 207.

¹²) Там же, стр. 74.

дарства, нельзя не говорить с буржуазней». «У нас не пробил час войны с буржуазней». Он призывает не бить в набат против нее, а сотрудничать с ней во имя промышленного и культурного развития страны. В выделении рабочего вопроса, в борьбе против буржуазии со стороны местных публицистов Ядринцев видел лишь «опасность розни, разлагающей, обесценивающей и придающей слабость народу, а не силу»¹³). Он недоумен теми, кто твердит «про эмансипацию труда», кто прислушивается к Западу, где один интерес — борьба с капитализмом¹⁴). Он считает, что фабричного рабочего вопроса бояться нечего, он будет разрешаться мирным путем¹⁵). А сибирская буржуазия, силы и опасности которой он в 70-х гг. не признавал, в противоположность буржуазии Запада, после выполнения своей исторической миссии должна, по его мнению, уступить место «общинной артельной организации»¹⁶).

Если народники видели задачу русской передовой интеллигенции в том, чтобы «бороться с развитием буржуазии на русской почве»¹⁷), то областники ставили в то время задачу перед интеллигенцией Сибири — содействовать буржуазии, наивно веря в возможность ее ограничения впоследствии путем воздействия со стороны демократической интеллигенции, а также при помощи земского самоуправления¹⁸).

Нельзя отказать ни Потанину, ни Ядринцеву в сочувствии угнетаемому трудящемуся населению, в частности, — рабочему классу. Но средства и путь, которыми они хотели помочь ему, делают их благие рассуждения и намерения беспочвенными и нереальными. Эти средства: покровительственные меры и реформы существующего правительства, выполнение имеющихся законов. Все это может гарантировать население от злоупотреблений, защитит его — такова их точка зрения¹⁹). Путь — довести до сведения правительства и общества об этих злоупотреблениях, подсказать им необходимые мероприятия. Трудящиеся массы рассматривались ими под углом зрения сочувствия сострадания их тяжелому положению как классы, страдающие от эксплуатации и нуждающиеся в защите и покровительстве общества и государства. Улучшение условий жизни трудящихся масс ставилось ими лишь в зависимости от правительственных мероприятий, реформ.

В пролетариате областники не хотели видеть революционный класс, так как они отвергали революцию, как способ решения рабочего (как и всех других) вопроса, ищут его в обращении к обществу и государству. Классовая борьба расценивается ими как сила только разрушительная, мешающая прогрессу²⁰).

¹³) Там же, стр. 129, 130.

¹⁴) Там же, стр. 180.

¹⁵) Там же, стр. 51, 53.

¹⁶) Там же, стр. 129.

Но даже и впоследствии, когда Ядринцев убедится в крахе своих иллюзий в отношении сибирской буржуазии, он не станет сторонником борьбы с ней: «Бороться с ними (капиталистами, мироедами. — М. С.)? Но они заняли позицию и составляют силу. Разве возможна борьба там, где легко быть безапелляционно съеденным подобно осетрине или балыку — не более». Исключая путь борьбы, Ядринцев видит только два выхода: «покориться и примириться или бежать». (Ядринцев. На чужбине. «Восточное обозрение». № 29, 1883 год).

¹⁷) Ш. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX в., М., 1958, стр. 300.

¹⁸) Указанные письма Н. М. Ядринцева, стр. 129—130, 216.

¹⁹) Эти мысли проводит Ядринцев в своих статьях, их он запечатлел в книге, подвигшей итог всей его публицистической деятельности — «Сибирь как колония». СПб., 1892.

²⁰) Ядринцев разочарованно писал: «В апофеозе цивилизации встала та же братоубийственная борьба, рабочий вопрос угрожает катаклизмами, горят фабрики, восстала жажерия, разве это создание, а не разрушение?» Это высказывание относится к 1889—1891 гг., напечатано в «Восточном обозрении», № 86, 1904 г.

Можно сделать вывод, что областники, как и либеральные народники, хотели и добивались «не уничтожения эксплуатации, а смягчения ее.., не борьбы, а примирения»²¹⁾. Обращением к государству, якобы призванному защищать и охранять экономически слабого, областники обнаруживают непонимание классовой сущности государства. В. И. Ленин за это называл «друзей народа» 90-х годов «злейшими акционерными», чистейшими идеологами мещанства²²⁾. Эту оценку можно отнести к областникам уже 70—80-х годов XIX в.

Таким образом, в главном вопросе народнической теории (оценка капитализма как регресс, признание возможности для России некапиталистического пути развития, а отсюда — резко отрицательное отношение к буржуазии и ко всему, что ведет к ее усилению) областники расходились с ней. Наоборот, они впадали в идеализацию капитализма и сибирской буржуазии. Их позиция в отношении того и другого не отличается в своей основе от позиций русских буржуазных либералов.

Ко второй характерной черте народнической системы мировоззрения В. И. Ленин, как известно, относит «*признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артели и т. п. в частности*», идеализацию «устоев», отрицание и затушевывание среди крестьян и противоречий, «которые» свойственны всякому товарному и капиталистическому «хозяйству...»²³⁾.

Точка зрения областников и в этом отличалась во многом от народнической. Отношение их к общине было сложным и, в конечном счете, противоречивым. В начале 70-х годов Ядринцев видел уже процесс разложения, происходящий в крестьянской общине, вскрывал закабаление беднейшего крестьянства кулаками, приближался к верному выяснению причин этого процесса, понимал общность законов развития русской общины и общины Западной Европы. Все это нашло отражение в его письмах Потанину, в одном из них он писал: «Ежели исторический закон поступал так со всеми общинами (т. е. разрушал их. — М. С.), не понимаю, почему русская община будет составлять исключение»²⁴⁾. Казалось бы, что при такой постановке вопроса нет места признанию самобытности экономического строя России и крестьянина с его общиной. Но тут же Ядринцев начинает противоречить себе, отступает от своих правильных выводов о неотвратимости разложения общины. Он выражает надежду на ее спасение особыми покровительственными мерами, думает дать ей новую форму, сохранить в ней то хорошее, что есть. Роль спасителей общины он отводил интеллигенции. А в связи с тем, что он видел ее слабость и немногочисленность в Сибири, то относительно своей практической деятельности делал вывод, подтверждающий еще раз его полный отказ от революционных средств решения всех вопросов, вывод, говорящий о надеждах лишь на реформы царского правительства, на его покровительство. «Остается ограничиться подготовлением почвы, т. е. изучением народа, его обстановки, накоплением материала, знаний и содействием реформы, имеющим в виду непосредственно интересы масс и крестьянства»²⁵⁾.

Большую роль в отказе Ядринцева от первоначального правильного взгляда на судьбу крестьянской общины сыграл Г. Н. Потанин, которому, в отличие от первого, были чужды колебания в этом вопросе. В споре с Ядринцевым в период их переписки в ссылке он не соглашался

21) В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 250.

22) Там же, стр. 266.

23) Там же, т. 2, стр. 528—529.

24) Указанные письма Н. М. Ядринцева. стр. 61—63, 65, 69.

25) Там же, стр. 72—73.

с выводом его о неизбежности гибели общины, о ее неминуемом разложении: ...«Не понимаю, почему мы должны проходить непременно тот же путь с Европой, почему старый кирпич не может пригодиться в новом здании». Не отрицая наличия расслоения, кабалы мироедов, он выражал утопическую надежду, что сибирская община в борьбе с богачами-капиталистами и мироедами выйдет победительницей, «укротит их или вытурит их из города»²⁶). В кулачестве он видел лишь «внешнюю силу», а не продукт процессов, происходящих в самой общине. В этом Потанин близок тем народникам, которые позже считали кулачество «внешним наростом», не связанным с экономическим развитием деревни, силой, чуждой общине.

Несколько позже, в 1874 г., Потанин был вынужден признать, что «общинный кризис» имеет место в Средней России, что там «может быть это дело уже непоправимое». Однако в отношении Сибири он остается на прежних позициях, она — «страна, в которой должен осуществиться переход от общинного землевладения к общинному хозяйству. Вот мировое значение нашей Родины»...²⁷).

В конце концов, в мировоззрении областников одерживает верх взгляд на особую судьбу сибирской общины: она может сохраниться наряду с промышленным развитием края. Стремясь соединить несовместимое, они выражают надежду на «народный инстинкт», который поможет общине «уберечь себя от разложения», на то, что «будущее историческое развитие этой общины и лучшее ее сознание своих интересов, конечно, гарантирует ее от преобладания в ней своекорыстных стремлений отдельных личностей»²⁸).

Итак, в противоречивых взглядах идеологов областничества на роль и судьбу крестьянской общины можно усмотреть лишь некоторое сходство их с системой воззрения народников. Но это сходство не касается сущности вопроса.

Для революционного народничества 70-х годов XIX в. (при всех его теоретических и практических ошибках) крестьянская община являлась основой, ячейкой будущего социалистического строя, к которому Россия перейдет, минуя капиталистический способ производства. Путь к социализму они видели в передаче всей земли крестьянам, т. е. в ликвидации помещичьего землевладения, в уничтожении самодержавия при помощи крестьянского восстания.

Для областников же сохранение и дальнейшее развитие общинного землепользования не исключало развитие капитализма, укрепление общины должно было произойти при существующем экономическом и политическом строе путем системы мероприятий и реформ правительства, в котором они видели защитника интересов эксплуатируемого населения. Мелкобуржуазный реформизм их виден здесь предельно ясно.

Что касается надежды областников на использование общины для развития впоследствии социалистических отношений, надежды на возможность замены капитализма иным строем, то у них можно усмотреть лишь робкие и незрелые намеки на эту отдаленную возможность только в начале 70-х годов в переписке периода ссылки. Но эти надежды и пожелания не выходили из рамок одной из форм консервативного, или буржуазного социализма, сочетаемого с элементами социализма критически-утопического. Для Ядринцева характерно отрицательное отно-

²⁶) ТОКМ, Научный архив, оп. 14, д. 3, лл. 34—35.

²⁷) Там же, д. 14, л. 29.

²⁸) Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. СПб., 1892, стр. 122.

шение к марксизму, молодое поколение, придерживающееся его, он впоследствии обвинит в бесстрашии и холодном робеспьеризме²⁹).

Если мы не находим точек соприкосновения областничества с революционным народничеством, то мы найдем много доказательств общности их с либеральным народничеством, а также и буржуазным либерализмом.

Представляя язвы и бедствия кулацкого засилья в деревне как следствие бесправия и отсутствия законности, утверждая возможность сохранения общины, предупреждения и избавления ее от засилья мироедов, а всего населения — от господства промышленного класса монополистов путем целого ряда правительственных реформ и мероприятий³⁰), Ядринцев как выразитель идей областничества полностью сливается с тенденцией, свойственной всем русским либералам, включая «друзей народа» 90-х годов: «замазывать антагонизм классов и эксплуатацию трудящегося в России, представляя все это в виде только «дефектов»³¹), которые можно устранить без коренной ломки всей существующей системы как экономической, так и политической.

В своей книге «Сибирь как колония» Ядринцев ясно определяет возможный будущий удел Сибири как «спокойное гражданское развитие, культурный рост, мирный прогресс».

Если в начале 70-х годов XIX в. Ядринцев правильно видел причины разложения общины в развитии капиталистических отношений, то затем к нему можно отнести характеристику В. И. Ленина, данную им либеральным народникам, так как Ядринцев, как и они, усматривал эти причины лишь «...в политике правительства, которая-де была неудачна.., в косности общества, недостаточно сплотившегося против хищников и пройдох и т. п.»³²).

Таким образом, областникам, как и либеральным народникам, свойственен отказ от революционной борьбы, проповедь мирного прогресса в рамках существующего строя, призыв к культурно-просветительной работе, ожидание решения всех злободневных вопросов лишь путем «мероприятий» общества и государства.

Но если у народников это особенно проявилось в 80—90-х годах, то у областников стало главным содержанием их деятельности уже в 70-х годах.

В чем Ядринцев видел панацею против всех зол и бедствий? В создании земских учреждений в Сибири, в земстве, которое фактически представляло из себя при его создании безвредную для правительства уступку и впоследствии систематически стеснялось им и всячески ограничивалось! Это наглядно подтверждает вхождение областничества в русло русского либерализма, охарактеризованного В. И. Лениным в работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма»³³).

При сопоставлении областничества с третьей главной чертой народничества «игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов»³⁴) следует заметить, что в отличие от народников областники затрагивали вопрос о классовых связях интеллигенции. Говоря об интеллигенции из высших слоев, Ядринцев писал, что «ее служение обусловлено ее принадлежностью к известному классу, значительная

²⁹) ТОКМ, оп. 14, д. 23, л. 29. Папка с письмами Н. М. Ядринцева к В. И. Семидалову. Письмо № 9, от 14 апреля 1894 г.

³⁰) Н. М. Ядринцев. «Сибирь как колония». СПб., 1892, стр. 432, 443 и др.

³¹) В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 311.

³²) Там же, стр. 513—514.

³³) В. И. Ленин. ПСС, т. 5, стр. 25—72.

³⁴) Там же, т. 2, стр. 529.

часть этой интеллигенции будет служить своему сословному интересу»...³⁵⁾. Он и Потанин мечтали о создании в Сибири особой демократической интеллигенции, идеализируя ее, противопоставляя русской. Потанин писал в 1875 году: ...«Сибирская интеллигенция не может быть эксплуататором вроде русской; во-первых, она не будет состоять из землевладельцев, во-вторых, из крупных капиталистов; это будут исключительно дети небогатых разночинцев, дети чиновников»...³⁶⁾.

Что касается непонимания классового характера юридико-политических учреждений — здесь областники солидаризировались с общим народническим воззрением.

Но для революционных народников непонимание этой связи служило обоснованием для постановки вопроса о немедленной социалистической революции, которая «должна покончить сразу и с социальным, и с политическим гнетом».

Для областников же оно вылилось в отношение к самодержавию как к надклассовому учреждению, как к органу, способному разрешить все вопросы в духе интересов народа. Отсюда — апелляция к нему и никакого разговора о необходимости ликвидации самодержавия. Наоборот, распространение иллюзий, надежд на продолжение и распространение на Сибирь «великих реформ», стремление разъяснить правительству их необходимость. Этим и объясняется обличительный характер публицистических статей областников, которые нельзя переоценивать и придавать им революционный характер.

Обличения могут иметь и либеральный характер, а не только революционный. Как известно, непонимание этой разницы в свое время послужило одной из причин разногласий между издателями «Колокола» и редакторами «Современника».

Чернышевский и Добролюбов выступили «против мелкобуржуазного, либерально-обывательского обличительства, сосредоточивавшего внимание на таких несущественных частных вопросах... которые не имели социально-политического значения»... они «стремились к тому, чтобы обличение было направлено против главных причин несовместимости русской жизни, то есть против самодержавия и крепостничества»³⁷⁾.

Обличения областников не касались основ существующего строя, они носили характер того либерального обличительства, о котором так говорил Н. Г. Чернышевский Герцену (в передаче С. Г. Стахевича): «Если бы... наше правительство было чуточку поумнее. оно благодарило бы вас за ваши обличения: эти обличения дают ему возможность держать своих агентов в уезде в несколько приличном виде, оставляя в то же время государственный строй неприкосновенным, а суть-то дела именно в строе, а не в агентах»³⁸⁾. Либералы доходили до разоблачения произвола и злоупотреблений местной власти, но не более. Сам Ядринцев определил действительную суть своих обличений в черновых набросках о местной печати: «Это было открытое заявление общественных зол, знать которое было необходимо правительству и обществу»³⁹⁾. А генерал-губернатор Восточной Сибири однажды в беседе с ним о печати выразил ему даже благодарность за обличения злоупотреблений⁴⁰⁾.

В. И. Ленин, говоря о народничестве в широком смысле, отмечал, что ему было присуще «отсутствие социологического реализма», проис-

³⁵⁾ Указанные письма Н. М. Ядринцева, стр. 71.

³⁶⁾ ТОКМ, оп. 14, д. 7, л. 17.

³⁷⁾ Н. В. Порох. Герцен и Чернышевский. Саратов, 1963, стр. 129.

³⁸⁾ Там же, стр. 136—137.

³⁹⁾ ЦГАЛН, ф. 580, оп. 1, д. 4, л. 2.

⁴⁰⁾ Там же, ф. 1135, оп. 1, д. 8, л. 44.

текавшего из антинаучной теории так называемого «субъективного метода в социологии», отрицавшего необходимость установления и изучения объективных законов развития человеческого общества. Это можно отнести с полным правом и к областничеству.

Областники также не смотрели на «различные классы населения как на самостоятельных исторических деятелей...», а рассуждали о «населении вообще и о грядущем населении в частности, как об объекте тех или других или менее разумных мероприятий, как о материале, подлежащем направлению на тот или иной путь»⁴¹).

Но если взять революционное народничество, то в его планы входило «направить» крестьянство на революционный путь насильственного уничтожения помещичьего землевладения и самодержавия, ошибочно считая, что это явится одновременно освобождением трудящихся от всякого вида эксплуатации. Интеллигенцию революционные народники рассматривали как силу, способную руководить революцией.

У идеологов областничества, Ядринцева и Потанина, мы не найдем постановки вопроса о классах, способных совершить революционный переворот⁴²). Как говорилось выше, они рассматривали трудящиеся массы только как классы, нуждающиеся в помощи со стороны общества и государства. Роль интеллигенции они ограничивали культурно-просветительной работой, она должна указать обществу «направление жизни и строя».

А так как уже в начале 70-х годов они окончательно решили, что путем реформ правительства можно решить все насущные задачи, в том числе и проблемы улучшения условий жизни трудящихся, опережая в этом либеральных народников 80—90-х годов то и задачей интеллигенции считали «указывать» и доказывать необходимость этих реформ, сеять веру в них. Мы уже оценили эту точку зрения, как стремление к затушевыванию классовых противоречий, стремление к смягчению эксплуатации, а не ее полной ликвидации.

Областники не присоединились к «задирам», которые шли с революционной проповедью в народ»⁴³). Наоборот, они в 70-х годах XIX в. выбросили за борт те элементы радикализма, которые под влиянием революционно-демократического движения периода революционной ситуации имели место в их прокламациях «К патриотам Сибири» и «Сибирским патриотам»⁴⁴).

Ядринцев не оценил самопожертвования, героической неравной борьбы народников, их стремления сблизиться с народом и поднять его на революцию, он назвал народничество 70-х годов течением с «общей, расплывчатой формой» — и только, обвинил его в том, что никто не думал о «группировке провинциальной интеллигенции и ее сплочении»⁴⁵).

Недоверие, а подчас и враждебность к интеллигенции Европейской России, к ее теориям и течениям сохранились у Ядринцева до конца его жизни, являясь одной из серьезных ошибок, наносивших вред делу формирования единого фронта борьбы передовых слоев русского обще-

⁴¹) В. И. Ленин. ПСС, т. 2, стр. 540.

⁴²) Это имело место только в прокламациях в период возникновения сибирского областничества в 1863 г. (ЦГАОР, ф. 109, 1 экс. 1865 г., д. 196, лл. 23—27, 104—111). Заключительным аккордом прозвучали слова Г. Н. Потанина на следствии о революционности приисковых рабочих на казенных алтайских заводах (там же, л. 157).

⁴³) В. И. Ленин. ПСС, т. 5, стр. 39.

⁴⁴) ЦГАОР, ф. 109, 1 экс. 1865 г., д. 196, лл. 23—27, 104—111. В них ставился вопрос о необходимости замены самодержавия демократической республикой путем восстания, признавалась возможность общей борьбы вместе с российскими борцами против правительства, клеймились реформы его.

⁴⁵) Ядринцев. К моей автобиографии. «Русская мысль», 1904, № 6, стр. 166.

ства против самодержавия и буржуазии. Ядринцев старался удержать сибиряков от связи с общероссийским общественным движением. Но незадолго до смерти должен был признать безрезультатность таких попыток, пришел к горькому для его областнических иллюзий выводу, что сибиряками «гораздо скорее усваивались разные социальные теории и направления русских молодых партий (народничество, марксизм, социализм и т. п.), чем идеи сибирского патриотизма»⁴⁶). Очень небольшой круг сибирской интеллигенции проникся идеями областничества, поэтому Ядринцев и бросает упрек в конце своего жизненного пути: «Ее (сибирскую интеллигенцию.—М. С.) оглушают русские теории и русские радикальные жупелы, но она не мыслит самостоятельно»⁴⁷), т. е. не хочет изолировать себя ото всей России, как этого хотели областники.

Итак, при сравнении областничества с народничеством, взятом в широком смысле, мы находим мало точек соприкосновения. Особенно это касается революционного направления в народничестве, с которым расходятся по своему содержанию взгляды, внешне несколько сближающие областничество с народничеством в широком смысле. Мы не найдем у областников того, за что впоследствии революционные народники ценнились марксистами: ни враждебности к самодержавию, ни идеи его насильственного уничтожения, ни обращения к народным массам.

Но зато мы видим, что областничество все более отчетливо приобретает черты, свойственные тому направлению народничества, которое впоследствии, начиная с 80-х годов, вылилось в господствующее либерально-народническое и сомкнулось с буржуазным либерализмом (а у областничества все эти черты имели место уже в 70-х годах): отказ от революционной борьбы с самодержавием, примирение с ним, прославление правительственных реформ, призыв к развитию «положительных» начал реформ 60-х годов новыми преобразованиями, не выходящими из рамок существующего строя, боязнь классово-борьбы.

Как известно, во второй половине 60-х и в 70-х годах в России происходил процесс резкого отмежевания революционного лагеря от либерализма. Для первого становится характерным поиск путей в народные массы, переход к активным действиям против самодержавия. Лагерь либералов сползает к безрезультатному прожектерству и культуртрегерству.

В этом размежевании областники окончательно переходят на позиции либералов. Это станет еще более явственным, если мы подвергнем анализу программу областничества (она, фактически, не менялась, а лишь углублялась и разрабатывалась на протяжении 60—70-х годов XIX в. в деталях)⁴⁸) с точки зрения ее соответствия программам, рожденным русской революционной демократией. В последних ясно видны три основных положения: 1. Необходимость уничтожения самодержавия. 2. Необходимость ликвидации помещичьего землевладения. 3. Надежда на революционное выступление крестьянства. Ничего подобного в областнической программе нет.

⁴⁶) Там же, стр. 157.

⁴⁷) Архив Г. Н. Потанина. Научная библиотека ТГУ. Фонд корреспонденции, № 965. (Письмо Ядринцева к Потанину от 24 марта 1894 г.).

⁴⁸) Напомним ее основные пункты: отмена уголовной ссылки, штрафной колонизации; уничтожение экономической зависимости Сибири от Европейской России; формирование сибирской интеллигенции путем создания собственных высших учебных заведений для прекращения отлива молодежи из Сибири; улучшение положения «иногородцев» и рабочих на приисках; защита общины от кулаков, от мироедства; увеличение притока переселенцев в Сибирь; главным средством для достижения всего этого считалось распространение земской и судебной реформ на Сибирь.

Только на первых порах оформления областничества, когда областники были временными попугачками русского революционно-демократического движения, можно отметить их враждебность к самодержавию, что нашло отражение в указанных выше сибирских прокламациях. Но и в них стремление революционеров-демократов освободить от самодержавия всю Россию было переделано областниками в идею освобождения, в первую очередь Сибири, в идею отрыва Сибири от всей России. Ни в период ссылки, ни впоследствии мы не найдем у них ни прямо, ни косвенно выраженного желания уничтожить самодержавие.

Своего отношения к выдвигаемому революционерами-демократами требованию ликвидации помещичьего землевладения областники не высказывали, считая, что, якобы, этот вопрос не имеет отношения к Сибири. «Краеугольным камнем», по выражению Потанина, для Сибири они считали уничтожение уголовной ссылки, штрафной колонизации, приравнивая это требование по своему значению к отмене крепостного права в Европейской части России. Но разве можно приравнивать одно другому? Отмена крепостного права, несмотря на половинчатость и ограниченность реформы, несла России смену общественно-экономической формации, меняла экономическую и социальную базу развития страны. Что подобного по значению могла принести Сибири ликвидация ссылки?

Что касается надежды областников на революцию, то только в прокламациях мы найдем призыв к ней. Но в них, как отмечалось выше, главной целью восстания ставилось отделение Сибири от России, а не социально-экономические преобразования. Даже это намерение заглохло под влиянием сибирской действительности и правительственной реакции. Областники превращаются в просителей, людей, возлагающих все надежды на реформы царского правительства, прославляют величие и благодать этих реформ, сеют вредные иллюзии в возможность путем их решить все вопросы сибирской жизни⁴⁹⁾.

И программа областников, и средства, какими они намечали воплотить ее в жизнь — буржуазно-реформистские.

Платформа их не отличается от платформы правого крыла либерального лагеря, провозгласившего еще в 60-е годы мирный прогресс и отрицание революционной борьбы, выступившего за незначительные изменения в социальном и политическом строе России при сохранении самодержавия, которому должна принадлежать реформаторская инициатива.

Все характерные черты русских либералов, сконцентрированные В. И. Лениным в работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма»⁵⁰⁾, были присущи сибирским областникам.

Все вышеперечисленное дает нам право сделать следующий вывод: сибирское областничество второй половины XIX века нельзя оценивать как революционно-демократическое направление в общественном движении Сибири. Оно является одной из разновидностей буржуазного либерализма⁵¹⁾.

⁴⁹⁾ Этим проникнута не только книга Ядринцева «Сибирь как колония», но и статьи начала 70-х гг. XIX в. В частности «Администрация в Сибири», «Неделя», № 26, 1873 г., «Накануне реформ», «Сибирь», № 23, 1875 г. и др. В них прославляются мирные реформы, прославляется и правительство, от которого ожидают, и для которого эти реформы будут являться опорой в борьбе со злоупотреблениями и фундаментом для дальнейших преобразований.

⁵⁰⁾ В. И. Ленин. ПСС, т. 5, стр. 25—72.

⁵¹⁾ Такого же мнения придерживаются Н. М. Разгон и М. Е. Плотникова (см. «Вопросы истории Сибири». Вып. 2, Томск, 1965, стр. 138).

Эволюция областничества (особенно в 80—90-е годы XIX в.) — яркая иллюстрация того процесса, который В. И. Ленин охарактеризовал, как смешение «буржуазно-либерального и либерально-народнического движения»⁶²).

⁶²) В. И. Ленин. ПСС, т. 23, стр. 397.

Давая общую оценку областничеству, мы оставляем в данном случае в стороне оценку научной и культурно-просветительской деятельности Ядринцева и Потанина, мы не касаемся характеристики их взглядов на целый ряд проблем, связанных с этнографией, фольклором, пенитенциарной системой и др. В разрешении последних они имеют целый ряд несомненных заслуг.

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX в.

И. Г. МОСИНА

Проблема развития капитализма в его последней монополистической стадии привлекала многих советских исследователей. Существенной составной частью эволюции капитализма в России, во многом определяющей его особенности, является проникновение и формирование капиталистических форм хозяйства на окраинах страны. Некоторые вопросы истории капитализма на окраине России — Сибири освещены в ряде статей, монографий, диссертаций. Особое внимание советских историков привлекала проблема развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири (работы В. И. Дулова, Л. М. Горюшкина, А. А. Храмова, Л. Г. Сухотиной и др.), изучалось влияние построения железной дороги на эволюцию капитализма, вопрос о колонизации и значении переселения в экономике Сибири преимущественно в сельском хозяйстве (В. Ф. Борзунов, И. Е. Рогозин, В. А. Степынин и др.), роль иностранного капитала в экономике Сибири (В. П. Киселев, П. Г. Белимов, А. А. Лукин, А. К. Борзов). Вопрос о развитии промышленности, торговли, деятельности банков на территории Сибири в период империализма освещены в исторической литературе слабо. Настоящая статья ставит задачу осветить эту сторону капиталистического развития в Сибири.

Толчком для ускорения развития капитализма в Сибири послужило строительство железной дороги. Само строительство, на котором было занято одновременно до 89 тыс. человек¹⁾, повысило потребность в товарной продукции сельского хозяйства, ускорило процесс разложения натурального хозяйства.

После построения железной дороги в сибирской деревне ускорился рост посевных площадей и поголовья скота. По всей Западной Сибири посевные площади, по подсчетам Л. М. Горюшкина возросли за 20 лет (с 1897 по 1917 гг.) в два в лишнем раза²⁾. В 1917 г. Западная и Восточная Сибирь и Степной край заняли соответственно третье, четвертое и пятое места в России по размерам чистого сбора хлеба на душу

¹⁾ См. В. Ф. Борзунов. Рабочая сила на строительстве Сибирской железнодорожной магистрали (1891—1905 гг.) «Исторические записки», 1961, № 70, стр. 160.

²⁾ Л. М. Горюшкин. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне. Новосибирск, 1962, стр. 57.

населения³). Этот рост нельзя объяснить только ростом переселения. Этот рост объяснялся, прежде всего тем, что хлеб становился товаром и вывозился во все больших размерах в Европейскую Россию и за границу. Только по железной дороге из Сибири было отправлено хлеба: в 1900—1904 гг.—16924 тыс. пудов, в 1913—1914 гг.—61435 тыс. пудов⁴). В животноводстве более всего увеличивалось поголовье крупного рогатого скота, так как эта продукция находила себе наиболее широкий рынок сбыта. Поголовье скота в Западной Сибири в переводе на крупный увеличилось за 20 лет, с 1897 по 1917 г., с 8305,6 тыс. голов до 13873,4 тыс. голов, то есть в полтора с лишним раза⁵).

Вступление Сибири на путь зрелого капитализма нашло отражение в росте промышленного производства. Сибирская промышленность развивалась несколько более быстрыми темпами, чем промышленность европейских губерний России. В результате этого удельный вес Сибири в производстве промышленной продукции в России увеличивался, хотя и незначительно. Если к 1900 г. вся сибирская промышленность по числу промышленных заведений составляла 9,1% общего числа всероссийских промышленных предприятий, 3,5% численности рабочих и 1,8% стоимости валовой продукции Российской империи⁶), то к 1912 г. ее удельный вес повысился до 10,5% промышленных заведений, 4,3% промышленных рабочих, 2,2% по стоимости произведенной продукции⁷). Эти данные показывают, что Сибирь по-прежнему была еще слабой в промышленном отношении. Эта отсталость проявлялась и в отставании обрабатывающей промышленности. Добывающая промышленность в Сибири была более развита нежели обрабатывающая. По числу предприятий (работающие рудники, шахты) сибирская горнодобывающая промышленность к 1912 г. занимала 33,4% и 12% по стоимости произведенной продукции к итогу всей страны. Обрабатывающая промышленность Сибири по числу предприятий составляла 4,6%, а по стоимости произведенной продукции всего лишь 1,1% продукции дореволюционной России⁸).

Первое место в горнодобывающей промышленности Сибири занимала золотопромышленность, в развитии которой были заинтересованы как правительство и крупная буржуазия центра страны, так и иностранный капитал. Сибирь давала 3/4 всего добываемого в России золота.

Второй крупной отраслью горнодобывающей промышленности, получившей толчок для развития в результате построения железной дороги, была угольная промышленность. За десять лет, с 1895 по 1904 гг., добыча угля по Томской губернии увеличилась в 13, а в Восточной Сибири в 35 раз. По всей Сибири добыча угля возросла следующим образом: в 1895 г. — 2,4 млн. пудов, в 1913 г. — 123,6 млн. пудов⁹).

Остальные отрасли добывающей промышленности были развиты значительно слабее.

Обрабатывающая промышленность Сибири в основном характеризовалась мелкими предприятиями, крупных фабрик и заводов почти не было. Но еще в конце XIX в. Л. Б. Красин в своей работе «Судьбы

³) В. Г. Тюкавкин. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне. Программа и краткое содержание докладов на объединенной научной сессии. Томск, 1964, стр. 7.

⁴) Н. П. Огановский: Народное хозяйство Сибири. Омск, 1921, стр. 99.

⁵) Л. М. Горюшкин. Указ. соч., стр. 57.

⁶) П. А. Хромов. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М., 1960, стр. 66.

⁷) Р. С. Лившиц. Размещение промышленности в дореволюционной России. М., 1955, стр. 200—201 (табл. 37).

⁸) Там же.

⁹) Н. П. Огановский. Указ. соч., стр. 109; См. также «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1914, № 35, стр. 271.

капитализма в Сибири» писал, что «...вся фабрично-заводская промышленность Сибири уже в самом начале своего развития оказывается капиталистической»¹⁰). После ввода железнодорожной магистрали в Сибири стали строиться более крупные предприятия. Начался процесс концентрации капитала в производстве. О росте концентрации производства в обрабатывающей промышленности дает представление табл. 1.

Таблица 1¹¹)

	1900 г.	1908 г.
Количество предприятий	878	412
Стоимость всей продукции	18113000	37385800
Средняя стоимость продукции на одном предприятии	20630	90742
Общее количество рабочих	14600	15209
Среднее количество рабочих на 1 предприятии	16—17	37

По данным за 1912 г. в Сибири имелось около 2000 ценовых фабрично-заводских предприятий с 59500 рабочими и выработкой продукции на сумму 83124800 руб.¹²), но это были преимущественно небольшие предприятия с одним двигателем, с 10—30 рабочими. Крупных предприятий, на которых работало бы большое количество рабочих, в Сибири было мало. По свидетельству депутата от Сибири в Государственную Думу Волкова, в 1911 г. крупных предприятий, на которых работало от 1000 до 4000 рабочих было 6, от 500 до 1000 рабочих—5, от 200 до 500 рабочих—29, от 100 до 200 рабочих—45 и от 50 до 100 рабочих—190 предприятий. Таким образом, в Сибири в 1911 г. насчитывалось до 275 крупных предприятий¹³).

Однако основную массу промышленных предприятий составляли мелкие мануфактурные предприятия. Так, в Томской губернии, где наиболее была развита обрабатывающая промышленность, в 1909 г. насчитывалось 8063 промышленных предприятия, на которых было занято 24080 рабочих, в 1912 г. число предприятий в губернии увеличилось до 10520, а число рабочих—до 29484¹⁴). Вся эта масса мелких предприятий была основана на ручном труде, представляя обычное мануфактурное производство. Переход от мануфактурного к машинному производству, начавшийся в Сибири в первые годы XX в., не был завершен до самой революции.

Рост капиталистической промышленности, рост товарного производства способствовали дальнейшему расширению торговли. Проведение железной дороги усилило этот процесс. Насколько быстро развивался товарообмен Сибири можно судить по перевозкам грузов по сибирской железной дороге. Уже в 1900 г. общая перевозка грузов достигла 46 млн. пудов. Непрерывно увеличиваясь, она составляла к 1909 г. 132 млн. пудов, т. е. выросла в три раза¹⁵). Развитие торговли, проведение же-

¹⁰) Л. Б. Кр а с и н. Указ. соч., стр. 315.

¹¹) Таблица составлена на основании материалов «Динамика Российской и Советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства». Т. 1, ч. 1, М., 1929, стр. 98; Т. 1, ч. III, стр. 15.

¹²) Советская Сибирская Энциклопедия. Т. IV, стр. 516 (без Акмолинской обл.).

¹³) Из выступления Волкова 2-го на заседании Государственной думы. Стенографический отчет Государственной думы. III созыв, V сессия, I часть, стр. 1333—1334.

¹⁴) Обзор Томской губернии за 1909 г., Томск, 1910. Приложение, ведомость 5; Обзор Томской губернии за 1912 г. Томск, 1914, приложение, ведомость 5.

¹⁵) А. А. Ф о м и н. Товарные перевозки по железным дорогам Сибири в 1913—1916 гг. Сборник сибирского статистического управления. II. Новониколаевск, 1922, стр. 57.

лезной дороги повлияли на грузооборот сибирского водного транспорта, значение его сильно выросло. Сибирские реки текут с юга на север и разобщены между собой. Железная дорога соединила обслуживаемые ими районы. Возросло значение сибирских рек и как подъездных путей к магистрали. Так в 1904 г. грузооборот Обь-Енисейской системы равнялся 31 млн. пудов, а в 1913 г. — 107 млн. пудов¹⁶⁾. Сибирские города превращались в крупные торговые центры. Общий товарообмен в крупных городах Сибири за период с 1900 по 1912 г. увеличился в четыре — пять раз. Так, в Новониколаевске общий товарообмен за период 1900—1912 гг. вырос с 4400 тыс. пудов до 30000 тыс. пудов, в Омске — с 5000 тыс. пудов до 25000 тыс. пудов, в Красноярске с 1400 тыс. пудов до 8000 тыс. пудов¹⁷⁾.

С развитием капиталистических отношений изменились старые формы торговли. Потеряли свое значение и сократили торговые обороты ярмарки, происходило заметное сокращение оптового торгового оборота ввозными товарами. С другой стороны, происходило развитие предприятий мелкой и средней торговли. Непрерывно возрастала сумма оборотов торговых предприятий. С 1902 по 1913 г. сумма оборотов торговых заведений 1—3 разрядов по четырем губерниям Сибири (Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская), возросла с 186180 тыс. руб. до 337500 тыс. руб.¹⁸⁾. В Сибири внедрялись новые, наиболее современные формы торговли. Торговые фирмы Омска, Томска, Красноярска, Иркутска направляли в Польшу, Прибалтику своих агентов, которые составляли коллекции производимых там товаров, входили в непосредственные сношения с владельцами предприятий, производящих эти товары, заключали с ними договоры, минуя как отживших купцов-монополистов, так и аппарат многочисленных посредников¹⁹⁾. Но вдали от железной дороги, от больших городов сохранялась старая меновая форма торговли. В устьях сибирских рек, по верхнему и среднему течению реки Тунгуски, среди нерусского населения, купцы Сибири вели меновую торговлю с тунгусами, используя для расчета за скупаемую пушнину и другие товары, главным образом спирт. У каждого из скупщиков были «свои» тунгусы-промышленники, за которыми числились неоплатные долги. Такие порядки сохранялись вплоть до самой революции²⁰⁾. Буржуазия Сибири не ограничивалась расширением внутреннего рынка, но и увеличивала свои операции на внешнем рынке. Вступление Сибири на мировой капиталистический рынок сопровождалось усилением интенсивности старых торговых связей с Монголией. В 1891 г. торговый оборот с Монголией равнялся 1584 тыс. руб., в 1908 г. — 3767 тыс. руб., а в 1910 г. оборот русско-монгольской торговли достиг суммы в 12967 тыс. руб.²¹⁾. Помимо поставки сельскохозяйственного сырья Монголия привлекала к себе промышленников своими природными богатствами, прежде всего золотом и серебром.

В сравнительно короткое время Сибирь прочно утвердилась на мировом рынке. К 1911 г. Сибирь вывозила на мировой рынок хлеба, масла,

¹⁶⁾ А. А. Фомин. Указ. соч., стр. 57.

¹⁷⁾ «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1914, № 35, стр. 277.

¹⁸⁾ М. Боголепов. Торговля в Сибири. Сборник «Сибирь, ее современное состояние и ее нужды», СПб., 1908, стр. 184—185; Назаров. Сибирская торговля до войны и теперь. «Жизнь Сибири», 1922, № 5, стр. 87. Полных данных о росте торговли в Сибири нет. Данные Боголепова и Назарова не полны, так как в их данные не включены сведения по Акмолинской области, где в Омске и Петропавловске были сосредоточены крупные торговые фирмы.

¹⁹⁾ «Сибирская жизнь», 4 декабря 1908 г.

²⁰⁾ Я. М. Свердлов. Купцы и инородцы. Избранные произведения, т. 1, М., 1957, стр. 131—132.

²¹⁾ «Сибирская жизнь», 16 февраля 1911 г.; Сибирский торгово-промышленный ежегодник 1914—1915 гг. Б/г, стр. 169.

скота, дичи, леса, различного сырья ежегодно более чем на 100 млн. руб.²²). Об усилившемся интересе к Сибири в Западной Европе и о взаимном интересе торгово-промышленных кругов Сибири к западноевропейскому рынку свидетельствовало проведение в 1911 г. сельскохозяйственной и торгово-промышленной выставки в Омске. Выставка привлекла к себе внимание всей русской буржуазной прессы. Основными задачами выставки было показать природные богатства Сибири для привлечения новых капиталов и познакомить торговых и промышленных предпринимателей Сибири с изделиями Европейской России и заграницы. Успех выставки был огромен. В среднем ее посещали в день от 4 до 10 тыс. человек.

В 1913 г. сибирские города получили приглашение на международную выставку городов в Лионе, которая должна была состояться в 1914 г. Первым из сибирских городов откликнулся Омск — крупнейший торговый центр Западной Сибири. 18 ноября 1913 г. на совместном заседании Омской городской управы и биржевого комитета было принято решение об участии в организуемой выставке²³).

Большую роль в развитии торговли в Сибири сыграл иностранный капитал. Торговый иностранный капитал занимался главным образом экспортом масла и сельскохозяйственного сырья и сбытом в пределах Сибири сельскохозяйственных машин и орудий. Иностранные экспортеры покрыли всю Западную Сибирь своими агентствами, отделениями, складами. Наиболее крупными фирмами были «Сибирская компания», «Лунд и Петерсон», «Датское экспортное товарищество Рандруп» и др.²⁴). В 1910 г. образовалось крупнейшее общество «Сибирское общество пароходства, промышленности и торговли», директором компании которой был Ионас Лид. К началу войны в пяти городах Сибири (Иркутске, Омске, Томске, Красноярске и Владивостоке) обособилось 20 консулов 12 стран²⁵).

В годы промышленного подъема (1908—1913 гг.) развитие экономики Сибири резко шагнуло вперед. Промышленный подъем выразился прежде всего в росте капиталов, находившихся в обороте в отделениях Государственного и крупных коммерческих банков, в росте городских общественных банков и банков взаимного кредита — банков среднего капитала. К 1912 г. в Сибири было 12 отделений Государственного банка, 42 отделения акционерных банков, городских банков — 21, банков взаимного кредита — 8²⁶).

Таблица 227)

Рост оборотов (Государственного банка на территории Сибири (в тыс. руб.)

Годы	Актив	Пассив
1907	702 920	327 244
1908	754 122	346 403
1909	830 210	407 188
1910	830 871	432 871
1911	894 950	480 797
1912	924 243	470 231
1913	1 025 870	456 638

²²) Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 38, оп. 1, д. 47, л. 8.

²³) «Сибирская жизнь», 24 ноября 1913 г.

²⁴) Сибирская Советская Энциклопедия, т. 2, стр. 271.

²⁵) Сибирский торгово-промышленный ежегодник 1914—1915 гг., стр. 86.

²⁶) Подсчитано по «Русские банки. Полный перечень городов и селений, в коих находятся государственные, общественные, и частные кредитные учреждения и их филиальные отделения к 1 февраля 1912 г.». Изд. комитета съездов представителей акционерных банков коммерческого кредита, СПб., 1912.

²⁷) Таблица составлена на основании отчетов отделений Госбанка, опубликованных в 1916 г. «Государственный банк. Данные по конторам и отделениям за 1906—1915 гг. VI», 1916, стр. 437, 441, 445, 449, 453, 457, 461, 485, 489.

На протяжении 1907—1913 гг. обороты сибирских отделений Государственного банка непрерывно увеличивались (см. табл. 2).

Рост активных операций, превышение их над пассивными операциями отражали подъем деловой активности буржуазии. Особенно показательна учетно-ссудная операция, возросшая за этот же период с 30 739 тыс. руб. до 99 127 тыс. руб.²⁸⁾. Следовательно, общий оборот отделений Госбанка в Сибири вырос более чем вдвое, а учетно-ссудные операции выросли за этот же период в 3,6 раза. Нужно еще учесть, что условия займов в Государственном банке были затруднены по сравнению с частными коммерческими банками. В Государственном банке было труднее получить долгосрочный кредит. Поэтому крупные промышленники, в особенности капиталисты, вкладывавшие свои средства в горную промышленность, где оборачиваемость средств была затруднена, предпочитали вкладывать свои средства не в Государственный банк, а в частные коммерческие банки, деятельность которых значительно расширилась в эти годы.

В 1908 г. в Сибири было 27 отделений частных коммерческих банков, а к 1914 г. число их увеличилось до 42 отделений²⁹⁾. Особенно широко распространили свое влияние в Сибири Русско-Азиатский и Сибирский торговые банки.

Таблица 3³⁰⁾

Общий оборот отделений Русско-Азиатского банка в Сибири

Отделения	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.
Омское	116 112 762 ³¹⁾	97 532 276 ³²⁾	152 376 307 ³²⁾	177 935 997 ³²⁾	239 996 851 ³²⁾
Новониколаевское	170 216 796 ³¹⁾	120 724 183 ^{32)*}	204 454 295 ³²⁾	198 048 866 ³²⁾	266 710 270 ³²⁾
Красноярское	38 590 330 ³¹⁾	50 623 307 ³²⁾	нет сведений		123 282 438 ³²⁾
Барнаульское	нет сведений	66 784 398 ³¹⁾	64 225 615 ³¹⁾	98 280 292 ³²⁾	113 089 509 ³²⁾
Бийское	56 591 933 ³²⁾	55 123 378 ³²⁾	71 401 202 ³²⁾	70 365 080 ³²⁾	77 297 902 ³¹⁾
Иркутское	нет сведений	121 249 321 ³⁰⁾	142 633 027 ³⁰⁾	нет сведений	189 124 202 ³²⁾
	331 431 066 ³¹⁾	521 036 865 ³¹⁾	635 090 447 ³⁰⁾	544 630 236 ³⁰⁾	1 009 501 174 ³¹⁾

*) Сведения не полные. Нет сведений об обороте отделения при Усть-Чарышской пристани.

Сибирский торговый банк, основанный в 1872 г., имел в 1908 г. в Сибири и на Дальнем Востоке 9 отделений, в 1910 г. — 19 отделений, а в 1912 г. уже 23 отделения³¹⁾. Кроме того, Сибирский торговый банк имел в Благовещенске, Томске, Семипалатинске, Красноярске и Иркут-

²⁸⁾ Там же.

²⁹⁾ Государственный банк. Данные по конторам и отделениям... Проверено по официальному перечню «Русские банки. Полный перечень...», также см. «Торгово-промышленная газета», 21 января (3 февраля) 1910 г.

³⁰⁾ «Промышленность и торговля», 1916, № 3, стр. 45 (Объявления).

³¹⁾ Таблица составлена на основании данных Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 630, оп. 2, л. 56, лл. 18, 36, 57, 85, 118, 143; д. 489, лл. 2, 17, 36, 54, 73, 99, 125; д. 470, лл. 2, 16, 31, 85, 103, 122, 188, 242, 259; д. 396, лл. 2, 12, 60, 94; д. 262, лл. 2, 18, 36, 54, 73, 97, 122, д. 365, лл. 36, 54, 82, 108, 132. Обороты отделений банков помещались в ежегодных отчетах, посылаемых в правление банка. Автором они извлечены из отчетов и сведены в таблицу.

ске свои собственные золотосплавочные лаборатории, скупавшие золото. Так, Красноярская золотосплавочная контора Сибирского банка в 1912 г. скупила 84 пуда 22 фунта 29 золотников и 92 доли, в 1913 г. — 92 п. 14 ф. 24 з. 36 д., в 1914 г. — 10 п. 36 ф. 29 з. 29 д³²⁾.

Русско-Азиатский банк, основанный в 1910 г., в результате слияния Русоко-Китайского и Северного банков имел в Сибири к 1 января 1914 г. уже 14 отделений. Обороты Русско-Азиатского банка непрерывно возрастали (см. табл. 3).

С расширением и развитием внутреннего рынка оживилась деятельность городских банков. К 1906 г. городские банки действовали в 15 сибирских городах. Баланс этих банков на 1 января 1906 г. равнялся 12 863 593 руб.³³⁾. К 1 января 1912 г. городские банки открылись еще в трех городах. Общий баланс всех банков возрос до 18 663 821 руб.³⁴⁾. В Томском городском банке в 1914 г. только чистая прибыль была почти равна первоначальному капиталу 84 871 руб., основной же капитал банка достиг 679 802 руб.³⁵⁾.

Развитию деятельности городских общественных банков мешали устаревшие уставы, ограничивавшие сферу деятельности городских банков. Попытки со стороны местной торговой буржуазии добиться изменения уставов городских банков в целях расширения их операций, попытки объединения городских банков и создания Центрального городского банка, не увенчались успехом³⁶⁾.

Более активными были банки взаимного кредита — банки среднего капитала.

Первый банк взаимного кредита возник в Томске в 1900 г. К 1906 г. в Западной Сибири существовало 2 банка, и один в Восточной Сибири, в Иркутске. Особенно быстрый рост банков взаимного кредита и усиление их влияния происходили в годы промышленного подъема.

Таблица 4³⁷⁾

	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.
Банки взаимного кредита	3	7	8	13	16
Городские общественные банки	15	19	21	21	23

Усиливавшаяся роль этих банков привлекала к ним все более широкую клиентуру. Все большее количество пайщиков вступало в члены общества взаимного кредита. По публикуемым данным количество членов этих обществ в Сибири за 1909—1914 гг. увеличилось в 5 раз, операций по учету векселей — почти в 8 раз, оборотный капитал этих банков возрос в 5 раз, а баланс банков увеличился с 1689,7 тыс. руб. до 10322 тыс. руб., т. е. более чем в 6 раз (см. табл. 5).

Капиталистический кредит полностью победив в городе, начал проникать в деревню, вытесняя ростовщический капитал. В 1908 г. по всей Сибири действовало 75 учреждений мелкого кредита. Особенно интен-

³²⁾ Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 433, оп. 1, д. 538, л. 7.

³³⁾ Подсчитано по «Ежегоднику Министерства финансов», 1907, СПб., стр. 258—274.

³⁴⁾ Подсчитано по «Ежегоднику Министерства финансов», 1913, СПб., стр. 300—320.

³⁵⁾ «Сибирская жизнь», 9 января 1915 г.

³⁶⁾ ГАТО, ф. 150, оп. 1, д. 783, л. 2.

³⁷⁾ Таблица составлена по отчетам сибирских отделений Госбанка. См. «Государственный банк. Данные по конторам и отделениям...», с внесением исправлений по отчетам обществ взаимного кредита.

сивно стали развиваться учреждения мелкого кредита в деревне после 1909 г. Кредитные товарищества выступали часто посредниками между Государственным банком и сибирским кулачеством.

Таблица 5³⁸)

Сводный баланс обществ взаимного кредита в Сибири (в тыс. руб.)

Год	Кол-во общ-в	Число членов	Учет векселей (на 1 чл.)	Ссуды	Оборотный капитал	Баланс
1909	3	1442	629	470	288,3	1689,7
1910	3	1735	1398,1	516,3	344,7	2365,3
1911	4	2651	2087,2	54,3	485,3	3949,6
1912	7	4199	3432,5	92,9	772,1	7843,7
1913	7	5277	4074,4	165,3	962,1	8135,9

Таблица 6³⁹)

Рост учреждений мелкого кредита

	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Кредитные товарищества	43	173	324	775	901	1043
Ссудно-сберегательные товарищества	11	27	44	62	64	70
Сословные учреждения	21	196	155	171	163	175
Земские кассы	—	8	—	—	—	—

Быстрый рост количества кредитных товариществ отражает бурное развитие капиталистического производства в сибирской деревне, и, вместе с тем, все более тесные связи его с городской буржуазией, проникновение торгового и промышленного капитала из города в деревню. (Положение в кредитной кооперации к началу 1914 г. можно проследить по табл. 7)⁴⁰).

Проникновение капиталистического кредита в деревню, его расширение в городе приводило к укреплению развитого капитализма в Сибири и к дальнейшему его распространению. Содействовала этому и новая волна железнодорожного строительства в Сибири⁴¹). Оно проходило в двух направлениях: с одной стороны, проводились железные дороги, усиливавшие транзитное значение сибирской магистрали, и с другой — сооружались подъездные пути к этой магистрали. Наряду с казенным начало развиваться и частное железнодорожное строительство. В течение 1907—1914 гг. в пределах Сибири были построены следующие железные дороги: Амурская (от ст. Куэнга, ветка Керимская — Сретенск до г. Хабаровска), Тюмень-Омская, Кулундинская (от ст. Татарск до

³⁸) Таблица составлена на основании данных, публикуемых в сводных балансах обществ взаимного кредита на 1909, 1910, 1911—1915 гг. Сведения не все точны, так как были опубликованы отчеты не всех обществ: в 1911 г. опубликованы отчеты 4 обществ, а их было в Сибири в это время уже 7, в 1913 г. опубликованы отчеты 7 обществ, а их было уже 13, но больших изменений в общем балансе и в оборотном капитале вновь создаваемые общества на первых порах не имели.

³⁹) Таблица составлена по отчетам Государственного банка. «Государственный банк. Данные по конторам и отделениям...»

⁴⁰) Календарь сибирской кооперации, 1917, Томск, стр. 35.

⁴¹) В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 304—305.

Таблица 7

Положение кредитной кооперации в Сибири в 1914 г.

	Число т-ль	Баланс	Число членов	Капиталы			Размещены капиталы		
				основной	собственный	вклады	ссуды	товары	имущество
Акмолинская обл.	167	2228175	57204	799812	154573	466623	3511396	6584	32879
Энисейская обл.	96	1357888	49636	277513	100737	713646	1973160	28296	45127
Забайкальская обл.	67	654650	25096	168350	50830	332270	925450	20983	21787
Иркутская губ.	69	1086684	33985	211359	52636	59335	1510848	5448	17551
Тобольская губ.	223	5046343	153657	1999196	337391	1375280	6674302	33783	158106
Томская губ.	395	8883501	538290	1418333	1006898	3962512	12318102	217151	390905
Итого:	1019	-19257241	857868	4874563	1703065	6909567	26813258	312245	666355

г. Славгорода), Алтайская (от г. Новониколаевска до Семипалатинска с веткой на Бийск), Кольчугинская (от ст. Юрга до ст. Кольчугино). Было начато строительство Минусинск-Ачинской железной дороги⁴²).

Эволюция капитализма в Сибири проходила при своеобразном переплетении начальных, зачаточных форм капиталистического производства с развитыми формами капиталистических предприятий и объединений.

В годы промышленного подъема в Сибири наряду с уже шедшим процессом концентрации начался процесс централизации капитала. В Сибири, как и по всей России, проходило создание акционерных обществ, что является характерным проявлением перерастания домонополистического капитализма в монополистический. Акционерные общества осуществляют централизацию отдельных капиталов и, концентрируя, как и банки, мелкие свободные капиталы, ранее не имевшие значения, расширяют промышленное производство⁴³).

Акционерные общества начали создаваться на основе и в форме старых семейных обществ, товариществ на вере, полных товариществ. К июлю 1911 г. в Сибири действовало свыше 200 акционерных обществ только в области торговли, с суммой объявленного капитала свыше 17 млн. руб., с числом полных товарищей в 575 человек⁴⁴).

Централизация капитала путем создания акционерных обществ проходила и в промышленности.

Наряду с добровольным объединением мелких капиталов в акционерных обществах, централизация капитала происходила путем безжалостного разорения и эксплуатации мелких фирм и предприятий крупными. Сокращалось число мелких золотопромышленных предприятий, закрывались мелкие прииски. Только в Кузнецком и Марнинском уездах Томской губернии число частных приисков сократилось со 148 в 1901 г. до 60 в 1910 г., т. е. в 2,5 раза⁴⁵). Одновременно с процессом закрытия мелких приисков, гибели их в результате конкурентной борьбы, происходил процесс концентрации производства на крупных приисках и рудниках и рост механизированной добычи золота.

К 1914 г. два крупнейших золотопромышленных предприятия Енисейской губернии «Золоторосс» и «Федоровское общество» составляли 2,3% всех золотопромышленных предприятий губернии, но на этих двух предприятиях было сосредоточено 33% драг, 43% бегунных установок, 100% оборудования для химического извлечения золота; на этих же предприятиях работало около 33% всех рабочих, занятых в золотопромышленности и давали эти два предприятия 45,3% общегубернской добычи золота⁴⁶).

Крупные капиталы, местные и пришедшие из центра России и за границы, без труда подавляли мелкие предприятия. Прииски и рудники, находившиеся в руках мелких предпринимателей, переходили в руки крупных промышленников. Так, образовавшееся в 1910 г. «Южно-Сибирское золотопромышленное товарищество» скупило у барнаульского мещанина Наумова ряд рудников, золотозвлекательную фабрику и часть оборудования, а затем все рудники этого товарищества перешли

⁴² И. И. Серебрянников. Сибиреведение, 1920, стр. 116.

⁴³ К. Маркс. Капитал. Т. 3, М., 1955, стр. 445.

⁴⁴ Данные подсчитаны по книге «Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях», СПб, 1912 г.

⁴⁵ История Кузбасса. Кемерово, 1962, т. 1, стр. 438.

⁴⁶ Г. Х. Рабинович. Технический переворот и его финансирование в золотопромышленности Енисейской губернии в конце XIX — начале XX в. К изучению экономики Енисейской губернии конца XIX — начала XX в. Сборник статей. Красноярск, 1962, стр. 61.

в руки Южно-Сибирского акционерного общества⁴⁷⁾. Одно из крупнейших золотопромышленных предприятий «Сибирское золотопромышленное товарищество»⁴⁸⁾ также брало в аренду, а затем скупало рудники и оборудование у мелких предпринимателей. В 1913 г. им были сначала взяты, а затем скуплены рудники «Горнопромышленного товарищества Л. Л. Зотов и А. С. Мокроусов»⁴⁹⁾.

Концентрация и централизация капитала привела к тому, что с начала XX в. в промышленности Сибири начался процесс образования монополий. Наиболее распространенной формой монополистических объединений были синдикаты. Такая высокая форма монополии, как трест, была создана только в золотопромышленности. В русской золотопромышленности огромную роль играл трест Ленское золотопромышленное товарищество (Лензото). К 1913 г. Лензото только в Ленском золотопромышленном районе владело 446 приисками, протяженностью в 742 кв. версты; Бадайбинской железной дорогой, соединявшей прииски с пристанями на реках Витиме и Лене, Ленско-Витимским пароходством и сетью складов, транспортных контор и пристаней. Лензото вело широкие торговые операции товарами массового потребления. Торговые обороты компании выросли с 3,3 млн. руб. в 1908 г. до 6,1 млн. руб. в 1912 г.⁵⁰⁾.

Преобладание мелких предприятий не противоречит утверждению о существовании монополий в Сибири и их большой роли в ее экономике. Монополистические объединения в Сибири базировались в большей своей части на эксплуатации мелких предприятий. Главным объектом их монополистической деятельности являлось не производство, а реализация производимой продукции⁵¹⁾.

Одной из первых монополий в обрабатывающей промышленности в Сибири был синдикат, объединивший маслодельческие артели, где основной формой производства было мануфактурное. «Союз маслодельческих артелей», созданный в 1907 г., концентрировал сбыт готовой продукции, а не производство, что является характерным признаком монополистических объединений низшего типа. В начале своей деятельности он сосредоточивал в своих руках до 20% сбыта сибирского масла и в 1907—1908 гг. стоимость проданного им масла равнялась 1873 тыс. руб.⁵²⁾. К 1911 г. синдикат объединил 552 артели из 1382 бывших в Сибири в это время, имел 8 контор и продал масла на 6023 тыс. руб.⁵³⁾. В 1913 г. синдикат имел 8 контор и 502 артельные лавки, а в 1911 г. их было только 54⁵⁴⁾. К началу войны сюз объединял под своей властью большинство маслодельческих кооперативов. В 1912 г. сумма оборотов «Союза» равнялась 7,5 млн. руб., а в 1917 г. — 160 млн. рублей. «Союзу» принадлежало значительное имущество: он имел 24 конторы в Сибири и 4 за границей — в Лондоне, Нью-Йорке, Бостоне и Копенгагене.

⁴⁷⁾ ГАТО, ф. 433, оп. 2, д. 1773, лл. 10, 19, 31. Общество образовано в 1910 г., основатели — действит. стат. советник М. П. Порцель, доктор медицины Гаген-Торн, доктор И. М. Данчич, правление в Петербурге.

⁴⁸⁾ «Сибирское золотопромышленное товарищество» образовалось в 1912 г. Основателями его являются барок Фитингоф — Шель, и А. А. Розенталь. (ГАТО, ф. 428, оп. 4, д. 2758, л. 3).

⁴⁹⁾ ГАТО, ф. 428, оп. 4, д. 2747, л. 17.

⁵⁰⁾ Я. И. Лившин. Монополии в экономике России. М., 1961, стр. 58.

⁵¹⁾ К. Н. Тарновский. Советская историография российского империализма, М., 1964, стр. 156.

⁵²⁾ Т. Д. Крупина. Монополистический капитал в России и царское самодержавие (1907—1914 гг.). М., 1954, л. 103. При перечислении монополистических объединений Крупина причисляет «Союз маслодельческих артелей» к монополиям.

⁵³⁾ Там же.

⁵⁴⁾ «Торгово-промышленная газета», 5(18) ноября 1914 г.

Сибирский союз вел успешную борьбу с приуральским союзом маслодельческих артелей и разорил его⁵⁵).

В мае 1908 г. был создан первый синдикат в мукомольной промышленности Сибири под названием «Акционерное общество семипалатинских паровых мельниц», действовавший в Семипалатинской и Акмолинской областях. Учредителями его являлись старые торговые дома: «Прокопий Плещеев и К^о», «М. А. Красильников и К^о», «Мухамед Садык Мусин с сыновьями и К^о», «Наследники Ядрышникова и К^о». Основной капитал общества был объявлен равным 1800 тыс. руб. Семипалатинские мукомолы действовали очень активно. Уже в первый год своего существования они не только повысили цены на свои фабрикатy, но и заранее определяли цены на привозимый в город хлеб. За первый же год своей деятельности семипалатинские мукомолы получили прибыль в 744 831 руб., т. е. более 40% основного капитала⁵⁶).

В 1912 г. в Барнауле, одном из центров алтайской мукомольной промышленности, местные мукомолы собрали совещание, на котором заключили договор о единых повышенных ценах. Это совещание проходило в доме крупного торговца мукой и городского головы Платонова. На совещании собрались Платонов, его доверенный Окорок, купцы Федулов, Грязнов, Карелин, Бухалов (доверенный фирмы Морозовой). На совещании было достигнуто соглашение об установлении единых повышенных цен на муку и на следующий же день цены повысились⁵⁷). И, наконец, известно еще одно объединение в мукомольной промышленности. Образовалось оно в 1914 г. в Новониколаевске. Это объединение известно под названием «Алтайские мукомолы». В него входили три наиболее крупные мукомольные фирмы: «Алтайская фабричная мукомольная К^о», «Южно-Алтайская мукомольная К^о», «Новониколаевское мукомольное товарищество». Местная пресса называла это объединение синдикатом, что имело основание, так как это объединение ставило своей основной целью сбыт готовой продукции⁵⁸).

Одной из крупнейших монополистических организаций в обрабатывающей промышленности был синдикат «Соль». История создания этого монополистического объединения такова. В числе крупнейших соляных предпринимателей был павлодарский купец Осипов, бывший одним из пяти компаньонов «Коряковского солепромышленного товарищества», организованного 25 мая 1905 г.⁵⁹). У них состояла в аренде большая часть Коряковского самосадочного озера (10 участков из 14), снабжавшего солью всю Западную Сибирь. В 1910 г. Осипов сосредоточил в своих руках все 10 участков, вытеснив компаньонов. В 1910—1911 гг. на торгах за право эксплуатации озера развернулась ожесточенная борьба. Во время ее и состоялось соглашение между Осиповым и «Западно-Сибирским товариществом пароходства и торговли» — основными компаньонами вновь созданного синдиката «Соль». В состав синдиката вошли Осипов, «Западно-Сибирское товарищество пароходства и торговли», товарищество пароходства «Волга» и омский купец Алчедевский (хотя он являлся скорее доверенным Осипова)⁶⁰). Синдикат сосредоточил в своих руках большую часть участков Коряковского озера и мелкие озера Темир-Туз, Колколанское, Барабы и др. Синдикат занимался и добычей, и сбытом соли. Решающую роль в синдикате играло

⁵⁵) Д. Илимский. Кооперативные союзы в Сибири (1908—1918). М., 1919, стр. 7.

⁵⁶) «Журнал общества сибирских инженеров», 1910, № 4—5, стр. 206.

⁵⁷) ГАТО, ф. 5, оп. 70, д. 1208, л. 47.

⁵⁸) «Сибирская жизнь», 10 августа 1914 г.

⁵⁹) ГАТО, ф. 433, оп. 1, д. 473, л. 10.

⁶⁰) ГАТО, ф. 433, оп. 1, д. 494, л. 2.

«Западно-Сибирское товарищество пароходства и торговли», занимавшее сбытом продукции. Синдикат отправлял ежегодно 1 млн. пудов соли по Иртышу и 2 млн. пудов на Сибирскую железную дорогу⁶¹⁾. Синдикат разделил рынки сбыта с фирмой Плотникова, также добывавшей соль на Коряковском озере. Но это не ослабило конкурентной борьбы между синдикатом и фирмой. Борьба длилась на протяжении четырех лет. Используя противоречия между участниками синдиката и свои связи с местной администрацией, фирма Плотниковых добилась передачи им Коряковского озера. В 1915 г. по распоряжению министерства все Коряковское озеро без торгов перешло в руки т/д «Плотников с о-ми» сроком на 25 лет⁶²⁾. Синдикат был разгромлен.

Наиболее крупные синдикаты, возникшие в 1907—1908 гг. в Сибири, были синдикатами углепромышленников Черемховского района и Забайкальских углепромышленников⁶³⁾. Черемховский синдикат был создан в конце 1907 — начале 1908 гг. В него вошли почти все углепромышленники Черемховского района во главе с Щелкуновым, кроме Рассушина и товарищества «Уголь» в г. Иркутске, присоединившихся к синдикату позднее. В 1907 г. капитал черемховского синдиката равнялся 3,5 млн. руб.⁶⁴⁾.

Создание синдиката сразу же отразилось на местном угольном рынке. До создания его уголь продавался в розницу по 11 коп. за пуд, в феврале 1908 г. уголь продавался уже за 12,5 коп. пуд вагонами, а в розницу — по 14 коп. пуд⁶⁵⁾.

Летом 1908 г. забайкальские углепромышленники также объединились в синдикат, в который вошли фирмы Хилковского, Кузнеця и Замятина. Между забайкальским и черемховским углепромышленниками было заключено соглашение, по которому поставки для сибирской железной дороги закреплялись за черемховским синдикатом, поставки для Забайкальской дороги — за забайкальским синдикатом⁶⁶⁾.

Результатом создания этих двух синдикатов и разделения между ними рынков сбыта было ослабление мелких и средних капиталистов, не входящих в монополию, а затем подчинение и включение их в состав синдиката. В 1912 г. в результате ликвидации заказов от железной дороги годовой баланс «Московско-сибирского акционерного общества» был сведен с убытком в 3742 руб. и общество вынуждено было войти в состав синдиката. Также была присоединена фирма «Рассушин и К^о» с основным капиталом в 5342 руб.⁶⁷⁾.

Добыча угля сибирского синдиката непрерывно возрастала: в 1908 г. — 22087,7 тыс. пудов, в 1909 г. — 27060,6 тыс. пудов, в 1910 г. — 24 116,7 тыс. пудов, в 1911 г. — 25 149,6 тыс. пудов, в 1912 г. — 36 080,0 тыс. пудов и в 1913 г. — 28 686,4 тыс. пудов⁶⁸⁾.

Усилившийся сибирский синдикат в годы промышленного подъема начал борьбу за рынки с могущественными монополистическими компаниями Европейской части России, прежде всего с Продуглем.

Политика угольных и нефтяных монополий привела Россию в 1911—1914 гг. к топливному «голоду» — дороговизне и недостатку

⁶¹⁾ ГАТО, ф. 433, оп. 1, д. 559, л. 34.

⁶²⁾ «Сибирская жизнь», 23 мая 1915 г.

⁶³⁾ В диссертации Т. Г. Паюсовой «Монополии в угольной промышленности России» подтверждается факт существования черемховского и забайкальского синдикатов углепромышленников.

⁶⁴⁾ З. Т. Тагаров. Рабочее движение в Черемховском угольном районе. Иркутск, 1959, стр. 19.

⁶⁵⁾ «Сибирская жизнь», 6 марта 1908 г.

⁶⁶⁾ Т. Д. Крупина. Указ. соч., л. 85.

⁶⁷⁾ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 1, д. 367, л. 8.

⁶⁸⁾ З. Т. Тагаров. Указ. соч., стр. 10.

угля и нефти. Во второй половине 1911 г. начался рост цен на топливо. К началу 1912 г. крупнейшие потребители угля — железные дороги и металлургические предприятия — не только оказались без необходимых угольных запасов, но не могли удовлетворить текущие потребности в угле. В фабрично-заводских кругах некоторых городов Поволжья уже в марте 1912 г. царил сильная тревога из-за отсутствия поступлений угля из Донбасса. Осенью 1912 г. топливный «голод» принял почти общероссийский характер⁶⁹).

Эту обстановку использовали черемховский и забайкальский синдикаты. Черемховские углепромышленники усиленно пробивали себе дорогу на внутренний рынок Европейской России. После многочисленных ходатайств перед правительством была создана специальная межведомственная комиссия во главе с инженером Музяки, для исследования запасов и качества сибирского угля. Комиссия показала, что по качеству сибирский уголь не уступает донецкому, запасы угля громадны, а добыча искусственно сжата за недостатком потребителя. Было выдвинуто предложение снабжать сибирскую железную дорогу только сибирским углем, для чего развернуть добычу сибирского угля за счет казны. Но сибирские углепромышленники отказались: делиться доходом с казной не входило в их планы. Они выдвинули контрпредложение: развернуть производство за свой счет с тем, чтобы им дали возможность отправлять излишки на Урал и даже за Урал путем понижения тарифа. При этом они ссылались на то, что с востока на запад шло громадное количество порожняка. «Не выгоднее ли было бы для железной дороги, — говорилось в ходатайстве, — предоставить нам эти пустые вагоны для отправки угля по пониженному тарифу»⁷⁰). Это ходатайство было поддержано иркутским, омским, курганским, самарским, московским и петербургским биржевыми комитетами. Для разрешения этого вопроса было созвано специальное совещание. Сибирские углепромышленники (Черемховский синдикат, Михельсон), заявили, что они не претендуют на «переход за Волгу». Представители черемховского синдиката выдвинули два пожелания: 1) необходимо ставку для сибирских углей установить за Челябинском в Европейской России в размере в 1 359 коп., иначе этот уголь туда не проникнет; 2) включать в действие этого тарифа условие применения льгот лишь с расстояния в 1770 верст, так как иначе алтайские угли, как западнее расположенные, не дадут им распространиться в пределах Сибири⁷¹). Представитель Совета съезда горнопромышленников Ауэрбах заявил, что не возражает против этих предложений, если действие пониженного тарифа будет ограничено на Волге. Против этого решения возражали представители частных железных дорог. Постановление совещания было таково: желательно «понижить тарифы для черемховских углей в пределах Сибири до 1 250 коп. при действии этой ставки, начиная с 1700 версты, а для отправок за Челябинск по Самаро-Златоустовской, Пермской и Богословской железным дорогам по 1 200 коп., для кокса в 1/175 коп. с пуда и версты. Установить на три года действие всех этих льготных тарифов и их ограничить Волгой, т. е. считать последними пунктами назначения

⁶⁹) П. В. Волобуев. Топливный кризис и монополии в России накануне первой мировой войны. «Вопросы истории», 1957, № 1; М. Я. Гефтер. К истории топливно-металлургического «голода» накануне первой мировой войны. «Исторический архив», VI, 1951.

⁷⁰) В 1911 г. по сибирской железной дороге на восток прошло 162 млн. пудов, в обратном же направлении 92 млн., т. е. мимо черемховского района возвратилось порожнякам, переводя пуды на вагоны около 70 тыс. вагонов. («Журнал общества сибирских инженеров», 1913, № 12, стр. 413).

⁷¹) «Журнал общества сибирских инженеров», 1913, № 5, стр. 187.

ст. Батраки. Все эти льготы применять лишь к отправкам целыми поездами». Эти тарифы вводились не на всех железных дорогах, чтобы не создавалась конкуренция уральским углям⁷²⁾.

Рассматривая процесс образования монополистических объединений в Сибири следует обратить внимание на сведения об образовании синдикатов в пароходстве на реках Сибири, о которых в исторической литературе ранее почти не упоминалось⁷³⁾.

На реках Западной Сибири действовало акционерное общество «Западно-Сибирское общество пароходства и торговли». История его создания такова: в начале 1895 г. на Ирбитской ярмарке между пятью крупными владельцами пароходств Западной Сибири было заключено соглашение, а в 1898 г. был утвержден устав акционерного общества, куда вошли пароходства Курбатова — Игнатова, «Тов-го Трапезникова и К^о», «Морозова-Н-ки» и Т/д Колмогорова Н-ки⁷⁴⁾. В 1912 г. в общество влились два крупнейших иртышских пароходства: «Русско-Китайское общество пароходства и торговли» и «Т/д Корнилова Н-ки». В 1916—1917 гг. Западно-Сибирское пароходство обладало основным капиталом в 6 млн. рублей и насчитывало 59 пароходов, что составляло 30% по количеству и 48% по мощности всего парового коммерческого флота Обь-Иртышского бассейна⁷⁵⁾.

Сибирская пресса упорно называла это общество синдикатом. Как синдикат общество фигурировало в донесениях российского консула в Шерасуме в 1913 г.⁷⁶⁾ Возможно, что в данном случае, перед нами действительно монополистическое объединение. Известно, что монополии часто вырастали и скрывались под формой акционерных обществ и утверждение прессы и должностных лиц имели под собой почву. Фактические материалы подтверждают это. В конце 1912 г. в Новониколаевске состоялся съезд судовладельцев, оперировавших на обском и иртышском плесах⁷⁷⁾. На этом съезде было достигнуто соглашение, и в начале 1913 г. был подписан договор между четырьмя пароходными предприятиями, в том числе самым крупным в бассейне р. Оби — Н-ков — Е. И. Мельниковой. На основании этого договора предприятия объединялись на предстоящую компанию 1913, 1914, 1915 гг. в «Соединенную Компанию пароходства»⁷⁸⁾. Просочившееся в прессу сообщение о создании «треста судовладельцев» (сообщение о «тресте» безусловно преувеличено, возможно создание синдиката) имели под собой реальную почву, подтвердившуюся повышением в навигацию 1913 г. таксы за провоз пассажиров и за фрахт на 50—80%⁷⁹⁾.

На реках Восточной Сибири в 1906 г. возникло объединение крупных пароходных фирм: Енисейской компании пароходства А. А. Баландина и Кытмановых, пароходства Гадалова Н. Н. и Кузнецова А. П., минусинского товарищества Карнакова, Терских и К^о. Синдикат был известен под именем «Среднесибирская Компания пароходства»⁸⁰⁾.

Сибирь вступила в последнюю стадию капиталистического производства — империализм. Эволюция капиталистического развития на этой

⁷²⁾ Там же.

⁷³⁾ О существовании синдиката в пароходстве на Оби есть упоминание в статье В. М. Жина. Монополизация водного транспорта России (начало XX в.). «Научные доклады высшей школы». Экономические науки, 1958, № 3.

⁷⁴⁾ Б. Д. Головин. История парового судоходства в Обь-Иртышском бассейне. Омск, 1947, стр. 14—15.

⁷⁵⁾ Там же, стр. 21.

⁷⁶⁾ ГАТО, ф. 134, оп. 2, д. 23, лл. 169, 171.

⁷⁷⁾ «Сибирская жизнь», 28 ноября 1912 г.

⁷⁸⁾ ЦГИАЛ, ф. 587, оп. 33, л. 1365, л. 79.

⁷⁹⁾ «Сибирская жизнь», 21 августа 1913 г.

⁸⁰⁾ «Сибирские вопросы», 1906, № 1, стр. 42.

окраине России сопровождалась не только бурным развитием внутреннего и внешнего рынка, что характерно для любой экономической колонии, но и расширением деятельности банков, развитием добывающей и обрабатывающей промышленности, переходом последней от мануфактурной формы производства к машинной. Экономическая зрелость капитализма в Сибири в этот период была уже достаточной для возникновения монополий, прежде всего в форме синдиката. Деятельность монополий в Сибири переплеталась с деятельностью множества мелких предприятий, базирующихся на мануфактурном производстве.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЗОЛОТЫХ ПРИСКАХ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Г. Х. РАБИНОВИЧ

Изучению истории рабочего движения в Енисейской губернии посвящена большая литература. В ряде статей специально исследуется вопрос о революционном движении отдельных отрядов пролетариата — железнодорожников, типографских рабочих в период капитализма, включая 1914—1917 гг.

Однако вопрос о борьбе присковых рабочих Енисейской губернии в годы первой мировой войны и Февральской революции специально не рассматривался. В работах общего характера имеются лишь отдельные замечания по этому вопросу.

В данном сообщении предпринимается попытка изучить вопрос о рабочем движении на золотых присках Енисейской губернии в этот период. Рабочие енисейской золотопромышленности составляли крупный отряд пролетариата, насчитывающий в 1917 г. около 5 тысяч человек, поэтому представляется, что специальное изучение этого вопроса будет способствовать воссозданию более полной картины рабочего движения в Сибири в годы первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции.

Царизм и русская буржуазия использовали начало войны для усиления репрессий против революционного пролетариата и его авангарда — большевистской партии и для перехода в наступление на экономическое положение рабочего класса.

Резко ухудшилось экономическое и политическое положение присковых рабочих Енисейской губернии: выросли цены на товары, понизилась реальная заработная плата, удлинился рабочий день и т. д.

В первый год войны присковым рабочим Енисейской губернии пришлось вести тяжелую оборонительную борьбу в защиту своих жизненных интересов. По воспоминаниям М. Метелевой, в начале февраля 1915 г. на присках Федоровского золотопромышленного общества в северной части Енисейского горного округа вспыхнула крупная забастовка. Она продолжалась больше недели и «причинила много хлопот золотопромышленникам»¹⁾.

В октябре 1915 г. бастовали рабочие Андреевского рудника И. И. Некрасова в Красноярско-Ачинском горном округе. Поводом к началу забастовки явилось сокращение заработной платы и одновременное

¹⁾ М. Метелева. Духом окрепли в борьбе. «Незабываемое», Красноярск, 1957, стр. 106.

повышение цен на товары, объявленное Управлением рудника. После двух дней забастовки золотопромышленник пошел на уступки и рабочие добились некоторого повышения заработной платы²⁾.

Крупная стачка рабочих произошла в ноябре 1915 г. на Николаевском руднике Аяхтинской компании в Южной части Енисейского горного округа. Управление рудника объявило рабочим о введении на период с 1 ноября 1915 г. по 1 марта 1916 г. новой пониженной расценки работ. Это новая расценка была утверждена окружным инженером. В нарушение закона управление рудника пыталось рассчитать рабочих по новым пониженным расценкам за время, предшествовавшее введению и за две недели после их объявления. Попытка понизить заработную плату и явилась поводом к возникновению забастовки рабочих, начавшейся в ночь с 15 на 16 ноября³⁾. Из 134 рабочих принска в забастовке участвовало 85 человек, преимущественно горнорабочие. Забастовка продолжалась три дня и окончилась победой рабочих. Расчет рабочих был произведен по старой расценке⁴⁾.

С конца 1915 г. рабочее движение в стране развивалось в условиях революционной ситуации. Как и в других районах России в 1916 г., рабочее движение в Енисейской золотопромышленности расширилось, стало более массовым и боевым. В 1916 г. на принсках Енисейской губернии было 9 стачек, то есть в три раза больше, чем за весь предшествующий период с начала войны. Общее число стачечников превысило 800 человек, что свидетельствует о повышении доли стачечников в общем числе рабочих.

Требования, выдвигавшиеся рабочими золотых принсков, носили в основном экономический характер. Рабочие Случайного принска Красноярского золотопромышленного общества в Красноярско-Ачинском горном округе 25 января забастовали, потребовав увольнения издевавшегося над ними служащего Сафронова⁵⁾.

В январе 1916 г. бастовали рабочие также на двух принсках в Енисейском горном округе. Одна стачка закончилась полным, а другая частичным удовлетворением требований бастующих. Частичная забастовка прошла 8—9 марта в Богомдарованном руднике «Золоторосса» в Красноярско-Ачинском горном округе. В ней участвовало 90 рабочих из 288, занятых на руднике. Рабочие добились некоторого повышения заработной платы. 24 апреля бастовали 14 рабочих-разведчиков на Знаменитом руднике компании американцев Росс Браун, Гофман в том же округе. Рабочие потребовали увеличить заработную плату, ввиду повышения цен на товары. Управление рудника вынуждено было удовлетворить требования рабочих⁶⁾. Несколько раз в 1916 г. бастовали принсковые рабочие — корейцы, китайцы⁷⁾.

Рабочее движение в енисейской золотопромышленности в 1916 г. развивалось под определяющим влиянием большевиков.

В 1916 г. усилились связи большевистских организаций с рабочими

²⁾ Государственный архив Красноярского края (ГАКК), ф. 470, оп. 1, д. 1331, л. 99.

³⁾ ГАКК, ф. 595, оп. 66, д. 2700, л. 1, 8—9.

⁴⁾ Между двумя революциями. Красноярск, 1960, стр. 144; ГАКК, ф. 595, оп. 66, д. 2700, л. 1, 8, 9; ф. 16, оп. 1, д. 329, л. 1.

⁵⁾ Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 37, оп. 58, д. 822, л. 69.

⁶⁾ В. П. Сафронов. Большевики Енисейской губернии в годы мировой империалистической войны и Февральской буржуазно-демократической революции. «Между двумя революциями». Красноярск, 1960, стр. 144; ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 58, д. 822, л. 130.

⁷⁾ ГАКК, ф. 595, оп. 66, д. 2871, л. 1; П. Н. Мешалкин. Из истории рабочего движения в Хакасии (конец XIX в. — февраль 1917 г.) 250 лет вместе с великим русским народом. Абакан, 1959, стр. 109.

золотых приисков и рудников губернии. Оформившаяся в конце 1915 г. группа большевиков г. Минусинска — В. А. Ватин-Быстрянский, Ю. П. Гавен, А. П. Спунде, А. П. Голубков⁸⁾ и другие установила связи с рабочими Ольховских золотых рудников⁹⁾.

В Северной части Енисейского горного округа работу вели политические ссыльные М. М. Миновский, П. Г. Шинкаревский, А. Т. Водлазский¹⁰⁾ и другие. На приисках нелегально производились собрания рабочих, беседы на политические темы. Большевики объясняли рабочим причины их тяжелого положения, разъясняли сущность империалистической войны, изучали опыт революции 1905—1907 гг. Они использовали все возможности и для проведения работы через легальные организации. В 1915 г. было создано «Общество по улучшению быта рабочих»¹¹⁾.

Пропагандистская и организационная работа большевиков на приисках проходила в тяжелых условиях непрерывной слежки, доносов и провокаций¹²⁾.

В Южной тайге большую работу в массе рабочих вели политические ссыльные — большевики Горшков, Ф. М. Николаенко, П. Т. Метелев, польский социал-демократ Араковский, латышские большевики Ю. К. Тимерман, Мелбикс, Мадей, Грасс¹³⁾ и др.

⁸⁾ В. А. Ватин-Быстрянский (1886—1944), член КПСС с 1907 г. С 1909 г. политический ссыльный в Сибири. Историк-марксист. Ю. П. Гавен — член социал-демократической партии Латвии, большевик, политический ссыльный, в 1917 г. один из организаторов и руководителей Минусинского Совета.

А. Н. Спунде (р. 1882 г.), член КПСС с 1909 г.; в 1913 г. сослан в Енисейскую губернию за революционную работу в Риге. Участник Октябрьской революции 1917 г. В 1920 г. руководитель Енисейского ревкома и губкома партии, ныне персональный пенсионер.

А. П. Голубков — член партии с 1900 г., член Московского комитета РСДРП.

⁹⁾ Партийный архив Красноярского крайкома КПСС (ПАКК), ф. 64, оп. 5. Воспоминания Д. Пузанова, лл. 1—5.

¹⁰⁾ М. М. Миновский в 1904—1905 гг. был членом подкомитета РСДРП в Красноярских железнодорожных мастерских, в 1908 г. — член Красноярского комитета РСДРП. Активный участник революции 1917 г. и гражданской войны. Умер в 1927 г.

Н. Г. Шинкаревский — один из руководителей революционного движения на приисках в 1917 г., секретарь Красноярского губернского исполкома Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

А. Т. Водлазский (р. в 1885), в революционном движении с 1902 г. участник восстания в Ростове-на-Дону. В 1906 г. арестован в Москве, осужден по делу Московской группы социал-демократов 30 апреля 1909 г., выслан в Енисейскую губернию в ссылку на вечное поселение, с 1910 г. работал на приисках Федоровского общества. Участник Февральской революции. За участие в революции 1905—1907 гг. награжден орденом Трудового Красного Знамени.

¹¹⁾ ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 107, л. 9.

¹²⁾ М. Метелева. Указ. соч., стр. 105.

¹³⁾ Горшков — большевик, политический ссыльный, железнодорожный рабочий из Самары.

Ф. М. Николаенко — р. 1886 г., член КПСС с 1906 г., в 1917 г. комиссар на Южно-Енисейских приисках. В 1930 г. управляющий трестом «Енисейзолото». Ныне персональный пенсионер.

П. Т. Метелев — рабочий, большевик, в 1917 г. активно участвовал в двух революциях, член штаба Красной Гвардии в г. Енисейске, в 1918 г. комиссар по снабжению Северо-Енисейских приисков, инициатор создания первых сельскохозяйственных коммун в Енисейской губернии, в сентябре 1919 г. замучен белогвардейцами.

Ю. К. Тимерман — политический ссыльный, член Латышской СДРП, большевик. Мелбикс — латышский большевик, политический ссыльный. В 1917 г. член Совета рабочих депутатов на Южно-Енисейских приисках. Убит белогвардейцами в Красноярске в 1919 г.

Мадей (Маде) — латышский большевик, политический ссыльный, в 1917 г. один из организаторов и руководителей Совета рабочих депутатов в Южной тайге. В 1919 г. увезен белыми в качестве заложника на Дальний Восток, где погиб.

Грасс — член СДРП Латвии, большевик, в 1917 г. комиссар на Покровском прииске.

Здесь, как и в других районах, большевики проводили собрания рабочих, разъясняли политику большевиков и лозунги В. И. Ленина. Пропагандистская и организационная работа проводилась и непосредственно на производстве. Многие большевики работали котельщиками, слесарями, машинистами в ремонтных мастерских и на драгах. Так, П. Т. Метелев работал котельщиком на Николаевском прииске, Мелбикс на Елизаровском прииске, на Гадаловской драге работал Ю. К. Ти- мерман.

Большевики вели упорную идейную борьбу с меньшевиками и эсе- рами, которых было много среди ссыльных в Южной тайге. Часть рабо- чих на приисках была заражена мелкобуржуазной, соглашательской идеологией. Это объясняется, во-первых, тем, что состав рабочих был сравнительно молодым по своему производственному стажу. Многие рабочие — это вчерашние крестьяне, еще не освободившиеся от связи с землей. Во-вторых, на приисках была группа рабочих, имевших срав- нительно высокую заработную плату. Значительная часть рабочих в 1916 г. шла еще за «оборонцами» и борьбу против «оборонческих» настроений большевики рассматривали как свою важнейшую задачу.

Если «оборонцы» выступали против забастовок рабочих на приисках, пропагандировали необходимость роста производительности для увели- чения добычи необходимого для ведения войны золота, то большевики являлись организаторами и руководителями стачечной борьбы прииско- вых рабочих. Так, в июне 1916 г. на Николаевском прииске Федоров- ского общества, в Южной тайге, была организована и проведена трех- дневная забастовка рабочих. Забастовочный комитет состоял из П. Т. Метелева, политического ссыльного Некрасова и рабочего фрезе- ровщика, большевика М. Г. Сеченова. Более половины выдвинутых рабочими экономических требований было удовлетворено¹⁴⁾. В ноябре- декабре 1916 г. трехдневная забастовка прошла на Богомдарованном руднике «Золоторосса»¹⁵⁾. В ней участвовало 70 рабочих. В январе 1917 г. предъявили экономические требования рабочие Николаевского рудника Аяхтинской компании¹⁶⁾.

Таким образом, усиление размаха и организованности движения при- сисковых рабочих в 1916 г. и начале 1917 г. во многом объясняется ростом влияния большевиков.

Власти в этот период еще более усилили репрессии против больше- виков и революционно настроенных рабочих. Так, были уволены и вы- сланы с приисков под стражей руководители июньской стачки на Николаевском прииске П. Т. Метелев, М. Г. Сеченов и другие. В конце января был рассчитан и остался без работы большевик Горшков. Он имел предписание исправника в трехдневный срок покинуть горный округ «за неблагонадежность» и скрывался от преследований полиции. Некоторых из революционно настроенных рабочих призывали в армию и отправляли в копы.

Несмотря на все преследования, большевики вели большую работу по подготовке общей стачки, которая должна была охватить все прииски Енисейского горного округа. Эту стачку намечалось провести в февра- ле-марте 1917 г.¹⁷⁾.

Большевики на приисках внимательно следили за разворотом собы- тий в революционных центрах страны, прежде всего — в Петрограде.

¹⁴⁾ М. Метелева. Указ. соч., стр. 106.

¹⁵⁾ В. П. Сафронов. Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962, стр. 629; ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 53, д. 84, л. 3.

¹⁶⁾ ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 659, лл. 1—2.

¹⁷⁾ ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 659 л. 1.

Они разъясняли приисковым рабочим неизбежность близкого краха царизма. П. М. Крестьянников, один из рабочих Гадаловского прииска, позднее большевик и участник гражданской войны, вспоминал, что «буржуазно-демократическая Февральская революция 1917 г., на приисках не явилась неожиданностью»¹⁸).

Весть о свержении царя была получена в Красноярске 28 февраля. Уже 3 марта начал работу Красноярский Совет во главе с Я. Ф. Дубровинским¹⁹).

Из всех приисковых районов Енисейской губернии раньше всего известие о Февральской революции дошло до населения Красноярско-Ачинского горного округа. 3 марта его принесли рабочие-хакасы. В Южной тайге горный исправник пытался скрыть известие о свержении царя от рабочих. И хотя сюда оно дошло позднее (7 марта), но быстро распространилась в массе приисковых рабочих²⁰).

Как и по всей стране, в приисковых районах Енисейской губернии создалось двоевластие — власть трудового народа, созданные революционным творчеством масс Советы рабочих депутатов, и власть буржуазии — комитеты общественной безопасности, комитеты порядка и т. д.

Директива о создании комитетов общественной безопасности в приисковых районах была поручена из Красноярска от губернского комитета общественной безопасности, во главе которого был ставленник Временного правительства Крутовский.

В Красноярско-Ачинском горном округе на Богомдарованном руднике «Золоторосса» 7 марта образовался «Комитет порядка». В этот комитет вошли члены правления «общества полезных и разумных развлечений» и комитета помощи семьям запасных — исключительно служащие. Позднее из 20 членов «Комитета порядка» лишь 5 человек были рабочими. В состав исполнительного бюро комитета входили Н. Левина (председатель), Б. Левин, А. Коробейников и К. Батанов²¹).

Большинство членов «Комитета порядка» были эсерами и меньшевиками. Как писала Н. Левина, задача комитета «...заключается в защите порядка..., а также в исполнении тех отношений и поручений правительства и общественных учреждений, который раньше исполняли в отношении рудника горный исправник Ачинского горного округа, урядник и стражники»²²).

В Северной и Южной системах Енисейского горного округа были образованы комитеты общественной безопасности. Откровенно буржуазный характер этих органов виден хотя бы из того, что председателем комитета общественной безопасности в Южной тайге был В. Серебренников, кадет, управляющий приисками общества Путиловских заводов и председатель совета съезда золотопромышленников Южной части Енисейского горного округа. Членами исполкома комитета были эсер П. Портяников (Дроздов), меньшевики Баллада и Череповский²³).

В Северной тайге в комитет общественной безопасности вошли Марков — председатель Совета съезда золотопромышленников этой части округа и директор — распорядитель Федоровского акционерного

¹⁸ Там же, д. 301, л. 2.

¹⁹ Я. Ф. Дубровинский (1882—1918). Брат И. Ф. Дубровинского, члена ЦК РСДРП(б), ближайшего соратника В. И. Ленина. В революционном движении с 90-х годов XIX в. участник вооруженного восстания 1905 г. в Москве. Был меньшевиком. В 1917 г. вступил в большевистскую партию. Председатель Красноярского Совета. Расстрелян белогвардейцами.

²⁰ ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 107, л. 11.

²¹ «Свободная Сибирь», 26 апреля 1917 г.

²² Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 433, оп. 1, д. 571, л. 27.

²³ ПАКК, ф. 64, оп. 1, д. 659, л. 4: «Красноярский рабочий», 6 августа 1917 г.

общества, присковые служащие—эсеры П. И. Александров, Н. И. Разумов и другие²⁴).

Прикрываясь революционной фразой, комитеты общественной безопасности защищали интересы буржуазии, охраняли капиталистическую частную собственность, стремились увековечить эксплуатацию рабочих. Они пропагандировали необходимость «классового мира» и ведения войны «до победного конца». Эти комитеты пытались оставить в неприкосновенности части прежнего царского карательно-полицейского и административного аппарата. На своих местах были оставлены все окружные инженеры и их помощники. В прежней должности был оставлен горный исправник Северной части Енисейского горного округа Пржеляковский. Он стал лишь именоваться комиссаром милиции. Неполностью была разоружена и сменена горная полиция в Красноярско-Ачинском горном округе. Вскоре после февральского переворота Красноярский губернский комиссар назначил уездным комиссаром в Ачинском горном округе бывшего красноярского исправника.

В противовес органам буржуазной власти в присковых районах создавались Советы рабочих депутатов — органы революционного народа. При их создании рабочие использовали опыт революции 1905—1907 гг.

Огромное значение для развертывания революции на приисках Енисейского горного округа имело образование Совета рабочих и солдатских депутатов в г. Енисейске. В Енисейском Совете преобладание получили большевики²⁵). Это объясняется тем, что енисейская социал-демократическая организация (28 человек) испытывала непосредственное влияние видных деятелей большевистской партии и в годы войны не раз получала ленинские установки непосредственно от членов ЦК партии (Г. И. Петровского, С. С. Спандаряна) и большевиков — депутатов IV Государственной думы (А. Е. Бадаева, М. К. Муранова, Н. Р. Шагова, Ф. Н. Самойлова²⁶). Председателем Енисейского Совета стал В. Н. Яковлев, его заместителем были большевики А. Г. Перенсон и С. М. Иоффе²⁷). Деятельность Енисейского Совета получила высокую оценку В. И. Ленина²⁸).

Большую помощь енисейским большевикам оказали члены ЦК партии Я. М. Свердлов и Ф. И. Голощекин, возвращавшиеся из Туруханской ссылки. Я. М. Свердлов настойчиво указал на необходимость решительной борьбы с оборончеством и объединенчеством. Эти указания имели большое значение не только для енисейских большевиков, но и для большевиков всей Сибири.

В Южной части Енисейского горного округа вскоре после переворота было созвано совещание большевиков — политических ссыльных

²⁴) ЦГИАЛ, ф. 88, оп. 1, д. 77, л. 1.

²⁵) См. В. П. Сафронов. Октябрь в Сибири, стр. 198.

²⁶) Образовавшийся 3 марта 1917 г. в г. Енисейске комитет РСДРП сразу установил через «Правду» связь с ЦК партии (В. П. Сафронов. Октябрь в Сибири, стр. 147).

²⁷) В. Н. Яковлев (1892—1918), член КПСС с 1912 г., в 1914 г. сослан в Сибирь, в 1917 г. член Средне-Сибирского районного бюро ЦК РСДРП(б), агент ЦК партии, член Центросибиря, председатель Красноярского горкома, большевик. Убит белогвардейцами.

А. Г. Перенсон (1885—1919), член КПСС с 1904 г., в 1905 г. участвовал в Кроштадском восстании, отбыл Нерчинскую каторгу и сослан на поселение в Сибирь. В 1918 г. заместитель председателя Енисейского губсовета. Расстрелян колчаковцами.

С. М. Иоффе — большевик, председатель Енисейского уездного Совета. Убит белогвардейцами в 1918 г.

²⁸) В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 462—464.

и наиболее сознательных, революционно-настроенных рабочих. На совещании присутствовали из политических ссыльных Араковский, Горшков, Ф. М. Николаенко, Ю. К. Тимерман, Сколов, Мадей, рабочие Фадеев, Еремин и др. Большевики выступили на совещании против намерения меньшевиков и эсеров оставить на своих местах исправника и горную стражу, переименовав их в народную милицию. Они, как писал в своих воспоминаниях Ю. К. Тимерман, указывали: «...на ошибки 1905 г., на ошибки революций других стран, и что оставлять стражников и старых полицейских на своих местах, — это... предательство революции... Нужно немедленно же снять стражников во главе с исправником и сделать выборную милицию из народа»²⁹).

Большевики выражали общее стремление и требование рабочих приисков. Как вспоминал П. М. Крестьянников «горный исправник, вместе со своей полицейской сворой был изгнан»³⁰). На приисках была создана действительно народная милиция, состоявшая из рабочих. Создание народной милиции имело огромное значение для упрочения революционных завоеваний, для дальнейшего развития революции. В статье «О пролетарской милиции» В. И. Ленин писал: «Введение рабочей милиции, оплачиваемой капиталистами, есть мера, имеющая огромное — без преувеличения можно сказать: гигантское, решающее значение как политическое, так и принципиальное. Революция не может быть гарантирована, успех ее завоеваний не может быть обеспечен, дальнейшее развитие ее невозможно, если эта мера не станет всеобщей, не будет доведена до конца и проведена во всей стране»³¹).

В конце марта в Южной части Енисейского горного округа был создан Совет рабочих депутатов. Руководителями Совета стали большевики. Председателем исполкома Совета был избран большевик Ф. Еремин, членами являлись большевики Мадей и Мельбикс³²). В округе был создан и профсоюз горнорабочих. Совет и профсоюз явочным порядком устанавливали на приисках 8-часовой рабочий день³³). Совет распоряжался распределением товаров и припасов в приисковых амбарах, устанавливал рабочий контроль над производством, т. е. выступал как орган власти.

В Северной части Енисейского горного округа, сначала на Центральном прииске, затем и на других приисках Федоровского общества 8 и 9-го марта шли многолюдные собрания и митинги рабочих. Выступавшие ораторы — политические ссыльные приветствовали свержение царизма. Позднее митинги рабочих прошли на Авенировском руднике А. Власова, приисках общества «Драга», Викторовском прииске Северо-Енисейской компании и других»³⁴).

В начале третьей декады марта в Северной части Енисейского горного округа был создан Совет рабочих депутатов. Рабочие каждого прииска избрали в Совет по одному депутату. В составе Совета преобладали меньшевики. Председателем Совета был А. Л. Френкель, товарищем председателя — А. С. Брайловский. Секретарем Совета депутатов стал большевик Н. Т. Шинкаревский. Позднее в состав Исполкома

²⁹) ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 659, л. 3.

³⁰) ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 301, л. 3.

³¹) В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 286.

³²) ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 659, л. 4.

³³) ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 75, д. 792, л. 4.

³⁴) ПАКК, ф. 64, оп. 5, д. 107, л. 11.

Совета вошел также латышский большевик Я. Спрогис³⁵). На приисках был создан также профсоюз.

По напором масс и под воздействием большевиков Северо-Енисейский Совет и профсоюз разработали в конце марта экономические требования к предпринимателям и организовали общую забастовку. Рабочие объявили капиталистам, что в случае отказа принять их требования они решили объявить золотопромышленные предприятия находящимся в «общественном пользовании». В результате этой забастовки рабочие добились введения 8-часового рабочего дня (6-часового на подземных работах), значительного повышения заработной платы и т. д.³⁶).

В результате проведения забастовки фактическая власть в округе перешла в руки Совета рабочих депутатов. На приисках устанавливался рабочий контроль над производством. Рабочие вмешивались в распоряжения администрации приисков, противодействовали стремлению некоторых из них сократить производство. Совет распорядился вопросом о заготовке и распределении продуктов.

В Красноярско-Ачинском горном округе большую роль в развитии революционного движения на приисках в феврале-марте 1917 г. играла ачинская группа большевиков. В начале февраля 1917 г. в этой группе было 17 человек и 200 сочувствующих³⁷). Руководителями ачинских большевиков были Ф. К. Врублевский, Ф. Антушевский, А. Д. Минак³⁸). В феврале 1917 г. в Ачинске находился депутат IV Государственной думы большевик М. К. Муранов.

В Ачинском объединенном Совете рабочих и солдатских депутатов, созданном 5 марта, решающее влияние имели большевики³⁹). Под влиянием ачинских и красноярских большевиков на золотых рудниках Красноярско-Ачинского горного округа (Богомдарованном, Иоановском, Андреевском) были созданы Советы рабочих депутатов. Посланные Красноярской парторганизацией и Советом большевики, рабочий железнодорожного депо станции Красноярск П. Ф. Ткаченко и член исполкома Совета Жданов помогли организовать рабочим этих рудников профсоюз, партийную ячейку и Совет рабочих депутатов⁴⁰). Председатель Красноярского Совета 3 июня 1917 г. особо отметил, что комиссары Совета Ткаченко и Жданов на приисках «...совершили очень большую организаторскую работу»⁴¹). Управляющий приисками Русийского золотопромышленного общества в Енисейской губернии Маршалов писал правлению общества в Петроград о Ткаченко и Жданове: «Оба они принадлежат к партии ленинцев. Программа их агитации ленинская... То, что агитаторы являлись представителями Красноярского Совета солдатских и рабочих депутатов, дало им страшную авторитетность среди

³⁵) ЦГИАЛ, ф. 88, оп. 1, д. 77, л. 2; «Красноярский рабочий», 5 июля 1917 г. Позднее Шинкаревский был избран в Исполком Красноярского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от партии большевиков.

³⁶) ЦГИАЛ, ф. 88, оп. 1, д. 77, л. 3.

³⁷) В. П. Сафронов. Октябрь в Сибири, стр. 131.

³⁸) Ф. К. Врублевский (р. 1882) — с 1904 г. был избран членом ПСС (левица), выслан в Енисейскую губернию, накануне Февральской революции вступил в партию большевиков. В 1917 г. член Среднесибирского районного бюро ЦК РСДРП(б), член исполкома Соединенного Красноярского Совета, член редколлегии газеты «Красноярский рабочий».

Ф. Антушевский — политический ссыльный, большевик.

А. Д. Минак — большевик, член Ачинского исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, представитель от Ачинского Совета в Соединенный губернский исполнительный комитет.

³⁹) Н. Темеров. Всегда с партией. Незабываемое. Красноярск, 1957, стр. 174.

⁴⁰) П. Н. Мешалкин. Указ. соч., стр. 109.

⁴¹) Красноярский Совет. Март 1917 г. — июнь 1918 г. (Сборник документов). Красноярск, 1960, стр. 117.

рабочих и некоторых служащих Иоановского рудника...»⁴²). На Иоановский рудник выезжал лично председатель Ачинского Совета большевик Г. Ф. Чехак. Сразу после Февральской революции рабочие рудников и приисков Красноярско-Ачинского горного округа явочным порядком установили 8-часовой рабочий день, а затем начали устанавливать контроль над производством. Маршалов писал правлению «Золоторосса»: «С мартовских дней рабочие сами представляют власть...»⁴³).

Таким образом, в период осуществления Февральской буржуазно-демократической революции на далеких енисейских приисках, как и по всей стране, рабочие проводили революционные, демократические преобразования: устраняли царскую администрацию, создавали рабочую милицию и свои органы власти — Советы рабочих депутатов, вводили 8-часовой рабочий день, рабочий контроль над производством, продовольственным делом.

Дальнейшая борьба большевиков развернулась за осуществление ленинского плана перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию. Программные документы В. И. Ленина: «Апрельские тезисы», «Письма о тактике», его доклады и выступления на Петроградской и седьмой (Апрельской) конференции — вооружили рабочий класс и партию большевиков научно обоснованным планом борьбы за осуществление социалистической революции. В. И. Ленин в своем плане особо важное значение придавал росту революции в провинции. В «Резолюции о Советах рабочих и солдатских депутатов» он писал: «Этот рост революции в провинции вширь и вглубь, с одной стороны, является ростом движения к переходу всей власти Советам и к контролю самих рабочих и крестьян за производством, а с другой стороны, служит залогом подготовки во всероссийском масштабе сил для второго этапа революции, который должен передать всю государственную власть в руки Советов...»⁴⁴).

⁴²) ЦГИАЛ, ф. 79, оп. 1, лл. 3—4.

⁴³) ЦГИАЛ, ф. 79, оп. 1, д. 285, лл. 45—47.

⁴⁴) В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 430.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ В СИБИРСКОМ КАЗАЧЬЕМ ВОЙСКЕ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

А. И. ДОЛГИХ

Территория Сибирского казачьего войска была вытянута в одну узкую полосу. Непрерывная цепь сибирских казачьих поселений шла от Оренбургской границы (от пос. Сибирского) с запада на восток, а затем на юго-восток через города Петропавловск, Омск, Павлодар, Семипалатинск, Устькаменогорск (Пресногорьковская и Иртышская линии). От Устькаменогорска казачья линия разветвлялась на две: одна шла в долину р. Бухтармы (Бухтарминская линия), которая оканчивалась пос. Урыльским, другая — Бийская линия — шла к северо-востоку от Устькаменогорска по склонам и отрогам Алтайских гор. Казачьи линии местами прерывались крестьянскими землями и землями «кабинета его величества». Остальная часть поселений Сибирского казачьего войска расположена была среди казахской степи «оазисами» (станции Кокчетавская, Зерендинская, Сандыктавская, Атбасарская, Акмолинская и многие другие станции и поселки¹). Общее протяжение территории Сибирского казачьего войска составляло свыше 2500 верст²).

Во главе войска стоял назначаемый царем войсковой наказной атаман с гражданской и военной властью, он же был и степным генерал-губернатором и командующим войсками Омского военного округа. Ему подчинялось Войсковое хозяйственное правление, которое ведало административно-хозяйственными делами в войске, и военная канцелярия (с 1910 г., а до этого — казачье отделение штаба Сибирского военного округа), ведавшая военной частью. Исполнителями их распоряжений были атаманы трех военных отделов. Первый военный отдел с управлением в г. Кокчетаве, второй военный отдел с управлением в г. Омске и третий отдел с управлением в г. Устькаменогорске³).

В каждой станции был свой станичный атаман, подчинявшийся атаману отдела. По отчету о состоянии Сибирского казачьего войска за 1915 г. населения войска к 1 января 1916 г. числилось 307 845 человек, из них войскового сословия — 171 672 человека. Вся площадь земель

¹) Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1913 год. II. (Часть гражданская). Омск, 1914, стр. 1—2.

²) Труды 1-го съезда агрономов и смотрителей войсковых земель Сибирского казачьего войска (15—30 ноября 1913 г.). Ч. II. Омск, 1913, стр. 20.

³) Войско в военно-административном и хозяйственном отношении с 1880 г. было разделено на 3 военных отдела. См. отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1915 год. II (Часть гражданская). Омск, 1916, стр. 2.

в войске достигала 4 957 085 десятин (3 71 кв. сажен⁴). Все земли казачьего войска делились на две части: войсковая территория, утвержденная за войском правительством по планам полковых округов и отдельных станиц, и район 10-верстной полосы.

По роду владения и пользования войсковые земли делились на юртовые казачьи наделы⁵), офицерские участки потомственной собственности и земли войскового запаса. Землей сибирские казаки стали наделяться по указу Екатерины II в 1773 г. по 6 дес. на мужскую душу⁶). Затем казачий надел был повышен до 30 дес. (по положению 1846 г.), а офицерам стали отводить взамен пенсий от 200 до 400 дес. в пожизненное пользование⁷).

Фактическое размежевание земель в Сибирском казачьем войске началось по положениям от 7 мая и 9 июля 1877 г., хотя межевые работы производились и до издания этих положений, но они были признаны правительством недействительными⁸). Казачьи земли, т. е. юртовые наделы станиц и поселков обмежевывались на основании положения Военного Совета 9 июля 1877 г., а офицерские участки — на основании положения об обеспечении генералов, офицеров и классных чиновников Сибирского казачьего войска 7 мая 1877 г.

По сравнению с крестьянством Сибири, которое имело земли в среднем 15 дес. на душу, казачеству отводилось значительное количество земель, так как казачество, как особый разряд населения, с особыми военными обязанностями по замыслу царского правительства должно было служить надежной силой для подавления революционных выступлений рабочих и крестьян.

Но в действительности было не так. Во многих станицах и поселках казаки не имели даже крестьянского надела, зато огромное количество земли сосредоточено было в руках офицерства и казачьей верхушки.

Издавна в Сибирском казачьем войске наметилось классовое расслоение: с одной стороны, существовало привилегированное казачье офицерство, чиновничество, зажиточные казаки и, с другой стороны — многочисленная казачья беднота. Опорой правительства в борьбе с революционным движением явилось зажиточное казачество и казачье офицерство.

Казаки и офицеры наделялись землями из войсковых запасов, но за их недостатком — из 10-верстной полосы, 10-верстная полоса была образована в 1765 г. По указанию правительства граница Сибирского войска была установлена на расстоянии 10 верст от линии поселений, за пределы которой появление кочевников (казахов и др.) было запрещено. 10-верстная полоса была признана нейтральной, но была предоставлена во временное пользование казаков. С течением времени казаки во многих местах перешли в своем пользовании за пограничную черту на 20—30 и более верст. С тех пор более 40 лет велись споры между казаками Сибирского войска и казаками за пользование различными угодиями в 10-верстной полосе⁹).

⁴) Там же, стр. 9, 15.

⁵) Станичный юрт — это определенное количество земли, которое отводилось населению данной станицы и поселков, причисляемых к ней.

⁶) Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 366, оп. 1, д. 455, л. 1.

⁷) Г. Е. Катанаяев. Офицерство и рядовое казачество наше. (К вопросу о землеустройстве в Сибирском казачьем войске). Омск, 1918, стр. 6.

⁸) ГАОО, ф. 67, оп. 1, д. 57, лл. 1—2.

⁹) Землевладение и земледелие Сибирского казачьего войска. (Доклад В. А. Остафьева, читанный в заседании III отделения ИВЭО 4 октября 1897 г.) Труды Императорского Вольного Экономического Общества. СПб., 1897, т. 2, кн. 4, стр. 42—43.

Спор был разрешен в 1904 г. в пользу сибирских казаков. 31 мая 1904 г. Государственный Совет постановил «земли 10-верстной полосы Сибирского казачьего войска присоединить к составу войсковых земель», о чем было объявлено в приказе по Сибирскому казачьему войску от 21 июня 1904 г.¹⁰⁾ Но эта 10-верстная полоса не попала трудовому казачеству. Только часть земель ее попала в юртовые казачьи наделы, а большая часть ее оказалась у офицеров, чиновников и кулаков.

При межевании Войсковое хозяйственное правление удовлетворяло в первую очередь частных владельцев, т. е. офицеров и чиновников. Офицерам отводили земли в избранных ими местах, они имели право нанимать своих межевщиков и этим правом они широко пользовались, захватывая лучшие земли. Юртовые наделы отводились на станичные общества. Отвод земель в юртовые наделы производился по числу населения на 1 января 1877 г. Каждому казаку полагался по закону пай в 30 дес. удобной земли в общинном станичном пользовании. В этот пай входила пахотная земля, луга и лес. Офицерам отводилось по 600 дес.

Наделение казаков землей производилось крайне медленно и часто с нарушением казачьих интересов.

Всякий отвод земельного участка состоял из 3-х актов: 1) проектное (или предварительное) межевание, утверждаемое войсковым наказным атаманом, 2) формальное межевание того же участка, утверждаемое Войсковым хозяйственным правлением и 3) выдача владельцу «данной» на отмежеванный участок (это решало одно Войсковое хозяйственное правление)¹¹⁾.

Земля в Сибирском казачьем войске распределялась крайне неравномерно. В отчете о состоянии Сибирского казачьего войска за 1904 г. помещена таблица, показывающая общий ход межевых работ в войске в этот период времени, т. е. накануне революции 1905 г. Из этой таблицы видно, что всего земли в войске в 1904 г. числилось 4 928 891 дес. 728 кв. сажен. По положениям причиталось к отводу удобной земли: в юртовые наделы 142 100 дес. на 47 350 душ мужского пола войскового сословия; это примерно по 30 дес. на душу; в офицерские участки (по заявлениям, поступившим к 1 января 1904 г.) — 276070 дес. на 522 офицера и чиновника, это примерно по 530 дес. на каждого. Формально было отмежевано: в юртовые наделы 1 473 326 дес. 1 745 1/3 кв. саж. на 31 986 душ мужского пола войскового сословия, это примерно по 47 дес. на душу; в офицерские участки формально отмежевано 166 540 дес. 1944 кв. саж. на 190 офицеров и чиновников, что в среднем, примерно, по 876 дес. на каждого¹²⁾.

Выходит, что не все лица войскового сословия были наделены землей. 15 364 казака, на которых по положению причиталась земля, ее вовсе не получили, даже по формальному межеванию (47 350—31 986 = 15 364).

Действовавшая инструкция 1879 г. по межеванию земель в войске была запутана и казаки в ней вряд ли могли разобраться. Так, по этой инструкции количество земли отводилось, смотря по пригодности. Все земли были распределены на 23 района, разных по качеству. В некоторых местах 1 десятина считали за 2—5 десятин, или наоборот, 3 десятины солончаков — за 1 десятину. А пригодность или «удобность» земли определяли на местах «понятые» и во многих случаях неверно.

¹⁰⁾ ГАОО, ф. 67, оп. 1, д. 17, л. 394; Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1904 год. II. (Часть гражданская). Омск, 1905, стр. 19.

¹¹⁾ ЦГВИА, ф. 330, оп. 84, д. 14, к. 5435, 1916 г., л. 6.

¹²⁾ Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1904 год. II. (Часть гражданская). Омск, 1905, стр. 17.

В некоторых станицах (станции Бийской линии и 1-го и 2-го полковых округов) было определено вместо 24 дес. пахотной земли среднего достоинства (т. е. нормальных десятин) отводить 21 дес. степи местного достоинства на мужскую душу. В других (8-й полковый округ) отводилось за 24 нормальных десятины — 24 десятины степи местного достоинства. Но во многих районах были такие плохие неплодородные земли, что за 24 десятины нормальных подлежало в отвод 27, 29, 30, 33 и 44 десятины степи местного достоинства¹³).

К тому же юртовые наделы и офицерские участки в количественном отношении были чрезвычайно разнообразными и казакам почти никогда не отводили такое количество земли, какое им было положено. Все это создавало большую путаницу при межевании, в которой не только казаки, но зачастую и в правительственных кругах не могли разобраться.

Накануне революции 1905 г. в станицах и поселках Сибирского казачьего войска было очень незначительное количество пахотных и удобных для пашен земель. Девять поселков таких земель не имели совсем (Железинский, Пяторыжский, Бобровский ст. Урлютюпской Павлодарского уезда; пос. Черный ст. Семиарской Семипалатинского уезда; пос. Белокаменский, Глуховский и Стеклянский ст. Долонской Семипалатинского уезда и др.); 10 поселков имели их от 1/2 до 4 дес. на душу, 5 поселков — по 10 и 2 поселка от 14 до 16 дес. на мужскую душу. Казаки этих поселков вынуждены были арендовать пахотные земли у войска или у «кабинета его величества»¹⁴).

Но особенно мало земли имели казаки Бийской линии. Им вначале при первом межевании (1818—1820 гг.) было отведено по 6 дес. на душу. В землепользовании казаков на Бийской линии была большая путаница и неразбериха. С 20-х по 90-е годы XIX в. казаки дважды выселялись с Бийской линии. Многие селения и юртовые наделы опустели. На этих землях в конце XIX в. поселилось большое количество крестьян-переселенцев.

Поэтому между казаками и крестьянами Бийской линии много лет продолжался спор из-за владения землями. Войсковое начальство считало эти земли принадлежащими войску и оспаривало их у правительства. А представители «кабинета» трактовали это как посягательство на интересы «высочайшего владельца кабинетских земель».

Фактически царь являлся крупным помещиком, владевшим в Бийском и Змеиногорском уездах огромным количеством земли, и отказывал в прирезке тому или иному казачьему поселку каких-нибудь 200—300—500 дес. земли.

Таким образом, бийские казаки, по сравнению с остальными казаками Сибирского войска, имели в среднем несколько меньше земли на душу мужского пола войскового сословия (от 13 до 21 дес.)¹⁵. И притеснялись они, главным образом, из-за того, что здесь было «кабинетское» землевладение, просуществовавшее на значительной части территории вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

На Бийской линии также имело место большое неравенство в землепользовании. Даже полковники Сибирского войска Катанав и Калачев вынуждены были признать, что здесь были богатые землевладельцы — зажиточные казаки, «захватившие земли в ущерб обесправлен-

¹³) ГАОО, ф. 67, оп. 2, л. 57, л. 3.

¹⁴) Г. Е. Катанав. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск, 1904, стр. 41.

¹⁵) «Вольный казак» (г. Омск), 30(17) марта 1918 г. Список станиц и поселков Сибирского казачьего войска с указанием десятин удобной земли (сведения к 1 января 1916 г.).

ному ими же бедняку, не могущему по своей бедности запахать и одной десятины»¹⁶⁾.

Здесь издавна существовала вражда между казаками и крестьянами и не только на Бийской линии, но и во многих других местах войска. Причиной этой вражды было малоземелье крестьян и казачьей бедноты.

Земли Сибирского казачьего войска никогда не были заселены одними казаками. Крестьяне центральной России, Украины и других мест, гонимые нуждой и жестокой эксплуатацией со стороны помещиков и дворян, уходили в Сибирь и становились крестьянами-переселенцами. Так было еще до реформы 1861 г. и после реформы. Но царское правительство, стремясь сгладить острую классовую борьбу в сибирском казачестве, умышленно разжигало сословную вражду, воспитывало казаков в духе пренебрежительного отношения к крестьянам, пыталось внушить им мысль, что крестьянин — это «мужик, который способен только землю пахать», а «казак и царя защищать».

Правящая верхушка казачества стремилась натравить казаков на крестьян. Во многих местах атаманы отделов и станиц внушали мысль казакам — отобрать у крестьян землю. Например, атаман 3-го военного отдела препроводил 13 июня 1916 г. в Войсковое хозяйственное правление приговор казаков общества пос. Буконского с требованием отобрать земли у крестьян села Преображенского¹⁷⁾. Подобных фактов было немало.

Царское правительство охраняло казачьи земли в их владении, так как оно было заинтересовано в том, чтобы создать себе надежную опору в казаках в борьбе с революционным движением. Оно объявляло казачьи земли неприкосновенными, и разъясняло, что они не могли быть отчуждены ни для каких надобностей, за исключением тех случаев, когда это необходимо для какой-либо государственной или общественной надобности, например, под железные дороги.

Еще в 1891 г. войсковой наказной атаман генерал барон Таубе М. А. в докладе Александру III предложил проект выкупа правительством земель, принадлежащих Сибирскому казачьему войску, в целях устройства на них крестьянских поселений. Александр III на докладе наложил резолюцию: «Земли войсковые, по-моему, должны оставаться навсегда войсковыми». И вторично, когда тем же генералом был возбужден в отчете за 1896 г. перед императором вопрос об изъятии от войска всех земель 10-верстной полосы и передачи их переселенцам из России, императором вопрос этот опять был отклонен: «Не могу с этим согласиться. Земли войсковые должны навсегда оставаться войсковыми»¹⁸⁾.

Напуганный революцией 1905 г., царь 23 апреля 1906 г. «даровал войску крепительную грамоту на земли». За Сибирским войском закреплены были на «вечные времена» все земли, каким оно до того времени владело и пользовалось¹⁹⁾.

Казакки малоземельных станиц и поселков просили войсковое начальство о прирезке земель к их юртовым наделам. Например, казакки того же пос. Буконского ходатайствовали о прирезке земли на прибылые души. Из статистических данных за 1915 г. видно, что в пос. Буконском к 1 января 1916 г. состояло 385 душ мужского пола, а имеющих право

¹⁶⁾ ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 455, л. 6. Особое мнение полковников Катанаева и Калачева в комиссию для отвода земель казакам Бийской линии Сибирского казачьего войска (Копия), (1897 г.).

¹⁷⁾ ГАОО, ф. 67, оп. 2, д. 150, л. 217.

¹⁸⁾ ГАОО, ф. 67, оп. 2, д. 57, л. 16.

¹⁹⁾ Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1906 год. I. (Часть военная). Омск, 1907, стр. 64.

на пaeвой надел — 215 душ. На душу приходилось земли по 24, 28 дес. нормальных (вместо 30 дес.), а на душу мужского пола — по 13,56 дес. нормальных (вместо 30 дес.). Казаки этого поселка в период с 1908 г. по 1916 г. неоднократно подавали прошения в Войсковое хозяйственное правление и войсковому наказному атаману о прирезке земли к их юртовому наделу. Но им было отказано²⁰).

Казаки пос. Богатого также просили о прирезке к их юртовым наделам войсковых земель, или в крайнем случае о переселении поселка на другое место. В этом поселке к 1 января 1877 г. населения было 192 человека, а к 1915 г. — 432, т. е. в 2,5 раза больше, а землей они пользовались по старому межеванию 1877 г. К тому же из общего количества земли (8976 дес.) до 2 тыс. дес. были солонцы, бедные пастбища и луга, и поэтому на душу населения удобной земли приходилось всего 14 дес.²¹). Однако прирезки к своим наделам они не получили.

В некоторых станицах и поселках казаки имели земли еще меньше и просили также о прирезке земли. Эти ходатайства о прирезке к юртовым наделам тянулись вплоть до 1917 г., и все-таки казаки в подавляющем большинстве никакой прирезки к своим наделам не получили.

Главная причина земельной необеспеченности казаков состояла в том, что царское правительство и Войсковое хозяйственное правление не стремились к обеспечению земель казаков на основании хотя бы существующих положений, т. е. до 30 дес. надела и не заботились по настоящему об удовлетворении их нужд, а стремились в первую очередь отвести земли «господам офицерам» в потомственную собственность и они наделялись землей с избытком. А большинство казаков не получили и того количества земли, которое им причиталось к отводу на население к 1 января 1877 г. В отдельных станицах и поселках не хватало очень большого количества земли. Например, в станицах Акмолинской и Атбасарской, поселке Кендерлыкском и станице Зайсанской не хватало в общей сложности 14 781 дес. земли среднего качества²²).

Однако не все казаки обрабатывали свои пай. Большинство из них не могли заниматься хозяйством, так как часто отрывались для исполнения своих служебных обязанностей. Казаки, которые не имели рабочего скота, также не занимались хозяйством, а сдавали свои пай в аренду, а сами превращались в батраков местной казачьей верхушки, занимались поденной работой.

В противоположность этому офицерские участки были огромных размеров. В Сибирском войске в отличие от других казачьих войск офицеры щедро наделялись землями. Вначале офицеры Сибирского войска неоднократно ходатайствовали о пенсиях за службу вместо земли. Царское правительство им отказывало и в течение длительного времени упорно стремилось насадить в Сибири офицерско-помещичьи хозяйства, создать крупные офицерские землевладение, превратить офицеров в настоящих помещиков и создать себе в лице этих эксплуататоров надежную опору в борьбе с революционным движением.

А во многих случаях офицерам отводились усиленные наделы. Как утверждает Г. Е. Катанаев, ввиду того, что земли в Сибири по сравнению с европейскими считались малоценными, то офицерам отводились усиленные наделы против других войск, а именно: вместо 200 дес.

²⁰) ГАОО, ф. 67, оп. 2, д. 150, лл. 216—217, 220.

²¹) ГАОО, ф. 67, оп. 2, д. 151, лл. 102—103.

²²) Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1907 год. II. (Часть гражданская). Омск, 1908, стр. 27—28.

обер-офицерских—600 дес., вместо 400 дес. штаб-офицерских—1000 дес. и генералам 3000 дес. в их собственности²³⁾.

Но преобладающей в Сибири была захватная форма землевладения. Офицеры, чиновники и казацкие старшины незаконно захватывали участки земли. Иногда они присваивали себе целые поселки. Но на многие офицерские участки не были выданы «данные», т. е. права на владение участком земли, а пользовались они этими участками вплоть до революции 1917 г. За 40 лет с момента наделения офицеров землей (1877—1917 гг.) более чем 1/3 офицеров не получили «данных» на свои участки, а это значит, что они их захватили самовольно²⁴⁾.

По положению Военного Совета 9 сентября 1911 г. все участки, на которые «данные» не выданы, подлежали перемереванию, т. е. решено было произвести перемерот офицерских участков²⁵⁾. По приказу по войску от 14 июля 1912 г. начали пересматривать все крупные участки. При этом перемеревании выяснилось, что некоторые участки были огромных размеров. Так, например, на основании положения 7 мая 1877 г. есаулу Бутакову (пос. Барашевский Устькаменогорского уезда) в 1894 г. был запроктирован участок в 600 десятин, но после перемеревания выяснилось, что площадь его участка составляла 4 365 дес. 1 478 кв. сажен зачетных и 1641 дес. 864 кв. сажен действительных, из которых удобной земли было 1594 дес. 696 кв. сажен²⁶⁾. Крупные участки были и у есаула Черепашкова при ст. Кокчетавской (1201 дес. 762 кв. сажен), участок офицера Евтина при пос. Дубровском ст. Новорыбинской в 1039 дес. 289 кв. сажен, участок коллежского ассесора Дорохова при ст. Атаманской Омского уезда в 1390 дес. 180 кв. сажен²⁷⁾.

Но были еще более крупные участки. Крупными землевладельцами в Сибирском казачьем войске были Шишкины, Рыбины и др. Участок подесаула Рыбина при пос. Ямышевском ст. Павлодарской составлял 3309 дес. 1176 кв. сажен, участок офицера Шишкина при пос. Лебяжьем ст. Семиарской—3113 дес., участок хорунжего Сальникова при пос. Подпускном ст. Семиарской площадью 3678 дес. 1385 кв. сажен, участок хорунжего Тысяцкого при ст. Каркаралинской—3371 дес. 1792 кв. сажен, участок хорунжего Шишкина (отец) при пос. Лебяжьем ст. Семиарской—2464 дес. 1363 кв. сажен и много других крупных участков площадью до 1000 дес. и более. Все эти участки при обследовании их комиссией, созданной для проверки и перемеревания офицерских участков, были совершенно нетронуты²⁸⁾. При перемеревании офицерских участков только у некоторых офицеров отрезали часть земли, оставив им по-прежнему крупные наделы. А многие из них отказались добровольно передать в войсковой запас излишки²⁹⁾.

Если раньше офицеры просили пенсии за службу вместо земли, то теперь, т. е. перед революцией 1917 г., они боролись за то, чтобы закрепить за собой земельные участки, так как выгодно было сдавать их в аренду за деньги. Дело в том, что, получив громадные участки земли, большинство офицеров и чиновников не желали заниматься хозяйством лично, не могли приспособиться к новым капиталистическим условиям ведения хозяйства и предпочитали сдавать свои участки в аренду частным лицам или продавать их, от чего получали большой доход. Но

²³⁾ Г. Е. Катанаев. Офицерство и рядовое казачество наше, стр. 11.

²⁴⁾ Там же, стр. 46—47.

²⁵⁾ ГАОО, ф. 67, оп. 2, д. 150, лл. 39, 98.

²⁶⁾ ГАОО, ф. 67, оп. 2, д. 149, лл. 259—260.

²⁷⁾ ГАОО, ф. 67, оп. 2, д. 147, лл. 139—140, 144.

²⁸⁾ ГАОО, ф. 67, оп. 2, д. 147, лл. 148, 156—158.

²⁹⁾ ГАОО, ф. 67, оп. 2, д. 149, лл. 175—176.

в Сибирском казачьем войске сдавались в аренду не только офицерские и чиновничьи участки, но и земли войскового запаса и юртовые наделы.

Аренда земли в Сибирском казачьем войске была известна уже во второй половине XIX в. Отмена крепостного права расчистила дорогу для быстрого развития капитализма. В Сибири, как и в целом по России, земля стала таким же предметом купли-продажи, как и всякий другой товар, правда с некоторыми ограничениями.

Вначале преобладала краткосрочная аренда: участки сдавались на 1—3 года³⁰). Участки арендовали тогда главным образом казахи под пастбища и сенокос. О хлебопашестве на них не могло быть и речи. Арендные цены были низкие. Например, цена арендных офицерских участков в 80—90-х годах в Омском и Петропавловском уездах была от 5 и 10 руб. до 15—20—25 руб. за десятину, а в Павлодарском уезде — еще ниже. Только с проведением Сибирской железной дороги спрос на землю увеличился и цена на нее стала быстро возрастать. Сюда приехало большое количество арендаторов, предпринимателей, переселенцев. Цены за участки сразу поднялись до 35 руб. за десятину, а в некоторых местах дошли до 75—100 руб. и более за десятину. Началась общая распродажа и скупка участков³¹).

С 1904 г. Войсковое хозяйственное правление разрешило выдавать «данные» на офицерские участки. Цены на земли стали еще быстрее подниматься, и владельцы офицерских участков начали распродавать свои земли³²).

Аренда в войске с каждым годом увеличивалась и расширялась, увеличивались сроки аренды, увеличивалось и количество арендных участков, хотя многие из них дробились. Уже в 1911 г., например, арендные участки сдавались на сроки от 6 до 12 лет, а неземельные оброчные статьи — до 24 лет (а по закону они могли сдаваться на 99 лет³³). В 1895 г. в аренде в войске состояло 343 участка общей площадью в 1 311 731 дес., средняя цена за сотню десятин составляла 1 руб. 31 коп. А в 1906 г. число арендных участков увеличилось на 140, а составляло 483 участка, общая площадь их — 1 190 628 дес. Таким образом, площадь уменьшилась на 121 106 дес., и это говорит о том, что арендные участки стали дробиться, а цена за сотню десятин сильно повысилась. В целом по всему войску она составляла 6 руб. 03 коп., а по отдельным уездам еще больше, например, в Омском уезде она поднялась за это время на 100% (в 1895 г. — 89 коп., а в 1906 — 8 руб. 90 коп.), в Петропавловском уезде — на 55% (от 2 руб. 7 коп. до 4 руб. 15 коп.). В отдельных местах арендные участки в это время (в 1906 г.) стоили очень дорого, например, в Зайсанском уезде сотня десятин арендных земель стоила 25 руб. 56 коп., на Бийской линии — 10 руб. 5 коп.³⁴).

Причины вздорожания цен на арендные участки, как указывается в отчете за 1906 г., — это отчасти то, что некоторые участки стали сдаваться в аренду на более продолжительные сроки, так как царское правительство стремилось закрепить эти земли за частными владельцами, а Войсковое хозяйственное правление стремилось сохранить высокие арендные цены на участки. Но главная причина заключалась не в этом. По уставу о казенных оброчных статьях (арендных участках) они сда-

³⁰) ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 315, л. 10.

³¹) Г. Е. Катанаяев. Офицерство и рядовое казачество наше, стр. 21.

³²) ГАОО, ф. 67, оп. 2, д. 49, л. 34.

³³) Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1911 год. II. (Часть гражданская). Омск, 1912, стр. 26.

³⁴) Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1906 год. I. (Часть военная). Омск, 1907, стр. 45.

вались только с торгов. На торгах устанавливались их цены, а кулаки и купцы на торгах набивали цены на арендные участки³⁵).

Аренда земли была сильно развита в Сибирском казачьем войске, так же как на Дону, и даже больше, чем в других казачьих войсках. Например, в 1911 г. всех арендных участков в Сибирском войске числилось 856, общей площадью в 1301166 дес. 2229,5 кв. сажен. Самые мелкие арендные участки считались до 300 дес., их было 319; участков от 300 дес. до 1000 дес. — 222; участков от 1000 дес. до 3000 дес. — 206. Самые крупных участков площадью 10—15 тыс. дес. и более было 15, из них 4 участка площадью свыше 15 тыс. дес.³⁶). По количеству земли это были настоящие майораты.

За участками, сданными в аренду, никакого контроля со стороны Войскового хозяйственного правления не велось, поэтому офицеры расхищали земли, многие арендаторы пересдавали земли, торговали ими, наживались на них. Арендная плата за войсковые арендные участки поступала в Войсковое хозяйственное правление не во время и не полностью³⁷). Поэтому были большие недонмки за аренду войсковых земель. Например, в 1911 г. от аренды земельных участков должно было поступить арендной платы 253 851 руб. 62 коп., доход от распашки — 148 754 руб. 79 коп. (за распашку арендаторы платили отдельно), а всего 402 606 руб. 41 коп. В действительности же поступило 333 498 руб. Недобор выразился в 69 108 руб. 41 коп.³⁸).

С 1911 г. в войске начал применяться новый порядок сдачи в аренду войсковых участков. Он был утвержден войсковым наказным атаманом 16 октября 1910 г. По новому порядку распашка 1/3 или 1/2 части всей площади участка входила в арендную плату³⁹). Этот новый порядок сдачи участков в аренду давал войску большой доход, так как это еще более повысило арендную плату.

К 1917 г. в результате усиления спроса на пахотные земли, арендные цены на землю поднялись еще выше. Во многих случаях арендаторы, главным образом кулаки, платили за участки значительно дороже, чем они были оценены к торгам.

Арендаторами земель в Сибирском казачьем войске выступали купцы, кулаки (из казаков и крестьян), лица невойскового сословия (мещане, как их называли в войске, богатые предприниматели), казачьи общества тех станиц и поселков, где население терпело земельную нужду, казахи.

В большинстве случаев в Сибирском казачьем войске арендовали землю не по необходимости, а аренда являлась предпринимательской и поэтому эти арендаторские хозяйства следует считать кулацкими и применяющими наемный труд. Купцы и кулаки арендовали землю с целью наживы — заводили на ней хозяйства, разводили скот, эксплуатировали беднейшее население. Крестьяне-арендаторы во многих случаях были лишь только по названию, а по существу это были кулаки.

Среди арендаторов в Сибирском казачьем войске были и немцы. Они стали появляться здесь большими группами с 90-х годов XIX в. Но особенно большой наплыв их был в период с 1904 г. по 1910 г. Они

³⁵) Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1907 год. II. (Часть гражданская). Омск, 1908, стр. 30.

³⁶) Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1911 год. II (Часть гражданская). Омск, 1912, стр. 27.

³⁷) ГАОО, ф. 67, оп. 2, д. 50, лл. 54, 55, 111.

³⁸) Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1911 год. II (Часть гражданская). Омск, 1912, стр. 29—30.

³⁹) Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1913 год. II (Часть гражданская). Омск, 1914, стр. 29—30.

арендовали сотни десятин лучшей земли. Во многих источниках их хозяйства называются хозяйствами «немцев-колонистов». В каждом таком хозяйстве было 2—4 головы рабочего скота, применялись простейшие механические приспособления (сепараторы, маслобойки) и сельскохозяйственные орудия. Эти новые поселения на войсковой территории называли еще «менонитскими». Эти хозяйства обрабатывались почти полностью личным трудом. Таких хозяйств было немало и у зажиточных казаков, где наемный труд только начинал применяться и в некоторых хозяйствах было всего 1—2 наемных работника.

Особенно много хозяйств «немцев-колонистов» было на Горькой линии. Например, в Петропавловском уезде из 136 офицерских участков примерно 48 арендовались частично или полностью «немцами-колонистами»⁴⁰).

Правительство и войсковое начальство вначале поддерживали эти хозяйства, называя их «культурными хозяйствами», но потом, опасаясь, что все офицерские участки могут перейти к арендаторам-немцам и крестьянам, воспретило постановлением Войскового хозяйственного правления от 26 мая 1912 г. передачу земли на войсковой территории в аренду немцам-колонистам⁴¹).

В Сибирском казачьем войске, как нигде в других казачьих войсках была развита спекуляция на аренде земли. Купцы-арендаторы пересдавали арендные участки третьим лицам с выгодой для себя. Например, купец Сорокин, заторганный им участок № 57 в 20537 десятин передал за 138 руб. 97 коп., с уступкой в 50 руб., казaku Олькову по доверенности от общества пос. Песчановского и Качировского, но в то же время он сохранил за собой по договоренности право, независимо от платы, пасти на этом участке свой скот до 800 голов. Тот же самый купец Сорокин арендовал другой участок № 94 в 905 дес. на имя своей жены за 5 руб. 65 коп. с целью сбора с казахов денег за прогон скота. С такой же целью арендовал и урядник Николаев участок № 88 ст. Павлодарской в 6010 дес. за 166 руб. 10 коп. в год. С каждой кибитки за прогон и попас скота он брал по 40 коп. и получал, таким образом, с 345 кибиток 134 руб. и кроме того за сенокос — 250 руб., итого 384 руб. в год⁴²). Таких примеров было немало.

Подобное явление наносило большой вред хозяйству, так как сами они (торговцы землей, перекупщики) не стремились развивать хозяйство на своих участках. Аренда постепенно разрушала систему войскового землевладения.

Рост арендных цен на землю говорил о проникновении капиталистических отношений в казачье сословие.

Об этом также свидетельствует возникновение в Сибирском казачьем войске крупных предпринимательских хозяйств капиталистического типа с применением наемного труда.

Наплыв арендаторов в Сибирское казачье войско из внутренних и южных губерний России начался в конце XIX — начале XX вв., и особенно усилился с постройкой Сибирской железной дороги. Многие из арендаторов тех земель, особенно предприниматели-скотоводы, нуждавшиеся в больших земельных площадях, двинулись за поисками их сюда, в Сибирское казачье войско.

⁴⁰) ГАОО, ф. 67, оп. 2, д. 162, лл. 49—59.

⁴¹) ГАОО, ф. 67, оп. 2, д. 49, л. 94 (здесь имеется копия этого документа).

⁴²) В. М. Самосудов. Социально-экономические предпосылки перехода сибирского казачества на позиции демократической революции. Материалы научной конференции кафедр общественных наук институтов г. Омска. Омск, 1965.

С 1900 г. начали быстро возникать частно-владельческие хозяйства. Арендаторы здесь водворялись как на офицерских, так и на войсковых участках, которые сдавались в долгосрочную аренду.

Примером таких хозяйств, говорится в отчете о состоянии Сибирского казачьего войска за 1907 г., могут служить арендаторские хозяйства «крестьянина» (как известно под названием «крестьянин» тогда были и кулаки) Таврической губернии Гехтер А. Ф., у которого на участке было 9 хозяйственных построек, 163 головы рогатого скота, 3835 голов овец; арендатор Попов Г. М. имел 15 хозяйственных построек, сельскохозяйственных машин на 1910 руб., 540 головы рогатого скота, 9680 голов овец. Крупным предпринимателем был Острянин С. Е. На своем арендном участке при пос. Чистом ст. Медвежинской площадь в 6138 дес. 1800 кв. сажень он вел крупное полевое хозяйство и разводил скот. Одних хозяйственных построек у него было на сумму 2740 рублей, сельскохозяйственных машин и орудий на 5451 руб., рогатого скота 137 голов, лошадей 35 голов, овец 4800 голов, свиней 35 голов, а все хозяйство было на сумму 57667 руб.⁴³⁾

Особняком среди всех арендаторских хозяйств стояло крупное арендаторское хозяйство Колмакова Т. И., основанное его дедом — «крестьянином» Таврической губернии в 1900 г. Он развел на своем участке при пос. Курганском большое количество испанских овец и получал огромный доход. Его хозяйство войсковое начальство считало одним из «передовых» и «культурных» хозяйств.

Наряду с этими богатыми скотопромышленниками, прибывшими из России, были и местные богатые скотопромышленники: купец С. на арендуемых у офицеров и у войска участках (16 офицерских участках и несколько войсковых) держал постоянно не менее 15—20 тыс. голов рогатого скота и несколько тысяч лошадей; он вел обширную скотоводческую торговлю. В своих хозяйствах он широко эксплуатировал труд казахов⁴⁴⁾.

Хозяйства Колмакова, Острянина и другие подобные им были крупными предпринимательскими хозяйствами капиталистического типа. Они разводили в большом количестве скот, что являлось источником их колоссальных доходов. В их хозяйствах широко применялся наемный труд, эксплуатировался труд казачьей бедноты и казахов. Все эти огромные хозяйства целиком и полностью обрабатывались их трудом. А эта форма эксплуатации характерна уже для капиталистических отношений.

В то же время эти арендаторские хозяйства содействовали развитию скотоводства, промышленности (в особенности маслодельной) и торговли. Но, с другой стороны, мелкие казачьи хозяйства разорались и клонились к упадку.

Вместе с проникновением капиталистических отношений продолжала оставаться военно-феодальная форма земельных отношений. Насаждая частное земледелие в Сибирском войске, царское правительство стремилось сохранить средневековый характер казачьего землепользования, сохранить казачество, как особое военное сословие. Об этих феодальных отношениях в казачьем землепользовании писал В. И. Ленин в статье «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов»: «Казачьи земли сейчас представляют из себя настоящую муниципализацию. Большие области принадлежат отдельному казачьему войску: Оренбургскому, Донскому и т. д. Казаки в среднем имеют по 52 дес. на двор, крестьяне — по 11 дес. ...На почве

⁴³⁾ ЦГВИА, ф. 330, оп. 82, д. 58, к. 52—91, лл. 2, 3—5, 45.

⁴⁴⁾ Г. Е. Катаняев. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске, стр. 87—88. (Фамилию купца С. установить не удалось).

этой «муниципализации» развиваются чисто феодальные отношения. Эта фактически существующая, муниципализация означает сословную и областную замкнутость крестьян, раздробленных различиями в размерах землевладения, в платежах, в условиях средневекового пользования землей за службу и т. д.»⁴⁵).

К 1917 г. появилось еще большее неравенство в распределении земли и землепользовании у сибирских казаков. К этому времени в войске особенно сильно была развита аренда земли. Зажиточные казаки в Сибири перед революцией 1917 г. все более увеличивали производство хлеба на продажу, фуража для армии. Для этого они прибегали в широких масштабах к аренде земли⁴⁶). Земля была в большинстве случаев у тех, кто ее не обрабатывал, а наживался. К началу Февральской революции в юртовых наделах, т. е. в непосредственном распоряжении казаков, было около 3 млн. дес. земли, а около 1,5 млн. дес. было в так называемых «войсковых запасах», которые обычно очень дешево (но за взятки) сдавались казачьими чиновниками в аренду, преимущественно кулаками. Свыше 600 тыс. дес. лучшей земли находилось во владении казачьего офицерства⁴⁷).

Наиболее полно распределение земли накануне Февральской революции показано в «Списке станиц и поселков Сибирского казачьего войска с указанием числа мужского казачьего населения и количества десятин удобной земли 1 января 1916 г.», помещенном 30 (17) марта 1918 г. в газете «Вольный казак».

Анализируя этот список, мы видим, что в подавляющем большинстве поселенцев и станиц казаки не имели установленной нормы земли (30 дес.), а в некоторых станицах и поселках имели меньше крестьянских (как было уже указано, крестьяне Сибири имели в среднем по 15 дес. на душу), а именно: по 11, 12, 13, 14 дес. на мужскую душу, а в станицах Уваровской и Казнаковской Устькаменогорского уезда всего по 8 с лишним десятин.

Большое количество земли было у церквей. Каждой церкви отведено было по 300 дес. земли⁴⁸). В 1914 г. некоторые станичные и поселковые общества войска возбуждали ходатайства об изъятии из пользования казачьего духовенства земельных наделов церковных причтов. Ходатайства эти были отклонены войсковым наказным атаманом⁴⁹).

К 1917 г. количество земли в юртовых наделах почти не увеличилось, население сильно возросло, а отвод земель в юртовые наделы производился по-прежнему по числу населения на 1 января 1877 г.⁵⁰). Обезземеливание казачей бедноты наблюдалось во всех станицах Сибирского войска. Казачье малоземелье и неравномерное распределение земли в Сибирском казачьем войске оставалось до Великой Октябрьской социалистической революции. Различное земельное обеспечение казачьего офицерства и рядового казачества было одним из ярких показателей классового расслоения в сибирском казачестве, которое к 1917 г. зашло уже довольно глубоко.

⁴⁵) В. И. Ленин. Полное собрание сочинений (ПСС), т. 16, стр. 315. В. И. Ленин назвал в этой статье казаков крестьянами, поставленными в особые условия сословной и областной замкнутости.

⁴⁶) Ф. С. Пестриков. Борьба крестьянства Западной Сибири за власть Советов и проведение аграрных преобразований (На правах рукописи). М., 1958, стр. 7.

⁴⁷) Е. В. Полюдов. Казаки. Сибирская Советская энциклопедия. Т. II, 1931, стр. 427.

⁴⁸) ГАОО, ф. 67, оп. 2, д. 147, л. 131.

⁴⁹) ГАОО, ф. 54, оп. 1, д. 25, л. 193. Приказ по Сибирскому казачьему войску, № 185 от 25 июня 1915 г.

⁵⁰) ГАОО, ф. 67, оп. 2, д. 150, л. 73.

Царское правительство стремилось сохранить земли за Сибирским войском и укрепить казачью общину. В проведении своей политики оно опиралось на войсковую администрацию и казацкие офицерство, но действовало непоследовательно. Щедро наделяя офицеров огромными земельными участками сначала в пожизненную, а затем в потомственную собственность, оно стремилось насадить в Сибири офицерско-помещичьи хозяйства, создать крупное офицерское землевладение.

Если судить по размерам земельных участков, то казацкие офицеры были настоящими помещиками, только что не имели крепостных крестьян. Но фактически большинство из них, получив земельные участки, не смогли приспособиться к новым капиталистическим условиям ведения хозяйства и сдавали их в аренду или продавали.

Наплыв арендаторов в Сибирское казачье войско особенно увеличился с проведением Сибирской железной дороги. Увеличение и расширение земли в войске, преобладание предпринимательской аренды, применение наемного труда в арендаторских и зажиточных казачьих хозяйствах свидетельствовало о развитии капиталистических отношений. А это в свою очередь также способствовало более глубокому классовому расслоению в сибирском казачестве.

К 1917 году ухудшилось положение казачьей бедноты, усилилась эксплуатация, обострилась классовая борьба, выразившаяся в волнениях в казачьих частях, в отказе казаков нести военную и полицейскую службу, в дезертирстве, неподчинении офицерам и т. д.

Партия большевиков стремилась высвободить широкие казачьи массы из цепких лап царизма и приобщить трудовое казачество к общему революционному движению, внедрить в его создание революционные идеи. И трудовое казачество Сибирского казачьего войска пошло за партией большевиков, поняло свое настоящее место в общем революционном движении. Трудовое казачество требовало земли и самоуправления без чиновнической опеки. А все это делало вторую буржуазно-демократическую революцию неизбежной.

БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ ИРКУТСКОГО ГАРНИЗОНА В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В. В. КИМ

Анализируя уроки Первой русской революции, В. И. Ленин писал, что «если революция не станет массовой и не захватит самого войска, тогда не может быть и речи о серьезной борьбе»¹).

В Иркутске, городе с малочисленным рабочим классом, солдатские массы как союзник пролетариата в революции приобрели особо важное значение. Кроме того, Иркутский гарнизон²) был ведущим в Иркутском военном округе. Поэтому его большевизация имела огромное революционизирующее значение для других гарнизонов Восточной Сибири.

Однако вопрос о революционном движении в Иркутском гарнизоне в 1917 г. изучен слабо. В настоящее время нет ни одной специальной работы по данной теме. В общих работах, посвященных истории Февральской и Октябрьской революций в Сибири, и в воспоминаниях она рассматривается вскользь, по мере необходимости для лучшего раскрытия основного содержания. Слабая разработанность темы объясняется прежде всего недостатком материала. Сохранившиеся письменные источники отрывочны и носят тенденционный характер, так как вплоть до октября 1917 г. в Иркутске господствовали эсеры и меньшевики. Не случайно в сборнике документов «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии», изданном в 1957 году, имеются материалы только с октября 1917 года. Разумеется, такую структуру «Сборника» оправдывать нельзя, ибо она объективно недооценивает работу большевиков и революционное движение масс, в том числе солдат Иркутска в период подготовки социалистической революции.

¹) В. И. Ленин. Полное собрание сочинений (ПСС), т. 13, стр. 372.

²) В его состав в январе 1917 г. входили: 9-й 10-й, 11-й и 12-й Сибирские стрелковые запасные полки, Сибирский запасной артиллерийский дивизион, казачий дивизион (штаб, 1-я и 2-я сотни), четыре роты 718-й пешей Астраханской дружины, две роты 715-й пешей Забайкальской дружины, первое отделение конского запаса, караульная команда при управлении воинского начальника, конвойная и автомобильная команды, дисциплинарный батальон, военное училище, кадетский корпус, первая и вторая школы прапорщиков, военно-фельдшерская школа и другие военные учреждения. См. Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 1499, оп. 2, д. 152, лл. 2—9; Квартирное расписание частей войск, управлений, учреждений и заведений Иркутского военного округа. Иркутск, 1917.

По нашим приблизительным подсчетам, численность гарнизона в 1917 г. колебалась от 20 до 25 тыс. человек.

В настоящей статье на основе анализа, обобщений архивных материалов и изучения литературы делается попытка в какой-то мере восполнить данный пробел.

Солдатское движение в Иркутске усилилось в годы первой мировой войны. Его причиной послужили, прежде всего, суровые условия казарменной жизни. В. И. Ленин отмечал: «Казарма в России была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы; нигде так не давили и не угнетали личности как в казарме; нигде не процветали в такой степени истязания, побой, надругательства над человеком»³).

В казармах Иркутска нередко можно было наблюдать картину избивания солдат за нарушение правила отдания чести и за другие «провинности». Самодурство начальства доходило до того, что солдат заставляли слизывать с пола плевки⁴).

Особенно невыносимым было положение солдат дисциплинарного батальона, где в числе «провинившихся» было много революционно настроенных элементов. Они-то и считались наиболее опасными и худшими по поведению. Начальник названного батальона Ярцев признавал, что «худшие по поведению» содержались в одиночном карцере в течение двух-трех месяцев, получая пищу «в уменьшенном количестве, спали на голых нарах, лишались свидания с родными и назначались на самые тяжелые работы»⁵). Многие заключенные, будучи не в силах вынести эти муки, кончали жизнь самоубийством.

Во время войны ухудшились жилищные условия и питание солдат. По сведениям начальника Иркутского окружного управления по квартирному довольствию, накануне Февральской революции в Иркутске часть нижних чинов размещалась в сараях, предназначенных для военнопленных, в частновладельческих домах и в переполненных казармах с двумя ярусами нар. Далее он пишет, что «скудность людей в казармах, при ограниченном количестве воздуха на человека», пагубно отражается «на общем санитарном состоянии частей войск»⁶).

В 1916 г. была сокращена мясная порция с 3 4 до 1 2 фунта⁷). Все это усиливало недовольство солдат. Начальник штаба круга давал указания командиром Иркутской местной бригады проводить среди нижних чинов широкую разъяснительную работу для их успокоения.

На повышение революционной активности солдатских масс сильное влияние оказывало и брожение среди городского населения. В городе со дня на день ждали «беспорядков». По мнению Иркутского полицмейстера, причинами таких могли послужить: 1) «молва и толки... о бывших беспорядках в некоторых городах Европейской России и Сибири на почве дороговизны, 2) общая дороговизна, 3) перекуп пищевых продуктов за городом и на базарах, 4) грубое обращение торговцев и приказчиков с покупателями в лавках и магазинах, 5) массовое развитие тайной торговли самогонкой, маньчжурским спиртом»⁸).

В мае 1916 г. Иркутск был почти на военном положении. Местные власти приняли срочные меры: город был разбит на три района охраны и была составлена специальная «Инструкция на случай вызова войск Иркутского гарнизона для содействия гражданским властям» в борьбе с революционным движением. Начальником всей охраны был назначен командир 2-й Сибирской стрелковой запасной бригады, которому были

³) В. И. Ленин. ПСС, т. 12, стр. 112.

⁴) См. «Армия и народ», 21 апреля 1917 г. Эта газета издавалась при Совете военных депутатов Иркутского гарнизона, выходила 2 раза в неделю.

⁵) ЦГВИА, ф. 1498, оп. 1, д. 28, л. 56.

⁶) Там же, ф. 1468, оп. 4, д. 893, л. 198.

⁷) Там же, д. 830, л. 11.

⁸) Там же, ф. 1468, оп. 4, д. 898, л. 41.

предоставлены права и обязанности начальника гарнизона. Еще в 1915 г. «для содействия гражданским властям» было выделено 4.955 нижних чинов⁹⁾. Многие из них, участвуя в подавлении «беспорядков», глубже стали понимать действительные причины народного недовольства. Порой они открыто поддерживали население. В сводке агентурных сведений по Иркутскому губернскому жандармскому управлению за май 1916 г. говорится: «...Настроение солдат в г. Иркутске в настоящее время крайне противоправительственное: читают газеты, устраивают обсуждения различных известий целыми собраниями... Солдаты высказывали свое решение не стрелять в толпу, а некоторые даже выражали намерение при возникновении беспорядков застрелить ротного командира Михайловского и прапорщика Дворинкова¹⁰⁾. Подобное явление сильно беспокоило военное министерство. В начале июля 1916 г. представитель Генерального штаба по поручению военного министра писал командующему Иркутским военным округом, что привлечение нижних чинов против своих родственников вследствие территориальной системы комплектования войск представляет большую опасность, «так как всегда возможны колебания со стороны даже лучших из них при столкновении долга солдата с чувством сына, отца, брата»¹¹⁾. Особенно опасным Генеральный штаб считал привлечение к «содействию гражданским властям» запасных частей, комплектуемых из местных новобранцев. Поэтому он предлагал в указанных целях «пользоваться по преимуществу дружинами ополчения», прибывших из других губерний страны.

Однако солдатское движение еще не приняло формы организованной борьбы. Это объясняется политической отсталостью солдат, отсутствием настоящего руководства со стороны большевистской партии в казарме и другими причинами.

Партийная работа в Иркутском гарнизоне в 1916 г. велась, но очень слабо. По некоторым данным, среди солдат работала ячейка пропагандистов. Активными участниками этой ячейки были ссыльные — Евдокимов, Лебедев и Старостин¹²⁾. В девятом запасном полку перед Февральской революцией вел партийную работу большевик Посталовский И. С.

Попытку связаться с Иркутским военным округом предприняли в то время и томские большевики. Один из активных участников Октябрьской революции в Западной Сибири Клипов В. М. в воспоминаниях пишет, что в конце 1916 г. по поручению Томской партийной организации и Военно-социалистического союза он выезжал в Ачинск, Красноярск и Иркутск для связи с войсковыми партийными организациями и выступал там перед большевиками, а затем «передал прокламации Военно-социалистического союза с лозунгом «Война — войне» и «договорился о связи и переписке»¹³⁾.

Значительно усилилось революционное движение в гарнизоне в начале 1917 г. К этому времени солдаты настойчивее требуют свержения и прекращения ненавистной войны. Лучше всего это настроение выражено в одном из писем, полученных командующим Иркутским военным округом генералом Шкинским. В нем ярко говорится о горькой доле солдатских семей, об алчности правящего класса страны, о необходимости коренного переустройства государственной жизни и т. д. Для на-

⁹⁾ Там же, д. 896, л. 8.

¹⁰⁾ Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. 102, оп. 246, д. 291, ч. 27, л. 2.

¹¹⁾ ЦГВИА, ф. 1468, оп. 4, д. 898, л. 93.

¹²⁾ Партийный архив Иркутского обкома КПСС (ПАНО), ф. 300, оп. 1, д. 342, л. 8.

¹³⁾ В. М. Клипов. В составе Центросибири. Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии. Сборник воспоминаний. Иркутск, 1957, стр. 245.

глядности приведем небольшую часть оригинала: «Проклятые скорпионы человечества!... Довольно пить человеческую кровь. Нам не надо войны, мы можем жить и без нее. Земли много для всех. Долой всех императоров, королей, всех министров и вас (офицеров — В. К.)... Вы не думайте, что имеете какую-нибудь защиту в лице армии. Нет... Защищать вас ... не будут, будут убивать вас из ваших же ружей... Помните, что это... не 1904—1905 годы, а 1917 год»¹⁴⁾.

В составлении письма, видимо, активное участие приняли фронтовики. Об этом говорит, прежде всего, его содержание. И начальник Иркутского жандармского управления, тщательно расследовав «дело», пришел к выводу, что авторами всех писем, полученных командующим войсками округа, являются нижние чины, вернувшиеся с фронта.

«Пагубное» влияние фронтовиков на солдат не только Иркутского гарнизона, но и на весь военный округ, отмечал и начальник штаба генерал-майор Илляшевич. Командирам отдельных частей он писал, что возвращающиеся из армии распространяют среди нижних чинов различные «злостные сведения (как, например, о том, что... войска отказываются сражаться..., голодают и т. п. небылицы) с целью дурно повлиять на остальных, что около таких негодяев образуются кучки слушателей...»¹⁵⁾.

В январе-феврале 1917 г. значительно усилилась работа социал-демократов по распространению нелегальной революционной литературы в казармах. Имеются сведения, что Иркутская группа РСДРП распространяла прокламации и за пределами своей губернии. Например, 9 февраля 1917 г. начальник Енисейского губернского жандармского управления сообщил, что «в городе Красноярске... появилось несколько экземпляров прокламаций, изданных Иркутской группой Российской социал-демократической рабочей партии» и что «два экземпляра найдено на полу... одной роты 30-го Сибирского стрелкового запасного полка»¹⁶⁾.

В целях предотвращения распространения революционных прокламаций командир Иркутской местной бригады в конце января приказывал: «Предписываю немедленно установить тщательную проверку всей получаемой нижними чинами корреспонденции, обязательный осмотр не менее одного раза в неделю сундуков и собственных вещей и ч (нижних чинов — В. К.) в неопределенное время и надзор за увольняемыми из команды в городской отпуск..., для чего последние при увольнении должны указывать точный адрес, куда они уходят...»¹⁷⁾.

Но никакие меры пресечения не могли остановить процесс революционирования солдатских масс. Особенно сильно их энтузиазм развела Февральская революция 1917 г., весть о которой пришла в Иркутский гарнизон в начале марта. Известие о свержении самодержавия солдаты встретили с нескрываемой радостью.

В. И. Ленин писал: «Петербург, как отдельная местность не существует. Петербург — географический, политический, революционный центр всей России. За жизнью Петербурга следит вся Россия. Всякий шаг Петербурга является руководящим примером для всей России»¹⁸⁾. Иркутский гарнизон был частью русской армии и потому его жизнь тесно связана с событиями в Петербургском и других гарнизонах страны.

Необычный интерес проявляли солдаты к происшедшей перемене в России. Они обращались к общественным деятелям, к частным лицам

¹⁴⁾ Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 245, оп. 3, д. 130, л. 9.

¹⁵⁾ ЦГВИА, ф. 1503, оп. 1, д. 104, л. 7.

¹⁶⁾ ГАИО, ф. 245, оп. 3, д. 130, л. 19.

¹⁷⁾ ЦГВИА, ф. 1503, оп. 1, д. 104, л. 3.

и к другим с просьбой разъяснить им смысл происходящих событий. При этом с радостью говорили, что среди них «нет сторонников старого режима». На массовых митингах и демонстрациях, просто на улицах — везде можно было встретить в те мартовские дни толпы людей в серых шинелях.

Огромное влияние на подъем революционного энтузиазма иркутских солдат оказал и знаменитый приказ № 1, изданный по воле солдат Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов первого марта.

По требованию солдат в Иркутском гарнизоне началось очищение командного состава от реакционного офицерства и царских генералов. Так, Исполнительный комитет общественных организаций Иркутска, созданный меньшевиками и эсерами как местный орган Временного правительства, вынужден был сместить командующих Иркутским военным округом и второй Сибирской запасной бригадой генералов Шкинского и Лашкевича¹⁹⁾.

В гарнизоне отменялись титулы, слова «нижний чин» и т. п. Начальники при обращении к солдатам должны были говорить «Вы». Солдаты имели право курить на улице, в общественных местах, участвовать в различных обществах, союзах и т. д. Началось и освобождение солдат, в свое время осужденных царским судом. Например, в постановлении комитета Иркутского дисциплинарного батальона от 8 марта говорится, что «содержащиеся.. в дисциплинарном батальоне... солдаты есть элемент не преступный, что они осуждены в батальон лишь за проступки, превышающие установленные старыми законами дисциплины и взыскания». Поэтому под давлением солдат «комитет единодушно постановил: ходатайствовать об освобождении ныне же от дальнейшего содержания в дисциплинарном батальоне всех нижних чинов...»²⁰⁾.

О решительных самостоятельных действиях солдат свидетельствует и телеграмма Иркутского генерал-губернатора Пильца Временному правительству в начале марта. Он сообщал: «Положение в Иркутске ухудшается в смысле падения в войсках дисциплины»²¹⁾.

Солдатское движение носило бы более широкий размах и организованный характер, если бы оно не находилось под влиянием соглашателей. В Иркутске, как и в большинстве городов Сибири, существовала объединенная партийная организация меньшевиков и большевиков, в которой первые составляли большинство. На одном из первых партийных собраний (март 1917 г.) из 300 человек присутствовавших было только 32 большевика²²⁾. Имея численный перевес, меньшевики оказывали сильное влияние на массы. Они постепенно смогли установить свое господство и в Совете рабочих депутатов, созданном 3 марта по инициативе большевиков. В войсках же руководящая роль принадлежала эсерам, имевшим в гарнизоне много членов своей партии. Этим объясняется, в частности, и эсеровский состав Совета военных депутатов, который был создан 5 марта.

Если по вопросу войны и мира соглашателям в какой-то мере удалось обмануть солдат, говоря, что война после свержения царизма приняла оборонительный, справедливый характер, то по вопросу обеспечения семейств солдат одни бесконечные обещания выводили последних из терпения, так как жизнь становилась все тяжелее. В апреле

¹⁹⁾ В. И. Ленин. ПСС, т. 32, стр. 225.

¹⁹⁾ ПАНО, ф. 300, оп. 1, д. 362, л. 7.

²⁰⁾ ЦГВИА, ф. 1468, оп. 14, д. 312, л. 6.

²¹⁾ ГАНО, ф. 1, оп. 2, д. 1, л. 2.

²²⁾ Р. А. Знаменская. Иркутск в борьбе за власть Советов. Иркутск, 1929, стр. 8.

1917 г. в Иркутске крупчатка и другие мучные продукты вздорожали в среднем на 127,5%, мясо на 208%, сахар на 100% и т. д. В среднем цены на продукты первой необходимости повысились на 253%²³⁾.

13 апреля солдаты 11-го Сибирского стрелкового запасного полка решили устроить вооруженную демонстрацию перед Исполнительным комитетом общественных организаций в знак протеста против «невырешения... вопроса об обеспечении семейств солдат, призванных в войска и об увеличении жалования солдатам»²⁴⁾.

Но эсерам и меньшевикам удалось предотвратить выступление, обещав в самый кратчайший срок решить вопрос. Вскоре стало известно, что это обещание осталось только на бумаге. Поэтому после терпеливого ожидания через месяц и комитеты 9-го полка вынесли решение: «Немедленно требовать увеличения пайка, дабы прекратить дальнейшее полуголодное существование солдатских семейств»²⁵⁾.

Солдатские массы постепенно стали понимать, что полковые комитеты и Совет военных депутатов не выражают их интересов. В начале мая на собрании ротных комитетов гарнизона группа солдат резко критиковала работу Совета военных депутатов. Явившись на собрание, представители Совета обещали пересмотреть свою работу, а затем прощали резолюцию доверия большинством в 52 голоса, против — 26. Примиренцы обещали впредь проводить заседания Совета публично, объединенные заседания полкового и ротных комитетов и т. д. Но, боясь организованных действий солдат, меньшевики и эсеры особо включили в резолюцию: «Объединенных заседаний одних ротных комитетов гарнизона, как организации, отвлекающей большое число работников в такое серьезное время, не создавать ввиду того, что подобная организация в массе солдат может возбудить крайне нежелательное недоверие к созданной нами революционной власти»²⁶⁾.

Несмотря на все ограничительные меры, влияние солдат становилось более заметным не только в гарнизоне, но и в политической жизни города. Солдаты активно поддерживали рабочих в борьбе против буржуазии, стремившейся установить свою диктатуру. В середине июня на одном из митингов представители кадетской буржуазии до хрипоты кричали, что двоевластие создает анархию в стране и что поэтому необходимо установить единую «революционную» власть. На это солдаты дружно отвечали криками: «Довольно, слышали!» Ораторы вынуждены были удалиться. Отсутствие настоящего руководства со стороны большевиков сказалоcь и на этот раз. Митинг в дальнейшем прошел под руководством анархистов.

Бурю негодования вызвала в гарнизоне весть о гибели тысячи людей во время неудачного июньского наступления на Юго-Западном фронте. Возмущенные солдаты требовали отправки на фронт вдохновителей и организаторов наступления — буржуазию. 2 июля состоялся митинг протеста 9-го запасного полка, на котором было решено 4 июля провести вооруженный митинг.

Встревоженные местные власти поспешили принять неотложные меры. В городе были произведены аресты среди солдат, усилены уличные патрули и «запрещены были всякие собрания»²⁷⁾. Эти репрессивные шаги были поддержаны Временным правительством. 8 июля Керенский телеграфировал в Иркутск, командирующему войсками округа: «...при-

²³⁾ «Власть труда», Иркутск, 18 октября 1927 г.

²⁴⁾ «Армия и народ», 15 апреля 1917 г.

²⁵⁾ «Армия и народ», 11 мая 1917 г.

²⁶⁾ «Голос социал-демократа», Иркутск, 7 мая 1917 г.

²⁷⁾ ПАНО, ф. 300, оп. 1, д. 506, л. 32.

казываю арестовать всех лиц, ведущих агитацию... с призывом к... свержению Временного правительства, дезорганизации армии..., а также лиц, агитирующих против наступления, призывающих к неповиновению приказам начальства. Всех арестованных немедленно предать суду»²⁸).

В. И. Ленин отмечал, что «...с наступлением неизбежно было связано, с одной стороны, гигантское усиление шовинизма и переход военной (а следовательно, и государственной) власти к военной шайке бонапартистов, а с другой стороны, переход к насилью над массами, к преследованию интернационалистов, к отмене свободы агитации, к арестам и расстрелам тех, кто против войны»²⁹).

Июньская трагедия на фронте, установление в стране Временным правительством открытого режима террора в связи с июльскими событиями в Петрограде, контрреволюционный заговор генерала Корнилова при прямом попустительстве соглашателей — все это породило невиданное озлобление солдат, способствовало падению авторитета эсеров и меньшевиков и росту влияния большевиков среди масс.

Особенно наглядно это выразилось в сентябрьском вооруженном выступлении запасных полков Иркутского гарнизона. Оно явилось важной вехой на пути большевизации иркутских солдат и заслуживает более серьезного изучения, чем освещено в исторической литературе. Прежде всего нужно выяснить настоящую причину выступления. Неверными являются утверждения в официальных документах и эсеро-меньшевистских газетах 1917 г. о том, что оно было вызвано исключительно подстрекательством анархистов. «Корень движения лежит в агитации анархистов...», — сообщается в «Бюллетене Исполнительной Военной Комиссии Совета Военных Депутатов (Иркутск)» от 25 сентября 1917 г. Анархисты левыми революционными фразами лишь подливали масла в огонь, т. е. сильнее разжигали страсть возмущенных солдат и тем самым ускорили ход событий.

Главная же причина крылась глубже. К сентябрю резко ухудшилось положение страны. В. И. Ленин в этот период писал: «Хлеба нет. Голод опять надвигается. Все видят, что капиталисты и богатые бессовестно обманывают казну на военных поставках (война стоит теперь народу 50 миллионов рублей ежедневно), наживают неслыханные прибыли на высоких ценах, а для серьезного учета производства продуктов и распределения их рабочими ровно ничего не сделано»³⁰).

В Иркутске особенно разительна была жизнь бедноты и богачей. При виде богатых, утопающих в роскоши, солдат-крестьянин невольно думал о своей разваливающейся избе, голодных детях, жене и родителях в деревне. Эсеры только говорили, что крестьяне должны бороться за землю и волю. А как только последние делали попытку осуществить эсеровский лозунг «Земля и воля» на практике, то Временное правительство, которое возглавлялось эсером Керенским, чинило всяческие препятствия.

Солдаты смертельно ненавидели войну, но Временное правительство с большей решительностью продолжало ее.

Таковы главные причины сентябрьского вооруженного выступления. Они подтверждаются документальными материалами. В одной из резолюций 12-го запасного полка, принятой на общем собрании полкового, ротных и командных комитетов, говорится: «Объединенное собрание не

²⁸) ЦГВИА, ф. 1555, оп. 1, д. 8, л. 18.

²⁹) В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 67.

³⁰) В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 56.

закрывает глаза... на действительные причины происшедших волнений, кроющихся в общей экономической и политической жизни страны»³¹).

О настроении солдат, которые готовы идти на все ради того, чтобы «только кончить войну»³²) говорил на заседании Совета военных депутатов в конце сентября и Краковецкий, являвшийся к тому времени командующим Иркутским военным округом.

На предварительных следствиях после подавления «беспорядков» многие солдаты заявляли, что их «никто не заставлял брать винтовку»³³), а переполненная чаша терпения толкнула их на этот путь.

Поводом для выступления послужил арест 20 сентября руководителей организации анархистов Беспартийного союза взаимопомощи солдат Исполнительной военной комиссией. Еще 16 сентября были назначены митинги в полках, но они были запрещены Советом военных депутатов. После этого 17 сентября был созван митинг запасных полков на Тихвинской площади (теперь площадь им. Кирова), на котором было провозглашено образование упомянутого Союза. 21 сентября в знак протеста против ареста солдатской делегации полки не вышли на занятия. А в 12 полку состоялся митинг, на котором требовали освобождения арестованных. В противном случае солдаты заявляли, что они не будут выходить на занятия и откажутся ехать на фронт. Прибывший сюда для успокоения полка Краковецкий не удовлетворил предъявленные требования. Тогда он был арестован и посажен в полковую гауптвахту в качестве заложника. Узнав об этом чрезвычайном происшествии, президиум Исполнительной комиссии Совета военных депутатов отдал распоряжение двинуть в район расположения 12-го полка юнкеров 1-й школы прапорщиков и артиллерию. Этими силами командующий войсками был освобожден. Затем началась ружейная перестрелка между сторонами. Исход боя решила артиллерия. 12-й полк сдался, чувствуя бессилие перед вооруженными до зубов юнкерами.

С оружием выступили и солдаты 11-го полка в поддержку своих товарищей. Против них были направлены две роты 10-го полка, юнкера и артиллерия. Перестрелка продолжалась несколько часов. Восставшие сложили оружие, когда батареи начали обстрел казармы. При усмирении этого полка командование особое внимание обращало на то, чтобы не дать возможность восставшим объединиться с рабочими города. Об этом говорил командир 11-го полка капитан Мартын, руководивший действиями карателей. «Мною сделано было распоряжение по прибытии на место... не дать возможности беспорядкам распространяться в черту города и не допустить силам 11-го полка соединиться с таковыми из 12-го полка для совместных выступлений»³⁴), — докладывал он комиссии по предварительному следствию.

Заволновались и солдаты 9 и 10 полков, расположенных на противоположной стороне Ангары. Опасаясь соединения этих частей с 11 и 12 полками, власти развели понтонный мост и прекратили пароходное сообщение. А на обеих сторонах моста были поставлены пулеметы. В основном подавление выступления продолжалось до раннего утра 22 сентября. В 9 часов утра сдался и 9-й полк. Но его окончательное разоружение, видимо, продолжалось дольше. Лишь 23 сентября краевой комиссар Кругликов телеграфировал в Петроград министру-председате-

³¹) Бюллетень Исполнительной Военной Комиссии Совета Военных Депутатов (г. Иркутск), № 2, 25 сентября 1917 г.

³²) ЦГВИА, ф. 1478, оп. 1, д. 96, л. 95.

³³) ЦГВИА, ф. 1478, оп. 1, д. 96, л. 12. Протоколы предварительного следствия по расследованию беспорядков 21 и 22 сентября в 11 и 12 запасных полках.

³⁴) ЦГВИА, ф. 1478, оп. 1, д. 96, л. 63. Протоколы предварительного следствия.

лю и в министерство внутренних дел, что «разоружение 9-го полка окончилось... возмущившиеся солдаты сдались...»³⁵).

Начались массовые аресты в гарнизоне. 25 сентября прокурор Иркутской судебной палаты сообщал министру юстиции: «...Арестовано, содержатся в тюрьме свыше 300 солдат, свыше десяти анархистов, аресты последних продолжаются»³⁶).

В чем причины столь быстрого поражения выступлений? Прежде всего они объясняются отсутствием организованности у солдат. Движение носило стихийный характер: им по-настоящему никто не руководил, выступление произошло без соответствующей подготовки. Поэтому полки выступили в разное время друг от друга, а также не имели связи с рабочими города.

Большевики имели слишком слабое влияние в гарнизоне, чтобы возглавить движение. Анархисты не были в состоянии не только руководить подготовкой, но и действовать практически, когда возмущение масс вылилось наружу.

Из-за отсутствия партийного руководства солдаты не смогли привлечь на свою сторону офицеров, хотя некоторые из них колебались или находились в состоянии смятения. Отдельные части гарнизона, сочувствуя восставшим, стремились оказать им посильную помощь. Так, солдаты артиллерийского склада отказались выдать трехлинейные патроны третьей школе прапорщиков.

Жестокая расправа над солдатами окончательно разоблачила эсеров и меньшевиков, как явных союзников контрреволюционной буржуазии. Озлоблению солдат не было конца. Несмотря на разоружение, они еще дружнее выступали против соглашателей. В казармах и на улицах стихийно стали возникать митинги и собрания, на которых поддерживались лозунги большевиков. «Лишенные возможности получить ясные руководящие указания, инстинктивно чувствующие фальшь и неудовлетворенность позиции официальных вождей демократии, массы принуждены ощупью сами искать пути...

В результате, под знамя большевизма идет всякий недовольный, сознательный революционер, возмущенный борец, тоскующий по своей хате и не видящий конца войны...»³⁷), — писал В. И. Ленин в 1917 г. в статье «Большевизм и «разложение» армий».

Правильный вывод сделали и иркутские большевики после неудачного выступления солдат. Они решили усилить работу в казарме. В конце сентября произошел раскол в Иркутской объединенной партийной организации. К этому времени ЦК РСДРП(б) направил в Иркутск своего агента Б. З. Шумяцкого для организации партийной работы. Иркутский комитет большевиков приступил к созданию партийной организации среди солдат — «Военки». В условиях господства эсеров и меньшевиков эта работа проводилась в строгой конспирации. Ее возглавляли Б. З. Шумяцкий, Новосадский и другие. В своей деятельности они опирались прежде всего на большевиков-солдат, членов Совета военных депутатов: Брюханова, Куренова, Паршенкова, Певзнера и Рейхарта. Через них нелегально были созданы солдатские массовки, на которых избирались делегаты военной организации большевиков.

10 октября в помещении столярной мастерской состоялось первое организационное собрание Иркутской «Военки». Докладчиком был

³⁵) ГАИО, ф. 1, оп. 2, д. 23, л. 2. Переписка с Министерством Внутренних Дел о волнениях среди солдат Иркутского гарнизона.

³⁶) ГАИО, ф. 245, оп. 4, д. 14, л. 19.

³⁷) В. И. Ленин. ПСС, т. 32, стр. 255—256.

член Бюро военных организаций при ЦК РСДРП(б) Б. Шумяцкий. В своем выступлении, передавая важнейшие решения Апрельской конференции и VI съезда партии, он разъяснил собравшимся, что социалистическая революция неизбежна и что для ее успешного свершения нужно подготовить вооруженное восстание, решительно разрывая отношения с соглашателями.

Затем был решен организационный вопрос. В роте или команде солдаты-большевики или им сочувствующие должны были избрать одного представителя от каждых 20 человек на собрание «Военки». Такой порядок выборов давал возможность каждому отделению и взводу послать не менее одного представителя на делегатское собрание. Для руководства текущими делами собрание выбрало Бюро «Военки» из пяти человек.

Все члены организации должны были беспрекословно выполнять решения делегатского собрания и Бюро и активно бороться за переход власти в руки Советов. Члены «Военки» обязаны были вести агитационную работу в своих частях с целью привлечения новых членов в «Военку». Для их приема требовались рекомендации членов «Военки» от данной воинской части с последующим утверждением Бюро. В состав делегатского собрания «Военки» вошли представители 11-го и 12-го запасных полков, 718-й дружины и 1-й, 2-й и 3-й батарей Сибирского запасного артиллерийского дивизиона³⁸⁾.

«Военка» решила начать работу с разрешения вопросов о войне и мире, об изменении состава Совета военных депутатов, об освобождении руководителей сентябрьского выступления, о возвращении оружия солдатам, о демократизации гарнизона и других.

Для решения этих задач 12 октября на Тихвинской площади был создан многолюдный солдатский митинг. На этом первом открытом митинге выступили представители «Военки» Новосадский и Рейхарт, от красноярских большевиков — В. Яковлев и другие.

В резолюции, принятой по предложению большевиков, отмечается, что война ведется «во имя интересов международного и русского капитала» и ложится «бременем исключительно на плечи трудящихся». Большинство митинга категорически требовало прекращения войны, немедленного возвращения солдатам гарнизонов оружия, отнятого... при провокационном разоружении после событий 20 и 21 сентября и... освобождения арестованных солдат 11-го и 12-го полков»³⁹⁾.

Что касается Совета военных депутатов, к этому времени стало ясно, что он окончательно превратился в открытое орудие соглашателей для борьбы с солдатским движением. Поэтому солдаты обещали «приложить все усилия к тому, чтобы... в Иркутске, как в политическом центре Сибири, скорее был ликвидирован предательский военный Совет, руководимый эсеровскими офицерами, учинивший в сентябре кровавую расправу над солдатами... и создан единый с рабочими Совет рабочих и солдатских депутатов...»⁴⁰⁾.

14 октября в Глазково было создано «первое общегородское открытое собрание иркутской организации большевиков», на которое явилось около тысячи рабочих и солдат, активных членов «Военки». Здесь была принята тактическая линия большевиков — немедленно подготовить «рабочих и солдат Иркутска и прилегающих к нему рабочих районов:

³⁸⁾ Б. Шумяцкий. Сибирь на путях к Октябрю. Госиздат, 1927, стр. 42.

³⁹⁾ Борьба за власть Советов в Иркутской губернии. Сборник документов, Иркутск, 1957, стр. 55—56.

⁴⁰⁾ Борьба за власть Советов в Иркутской губернии, стр. 56.

Черемхово, Слюдянки, Лиственничного и пр. к переходу власти в руки Советов...»⁴¹).

Большевистское решение принимает и Чрезвычайное объединенное собрание полкового, ротных и командных комитетов 12-го запасного полка 26 октября: 1) «Принимая во внимание, что ни одно требование народа: передача земли крестьянам, осуществление рабочей программы и борьба за мир не осуществляются в жизни; 2) что политика соглашательства правых социалистов-революционеров и с-д меньшевиков с российской буржуазией привела к увеличению политической мощи буржуазии и ослаблению натиска революционного народа, объединенное собрание полагает, что единственным выходом из создавшегося положения является полный разлад с буржуазией и передача всей власти в центре и на местах в руки Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов»⁴²).

На этом же собрании было решено отозвать представителя 12-го запасного полка штабс-капитана Орлова, как не оправдавшего доверия солдат, из Исполнительной военной комиссии. Зато солдаты-большевики Куренов и Паршенков были оставлены в Исполнительной комиссии в качестве представителей полка.

Огромное значение в революционизировании солдат имел Первый общесибирский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, проходивший в Иркутске 16—23 октября 1917 г. Сюда прибыли делегаты со всех концов Сибири. Красноярская делегация в составе В. Яковлева, Б. Шумяцкого, А. Окулова и других служила ядром большевистской фракции на съезде. На его заседаниях присутствовали многочисленные гости: рабочие, солдаты, служащие и другие. Сильное впечатление на них производили выступления большевиков. По вопросу о разоружении солдат Иркутского гарнизона во время сентябрьского выступления разгорелся острый спор между большевистской частью съезда и соглашателями. Большевики осуждали действия Иркутского Совета военных депутатов, допустившего грубое насилие над солдатами в сентябре. Эсеры же всячески пытались оправдать свои поступки. Такое их поведение лишь усиливало возмущение солдат. Зато выступления большевиков они встречали бурными аплодисментами. Возвратившись в казармы, солдаты с восторгом рассказывали товарищам о работе съезда. Это способствовало росту революционного энтузиазма всего гарнизона. Так, заслушав доклад своих делегатов, батарейный комитет Сибирского ардивизиона принял решение, в котором требовал перехода всей власти в руки органов трудового народа — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, немедленного прекращения империалистической войны и заключения мира без аннексий и контрибуций, отмены смертной казни, введения высокого подоходно-прогрессивного налога, рабочего контроля над производством⁴³).

Решающее значение в установлении Советской власти на местах, в том числе и в Иркутске, имела победоносная социалистическая революция в Петрограде 25 октября 1917 г.

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов принял декрет о мире, декрет о земле и провозгласил установление Советской власти по всей стране. Эти исторические решения еще сильнее вдохновляли солдат Иркутского гарнизона в борьбе за победу социалистической революции. 29 октября под руководством большевиков состоялось собрание представителей гарнизона, на котором большин-

⁴¹) Б. Шумяцкий. Указ. соч., стр. 44.

⁴²) ЦГВИА, ф. 1468, оп. 2, д. 1, л. 154.

⁴³) Борьба за власть Советов в Иркутской губернии, стр. 80—81.

ством была принята резолюция «за переход власти в руки Советов»⁴⁴). Против нее голосовали лишь представители казачьего дивизиона, школ прапорщиков, военного училища и военных чиновников, составляющие явное меньшинство.

К концу октября на сторону большевистской партии перешли все запасные полки, 817-я дружина и другие части⁴⁵).

Под давлением большинства солдат Исполнительная военная комиссия Совета военных депутатов вынуждена была принять решение: 1) «сложить свои полномочия, 2) предложить всем частям гарнизона избрать новых представителей в Совет военных депутатов, 3) избрать новую Исполнительную комиссию»⁴⁶).

Первого ноября состоялись перевыборы в Совет военных депутатов, в результате которых к большевикам перешло руководство. В это время в пользу большевиков произошло изменение и в Совете рабочих депутатов. 19 ноября оба Совета объединились в единый Совет рабочих и солдатских депутатов. Это объединение быстрее сплачивало рабочих и солдат. А последние в свою очередь способствовали установлению более тесной связи с деревней. В. И. Ленин указывал, что солдаты должны помочь «объединению и вооружению всех рабочих и всех крестьян»⁴⁷). Он призывал партийных работников «из отпускаемых (солдат — В. К.) в деревню на побывку составить отряды агитаторов для систематического объезда всех губерний и агитации в деревнях как вообще, так и для Учредительного собрания»⁴⁸).

Руководствуясь ленинскими указаниями, иркутские большевики направляли в единое русло эти три революционных потока. В своем воззвании военная секция Иркутского комитета РСДРП(б) призывала солдат «сохранить... революционную дисциплину», не допускать «отдельных самочинных выступлений», не поддаваться «чувству озлобления», «провокации врагов народной свободы», а соблюдать согласованность в действиях. «Чем... организованнее Ваши ряды, тем решительнее будет помощь вашим борющимся братьям (рабочим и крестьянам — В. К.) при их зове»⁴⁹), — говорится далее в обращении.

В день объединения Советов военных и рабочих депутатов в Иркутске был создан Военно-революционный комитет как высший орган единого Совета и правомочный агент Совета Народных Комиссаров. В состав ВРК вошли три большевика (Янсон, Мельникова и Постышев), два левых эсера (прапорщик Тананайко и солдат Базаркин). 21 ноября Военно-революционный комитет в приказе по войскам Иркутского гарнизона объявил, что власть в городе перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов в лице его Исполнительного органа — Военно-революционного комитета и призывал всех начальников частей и солдат гарнизона исполнять только его распоряжения⁵⁰).

Враги пролетарской революции — меньшевики и эсеры — стремились разъединить ее движущие силы. Поэтому они отчаянно сопротивлялись объединению Советов рабочих и военных депутатов. Пользуясь антидемократической системой выборов депутатов, установленной еще в марте, соглашатели продолжали посылать в объединенный Совет подтасованных представителей из различных учреждений, предприятий и ведомств. Путем махинации они даже сколотили в конце ноября

⁴⁴) Б. Шумяцкий. Указ. соч., стр. 62.

⁴⁵) Там же.

⁴⁶) ЦГВИА, ф. 1468, оп. 2, д. 1, л. 59.

⁴⁷) В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 267.

⁴⁸) В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 266.

⁴⁹) ПАНУ, ф. 300, оп. 1, д. 370, л. 10.

⁵⁰) Борьба за власть Советов в Иркутской губернии, стр. 113.

большинство внутри Советов. Естественно, большевики не могли мириться с таким положением и 25 ноября покинули зал заседания.

Теперь на очереди дня стояла задача создания нового Совета, который действительно бы выражал интересы широких масс. По этому поводу объединенный комитет Совета рабочих и военных депутатов разьяснял: «Иркутский Совет Военных и Рабочих Депутатов распущен, ...потому что в построении Советов имеются такие недостатки, которые дали возможность группам, идущим против Советов, натаскивая своих сторонников в члены Советов, превращать последние в Совет не рабочих и солдат, а... чиновников, администраторов, лиц командного состава и прочих элементов, мало общего имеющих с рабочими и солдатами»⁵¹).

Создание нового Совета было провозглашено на учредительном собрании солдат и рабочих Иркутска 27—28 ноября. Было выработано и новое положение об организации Совета. К этому времени гарнизон в целом перешел на сторону Советской власти. Общее собрание представителей всех частей гарнизона, состоявшееся 28 ноября, по докладу председателя Военно-революционного комитета Я. Д. Янсона постановило: «Во всех шагах, направленных к укреплению Советской власти в центре и на местах, советский революционный гарнизон г. Иркутска предоставляет всю свою организованную силу в распоряжение Военно-революционного комитета для немедленного проведения в жизнь декретов 2-го Всероссийского съезда и Рабоче-Крестьянского Правительства»⁵²).

Большевизация солдат Иркутского гарнизона была закономерным явлением. Она была обусловлена как объективными, так и субъективными условиями.

Переход солдат на сторону большевистской партии имел важное значение для победы социалистической революции не только в Иркутске, но и за его пределами. По воспоминаниям представителя ЦК РСДРП(б) в Сибири Б. З. Шумяцкого, В. И. Ленин еще в апреле 1917 г. говорил делегатам сибирских большевиков, приехавшим на VII (Апрельскую) Всероссийскую конференцию, что из Иркутска эсеры и меньшевики будут оказывать «бешеное сопротивление» и пытаться воздействовать на крестьянство всей, и особенно Западной Сибири, чтобы лишить пролетариат Питера и Москвы и революционные части тыла и фронта сибирского хлеба, мяса и других видов продовольствия»⁵³).

Большевики Сибири, глубоко восприняв предостережение вождя революции, прилагали все усилия для ликвидации опасного очага контрреволюции на востоке страны. В этой трудной борьбе одной из основных задач партии явилось завоевание солдат на свою сторону.

⁵¹) ГАНО, ф. 657, оп. 2, д. 2, л. 3.

⁵²) Борьба за власть Советов в Иркутской губернии, стр. 121.

⁵³) См. Б. Шумяцкий. Указ. соч., стр. 34.

КРЕСТЬЯНСКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРИ ПОСЛЕ СВЕРЖЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ (МАРТ — АПРЕЛЬ 1917 г.)

В. А. СОЛОВЬЕВА

По изучению и освещению истории сибирского крестьянства 1917 года советскими исследователями особенно за последние 10—15 лет проделана значительная работа.

В определенной степени исследован и освещен (в ряде работ А. А. Храмкова, Л. М. Горюшкина и других историков) вопрос о социально-экономических предпосылках крестьянского движения в Сибири в начале XX века, участие крестьянства в буржуазно-демократической революции, об объективных предпосылках социалистической революции в сибирской деревне.

Нашло отражение в исторической литературе и революционное крестьянское движение в Сибири 1917 года. О нем говорится в многочисленных статьях и брошюрах, а также монографиях (В. П. Сафронова, М. М. Шорникова), посвященных истории Октябрьской революции и установления Советской власти как в Сибири в целом, так и в отдельных ее районах.

Несколько изданных статей, брошюр, кратких хроник революционных событий посвящено специально истории сибирского крестьянства в 1917—1918 годы. Это работы Н. Кордонской, М. С. Алферова, П. И. Рошевского, Ф. С. Пестрикова, М. Б. Шейнфельда, Н. Р. Мангутова, Г. А. Кордонского и др.). В них освещено нарастание, характер и формы крестьянского движения в Сибири и ее отдельных районах в период подготовки Октябрьской революции, борьба партии большевиков за крестьянство, история организации и деятельности крестьянских Советов и других крестьянских организаций в 1917—1918 годах.

Почти во всех работах и по истории Октября в Сибири вообще, и по истории сибирского крестьянства 1917 года¹⁾ говорится о крестьянском движении в Сибири и в марте-апреле 1917 года. Но сведения эти, к сожалению, очень отрывочны и не дают сколько-нибудь полного представления о силе и размахе развернувшейся сразу после свержения самодержавия борьбы крестьян Сибири за землю.

В последнее время появились работы, посвященные революционному движению и настроениям крестьянства Сибири именно на этом начальном этапе революции — в марте—апреле 1917 года. Л. И. Бо-

¹⁾ Большинство из этих работ нами было использовано при написании данной статьи и далее указывается в сносках.

женко в статье «Крестьянское движение в Западной Сибири (март-апрель 1917 года)»²⁾ говорит об аграрном движении, его характере и формах, но главное внимание уделяет крестьянским организациям (земельным комитетам, крестьянским союзам — проблеме тоже очень важной и неизученной) и другим вопросам.

Большой научный интерес представляет статья И. М. Разгона «Политические настроения сибирского крестьянства (в марте—апреле 1917 г.)»³⁾. И. М. Разгон проанализировал интересные документальные материалы — данные анкет крестьянских делегатов в Томское губернское народное собрание, что позволило сделать выводы об отношении крестьян Сибири после свержения самодержавия ко всем главным вопросам политической жизни, в том числе и к аграрной политике Временного правительства, что имеет важное значение для понимания хода Февральской революции в сибирской деревне, крестьянского революционного движения в первые месяцы после свержения самодержавия.

В данной статье дается попытка на основании имеющейся исторической литературы, периодической печати Сибири 1917 г., опубликованных документов и некоторых архивных материалов ряда сибирских архивов показать общую картину крестьянского революционного движения за землю по Сибири в целом, его размах, характер и формы в первые месяцы после падения самодержавия.

Победа Февральской буржуазно-демократической революции в Петрограде нашла живой отклик во всей стране. Могучий политический подъем самых широких масс солдат и крестьянства вызвала она и в Сибири.

В городах и промышленных пунктах Сибири с получением первых известий о свержении монархии прокатилась волна митингов, всюду развертывалась борьба с самодержавными порядками.

Буржуазия, используя свои организации, при поддержке и участии меньшевиков и эсеров оформила местные органы буржуазной власти в лице городских, уездных, губернских, краевых, областных «комитетов общественного спокойствия» или «комитетов общественного порядка и безопасности». В силу специфики экономического развития Сибири, преобладания мелкобуржуазного состава населения комитеты общественной безопасности в Сибири возникли сразу как коалиционные. Наряду с представителями буржуазии в них вошли и представители мелкобуржуазных партий.

Широкие массы рабочих, солдат и крестьян Сибири, в большинстве своем в дни Февральской революции, захлестнутые мелкобуржуазной волной, охваченные революционным оборончеством, оказали комитетам безопасности, как и Временному правительству, доверие и послали в эти органы своих представителей. Под влиянием того же революционного оборончества почти повсеместно ошибочно приняли участие в создании и работе комитетов общественной безопасности и большевики Сибири.

С первых дней своего оформления комитеты общественной безопасности, в которых преобладали соглашатели и буржуазия, чиновничество и интеллигенция, выступали проводниками политики буржуазного Временного правительства на местах.

Однако взять власть полностью в свои руки сибирской буржуазии не удалось. Рядом с буржуазными комитетами общественной безопас-

²⁾ Л. И. Боженко. Крестьянское движение в Западной Сибири (март — апрель 1917 г.). «Вопросы истории Сибири». Вып. 2, Томск, 1965.

³⁾ И. М. Разгон. Политические настроения сибирского крестьянства (в марте — апреле 1917 г.). «Октябрь и гражданская война в СССР», АН СССР, М., 1966.

ности, как результат широкой творческой инициативы масс и деятельности большевиков, в Сибири возникли органы революционной диктатуры пролетариата и крестьянства в лице Советов рабочих и солдатских, а в ряде случаев и Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В Сибири, как и по всей стране, сложилось двоевластие.

В большинстве Советов Сибири преобладание получили меньшевики и эсеры, которые, объявляя революцию законченной, изо всех сил стремились подчинить Советы буржуазным органам власти. Лишь Красноярский Совет рабочих и солдатских депутатов с самого начала был большевистским, решающим влияние большевиков было в ряде других Советов Енисейской губернии, Хилокском Совете в Забайкалье, да в Томском Совете солдатских депутатов влияние большевиков было значительным.

Советы Сибири оказали доверие Временному правительству, признали комитеты общественной безопасности и заняли линию «давления и контроля» по отношению к буржуазным органам власти. На политической линии тех Советов, где пользовались сильным влиянием большевики, в этом случае сказалось наличие объединенческих тенденций у значительной части большевиков Сибири после свержения самодержавия.

В первые дни Февральской буржуазно-демократической революции оформились в Сибири легальные партийные социал-демократические организации, но оформились они как объединенные, куда вошли и меньшевики, и большевики. Причем, во многих объединенных социал-демократических организациях Сибири первое время меньшевики численно преобладали.

В условиях двоевластия в марте—апреле 1917 г. рабочие и солдаты Сибири через Советы, профсоюзы, солдатские комитеты под руководством большевиков развернули решительную революционную борьбу за демократизацию общественной жизни, улучшение экономических условий, повышение заработной платы, 8-часовой рабочий день.

Широкое революционное движение в марте—апреле 1917 г. захватило и крестьянские массы Сибири.

В начале марта, в первые же дни получения в Сибири известия о свершении Февральской революции в столице, проходили митинги и шествия с красными флагами и в селах, расположенных близко к крупным городам или промышленным районам Сибири, в частности, в районе Черемховских копей Иркутской губернии, в селах Кузбасса и других местах. По всей же Сибири деревня получила известия о революции несколько позже.

Сибирские крестьяне, тяжело притесняемые при царизме, с восторгом встречали весть о падении самодержавия. 19 марта граждане Больше-Разводинского общества, Смоленской волости, Иркутской губернии, выслушав сообщение о свержении царизма, в единогласно принятом постановлении записали: «...выразить глубокую радость о свержении старого правительства». «С радостью узнали о свержении старого ненавистного нам правительства и режима», — сообщили и крестьяне с. Анисимова, Барнаульского уезда, Томской губернии. Со свержением царя крестьяне Сибири, как и всей России, связывали надежды на скорое окончание войны и улучшение своего положения.

Повсюду созывались сельские и волостные сходы. В приговорах и многочисленных телеграммах, которые посылались от имени сходов в адрес Государственной думы, Временного правительства и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, крестьяне заявляли, что господство самодержавия было истинным проклятием для народа, срав-

нивали царское правительство с монгольским игом и просили не допускать возврата к старому ненавистному строю.

Городские, губернские и областные комитеты общественного спокойствия, а нередко и Советы рабочих и солдатских депутатов рассылали представителей в деревни для организации новой власти на местах.

Под влиянием налаживающихся связей Советов рабочих и солдатских депутатов с деревней, под влиянием и при участии ссыльных большевиков, рабочих близлежащих промышленных районов, а также солдат в некоторых деревнях Сибири возникли в те дни Советы крестьянских депутатов. Так, они оформились в некоторых деревнях Кузбасса, а также в ряде сел Томской губернии: Болотное, Ишим, Вороновское и др.; в Прибайкалье, в Кударинской и Кударо-Бурятской волостей Селенгинского уезда; в селе Ичера Иркутской губернии и др. местах. В марте—апреле 1917 г. в ряде мест создаются уездные (Канск), областные (Благовещенск) Советы крестьянских депутатов. Был организован даже западно-сибирский Совет крестьянских депутатов.

Однако случаи организации крестьянских Советов были в Сибири в то время единичны. Организация крестьян Сибири в Советы депутатов, как и по всей России, стала широко разворачиваться лишь с лета 1917 г. Эсеры, используя кооперацию и другие кулацкие организации в деревне, а также свое преобладание в большинстве комитетов общественного спокойствия и в большинстве Советов рабочих и солдатских депутатов в Сибири, в дни Февральской революции из всех сил помогали буржуазии. Они развили широкую пропагандистскую и организационную работу вокруг создания в деревне комитетов порядка и безопасности, вокруг созывов различных крестьянских съездов и особенно торопились с созданием эсеровских крестьянских союзов, которые они хотели противопоставить Советам.

Организация комитетов порядка с начала революции широко охватила сибирскую деревню. Уже 8 марта в известиях Иркутского комитета общественных организаций сообщалось, что вокруг Иркутска «сеть комитетов покрыла все деревни и села»⁴⁾. На 9 марта организовались коалиционные комитеты во многих местностях Акмолинской области⁵⁾.

Иркутский, Омский и другие комитеты общественной безопасности разработали специальные инструкции по дальнейшей организации комитетов в селах и деревнях губернии.

Комитеты общественного порядка и спокойствия и в деревне Сибири создавались как органы буржуазной власти. В сельские, волостные и уездные комитеты попадали в большинстве кулаки.

Организация новой власти проходила в сибирской деревне в условиях решительной борьбы со ставленниками царского режима, борьбы за демократизацию. Мартовские сельские сходы, например, в Средне-ангарье, обсуждали вопрос о форме правления как вопрос о замене всех старых властей и введении сельских и волостных народных комитетов, комиссаров и выборной народной милиции⁶⁾. Натерпевшись от притеснений местных служителей царя, от произвола бюрократического чиновничества, крестьяне, прежде всего, смещали и арестовывали крестьянских начальников, приставов, обезоруживали стражников во главе с урядниками, отстраняли от должности волостных и сельских старост, лесничих,

⁴⁾ «Известия исполнительного комитета общественных организаций города Иркутска», 8 марта 1918 г.

⁵⁾ Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 661, оп. 1, д. 11, л. 6.

⁶⁾ «Известия исполнительного комитета общественных организаций города Иркутска», 18 марта 1917 г.

писарей и даже попов. Часто представители царских властей, не дожидаясь арестов, сами бежали от народного гнева.

Особенно решительно выступало сибирское крестьянство за изгнание крестьянских начальников, пользовавшихся при царизме неограниченной властью в своих участках. Во многих деревнях Иркутской губернии и сходках крестьяне принимали решения о снятии с них опеки крестьянских начальников. В наказах делегатам на открывшийся в Омске 25 марта западно-сибирский съезд крестьянских депутатов одним из первоочередных требований было требование ликвидации этого реакционно-помещичьего института царизма⁷⁾.

Решительный протест трудового крестьянства Сибири вызывали стремления буржуазии, эсеров и меньшевиков сохранить старый царский аппарат управления, и, в первую очередь, институт крестьянских начальников. Нижнеудинский уездный съезд крестьян 6 апреля высказал порицание Иркутскому губернскому комиссару Временного правительства Лаврову за «поддержку им крестьянских начальников... и постановил просить Иркутский комитет избрать на его место более подходящего человека⁸⁾). В некоторых уездах Дальнего Востока крестьяне опротестовали распоряжения Временного правительства о восстановлении разогнанного народом института крестьянских начальников. Решительно не позволили возвратить этих служителей старого строя Советы Енисейской губернии.

Получив впервые возможность свободно собираться для обсуждения своих набольшевских вопросов, крестьянство повсеместно активно участвовало в созыве и работе крестьянских съездов. Но в первое время после свержения самодержавия крестьянские съезды проходили под влиянием эсеров.

В условиях крестьянской Сибири, где пролетарское влияние на крестьян было сравнительно слабым, особенно велико было значение большевистской работы среди крестьян.

В Сибири как в городе, так и в деревне, во время Февральской буржуазно-демократической революции находились опытные партийные работники-большевики из бывших политссыльных. Но широкой большевистской работы среди крестьян, являвшейся слабым местом сибирских парторганизаций и между двумя революциями⁹⁾, после свержения самодержавия, поставлено не было.

Ввиду распыленности по мелким предприятиям малочисленных рабочих Сибири большевики в те дни бросали свои силы на сплочение и организацию городского пролетариата, на политическую работу среди солдат сибирских гарнизонов. Однако главным тормозом большевистской работы в сибирской деревне после свержения царизма было ошибочное вхождение большевиков в объединение организации с меньшевиками, отрицавшими, как известно, вообще революционную роль крестьянства. В объединенных социал-демократических организациях из-за разногласий большевиков с меньшевиками и в то же время примиренческого отношения к меньшевикам со стороны значительной части местных большевиков аграрный вопрос долго находился в положении обсуждения без принятия решений; или же решения принимались не чисто большевистские, включавшие и меньшевистско-эсеровские положения, ввиду чего большевистская аграрная программа нередко доходила до крестьян в искаженном виде. Так, не было принято резолюции по

⁷⁾ «Омский вестник», № 71, март 1917 г.

⁸⁾ Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 657, оп. 2, д. 17, л. 4.

⁹⁾ А. А. Храмов. Крестьянство Западной Сибири накануне февраля 1917 года. (По материалам Томской губернии). Кандидатская диссертация. Томск, 1955, стр. 164.

аграрному вопросу после его обсуждения 25 марта на совещании представителей социал-демократических групп районов Западной Сибири, состоявшемся в г. Новоиколаевске. Вопрос был перенесен на 15 апреля на следующее совещание в г. Томске¹⁰). Комитет Красноярской объединенной организации, по справедливому определению красноярских большевиков-правдивов, сидевший «между двух стульев и пытавшийся одновременно служить правому и левому течению партии», официально не выставлял ясного лозунга о немедленной конфискации частновладельческих земель¹¹).

Эсеры воспользовались ошибками большевиков, слабостью и трудностями большевистской работы в деревне и, располагая разветвленной кооперацией и кулацкой прослойкой в деревне, приложили все силы для привлечения крестьянства на свою сторону. Они захватили руководство созывавшимися в марте—апреле 1917 г. крестьянскими съездами, а также и возникавшими в это время крестьянскими Советами, и навязывали почти везде и по всем вопросам свои резолюции. Крестьянские съезды проходили под знаком доверия Временному правительству, высказывались за ведение войны до победного конца, за ожидание разрешения земельного вопроса до Учредительного собрания, призванного якобы удовлетворить все требования «революционного народа». Часто в виде заранее составленных и разосланных по деревням эсерами принимались и крестьянские указы на сельских сходах в марте — первой половине апреля 1917 года. В большинстве наказов требования по земельному вопросу или вообще не выдвигались, или формулировались в эсеровском духе — не нарушать существовавший порядок землепользования до Учредительного собрания. В мартовских наказах ярко проявилось революционное оборончество¹²).

Но в настроениях крестьян, особенно бедноты сказывалось и большевистское влияние.

В некоторых мартовских и апрельских наказах выдвигались требования бедноты и середняков о передаче земли тем, кто ее обрабатывает, снижении налогов, обратном переселении в Европейскую Россию. По мартовским-апрельским крестьянским съездам прослеживается вообще начало изменений в политических настроениях крестьянских масс. Если в марте, особенно в начале марта, главными вопросами съездов была организация выборного демократического управления, организация крестьянских союзов (съезд крестьянских представителей Енисейского уезда — 19 марта, первый крестьянский съезд Томской губернии — 25—28 марта), то с конца марта и в апреле съезды высказывали уже свое отношение к Советам, создавали Советы крестьянских депутатов (II крестьянский съезд Амурской области в Благовещенске, окружной съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Иркутске и др.). А крестьяне Канского уезда Енисейской губернии, являвшегося крупной базой большевизма в деревне, 12 апреля на первом же уездном съезде крестьянских депутатов приняли постановление об отмене частной собственности на землю, недра и водные пространства и конфискации в уезде всех казенных, церковных и частновладельческих

¹⁰) Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию (март 1917 — май 1918 гг.). Сборник документов и материалов. Новосибирск, 1957, стр. 25.

¹¹) Там же, стр. 40—41.

¹²) М. М. Шорников. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963, стр. 291; Интересный анализ крестьянских наказов за март 1917 г. по двум уездам Тобольской губернии приводит М. С. Алферов. См. М. С. Алферов. Коммунистическая партия в борьбе за крестьянские массы в Сибири в социалистической революции (март 1917 — апрель 1918 гг.). Кандидатская диссертация. Томск, 1956, стр. 126—128.

земель¹³). На некоторых съездах крестьян большевикам удалось провести ряд постановлений в защиту интересов бедноты. В конце марта съезд якутов и русских крестьян установил для батраков право на участок земли и получение скота за счет кулацкого хозяйства и 8-часовой рабочей день¹⁴).

При всей слабости своей работы среди крестьянства сразу после падения самодержавия, большевики не оставляли и этот участок работы без внимания. Руководствуясь учением В. И. Ленина о союзе рабочего класса и крестьянства, они, прежде всего, разъясняли крестьянству большевистскую программу по аграрному вопросу, требовавшую конфискации помещичьих и других частно-владельческих земель при их национализации, призывали крестьян брать землю сейчас же, создавать Советы.

С первых дней легальной работы большевики развернули борьбу против эсеров и буржуазных партий по аграрному вопросу, по отношению к империалистической политике Временного правительства, разоблачали болтовню врагов народа — эсеров и меньшевиков об «окончании» революции.

Большевики проводили работу среди крестьян через Советы рабочих и солдатских депутатов и кое-где возникшие при них крестьянские секции и отделы, использовали проходившие в марте—апреле крестьянские съезды, свое участие в работе крестьянских Советов, там, где они оформились. Из многих городов посылались на село газеты, политическая литература, агитаторы¹⁵).

Омская организация РСДРП под влиянием большевиков проводила специальные организационные мероприятия для усиления влияния в деревне. В ряде мест Сибири: в Енисейской губернии — в районе деятельности Красноярской большевистской группы «правдивов» и Среднесибирского бюро ЦК РСДРП(б), селе Мархи в Якутии и других местах Сибири уже в первые месяцы революции создавались уездные, волостные и сельские партийные организации, ячейки и группы¹⁶).

Огромную роль в политическом просвещении крестьянских масс и руководстве крестьянским движением играли прибывшие в деревню революционно настроенные отпусковые и дезертировавшие с фронта солдаты-фронтовики, а также солдаты из сибирских революционных гарнизонов, отпускаемые на время посева. Многие из них проводили среди крестьян большевистскую работу. Комитеты безопасности из Курганского, Ялуторовского уездов Тобольской губернии, Барнаульского уезда Томской губернии, ряда мест Амурской области сообщали губернским властям и Временному правительству о том, что солдаты из Петрограда, с фронта, из Томского, Барнаульского и других гарнизонов создавали тревожное положение в деревнях.

Проводилась большевистская агитация и среди крестьян нерусского населения Сибири. Большевики Верхнеудинской организации вели работу среди бурят-монгольских крестьян¹⁷). В Якутии ссыльные большевики выпустили ряд воззваний на якутском языке¹⁸).

¹³) В. П. Сафронов. Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962, стр. 254—256.

¹⁴) Г. И. Петровский. Великое начало (Воспоминания старого большевика). М., 1957, стр. 12.

¹⁵) М. С. Алферов. Крестьянство Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1958, стр. 35.

¹⁶) В. П. Сафронов. Указ. соч., стр. 254; «Социалдемократ» (орган Якутского комитета РСДРП), 24 марта 1917 г.

¹⁷) Г. Петров-Трофимов. Большевики в борьбе с интервенцией и белогвардейщиной в Прибайкалье. Борьба за Советы в Бурят-Монголии (1918—1920 гг.). Воспоминания и материалы. М., 1940, стр. 41—42.

¹⁸) Е. Ярославский. Февральская революция в Якутии. 100 лет Якутской ссылки. Сборник Якутского землячества. М., 1934, стр. 289—290.

В своей работе в деревне, в борьбе за прочный союз рабочего класса с крестьянством, большевики опирались на широкое революционное движение самих масс, охватившее крестьянство с первых дней Февральской революции, на стремление крестьян немедленно ликвидировать старый чиновничий аппарат и получить землю. Сама жизнь, нужды крестьян ставили их в противоречие с официальной политикой эсеров. Крестьянам нужна была земля и они не могли ждать с решением этого вопроса до Учредительного собрания. С момента получения первых известий о революции они требовали земли, покосов и других сельскохозяйственных угодий, хотя по общеполитическим вопросам и голосовали за эсеровские резолюции доверия Временному правительству. Требования земли становились все решительнее с приближением весны и посевных полевых работ.

В первое время после свержения самодержавия движение крестьян Сибири за землю, как и по всей России, в основном продолжало оставаться буржуазно-демократическим, направленным, в основном, на борьбу за ликвидацию пережитков крепостничества в землевладении и захватывавшим все слои крестьянства. В Сибири почти не существовало частного землевладения. Ярko выраженными пережитками крепостничества было здесь кабинетское и казенное землевладение. Аграрные революционные выступления крестьян в марте — первой половине апреля 1917 г. были связаны, главным образом, с борьбой за бывшие кабинетские и казенные земельные и лесные угодья, церковные, монастырские, частновладельческие земли.

Движение крестьян за захват кабинетских земель и лесов с первых дней падения монархии особенно широко развернулось на Алтае в Томской губернии, где были расположены основные владения царя. В середине марта лесничие и исполняющий обязанности начальника Алтайского округа в полной растерянности жаловались на невозможность охраны лесов и земель ввиду массовых самовольных порубок леса в объездах, увозки казенного сена, разоружения объездчиков и открыто выражаемого крестьянами желания раздела всего имущества округа. 18 марта начальник округа «ввиду серьезности положения» вынужден был обратиться в Томский комитет общественного порядка и безопасности за содействием в успокоении крестьян¹⁹).

Не успокоило крестьян и постановление Временного правительства от 12 марта 1917 г. о передаче земель Николая II (кабинетских земель) в казну, хотя местные органы буржуазной власти старались исползовать его для прекращения беспорядков на кабинетских землях. Так, 22 марта Забайкальский областной комитет общественной безопасности постановил, что «в настоящее время собственник кабинетских земель — государство, распорядитель земель установлен. Общая форма пользования остается прежняя — аренда, впредь до изменения центральной властью». Но самовольные порубки леса и захваты кабинетских земель охватывали все новые лесничества и деревни Алтая. Только с 11 марта по 1 апреля самовольными порубками леса было охвачено 10 лесничеств округа. В Томском уезде (д. Ново-Сергиевка Кожевниковской волости) и других местах губернии крестьяне самочинно начали пользоваться примыкавшими к их селениям землями кабинета. Боролсь за кабинетские земли и крестьяне Забайкалья²⁰).

¹⁹ Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 549, оп. 1, д. 3, лл. 19—20; Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957, стр. 677.

²⁰ А. Б. Баинов. Хроника аграрного движения в Бурят-Монголии (март 1917—июль 1917 гг.). Записки Бурят-Монгольского Госуд. научно-исследов. института языка, литературы и истории. V—VI. Улан-Удэ, 1941, стр. 94, 98; Установление Советской власти в Кuzбассе (1917—1919 гг.). Сборник документов. Кемерово, 1957, стр. 56.

Крестьянство Сибири сразу же становилось на путь захвата казенных лесов и земель. В марте захваты казенных земель и порубки леса имели место в Ялуторовском, Тарском, Турнинском, Тобольском уездах Тобольской губернии, Каинском уезде и Нарымском крае Томской губернии²¹⁾, в деревнях и уездах Иркутской губернии, Забайкальской области, Дальнего Востока. Массовый характер они приняли в Омском уезде Акмолинской области и Мариинском уезде Томской губернии²²⁾.

В Томской губернии волостные собрания крестьян Мариинского уезда уже в марте обсуждали вопросы о землях и порубке казенного леса как «самые большие и серьезные» из текущих вопросов (Тундинская волость), а в апреле порубки казенных лесов в этом уезде стали повсеместными.

В борьбе за казенные земли и леса, как и за земли кабинета, крестьяне повсеместно вступали в серьезные столкновения с лесничими, обезоруживали стражу. Во многих местах Иркутской, Томской, Тобольской и других губерний, захватывая земли и леса у казны, крестьяне отстраняли от должности лесничих и всю лесную стражу и даже заключали в тюрьму, «протестовывали» назначение новых лесничих. В Алчедатском районе того же Мариинского уезда Томской губернии недовольство крестьян действиями чинов лесничества было настолько сильным, что комиссар Временного правительства уже 10 марта вынужден был в целях «предупреждения нежелательных акцессов» освободить объездчиков от исполнения обязанностей. К середине апреля по уезду была изгнана на места вся лесная стража и заменена избранной²³⁾.

Крестьяне нередко (например, в начале апреля, сельские сходы крестьян д. Юрги Тугальской волости и Земляно-Занымского общества Карачинской волости Каинского уезда в Томской губернии, сельские и волостной сходы Куличинской волости Верхонского уезда Иркутской губернии²⁴⁾) свои требования о прирезке казенных или кабинетских земель к их наделам, о возвращении угодий, взятых по землеустройству казной из фактического пользования крестьян или о передаче в состав общинных наделов арендуемых ими земель кабинета оформляли в виде прошений в губернские, областные, краевые органы Временного правительства.

Но и в этих прошениях звучала решительность крестьян. Те же крестьяне Куличинской волости наряду с просьбой доводили до сведения Иркутского исполнительного комитета, что они «единогласно постановили сенокосных лугов в текущем году лесничеству ни под каким видом не уступать»²⁵⁾. А по мере столкновения крестьян с аграрной политикой Временного правительства и его органов на местах, с нежеланием эсеров удовлетворять крестьянские нужды, по мере того, как крестьяне убеждались в бесполезности ожидания раздела кабинетских земель и обеспечения их землей из казенных владений, исчезал и просительный тон в крестьянском движении. Крестьяне все решительнее становились на путь самовольных действий и решения земельного вопроса революционным путем.

²¹⁾ П. Рошевский. Октябрь в Зауралье. Тюмень, 1959, стр. 42; Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), ф. 717, оп. 1, д. 42, лл. 23—24, 49; Крестьянское движение в 1917 г. Архив Октябрьской революции в документах и материалах. М., 1927, стр. 34.

²²⁾ «Сибирская жизнь», 25 апреля 1917; «Земля и воля» (Новониколаевск), 25 марта 1917 г.

²³⁾ ГАО, ф. 166, оп. 1, д. 11, л. 6; История Кузбасса, т. 1. С древнейших времен до 1917 г. (на правах рукописи). Кемерово, 1962, стр. 253—254.

²⁴⁾ ГАНО, ф. 717, оп. 1, д. 43, л. 110; ГАНО, ф. 657, оп. 22, л. 26; Установление Советской власти в Кузбассе, стр. 67—68.

²⁵⁾ ГАНО, ф. 657, оп. 2, д. 22, л. 26.

На Дальнем Востоке, в Акмолинской области в марте — апреле были отдельные случаи захватов частновладельческих земель. Чаще они имели место в Тобольской губернии (Курганский, Тюкалинский и др. уезды), где частновладельческих земель было больше, чем в других районах Сибири, а относительное малоземелье ощущалось острее. В Иркутской губернии и Забайкальской области под влиянием большевиков, крестьяне в ряде уездов требовали конфисковать и отбирали частные земли у сельского духовенства.

Широко охватило Сибирь сразу после падения самодержавия движение крестьян за захват церковных и монастырских земель. Активными и повсеместными были выступления крестьян против церковных причтов, по захвату их земель в Забайкальской области. В Прибайкалье крестьяне волостей Усть-Селенгинского района захватили сенокосные и пахотные земли и рыболовные угодья Троицкого и Посольского монастырей и архиерейского дома²⁶).

В Иркутской губернии 18—22 марта под напором малоземельных крестьян, поддерживаемых большевиками, Балаганский уездный съезд из выбранных от крестьянских волостей и инородческих ведомств постановил отобрать от причтов (Бажеевской-Николаевской, Гымыльской-Вознесенской и др. церквей) земельные и лесные наделы, решив пустить их «в предел по постановлению волостного комитета». В апреле многие сельские и волостные комитеты Балаганского, Иркутского уездов и других мест губернии конфисковали причтовые земельные и сенокосные угодья и передавали их в пользование сельских обществ²⁷).

В марте—апреле 1917 г. крестьяне изымали земельные и сенокосные участки у церквей и монастырей и захватывали их в свое пользование в селах, деревнях и волостях Барнаульского, Николаевского, Каинского, Томского и других уездов Томской губернии²⁸), Тюкалинского и Кокчетавского уездов Акмолинской области, почти повсеместно в Тобольской губернии²⁹), в Иманском и Никольск-Уссурийском уездах Приморской области³⁰) и других местах Сибири. Часто эти земли делились между безземельными и малоземельными крестьянами.

С первых дней революции широкий размах получила в Сибири борьба крестьян за изменение кабальных арендных условий, существовавших на землях казны и кабинета. Сибирское крестьянство почти повсеместно отказывалось платить подати, вносить сельские и волостные сборы, долги по ссудам. Крестьяне многих сел Никольской волости Барнаульского уезда Томской губернии, с первых дней революции заговорили «о неплатении налогов», а в Усть-Балейской волости Иркутского уезда той же губернии 10 марта вынесли решение «сложить с себя накопившиеся десятилетиями хлебные недоимки»³¹).

В Иркутской губернии широкий размах отказов сельского населения от уплаты налогов и отправления повинностей заставил комитет обще-

²⁶ Н. Р. Мангутов. Аграрные преобразования в Советской Бурятии (1917—1933 гг.). Улан-Удэ, 1960, стр. 37; А. Плис. Кударо-Байкальский партизанский фронт. Борьба за Советы в Бурят-Монголии (1918—1920 гг.). Воспоминания и материалы. М., 1940, стр. 169—170.

²⁷ ГАИО, ф. 657, оп. 2, д. 22, лл. 69, 122—123, 147.

²⁸ ГАТО, ф. 166, оп. 1, д. 5, лл. 63, 65, 165; д. 11, лл. 10, 12, 27; «Сибирская жизнь», 25 апреля 1917 год в деревне. Воспоминания крестьян. М.—Л., 1929, стр. 352.

²⁹ Н. Б. Хайруллин. Большевики Омска в период Октябрьской революции. Омск, 1957, стр. 24; П. Рошевский. Земля — крестьянам. «Сельское хозяйство Сибири», 1957, № 11, стр. 30.

³⁰ Д. И. Бойко-Павлов, Е. П. Сидорчук. Так было на Дальнем Востоке. М., 1964, стр. 63—64.

³¹ «Известия исполнительного комитета общественных организаций города Иркутска», 15 марта 1917 г.

ственных организаций в середине марта обратиться к сельскому населению с особым воззванием, призывавшим покончить с «шатаниями и колебаниями» и платить налоги для поддержки русской революционной армии «в защите свободы», т. е. для продолжения войны³²). На почве отказа от уплаты налогов нередко возникали серьезные столкновения крестьян с местными органами Временного правительства.

Усилилась после свержения самодержавия классовая борьба и внутри крестьянства. К 1917 г. в сибирской деревне имело место глубокое классовое расслоение, бедняцкими являлось большинство дворов. В марте — первой половине апреля борьба бедноты с кулачеством была отмечена во всех губерниях Сибири.

Во многих уездах и волостях Томской, Иркутской губерний, Забайкальской области и других губерний и областей Сибири крестьяне малоземельных, особенно переселенческих селений требовали изменения проведенного до революции переселенческим управлением землеустройства. Не встречая поддержки у буржуазных властей, они шли на самовольное изменение границ с многоземельными старожильческими селениями. В марте это имело место среди крестьян деревень Кожевниковской волости Томского уезда этой же губернии³³). В Татарском районе Канинского уезда крестьяне дер. Дмитриевки отобрали и перedelили землю у общества деревни Ильинки, прибегнув в борьбе за землю даже к оружию³⁴).

Развертывалась борьба бедноты с кулачеством и внутри селений. В селе Щегловском Кузнецкого уезда Томской губернии с получением первых же известий о свержении царя начали собираться толпы крестьян уже с определенным решением — громить зажиточных крестьян³⁵). Сведения о разгроме крестьянами хозяйств кулаков-односельчан поступали из Тобольской³⁶) и других губерний Сибири. Крестьяне ряда сел и деревень в Сучанском районе Приморской области, беднота сел Тихорецкого и Черлановки, в начале апреля, а 16 апреля — села Ново-Александровского Тобольской губернии, отобрали земли у местных кулаков³⁷). В Верхнеудинском уезде Забайкальской области, Белостокской и Ореховской волостях Омского уезда Акмолинской области, в Кузнецком уезде Томской губернии и других местах Сибири были случаи захватов и распределения между малоземельными земель крупных арендаторов и заводчиков³⁸).

Бедняки и середняки требовали возвращения общинных земель, отошедших под хутора к кулакам или к зажиточным крестьянам по дореволюционному землеустройству. Нередко крестьяне сгоняли кулаков с хуторов и заимок, запахивали их землю. В Омском уезде (поселок Жуковский Семеновской волости) кулаки-отрубники жаловались губернскому комиссару Временного правительства, что крестьяне не дают им работать на отрубях³⁹). А в сведениях Министерства Внутренних дел об аграрных волнениях за апрель 1917 г. говорилось о попытках запашки крестьянами этого уезда земель отрубников⁴⁰).

³²) «Иркутская жизнь», 21 марта 1917 г.

³³) Установление Советской власти в Кузбассе, стр. 56—57.

³⁴) ГАНУ, ф. 717, оп. 1, д. 43, л. 119; ЦГАОР, ф. 406, оп. 6, д. 191, л. 41.

³⁵) «Утро Сибири», 14 марта 1917 г.

³⁶) П. Рошесвский. Октябрь в Зауралье. Тюмень, 1959, стр. 43.

³⁷) Д. И. Бойко-Павлов, Е. П. Сидорчук. Указ. соч., стр. 63; М. Алферов. Год 1917, «Сельское хозяйство Сибири», 1957, № 11, стр. 23.

³⁸) Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий, т. 1, М., 1957, стр. 596; Н. Б. Хайруллин. Указ. соч., стр. 24; История Кузбасса, стр. 523.

³⁹) Ф. С. Пестриков. Борьба крестьянства Западной Сибири за власть Советов и проведение аграрных преобразований. М., 1958, стр. 13—14.

⁴⁰) «Сибирская жизнь», 25 апреля 1917 г.

В Забайкалье, на Дальнем Востоке развертывалась борьба за землю зажиточного казачества (Амурского, Уссурийского, Забайкальского казачьих войск). Нарастала борьба и внутри казачества. Трудовое казачество вместе с малоземельными крестьянами требовали ликвидации казачьих привилегий и передела земель казаков, ликвидации сословия казачества. Такими, например, были требования казачьей секции на съезде трудящихся Забайкальской области в апреле 1917 г.⁴¹). И хотя первые областные съезды казачьих войск, где делегаты в большинстве представляли интересы кулацкой казачьей верхушки (2-й съезд Амурского казачьего войска) и высказались за сохранение казачьего сословия и привилегий⁴²), борьба трудового казачества продолжалась.

В некоторых волостях Тюкалинского и других уездов Акмолинской области, в дальневосточных деревнях с приближением весенних полевых работ крестьянская беднота через сельские комитеты, не взирая на угрозы кулаков о расправах, брала в свои руки распределение семенных ссуд, раздавала беднякам хлеб из продовольственных амбаров, реквизировала излишки зерна у закупщиков и зажиточных крестьян⁴³).

Проявлением внутрикрестьянской борьбы в Сибири в первые месяцы после падения самодержавия были требования крестьян о введении прогрессивного подоходного налога и даже попытки ввести его. Братский комитет в Иркутской губернии в середине марта под влиянием требований крестьян предписал сельским комитетам и сходам Среднеангарья «раскладку податей на всех лиц, живущих в участке, производить с каждого доходного рубля»⁴⁴).

Крестьянское движение за землю в Сибири после свержения самодержавия (в отличие от дореволюционных крестьянских волнений, где преобладали в основном разгромные формы борьбы лишь с некоторыми элементами организованности⁴⁵) с первых месяцев в значительной мере носило организованный характер. В массе крестьяне вначале выносили на крестьянских сходах, волостных собраниях и съездах решения, а затем захватывали землю. Наиболее революционно решали вопрос о земле сельские сходы крестьян, волостные же, а тем более уездные съезды, где преимущественно были представлены зажиточные крестьяне, руководимые эсерами, земельный вопрос обсуждали менее определенно.

Решительными были постановления сельского схода крестьян д. Ново-Сергиевки Кожевниковской волости Томского уезда той же губернии о самовольном захвате в свое пользование примыкавших к их селению земель кабинета и части земель соседнего, более обеспеченного землей Вороновского сельского общества. В решении сельского схода села Куйтунского Куйтунской волости Верхнеудинского уезда Забайкальской области от 16 апреля 1917 г. говорилось: «отобранные от общества при старом государственном строе в пользу Верхнеудинского лесничества сенокосные наделы, находящиеся в пользовании духовного ведомства православной церкви г. Куйтун должны быть отобраны в пользу общества»⁴⁶). А крестьяне села Мостовское Ялуторовского уезда Тобольской

⁴¹) И. И. Большаков. Незабываемые годы. Борьба за Советы в Забайкалье. (Сборник статей, материалов и документов). Чита, 1947, стр. 259.

⁴²) Благовещенску 100 лет (1858—1958). Сборник документов и материалов. Благовещенск, 1959, стр. 515, 192.

⁴³) Н. Б. Хайруллин. Указ. соч., стр. 24; А. А. Ромас. Социально-экономическое положение и революционное движение на Дальнем Востоке накануне и в период Февральских событий 1917 года. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1964, стр. 21.

⁴⁴) «Известия исполнительного комитета общественных организаций города Иркутска», 18 марта 1917 г.

⁴⁵) А. А. Храмов. Указ. соч., стр. 259—271.

⁴⁶) А. Б. Баинов. Указ. соч., стр. 95.

губернии в решении сельского схода от 16 апреля 1917 г. записали: «отменить со всеми данными бывшую в 1913 г. нарезку хлебопахотной земли и угодий, с представлением обществам производить раздел земельных угодий по своему усмотрению», «передать в пользование крестьян церковно-приходские хлебопахотные земли и угодья»⁴⁷⁾.

Организованно проходило проведение решений сходов в жизнь. Отобрание кулацких земель в местности Нагибиха по решению схода в марте месяце крестьяне с. Бичура в Забайкалье проводили под руководством трех революционно-настроенных крестьян.

С крестьянским движением тесно переплеталось национальное движение среди народностей Сибири: почти всю массу нерусского населения Сибири составляли крестьяне. Национальное движение среди народов Сибири носило в тот период общедемократический характер. Буряты Восточной Сибири, хакасы Енисейской губернии и другие народности Сибири развешивали движение за национальное самоопределение, за автономию, что особенно проявилось на проходивших здесь в марте — апреле национальных съездах.

Национальная буржуазия хотела использовать автономию в своих интересах и стремилась захватить в свои руки руководство национальным движением, придать ему националистический характер. Буржуазии, областникам и эсерам удалось взять под свое влияние национальные съезды и, пользуясь отсталостью крестьян, разжечь в ряде районов национальную вражду. Под влиянием кулаков-националистов, ставшихся во что бы то ни стало сохранить свои земли, в Бурятии нередко вспыхивали столкновения крестьян-бурят с русскими переселенцами, иногда принимавшие полупогромный характер⁴⁸⁾.

Но на настроение трудового нерусского крестьянства сказывалось влияние развернувшегося по стране революционного движения. Доходившее до населения национальных районов большевистское слово направляло трудящиеся массы на устранение остатков крепостничества, на борьбу как с русскими крепостниками-помещиками и кулаками, так и с национальными полуфеодальными элементами и национальной кулацкой буржуазной верхушкой деревни.

Народные массы национальностей Сибири стремились к единству с революционной борьбой русских трудящихся, наряду с русским крестьянством включались в аграрное движение.

В Томской губернии в Бийском уезде алтайцы села Улала в начале марта потребовали передачи кабинетских, монастырских и церковных земель в пользование населения Горного Алтая⁴⁹⁾. В деревнях Кузбасса шорцы и телеуты поддерживали борьбу русских крестьян за увеличение земельных наделов, рубили кабинетский лес; имели место случаи самовольных порубок казенного леса. Буряты Иркутской губернии, киргизы (казахи) Акмолинской области, трудящиеся других народностей Сибири решительно потребовали возвращения всех земель, находившихся в их фактическом пользовании до землеустройства 1900—1916 гг.

Буряты Балаганского и других уездов Иркутской губернии, почти повсеместно в Забайкальской области вместе с русскими крестьянами с марта 1917 г. вступили в решительную борьбу за захват причтовых

⁴⁷⁾ П. Рошевский. Земля — крестьянам. «Сельское хозяйство Сибири», 1957, № 11, стр. 30.

⁴⁸⁾ П. Т. Хаптаев. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. Улан-Удэ, 1942, стр. 187; История Бурят-Монгольской АССР, Т. I, Улан-Удэ, 1954, стр. 483.

⁴⁹⁾ Г. А. Кордонский. Советы крестьянских депутатов Сибири в 1917—1918 гг. Кандидатская диссертация. Томск, 1965, стр. 71.

земельных и лесных наделов, они захватывали казенные, церковно-монастырские, частновладельческие земли, покосы, совершали порубки леса, отказывались от уплаты ясака в кабинет бывшего царя, а также других налогов и несения повинностей. Трудящиеся буряты-казакки выступали за ликвидацию сословия казачества⁵⁰). Среди бурят начиналась борьба с нойонами, ламами, кулаками-бурятами. Разгоралась классовая борьба и в якутских улусах. Якутская беднота посылала в комитет общественной безопасности требования отмены классной системы и введения уравнительного распределения земель по душам⁵¹).

В то время как большевики всячески поддерживали и развивали революционную инициативу масс, Временное правительство и его агенты на местах принимали все меры к подавлению аграрного движения, откладывая решение земельного вопроса до Учредительного собрания. Поддерживаемое эсерами Временное правительство практически отказывалось от разрешения аграрного вопроса. Министерство земледелия в телеграмме от 26 апреля 1917 г. указало, что в Енисейской губернии казенно-оброчные статьи должны сдаваться с торгов, т. е. использоваться так же, как до Февральской революции⁵²). При активном участии тех же эсеров и меньшевиков, проводивших политику сдерживания революционной активности трудящегося крестьянства (т. е. ту же политику Временного правительства) и изо всех сил усердствовавших в уговаривании крестьян не нарушать «законного порядка» землевладения, местные органы буржуазной власти в Сибири удерживали крестьян от самочинных действий. Комиссары Временного правительства и комитеты общественной безопасности повсеместно рассылали в марте—апреле 1917 г. объявления о запрещении самовольных порубок, а крестьянам, захватившим те или иные земли, предписывалось возвращать их «законным» землевладельцам. Органы буржуазной власти заявляли о недопустимости разрушения старых земельных порядков «впредь до решения земельного вопроса в Учредительном собрании в общегосударственном масштабе».

В Томской губернии в марте—апреле по всем волостям рассылались объявления комитета общественного порядка и безопасности о запрещении самовольных порубок лесов и захватов других казенных угодий.

Томский и Тобольский губернские комиссары рассылали предписания уездным комиссарам и волостным комитетам о водворении порядка и предупреждении всяких самоуправных действий крестьян против землевладельцев, а владельцев земель (например, церковные причты в Томском уезде) снабжали особыми удостоверениями о «законности пользования отведенными им землями, и имуществом»⁵³).

В разосланных в апреле в волостные и сельские комитеты циркулярных указаниях Забайкальского, Верхнеудинского, Иркутского и других комитетов безопасности всякие действия крестьян по изменению существовавшего землепользования до окончательного решения вопроса о нем в Учредительном собрании объявлялись «по закону» недопустимым самоуправством. А постановление 1-го Приморского об-

⁵⁰) ГАИО, ф. 657, оп. 2, д. 22, лл. 69, 122, 128, 147; А. Б. Баинов. Указ. соч., стр. 94; Н. Р. Мангуттов. Указ. соч., стр. 37.

⁵¹) История Якутской АССР. Т. II, М., 1959, стр. 412.

⁵²) М. Б. Шейнфельд. Из Истории организации Советов крестьянских депутатов в Енисейской губернии в 1917 г. Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. Вып. 1, т. 24, 1964, стр. 44.

⁵³) ГАНО, ф. 717, оп. 1, д. 42, лл. 23—24; д. 49, л. 21; ГАТО, ф. 549, оп. 1, д. 11, л. 76; ф. 166, оп. 1, д. 11, лл. 10, 12, 27; П. Рошевский. Октябрь в Зауралье. Тюмень, 1959, стр. 41—42.

ластного съезда представителей комитетов общественной безопасности от 12 апреля 1917 г. по поводу захватов церковных земель в Иманском уезде гласило: «Обязать крестьян землю церковному причту возвратить»⁵⁴). Распоряжения, категорически требовавшие «не трогать чужие земли» до Учредительного собрания, рассылались и из эсеровских Советов.

Но ни распоряжения Временного правительства, ни запреты местных комитетов общественного спокойствия не могли затормозить революционного движения крестьян. И даже способствовали росту ответного на эти препятствия аграрного движения.

В ответ на действия буржуазных властей ширилось аграрное движение в Забайкалье. Весной 1917 г. из многих губерний Сибири поступали в адрес Временного правительства сообщения о разрастании аграрного движения.

Кое-где крестьяне к концу апреля под влиянием большевиков уже начинали осознавать нежелание и неспособность эсеров и Временного правительства провести революционные преобразования в государственном устройстве, удовлетворить их требования о земле. Делегат первой сессии Томского губернского народного собрания, состоявшейся в конце апреля — первой половине мая 1917 г., избранный от населения деревни Грамотуха Тарсминской волости Кузнецкого уезда, заполняя предложенную учредителями собрания анкету, писал, что по вопросу о формах будущего государственного устройства массы в их деревне «ждут безусловно лучшего, но с большим сомнением»⁵⁵).

Крестьяне стали более ясно и определенно выражать свои требования, стали требовать коренного решения земельного вопроса «передачи всей земли в собственность народа». Так, подавляющая часть делегатов той же сессии Томского губернского народного собрания (из 135 делегатов — 102) в ответ на вопрос анкеты, как крестьянство предполагает использовать разные категории казенных и кабинетских земель, заявила, что их избиратели требуют отобрать кабинетские и казенные земли и леса в пользу народа. Абсолютное большинство делегатов высказались против применения наемного труда, за обработку земли своими силами, выразив и антикулацкие настроения подавляющего большинства сибирского крестьянства⁵⁶).

Столкновения крестьян по земельному вопросу с местными властями (с. Таскаево Каинского уезда Томской губернии) стали доходить до устранения членов комитетов порядка как лиц, «не дающих никакой свободы» крестьянам⁵⁷).

Нарастало недовольство Временным правительством. Продолжение империалистической войны и рост разрухи способствовали освобождению крестьян Сибири от угара революционного оборончества. В большинстве крестьянских наказов, принятых в марте—апреле 1917 г., еще содержались требования «доведения войны до победного конца». Но в апреле кое-где (в Мазуровской волости Верхнеудинского уезда Иркутской губернии и др.) крестьяне, а особенно солдаты, на митингах и собраниях, в Советах рабочих и солдатских депутатов (Краснояр-

⁵⁴) Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий, стр. 423, 444; Б. Б. Батуев. К вопросу о политике Верхнеудинского Совета в период подготовки и проведения Октябрьской революции. Из истории партийной организации Бурятии. Улан-Удэ, 1961, стр. 11.

⁵⁵) ГАТО, ф. Р—549, оп. 1, д. 1, л. 810.

⁵⁶) И. М. Разгон. Политические настроения сибирского крестьянства (в марте—апреле 1917 г.). «Октябрь и гражданская война в СССР». АН СССР, М., 1966, стр. 224, 226.

⁵⁷) «Сибирская жизнь», 25 апреля 1917 г.

ский гарнизон, съезд выборщиков от воинских частей всей Енисейской губернии, а еще в марте — Ачинский гарнизон) осуждают империалистическую политику правительства, высказываются за немедленное прекращение войны и заключение мира. Против войны и за ее немедленное прекращение высказывалось от имени своих избирателей 37% делегатов Томского губернского народного собрания. Многие из этих резолюций и заявлений были ответом на ноту Милюкова от 18 апреля 1917 г. с заявлением Временного правительства о доведении мировой войны до решительного конца. Нота Милюкова нанесла мощный удар по революционному оборончеству.

Трудящееся крестьянство Сибири, особенно беднота, уже в первые месяцы после свержения самодержавия обращало свои взоры к рабочему классу, к Советам. Оно нередко оказывало поддержку рабочим в их борьбе за 8-часовой рабочий день, признавало Советы рабочих и солдатских депутатов как своих руководителей, часто обращалось к ним за помощью в разъяснении вопросов, волновавших деревню, посылало в эти Советы своих представителей, оказывало материальную поддержку Советам рабочих депутатов.

Поздравления и приветствия крестьян в адрес Петроградского и местных Советов рабочих и солдатских депутатов, которые посылались уже в самом начале революции наряду с приветствиями Временному правительству, участились в апреле. Имели место требования крестьян об объединении Петроградского и некоторых местных Советов рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов.

В революционной борьбе рабочих и солдат, в борьбе сибирских крестьян за свержение самодержавных порядков, за землю в марте — первой половине апреля 1917 г., явившейся первой волной крестьянского движения Сибири после свержения самодержавия, в поддержке крестьянами Советов рабочих и солдатских депутатов, в требованиях крестьян 8-часового рабочего дня для рабочих, проявился в действительности союз рабочих и крестьян Сибири в период проведения Февральской буржуазно-демократической революции.

Перед большевиками Сибири, как и всей страны, встала задача добиваться расширения и укрепления союза рабочих и крестьян, поднимать трудовое крестьянство на совместную с рабочим классом борьбу против империалистической буржуазии и крупных землевладельцев, за дальнейшее развертывание революции, за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию. Эту работу они развертывали на основе Апрельских тезисов В. И. Ленина, которые стали известны в Сибири в середине апреля 1917 г., и решений VII Апрельской большевистской конференции.

КОЛЧАК И ЭСЕРОВСКАЯ «ОППОЗИЦИЯ»

М. Е. ПЛОТНИКОВА

История эсеровской партии периода пролетарской революции и гражданской войны это, как известно, история ее окончательного разложения и политического банкротства. Незавидный опыт недавно еще самой многочисленной партии России многому научил народные массы, по достоинству оценивших «народолюбцев», устанавливающих режим «демократии» на штыках интервентов. Этот опыт заставил многих рядовых членов партии твердо перейти на позиции большевиков и Советской власти.

Немногие и из руководящих верхов партии смогли в конце концов твердо и честно оценить поведение эсеров в годы революции и гражданской войны и интервенции. Так, А. Краковецкий, один из организаторов юнкерского мятежа в Петрограде, военный министр контрреволюционного дерберовского «правительства», объясняя в открытом письме причины выхода из эсеровской партии, писал: «Длительный опыт антисоветской борьбы под лозунгом народоправства заставил меня пересмотреть программные и тактические воззрения партии с.-р. и признать, что они не отвечают задачам, выдвинутым историческим моментом перед трудящимися массами России. В годы великой революции партия совершила огромную и непоправимую ошибку, которая принесла с собой неисчислимы бедствия нашей стране и народу. Мы не учли социального характера революции и, стремясь насильственно удержать трудящихся в рамках политических завоеваний мартовских дней, положили начало распаду социалистического фронта в кровавой братоубийственной войне. В то время, когда лозунг «Вся власть Советам» вытекал из самой сущности освободительной борьбы пролетариата и крестьянства, мы настойчиво добивались коалиции с буржуазией и, добровольно уступая свои политические позиции, тормозили тем самым планомерное и организованное развитие революционной борьбы за достижение нового социально-экономического строя...»¹⁾.

Мы позволили себе привести столь пространную выдержку из письма Краковецкого потому, что подобного рода откровенных выводов о причинах краха эсеров немного найдется в сочинениях лидеров этой партии. Подавляющее большинство многочисленных мемуаров, брошюр, статей, вышедших из-под пера эсеров, свидетельствуют о том, что «вож-

¹⁾ «Сибирские огни», 1922, № 1, стр. 189.

ди» партии и через много лет ничего не поняли и ничему не научились из опыта революции и все усилия направляли на то, чтобы обелить себя и свою партию, изобразить ее в качестве бескорыстного борца за демократию.

В писаниях Чернова, Керенского, Авксентьева, Зензинова и других эсеровских лидеров клевета на революцию, большевиков, Советы используется с целью убедить читателя в том, что только они, социалисты-революционеры, боролись с реакцией, что только они были «истинными защитниками» свободы и революции. И все они изображают себя непримиримыми противниками Колчака и диктаторского режима. Так Авксентьев делает вид, что он всячески противился возможности установления колчаковской диктатуры²⁾. Эсер Е. Колосов, один из организаторов антисоветских сил в Сибири, в своей книжке³⁾ тоже тщится представить себя и своих собратьев по партии врагами буржуазно-помещичьей диктатуры. Н. Ракитников, хотя и приходит к выводу о невозможности «честной коалиции демократии с буржуазными элементами», и пишет о том, что «между большевиками и буржуазной реакцией нет места для третьей силы»⁴⁾, тем не менее всячески оправдывает эту «третью силу» и заявляет, что колчаковский переворот был направлен прежде всего против эсеров⁵⁾.

Небезынтересно отметить, что и колчаковцы в своих мемуарах писали о «борьбе» эсеров с Колчаком. Особенно много внимания эсеровской «фронде» уделили в своей книжке колчаковский министр Г. К. Гинс⁶⁾. Вообще необходимо сказать, что история взаимоотношений между колчаковским режимом и эсерами рассматривалась почти исключительно в эсеровской и белогвардейской литературе. На основании эсеровских источников освещают этот вопрос и зарубежные буржуазные авторы.

В советской же исторической литературе нашли более или менее полное освещение только ранний и конечный период сибирской эсеровской контрреволюции. Так, о роли эсеров в организации антисоветского мятежа в Сибири летом 1918 г., о их деятельности в областных контрреволюционных «правительствах», о их месте в подготовке колчаковского переворота и их роли в Политцентре существует уже значительная литература⁷⁾. А вот поведение эсеров в дни колчаковского переворота и первые месяцы военно-буржуазной диктатуры в Сибири, сущности эсеровской оппозиции Колчаку специально почти не рассматривались.

А между тем этот вопрос интересен не только потому, что помогает полнее и глубже понять причины окончательного политического и морального краха эсеровской партии, но и разобраться в таком важном, но не до конца изученном вопросе, как истинная степень влияния и по-

2) См. Гражданская война в Сибири и Северной области, 1926, стр. 9.

3) Е. Е. Колосов. Сибирь при Колчаке. Изд. Былое, 1923.

4) Н. Н. Ракитников. Сибирская реакция и Колчак. М., 1920, стр. 38.

5) Там же, стр. 22.

6) Г. К. Гинс. Сибирь, союзники и Колчак. Том II. Пекин, 1921.

7) В. Вегман. Сибирские контрреволюционные организации 1918 г. «Сибирские огни», 1928, № 1; его же — Сибоблдума. «Сибирские огни», 1923, № 4; В. Владимиров. Год службы «социалистов» капиталистам. М.—Л., 1927; И. М. Майский. Демократическая контрреволюция. М., 1923. М. Е. Плотникова. Роль «Временного сибирского правительства» в подготовке контрреволюционного колчаковского переворота в Сибири. Сборник научных работ исторических кафедр, Томск, 1964; ее же — К вопросу об эсеровской контрреволюции в Сибири в 1917—1918 гг. Программа и краткое содержание докладов на объединенной научной сессии. Томск, 1964; А. Н. Резниченко. Начало гражданской войны в Сибири. Борьба большевиков против меньшевистско-эсеровской буржуазной диктатуры в 1918 г. Сборник «Боевые годы». Новосибирск, 1959; и др.

следствия этого «вливания» в крестьянском и партизанском движении в Сибири в 1918—1919 гг.

Известно, что эсеровская партия неоднократно принимала решения о «недопустимости сотрудничества с буржуазией». За несколько дней до антисоветского чехословацкого мятежа, который мелкобуржуазные «демократы» готовили в тесном контакте и с русской и иностранной буржуазией, эти демагогические слова, свидетельствующие о неискренности эсеров, были еще раз зафиксированы в официальном партийном документе — резолюции V съезда совета ПСР, состоявшегося в Москве в мае 1918 г.

Но между официально объявляемой партийной политикой и практической деятельностью эсеров существовала пропасть. Чтобы завуалировать свою политику соглашения с крупной буржуазией, эсеры вынуждены были постоянно кричать о какой-то средней (между диктатурой пролетариата и диктатурой буржуазии), «чисто демократической» линии поведения и власти.

История Октябрьской революции и гражданской войны ярчайше продемонстрировала всю несостоятельность попыток мелкобуржуазных партий удержаться на промежуточной позиции. Логика классово-борьбы из-за начавшейся интервенции, принявшей к тому же самые острые формы, неумолимо толкала их от сотрудничества с буржуазией при кажущемся «ведущем» положении «социалистов» к передаче и формально (а фактически так было во всех коалициях эсеров с буржуазией) всей власти в руки буржуазно-помещичьих кругов российской контрреволюции. Почти во всех районах страны белогвардейщина начиналась с «демократических» режимов и неизбежно кончалась установлением военных, буржуазно-помещичьих диктатур. По признанию А. Краковецкого, именно партия «социалистов-революционеров» «...широко открывала двери военно-буржуазной диктатуре»⁸).

Эсеры, объявившие открытую войну Советской власти, не могли не стать союзниками крупной буржуазии. И вопреки своим громогласным заявлениям о недопущении к власти ценовых элементов, очень быстро сами оказались во власти последних. Буржуазия же всегда смотрела на эсеровских крикунов, как на весьма несимпатичных, даже «опасных» (своей «социалистической» фразеологией), но необходимых на первых порах соучастников в борьбе против пролетарской революции. Для нее вопрос об установлении военной диктатуры был только вопросом времени. Неспособность Комуча, затем Директории удерживать антибольшевистский фронт ускорили развязку. Создание Директории было последней уступкой «социалистам».

А эсеры? Некоторые из них понимали, что та самая черная реакция, с которой они клялись бороться, неумолимо приближается и... уступали. Н. В. Святицкий, который, когда заходит речь об эсерах, так выгораживает их, что не может быть элементарно объективным даже в мелочах, вынужден был писать: «С. -р. и вообще демократия, на Уфимском совещании были поставлены в такое положение, что у них оставался только один правильный выход: уйти из Совещания, ни в каком случае нового коалиционного опыта не повторять, порвать с буржуазными группами раз навсегда. Но у с.-р., бывших на Уфимском совещании, не хватило духу пойти на разрыв»⁹).

Колчаковский переворот начался с ареста членов Директории, принадлежавших к эсеровской партии. Но прежде чем покончить с Директорией, военно-буржуазные круги Сибири с помощью Директории распра-

⁸ «Сибирские огни», 1922, № 1, стр. 189.

⁹ Н. В. Святицкий. Реакция и народовластие. М., 1920, стр. 14.

вились с эсеровской оппозицией в лице сибирской Облдумы. В попытках отстоять свое «право» на власть Дума выглядела совершенно беспомощной, так как за оппозицией не стояло никаких реальных сил. Трудящимся Сибири судьба эсеро-областнической думы была абсолютно безразлична (свое отношение к ней они достаточно отчетливо высказали еще в январе 1918 г.). Буржуазия к эсеровской Думе не питала никаких симпатий и требовала ее роспуска. Скорое поражение Думы предопределялось и тем, что даже среди ее «социалистического» большинства единства не было, наиболее правое крыло открыто высказалось за ликвидацию Думы.

В подобных условиях попытки сибирских эсеров областнической окраски бороться за Думу в качестве высшего органа власти были пресечены Сибирским белогвардейским правительством очень быстро. С наиболее активными оппозиционерами расправились весьма решительно. Министров Шатилова и Крутовского арестовали и заставили уйти в отставку. А. Новоселов, тоже «министр», приехавший с Дальнего Востока для укрепления позиций сибирских эсеров-думцев, был расстрелян. 21 сентября Думу распустили «на перерыв».

Директория, председателем которой был эсер Авксентьев, поддерживала меры, принятые Административным советом по отношению к Думе, и 10 ноября заставила последнюю принять решение о самороспуске. Таким образом, с эсеровской оппозицией в лице Сибоблдумы окончательно было покончено с помощью эсеров из Директории. Ликвидация Думы ускорила и, в какой-то степени, облегчила действия военно-буржуазных кругов, непосредственно осуществлявших переворот 18 ноября.

Авксентьев и Зензинов впоследствии всячески отрешивались от колчаковского переворота, объявляя его делом рук одной только реакционной военщины. Но факты говорят о том, что они многое сделали для облегчения этого переворота и не случайно более «левые» эсеры прямо обвиняли в этом председателя Директории¹⁰).

Прислужничество эсеров из Директории (Авксентьев, Зензинов, Аргунов) перед буржуазией было столь явным, а положение Директории столь беспомощным, что часть эсеров стала открыто критиковать эту безвластную «всероссийскую власть».

Наиболее «оппозиционное» положение заняли так называемый съезд членов Учредительного собрания, обосновавшийся после создания Директории в Екатеринбург, и Уфимский «совет управляющих ведомствами», образовавшийся из остатков бывшего самарского правительства. И «съезд», и «совет» продолжали настаивать на передаче власти Учредительному собранию того состава, в котором оно в январе 1918 г. было распушено Советской властью.

В. Чернов от лица ЦК ПСР организовал 22 октября выпуск Обращения ко всем эсеровским организациям. В нем осуждалась усиливающаяся атамановщина в Сибири, критиковалась нерешительность Директории в борьбе с нею, говорилось о необходимости вооружения членов эсеровских организаций для борьбы с реакцией и т. д.

Разговор о реакции шел в обычном для эсеров духе, для них по-прежнему всероссийская власть под демократической вывеской (Учредительное собрание) являлось главным средством борьбы против большевиков и Советской республики.

Но реакцию не интересовали мотивы, побудившие эсеров выпустить подобное обращение. Военно-буржуазные круги настаивали на немедленном пресечении «антигосударственной» деятельности эсеров. Небезынтересно и отношение представителей «союзников» к этому событию.

¹⁰ Н. В. Святицкий. Указ. соч., стр. 17.

Генерал Нокс, познакомившись с обращением, грозил Авксентьеву отказом в помощи «союзников» и советовал расстрелять Чернова¹¹⁾.

В Директории по требованию генерала Болдырева был поставлен вопрос об аресте членов эсеровского ЦК. Эсеры Авксентьев и Зензинов согласились с предложением начать против ЦК эсеров судебное дело¹²⁾.

Бывшие члены Учредительного собрания, эсеры Ракитников и Святницкий в своих книжках расценивают оппозицию членов Учредительного собрания как принципиальную борьбу эсеров против буржуазной реакции и военной диктатуры¹³⁾. Но даже материалы, приводимые этими авторами, убеждают читателя в том, что эта борьба как раз менее всего была принципиальной борьбой «социалистов» с буржуазией, она скорее носила характер драчки за первое место у кормила власти.

Эсеры в те годы, да и позднее, не переставали говорить, что они за народную власть, но без диктатуры пролетариата, что им претит всякая диктатура независимо от того, идет она слева или справа. Но даже при чтении эсеровской литературы убеждаешься в том, что если на борьбу с диктатурой слева они не жалели сил, то в «борьбе» с диктатурой справа они проявляли удивительную нерешительность и беспомощность. И это обстоятельство убедительнее всего свидетельствует о неискренности громких фраз эсеровской партии насчет ее ненависти к реакции. И дело здесь не меняется от того, что отдельные члены этой партии действительно не хотели и боялись установления военно-буржуазных диктатур типа колчаковской. Вера тех эсеров, которые искренне (а были и такие) считали возможным какой-то третий путь, не делали позиции этой партии эклектиков и соглашателей более крепкими.

«Оппозиция» учредилковцев была чисто словесной. И сами эсеры, так хотевшие бы изобразить свою борьбу с надвигающейся колчаковщиной в качестве настоящей борьбы, вынуждены писать о полнейшем бессилии и съезда Учредительного собрания, и «совета управляющих ведомствами», и других подобных очагов «оппозиции», появившихся накануне колчаковского переворота.

В ночь на 18 ноября члены Директории эсеры Авксентьев, Зензинов, Аргунов и товарищ министра внутренних дел Роговский были арестованы офицерами из отряда Красильникова. Начальник штаба отряда предъявил арестованным ультиматум: или они немедленно уезжают за границу, или остаются в тюрьме¹³⁾.

Официальное сообщение информационного отдела штаба верховного главнокомандующего объясняло причины ареста тем, что будто бы Авксентьев и другие арестованные члены Директории пытались разложить армию, вели антигосударственную деятельность и офицеры Омского гарнизона, «ради ограждения молодой Русской Армии от неминуемого разложения», вынуждены были произвести эти аресты¹⁴⁾.

Эсеры пытаются протестовать против колчаковского переворота. «Совет управляющих ведомствами» объявил власть Колчака, посягнувшего на Директорию, узурпаторской и грозился «против реакционных банд красильниковцев и анненковцев... выслать свои добровольческие части, объявить Сибирское правительство врагом народа и даже...» довести об этом до сведения союзных правительств¹⁵⁾.

¹¹⁾ Гражданская война в Сибири и Северной области. Госиздат, 1926, стр. 15.

¹²⁾ В. Владимирова. Указ. соч., стр. 374.

¹³⁾ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), ф. 128, оп. 1, д. 18, л. 1.

¹⁴⁾ Там же, л. 3.

¹⁵⁾ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР), ф. 176, оп. 3, д. 6, лл. 74—75.

Вольский обратился с воззванием «ко всем народам России», в котором заявлялось, что «съезд членов Всероссийского Учредительного собрания берет на себя борьбу с преступными захватчиками власти»¹⁶). Съезд создал комитет из эсеров, членов Учредительного собрания, для «ликвидации заговора, наказания виновных и восстановления законного порядка». Этот весьма любопытный, с точки зрения раскрытия политической наивности эсеров, документ заканчивался совсем уже в той обстановке нелепым приказом: «Всем гражданам вменяется в обязанность подчиняться распоряжениям Комитета и его уполномоченных»¹⁷).

Комитет для борьбы с «узурпатором» создали и Омские эсеры, члены Учредительного собрания. Они распространили в городе листовку, где тоже в самых категорических выражениях высказывали стремление бороться против незаконного переворота¹⁸).

За что же боролась эсеровская оппозиция? Может быть колчаковский переворот заставил эсеров пересмотреть свои взгляды на революцию, Советы, большевиков? На этот вопрос можно ответить только отрицательно. Если и произошли какие-то сдвиги, то они были очень незначительны и касались только отдельных групп партии. В целом же эсеровская партия оставалась на старых позициях.

Во всех воззваниях и декларациях эсеров этого периода не выдвигалось никакой положительной социально-экономической программы. Это первое, что бросается в глаза при изучении эсеровской оппозиции Колчаку. И этот факт дает все основания полагать, что при переходе вновь власти в руки мелкобуржуазных демократов остался бы однажды уже продемонстрированный ими (Комуч, Западно-Сибирский Эмиссариат) режим антинародного террора. А он, как известно, очень несущественно отличался от колчаковского главным образом тем, что осуществлялся под завесой туманных «демократических» фраз.

Во всех «оппозиционных» эсеровских документах власть Колчака осуждалась как узурпаторская. Причем эсеры «забывали», что летом 1918 г. они тоже узурпировали власть у Советов и тоже с помощью иностранных интервентов. Эсеры требовали только одного — передачи власти Учредительному собранию.

Изменилось ли их отношение к большевикам, стоявшим во главе Советского правительства и возглавившим нараставшее революционно-освободительное движение сибирских трудящихся? «Эволюция» произошла, но она была смехотворно незначительной. Часть эсеровских лидеров заявила о том, что с большевиков надо снять обвинение в том, что они являются германскими шпионами. (А до этого эсеры не стеснялись повторять гнусные сплетни падкой на гадости желтой черносотенной прессы). В обращении группы членов Учредительного собрания «ко всем гражданам Российской республики» эсеры отказывались считать большевиков «наемными слугами германского империализма»¹⁹).

В декабре 1918 г. на совещании некоторых бывших членов Учредительного собрания было принято решение о прекращении вооруженной борьбы с Советской властью. Президиум этого совещания вступил в переговоры с представителями Советской республики о ликвидации «противобольшевистского фронта демократии». Было выпущено воззвание группы эсеров-учредителей «К сибирским, чехословацким и казачьим войскам» с призывом прекратить борьбу против Советской России и обратит оружие против колчаковской реакции²⁰). Причем по признанию

¹⁶) Г. К. Гинс. Указ. соч., стр. 11.

¹⁷) Там же.

¹⁸) ГАНУ, ф. 128, оп. 1, д. 18, л. 5.

¹⁹) ЦГАОР, ф. 432, оп. 1, д. 6, л. 16.

²⁰) Н. В. Святицкий. Указ. соч., стр. 29, 30.

самих эсеров, отказ «съезда» от борьбы с Советской Россией определялся только... невозможностью одновременной борьбы на два фронта, с Колчаком и Советами²¹).

Характерно, что колчаковские власти понимали, что между эсеровской фрондой и большевистским, советским фронтом огромная разница. Гинс так и пишет, что правительству Колчака пришлось вести «борьбу на два фронта: с большевиками и эсерами²²). Другая его фраза о том, что «уклоняется от участия в борьбе с большевиками вся эсеровская братия²³), тоже весьма характерна. Она свидетельствует о понимании колчаковцами двусмысленного поведения эсеров, которые не встали на путь совместной с большевиками борьбы против колчаковщины, а только «уклонялись» от борьбы с большевиками. Кстати, из источников хорошо известно, что даже из тех эсеров, которые принимали решения о прекращении противобольшевистского фронта, лишь немногие выполняли это решение.

При изучении истории эсеровской оппозиции Колчаку бросается в глаза то, что даже сами эсеры в своих книжках и брошюрах признают полное ее бессилие. У них не было никаких реальных сил для более существенного сопротивления, чем принятие резолюций и деклараций. Тот же Святицкий с унынием констатирует, что все «восстание» эсеров из съезда Учредительного собрания ограничилось составлением упоминаемого уже нами воззвания. А комитет, созданный для борьбы с Колчаком, когда пришел его арестовывать, «решил не сопротивляться²⁴). Об этом же пишет Ракитников, подчеркивая, что колчаковцы «...действовали, не теряли времени тогда, когда их противники ограничивались резолюциями и не имели достаточных военных сил²⁵). Кстати, слово «достаточных» не совсем к месту, правильнее сказать никаких сил.

Не только рабочие, но и значительная часть трудового крестьянства Сибири осенью 1918 г. встали на путь вооруженной борьбы с белогвардейским режимом, который был установлен при самом активном участии мелкобуржуазных партий. Эсеры поэтому не могли, если бы и хотели, рассчитывать на организованную поддержку со стороны трудящихся. То, часть эсеров в связи с колчаковским переворотом оказалась в тюрьмах, не меняло дела. Эсерам перестали верить даже те рабочие и крестьяне, которые недавно еще склонны были видеть в них социаллистов.

Подпольная конференция сибирских большевиков, состоявшаяся в Томске через несколько дней после колчаковского переворота, совершенно правильно констатировала, что теперь «...полное уничтожение так называемых демократических свобод нанесло окончательное поражение всем мелкобуржуазным иллюзиям²⁶). Эта конференция приняла специальное решение об отношении большевиков к мелкобуржуазным партиям, которое свидетельствует о том, что взгляд большевиков на эсеров не изменился после колчаковского переворота: «Учитывая, что партии меньшевиков и эсеров, как партии мелкобуржуазные, окончательно дискредитированы в глазах рабочего класса и беднейшего крестьянства, что иллюзии, которые они сеяли, разбиты в черепки, учитывая, что так называемые интернационалисты, левые эсеры, максималисты как мелкобуржуазные партии, партии революционной фразы не обладают влия-

²¹) Там же, стр. 29.

²²) Г. К. Гинс. Указ. соч., стр. 14.

²³) Там же, стр. 4.

²⁴) Н. В. Святицкий. Указ. соч., стр. 23.

²⁵) Н. И. Ракитников. Указ. соч., стр. 30.

²⁶) Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920). Документы и материалы. Новосибирск, 1959, стр. 62.

нием на массы и не представляют из себя реальной силы, Общесибирская конференция РКП решительно отвергает какие бы то ни было соглашения с ними, допуская лишь использование, в момент восстания их боевых сил, насколько таковые у партии имеются»²⁷). Этого решения партийные организации Сибири строго придерживались во весь последующий период гражданской войны. Так, в решениях II Всесибирской конференции большевиков, состоявшейся в марте 1919 г., снова подчеркивалось полное банкротство мелкобуржуазных партий и подтверждалось решение первой конференции об отношении большевиков к этим партиям. В резолюции по вопросам тактики говорится, что мелкобуржуазные партии в Сибири «... масс за собой не имеют и являются незначительными группами активных единиц. Сибирские коммунисты, имея за собой даже мелкую буржуазию, не должны даже формальным соглашением восстанавливать кредит банкротств через советскую работу и объединение партийных организаций».

Партия может использовать для революционной работы персонально каждого члена мелкобуржуазной партии, допуская в важных и особенно выгодных, при подготовке вооруженной борьбы, случаях и использование коллективов указанных партий»²⁸).

Эсеры же, апеллируя в своих декларациях и воззваниях «ко всем гражданам России», практической помощи в борьбе за пресловутое Учредительное собрание искали не у народа. Как и в период чехословацкого мятежа все их расчеты строились на поисках защиты у чехов и «союзников».

Так, эсеровский комитет, созданный из членов Учредительного собрания, пытался наладить связь с чехословацким «Национальным советом», обращался за помощью к представителям Антанты. Надежды эсеров питались заявлением «Национального совета» о том, что чехословацкая армия, «борющаяся за идеалы свободы и народовластия», не сочувствует перевороту, идущему в разрез с принципами законности, и надеется, что кризис власти будет разрешен мирным путем²⁹). В чисто эсеровском стиле, со всеми ахами и охами по поводу любви к «народо-правству», высказала свое осуждение колчаковского переворота газета «Чехословацкий дневник»³⁰).

Съезд членов Учредительного собрания обратился и к представителям Антанты, выразив надежду на то, что «все союзники энергично поддержат русскую демократию дипломатическим путем, а также вооруженной силой»³¹). Но, как и следовало ожидать, помощи ни от чехов, ни тем более от Антанты, не последовало.

В чехословацких частях и среди офицеров, и среди солдат были сочувствующие эсерам, но не они решали дело. Генералитет поддержал переворот. Гинс откровенно писал, что «...чехи зависели от союзников, а последние не были очарованы ни Директорией, ни эсерами; они имели гораздо больше оснований верить Колчаку. Военные представители Англии были определено расположены к адмиралу, и чехам это дано было понять. Они прекратили фронду...»³²).

В другом месте он снова пишет о том, что ни англичане, ни французы не проявляли сожаления о ликвидации Директории. «Генерал Нюкс был возмущен поведением черновцев и искренне верил в способности

²⁷) Там же, стр. 65.

²⁸) Там же, стр. 79.

²⁹) ЦГАОР, ф. 340, оп. 1, д. 8а, л. 1.

³⁰) Там же, л. 14.

³¹) ГАНО, ф. 128, оп. 1, д. 18, л. 6.

³²) Г. К. Гинс. Указ. соч., стр. 8.

адмирала создать армию. Генерал Жанен... тоже понимал преимущество единоличной военной власти в обстановке борьбы с большевизмом»³³).

Об этом же с еще большей откровенностью писал и представитель «демократической» Англии, небезызвестный полковник Джон Уорд. Он признавал, что Колчак серьезно был обеспокоен вопросом о том, на чью сторону перейдут чехословаки. Но, продолжает Уорд, чехи не смогли бы подойти к зданию, где заседал Совет Министров «без того, чтобы не натолкнуться на британцев, а мои пулеметы командовали над каждой улицей, которая вела к помещению русской главной квартиры»³⁴).

И сами эсеры вынуждены были констатировать, что «воля союзников для чехов была свята, ибо от этой воли зависело основание самостоятельного чехословацкого государства»³⁵).

Попытки эсеров протестовать и апеллировать к союзникам дали один результат: не без ведома союзников их начали арестовывать. 30 ноября появился официальный приказ об аресте членов Учредительного собрания. Часть учредителей оказалась в колчаковских тюрьмах. Съезд членов Учредительного собрания принял решение о переводе эсеровских организаций на нелегальное положение. И снова было много фраз и жестов, но никаких практических действий. И далеко не все эсеры ушли в подполье. Большинство их и при Колчаке открыто работали в органах местного самоуправления и кооперативах, а такой эсер, как Колосов, многократно встречался с колчаковскими министрами и антантовскими представителями, хотя и находился в «оппозиции». И колчаковские власти позволяли ему открыто фрондировать, хорошо понимая, что подобные оппозиционеры не представляют серьезной опасности.

Некоторых эсеров новые власти выслали за границу, многих из тюрьмы выпустили. Это тоже является свидетельством истинного взаимоотношения между эсеровскими организациями и колчаковской властью: известно, что большевиков белогвардейцы живыми из тюрьмы не выпускали.

При изучении материалов по истории эсеровской «оппозиции» Колчаку поражаешься тому, что даже при обстоятельствах, казалось бы прямо вынуждавших эсеров на борьбу с новым режимом, такой борьбы не было. В этом отношении типично поведение эсеров во время декабрьского восстания рабочих, организованного большевиками в Омске.

Восставшие захватили тюрьму и освободили политзаключенных, в том числе и значительную группу эсеров-учредителей. Восстание было подавлено. Колчаковцы объявили, что все добровольно вернувшиеся в тюрьму не будут наказаны. И многие эсеры поверили и пришли в тюрьму. Фомин, активный организатор антисоветского мятежа, вместе с группой других вернувшихся эсеров, был буквально растерзан офицерами³⁶). Так бесславно закончилась жизнь этих «вождей» демократической контрреволюции. А ведь если бы они действительно хотели бороться против колчаковщины, они могли бы это сделать после того, как восставшие рабочие освободили их из тюрьмы.

Говоря о поведении эсеров после колчаковского переворота, необходимо учитывать, что разложение внутри этой партии продолжалось.

Известно, что эсеровская партия никогда не отличалась единством. В. И. Ленин всегда учил при оценке эсеров учитывать это обстоятельство

³³) Там же, стр. 61.

³⁴) Джон Уорд. Союзная интервенция в Сибири 1918—1919. М.—Л., 1923, стр. 82.

³⁵) Н. В. Святыцкий. Реакция и народовластие. М., 1920, стр. 26.

³⁶) См. Е. Е. Колосов. Указ. соч., стр. 62—68.

во и подчеркивал, что «социал-революционизм» есть одно из проявлений мелкобуржуазной идейной неустойчивости³⁷⁾.

После Февральской революции процесс распада эсеровской партии усилился и стал особенно заметным осенью 1917 г., накануне Октября. В редакционной статье органа ЦК эсеров в сентябре 1917 г. с тревогой отмечалось, что, поскольку партия состоит из разнородных элементов, в ней все сильнее проявляются «центробежные силы»³⁸⁾.

Октябрьская революция, а затем начавшаяся с помощью тех же эсеров интервенция и гражданская война привели к тому, что многие рядовые эсеры ушли из партии соглашателей и предателей. После окончательного краха жалких попыток мелкобуржуазных демократов создать в союзе с крупной буржуазией «пародоправную», после колчаковского переворота разброд внутри эсеровской партии снова усилился. В секретном письме Московского бюро ЦК ПСР «ко всем партийным организациям» от 26 декабря 1918 г. прямо говорилось о все усиливающимся разложении в рядах «социалистической демократии». Этот процесс для партии, социальная база которой была разнородной и двойственной, в условиях гражданской войны, когда размежевание классовых сил достигло своей наивысшей точки, был объективно закономерен.

Часть эсеров встала на путь открытого сотрудничества с колчаковским режимом. Так, в декабре 1918 г. от лица «блока политических и общественных объединений», приветствующих единоличную диктатуру Колчака, выступили не только представители съезда торговли и промышленности, казачьих войск и кадетской партии, но и омская группа эсеров. Колчаковцы оценили поддержку со стороны «социалистов». Гинс писал по поводу этого заявления: «Еще раньше было сделано заявление о полной готовности поддержать адмирала со стороны несоциалистических организаций. Но, конечно, это заявление было гораздо менее выигрышно для диктатора, чем обращение блока, включившего в себя и социалистические элементы»³⁹⁾.

Другая часть эсеров перешла на позиции фронды. Но большинство фрондирующих эсеров твердо придерживалось весьма недвусмысленной линии: «против Колчака, но и против большевиков». Появление так называемой группы «Народ» (Вольский, Буревой и другие), высказавшейся за возможность сотрудничества с Советской Россией и большевиками, вызвало у «оппозиционного» эсеровского ЦК резко отрицательную реакцию. В одном из обращений ЦК эсеровской партии «Ко всем партийным организациям» позиция группы «Народ» расценивалась как «безоговорочная капитуляция перед большевизмом», потому что она (группа «Народ») настаивала «...на категорическом признании первенства коммунистической партии в деле отражения контрреволюционного нашествия, на добровольном подчинении членов П.С.Р. директивам партийного центра большевиков»⁴⁰⁾.

Поздней осенью 1919 г., когда Красная Армия громила колчаковские части уже на территории Западной Сибири, когда партизанское движение в Сибири стало повсеместным явлением, т. е. когда колчаковщина доживала свои последние дни, эсеровский ЦК несколько раз обсуждал вопрос об исключении из партии группы «Народ» именно за то, что ее представители высказывались за совместную с Советами борьбу против колчаковщины. Кстати говоря, после восстановления Советской власти в Сибири среди эсеров раздалось немногочисленные голоса о не-

³⁷⁾ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 6, стр. 374.

³⁸⁾ «Партийные известия», № 1, 28 сентября 1917 г., стр. 1.

³⁹⁾ Г. К. Гинс. Указ. соч., стр. 36.

⁴⁰⁾ ЦГАОР, ф. 432, оп. 1, д. 8, л. 6.

обходимости исключения из партии лиц, находившихся на службе у Колчака в качестве деятелей его министерства. Конкретно шла речь об эсерах Третьяке и Огановском. Но их-то эсеровский ЦК не исключил из партии! И совершенно не случайно в дневниковых записях бывшего управляющего военным министерством колчаковского правительства Будберга мы находим об эсерах такую небезынтересную фразу: «Если тыл грызут эсеры, то их надо раздавить, или, буде возможно, прийти к какому-нибудь соглашению». (Подчеркнуто нами. — М. П.)⁴¹). Вряд ли нужно напоминать, что колчаковцам никогда не пришла бы в голову мысль о возможном соглашении с фрондирующими эсерами, если бы они считали ее действительно народной и революционной партией.

В условиях господства колчаковской военно-буржуазной диктатуры пресекалась не только малейшая попытка сопротивления, но даже и самое робкое слово недовольства существующим режимом. В условиях необузданного разгула военщины понятны периодические репрессии, направленные и против некоторых эсеров. Стали подвергаться строгой цензуре эсеровские газеты. Происходили аресты эсеров. Так, в записке начальника Томской губернской госохраны, генерала Романова, от 18 октября 1919 г. сообщалось об аресте лидера сибирских правых эсеров П. Дербера. Здесь же находим и такую запись: «Ликвидирована эсеровская организация в г. Томске... Дознания и дальнейшие аресты продолжатся»⁴²).

В белогвардейских документах встречаются материалы, указывающие на то, что в течение длительного времени велись розыски с целью ареста бывших членов эсеровского «Западно-Сибирского Эмиссариата» П. Михайлова, Линдберга, председателя Сибоблдумы Якушева. В колчаковских донесениях очень часто встречаются сообщения об арестах лиц просто «по подозрению в преступной деятельности в качестве членов партии социалистов-революционеров»⁴³). На этом основании, в частности, летом 1919 г. карательным отрядом белобандита Сурова было арестовано почти все правление Маринского союза кооператоров⁴⁴). Такие аресты правления коопераций, земцев имели место и в других местах Сибири.

Колчаковские власти по мере усиления революционной борьбы трудящихся становились все более подозрительными. Только этим можно объяснить их недоверие даже к кулацким кооперативам, усиленно снабжавших белогвардейский режим деньгами.

Колчаковцев не на шутку беспокоила оппозиционная деятельность даже таких «демократов», как Керенский, позволявшего себе из заграничного далека выступать с критическими заявлениями в адрес единоличной диктатуры Колчака и Деникина⁴⁵).

С приближением полного краха колчаковщины в белогвардейских донесениях и сводках все чаще и чаще появляются сведения о деятельности подпольных эсеровских групп в Сибири.

Такие группы действительно имели место. Некоторые из них стали искать связи с местными подпольными комитетами большевиков, и их представители входили в состав военно-революционных комитетов⁴⁶), созданных во многих сибирских городах для руководства восстаниями с целью восстановления Советской власти.

⁴¹) Будберг. Дневник белогвардейца. Изд. Прибой, 1929, стр. 44.

⁴²) ЦГАОР, ф. 147, оп. 9, д. 11, л. 47.

⁴³) ЦГАОР, ф. 147, оп. 9, д. 11, л. 30.

⁴⁴) Там же, л. 6.

⁴⁵) ЦГАОР, ф. 147, оп. 8, д. 31, л. 11.

⁴⁶) См. «Знамя революции» (Томск), 22 февраля 1920 г.

Но, во-первых, не надо забывать, что на такой путь становились только отдельные группы эсеров, как правило порывавшие с центральным партийным руководством. И, во-вторых, почти все даже и эти группы так и не встали (за исключением отдельных лиц) на позиции защиты Советской власти, при руководящей в ней роли большевиков. Большинство же сибирских эсеров и к концу гражданской войны не ушли дальше идеи земско-городского собора, абсолютно чуждой сибирским трудящимся.

С этой идеей носился Колосов и все сибирские эсеры-земцы⁴⁷). Таковой же в общем-то линии держалась вышеупомянутая группа П. Михайлова и Якушева, хотя она и относилась к «левому» крылу партии⁴⁸).

Но ведь известно, что с приближением гибели своего режима и Колчак заговорил о государственном земском совещании.

В дневнике колчаковского министра В. Н. Пепеляева в сентябре 1919 г. появляются на этот счет многочисленные записи. Он говорит, что в связи с ухудшившимся на фронте и в тылу положением, в колчаковском правительстве в августе начались разговоры о необходимости привлечь на свою сторону казачество и крестьянство, созыве для этой цели земского собора. В записи от 15 сентября читаем: «Решено учредить государственное земское совещание. Верховный правитель издает грамоту»⁴⁹).

С идеей земского собора были связаны судорожные попытки сохранить в Сибири власть буржуазии, не дать восстановиться здесь Советской власти. Значит, при всей кажущейся оппозиции принципиальной разницы в целях эсеров и контрреволюционной буржуазии не было.

Колосов впоследствии изображал себя, эсеров-земцев, «Политцентр» чуть ли не в качестве главной силы, свергнувшей Колчака. Но все его «оппозиционные» выступления в период колчаковщины говорят о другом. Так, осенью 1919 г. по поручению Енисейской губернской земской управы Колосов делал доклад на тему: «Государственное земское совещание и безответственная власть»⁵⁰). Это весьма пространное выступление пронизано одной идеей — властью должно стать земство. Режим колчаковщины Колосов осуждал только за нежелательные крайности, которые, с его точки зрения, мешали успешной борьбе с большевиками. Этот «социалист» и осенью 1919 г. главной задачей демократии считал борьбу с большевиками и заявлял: «С большевиками не может быть соглашения и не должно быть примирения»⁵¹).

Критика колчаковского режима нужна была эсерам по чисто тактическим соображениям. Видя неминуемый крах единоличной диктатуры, они пытаются сохранить буржуазный строй любыми средствами, но главным в их арсенале оставалась демагогия, с помощью которой они надеялись еще раз обмануть трудящихся. В этой демагогии они доходят до осуждения идеи союза социалистов с буржуазией, хотя вовсе годы революции и гражданской войны ценой любых унижений добивались этого союза. Так, в одной из резолюций Всесибирского краевого комитета эсеров говорилось об иллюзорности «расчетов на возможность осуществления устойчивого политического компромисса между трудящимися массами и какими бы то ни было имущими группами...» В этой же резо-

47) См. Е. Колосов. Указ. соч.

48) ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 112, л. 3.

49) Развал колчаковщины. «Красный архив», 1928 г., т. 6(31), стр. 71.

50) ЦГАОР, ф. 340, оп. 1, д. 13, л. л. 8—29.

51) ЦГАОР, ф. 340, оп. 1, д. 13, л. 26.

люции отмечалась вредность влияния подобных иллюзий, приведших «к отрыву эсеров от народных масс»⁵²).

В обращении ЦК ПСР «К солдатам Сибирских армий Колчака» от 13 мая 1919 г. эсеры пытаются отмежеваться от крайне правой реакции и призывают солдат повернуть оружие против «предательской помещичье-буржуазной власти Колчака».

Эсеры, которые все сделали для того, чтобы помешать практическому осуществлению социалистической революции, которые, чтобы оправдать свое предательство, кричали о невозможности социализма в России, не постыдились вышеупомянутое обращение закончить лозунгом «Да здравствует социализм»⁵³).

Слова о социализме понадобились эсерам для нового обмана народных масс. И говоря о социализме, эсеры в том же обращении высказывают свое отрицательное отношение к Советам, большевикам, единственной в России партии, для которой слова о строительстве социализма не были пустой фразой. Уже и после полного разгрома колчаковщины эсеровский ЦК заявил, что он был и будет всегда против такой формы «борьбы с реакцией», которая бы «грозила вылиться в форму поддержки большевистской партии»⁵⁴).

Вся практическая деятельность сибирских эсеров-земцев и «Политцентра» в конце 1919 — начале 1920 гг. преследовала прежде всего эту, вполне отчетливо выраженную эсеровским ЦК, цель: ни при каких обстоятельствах не оказывать помощи большевикам, бороться против восстановления Советской власти, сохранить буржуазный строй в Сибири.

И отдельные случаи перехода эсеров на сторону Советов, участие некоторых эсеров совместно с рабочими и крестьянами в антиколчаковских восстаниях, не меняют общей картины поведения эсеровской партии после колчаковского переворота.

В современных условиях, когда коренным образом изменилось соотношение социальных сил на мировой арене, коммунистические партии считают возможным и необходимым соглашения с мелкобуржуазными партиями в борьбе не только за демократию, но и социализм. В годы нашей пролетарской революции были иные конкретно-исторические условия. Но и тогда в стране, где преобладало мелкобуржуазное население, В. И. Ленин считал возможным на определенных условиях соглашение пролетарской партии с мелкобуржуазными партиями. Блок с «левыми» эсерами явился практическим осуществлением этой важной теоретической посылки. И временным, и непрочным он, как известно, оказался не по вине большевиков⁵⁵).

В дни Октябрьской революции правые эсеры пошли на открытый союз с контрреволюционной буржуазией, исключив из своих рядов «левых». Но «левые» оставались эсерами и летом 1918 г. тоже встали на путь вооруженной борьбы против Советской власти. Таким образом, из опыта революции большевистская партия хорошо знала цену эсеровской оппозиционности и революционности и имела достаточно оснований не доверять даже самому левому крылу этой партии. Отказ эсеров идти на честное сотрудничество с Советской властью даже после колчаковского переворота подтверждал, что эта партия осталась на контрреволюционных позициях. Вот почему В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что и в период колчаковщины эсеры, называя себя социалистами, продолжали оставаться пособниками помещиков и капиталистов.

⁵² ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 91, л. 9.

⁵³ ЦГАОР, ф. 432, оп. 1, д. 17, л. 3.

⁵⁴ ЦГАОР, ф. 432, оп. 1, д. 8, л. 6.

⁵⁵ См. К. Гусев. Крах партии «левых» эсеров. М., 1963.

В известном «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» В. И. Ленин писал, что верить эсерам и меньшевикам, вновь предлагающим «единный социалистический фронт», нельзя. «Возразят: меньшевики и эсеры увидели свою ошибку и отреклись от всякого союза с буржуазией. Но это неправда. Во-первых, правые меньшевики и эсеры даже и не отреклись от такого союза, а грани с этими «правыми» определенной нет, и нет по вине «левых» меньшевиков и эсеров; на словах «осуждая» своих «правых», даже лучшие из меньшевиков и эсеров остаются на деле бессильными рядом с ними и вопреки всем их словам. Во-вторых, даже лучшие из меньшевиков и эсеров защищают как раз колчаковские идеи, помогающие буржуазии и Колчаку с Деникиным, прикрывающие их грязное и кровавое капиталистическое дело»⁵⁶).

⁵⁶) В. И. Ленин. ПСС, т. 39, стр. 156—157.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СИБИРИ (1918—1920 гг.) В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

С. Ф. ФОМИНЫХ

В послевоенные годы в США опубликовано большое количество книг, статей, сборников документальных материалов, посвященных истории СССР в период иностранной интервенции и гражданской войны¹). В отличие от правильных оценок событий, даваемых историками-марксистами и прогрессивными представителями буржуазной историографии, основная тенденция американской буржуазной историографии направлена на искажение исторических событий недалекого прошлого.

Особый интерес буржуазных историков США к периоду иностранной интервенции и гражданской войны в СССР в значительной степени определяется той ролью, которую сыграли правящие круги Соединенных Штатов в организации вооруженной интервенции капиталистических стран против молодой Советской России²).

Поэтому в задачи американской буржуазной историографии входит оправдание агрессивной политики империалистов США. Заявляя на словах о беспристрастном, «объективном» подходе, они на практике прибегают к прямой или к прикрытой форме фальсификации исторических событий и фактов. Этим целям подчинен и тот метод, которым руководствуются буржуазные историки США в своих исследованиях — презентизм. Отрицая наличие какой бы то ни было закономерности в историческом процессе, историк-презентист утверждает, что критерием объективности в оценке событий должны являться потребности сегодняшнего дня³). Этим методом определяются и те приемы, которые ис-

¹) См. P. Tompkins. American—Russian Relation in the Far East. N. Y. 1949; C. A. Manning. The Siberian Fiasco N. Y. 1952; B. M. Unterberger. America's Siberian Expedition (1918—1920). Durham, 1956; G. F. Kennan. The decision to Intervene. Princeton, 1958 и др.

²) В. И. Ленин в «Письме к американским рабочим» в августе 1918 г. писал: «Именно теперь американские миллиардеры, эти современные рабовладельцы, открыли особенно трагическую страницу в кровавой истории кровавого империализма, дав согласие — все равно, прямое или косвенное, открытое или лицемерно прикрытое, — на вооруженный подход англо-японских зверей с целью удушения первой социалистической республики». В. И. Ленин. Полное собрание сочинений (ПСС), т. 37, стр. 48.

³) Так, например, президент американской ассоциации историков К. Рид писал в 1950 г., что «историк находит в прошлом то, что ищет. Он излагает и подчеркивает факты в соответствии со своей концепцией, которая социально желательна и рассказывает об эволюции общества, постоянно имея в виду это обстоятельство». Цитир. по А. Е. Куннина и Б. И. Марушкин. Миф о миролюбии США. М., 1960, стр. 13.

пользуются американскими историками при написании своих работ: умалчивание фактов, которые выставляют США в неприглядном свете, и прямое извращение событий, упоминания которых избегать нельзя. Для многих исследований характерно отсутствие обоснования выдвигаемых утверждений историческими фактами, документальными источниками, поверхностный анализ событий.

При ретроспективном ознакомлении с американской буржуазной историографией по истории гражданской войны и интервенции в СССР можно заключить, что она проделала определенную эволюцию, которая отнюдь не исключает ее основной реакционной направленности.

На изменение методов и приемов, используемых американскими буржуазными историками, безусловно, большое влияние оказали такие факторы как длительность существования первого в мире пролетарского государства, его постоянно крепнущая экономическая и оборонная мощь и международное значение, рост сознательности трудящихся масс в странах капитализма и др.

Некоторые представители современной буржуазной историографии США вынуждены отказаться от традиционной оценки событий этого периода в истории. Так, например, В. Вильямс в результате тщательного изучения фактов пришел к идущему в разрез с официальной историографией выводу относительно характера американской интервенции в Советскую Россию. Она, как считает В. Вильямс, была «антибольшевистской по замыслу» «...История... свидетельствует, — пишет он, — что интервенция ставила целью оказать прямую и косвенную поддержку противникам большевиков в России»⁴).

Другой американский историк Д. Флеминг в двухтомном исследовании «Холодная война и ее происхождение» также считает, что правительства стран Запада, организуя вооруженную интервенцию, исходили из стремления «уничтожить коммунистический эксперимент в России»⁵). Но, к сожалению, такие трезвые оценки довольно редко встречаются в работах американских буржуазных историков. По-прежнему продолжает господствовать традиционная оценка причин и характера союзной интервенции в России. Основной акцент делается на «необходимость» продолжения войны против Германии, «помощь» корпусу чехословаков, «защиту» территориальной целостности русского Дальнего Востока и Сибири от японской экспансии и т. п.⁶).

В советской исторической науке, особенно с середины 50-х годов, уделяется большое внимание анализу и критике взглядов американской буржуазной историографии на историю гражданской войны и интервенции. Опубликовано значительное число статей, историографических об-

⁴ «История СССР. М., 1964, № 4, стр. 193. Эта статья (В. Вильямс. Американская интервенция в России) также не лишена присущего всей американской буржуазной историографии субъективизма в исследовании исторических событий. Об анти-советской направленности американской интервенции В. Вильямс пишет и в другой книге W. Williams. American-Russian Relations, 1781—1947, п. V, 1952, p. 105—106, 129 и др.

⁵ См. D. F. Fleming. The Cold War and its origins 1917—1960, Allena Univ., 1961, V. 1, p. 32. Наряду с этим правильным выводом о характере иностранной интервенции Д. Флеминг допускает и целый ряд искажений исторических фактов. Так, например, он утверждает, что если бы не было интервенции, то «развитие Советского Союза протекало бы гораздо медленнее...» (стр. 3). В такой же степени нелепо заявление Флеминга о том, что «боязнь интервенции использовалась советскими руководителями для оправдания своей «деспотической регламентации» (стр. 32). Искажил американский историк и роль крестьянства в гражданской войне, считая его политически «инертной массой», не способной на какие-либо решительные действия (p. 18).

⁶ См., например, В. М. Unterberger. America's Siberian Expedition (1918—1920), Durham, 1956, p. 67; R. W. Curry. Woodrow Wilson and Far Eastern Policy, 1913—1921. N. Y., 1957, p. 214, 215, 217, 221, 318—319 и др.

зоров, рецензий, в которых советские историки, основываясь на неопровержимом документальном материале, дают должный отпор клеветническим измышлениям реакционных американских буржуазных историков⁷⁾.

Большую работу проделали историки союзных республик Средней Азии, Закавказья, Казахстана, подвергнув критике концепции американских историков по периоду гражданской войны и интервенции на территории этих республик⁸⁾.

В вышеупомянутых статьях, рецензиях, обзорах анализируются и взгляды историков США по некоторым вопросам иностранной интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Но основное внимание в них уделяется разбору выводов, содержащихся в работах американских историков, относительно причин и характера интервенции, роли Соединенных Штатов Америки в ней, дипломатической истории подготовки и хода союзной интервенции, причин ее поражения и т. п.

Между тем американские историки уделяли и уделяют значительное внимание освещению истории гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. В их работах рассматриваются причины гражданской войны в этой части России, причины падения Советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке летом 1918 г. Американские историки дают свои оценки политике и поведению многочисленных контрреволюционных «правительств», партий, земских организаций, сибирских кооперативов. Представляют определенный интерес и выводы американских историков относительно причин подъема партизанского движения в Сибири и на Дальнем Востоке, поражения колчаковской диктатуры и восстановления Советской власти и др.

В данной статье делается попытка на анализе некоторых работ американских буржуазных историков показать наиболее характерные моменты по упомянутым проблемам истории гражданской войны и интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918—1920 гг.

Наиболее подробное освещение истории гражданской войны и интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке содержится в опубликованной в 1950 г. книге американского историка Джона Альберта Уайта «Сибирская интервенция»⁹⁾. Написанная вскоре после окончания второй мировой войны, в которой Советский Союз и Соединенные Штаты выступил в одной коалиции против гитлеровской Германии, она носит на себе определенный отпечаток этого. Так, например, Д. Уайт в предисловии к своей книге, подчеркивает, что к изучению периода возникновения

⁷⁾ Особенно следует отметить сборник статей под редакцией Н. И. Минца «Зарубежная литература об Октябрьской революции» (М., 1961), статьи Б. И. Штейна («Зарубежная историография гражданской войны. Некоторые вопросы истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР в освещении зарубежной историографии периода 1917—1924 гг.» в сборнике «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции». Издательство МГУ. 1957), С. И. Кузнецовой и Б. Е. Штейна («Английская и американская историография Октябрьской революции, иностранной интервенции и гражданской войны в России» в «Вопросах истории», 1956, № 11), Г. Алахвердова («Фальсификация буржуазными историками США истории американской интервенции против Советской России в 1917—1920 гг.» в «Вопросах истории», 1958, № 11), А. Е. Кунинной («Американская буржуазная историография о политике США в отношении к Советской России» в «Вопросах истории», 1960, № 10) и другие.

⁸⁾ См. статьи Р. Г. Симоненко («Фальсификация истории социалистической революции на Украине в современной американской буржуазной историографии») и Г. А. Галояна («Англо-американская буржуазная литература о социалистической революции в Закавказье»), в сборнике «Зарубежная литература об Октябрьской революции». М., 1961 и др.

⁹⁾ J. A. White. The Siberian Intervention, Princeton, 1950.

Советского государства его побудило «значение Советского Союза в современной международной жизни»¹⁰). Американский историк в своей книге пользуется не только исследованиями и источниками, опубликованными в США, Англии, Франции и Японии, но и некоторыми работами, вышедшими в СССР до Великой Отечественной войны. Необходимо сразу подчеркнуть, что в объяснении причин и характера участия Соединенных Штатов в интервенции в Сибири автор остается на позиции официальной буржуазной историографии США. Правда, в отличие от своих предшественников, он центральное внимание уделяет американско-японским противоречиям, существовавшим в тот период, и поэтому роль Соединенных Штатов в интервенции сведена им к «защите» территориальной неприкосновенности Дальнего Востока от посягательств Японии¹¹).

Но в ряде выводов этот американский историк отходит от традиционной официальной точки зрения. Так, например, в главе «Гражданская война» Д. Уайт проводит мысль, что интервенция союзников послужила причиной начала гражданской войны в Сибири. «Интервенция,— пишет он,— явилась в то же самое время открытием гражданской войны в Сибири... Продвижение чехов с Запада и других союзных войск с Востока явилось результатом свержения установившегося политического порядка (стр. 256). Таким образом, американский историк признает, что выступление чехословаков против Советской власти весной 1918 г. и высадка войск союзников на Дальнем Востоке летом того же года явились тем фактором, который сыграл решающую роль в развязывании гражданской войны в Сибири. Этим выводом Д. Уайт разбивает свое же заявление в главе «Правительства революционной Сибири» о якобы «фатальной» неизбежности гражданской войны и интервенции (стр. 70). Утверждение о «роковой» необходимости гражданской войны и интервенции выдумано буржуазными историками, чтобы оправдать борьбу международного империализма против Советской России.

Характеризуя сибирскую контрреволюцию, Д. Уайт отмечает, что в борьбе против Советов объединились все соперничавшие из-за власти партии и группировки. Американский историк подчеркивает полную зависимость многочисленных сибирских правительств от иностранной помощи. «Антибольшевистские правительства (в Сибири.—С. Ф.),— пишет Уайт,— возникали в ответ на желания некоторых правительств союзников... Для всех их было общим зависимость от внешней поддержки. Тот факт, что большинству из них была оказана иностранная помощь, сделал их со временем полностью креатурой иностранных или реакционных правительств» (стр. 72). Следует сразу же оговориться, что под последним он имеет в виду Англию, Францию и Японию, но только не Соединенные Штаты. Не вызывает возражений и вывод автора о том, что «ни одно из этих правительств не имело ни малейшего шанса выжить без иностранной поддержки» (стр. 104).

Значительное внимание Д. Уайт уделяет анализу той обстановки, которая существовала в Сибири в момент свержения Советской власти весной и летом 1918 г. Он обращает внимание на существовавшую борьбу между различными группировками за руководство антисоветским движением.

По мнению американского историка, действительная власть в Сибири и на Дальнем Востоке принадлежала не Дерберу и Хорвату, а авантюристам типа Семенова, Калмыкова, Иванова-Ринова и Розанова

¹⁰) Там же, стр. VIII.

¹¹) Д. Уайт. Указ. соч., стр. 218. «Нависшая угроза захвата русской территории Германией и Японией делала действие союзников необходимым...»,— пишет Д. Уайт.

(стр. 99). Такое отрицательное отношение к Семенову и Калмыкову и им подобным со стороны представителей американской буржуазной историографии объясняется не тем произволом над мирным населением, который творили эти авантюристы, а позицией, занимаемой последними в отношении Соединенных Штатов. Она была прояпонской и, таким образом, шла вразрез с планами американцев, стремившихся к монопольному господству на Дальнем Востоке.

Давая оценку «Временному Сибирскому правительству», Д. Уайт отмечает полную зависимость его от союзных держав и обращает внимание на тот факт, что своей политикой оно настолько скомпрометировало себя, что единственным условием получения дальнейшей помощи от союзников могло явиться только установление «диктатуры Колчака» (стр. 104). Но так же, как большинство американских историков, он пытается свалить всю ответственность за помощь сибирской контрреволюции на Англию (стр. 106).

Уделяя много места рассмотрению истории сибирской контрреволюции, Уайт во многих ее вопросах совершенно не разобрался. Д. Уайту так и не удалось проследить те процессы, которые протекали в этот период развития сибирской контрреволюции, не увидел он и истинных причин падения власти «Временного Сибирского правительства». И объяснение падения власти лишь тем обстоятельством, что оно не имело «постоянного источника доходов» (стр. 106—107), означает полнейшее непонимание существа дела. То, что сибирское крестьянство не поддержало это «правительство», он пытается объяснить не тем обстоятельством, что политика последнего не отвечала интересам большинства крестьянства, а отсталостью и невежеством крестьян. «Крестьянство было слишком отсталым, чтобы оказать ему поддержку, — пишет он, — а его руководители (Д. Уайт имеет в виду эсеров. — С. Ф.) были эмоционально и мысленно слишком далеки от него, чтобы объяснить значение той формы правления, которой они придерживались» (стр. 107).

Далее Д. Уайт считает, что «Временному Сибирскому правительству» не удалось добиться единства действий, а только при этом условии оно могло рассчитывать на всестороннюю помощь со стороны союзников. «Сокрушаясь» по поводу неудачи «русского демократизма», он вынужден признать, что установление диктатуры Колчака «в политическом отношении представляло победу консервативного» (стр. 110).

С неудачей партии эсеров возглавить контрреволюционное движение в Сибири Д. Уайт связывает и вообще поражение интервенции. «Поражение демократических групп представляло не только поражение того, что могло стать либеральным правительством, — считает он, — но и триумф реакции. Оно явилось, поэтому, главной трагедией интервенции в Сибири» (стр. 110).

Определенный интерес представляет даваемый автором анализ причин поражения колчаковской диктатуры, а также вообще контрреволюции на территории Сибири и Дальнего Востока. Но и здесь основной акцент делается Д. Уайтом на чисто внешних, неосновных моментах.

Американскому историку не удалось понять главного. Навивно предлагать, что ссылаясь на невозможность нормального функционирования Сибирской железной дороги из-за «действий большевиков и японцев», из-за чего не удавалось обеспечивать регулярное снабжение вооружением и снаряжением колчаковские войска, можно объяснить поражения Колчака (стр. 347).

Более близок автор к истине, когда он ссылается на тот факт, что сама по себе колчаковская диктатура «не пользовалась поддержкой среди населения». Но все было бы иначе, утверждает Д. Уайт, если бы

Колчаку удалось принять во внимание «демократические тенденции в народе, вызванные к жизни русской революцией» (стр. 347—348). Он даже и не пытается задуматься над тем, а могла ли вообще контрреволюционная диктатура Колчака учесть «демократические тенденции», против которых и был направлен ее главный удар. Не раскрывают существа проблемы и ссылки автора на просчеты Колчака в оценке сил большевиков, на забвение последним экономических задач и т. п.

В книге американского историка нашло отражение и партизанское движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что он связывает начало партизанского движения лишь с приходом к власти Колчака, т. е. поздней осенью 1918 г.

Его возникновение Уайт объясняет главным образом недовольством сибирского крестьянства многочисленными мобилизациями в колчаковскую армию, пытаясь затушевать тот факт, что сибирское крестьянство было недовольно той антинародной политикой, которой следовало правительству Колчака.

Искажается американским историком и роль Коммунистической партии в организации и руководстве партизанским движением. Так, например, он, акцентируя внимание на элементе стихийности этого движения на стадии его зарождения, доказывает, что вообще Коммунистическая партия не причастна к подъему крестьян на борьбу с колчаковщиной, что она, дескать, лишь сумела проникнуть в него и захватить руководство в свои руки (стр. 275—276). Уайт пытается доказать, что большевики путем пропаганды обманули политически инертное крестьянство. Эти «доказательства» Уайт «аргументирует» заявлением о том, что будто бы и советские историки в своих исследованиях по истории партизанского движения «жалуются» на «апатию и отсутствие классовой сознательности» у населения в период борьбы с колчаковщиной. Этой же цели подчинено и утверждение Д. Уайта о том, что большевики ограничивали свою деятельность лишь работой в городе, а движение в деревне развивалось главным образом стихийно (стр. 280). Несмотря на это, он вынужден признать, что как то, так и другое было подчинено одной цели — борьбе с колчаковской диктатурой и иностранной интервенцией (стр. 283).

В искаженном свете представлено Уайтом поведение американских интервенционистских войск в отношении мирного населения Сибири и Дальнего Востока. Уайт стремится представить налеты вооруженных отрядов американцев на сибирские деревни лишь как средство для «сбора военного снаряжения, принесенного с собою возвращавшимися с фронта солдатами», но не для каких-либо карательных целей (стр. 274).

Наряду с подобными измышлениями о назначении карательных экспедиций американских интервентов в главе «Гражданская война» содержится ряд верных наблюдений автора относительно характера партизанского движения в Сибири. Так, например, Д. Уайт считает, что партизанское движение возникло прежде всего в тех районах, где сконцентрировалось большое количество переселенцев, то есть там, где острее всего сказывалась нехватка свободных земель¹²⁾. Другой группой населения, активно включившейся в партизанскую борьбу, американский

¹²⁾ Д. Уайт. Указ. соч., стр. 274. Д. Уайт наряду с другим американским историком Чемберлином (см. W. H. Chamberlin. The Russian Revolution 1917—1921, N. Y. 1935, 2 vols) верно утверждает, что «как правило, партизанское движение было наиболее сильным в тех районах, куда после... революции 1905 г. пришли новые поселенцы». «Там,— пишет Уайт,— скопилось значительное количество... населения, которое по той или иной причине оставалось неустроенным...». Но он не объясняет, почему не был разрешен аграрный вопрос в этих условиях.

историк считает возвращавшихся с фронта солдат. Но он не объясняет, почему именно бывшие фронтовики выступали с оружием в руках против колчаковской диктатуры и интервентов. Д. Уайт отмечает, что в конечном счете в борьбе против Колчака объединились как беднейшая, так и зажиточная части крестьянства. С усилением борьбы, признает он, соответственно увеличивалась и поддержка партизан со стороны населения. Это, по мнению американского историка, облегчало деятельность партизан (стр. 281).

Другой особенностью партизанского движения в Сибири и на Дальнем Востоке он считает тесное взаимодействие многочисленных партизанских отрядов, что облегчало «руководителям партизан управление деятельностью масс в направлении конкретных целей» (стр. 283).

Следует подчеркнуть и тот факт, что Д. Уайт обращает внимание на интернациональный характер партизанского движения. Наряду с русскими, — пишет он, — в партизанских отрядах сражались китайцы, корейцы, чехи и представители других народностей (стр. 284)¹³.

Но совершенно несостоятельна попытка американского историка утверждать, что деятельность партизан ограничивалась лишь зоной Сибирской железной дороги¹⁴). Этот тезис Д. Уайта проводится красной нитью через всю книгу для доказательства того, что главной причиной поражения интервенции и Колчака послужило то обстоятельство, что они не смогли добиться бесперебойной работы Сибирской железной дороги. Подобные заявления необходимы ему для того, чтобы скрыть настоящие причины поражения контрреволюции и интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке.

Правильно, на наш взгляд, определяет американский историк роль церкви в сибирской контрреволюции. По словам Д. Уайта, «православная церковь, в сущности, играла роль «теоретического руководителя» среди контрреволюционных сил. «Каждый успешный шаг в развитии революции, — продолжает он, — находил отражение в усилиях церкви уравновесить потери» контрреволюции (стр. 293).

Таковы основные положения, высказанные американским историком, о причинах возникновения, классовом составе, характере партизанского движения.

В главе «Восточная Сибирь в гражданской войне» Д. Уайт анализирует экономическое состояние Сибири и Дальнего Востока в годы гражданской войны и интервенции. Подчеркивая критическое положение промышленности, сельского хозяйства, транспорта, денежной системы, он опять-таки видит основных виновников этого в действиях «партизан и японских интервенционистских войск», «ставленников Японии казацких атаманов Семенова, Калмыкова». По его мнению, все эти экономические затруднения могли бы быть преодолены, если бы удалось обеспечить бесперебойную работу Сибирской железной дороги (стр. 297)¹⁵).

¹³) «Одной из интересных черт партизанской борьбы, — пишет он, — явилось участие в ней нерусских народностей... китайцев, корейцев, чехов и др.»

¹⁴) «В ходе гражданской войны, — утверждает Уайт, — главные усилия партизан... концентрировались на том, чтобы помешать использованию железной дороги своим врагам». Это, — продолжает он, — было главным стратегическим приемом для достижения цели, ради которой они были организованы. Концентрируя усилия на ней они рассчитывали разбить всю программу интервентов, а также и антибольшевистских военных и политических групп».

¹⁵) В этой главе Д. Уайт пытается доказывать, что политика США в железнодорожном вопросе в Сибири и на Дальнем Востоке была направлена к тому, чтобы обеспечить регулярное снабжение населения продовольствием и промышленными товарами, хотя хорошо известно, что они использовали ее для доставки военных грузов Колчаку и вывозу сырья в США. См. С. С. Григорьевич. Американская и Японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и ее разгром. М., 1957 г. и др.

Не вскрывает автор и причин инфляции. В качестве одного из «серьезнейших» аргументов он приводит нелепое заявление о якобы «преднамеренном распространении фальшивых денежных знаков большевиками» (стр. 303). Он не желает объяснить той роли, которую сыграли Соединенные Штаты Америки своим участием в интервенции, в том, что сибирская экономика была доведена до такого кризисного состояния. Сообщая, например, о размерах экспорта сырья с территории Сибири и Дальнего Востока в Японию в годы интервенции и гражданской войны, Д. Уайт почему-то забывает привести хотя бы несколько примеров действий Соединенных Штатов по выкачке природных богатств и сельскохозяйственного сырья из Сибири в США. Это бы внесло ясность в общую картину экономического положения Сибири в этот период.

Известно, что сибирские кооперативы в годы гражданской войны и интервенции развернули бурную деятельность по установлению торговых сделок с иностранными государствами. Можно с уверенностью сказать, что значительная часть ответственности за неконтролируемый вывоз сырья за границу, и особенно в Соединенные Штаты, несут сибирские кооперативы — организация наиболее зажиточной кулацкой части крестьянства. Поэтому так высоко и оценивает деятельность сибирской кооперации в тот период американский историк. «Кооперативы, — пишет он, — являлись одним из наиболее созидательных факторов в экономической жизни Сибири» (стр. 310).

В книге Д. Уайта описывается и другая сторона деятельности сибирской кооперации, о которой предпочитали умалчивать ее руководители-эсеры: посредничество в поставке вооружения колчаковской армии, любезно предоставляемом капиталистами Соединенных Штатов. Так, например, он пишет, что в 1919 г. военное министерство США подписало с кооперацией договор о поставке через нее военного снаряжения Колчаку (стр. 311).

Неоднократно подчеркивая стремление Японии использовать интервенцию в Сибири для извлечения экономических выгод, Д. Уайт всеми путями старается обелить деятельность представителей Соединенных Штатов в Сибири. Весь ход рассуждений автора направлен на доказательство его тезиса, что главной целью участия американцев в интервенции была «защита» территориальной целостности русского Дальнего Востока.

Таким образом, ознакомление с работой Д. Уайта «Сибирская интервенция» позволяет сделать вывод, что американский историк в своем повествовании далек от той объективности, которую он с завидной легкостью обещал читателю в предисловии к своей книге¹⁶).

На разборе некоторых интересующих нас вопросов истории Сибири останавливается также видный американский дипломат и историк, автор многочисленных книг и статей по истории американо-советских отношений, Д. Кеннан в опубликованной в 1961 г. книге «Россия и Запад при Ленине и Сталине», в большом разделе, посвященном периоду гражданской войны и интервенции в СССР¹⁷).

Если говорить об общей оценке, даваемой Кеннаном интервенции, то он продолжает оставаться на позициях, характерных для всей официальной американской буржуазной историографии. Кеннан представляет США в интервенции «пассивным» партнером своих западноевро-

¹⁶ «Целью моего изучения, — пишет он, — являлось внесение вклада в глубокое и объективное исследование периода..., который до сих пор или полностью искажался или недостаточно изображался в исторических и специальных работах» (стр. VIII).

¹⁷ George F. Kennan. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston—Toronto, 1961.

пейских союзников. «Вильсон, — утверждает он, — согласился послать американские войска в Сибирь... вопреки своим лучшим намерениям... Не будь настойчивого англо-французского давления, он никогда бы не решился на такой шаг» (стр. 106).

Анализируя меморандум Госдепартамента от 17 июля 1918 г., в котором посылка американских войск в Сибирь объяснялась необходимостью «спасения» чехословацкого корпуса, Кеннан заявляет, что и вся «американская экспедиция не задумывалась Вильсоном в форме военной интервенции против Советского правительства» (стр. 108).

Вопреки очевидным фактам он интерпретирует чехословацкий мятеж как явление чисто случайного характера, не зависевшее и ником образом не подготовлявшееся союзниками, свалившееся на последних, как «манна с небес».

Все доводы, приводимые Д. Кеннаном в оправдание политики США, свидетельствуют о чисто субъективистском подходе автора к вопросу. Это — апелляция к отсутствию у президента Вильсона «серьезной информации» о положении в Сибири, «наивности, беспочвенности» предположений о политике Японии на Дальнем Востоке, «сентиментальности и идеализированному» взгляду правительства США на поведение корпуса чехословаков, излишней «доверчивости» Вильсона к союзникам и т. п. (стр. 103, 104, 106).

Доводя до логического завершения свою концепцию «пассивной» роли США в интервенции в Сибири, Кеннан свел всю деятельность американских интервенционистских войск в Сибири во главе с генералом Гревсом к сражениям... «дипломатического характера, направленным против японцев, англичан и казацких атаманов» (стр. 110).

Естественно, что он проходит мимо многочисленных фактов участия американских интервентов в расправах над мирным населением, в борьбе с партизанским движением. Кеннан умалчивает и о той огромной помощи, которую оказали Соединенные Штаты реакционной диктатуре Колчака. Всю ответственность за нее он относит на счет Англии и Франции.

Касаясь причин поражения Колчака, Д. Кеннан, ни слова ни говоря об антинародной политике, проводимой последним, связывает его неудачи с политикой Колчака в отношении сибирских эсеров. Кеннан утверждает, что если бы Колчак не устранил эсеров от власти, то это бы не привело к тому, что сибирское крестьянство, настроенное, по его словам, в значительной степени против эсеровски, не поддержало Колчака (стр. 114—115).

Так же как и Уайт, он при объяснении причин подъема населения Сибири на партизанскую борьбу, акцентирует внимание только лишь на насильственной мобилизации в колчаковскую армию. Как и для Уайта, в книге Кеннана характерно стремление принизить роль Коммунистической партии в подъеме населения Сибири на борьбу с контрреволюцией и иностранной интервенцией. Тем не менее он вынужден признать, что к моменту падения Колчака в Сибири и на Дальнем Востоке было «сильное и хорошо организованное коммунистическое движение, сильнее, чем какая-либо другая политическая сила в этом районе» (стр. 115).

Подобные выводы Д. Кеннан делает и в статье «Советская историография и роль Америки в интервенции», напечатанной в 1960 г. в журнале «Американское историческое обозрение»¹⁸⁾: В ней Кеннан, анализируя с основными выводами, сделанными историками о роли США

¹⁸⁾ George F. Kennan. Soviet Historiography and America's Role in the Intervention. «The American Historical Review», Vol. (XV, N 2) January, 1960.

в антисоветской вооруженной интервенции, высказывает пожелание о необходимости достигнуть «полного взаимопонимания» американских и советских историков в трактовке событий, связанных с историей гражданской войны и иностранной интервенции в СССР.

Основой для достижения взаимопонимания, — утверждает он, — может послужить готовность обеих сторон «принимать во внимание, не только индивидуальный факт, но и преобладающий и очевидный вес имеющихся в распоряжении фактических свидетельств и показаний как высший арбитр исторического спора» (стр. 302).

Однако сам он забывает руководствоваться этим положением при анализе исторических событий. Так, например, Кеннан почему-то считает, что показания жертв расправ американских интервентов над мирным населением на Дальнем Востоке не могут служить достаточным доказательством виновности последних. Для него они лишь «сказки и анекдоты», ничего не имеющие общего с действительностью.

Относительно рейдов отрядов американских интервентов на Дальнем Востоке он, например, пишет: «Есть причины предположить, что этот анекдот (об американском майоре Джоне Педдерсе) подобно другим, изложенным в работе советских историков этого периода был извлечен из сказок, рассказанных различными участниками партизанского движения на 2-м съезде труженников Ольгинского района Приморской области, проходившем в марте 1920 г., в то время, когда американцы только что покинули Сибирь... Сравнение этих рассказов продолжает он, — с тем, как проходили в действительности операции американских войск в Сибири, наводит на мысль, что партизаны были сами жертвой большой неразберихи, особенно тогда, когда требовалось отличить американцев, с одной стороны, японцев и русских белогвардейцев, с другой, одетых в большинстве случаев в одну и ту же английскую форму» (стр. 320—321).

Подобная «аргументация» американского историка наводит на мысль, что вряд ли вообще с таким подходом к историческим фактам можно рассчитывать на достижение какого-либо взаимопонимания во взглядах на одни и те же события.

Не в состоянии все же использовать этот прием для отрицания фактов расправ американских интервентов над населением Дальнего Востока, Д. Кеннан, признавая некоторые из них (как, например, в селах Казанка и Новицкое), ответственность за них полностью возлагает на офицеров, командовавших этими отрядами, якобы... «растерявшимися в пылу сражения....» (стр. 321).

Такими же противоречиями страдают и выводы американского историка о причинах поражения контрреволюции и иностранной интервенции. Он никак не хочет согласиться с теми фактами, что среди причин, приведших к краху интервенции, важнейшей являются успехи Красной Армии, а так же движение пролетариата стран Запада в защиту Советской Республики, разложение внутри самих интервенционистских войск¹⁹).

¹⁹ George F. Kennan. *Russia and the West under Lenin and Stalin*. Boston—Toronto, 1961, p. 118. «В России сегодня утверждается, — пишет Кеннан, — что интервенты — С. Ф.) были сокрушены Красной Армией... Это, между прочим, запоздалое открытие... Ленин никогда не говорил о чем-либо подобном». Подобное заявление американского историка свидетельствует лишь о том, что он плохо ознакомился с ленинскими работами. Так, например, В. И. Ленин в речи на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г. говорил, что благодаря победам Красной Армии «...весь мир увидел, что есть сила, для которой Версальский договор не страшен и что никакие Версальские договоры не сломят силы рабочих и крестьян, если они умеют расправиться

На основе вышензложенного можно сделать вывод, что для современной американской буржуазной историографии в освещении событий, связанных с гражданской войной и интервенцией в Сибири и на Дальнем Востоке, характерно непонимание сущности тех процессов, которые были вызваны к жизни Великой Октябрьской социалистической революцией. Вместо глубокого анализа исторических событий и фактов ее представители предпочитают поверхностный и к тому же в большинстве случаев субъективный подход, а при освещении партизанского движения и роли Коммунистической партии они становятся на путь прямой фальсификации событий.

с помещиками и капиталистами» (В. И. Ленин. ПСС, т. 41, стр. 354). Кеннан усматривает причины разложения войск интервентов прежде всего в таких субъективных факторах, как тоска по дому, а не во влиянии передовых идей, рожденных Октябрьской революцией.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОИНЫ В «СИБИРСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

В. С. ПОЗНАНСКИЙ

Большим достижением советской исторической науки последних лет следует считать развитие такого важного направления как историография. Появились первые капитальные работы в этой области нашей науки в Сибири. Историографии периода феодализма в Сибири посвящены книги В. Г. Мирзоева, историографии борьбы за победу социалистической революции в Сибири — лучшие главы монографии М. М. Шорникова¹). К сожалению, по советскому периоду подобных публикаций нет, хотя потребность в них велика. В настоящее время только разворачивается работа, начатая по инициативе профессора Томского госуниверситета И. М. Разгона, по историографии истории гражданской войны в Сибири, включая Дальний Восток²). Думается, в этом плане полезно будет рассмотреть статьи «Сибирской советской энциклопедии» («ССЭ»). Тем более, что в последней обобщающей работе по историографии гражданской войны, книге И. Л. Шермана³), как справедливо отметил профессор А. И. Гуковский, «не учитываются тома Сибирской советской энциклопедии — интересное издание, мало известное молодому поколению читателей»⁴).

Действительно, «ССЭ» — одно из самых значительных изданий научно-краеведческого характера конца 20 — начала 30-х годов. В числе ее авторов выдающиеся советские ученые различных направлений науки, крупные специалисты различных отраслей народного хозяйства, видные представители литературы и искусства. Так, статьи по геохимии принадлежат перу А. Е. Ферсмана, по геологии — В. А. Обручеву, М. А. Усову,

¹) В. Г. Мирзоев. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М., 1960; Историография Сибири (XVIII век). Кемерово, 1963. М. М. Шорников. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963. Указанные работы были защищены авторами в качестве докторских диссертаций.

²) И. И. Глушенко. К вопросу о советской историографии гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. Сб. «Вопросы истории советского Дальнего Востока». Владивосток, 1963; Б. М. Шершевский. Изучение истории борьбы за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье. «Известия СО АН СССР», 1965, № 1. Несомненно, исследователю не обойтись без знакомства со статьей М. И. Стишова и Д. К. Шелестова «О некоторых особенностях изучения истории борьбы за власть Советов в Сибири в 1917—1920 гг. («Вопросы истории», 1959, № 6).

³) И. Л. Шерман. Советская историография гражданской войны в СССР (1920—1931). Харьков, 1964.

⁴) «История СССР», 1965, № 1, стр. 154.

М. К. Коровину и т. д. Что касается истории, ее вспомогательных дисциплин, то эти разделы обеспечивались такими знатоками народов Сибири, как Б. Я. Владимирцев, В. К. Арсеньев, М. К. Азадовский, Н. Д. Бушмакин, С. Е. Малов, А. Н. Самойлович, В. Г. Тан-Богораз; разделы по истории дореволюционной Сибири писали С. В. Бахрушин, К. В. Базилевич, М. П. Грязнов, И. И. Полосин, В. И. Шунков; в написании статей по истории революционного движения участвовали известные деятели большевистской партии П. Н. Лепешинский, В. М. Комаров, В. Д. Вегман, Ф. Я. Кон, Ю. М. Стеклов, Д. К. Чудинов, Б. З. Шумяцкий, а также порвавшие с прошлым бывшие видные деятели мелкобуржуазных партий М. М. Константинов, И. М. Гейцман, А. Д. Киржниц, Н. Н. Козьмин. Редактировали материалы отдела дореволюционной истории А. А. Ансон, Н. К. Ауэрбах и С. В. Бахрушин, Отдела истории революционного движения — А. А. Ансон, В. Д. Вегман и Б. З. Шумяцкий.

Все издание было первоначально рассчитано на 4 тома, а затем расширено до 5 томов. 1-й («А» — «Ж») вышел в 1929 г., 2-й («З» — «К») — в 1931 г., 3-й («Л» — «Н») — в 1932 г. Тираж первых двух томов — 10. тыс. экземпляров, 3-го несколько меньше — 8,2 тыс. экземпляров. Уникальная книга — 4-й том («О» — «С»), сигнальные 30 экземпляров которого были розданы членам редколлегии, а тираж в свет не вышел. Однако и этим томом можно пользоваться, так как он имеется в научных библиотеках Москвы, Новосибирска, Томска и некоторых других городов. Материалы изданных и неизданных томов (словники, авторские рукописи, рецензии и т. д.) хранятся в Государственном архиве Новосибирской области (архивный фонд 998).

Тема гражданской войны в Сибири заняла достойное место на страницах, точнее столбцах «ССЭ». Достаточно сказать, что материалы о ней мы находим почти в 150 статьях четырех рассматриваемых томов. Условно все материалы по теме можно разделить на три группы:

а) обзорные проблемные статьи;

б) освещение отдельных исторических событий и фактов в общих обзорных статьях на специальные темы или в виде особых кратких справок;

в) биографические справки (персоналия).

Тесно связывая возникновение и ход гражданской войны с иностранной военной интервенцией, составители «ССЭ» определяли ее хронологические рамки пятилетием, с октября 1917 по октябрь 1922 г., выделяя следующие этапы по периодам:

1. Октябрь 1917 г. — май 1918 г. Безуспешные попытки русской контрреволюции бороться с Советской властью и в силу этого подготовка империалистов Антанты к открытому вооруженному вмешательству во внутренние дела России.

2. Конец мая 1918 г. — начало 1920 г. Период «большой» интервенции и колчаковщины, борьба с ними Красной Армии на Восточном фронте и трудящихся Сибири.

3. Апрель 1920 г. — октябрь 1922 г. Борьба за освобождение русского Дальнего Востока.

Специальной обзорной статьи о гражданской войне в Сибири в «ССЭ» нет. В первом томе читателя отсылают к статье «Октябрьская революция и гражданская война» (т. I, стлб. 737), но когда обращаешься к указанному, оказывается, что там только статья «Октябрьская революция в Сибири» (т. IV, стлб. 109—126). М. А. Гудошников, автор статьи, пишет об отдельных крупных контрреволюционных выступлениях в Сибири по июнь 1918 г. включительно и борьбе с ними, но так

отрывочно, что даже вынужден связывать их с процессом закрепления Советской власти, не упоминая гражданской войны или хотя бы ее начальный период. Очевидно сложность создания общего обзора по слабо разработанной теме не позволила подготовить его в срок выпуска первого, а затем и четвертого томов. Серьезные критические замечания общественности, в первую очередь участников борьбы за Советскую власть в Сибири, на первую обобщающую работу — книгу П. С. Парфенова⁵⁾, на другие публикации⁶⁾ — заставляли пересматривать многие положения, дополнительно изучать ряд вопросов и уточнять факты. А готового для написания общего обзора материала не было. Точно так же получилось и с важной для темы статьей «Партизанское движение». Составители «ССЭ» обещали дать ее в качестве дополнения в пятом томе (т. IV, стлб. 699). В дополнительных материалах последнего тома предполагалось развить в специальной статье «Сибирская организация РКП(б)» положения, выдвинутые А. А. Ансоном и Б. З. Шумяцким в статье «Большевики». О серьезности и большевистской принципиальности подхода к вопросу можно судить по заявлению: «В литературе по истории революционного движения в Сибири приходится встречать указания на то, что в Сибири существовали какие-то особые условия, которые заставляли большевиков мирно уживаться с меньшевиками (период 1917 г.)... Такого рода объяснения можно считать только попытками «оправдания» отдельных работников в их ошибках или ошибках руководящих органов — комитетов. Объединительные тенденции, колебания и ошибки по отдельным вопросам программы и тактики вовсе не являются специфическими для Сибири. С этими колебаниями и ошибками десятки лет вел борьбу В. И. Ленин. Но бесспорно то, что в условиях крестьянской культурно-отсталой Сибири с незначительной пролетарской массой — большевикам в весьма тяжелых условиях приходилось прокладывать себе путь для создания в Сибири организации с последовательно ленинской линией» (т. I, стлб. 377). И характерно, что здесь же один из авторов статьи Б. З. Шумяцкий говорит о неправильной позиции, занятой возглавляемой им большевистской фракцией II Всесибирского съезда Советов в отношении Брестского мира.

Чтобы не допустить ошибок фактического характера и, главное, принципиальных методологических, составители «ССЭ» очень щепетильно проводили научно-исследовательскую работу над имевшимися в их распоряжении историческими источниками, старались как можно полной дать научно-справочный аппарат. Прежде всего обращает на себя внимание широкое использование ленинского наследия, умелое и очень удачное. Например, в статье «Интервенция» одна из основных причин поражения интервентов просто объясняется словами В. И. Ленина: «Как только международная буржуазия замахивается на нас, ее руку охватывают ее собственные рабочие» (т. II, стлб. 283). В статье «Красная Армия в Сибири и на Дальнем Востоке» приводится часть текста написанного В. И. Лениным обращения Совпаркома РСФСР к трудящимся

⁵⁾ П. С. Парфенов (Петр Алтайский). Гражданская война в Сибири 1918—1920 гг. Изд. 2-е, М., 1924. Первое издание — малоупотребительное, так как вышло в Харбине. Кстати, обобщающей работы по теме нет до сих пор. Не может претендовать на это, несмотря на заглавие, изданная в Иркутске в 1959 г. книга М. А. Гудошниковой.

⁶⁾ Резкой критике, например, подверглась изданная в Ленинграде в 1926 г. брошюра Н. Субботовского «Союзники, русские реакционеры и интервенция». Алтайская группа Сибирского землячества при ЦДКА требовала даже изъятия книги В. Д. Вегмана и Ю. Г. Циркунова о Красной гвардии Сибири, изданной в Новосибирске в 1934 г. Подобных примеров можно привести много.

по поводу белочешского мятежа, причем, ленинская цитата занимает 33 строки (т. II, стлб. 996—997).

В числе приводимых в тексте статей «ССЭ» подлинных исторических источников — фрагменты, цитаты, иногда и целиком документы видных деятелей Коммунистической партии, высших и местных партийно-советских органов. Примером может служить цитирование распоряжения Я. М. Свердлова Центросибиря: «Петроград, Москва, промышленные районы и фронт вступили в полосу голода. Легче всего хлеб можно достать в Сибири. Для этого требуется, чтобы работа железных дорог ни на минуту не останавливалась. Главная продовольственная работа должна быть сосредоточена в Западной Сибири с базой в Омске. Иркутск и Томск должны помогать ей усиленной переброской своего угля» (т. IV, стлб. 125). И читателю сразу становится ясно, какие задачи стояли перед первой Советской властью в Сибири, как ЦК РКП(б) направлял деятельность сибирских большевиков. Документирование отлично «уживается» с естественным для энциклопедического издания требованием — краткостью изложения. В статье «Восстания рабочих и солдат против колчаковщины» цитируются выдержки из постановлений 1-й и 2-й Сибирских областных подпольных конференций РКП(б) в г. Томске (т. I, стлб. 534, 535). В статье «Земельная политика» приводятся 13 основных пунктов «Земельной декларации», изданной Сибревкомом 10 марта 1920 г. (т. II, стлб. 109).

Используются документы даже в «персоналии». Например, короткая, в 10 строк, биография одного из руководителей антиколчаковского партизанского движения в Енисейской губернии И. А. Бича. И в ней две строки из предсмертного письма партизана: «Лучше быть бедным, но справедливым, чем богатым, но подлецом» (т. I, стлб. 348).

Одновременно в «ССЭ» можно встретить и белогвардейские документы. Так, в статье «Забастовки и стачки» автор В. И. Шемелев приводит текст телеграммы-угрозы белочешского авантюриста, в то время (февраль 1919 г.) командующего колчаковской Сибирской армией генерал-лейтенанта Р. Гайды, в адрес забастовавших тюменских речников: «Из виновных (каждый) десятый будет расстрелян, остальные наказаны каторгой» (т. II, стлб. 43). Цитируемые отдельные положения «Декларации» «Временного сибирского правительства» от 1 июня 1918 г. помогают разоблачению эсеровской демагогии (т. I, стлб. 563—564). В статье «Директория» на подлинных материалах дипломатической переписки «союзников» показывается, кто развязал гражданскую войну, стоя за спиной мертворожденным «комучей» и других претендующих на власть белогвардейских организаций (т. I, стлб. 827). Яркое свидетельство продажности приемника атамана Семенова — фотокопия его письма от 7 августа 1920 г. правительству Дальневосточной Республики (т. III, стлб. 537—538).

При подготовке статей по истории гражданской войны составители «ССЭ» пользовались в основном коллекциями документов, собранных в начале 20-х годов Сибистпартом. Автор статьи о Сибистпарте, он же его заведующий, В. Д. Вегман дает следующие сведения о коллекциях (которые не совсем точно называет «тематическими фондами»):

1. Подпольные коммунистические организации в период колчаковщины.
2. Красная гвардия в Сибири.
3. Партизанское движение на Алтае.
4. Советская власть в Сибири в 1917—1918 гг.
5. Сибирское крестьянство в Октябрьской революции и гражданской войне.

6. Труд в период колчаковщины.

7. Справочный материал об участниках революционного движения в Сибири.

Судя по аннотации, все эти материалы представляли собой отдельные документы и выкопировки из сохранившихся газет и архивных материалов времен гражданской войны и, конечно, страдали неполнотой (т. II, стлб. 403).

Большим достоинством «ССЭ» является серьезный подход ее авторов к научно-справочной стороне. Почти в каждой большой статье, а часто и к небольшим, приложен список литературы по теме. В библиографических справках обязательно называются книги, статьи, воспоминания данного лица. Так, в статье о Рудольфе Гайде указывается о существовании изданных в 1921 г. его воспоминаний о гражданской войне в России, в статье о Стефане Пишоне — его публикация на французском языке в журнале «Le Mond Slave» (Париж, 1925, № 1—2), и т. д. Как важно, например, для исследователя одно упоминание, что в Омске в апреле-мае 1918 г. вышло 7 номеров газеты латышских коммунистов «Sibirijas Cīņa» (т. IV, стлб. 853).

В обширном обзоре «Библиография» (т. I, стлб. 292—307) четверть одного из столбцов посвящена библиографии революционного движения в Сибири. 4 рекомендованные работы, несомненно, необходимы каждому занимающемуся историей гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Это статьи В. П. Гирченко «Издания и статьи по истории революционного движения в Прибайкалье», П. П. Хороших «Литература о революционном и общественном движении в Бурятии», З. Н. Матвеева «Библиография по истории революции и интервенции на русском Дальнем Востоке в период 1917—1922 гг.» и книга А. Н. Турунова и В. Д. Вегмана «Революция и гражданская война в Сибири».

В статьях «Истпартотдел Сибкрайкома ВКП(б)» и «Дальинстпарт РКП» указаны их издания и некоторых губинстпартов по истории борьбы за Советскую власть, в том числе по периоду гражданской войны (т. I, стлб. 766; т. II, стлб. 403).

В статье «Журналы и временники» даны общие сведения об издававшихся в Сибири в годы гражданской войны партийно-политических, профессиональных, военных и красноармейских журналах (т. I, стлб. 977, 980—981).

В статье «Газеты» есть даже особые разделы «Газеты Сибири в годы революции и гражданской войны», «Газеты Дальневосточного края за 1917—22 гг.» (т. I, стлб. 602—609, 612—617). Авторы А. Д. Киржниц и З. Н. Матвеев не только перечисляют издания, но дают им политическую оценку, показывают их роль в борьбе между силами революции и контрреволюции. Можно только представить трудности, вставшие перед краеведами-библиографами, когда они изучали весьма обширную, далеко не стабильную периодическую печать различных направлений (партийно-советские газеты; открыто враждебные колчаковские, белочешские и т. п.; мелкобуржуазные всевозможных оттенков, в том числе рядящиеся в тогу «внеполитических», «беспартийных»). Причем десятки газет издавались на разных языках. Указанные обзоры весьма ценны для каждого исследователя гражданской войны в Сибири.

Имеются в виде справок статьи об отдельных газетах. Они позволяют узнать довольно подробные сведения о ценнейшем источнике. Например, о газете «Красноармеец» автор справки сообщает: «Первая красноармейская газета на территории Сибири, орган Сибирского верховного командования выходила ежедневно на станции Мысовая (на Байкале) после отхода советских войск из Иркутска под давлением наступавших

чехословаков. «Красноармеец» выходил под редакцией Ф. Лыткина с 17 июля по 16 августа 1918 г., печатался в походной типографии. 18 августа, после боя у Мысовой, поезд-типография попал к противнику. Газета содержит много ценных материалов для истории гражданской войны в Сибири» (т. II, стлб. 1026). Подобного рода справка о газете «Красный стрелок», органе политотдела Реввоенсовета 5-й Армии (т. II, стлб. 1044—1045) и др.

Составители «ССЭ» поставили перед собой задачу — правильно, с марксистско-ленинских позиций, показать возможно полнее процесс и наиболее важные события гражданской войны в Сибири. Поэтому в центре внимания оказались сложные проблемы истории данного периода. В самом общем виде их три группы:

1. Причины гражданской войны в Сибири.
2. Ее место в борьбе за существование Советской власти в России.
3. Силы революции и контрреволюции.

Причины возникновения войны составители «ССЭ» видят в сопротивлении свергнутых эксплуататорских классов победившим Советам, выросшем благодаря помощи Антанты в широкую вооруженную борьбу. Убедительно доказано, что сопротивление местной контрреволюции без поддержки извне было бы быстро подавлено. Война затянулась на годы только потому, что против Советской Республики боролся империалистический лагерь. Характерны заявления А. А. Ансона: «...только с помощью иностранных штыков контрреволюция удалась на время свергнуть Советскую власть в Сибири» (т. I, стлб. 272); «Только при поддержке выступавших чехословаков контрреволюции удается добиться успеха и временно укрепиться в Сибири» (там же, стлб. 533) и т. п. В статье о Красной гвардии подчеркивается, что даже этой силы было достаточно для подавления любых вооруженных выступлений внутренней белогвардейщины (т. II, стлб. 1023). Составители «ССЭ» считают, что колчаковщина могла быть свергнута во время восстания в Омске 22 декабря 1918 г., но «растерявшимися колчаковцам пришли на помощь чехословаки и английские стрелки. Восстание было подавлено...» (т. I, стлб. 535).

Виновниками гражданской войны, ее неисчислимых бедствий и огромного материального ущерба совершенно определенно называются интервенты и белогвардейцы (т. II, стлб. 303—304, 837—839). С фактами и цифрами в руках составители «ССЭ» разоблачают «союзников» — акул. Упущением является лишь неверная характеристика действий на первом этапе американского империализма. Лицемерную демагогию президента Вильсона и дипломатов США о вмешательстве во внутренние дела России сибирские историки приняла за чистую монету. США якобы примкнули к более агрессивным интервентам, японцам и англичанам, в июле 1918 г. Сейчас, благодаря исследованию вопроса многими историками, введению в научный оборот массы новых документов, эта точка зрения (т. II, стлб. 289—290) признана неверной. Американский империализм, прикрываясь «демократическими» лозунгами, пытался на первых порах остаться «чистеньким» и... усиленно толкал на интервенцию своих партнеров⁷⁾.

⁷⁾ Начиная с предисловия П. Н. Минца к изданному у нас в СССР в 1932 г. воспоминания генерала Гревса и рецензия на эту книгу Г. Е. Рейхберга («Историк—марксист», 1932, № 6), вопрос всесторонне изучался. Результатом явились капитальные монографии А. В. Березкина, А. Гулыги и А. Геронимуса, А. Е. Кунинской и десятки статей. В них, а также в работах С. С. Григорьевича, Н. Н. Яковлева по всеобщей истории и др. показана роль вдохновителя и организатора интервенции — американского империализма.

В «ССЭ» показано в чьих интересах вторгались на русскую землю оккупанты, как иностранный капитал душил народное хозяйство. Вот выдержка из статьи А. Шиша: «В период войны и интервенции деятельность торгового иностранного капитала в Сибири выявилась особенно отрицательно, как построенная на спекуляции, дезорганизации народного хозяйства Сибири, снабжении населения явно недоброкачественными товарами и выкачивании валютных ценностей. Новых вложений в народное хозяйство Сибири в течение этого периода сделано не было, а, наоборот, совершался процесс выкачивания иностранцами средств, ранее вложенных... В области промышленности за период интервенции капитал продолжал эксплуатацию находившихся в его распоряжении предприятий. Никаких новых вложений не делалось, техническое оборудование предприятий изнашивалось, производство сокращалось. Ряд предприятий оказался в полосе военных действий, и тогда имело место сознательное разрушение отдельных частей предприятий» (т. II, стлб. 278—279).

Составители «ССЭ» рассматривают события в Сибири в неразрывной связи с общероссийскими. Гражданская война в Сибири, включая Дальний Восток, показана как составная часть борьбы молодой Советской Республики с интервентами и белогвардейцами. Цели контрреволюции отнюдь не ограничивались восстановлением старых порядков на территории к востоку от Урала, достижения автономной независимости или чего-то иного. Вся борьба связывалась с «искоренением большевизма» во всей России, с походом на Красную Москву. С другой стороны, силы революции в Сибири боролись за Советскую Россию, чьи интересы выше местных.

В проблемных статьях «ССЭ» нашли разрешение вопросы классовой борьбы, в том числе базирующийся на ленинской оценке — о сибирском крестьянстве (т. I, стлб. 533—534; т. II, стлб. 845—846). Много места отводится показу форм борьбы между силами революции и контрреволюции. Раскрывается существенная разница между борьбой за свободу трудящихся под руководством большевиков и борьбой за власть продавшихся иностранному капиталу белогвардейцев. Авторы не забывают подчеркивать революционный энтузиазм, героизм защитников Советской власти, их беззаветную преданность делу рабочего класса, а с другой стороны, авантюризм обреченных белогвардейцев. Об одной из форм борьбы контрреволюции, атамановщине, например, сказано: «Невероятный произвол, расстрелы без всякого суда и следствия, порки, сжигание целых деревень, пытки, грабежи и насилия — все это служило яркими признаками «деятельности» многочисленных атаманов. Не было в 1918—1919 гг. почти ни одного уезда в Сибири, ни одного крупного рабочего района, по которому не прошли бы отряды атаманов, оставляя после себя груды развалин, трупы, слезы и проклятия. Анненков и Дутов в Западной Сибири, Красильников и Волков в Восточной Сибири, Семенов в Забайкалье, Калмыков и Гамов на Дальнем Востоке надолго останутся памятными сибирским рабочим и крестьянам». За этой убийственной характеристикой бандитов следует разоблачение теории враждебных социализму историков о непричастности колчаковщины к изверствам подонков-атаманов. Автор статьи А. А. Ансон заявляет: «Атамановщину, как определенную систему, отделить от колчаковщины нельзя, — рожденная белым движением, она с ним и умерла». Еще интереснее обобщение: «В своей бандитской деятельности многочисленные атаманы мало чем отличались от начальников карательных отрядов, рыскавших во времена колчаковщины по всей Сибири, и от более «куль-

турных» интервентов» (т. I, стлб. 168—169). Не менее убедительно разоблачаются буржуазные националисты, предатели революции меньшевики и эсеры, сибирские областники (т. I, статьи «Алаш», «Алтайская горная дума», «Белогвардейские организации», «Временное сибирское правительство», «Директория», т. II — «Конституционно-демократическая партия», т. III — «Народно-социалистическая партия», т. IV — «Областничество», «Сибирская областная дума», «Сибирское учредительное собрание»).

По статьям о контрреволюционных партиях, антисоветских выступлениях, о белогвардейском режиме при колчаковщине можно проследить организацию переворота летом 1918 г. и приход к власти военного диктатора. К сожалению, менее разработан вопрос о борьбе Центросиббири с белогвардейщиной в 1918 г., о начале и ходе всенародной партизанской войны. Причина — отсутствие документов, гибель руководителей Центросиббири. О Дальсовнаркоме даже нет упоминания. Нет ничего о взаимоотношениях Советов в 1918 г. Отмечается лишь, что сопротивление дальневосточников интервентам с Востока являлось самостоятельным и плохо увязанным с Центросиббирью (т. II, стлб. 1025). Белое пятно — партийные организации РКП(б) периода первой Советской власти. Вообще начальный период гражданской войны и геронческое сопротивление красных сибиряков интервентам и белогвардейцам в 1918 г. — наиболее слабое место. Гораздо полнее освещаются события, начиная с 1919 г. Например, в статье Ф. С. Никитина, Б. С. Нестерова и И. И. Сиротина «Красная Армия в Сибири и на Дальнем Востоке» (т. II, стлб. 994—1020) ничего не сказано о Сибирской Красной Армии, принявшей на себя летом 1918 г. удар легионов Гайды. Зато дан глубокий анализ операций Красной Армии на Восточном фронте, завершившимся освобождением Сибири и Дальнего Востока.

Помимо специальных статей по истории гражданской войны имеется ценный фактический материал о ней в общих тематических статьях о революционном движении. Так, статья В. Ю. Ульяновского об Александровском Центrale завершается событиями периода гражданской войны (т. I, стлб. 57). В статьях В. И. Шемелева о железнодорожниках говорится, в частности, о забастовке в октябре 1918 г. (т. I, стлб. 908); о кожевниках — о большевистском руководстве Канско-Иланским рабочим восстанием в декабре 1918 г. (т. II, стлб. 793) и т. д. В статье Е. В. Полюдова «Казачки» показаны основные вехи борьбы красного и белого казачества в Сибири: борьба Омского Совета казачьих депутатов с Войсковым правительством Сибирского казачьего войска, безуспешность усилий Колчака мобилизовать в свою армию казаков-фронтовиков Первой мировой войны, срыв рейда белоказачьего корпуса Иванова-Ринова в тыл наступающей 5-й Красной Армии, участие красных сибирских казачьих частей в разгроме Врангеля и польских панов, ликвидация Ишимского кулацкого восстания (т. II, стлб. 428).

Наиболее значительная по количеству группа статей-справок об участниках гражданской войны в Сибири — всего в 4-х томах их около сотни. В число лиц, отмеченных «ССЭ», попали многие известные революционеры-большевики, активные деятели первой Советской власти, партизанские вожди и советские военачальники («А» — «С»). Конечно, список можно было расширить. Но, судя по упоминаниям фамилий товарищей в тематических статьях и сохранившимся материалам редакции, у авторского коллектива о ряде лиц, особенно погибших, не было достаточно сведений (А. Х. Балакирев, Ф. Е. Балябин, С. С. Блюменфельд, К. Н. Гершевич, А. А. Григорьев, И. Д. Дубинин, З. Ф. Кулинич, С. И. Лебедев, А. Н. Луцкий, З. П. Метелница, П. Н. Половников и др.).

Упущения в основном относятся к участникам событий на Дальнем Востоке и Якутии. Например, нет справок о таких видных деятелях дальневосточниках, как А. М. Краснощекоев и К. А. Суханов, якутских большевиков М. К. Аммосове, И. И. Барахове, П. А. Слепцове-Ойунском, выдающемся военачальнике В. К. Блюхере. И, наконец, некоторые имена были умышленно опущены составителями — началась полоса приспособленчества и конъюнктурщины в исторической науке: вместо того, чтобы по-ленински прямо и смело писать обо всем и обо всех известных лицах, стали замалчивать «скользкое». В последних томах «ССЭ» это прежде всего относится к людям. Так, в статье «Военно-социалистический союз» указывалось, что дальше будет дана статья о И. Н. Смирнове (т. I, стлб. 521), но таковой не последовало.

Ряд статей о честных революционерах, представителей мелкобуржуазных партий, чей путь в РКП(б) был труден, но закономерен. Большинство из этих людей работало бок о бок с большевиками со времени Октябрьской революции. Часть порвала со своими партиями и влилась в Коммунистическую в период первой Советской власти в Сибири (К. В. Кузнецов, С. Г. Лазо, А. П. Лебедева), другие — только испытывав на практике колчаковщину (М. М. Басов, Ф. А. Березовский, К. А. Попов). Иногда авторы отмечают и дополнительные факторы, приведшие революционера в ряды большевистской партии. Так, в статье о Н. А. Каландарашвили сказано: «Оправившись от ранений, Каландарашвили едет в Москву, где происходит встреча его с В. И. Лениным. Встреча эта имела для Каландарашвили решающее значение; по его словам, «ему стал ясен дальнейший путь — не путь борьбы в одиночку, не анархистский путь героя, а путь массовой борьбы с буржуазией за диктатуру пролетариата, за строительство нового общества». Естественный вывод, который из этого сделал Каландарашвили, — это был его решительный отказ от анархизма и вступление в ряды РКП(б). (1920 г.)» (т. II, столб. 545—455).

Ценны для историка статьи о лицах, боровшихся в рядах белогвардейцев с Советской властью, но прощенных ею после победы над Колчаком и честно отдавших свои силы и талант новому строю (В. Г. Болдырев, Г. А. Вяткин, В. В. Сажошников и др.). Причем, некоторые вступили в ряды Коммунистической партии (И. М. Майский, А. А. Краковецкий).

Интересно, что наряду с биографиями о видных белогвардейцах (А. В. Колчак, А. Н. и В. Н. Пепеляевы, В. О. Каппель, А. В. Андрианов, Б. В. Анненков и др.) помещены статьи о руководителях интервенции (Р. Гайда, А. В. Нокс, Б. Павлу, С. Пишон).

«ССЭ» богато иллюстрирована. Иллюстративный материал к статьям по истории гражданской войны — ценный дополнительный источник для историка. Например, статья М. М. Константинова «Колчаковщина», статья А. А. Ансона «Интервенция» сопровождаются подлинными фотографиями, фотокопиями документов. В тексте статей биографического характера в первых трех томах даны 15 портретов активных участников гражданской войны. Статья «Красная Армия в Сибири и на Дальнем Востоке» снабжена 6-ю схемами боевых действий.

Использование материалов «ССЭ» по истории гражданской войны в Сибири — одно из условий правильного разрешения сложных вопросов темы, ибо многие из статей не утратили своей ценности до сегодняшнего дня.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ЗАПАДНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В СИБИРИ (1919—1928 гг.)

Л. В. МАЛИНОВСКИЙ

Национальный состав населения Сибири, в особенности Западной, претерпел в начале XX в. значительные изменения, не только в связи с притоком русских переселенцев из Европейской России, но и в связи с переселением в Сибирь представителей некоторых национальностей Европейской России. В частности, сюда переселились значительные группы латышей, немцев, эстонцев и латгальцев, выделявшихся по своим экономическим и культурным особенностям из основной массы переселенцев. Недавние переселенцы составляли преобладающее большинство среди населения этих национальностей в Сибири, только у эстонцев и латышей имелись старожильские деревни, основанные в конце XVIII — начале XIX вв. ссыльными крестьянами из Прибалтики.

Переселенцы принесли с собой из Европейской России не только выработанную там технику земледелия, орудия и средства производства, но и сложившиеся там классовые отношения, которые можно характеризовать как капиталистические. Класс помещиков у этих национальностей совершенно отсутствовал или же это были капиталистические землевладельцы-предприниматели, не было русской передельной общины, частная собственность на землю была развита в большей степени, преобладало отрубное или хуторское хозяйство. Все это создавало предпосылки для ускоренного развития капитализма в сельском хозяйстве и для последующего развития промышленного капитализма, как это наблюдалось, например, в немецких колониях Южной Украины.

Однако имелись факторы, которые затормозили такое развитие капитализма среди этих национальных меньшинств в Западной Сибири. Большинство национальных поселков было основано здесь в 1907—1909 гг., так что к началу первой мировой войны переселенцы еще не успели достаточно закрепиться на новом месте. Еще в 1912—1913 гг. часть переселенцев была занята строительством жилья, разорвавшаяся на переселении беднота и даже средняки батрачили у старожилов, в том числе у русских кулаков, накапливая средства для хозяйственного обустройства на новом месте¹⁾.

Процесс укрепления и развития хозяйства после переселения был прерван и в какой-то мере нарушен первой мировой войной 1914 г. Это

¹⁾ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), ф. 536, оп. 1, л. 2, л. 1. Воспоминания Боннета, жителя с. Цветное поле Чистоозерного района Новосибирской области.

выразилось в сокращении количества рабочей силы как в своих хозяйствах, так и среди окружающего населения, из бедняцко-средняцких хозяйств ушли работники, из кулацких — батраки²). Это выразилось также в сокращении числа лошадей в результате реквизиций и скупки лошадей военным ведомством, в сокращении предложения производственных товаров на рынке (в особенности сельскохозяйственных машин), в сокращении сбыта, особенно экспорта, сельскохозяйственных продуктов. Кроме того, на экономику немецкой деревни оказали, несомненно, некоторое влияние слухи и разговоры о предполагавшейся экспроприации немецкого крестьянства согласно так называемым «ликвидационным законам» 1915—1916 г., действие которых было в 1916 г. распространено и на Западную Сибирь³). В результате всех этих факторов процесс расширенного воспроизводства в крестьянском хозяйстве если не приостановился, то несколько замедлился.

В то же время война не оказала на хозяйство западных национальных меньшинств такого губительного влияния как на хозяйство русского крестьянина, в первую очередь потому, что их хозяйство было мощнее и потеря, например, одной лошади или одного работника еще не наносила ему смертельного удара, а во-вторых, потому, что большинство солдат западных национальностей все же вернулось обратно, ибо они по незнанию русского языка и по другим причинам служили главным образом в тыловых подразделениях. В частности, в 1917 г. вернулось в Сибирь большинство военнослужащих — немцев, которые отбывали службу на Кавказе или в тыловых подразделениях⁴).

Гораздо больший урон нанесли хозяйству западных национальностей гражданская война и хозяйничанье колчаковцев. Если Советская власть в 1917—1918 гг. закупала сельскохозяйственные товары у крестьян, то колчаковцы действовали методами реквизиции. «Через два часа 300 пудов овса», — такова была стандартная формула приезжавших в деревню реквизиторов. Кроме зерна и фуража реквизировали лошадей, повозки, теплые вещи, копчености и т. д., вплоть до одеял и часов⁵). Официального ограничения крестьянства не было, по-видимому, львиная доля реквизируемого прилипла к рукам местных реквизиторов.

С грабежами и насилиями были связаны и карательные экспедиции, например, «поход» атамана Анненкова против немецких деревень, принимавших участие в Чернодольском восстании (Славгородской уезд) осенью 1918 г.⁶). Реквизиция фуража и транспортных средств, лошадей и повозок, производилась и в деревнях, через которые отступала колчаковская армия⁷).

Однако все эти явления были эпизодическими и не затрагивали непосредственно всю массу крестьянства. Так, поводом к тому же Чернодольскому восстанию послужили не грабежи, а попытка мобилизации молодежи на колчаковский фронт. В основном экономка немецких деревень оставалась незатронутой военными событиями, а богатый урожай 1919 г. даже укрепил положение немецкого крестьянства в Кулундинской степи.

²) ГАНО, ф. 536, оп. 1, д. 2, л. 2.

³) К. Линдеман. Прекращение землевладения и землепользования поселян-собственников. М., 1917, стр. 116.

⁴) ГАНО, ф. 536, оп. 1, д. 1, л. 3. Воспоминания Янцева, жителя с. Степное Славгородского района.

⁵) Там же, лл. 4, 11, 22. Воспоминания Янцева, воспоминания жителя с. Марьяновка Славгородского р-на Новосибирской области Эделя.

⁶) Там же, л. 23, воспоминания Геннеберга. См. также Г. Рыклин. Кровавый атаман, М., 1926, стр. 25.

⁷) ГАНО, ф. 536, оп. 1, д. 1, л. 39. Воспоминания Ренпеннинга, жителя с. Неудачино Татарского р-на Новосибирской области.

Сравнительное положение русской и немецкой деревни в конце первой мировой войны мы можем продемонстрировать по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. Если сравнить положение хозяйства пяти немецких деревень Славгородского уезда (Подсосновская и Ореховская волости, всего 403 хозяйства) с экономикой пяти русско-украинских деревень (той же Подсосновской волости, всего 296 хозяйств), то мы получаем следующую картину:

Таблица 1^{а)}

Количество скота и машин на одно хозяйство в 1917 г.

Поселения	Душ	Посева	Лошадей	Коров	Скота всего	Машин своих	Уборочных арендованных
Украинско-русские	6,0	14,2	3,1	1,6	12,6	0,41	0,71
Немецкие	5,9	13,2	3,6	2,0	14,7	0,46	0,26
В т. ч. Немецко-Ореховской волости	6,4	16,6	4,1	1,9	11,7	0,63	—

Мы привели отдельно данные по 56 хозяйствам Ореховской волости, чтобы показать различие в хозяйстве немецких деревень, тем более, что большая часть хозяйств Ореховской волости принадлежала меннонитам, наиболее обуржуазившейся части немецкого крестьянства. Разумеется, в этих общих данных не может быть учтено классовое расхождение крестьянства, однако данные о посеве, количестве лошадей (надо отметить, что эти села расположены в районе исключительно зернового направления) и, главное, о наличии и аренде машин позволяют сделать вывод об относительно большем развитии капиталистических отношений в меннонитской деревне⁹⁾.

Однако кроме непосредственного влияния войны на хозяйство крестьян западных национальностей были и косвенные причины, которые действовали в период 1914—1919 гг. и подготавливали дальнейшее снижение экономического уровня национальной деревни в 1921—1922 гг. Это были: а) отсутствие массового сбыта сельскохозяйственных продуктов, затруднения в реализации своего дохода; б) обесценение денег, полученных за сельскохозяйственную продукцию, что не позволяло обновлять основной капитал; в) отсутствие или сильное сокращение продажи сельхозмашин и запчастей к ним, массовым потребителем которых было немецкое и латышское крестьянство, связанный с этим усиленный износ оборудования.

Эти факторы сказались, в основном, уже в годы советской власти, когда они действовали одновременно с другими, новыми факторами. Тем не менее, уже в 1919—1920 гг. наблюдается снижение посевной площади и уменьшение количества скота в национальной деревне. Так, немецкое население Славгородского уезда заседало яровой пшеницей

⁸⁾ Таблица рассчитана и составлена нами по поселенным карточкам с/х переписи 1917 г., которые сохранились только по 3 волостям Славгородского уезда, что не позволяет здесь сравнить хозяйство колонистов и меннонитов на более широком материале. См. Государственный архив Томской области, (ГАТО), ф. 239, оп. 17, д. 11.

⁹⁾ Показательно, что в 1914 г. один из переселенцев Ореховской волости просил о предоставлении кредита в 800 руб. на постройку мельницы стоимостью 1800 руб. для немецкого поселка в 16 дворов. ГАТО, ф. 239, оп. 9, д. 32, л. 10.

в 1914 г. — 43865 дес., а в 1920 г. — 20314 дес., т. е. посевы основной товарной культуры упали более чем вдвое, хотя посевы овса, т. е. культуры фуражной, выросли примерно на 20%¹⁰). Еще ярче проявился упадок хозяйства в снижении числа молочного и мясного скота — число коров снизилось примерно до 56% (с 7522 до 4188 голов), число свиней упало более, чем вдвое (с 6714 до 3115)¹¹). Если для лошадей (падение до 47%, с 11073 до 5439) можно предположить влияние непосредственных мобилизаций и реквизиций, то для продуктивного скота основными причинами являлись, по-видимому, сокращение рынка и обесценение денег, т. е. частичная натурализация хозяйства.

Еще более значительны были потери национальной крестьянства Сибири в сельскохозяйственной технике. Так, число исправных жаток-самосбросок в 1920 г. сократилось по сравнению с 1914 г. с 871 до 33 (или в 26 раз!), из 744 паровых молотилок не было в исправности ни одной. Более благоприятная картина складывалась по сноповязалкам (53 из 119) и конным молотилкам (53 из 98), однако и здесь производство товарного зерна было в значительной мере подорвано¹²).

Однако даже в таких условиях национальная деревня Западной Сибири сохраняла более высокий уровень производства по сравнению с русской сибирской деревней. Хуторское хозяйство латышей и эстонцев, отрубное землевладение немцев-меннонитов значительно повышало эффективность ведения хозяйства, позволяло использовать улучшенные приемы агротехники (прежде всего пары и удобрения) и более совершенную сельскохозяйственную технику. Немцы и латыши имели также улучшенную породу молочного скота, так называемый красно-немецкий скот, вывезенный ими с Запада¹³).

Так, у немецкого населения Славгородского округа в 1914 г. на 71405 дес. посева имелось около 5400 плугов, в том числе почти 1500 многолемешных (3 лемеха и более), что составляло 7—8 дес. на лемех¹⁴), в то время как железный плуг еще не был распространен среди массы русских крестьян даже в Сибири, в некоторых областях соха преобладала еще в 20-е гг. На той же площади немцы Славгородского уезда имели в 1914 г. более 4500 сложных сельскохозяйственных машин, в том числе 2236 косилок и жаток различных типов¹⁵). Несмотря на повышенный износ машин и нехватку тягловой силы, хозяйства колонистов и хуторян все же сохранили значительную экономическую мощь. Это доказываются и тем, что посев зерновых в 1920 г. в ряде национальных деревень Сибири сохранялся на довоенном уровне. Так, в немецкой деревне Саратовка Локтевской волости Рубцовского уезда в 1914 г. сеяли 1100 дес., в 1917—1918 гг. по 1000 дес., а в 1919—1920 гг. по 1300 дес.¹⁶). В немецкой деревне Антоновка Славгородского уезда посев 1920 г. составил почти 90% к посеву 1919 г. (168 дес. против 188)¹⁷).

Окончание гражданской войны не прекратило действия отрицательных факторов на хозяйство западных национальных меньшинств. Эти факторы продолжали действовать (кроме фактора нехватки рабочей силы, который с окончанием военных действий несколько ослабился), в особен-

¹⁰ Партийный архив Новосибирского обкома КПСС (ПАНО), ф. 2, оп. 1, д. 993, л. 15.

¹¹ ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 993, л. 15.

¹² Там же, лл. 14—15.

¹³ См. Сибирская Советская Энциклопедия, т. II, стр. 1060; А. П. Соколов. Красный немецкий скот в Омской губернии. Омск, 1926.

¹⁴ Наш подсчет по данным ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 993, л. 14.

¹⁵ Подсчет наш по данным ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 993, лл. 14—15.

¹⁶ ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 1270, л. 47.

¹⁷ «Ландман» (Новосибирск), орган немецкой секции при Сиббюро, позднее Сибкрайкоме ВКП(б), 26 сентября 1924 г.

ности это касается сокращения рынка, обесценения денег и упадка техники земледелия. Все это привело в 1921—1922 гг. к резкому сокращению посевных площадей. Отрицательное влияние этих факторов было усилено новыми явлениями, а именно: продразверсткой и сопротивлением крестьянства и неурожаем 1921—1922 гг.

Какова была роль продразверстки в национальной деревне? Несмотря на все ее отрицательные качества для крестьянства, несмотря на то, что было, несомненно, очень трудно разъяснить национальному крестьянству, разбросанному по степям и лесам Сибири, ее политическую необходимость и целесообразность, продразверстка все же не была для большинства крестьян, немцев и латышей в особенности, непосильной.

Возьмем для примера с. Гпадендорф Гальбинской волости Минусинского уезда, где на 121 хозяйство приходилось 800 дес. земли. В 1920 г. здесь при наличии 278 рабочих лошадей было засеяно только 300 дес. Разверстка на село составила 3000 пудов зерна, т. е. по 10 пудов (1,6 ц) с десятины — и то при условии, что полностью учтен весь посев, что вряд ли соответствует действительности¹⁸). На Орловскую волость Славгородского уезда разверстка в 1920 г. составила 12630 пудов, т. е. около 22 пудов (3,5 ц) с десятины учтенного посева¹⁹). В с. Саратовка Люктевской волости Рубцовского уезда при валовом сборе 1920 г. 19000 пудов продразверстка составила 12000 пудов, или по 9,2 пуда на десятину учтенного посева. На соседнюю дер. Ивановку, где было всего 250 дес. посева, разверстка была наложена тоже в 12000 пудов (48 п/дес.), она не могла быть там, конечно, выполнена, ибо собрано было немного более 4000 пудов (в 1916—1918 гг. там собирали по 8—9 тыс. пудов)²⁰).

Из сказанного видно, что разверстка первоначально накладывалась несколько шаблонно, без учета даже посевной площади, но была большей частью вполне посильной, т. е. захватывала в основном только товарное зерно, да и то неполностью. Это подтверждается и тем, что при определении продналога в 1921 г. показатели были скорректированы: по Ивановке заготовки по продналогу были снижены до 3620 пудов, по Саратовке повышены до 22133 пудов.

Однако, кроме неравномерного распределения по селам, разверстка имела еще один крупный недостаток, особенно сказывавшийся среди западных нацменьшинств с их ярко выраженной имущественной дифференциацией: обеспечить классовый подход к продразверстке в сибирских условиях было невозможно, практически на местах разверстка распределялась подворно, без учета состояния двора, так что тяжелее всего она оказывалась для бедноты. «Разверстка налагалась «подворно», бедняк отдавал единственную корову, богач — из 10 коров одну, так же было и с зерном. Тогда и сотворили себе богатые врагов в деревне — бедняков», — рассказывает в своих воспоминаниях Яцен²¹). Кулаки, верховодившие в земельных обществах и пробравшиеся зачастую в национальные сельсоветы, особенно настаивали на таком «равенстве», по возможности перегибая палку разверстки в сторону бедняков. Это наблюдалось и у немцев, и у латышей. Так, в пос. Елизаветинск (позднее Калачинский район Омского округа) зажиточные латыши, захватив власть в селе, «возглавляли на латгальцев как по продразверстке,

¹⁸) Подсчет наш по данным ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 1270 л. 26.

¹⁹) Подсчет наш по Deutscher Arbeiter — und Bauerhkalender. М. 1925. S. 191—192.

²⁰) ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 1270, лл. 47—48.

²¹) ГАНО, ф. 536, оп. 1, д. 1, л. 4. Воспоминания Яценца.

так и другие тягести, а себе даже нажили»²²). Здесь под национальной оболочкой скрывались классовые отношения, ибо большинство латгалцев были бедняками или же батраками у латышей.

Отмена продразверстки и введение продналога должны были значительно облегчить положение крестьянства. Так, например, по упоминавшейся д. Гнадендорф заготовки были снижены с 3000 до 1700 пудов, т. е. почти вдвое, по Орловской волости они упали с 278 до 140 тыс. пудов, тоже вдвое²³). Часть товарного зерна теперь оставалась крестьянину для свободной продажи. Однако в условиях Сибири, при отдаленности рынков, при слабом развитии торгово-закупочного аппарата, при продолжавшемся обесценении денег и отсутствии товаров для обмена на сельскохозяйственную продукцию, продналог не мог оказать решающего влияния на рост товарной, а следовательно, и валовой продукции крестьянского хозяйства. Натурализация хозяйства и снижение посевной площади продолжались и даже усилились.

Кроме того, на ослабленное войной и деморализованное продразверсткой крестьянство обрушилось новое бедствие — неурожай 1922—1924 гг. Особенно сильно пострадали от неурожая в эти годы степные районы Западной Сибири.

В 1922 г. посевные площади по Омской губернии сократились до 50% к посеву 1920 г. В начале 1922 г. в Ачанской волости 25% крестьянства голодало, всего к весне 1922 г. число голодающих в Омской губернии достигло 300 тыс. человек, урожай 1922 г. составил 21,2 п/дес. (около 3,4 ц), да к тому же пришлось после неурожайного 1921 г. Цена коровы в Курганской губернии зимой 1921—1922 гг. составляла 3—5 пудов муки, скот продавался за бесценок из-за бескормицы и голода²⁴).

В 1924 г. голод обрушился на Славгородский округ, в сентябре 1924 г. Сибревком признал этот округ «особо пораженным неурожаем»²⁵). Особенно пострадали от неурожая деревни немцев-колонистов (в отличие от меннонитов, имевших более крепкие хозяйства). В с. Подсосново (1738 едоков) урожай 1924 г. составил около 6 пудов с десятины, т. е. менее одного центнера. Посевная же ссуда на 1924 г. по этому селу составляла 6430 пудов, валовой сбор оказался 8478 пудов, т. е. урожая едва хватало на возвращение семенной ссуды²⁶).

В д. Антоновка из 19 семей голодали 14 — это было связано не только с неурожаем 1924 г., но и с упадком хозяйства в 1922—1923 гг. Так, посевная площадь по этой деревне составляла: (1919 г.—100%, в 1921 г.—83%, 1922 г.—29%, 1923 г.—28%, 1924 г.—40%)²⁷). Это показывает, что неурожай 1924 г. ударил по хозяйствам колонистов как раз в тот момент, когда они начали поправляться от последствий войны и увеличивать посев.

В результате в Славгородском округе уже в начале 1924 г. было не менее 50000 голодающих, были случаи голодной смерти, голодающие нищенствовали, ели падаль и пр.²⁸).

Голодающие, как и в период голода 1921 г. на Волге, не были предоставлены своей судьбе. Печать и общественные организации развер-

²²) ПАНУ, ф. 2, оп. 1, д. 1025, л. 51. Отчет студентов Коммунистического университета Национальных меньшинств Запада (КУНМЗ).

²³) Deutscher Arbeiter — und Bauernkallender. М., 1924, S. 191.

²⁴) См. А. К. Касьян. Первый год НЭПа в Омской деревне. Ученые записки Омского пединститута, вып. 20, 1936, стр. 102, 107, 108.

²⁵) «Ландман», 16 сентября 1924 г.

²⁶) «Ландман», 27 ноября 1924 г.

²⁷) Подсчет наш по «Ландман», 26 сентября 1924 г. (округлено до %).

²⁸) «Ландман», 28 марта 1924 г.

нули кампанию помощи голодающим Славгородского округа. Так, жители той же деревни Антоновка получили от государства 506 пудов пшеницы, от кресткома — 174 и от частных лиц — 43 пуда²⁹⁾, что составило около 52 пудов на семью, 10,5 пуда на едока. Однако, за вычетом посевного и фуражного зерна, это было, конечно, очень мало. По подсчетам общественности на помощь до нового урожая округу требовалось не менее 2 млн. золотых рублей³⁰⁾, в результате кампании было получено около 123 тыс. руб. золотом³¹⁾, что было, конечно, каплей в море.

Как сказано выше, голод охватил главным образом деревни колонистов. Более состоятельные меннониты, кроме того, пользовались специальной помощью. Американскими квакерами и меннонитами была создана организация для помощи голодающим «единоверцам», которая в период 1921—1924 гг. распределяла, в основном по сектантским деревням, продовольственную помощь, выдавала одежду и пр. Помощь другим слоям населения, в том числе и немцам, была мизерной. Так, на 300 голодающих с. Подсоснова квакерский комитет выделил в 1924 г. 10 пудов муки³²⁾. Но и в меннонитских деревнях помощь распределялась неравномерно. Богатен, пробравшиеся в силу своего положения и авторитета в комитеты АМР (American Mennonite Relief) гребли «помощь» к себе, оставляя бедняков на произвол судьбы, вычеркивая их под всякими предлогами из списков меннонитов, т. е. лиц, имевших право на пособие³³⁾. Так в д. Марковка Славгородского уезда кулаки, пробравшиеся в «комитет помощи», выдавали паек «беднякам», имевшим по 3—4 лошади и 2—3 коровы и скрывавшим большую часть своего имущества от учета, таких было больше половины среди семей, получавших пособие. Беднякам же «приходилось молчать, чтобы не вылететь из списка на получение пайка»³⁴⁾. В результате всего этого классовое расслоение деревни усилилось, а в особенности усилились различия между быстро поправлявшими свое хозяйство меннонитами и обедневшими колонистами.

Однако, как сказано выше, и в целом хозяйство немецкой деревни, особенно в Славгородском округе, сильно пострадало от неурожая и разрухи 1922—1924 гг. Во время голода часть крестьянства продавала рабочий и продуктивный скот, часть скота, даже племенного, была забита³⁵⁾, продавались и сельскохозяйственные орудия. Вот почему, говоря о хозяйстве немцев в 1925 г., Славгородский уисполком пришел к такому выводу: «Мощность хозяйств их, в связи с постигшими неурожаями ряда лет, слаба», хотя по формам ведения хозяйства и грамотности они и «стоят на первом месте»³⁶⁾. Аналогичное положение, характеризовавшееся как «самая разрушительная картина» было и в хозяйстве латышей Омского округа, где положение было ухудшено как недосевом 1920—1921 гг., так и неурожаем 1922 г.³⁷⁾

В силу этого отмена продразверстки не могла привести к быстрому восстановлению крестьянского хозяйства в сибирской степи, тем более, что часть крестьян предпочитала рядиться в рубище бедняков и не расширять посевов, говоря другим: «Мы не так глупы, как Вы, что

²⁹⁾ «Ландман», 26 сентября 1924 г.

³⁰⁾ «Ландман», 28 марта 1924 г.

³¹⁾ «Ландман», 27 июня 1924 г.

³²⁾ «Ландман», 27 ноября 1924 г.

³³⁾ ГАНУ, ф. 536, оп. 1, д. 1, л. 4. Воспоминания Янца.

³⁴⁾ «Ландман», 15 января 1924 г.

³⁵⁾ См. А. П. Соколов. Указ соч., стр. 12—64.

³⁶⁾ Обзор деятельности Славгородского уездного исполнительного Комитета Советов и окружной комиссии по районированию. Славгород, 1925, стр. 7.

³⁷⁾ ПАНУ, ф. 2, оп. 1, д. 1025, л. 50. Отчет студентов КУНМЗ.

нам стараться ради продналога»³⁸). Однако так рассуждало только меньшинство, большая часть крестьян-националов, как в немецких, так и в латышских деревнях, активно пользовалась предоставлявшимися им возможностями для восстановления и развития своего частного хозяйства. Если к 1923—1924 гг. национальное крестьянство располагало только крайне изношенным парком сельскохозяйственных машин, то уже к 1926—1927 гг. это положение резко изменилось. Восстановление сельхозмашиностроения в стране и импортмашин дали возможность значительно повысить уровень механизации в сибирской национальной деревне, тем более, что сама техника не была уже новинкой для национального крестьянства.

Так, по материалам обследования Знаменского района Славгородской немсекцией в 1924 г. отмечается уже «тяга к улучшенной обработке земли и вообще лучшему сельскому хозяйству», хотя травосеяние и посадка корнеплодов «до сих пор все-таки не проводились»³⁹). Первые признаки оживления экономики национальной деревни появились уже в 1925 г. «Каждый, кто мог, засеял хотя бы по одной десятине. Живой интерес проснулся у крестьянства... оно увидело, что советское правительство идет навстречу крестьянину и помогает ему семенами, машинами и деньгами», — писали в 1925 г. из пос. Вайнбендер Петропавловского округа, где посевная площадь за год удвоилась⁴⁰). «После ряда неуражайных лет можно надеяться, что хлеба и семян хватит», сообщали из Семипалатинской губернии, — можно подумать и о частичных усовершенствованиях в обработке почвы, хотя для больших новшеств народ еще слишком слаб»⁴¹).

Конкретно, в двух немецких селах Барабинского округа — Цветное Поле и Граничное — посевная площадь увеличилась за период от 1924—1925 до 1926—1927 гг. с 410 дес. до 803, т. е. почти вдвое. Количество рабочих лошадей возросло с 73 до 177 или почти в 2,5 раза, коров — с 189 до 276 или на 45%. Количество сложных машин только за один год (1925/26—1926/27 с/х годы) выросло с 57 до 92, хотя число хозяйств возросло за это время только со 107 до 117. Сумма уплаты налога по этим деревням выросла за 2 года с 1265 до 4755 руб., или на 276%, более чем в 3,5 раза⁴²).

Подобную же картину мы наблюдаем и у других западных национальностей, в особенности у латышей. Так, количество сложных машин (молотилки, жнейки, сенокосилки) в латышских колониях Тарского округа увеличилось (данные по 268 хозяйствам) за время от 1925/26 до 1926/27 с/х года с 76 до 128 или на 68%⁴³). В Уярском районе Красноярского округа латыши, составлявшие 11% населения, имели к весне 1927 г. 22,5% молотилок, 13% жнеек, 63% сенокосилок, 65% конных граблей, все дисковые бороны и 99% сепараторов по району, не говоря о единственном в районе тракторе⁴⁴). У эстонцев Красноярского округа тоже наблюдался значительный рост хозяйств — прирост посева составил 21,4%, поголовья коров — 12,3%, для латышей соответственно 21,8 и 13,1%, при одновременном качественном улучшении

³⁸) «Ландман», 15 января 1924 г.

³⁹) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 340, л. 13.

⁴⁰) «Ландман», 17 июня 1925 г.

⁴¹) «Ландман», 2 октября 1925 г.

⁴²) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 991, лл. 20—22. Материалы немецкой секции Барабинского окружкома ВКП(б) (подсчет наш).

⁴³) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 1025, л. 195. Отчет Тарской латышской секции за 1926 г. (подсчет наш).

⁴⁴) Там же, л. 204. Отчет Красноярской латсекции за 1926—1927 гг. (подсчет наш).

скота⁴⁵). По Ачинскому округу количество коров на хозяйство у латышей и латгалцев было 2,03, а у русских — 1,89, сенокосилок на 100 хозяйств соответственно — 4,4 и 0,7, конных грабель — 2,9 и 0,7. Качественные различия в хозяйстве проявляются даже в таком факте: количество ульев на пасеках латышей и латгалцев на 100 хозяйств было почти таким же, как и у русских (0,48 против 0,47), но количество современных рамочных ульев было в 10 раз больше (0,43 против 0,04)⁴⁶). В Томском округе в 1925-1926 гг. эстонцы увеличили мощность своих хозяйств в среднем на 50%, причем «имеющиеся в эстонских и латышских селах машины (а их довольно много) на 80% приобретены за последние 3 года»⁴⁷). По поводу хозяйства латышей в с. Кайбинка Ново-Кусковско района Томского округа в 1927 г. писалось: «В Кабинке не приходится, к примеру, спрашивать: «кто имеет сенокосилку?», а надо задавать вопрос: «кто не имеет сенокосилки?»⁴⁸).

Усиленная механизация и подъем хозяйства сказывались и на способах ведения хозяйства, в селах западных нацменьшинств распространялось многополье, строились теплые скотные дворы, применялся форсированный откорм скота, удобрение полей, пары и т. п. Так, по крестьянскому хозяйству Болотинского района Томского округа указывалось, что «землю удобряют только эстонцы, латгалцы и немцы», они же ведут хуторское хозяйство, вводят травосеяние, устраивают теплые скотные дворы, латгалцы богаче всех машинами и т. д. Соответственно прирост посевной площади за 1925-1926 гг. составил у латгалцев 45,5%, а у русских — только 20%, латгалцы имели на 1 двор 1,28 лошади, а русские — 0,94, коров соответственно — 1,57 и 1,12. При этом предполагается, что латгалцы не показали в среднем по одной корове на двор⁴⁹), к тому же латгалцы не были самыми состоятельными среди нацменьшинств Запада в Сибири.

Подобная же картина развития хозяйства наблюдалась и у немцев Славгородского и Омского округов. Так, агроном Наносов писал в 1928 г.: «Каждый крестьянин (Немецкого) района стремится иметь «красную немецкую» корову. За время работы в районе, более 1,5 лет, я не встречал нигде «сибирского» общественного быка, везде были красно-немецкие или другие «немецкие» производители (голландские и пр.). Даже куры у крестьян не простые, а породистые!»⁵⁰).

Здесь следует сделать две оговорки. Количество скота в хозяйствах отдельных нацменьшинств зависело, конечно, и от специализации этих хозяйств, нельзя сравнивать хозяйство украинского хлебороба в Славгородском округе с хозяйством латыша-скотовода в Тарском округе, но и при сравнении хозяйств того же округа и района (как мы и делали) разница все же наблюдается и значительная. Далее следует оговориться, что все эти характеристики относятся к уровню развития переселенческих хозяйств, частью хуторских хозяйств, которые еще с дореволюционных времен велись на капиталистической, товарной основе. Латыши и эстонцы, переселившиеся в Сибирь в конце XVIII — начале XIX вв., вели свое хозяйство примитивными способами. Так, например, о латышской колонии Старая Рига Омского округа в 1926 г. писалось: «они ведут свое хозяйство наиболее отсталым способом

⁴⁵) ГАНО, ф. 47, оп. 1, д. 496, л. 91. Отчет Красноярского окрисполкома от 1 октября 1928 г.

⁴⁶) Там же, л. 43. Докладчик Ачинского окрисполкома от 5 ноября 1928 г., сравнительные данные по 268 латышско-латгалским и 284 русским хозяйствам.

⁴⁷) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 1026, л. 2. Отчет подотдела национальных меньшинств Томского окружкома ВКП(б).

⁴⁸) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 1025, л. 327. Отчет студентов КУНМЗ, 1928 г.

⁴⁹) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 1025, л. 15. Отчет латсекции.

⁵⁰) «Ландман», 30 июня 1928 г.

и в данный момент переживают острый хозяйственный кризис. Расслоение среди этой части (т. е. и развитие капитализма. — Л. М.)... протекает весьма вяло»⁵¹).

Интересна оценка экономики немецких деревень Омского округа германской рабочей делегацией, посетившей 4 колонии в августе 1926 г.: «Колонисты начинают применять машинную обработку земли, приобретать машины им помогает организованное машинное товарищество. Крестьяне из соседних деревень начинают следовать примеру колонистов — приобретают сельскохозяйственные машины. Если все крестьяне-землевладельцы поймут необходимость машинной обработки земли и будут землю обрабатывать машинами по-новому, культурному, то Сибирь будет самой богатой хлебной страной»⁵²).

Такое развитие хозяйства западных нацменьшинств неизбежно вело к усиленному классовому расслоению. Хотя большинство крестьян-националов вело свое хозяйство без применения наемного труда, в том числе и богатые крестьяне, в частности, латыши Томского округа, росла и усиливалась среди них и кулацкая прослойка. Так, для латышей пос. Елизаветинск Омского округа показано, что в 1925 г. в селе было 23 батрака, а в 1927 г. — 63⁵³). Однако такой бурный рост батрачества еще не дает полной картины разложения крестьянства в данной деревне, ибо батраками зачастую становились бедняки из других деревень. Так, немцы-колонисты часто батрачили у богатых меннонитов, латгалцы — у латышей, русские и казахи — у тех и других⁵⁴).

Таким образом, мы наблюдаем в 1925–1928 гг. бурный процесс капиталистического развития среди западных нацменьшинств, процесс, который был приостановлен разрухой 1922–1924 гг. и возобновился с большой силой в период 1925–1927 гг. Основная причина такого развития экономики заключалась в том, что фактически частное хозяйство в национальной деревне до 1928 г. не было ничем ограничено, кулак не был не только экспроприрован, но даже и подрезан экономически. Даже если ему не удалось сохранить деньги (они обесценились), сохранить валюту того времени — зерно (его поглотила продрозверстка, налоги, неурожайные годы), сохранить машины (они в значительной мере изнасились за период 1914–1924 гг.), то он сохранил в своих руках основное средство производства — землю.

Уравнительное трудовое землепользование, введенное в РСФСР декретом ВЦИКа от 27 января 1918 г.⁵⁵) и связанное с постоянными переделами земли, не было повсеместно распространено в многоземельной Сибири даже среди русского населения⁵⁶), не говоря уже о западных нацменьшинствах, реорганизовавших свое хозяйство в период столыпинщины или вообще не знавших переделной общины⁵⁷). Отрубное

⁵¹) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 1025, л. 41. Резолюция по отчету латсекции Омского окружкома ВКП(б).

⁵²) «Сельская правда» (Новосибирск), 6 сентября 1926 г. См. также К. С. Бочкарев. Из истории интернациональных связей трудящихся советской Сибири с трудящимися Германии. Ученые записки Омского пединститута, вып. 20, 1963, стр. 123.

⁵³) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 1025, л. 69. Отчет латинструктора Омского окружкома ВКП(б) за декабрь 1927 г.

⁵⁴) ГАНО, ф. 536, оп. 1, д. 2, л. 10. Воспоминания К. Холльштейн, жительницы д. Луганск Карасукского района Новосибирской области. См. также ГАНО, ф. 47, оп. 1, д. 1229, л. 98.

⁵⁵) См. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М., 1957, стр. 38, статьи 12.

⁵⁶) См. В. И. Бочарников. Ленинский декрет о земле и западносибирское крестьянство. Ученые записки Омского пединститута. Вып. 20, 1963, стр. 142.

⁵⁷) Для эстонцев см. БСЭ, т. 49, стр. 20, для немцев см. Schmidt D. Studien über die Geschichte der Woljadeutschen. Pokworwsk. 1930, S. 54, 56.

и хуторское землепользование меннонитов и хутора латышей и эстонцев сохранились до самой коллективизации (хутора даже до 1930-х гг.), поскольку внутриселенное землеустройство проведено не было или проводилось с огромным запозданием. Так, по Омскому округу на 1927 г. указывалось, что «во многих селах существует еще дореволюционное землепользование»⁵⁸). Как проводилось землеустройство, видно из такого примера: в с. Моргенау Омского округа было решено в 1923 г. перераспределить землю. В 1923 г. из 8 полей было размежевано одно, «остальные 7 полей использовались согласно прежним купчим на землю». Весной 1924 г. «очень медленно начали межевать еще 2 поля», в 1925 г. все оставалось по-прежнему, причем уполномоченный сельского общества сам пользовался 120 дес. земли и, разумеется, ничего межевать и отдавать не хотел⁵⁹). У меннонитов земля по-прежнему использовалась в отрубях, поля их были значительно крупнее, чем в русской деревне⁶⁰), они по-прежнему считали землю «своей собственной», наделы не выделяли даже собственным подрастающим детям, частью сдавая их в аренду посторонним⁶¹). Такое же положение было в основных чертах, у латышей, эстонцев и латгалцев. Так, в д. Рыжково Крутинского района Омского округа латыши и эстонцы в 1928 г. еще пользовались теми заимками, которые были захвачены их предками в XVIII в., землеустройство 1927 г. привело лишь к образованию трех выселков⁶²). И при этом речь идет о старожильской деревне, где хуторское землевладение не было господствующим в такой мере, как в переселенческих латышских и эстонских селах Омского и Томского округов⁶³).

Кроме того, выселки мелкими группами и хуторское хозяйство даже насаждались и пропагандировались советскими земельными органами. Так, в Томском округе разверстанне земель на хутора и выдел отдельных хуторов производились для эстонцев в 1926 г. (на 534 дес.) и для латышей в 1927 г. (на 549 дес.), для других национальностей таких работ в эти годы не было⁶⁴). В Любинском районе Омского округа, населенном преимущественно немцами, латышами, украинцами и другими переселенцами, еще в 30-е гг. было 394 хутора, вопрос об их сселении встал перед местными организациями только в 1934 г.⁶⁵). Осуждая передельную общину, как отсталую форму хозяйства, отдельные работники пропагандировали хуторское хозяйство. «При нашем теперешнем землепользовании крестьянин связан по-рукам и по-ногам общим сельскохозяйственным оборотом. Лучше... чтобы поле каждого крестьянина было в одном куске», — писала немецкая краевая газета в 1924 г. Это было, безусловно, «лучше», это поднимало индивидуальное хозяйство, особенно в многоземельной Сибири, но и толкало его одновременно в сторону капитализма, усиливало капиталистические элементы и классовое расщепление деревни.

Рассмотрев, таким образом, процесс экономического развития западных национальных меньшинств в Сибири в доколхозный период, мы можем сделать следующие выводы:

⁵⁸) ГАНО, ф. 47, оп. 1, д. 541, л. 13. Материалы Крайкома ВКП(б).

⁵⁹) «Ландман», 24 апреля 1925 г.

⁶⁰) См. П. Казанский. У кулундинских немцев. Алтайский сборник. Т. XII. Барнаул, 1930, стр. 62.

⁶¹) «Ландман», 8 мая 1925 г.

⁶²) ПАО, ф. 2, оп. 1, д. 1025, л. 72. Отчет студентов КУНМЗ.

⁶³) Там же, лл. 53, 68, 327.

⁶⁴) ГАНО, ф. 47, оп. 1, д. 496, л. 134. Отчет Томского окрисполкома от 1 августа 1928 г.

⁶⁵) «Ландман», 7 ноября 1924 г.

1. Экономика национальной деревни имела свои особенности, связанные с ее развитием в предшествующий период, с отличиями в социально-культурном уровне национального крестьянства.

2. Империалистическая и гражданская войны и послевоенная разруха оказали значительное влияние на хозяйство западных национальностей, но не подорвали его в корне. Влияние это было слабее, чем на хозяйство русского крестьянства, факторы развития действовали здесь в ином соотношении.

3. Заготовительная политика Советской власти не оказала решающего влияния на развитие экономики национального крестьянства Сибири так же, как и ее земельная политика в доколхозный период.

4. Определяющим фактором развития экономики западных национальностей в конце восстановительного периода была механизация сельского хозяйства на единоличной и кооперативной основе, которая внедрялась здесь значительно быстрее и в более широких масштабах по сравнению с русской деревней.

5. В результате, западные национальные меньшинства Сибири подошли к периоду массовой коллективизации сельского хозяйства с высоко развитым хуторским и отрубным хозяйством капиталистического типа, с высокой степенью классового расслоения крестьянства, которое для Сибири явилось, в основном, продуктом советского доколхозного периода.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕХОДА СИБИРИ К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Т. А. КОРЯГИНА

Советское государство, приступая в 1921 г. к мирному строительству, должно было считаться с реальным соотношением сил, сложившимися в социально-экономической жизни страны. Соотношение это характеризовалось, с одной стороны, наличием различных укладов в экономике, с другой — разрывом экономических связей между городом и деревней. В хозяйственной жизни господствовало мелкотоварное частнособственническое хозяйство, которое можно было связать в одно целое с промышленностью лишь при помощи рынка и товарно-денежных отношений. Новая экономическая политика и явилась такой хозяйственной политикой Советского государства, которая была направлена на построение социализма в порядке использования рынка и денежного обращения.

Отмена продразверстки и введение продналога стимулировало индивидуальную производительность крестьянских хозяйств и способствовало увеличению продовольственного фонда, необходимого для страны вообще и для восстановления крупной промышленности, в частности.

Сама крупная промышленность, оставшаяся в ведении государства, того необходимого количества фондов, которое требовалось для ее восстановления, дать не могла. Поэтому государство вынуждено было прибегнуть к следующим мерам, являющимся неразрывной составной частью нового курса экономической политики — к сдаче промышленных предприятий в аренду и к допущению мелкой частной и кустарной промышленности. Оставшиеся в руках государства наиболее важные для страны промышленные предприятия нужно было в наиболее полной мере нагрузить продовольствием, сырьем, фондами заработной платы и поставить на этих предприятиях правильную организацию производства.

Основным методом работы промышленных предприятий стал хозяйственный (коммерческий) расчет, на который были переведены все предприятия госпромышленности.

Коренным образом изменились формы организации и оплаты труда. С переходом к нэпу был отменен принцип трудовинностей и трудоблилизаций при наборе рабочей силы. На смену ему пришел принцип вольного найма рабочих. В области оплаты труда был навсегда уничтожен принцип уравнительности. Заработная плата была индивидуализирована в зависимости от ценности работника и его производительности,

что в значительной мере определялось на местах, в самих учреждениях и предприятиях, права и инициатива которых в этом отношении были довольно широки.

Замена продовольственной разверстки продналогом, допуск частного капитала в промышленность, перевод государственных предприятий на хозрасчет и разрешение известной свободы торговли — все это суть основные компоненты, важнейшие стороны новой экономической политики, провозглашенной X съездом нашей партии.

Осуществление на практике, проведение в жизнь основных элементов нэпа создавало очень пеструю в социально-экономическом отношении, сложную, чрезвычайно противоречивую и полную борьбы действительность. И советское государство, социалистические производственные отношения должны были выйти победителями в этой борьбе. Путь к победе лежал прежде всего через вовлечение миллионов мелких товаропроизводителей в русло государственного капитализма. Огромнейшую роль в этом отношении должна была сыграть кооперация (во всех ее видах) и, прежде всего, потребительская кооперация. Изменение задач кооперации в связи с переходом к нэпу, деятельность ее в новых условиях, борьба за кооперацию между советским государством и капиталистическими элементами — все это вопросы, безусловно, требующие своего рассмотрения, когда речь идет о проведении в жизнь новой экономической политики.

Советское государство использовало самые различные формы для проведения своего влияния на частный капитал, для борьбы с ним и для привлечения его на службу советской власти, например, различные формы государственного регулирования торговли, применение концессий и аренды в промышленности, проведение классовой налогово-финансовой политики.

Новая экономическая политика Советского государства была рассчитана на допущение частнокапиталистических элементов в экономику страны, на борьбу с ними и на победу социалистического способа хозяйствования над частнокапиталистическим, иными словами, новая экономическая политика была рассчитана на использование товарно-денежных отношений в интересах построения социалистической экономики.

Нэп есть комплекс мероприятий, охватывающих все важнейшие стороны экономической жизни страны. Поэтому, когда мы говорим о переходе к новой экономической политике, мы должны рассматривать все важнейшие мероприятия нэпа в их совокупности и взаимной связи друг с другом.

Процесс перехода Сибири к нэпу не нашел еще должного освещения в исторической литературе. Исследованы в большей или меньшей степени лишь отдельные стороны этого процесса: введение продналога, перестройка кооперации, перевод промышленности на новые принципы работы¹⁾. Другие, не менее важные, стороны новой экономической политики в нашей литературе не освещены. Сюда относятся, например, финансово-налоговая политика, деятельность советских и хозяйственных органов по организации местных бюджетов, организация кредитной системы, кустарная промышленность Сибири, частная торговля и сте-

¹⁾ См. А. Н. Ларина. Трудящиеся Западной Сибири в борьбе за восстановление сельского хозяйства в 1920—1923 гг. Кандидатская диссертация, Москва, 1955; А. К. Касьян. Первые шаги колхозного строительства в омской деревне. Омск, 1958; В. К. Савенко. Из истории борьбы за хлеб в Алтайской губернии в первые годы после восстановления Советской власти (1920—1922 гг.), Барнаул, 1957; Е. М. Хенкин. Трудящиеся Сибири в борьбе с голодом 1921—1922 гг. Кандидатская диссертация, Томск, 1965; М. Р. Акулов. Профсоюзы Западной Сибири в восстановительный период (1921—1925 гг.), Кандидатская диссертация, Томск, 1955; и другие.

пень ее распространения, организация государственной торговли и государственного регулирования торговли вообще. Почти не изучен вопрос об использовании госкапитализма в промышленности, в частности, состояние и особенности арендной практики в условиях Сибири.

Рамки данной статьи не позволяют остановиться на характеристике важнейших сторон нэпа в их совокупности. Поэтому ограничимся лишь некоторыми из этих сторон, совсем не освещенных или слабо освещенных в нашей исторической литературе. Автор статьи ставит своей задачей особое внимание уделить вопросам, связанным с выявлением общих закономерностей перехода к нэпу, присущих как европейской части страны, так и ее сибирской окраине, а также выявить ряд особенностей, характерных для Сибири и обуславливающих своеобразными социально-экономическими условиями Сибири.

Первым из этих важнейших вопросов, на котором необходимо остановиться, есть вопрос о времени перехода предприятий промышленности Сибири на хозяйственный расчет²⁾.

Впервые вопрос о переводе промышленных предприятий Сибири на хозрасчет рассматривался на первом сибирском экономическом совещании, состоявшемся 25—27 июля 1921 г. Здесь также была принята резолюция и о введении новой системы оплаты труда, рассчитанной на широкое внедрение сдельной формы заработной платы. На состоявшейся затем в сентябре 1921 г. сибирской промышленной конференции эти вопросы заново рассматривались. Конференция признала новым методом управления фабрично-заводской промышленностью хозяйственный расчет. В постановлениях конференции излагались общие положения по управлению фабрично-заводскими предприятиями на основе хозрасчета.

Однако, несмотря на принятые решения, фактическая обстановка до февраля-марта 1922 г. оставалась без изменений. Январский (1922 г.) съезд губсовнархозов констатировал: «...обстановка работы ГСНХ в октябре-феврале 1922 года отнюдь не изменилась — мощные предприятия продолжают снабжаться из государственного котла и все ресурсы ГСНХ концентрируются в губснабах»³⁾. С февраля месяца 1922 г. предприятия снимаются с госснабжения, из фондов промышленности начинает выделяться торговый капитал (организация губторгов), ресурсы губснабов переходят к губернским торговым бюро. Губсовнархозы, не имеющие больше возможности снабжать свои предприятия, с марта 1922 г. приступают к фактическому переводу промышленных предприятий на хозрасчет. Однако перевод этот проходил гораздо медленнее, чем в ряде европейских районов страны⁴⁾ и завершился в более продолжительные сроки, чем во многих губерниях Центра. В Сибири же «почти до мая 1922 г., т. е. на протяжении 8 месяцев операционного года во многих местах действует старая экономическая политика»⁵⁾. II съезд Сибэконо, состоявшийся в конце июня 1922 г., констатировал медленный темп работы по переводу предприятий на хозрасчет. Это же самое было

³⁾ Принципы и сущность хозрасчета были одинаковы для предприятий промышленности как европейской части страны, так и для Сибири. Время же перехода на хозрасчет в этих районах было различным. Поэтому автор статьи и считает необходимым остановиться на последнем вопросе.

²⁾ Государственный архив Новосибирской области (ГАО), ф. 288, опись 1, д. 312, л. 36.

⁴⁾ Например, на Украине «перевод госпредприятий на хозрасчет был начат осенью 1921 г. и закончился в основном к лету 1922 г.». См. Н. В. Черненко. Борьба Коммунистической партии за восстановление промышленности и консолидацию рабочего класса Украины в 1921—1925 гг. Автореферат докторской диссертации. Киев, 1962.

⁵⁾ ГАО, ф. 288, оп. 1, д. 312, л. 36.

отмечено и на сибирском совещании губсовнархозов, состоявшемся также в июне 1922 г. Выступая с докладом на этом совещании, председатель Сибпромбюро ВСНХ Шапиро говорил о том, что «вопрос о хозрасчете дебатировался с самого начала перехода к новой экономической политике, но до сих пор толкование его не было достаточно определенным...»⁶). На совещании указывалось, что некоторые губсовнархозы, например, Алтайский и Енисейский все еще продолжают оставаться держателями оборотного капитала всех предприятий. «Процесс перехода предприятий на хозрасчет в Сибири, — говорил в своем выступлении на совещании Промбюро ВСНХ председатель Сибпромбюро ВСНХ, — завершился позднее, чем в Центральной России... У нас он закончился только к новому операционному 1922—1923 году»⁷). На приспособление к новым условиям у Сибпромбюро ушел фактически целый операционный год. Отдаленность от Центральной России, огромные внутрисибирские расстояния, слабость транспортных средств, недостаток кадров умелых работников очень часто вели к несогласованности и разрыву в работе между отдельными ГСНХ, с одной стороны, и между губсовнархозами и Сибпромбюро — с другой. Недаром в губсовнархозах, наиболее близких территориально к Сибпромбюро, например, в Омском ГСНХ, работа по переводу предприятий на хозрасчет проходила более интенсивно, чем в других ГСНХ. В общем и целом значительная часть 1921—1922 операционного года прошла в условиях фактического разрыва в работе Сибпромбюро и губсовнархозов. Лишь в последнюю четверть операционного года, в период июнь — октябрь 1922 г. на всех ГСНХ Сибири начинается более или менее согласованная работа под руководством Сибпромбюро⁸).

В отличие от довольно медленного темпа по переводу предприятий на хозрасчет в госпромышленности, как одной из важнейших сторон перехода к нэпу, другая сторона нэпа — привлечение частного капитала в мелкую промышленность и сдача предприятий в аренду — начались в Сибири почти одновременно с Центральной Россией и проходили в первую половину 1921—1922 гг. не менее интенсивно, чем в Центре.

Как в Сибири, так и по стране в целом, в аренду сдавались в подавляющем своем большинстве мелкие и средние предприятия, преимущественно легкой промышленности и по переработке сельскохозяйственного сырья. Несмотря на большой ажиотаж, возникший вокруг мероприятий по организации аренды, в итоге по количеству сданных в аренду предприятий, Сибирь заняла одно из последних мест среди других районов страны. Основная масса арендных предприятий в стране, как пишет М. Н. Черноморский, находилась в промышленных районах. Аренданные предприятия промышленных губерний и областей (Петроградской, Московской, Нижегородской, Тульской, Донецкой) и относительно промышленных (Брянской и Царицынской) составляли 24,2% всех сданных в аренду предприятий⁹). Из всего числа предприятий, арендованных в 1921—1922 гг. в Сибири, большинство приходилось на долю частного капитала. В этом вопросе мы не можем согласиться с Н. М. Баркан, по мнению которой, большинство арендованных

⁶) ГАНО, ф. 918, оп. 1, д. 134, л. 6.

⁷) Центральный государственный архив народного хозяйства (ЦГАНХ), ф. 3429, сл. 3, д. 162, л. 165.

⁸) См. ГАНО, ф. 288, оп. 1, д. 312, л. 36.

⁹) М. Н. Черноморский. Статистические источники о передаче государственных предприятий в аренду в первые годы нэпа. Источниковедение истории советского общества. М., 1964.

предприятий в Сибири принадлежало кооперативному сектору¹⁰). По данным РКП и губсовнархозов, в арендной промышленности Сибири на долю частного сектора приходилось 60% всех предприятий, на долю обобщественного сектора — лишь 30% от всего числа арендованных предприятий¹¹). Такое явление характерно не только для Сибири, но также и для ряда других сельскохозяйственных районов России. В целом же по стране, и особенно в некоторых промышленных районах более половины всего числа арендованных предприятий принадлежало обобщественному сектору в промышленности (т. е. кооперативам, артелям и госпредприятиям).

Немалое значение в цепи мероприятий, ознаменовавших переход к нэпу, было отведено кустарной промышленности. Особенно значительную роль кустарная промышленность должна была сыграть в Сибири, с ее слаборазвитой крупной промышленностью. Судить о численности кустарной промышленности в Сибири к началу нэпа можно лишь на основании приблизительных данных, ибо общего систематического обследования Сибири в период «военного коммунизма» и в предшествовавшие ему годы не производилось совсем. С конца 1920 г. Сибирь покрывалась аппаратами кустпромов, которые вели регистрацию кустарей и накопили некоторые данные о численности кустарей. Однако эти данные собирались через волисполкомы, которые или причисляли к кустарям крестьян, просто знающих какое-либо ремесло, но не бывших кустарями в полном смысле слова, или давали сведения примерные, без проверки их. Имеются еще одни данные — результаты всероссийской переписи населения в 1920 г. Эти данные также не могут быть отнесены к точным, так как они не содержали в себе точного подразделения на кустарей и предпринимателей, а в одной рубрике охватывали всю мелкую промышленность — предприятия с небольшими двигателями, без двигателя и одиночек. Таким образом, говоря о переходных годах к нэпу, приходится оперировать весьма приблизительными цифрами.

По Томской губернии в 1921 г., по данным Сибстатуправления, значилось занятыми кустарным и мелким трудом 27233 человека. В то же время по Новониколаевской губернии, по данным губкустпрома (ГубКП), значилось 7517 кустарей. Из них 2000 человек состояли в 373 кустарных артелях. По Алтайской губернии, по данным переписи, числилось 30843 кустарей. По данным Губкустпрома, значилось 177 кустарно-промысловых артелей. По Омской губернии, по данным переписи, в 1921 г. числилось 24599 кустарей; по данным же губкустпрома, числилось 7424 кустарей. По всей Сибири на 1921 г. губкустпромами было зарегистрировано до 40000 кустарей и значилось, по данным переписи, всего занятых в мелкой промышленности 105833 человека¹²).

Деятельность Советского государства по отношению к кустарной промышленности сводилась к двум основным моментам. Во-первых, содействие развыванию частнохозяйственной инициативы кустарей и, во-вторых, всемерное поощрение кооперативного движения среди кустарей-частников, помощь кустарной кооперации, предоставление

¹⁰) См. Н. М. Баркан. Организация руководства промышленностью в восстановительный период (1921—1925 гг.). Труды Новосибирского государственного медицинского института, т. XXXIV, кн. 1, Деятельность Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома в 1919—1925 гг. (Работы кафедры марксизма-ленинизма), Новосибирск, 1960.

¹¹) См. ГАНО, ф. 288, оп. 1, д. 312, л. 42.

¹²) ГАНО, ф. 1052, оп. 1, д. 190, л. 4. Здесь же указывается, кстати, что по той же переписи 1920 г. в крупных промышленных предприятиях было занято 757145 человек. Следовательно, в мелкой и кустарной промышленности Сибири было занято значительно больше рабочих, чем в крупной.

ей ряда льгот (преимущественная дача заказов, снабжение в первую очередь сырьем, топливом и т. д.).

Органом, призванным непосредственно заниматься организацией кустарной промышленности в Сибири, был Сибкустпром¹³). Ввиду огромной важности кооперирования кустарной промышленности, задачи по организации и объединению кустарно-промысловых артелей были возложены на специально созданный с этой целью орган — Сибартельсоюз. Нужно сказать, однако, что с марта 1921 г. (с момента перевода Сибкустпрома на хозяйственный расчет), хозяйственное положение Сибартельсоюза стало весьма затруднительным. Основная часть оборотных средств Сибартельсоюза состояла из паевых взносов, входивших в его состав артелей, и не была особенно значительной. Кроме того, Сибартельсоюз не был достаточно силен в организационном отношении. С другой стороны, Сибкустпром, начавший работу на новых хозяйственных основаниях, и обязанный, в связи с этим, в своей практической деятельности исходить прежде всего из соображений коммерческой целесообразности, вынужден был нередко в тех или иных хозяйственных операциях отдавать предпочтение кустарю-единоличнику перед артелью или союзом кустарей. Эти обстоятельства явились одной из важнейших причин многочисленных распадов кустарно-промысловых артелей, последовавших в связи с проведением в жизнь начал новой экономической политики. Аналогичные явления были характерны и для страны в целом.

Учитывая изменившиеся экономические условия и по-прежнему поощряя развитие мелкой и кустарной промышленности, а также стремясь к вовлечению все более широких слоев кустарей в русло кооперации, Советское государство в 1923 г. произвело реорганизацию органов, управляющих кустарной промышленностью, наиболее приспособив их к новым экономическим условиям. Главкустпром был ликвидирован. Вместо него был организован Всероссийский союз промысловой кооперации (Всекопромсоюз), объединивший под своим началом все кустарно-промысловые союзы страны. Всекопромсоюзу был передан весь аппарат ликвидированного Главкустпрома со всеми средствами, обязательствами, активом и пассивом.

В Сибири в том же 1923 г. были ликвидированы как Сибкустпром, так и Сибартельсоюз. Руководство кустарной промышленностью, и в том числе, деятельностью кооперативных кустарей было возложено на областную контору Всекопромсоюза. Контора явилась довольно значительной в хозяйственном отношении организацией. Она получила все средства Сибкустпрома, а также дополнительные материальные ресурсы из Центра.

Всекопромсоюз в целом и сибирская областная контора его в том числе получили возможность с большим успехом, чем предшествовавшие организации, руководить развитием кустарной и мелкой промышленности, направляя ее в то же время в русло кооперативного строительства.

Введение продналога, известная свобода распоряжения излишками сельскохозяйственного производства, перевод предприятий промышленности на хозяйственный (коммерческий) расчет, допущение частно-хо-

¹³ Сибкустпром мыслился сначала как аппарат Главкустпрома, действующий на правах его конторы (подобно аналогичного рода организациям других губерний). Однако, ввиду отдаленности Сибири от Центра и дальности внутрисибирских расстояний, а, следовательно, для большей оперативности и большей плодотворности в работе, Сибкустпром был организован как орган, непосредственно подчиняющийся Сибпромбюро ВСНХ, а не Главкустпрому.

зяйственных элементов в торговлю и промышленность — все это вело к возрождению товарно-денежных отношений.

Товарно-денежным отношениям в государстве должны соответствовать определенные финансовые институты: денежная и кредитная системы, доходный и расходный бюджет государства. Восстановление этих институтов означало восстановление денежного финансового хозяйства в широком смысле. Однако нормальное ведение товарно-денежного хозяйства совершенно невозможно без прочной, стабилизированной валюты. Вот почему одной из первоочередных задач, вставших в те годы перед нашим государством, была задача укрепления рубля, установления прочной денежной системы.

Чтобы успешно разрешить эту задачу, нужно было вести самую энергичную борьбу с эмиссией, достигнувшей за годы империалистической, а затем и гражданской войн огромнейших размеров. Однако прекратить эмиссию государство могло лишь при условии, что в его распоряжении будут другие источники доходов, способные полностью покрыть все расходы страны. Этими источниками могли служить: 1. Доходы от госпромышленности и госторговли, от восстановления платности услуг населению; 2. Займы, внутренние и внешние; 3. Налоги.

Естественно, что в тех тяжелейших условиях, в которых находилась в то время наша страна, как в отношении внутренней своей экономики, так и на международной арене, налоги были наиболее надежным средством для восстановления и укрепления финансового хозяйства страны.

Проведение в жизнь налогового законодательства встретило очень большие затруднения. Финансовый аппарат наиболее сильно пострадал за весь предшествующий период. Что же касается податного отдела как части всего финаппарата, то этот отдел был полностью разрушен за период «военного коммунизма». Предшествовавший период уничтожил податную дисциплину в сознании населения. Значительная часть налого-плательщиков, начиная с обыкновенного крестьянина-единиличника и кончая нередко руководителями крупных государственных предприятий, не понимала, а иногда и не хотела понимать необходимости новой налоговой политики советского государства. И государству, нашим местным партийным и советским организациям, пришлось провести огромную, очень сложную работу по созданию сильного, работоспособного финансового аппарата и, в частности, налогового аппарата, а также по воспитанию в сознании широких народных масс государственной налоговой дисциплины, без которой вся финансовая работа была бы обречена на провал.

Огромная организационная и воспитательная работа, проделанная государственным советскими и партийными органами по организации и созданию условий для работы финаппарата принесли к концу 1922 г. свои первые плоды. Если, например, в январе 1922 г. доходы от налогов по Сибири составили 1,63 млн. рублей золотом, то в сентябре этого же года они уже дали 14,21 млн. золотых рублей дохода¹⁴). Следующий 1922—1923 операционный год принес новые успехи в отношении темпов роста налоговых поступлений. К концу 1922/23 производственного года темпы выполнения по Сибири налоговых заданий выросли на 117,8% по сравнению с началом этого операционного года¹⁵).

Сопоставим данные о поступлении денежных налогов по Сибири с аналогичными данными по СССР в целом (поступления за октябрь 1922 г. приняты за 100%, поступления за ноябрь—сентябрь 1922—1923 гг. выражены в % к октябрю):

¹⁴) Партийный архив Омского обкома КПСС (ПАОО), ф. 1, оп. 3, д. 54, л. 129.

¹⁵) «Жизнь Сибири», 1923, № 11—12, стр. 23.

Т а б л и ц а 16

Виды налога	Районы	За весь 1922—1923 год	
		% к октябрю	сумма золотых руб. по индексу конъюнктурного института
Промысловый налог	По СССР	3013	39006000
	По Сибири	3359	1287000
Подоходно-поимущественный налог	По СССР	323	7456000
	По Сибири	446	269000
Трудовой гужевой и общегражданские налоги	По СССР	4633	25488000
	По Сибири	10525	2100000
Все прямые налоги	По СССР	3886	71950000
	По Сибири	6311	3656000
Акцизы	По СССР	2152	72042000
	По Сибири	3008	3277000
Пошлины	По СССР	2433	12309000
	По Сибири	2908	407000
Всего	По СССР	2738	156301000
	По Сибири	4080	7340000

Денежные средства, поступающие по статьям доходов государственного и местных бюджетов, шли на восстановление промышленности и сельского хозяйства, на развитие государственной и кооперативной форм торговли, на улучшение социального обеспечения населения.

Для того, чтобы можно было в тот или иной момент перебросить необходимые денежные суммы на восстановление и развитие наиболее важных участков народного хозяйства, государство должно иметь специальные кредитные учреждения, где бы эти денежные ресурсы сосредоточивались. Деятельность кредитных учреждений в стране должна была способствовать стабилизации валюты, прекращению эмиссии, оживлению товарооборота и промышленного производства. Кредитные учреждения должны были стать одним из основных факторов правильного развития и использования производительных сил страны.

1 марта 1922 г. в Новониколаевске открылась Контора Государственного банка. На протяжении 1922 г. отделения Госбанка открылись и в других губернских городах Сибири. 5 марта 1923 г. начала свои действия Новониколаевская областная контора торгово-промышленного банка (Промбанк) в качестве первого, единственного для всей Сибири филиала Промбанка и поэтому призванная кредитовать промышленность

и торговлю фактически всей Сибири. На протяжении последующих 7 месяцев контора открыла комиссионерства в Барнауле, Омске и Красноярске. Осенью 1923 г. комиссионерства Промбанка были открыты в Томске и Иркутске. В течение 1923 г. на территории Сибири довольно широко раскинулись сеть отделений Госбанка, Промбанка, а также Всекобанка и трех Обществ взаимного кредита. Сеть филиалов основных кредитных учреждений страны состояла в Сибири в 1923 г. из 18 отделений Госбанка, 6 отделений Всекобанка и трех комиссионерств Промбанка¹⁷⁾.

В нескольких словах остановимся на характеристике деятельности отделений Госбанка и Промбанка. Этим банкам принадлежала большая часть кредитов, предоставленных промышленности и торговле. На примере этих двух банков наиболее удобно проследить классовую линию в области кредитования, которую проводило Советское государство на хозяйственном фронте. Клиентура банков была весьма широкой. К ней относились предприятия госпромышленности, госторговли, кооперации, а также различного рода частные фирмы.

Архивные материалы, в частности материалы архивных фондов Сибпромбюро ВСНХ, и убеждают в том, что «в общей массе кредитов госпредприятия (промышленность и торговля) пользовались подавляющей долей, достигнув по каждому банку от 77,3 до 78% всех выдач по векселям и от 69 до 80,2% всех подтоварных выдач»¹⁸⁾. Банки уделяли внимание и кооперации, предоставив ей в 1923 г. от 15 до 19,5% вексельного и до 13,6% подтоварных кредитов¹⁹⁾. Частные фирмы, преимущественно торговые, стояли на последнем месте, пользуясь средствами банков в пределах от 3,2 до 17,8% всех кредитных выдач²⁰⁾. Необходимо отметить особую позицию банков в отношении частного капитала. Банки в своих пассивных операциях высказывали к частным предпринимателям отношение равное, что и к другим видам клиентуры. Это обогащало банки, с одной стороны, а с другой — вводило частный капитал в русло нормальной, не спекулятивного характера работы.

Такая политика по отношению к частному капиталу заставляла последний помогать в какой-то мере государству в его хозяйственном строительстве и, что было особенно важно, выжить себя, поскольку это выявление обуславливало возможность систематического изучения роста и развития частника.

Совершенно иначе ставился вопрос в отношении активных операций. Здесь, как уже было отмечено, твердо устанавливался принцип благоприятствования госучреждениям и госпредприятиям.

1923 г. ознаменовался интенсивным ростом операций отделений как Госбанка, так и Промбанка. Например, баланс Новониколаевской областной конторы Промбанка с 5 марта по 5 октября 1923 г. возрос в 13 раз в твердой валюте: с 19 788 червонцев на 5 марта, до 258 057 червонцев на 1 октября. Рост операций в среднем в месяц составил 38%²¹⁾. За период с 1 января по 1 октября 1923 г. баланс всех сибирских филиалов Госбанка увеличился следующим образом: на 1 января он составил 149 800 червонцев, а на 1 октября — 1 341 911 червонцев. Таким образом, произошло увеличение баланса более, чем на 800%²²⁾.

Валовая прибыль всех филиалов Госбанка Сибири за 1922 г. составила 21,2 млн. рублей (в знаках 1922 г.), в том числе чистой прибыли

¹⁷⁾ ГАНО, ф. 730, оп. 1, д. 23, л. 28.

¹⁸⁾ Там же, л. 30.

¹⁹⁾ Там же, л. 31. Основная масса кредитов кооперации прошла через Всекобанк.

²⁰⁾ ГАНО, ф. 730, оп. 1, д. 23, л. 31.

²¹⁾ Годовые итоги на хозяйственно-политическом фронте Сибири 1922—1923 гг. Новониколаевск, 1923, стр. 331.

²²⁾ Там же.

4,6 млн. руб., что составило 3,4% к валовой прибыли и 0,5% к общему балансу. Валовая прибыль (полученные проценты и комиссии) в 1923 г. по всем филиалам равнялась 171 655 червонцам, текущие расходы составили 31 550 червонцев, чистая прибыль 132 560 червонцев. Эта прибыль к валовой прибыли составила 76,92%, а к общему балансу — 10,12%²³).

При оценке деятельности банков в исследуемый период следует прежде всего иметь в виду, что период этот был еще слишком непродолжительным, чтобы дать какую-либо окончательную оценку. «Обычно от филиалов кредитных учреждений не ждут существенных результатов в течение 2—3 лет, в условиях же настоящей эпохи, эпохи «восстановления» — девятимесячный срок²⁴) является более чем недостаточным для испытания на диплом «зрелости»²⁵).

Деятельность банков протекала в условиях воздействия на нее отрицательных факторов. Падающая валюта создавала серьезные затруднения для развития пассивных операций, препятствовала в значительной степени организации долгосрочного кредита, служила одной из важнейших причин проявлявшегося со стороны значительной части населения и хозяйственников недоверия к банковским операциям.

Учитывая все эти неблагоприятные условия, чрезвычайно усложнявшие деятельность банков, тем не менее можно констатировать: Сибирская краевая контора Госбанка и Новониколаевская контора Промбанка, с их филиалами и комиссионерствами, довольно успешно начали развивать свои операции, оказав уже тогда положительное влияние на хозяйственное развитие Сибири. Сибирские конторы Госбанка и Промбанка, дополняя друг друга, установили солидные связи с сибирской промышленностью и торговлей и, проникнув в самую ее толщу, стали интегральной частью в экономической жизни Сибири.

Достигнутые отделениями этих банков за столь короткий срок успехи говорили о целесообразности и даже необходимости создания в Сибири филиалов центральных банков. Сибирская промышленность в течение 1923 г. проявила интенсивное развитие и, получая оборотные средства, в значительной мере путем кредитования в сибирских банках, дала солидный экономический эффект.

Краткая характеристика важнейших сторон экономической политики в Сибири позволяет сделать следующие выводы.

Знакомство с материалами о переходе Сибири к новой экономической политике убеждает в том, что важнейшие экономические процессы, основные изменения в экономике, связанные с переходом к нэпу, были такими же, как и в Европейской России. Однако в силу ряда специфических условий социально-экономической и политической обстановки в Сибири процессы эти в Сибири имели некоторые особенности. Прежде всего, необходимо отметить замедленный темп в проведении важнейших мероприятий нэпа в Сибири. «Новая экономическая политика, — отмечалось в материалах совещания прюмбюро ВСНХ, — докатилась до Сибири с некоторым опозданием»²⁶). В Сибири гораздо позднее, чем в Европейской России, начался перевод промышленных предприятий на хозрасчет, позднее, чем в европейской части, начали действовать филиалы центральных банков. Знакомство с литературой позволяет отметить также, что и некоторые другие стороны новой экономической политики проводились в жизнь в условиях Сибири более медленно, чем в цен-

²³) Там же, стр. 323.

²⁴) Имеются в виду филиалы Госбанка. Что касается Промбанка, то последний, как известно, начал свою деятельность в Сибири еще позднее.

²⁵) ГАНО, ф. 730, оп. 1, д. 23, л. 15.

²⁶) ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 91, д. 144, л. 15.

тральных районах страны (например, перестройка кооперации и др.). Отставание это вполне объяснимо. На протяжении всего 1921—1922 операционного года, и особенно первой его половины, сибирские партийные и советские органы должны были сосредоточить главное внимание на двух жизненно важных для страны вопросах: на выполнении продналоговых заданий и на восстановлении транспорта. Значительные силы и внимание привлекала также борьба с бандитизмом, получившим довольно сильное развитие в ряде районов Сибири.

Общая неблагоприятная обстановка для оперативного проведения в жизнь основ новой экономической политики усугублялась крайним недостатком квалифицированных кадров, дальностью расстояний, слабостью транспортных средств. «Главным тормозом, мешающим установлению тесной связи с подведомственными Сибпромбюро предприятиями, — говорится в отчетах Сибпромбюро ВСНХ, — была разбросанность и удаленность главных предприятий от сибирского центра»²⁷⁾.

Необходимо однако подчеркнуть, что несмотря на сложность обстановки и труднейшие условия для работы, партийные, советские и хозяйственные органы Сибири сумели справиться с возложенными на них задачами.

Работа на таких ударных, наиважнейших в тех условиях участках работы, как продовольственный и финансовый фронт, налажена была быстро и проводилась очень оперативно и организованно. Имеющаяся историческая литература по Сибири убедительно говорит об этом. Что касается данной статьи, то нам кажется, что приводимые в ней документы также способствуют подтверждению этих выводов.

²⁷⁾ ГАНУ, ф. 918, оп. 1, д. 192, л. 192.

ИЗ ИСТОРИИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В СИБИРИ В НАЧАЛЕ НЭПА

Л. И. БОЖЕНКО, Е. М. ХЕНКИМ

Переход нашей страны к новой экономической политике проходил в условиях острой классовой борьбы во всех сферах деятельности — в экономике, политике, в духовной жизни. Классовая борьба проходила в очень сложных условиях и отличалась исключительным разнообразием форм, методов и средств.

Особенно показательным проявлением классовой борьбы в начале нэпа была активизация духовенства в связи с величайшим стихийным бедствием, постигшем нашу страну — неурожаем и голодом 1921—1922 гг. и попытками всех контрреволюционных сил использовать его в своих целях.

Засуха 1921 г. охватила почти все важнейшие хлебные районы — Поволжье, Южный Урал, Башкирию, Северный и Западный Казахстан, Крым, часть Северного Кавказа, Южную Украину, часть Сибири и т. д. Засуха повлекла за собой неурожай и голод. В. И. Ленин отмечал, что голод это «тяжелое последствие отсталости России и семилетней войны, сначала империалистической, потом гражданской, которую навязали рабочим и крестьянам помещики и капиталисты всех стран»¹). Размеры голода были неимоверно велики. В 1921—1922 гг. голодом было охвачено 33 губернии, в которых проживало 43 миллиона человек²).

Наиболее тяжелый период в положении голодающих районов наступил весной 1922 г. К этому времени количество голодающих достигло максимального размера. Все имевшиеся внутренние ресурсы пострадавшего района полностью истощились. Помощь Советского правительства, добровольные пожертвования трудящихся и поступления заграничных организаций были крайне недостаточные для удовлетворения всех нужд голодающего населения. Впереди еще стояли задачи ликвидации последствий голода и восстановления хозяйства пострадавших губерний. Все это требовало огромных затрат. Советское правительство не в состоянии было решить все эти вопросы за счет государственных средств и нуждалось в дополнительных источниках. Международное положение Советской республики исключало возможность получения существенной помощи из-за границы.

В этих условиях голодающие крестьяне подняли вопрос об использовании для борьбы с голодом богатств, которые были сосредоточены

¹) В. И. Ленин. Полное собрание сочинений (ПСС), т. 44, стр. 75.

²) «Вестник статистики», 1923, № 4—6, стр. 88; «Известия», 15 марта 1922 г.

в руках духовенства. Однако духовенство, вопреки их ожиданию, отнеслось к призыву голодающих резко отрицательно. В то время, когда вся советская страна делала невиданные усилия для оказания помощи голодающим, церковь оставалась в стороне от этого общего дела.

С самого начала борьбы с голодом основная масса духовенства шла вместе со всеми контрреволюционными элементами, пытавшимися использовать голод для борьбы против Советской власти. Глава православной церкви, патриарх Тихон, известный своим активным участием в Гражданской войне на стороне контрреволюции, пытался объяснить голод «божьей карой» и этим самым взвалить вину за голод на Советскую власть и большевистскую партию.

Духовенство отказало в помощи голодающим, хотя церковь владела огромными богатствами, создателями которых в конечном счете были трудящиеся. В стенах более 600.000 церквей, 600 монастырей, 4 лавр насчитывалось огромное количество золота, серебра, драгоценных камней. Большая часть находившихся в храмах драгоценностей не использовалась во время богослужения и являлась излишней. Только по некоторым данным (духовенство всегда предпочитало держать в тайне размеры своих богатств) церковные ценности составляли в переводе на серебро 525 пудов серебра³⁾, а это в ценах того времени такая сумма, на которую можно было приобрести 525 млн. пудов хлеба.

Видя нежелание духовенства добровольно пожертвовать частью церковных богатств для помощи голодающим, сами верующие, особенно крестьяне голодающих губерний, обратились к Советской власти с просьбой изъять их в принудительном порядке. В Центральный Исполнительный Комитет поступали многочисленные письма и обращения крестьян голодающих губерний с требованием принять необходимые меры к использованию огромных церковных богатств для помощи голодающего населения: «Мы полагаем, что это имущество (то есть церковные ценности) есть достояние всего народа. Мы просим нашу власть принять меры, чтобы излишнее церковное имущество шло на прокормление голодных», — писали, например, в своем обращении крестьяне, члены делегации Самарской губернии. «Мы уверены, — продолжали они. — что все голодающие и все, кто знает как бедствует народ, нас в этой просьбе поддержат»⁴⁾.

В некоторых районах трудящиеся самочинно проводили изъятие церковных ценностей и использовали их для помощи голодающим. Такая инициатива была проявлена крестьянами села Давыдовка Мелитопольского уезда Таврической губернии⁵⁾.

23 февраля 1922 г. Президиум ВЦИК, приняв во внимание многочисленные обращения трудящихся голодающих губерний, постановил «...изъять из церковных имуществ... по описям и договорам все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Наркомфина...». Для осуществления этой меры создавались особые комиссии исполкомов. Отчеты о ходе изъятия подлежали публикации в печати. Изъятие церковных ценностей проходило в присутствии групп верующих. Изъятые ценности обращались исключительно на нужды голодающих⁶⁾.

³⁾ Мих. Горев. Церковные богатства и голод в России. М., 1922, стр. 7, 8.

⁴⁾ «Правда», 28 февраля 1922 г.

⁵⁾ СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925). М., 1955, стр. 158.

⁶⁾ Собрание Указаний, 1922, № 19, стр. 217.

Советское правительство рассматривало конфискацию церковных ценностей не как меру борьбы с религией, а как необходимый шаг по спасению миллионов голодающих и восстановлению хозяйства пострадавшего от голода района. При этом учитывалось, что огромные богатства церкви созданы за счет средств трудящихся, являются достоянием народа и могут быть использованы Советским правительством в интересах трудящихся.

Проведение в жизнь декрета о конфискации церковных ценностей для оказания помощи голодающим является одним из наиболее ярких эпизодов классовой борьбы, крупным политическим событием начального периода истории советского общества.

Однако до настоящего времени история изъятия церковных ценностей не изучена в достаточной степени, в то время как в современных церковных изданиях ее стараются не затрагивать, а в зарубежной буржуазной исторической литературе изъятие церковных ценностей изображается в искаженном свете⁷⁾.

Учитывая это, авторы данной статьи поставили задачу осветить основные моменты борьбы, которая развернулась вокруг изъятия церковных ценностей в Сибири, самой огромной окраине страны⁸⁾.

Вместе со свергнутыми классами православная церковь оказала ожесточенное сопротивление изъятию церковных ценностей и использовало его для антисоветской агитации, что сопровождалось обострением классовой борьбы в стране. Церковь пыталась использовать свое влияние на наиболее отсталые слои населения, обеспечить себе опору среди масс верующих, использовать благоприятный момент для организации массовых антисоветских выступлений. Церковь восприняла декрет ВЦИК как вызов, и патриарх Тихон в противовес декрету Советской власти об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих издал свое послание к верующим, в котором запретил сдавать церковные ценности, и рассчитывал на суеверие и повиновение отсталой части верующих, грозил в случае неповиновения отлучением от церкви⁹⁾. Тихон и реакционное духовенство, надеясь восстановить верующих явроты Советской власти, объявили, по сути дела, ей войну. Работа по изъятию церковных ценностей приобретала таким образом серьезный политический характер. «Церковь в лице своих верхов превратилась в ПАРТИЮ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ. Нужно дать отпор этим контрреволюционерам», — писала «Правда»¹⁰⁾.

Перед партийными организациями и органами Советской власти стояла трудная задача по своевременному и беспрекословному проведению в жизнь декрета ВЦИК о конфискации церковных ценностей. При этом необходимо было, с одной стороны, решительно пресекать всякие возможные контрреволюционные поползновения духовенства, а с другой — соблюдать необходимый такт по отношению к массам верующих, добиться правильного понимания ими и поддержки мероприятий

7) См. Вопросы истории религии и атеизма. Т. X, М., 1962, стр. 186.

8) История изъятия церковных ценностей в Сибири до сих пор не была предметом специального исследования. Отдельные моменты ее можно найти лишь в статье Н. Н. Юрасова «Деятельность Сиббюро ЦК РКП(б) по организации антирелигиозной пропаганды в 1920—1922 гг.». (Сборник статей «Из истории партийных и советских организаций Сибири». Новосибирск, 1962) и отчасти в статье Ф. А. Лукинско-го «Партийное руководство научно-атеистической пропагандой в Сибири (1920—1925 гг.)» в «Трудах Новосибирского мединститута», т. XXXIV, кн. 1, 1960.

9) См. Н. А. Чемерисский. Изъятие в 1922 г. церковных ценностей для помощи голодающим. Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей. X, М., 1962, стр. 199.

10) «Правда», 7 мая 1922 г.

Советской власти, изолировать от масс контрреволюционную церковную верхушку.

В Сибири конфискация церковных ценностей проходила в своеобразной обстановке, после только что завершенной продналоговой кампании, резко обострившей классовую борьбу в деревне. Это еще больше усугубляло обстановку и создавало дополнительные трудности. Эти особенности учитывали партийные организации при проведении агитационно-разъяснительной и практической работы по проведению в жизнь декрета ВЦИК о конфискации церковных ценностей.

В организации изъятия церковных ценностей и в отношении к реакционному духовенству партийные и советские органы руководствовались решениями партии. В феврале 1922 г. ЦК РКП(б) в циркулярном письме «О постановке антирелигиозной пропаганды», призывая партийные организации вести систематическую антирелигиозную пропаганду, не допуская выпадов против чувств верующих, подчеркивал при этом необходимость непримиримой борьбы против тех, кто использует религию в своих классовых контрреволюционных целях.

Когда кампания по изъятию церковных ценностей уже началась и реакционная часть духовенства вместе с другими антисоветскими элементами стала оказывать ей сопротивление, ЦК РКП(б) в марте 1922 г. обратился к партийным организациям с телеграммой, в которой указывалось на необходимость поддержать низшее духовенство, выступавшее за изъятие церковных ценностей. «Политическая задача, — подчеркивал ЦК РКП(б), — состоит в том, чтобы изолировать верхи церкви, скомпрометировать их на конкретнейшем вопросе помощи голодающим и затем показать им суровую руку рабочего государства, поскольку эти верхи осмеливаются восставать против него»¹¹⁾.

На основе решений партии и правительства Сибирское бюро ЦК РКП(б) приняло 25 марта 1922 г. постановление о проведении изъятия церковных ценностей в сибирском крае. Согласно циркулярному письму Сиббюро ЦК для проведения работы по изъятию и проведению в связи с этим агитационно-разъяснительной работы были организованы специальные комиссии при губкомах партии и губисполкомах из представителей партийных, советских, комсомольских, профсоюзных и других организаций. Такие же комиссии создавались и при уездных партийных и советских органах¹²⁾.

Циркуляр Сиббюро ЦК предлагал партийным и советским органам обратить особое внимание на тщательную подготовку и проведение агитационной кампании, предлагалось обратить все внимание на проведение подготовительно-разъяснительных мероприятий, временно приостановив изъятие церковных ценностей.

При проведении агитационной работы Сиббюро ЦК предлагало делать основной упор на разъяснении размеров голода и проводимых Советской властью мерах по оказанию помощи голодающим, не придавать проводимой кампании антирелигиозной направленности и добиться в ходе ее проведения раскола среди духовенства и изоляции наиболее контрреволюционно настроенной его части¹³⁾.

Пленум Алтайского губкома РКП(б), обсуждавший этот вопрос в начале марта, решил начать агитационную работу в Барнауле, так как здесь были сконцентрированы основные массы пролетариата, спо-

¹¹⁾ Цит. по И. Трифонов. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921—1937). М., 1960, стр. 33—34.

¹²⁾ Партийный архив Новосибирского обкома КПСС (ПАНО), ф. 10, оп. 1, д. 211, лл. 7, 19.

¹³⁾ ПАНО, ф. 10, оп. 1, д. 211, лл. 1, 2, 14.

собные оказать влияние на губернию. Предлагалось ставить вопросы о конфискации церковных ценностей на партийных собраниях, беспартийных конференциях, проводить собрания представителей церковных общин¹⁴). В циркулярном письме Иркутского губкома обращалось внимание на недопустимость оскорбления религиозного чувства верующих в решительное разоблачение «князей церкви», скрывающих от советского народа церковные богатства¹⁵).

Главная цель и основное направление агитационно-массовой кампании по конфискации церковных ценностей — широкий охват трудящихся города и деревни, обеспечение их поддержки мероприятий Советской власти, изоляция контрреволюционного духовенства и расстройство его авантюристических планов.

Партийные и советские органы, особенно агитпропотделы губкомов и укомов РКП(б), провели ряд митингов трудящихся, организовывали публичные лекции и доклады. На предприятиях, заводах и фабриках, в организациях и учреждениях силами лучших агитаторов проводились популярные беседы и читки по вопросам, связанным с изъятием ценностей.

Особое внимание в работе по изъятию церковных ценностей было уделено Томску, который в то время был центром церковного управления, и Иркутску. В этих городах реакционная часть духовенства во главе с епископом томским и барнаульским Виктором и епископом иркутским и верховленным Анатолием особенно активно выступили против постановления ВЦИК.

В Кольчугинском районе Томской губернии по вопросу о конфискации церковных ценностей проводились партийные собрания, на которые были приглашены беспартийные. На собрания ячейки Ленинской шахты присутствовали 80 коммунистов и 190 беспартийных, в Урско-Бедаревской волости — 131 коммунист и 59 беспартийных, в Гурьевской — 5 коммунистов и 150 беспартийных. Широко проводились сельские сходы и беспартийные конференции. В Караканской волости проведено 34 сельских собрания и 14 беспартийных конференций, в Карачумышской — 12 партийных и 12 беспартийных собраний¹⁶).

В связи с конфискацией церковных ценностей в Алтайской губернии в Барнауле были проведены 32 партийных собрания, 28 собраний на предприятиях и в учреждениях, 9 митингов и собраний в клубах и театрах. В Бийске было отдельно проведено несколько собраний верующих¹⁷).

Главное здесь заключалось, конечно, не в количестве проводимых мероприятий, а в их действенности, в их влиянии на массы трудящихся и, в первую очередь, верующих. Анализ имеющихся источников показывает, что в этом отношении в ходе предварительной разъяснительной работы были достигнуты значительные успехи. Из 33 собраний, проведенных в первом районе города Томска, на 30 были приняты резолюции в поддержку декрета ВЦИК¹⁸). Характерен в этом отношении массовый митинг, проведенный в феврале 1922 г. в Томске. Сюда были приглашены верующие всех национальностей. Выступивший священник Торопов занял уклончивую позицию, говорил о помощи вообще, но ни словом не обмолвился о церковных ценностях. Верующие дали должный отпор

¹⁴) Партийный архив Алтайского крайкома КПСС (ПААК), ф. 2, оп. 3, д. 6, л. 6; д. 302, л. 11.

¹⁵) ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 1554, л. 75.

¹⁶) ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 433, лл. 83—84, 107—108.

¹⁷) ПААК, ф. 2, оп. 3, д. 103, л. 9; д. 368, л. 5 и др.

¹⁸) ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 406, л. 73.

поведению духовенства. Митинг прошел с большим подъемом. Была принята резолюция о конфискации¹⁹).

Многочисленные резолюции митингов и собраний трудящихся рисуют яркую картину истинных настроений трудящихся, которые шли в разрез с надеждами антисоветски настроенного духовенства и расстраивали планы церковной контрреволюции.

Общественное мнение рабочих, служащих, красноармейцев единодушно разделяло точку зрения Советской власти по вопросу помощи голодающим путем реализации церковных ценностей. На митингах, общих собраниях и при проведении публичных докладов трудящиеся Сибири выступали с одобрением политики Советской власти. «Мы, рабочие, служащие, мастера в числе 400 человек, — записали в своей резолюции участники одного из митингов в Томске, — заслушав речи и обсудив вопрос о помощи голодающим, заявляем, что весь трудящийся люд не может не одобрить декрет об изъятии ценностей из храмов всех вероисповеданий. Мы громко заявляем о необходимости скорейшего проведения этого декрета и сдачи церковных ценностей. Мы уверены, что все верующие люди поймут свой долг перед голодающими братьями и заставят сопротивляющихся духовников-руководителей церкви не мешать великому делу помощи»²⁰).

Собрание водопроводчиков, будочников и крановщиков города Томска, среди которых было много пожилых религиозных людей, единогласно приняло решение, в котором предлагалось снять церковные колокола и использовать их для приобретения хлеба для голодающих²¹).

На общем собрании граждан г. Кузнецка Томской губернии была принята резолюция при четырех воздержавшихся, признававшая конфискацию ценностей «неотложной необходимостью» и требовавшая ее «немедленного проведения через уполномоченных»²²).

Многотысячные демонстрации трудящихся в поддержку изъятия церковных ценностей состоялись в Иркутске и Красноярске.

На собрании рабочих Гришаевского рудника, Черемховского бассейна выступила старая работница, верующая, которая убедительно доказала, что изъятие золота и серебра, хранящихся в церкви, не может повлиять на отправление культа. Рабочие с большим сочувствием отнеслись к решению о конфискации церковных ценностей²³).

В резолюции III съезда профсоюзов Иркутской губернии указывалось, что съезд «клемит позором служителей золотого тельца и требует осуществления декрета рабоче-крестьянского Правительства об изъятии церковных ценностей. Пусть ни в одной церкви не останется ни одной крупинки золота, зато в Советской России не будет ни одного голодающего»²⁴).

В марте 1922 г. собрание женщин-делегаток г. Барнаула высказалось за изъятие церковных ценностей и призвала всех граждан присоединиться к их решению²⁵).

В первой половине апреля в Томске, Иркутске и Красноярске состоялись многочисленные демонстрации трудящихся в поддержку декрета о конфискации церковных ценностей. 9 апреля в Иркутске вышли на улицы тысячи человек. Рабочие шли с лозунгами: «Золото храмов — на спасение голодающих», с красными флагами. К ним при-

¹⁹) ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 421, л. 109.

²⁰) «Красное знамя», 13 апреля 1922 г.

²¹) «Красное знамя», 16 мая 1922 г.

²²) Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 173, оп. 1, д. 163 б, л. 26.

²³) «Красный уголек» (Черемхово), 6 мая 1922 г.

²⁴) «Иркутский рабочий», 14 апреля 1922 г.

²⁵) ПААК, ф. 2, оп. 3, д. 368, л. 5.

соединились красноармейцы, беженцы и дети из Поволжья. У здания губисполкома состоялась массовый митинг. Единодушно была принята резолюция, требующая немедленного изъятия ценностей²⁶).

Эти демонстрации особенно характерны, как открытое и наиболее яркое проявление воли трудящихся масс, показавших свою решимость осуществить изъятие ценностей из церквей в пользу голодающих. Они показали полную изоляцию тех, кто пытался противодействовать осуществлению этого мероприятия и рассчитывал при этом на поддержку отсталой части рабочих и крестьян. При этом необходимо иметь в виду, что Томск, Иркутск и Красноярск являлись крупнейшими религиозными центрами Сибири. Находившаяся здесь верхушка сибирской православной церкви являлась организатором всех антисоветских козней и провокаций. Кроме того, здесь сосредоточивались наиболее богатые храмы и изъятие ценностей должно было дать наиболее ощутимые практические результаты.

Изложенные факты показывают, что проведенная агитационно-массовая кампания достигла поставленной цели. Подавляющее большинство трудящихся, в том числе верующих, сочувственно отнеслось к мероприятиям Советской власти по усилению помощи голодающим за счет конфискации церковных ценностей. Почва из-под ног контрреволюции была выбита.

Однако заправила церкви и другие антисоветские элементы не оказались от использования кампании по конфискации церковных ценностей для усиления борьбы против Советской власти.

Активизация контрреволюции и усиление классовой борьбы в стране в период конфискации церковных ценностей не является случайным. Это явление самым тесным образом связано с предыдущей деятельностью классовых врагов и с провалом планов контрреволюции.

Продналоговая кампания, несмотря на допущенные ошибки и перегибы, прошла успешно и способствовала укреплению союза рабочего класса и крестьянства. Надежды контрреволюции использовать трудности продовольственных заготовок в целях борьбы против Советской власти провалились. Провалились также надежды на легализацию контрреволюции в связи с организацией комиссий помощи голодающим и борьбой с голодом. Конфискация церковных ценностей представляла из себя новый благоприятный момент для активизации антисоветской борьбы. Особенности заключались: во-первых, в том, что контрреволюция получила сейчас централизованную организацию с широким разветвлением на местах в лице иерархии русской православной церкви, во-вторых, появилась благоприятная идейная возможность воздействия на массы, используя религиозные чувства верующих, в-третьих, хотя конфискация церковных ценностей и не затрагивала непосредственно интересы верующих, так как изъятию подлежали предметы, не употреблявшиеся при богослужении, это давало, тем не менее, повод для открытого саботажа и срыва выполнения декрета ВЦИК. Под предлогом необходимости того или иного предмета церковной утвари можно было оказать сопротивление работе комиссий по изъятию, привлечь к этому наиболее темные группы верующих, использовать как предлог для антисоветских выступлений. К этому следует добавить, что во главе православной церкви стояли многие ярые враги Советской власти, черносотенцы, активные участники гражданской войны. К ним относится, в первую очередь, патриарх Тихон, глава русской православной церкви. Томский епископ Виктор был одним из вождей «Союза русского народа». Как выяснилось на суде, он после окончания гражданской войны имел

²⁶) «Власть труда», 11 апреля 1922 г.; «Правда», 13 апреля 1921 г.

тесную связь с белобандитским движением в губернии, снабжая их патронами и являлся одним из организаторов подготовки вооруженной борьбы против Советской власти²⁷⁾.

Таково было лицо тех, кто под флагом защиты религии и прав верующих стоял во главе новых антисоветских заговоров и выступлений. Представляет определенный интерес и тактика церковной контрреволюции в этот период.

Были сделаны многочисленные попытки использовать конфискацию церковных ценностей для организации открытых антисоветских выступлений и провокаций.

Таковы события в Шуе, где во время изъятия церковных ценностей черносотенные элементы натравливали фанатичную толпу верующих против красноармейцев, ударили в набат, бросали камни и стреляли в прибывших на соборную площадь конную милицию и красноармейцев. Такие же провокационные выступления погромного характера имели место в Смоленске, Дорогомилове и в других местах²⁸⁾.

Изъятие церковных ценностей для помощи голодающим встретило яростное сопротивление реакционного духовенства и в Сибири. Сибирское духовенство, ни разу не упоминавшее о грабеже в 1918—1919 гг. церковью белыми бандами и колчаковцами, изъятие церковных ценностей в помощь голодающим объявило «святотатством» (оскорблением святынь), «кражей святых предметов» и т. п. В Иркутской губернии духовенство и наиболее реакционные представители религиозных общин заявили, что они «не находят для себя возможным согласиться на изъятие церковных ценностей по чисто религиозным соображениям». «Изъятие ценностей, — завляли они, — мы не дадим». «Это вам, — грозили они, — обойдется дорого. Вы должны перешагнуть через наши трупы»²⁹⁾.

Свидетели и участники работы по изъятию церковных ценностей рассказывают в своих воспоминаниях о том, что в обстановке сопротивления реакционного духовенства, к которому примкнули и другие антисоветские элементы, только громадная выдержка, непоколебимая революционная решимость, корректность и тактичность в целом всех членов комиссий по изъятию предохраняли от возможных в этой сложной и ответственной работе эксцессов.

Однако и в Сибири реакционерам удалось кое-где организовать в связи с изъятием церковных ценностей под предлогом «защиты религии и церкви» волнения, столкновения и открытые выступления. 7 апреля во время собрания верующих по вопросу об изъятии ценностей в Рубцовске раздались провокационные выкрики и представители уездной комиссии по изъятию Сатонин и Рубан были окружены фанатичной толпой и избиты. Только выдержанность и хладнокровие членов комиссии привели к окончанию этого инцидента и сорвали замысли контрреволюции. Эта провокация не была случайной. Контрреволюционными элементами заранее велась агитация, в церкви находились лица, известные своим враждебным отношением к Советской власти³⁰⁾.

Такие же факты имели место в Марининске, Барабинске, где выступавшего коммуниста вытолкали из церкви с криками: «бей коммунистов, не отдадим золото». В Иркутской губернии разбрасывались листовки с призывами «бей жидов», «красные грабят храмы»³¹⁾. Контрреволюционные элементы пытались вызвать волнения в связи с конфискацией

²⁷⁾ ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 161, л. 131.

²⁸⁾ См. Н. А. Чемерисский. Указ. соч., стр. 201—204.

²⁹⁾ Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 145, оп. 2, д. 31, л. 41.

³⁰⁾ Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. 10, оп. 4, д. 20, л. 97.

³¹⁾ ПАНО, ф. 10, оп. 1, д. 214, л. 10.

церковных ценностей в Канском уезде Новониколаевской губернии, в Листвянке Иркутской губернии и в других местах³²).

Все эти попытки не могли получить какой-либо поддержки среди трудящихся масс, в том числе и верующих, и явно были обречены на провал. Это хорошо было понятно для самих организаторов церковной контрреволюции. Патриарх Тихон вынужден был в специальном циркулярном письме предостеречь духовенство от подобных действий³³).

Контрреволюционное духовенство широко применяло другую тактику—использование конфискации церковных ценностей для распространения антисоветских настроений в массах. Осуществляя тактику лавирования, создания затяжек и проволочек на пути осуществления декрета ВЦИК, искусственно создавая мелкие конфликты с местными органами Советской власти, ведя на этой почве антисоветскую агитацию, они пытались оказать влияние на отсталые массы верующих, настроить их против Советской власти, создать массовую опору для действий контрреволюции.

Характерно в этом отношении поведение самого патриарха Тихона. Выразив внешне согласие с мерами Советского правительства по изъятию церковных ценностей, глава русской православной церкви крайне медлил с официальным распоряжением священнослужителям на местах о проведении в жизнь декрета Советской власти и всячески лавировал.

Эта тактика лавирования и использования декрета о конфискации церковных ценностей для антисоветской агитации характерна и для действий церковной контрреволюции в Сибири. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Приведем только некоторые из них.

В Томске, например, церковники на своем собрании, заявив о том, что «вещи, подлежащие изъятию должны быть обсуждены на общеприходских советах и утверждены благочинным собранием», приложили далее список таких «ценностей» и такие условия, которые фактически на нет сводили изъятие церковных ценностей.

Омский архиепископ Дмитрий отказался подписать воззвание к верующим о передаче церковных ценностей в помощь голодающим, а в беседе с корреспондентом газеты «Известия» он выразил мнение, «что было бы прискорбно прикасаться к драгоценным украшениям, на которые верующие смотрят как на прелести священные». А между тем в доме архиепископа были вывешены объявления о продаже и обмене различных церковных драгоценностей на продукты³⁴).

Иркутский епископ Анатолий на запрос губернской комиссии по конфискации церковных ценностей ответил, что якобы после отделения церкви от государства и передачи церковного имущества в распоряжение общин верующих, вопрос этот может быть решен только самими верующими. Но здесь же он лицемерно добавил, что решение верующих во многом зависит от их доверия к учреждениям, которым будет переданы ценности для оказания помощи голодающим. Здесь тот же самый мотив и те же попытки вызвать недоверие и сомнение в искренность намерений Советской власти. Иркутское духовенство, возглавляемое епископом Анатолием, начало активную антисоветскую агитацию, распространяя среди населения прокламации с призывом к населению о сокращении церковных ценностей³⁵). В Канском уезде на собрании верующих была сделана попытка принять специальное воззвание, в котором

³²) «Советская Сибирь», 23 апреля 1922 г.

³³) См. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), ф. 656, оп. 1, д. 31, л. 46.

³⁴) ПАНО, ф. 10, оп. 1, д. 214, л. 10; «Известия», 7 апреля 1922 г.

³⁵) «Коммунист» (Иркутск), 1922, № 9, стр. 6; «Власть труда», 3 марта 1922 г.

указывалось, что ценности идут не на помощь голодающим, а на выплату долгов Румынии и Польше³⁶). На собрании верующих в с. Быстрый Исток Бийского уезда контрреволюционные агенты задавали провокационные вопросы, которые ставили ту же цель — вызвать сомнение в том, что церковное имущество будет действительно использовано для нужд голодающих. Во время заседания комиссии в Петропавловском соборе г. Барнаула один из представителей, присутствующих от духовенства, предупредил, что конфискация церковных ценностей вызовет неблагожелательный отклик у верующих, так как последние якобы часто задают вопросы: «а пойдут ли эти ценности по назначению» и сомневаются в возможности их использовать для помощи голодающим³⁷).

Налицо были и более открытые попытки сколачивания антисоветских групп и проведения контрреволюционной работы в массах. В Новониколаевской губернии были многочисленны попытки создания гражданских ячеек при церковных общинах в целях противодействия изъятию церковных ценностей. В эти ячейки предлагалось вводить только зажиточных и глубоко верующих граждан. В селе Алексеевском этой же губернии при церковном совете был создан «кружок защитников православия» с целью борьбы против «сектантов и неверных». Сами члены церковного совета разъясняли, что под неверными следует понимать коммунистов³⁸).

Другой формой воздействия на массы являлось демонстративное уклонение и противодействие по выполнению декрета ВЦИК о конфискации церковных ценностей, попытки сорвать работу комиссий по изъятию церковного имущества, которое обычно проходило в присутствии групп верующих, вызвать этим эксцессы и беспорядки, создать нервную обстановку и сеять семена недоверия к политике Советской власти.

Во время проведения конфискации в Томском кафедральном соборе его настоятель, профессор Галахов и члены приходского совета демонстративно заявили, что сдавая ценности, они подчиняются только грубой силе и требовали внесения этого в протокол. В Омске члены церковных советов и духовенство Успенского и Никольского соборов отказались выполнить требование о снятии риз с икон, вынудили сделать это самих членов комиссии, демонстрируя это как насилие Советской власти по отношению к религиозным чувствам верующих. В Красноярском кафедральном соборе члены церковного совета подписали акт об изъятии ценностей только как присутствующие, но отказались от имени общины поддержать эту меру Советской власти. Служители католической церкви в Омске, Иркутске отказались допустить комиссию к работе, ссылаясь при этом на Советско-Польский мирный договор³⁹).

Эти небольшие инциденты проходили обычно в стенах церкви, в присутствии небольшого круга лиц, но они становились источником клеветнической агитации, преувеличивались и распространялись среди обывательской массы, использовались врагами Советской власти.

Бывали многочисленные случаи, когда служители церкви открыто нарушали советские законы, прятали и уничтожали имеющиеся в церкви ценности, тайно их расхищали, чтобы не сдать органам Советской власти: прятали ценности по квартирам или закапывали в землю наиболее

³⁶) ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 266, л. 37; ф. 10, оп. 1, д. 211, л. 19.

³⁷) ГААК, ф. 10, оп. 4, д. 19, л. 2; «Красный Алтай», 20 мая 1922 г.

³⁸) ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 266, лл. 36—37.

³⁹) ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 403, л. 34; ГАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 807, л. 167, д. 829, л. 236; «Красное знамя», 13 апреля 1922 г.

ценные предметы, сбывали ценности из-под полы на базарах, продавали их в перелитом виде и т. д.⁴⁰⁾

Важно отметить еще одну сторону действий церковной контрреволюции в этот период, которая хотя несколько отличается от изложенного ранее, но весьма показательна для тактики антисоветских элементов — добиться усиления влияния в массах.

Очень часто церковная верхушка, делая вид, что не противодействует политике Советской власти, пыталась использовать проведение в жизнь декрета ВЦИК о конфискации церковных ценностей для укрепления авторитета церкви и ее влияния на массы, а вместе с тем легализации подрывной и антинародной деятельности церковников.

Наиболее активную деятельность в этом направлении развернуло православное духовенство г. Барнаула. 8 марта 1922 г., то есть в самом начале кампании по изъятию церковных ценностей, здесь был спешно образован церковный комитет помощи голодающим из трех представителей духовенства и трех мирян. Комитет разместился в Петропавловском соборе, организовал свою канцелярию, имел печать и штамп. Было решено открыть отделение во многих селениях (Повалихе, Кытмановском, Фунтиках, Шипунове, Шалаболихе и других). Официально было объявлено, что комитет ставит себе задачей добыть «для страждущих братьев» хлеба и одежды и собрать излишки серебряных и золотых изделий из православных храмов для передачи правительству на предмет закупки хлеба за границей». Для осуществления своих задач комитет предполагал организовать церковные лекции и концерты.

Руководители вновь созданного «комитета» сразу же предъявили органам Советской власти ряд предварительных условий. Сам характер этих условий свидетельствует об истинной подоплеке всей этой затеи. Отцы церкви требовали право на бесплатное предоставление им помещений для канцелярии, проведение лекций и концертов, бесплатную пересылку корреспонденции и разъезда агентов «комитета» по территории уезда. Одновременно выдвигалось требование немедленного возвращения отнятых у церкви Советской властью святынь Дмитриевского храма и Барнаульского женского монастыря, а также печатание в государственных типографиях воззвания патриарха Тихона. Последнее объяснялось ссылкой на якобы «неопровержимый авторитет» «главного пастыря русской православной церкви», на то, что верующие, «верные голосу своего пастыря», «самоотверженно отнесутся к делу помощи Поволжью». Священник барнаульской Богородицко-Одигитриевской церкви произнес специальную речь перед верующими, в которой пытался всячески приукрасить роль патриарха Тихона в деле борьбы с голодом и призвал верующих прислушиваться к каждому его слову⁴¹⁾.

Неправильно было бы недооценивать влияние этой антисоветской деятельности церковников на остальные слои трудящихся. При этом необходимо иметь в виду, что церковная контрреволюция, связанная с проведением кампании по конфискации церковных ценностей, не была изолированным явлением. Это было одно из проявлений обострившейся классовой борьбы в период перехода к новой экономической политике.

В этой обстановке в некоторых селах Сибири и на отдельных предприятиях имели место выступления против конфискации церковных ценностей. Эти выступления охватили совершенно незначительную часть населения, главным образом кулачество и небольшую, наиболее темную

⁴⁰⁾ ГААК, ф. 10, оп. 4, д. 20, л. 322; «Красное знамя», 27 мая, 1 и 2 июня 1922 г.; «Власть труда», 30 апреля 1922 г.; А. Дологов. Церковь и сектанство в Сибири. Новосибирск, 1930, стр. 29—31.

⁴¹⁾ ГААК, ф. 10, оп. 4, д. 19, л. 14; д. 20, л. 26.

часть верующих, попавших под влияние антисоветской агитации. Характерная особенность этого явления, что влияние духовенства и противодействие конфискации церковных ценностей имело место в наиболее зажиточных районах Сибири, где была сильна кулацкая верхушка. Сюда относится в первую очередь Титовская волость, Рубцовского уезда, в которой контрреволюционная деятельность кулачества активно проявилась еще во время продналоговой кампании. Под влиянием духовенства и контрреволюционной агитации кулачества, высказались против изъятия ценностей крестьяне сел Кормиха, Белоголазово Рубцовского уезда, Малышев лог, Волчиха, Вострово Славгородского уезда, Кадниково и Белоголазово Барнаульского уезда, Закондядино и Столбовское Каменского уезда⁴²⁾.

В голодающих районах Омской губернии конфискация церковных ценностей происходила не только при активном участии всего населения, но и без сопротивления духовенства, так как противники изъятия не могли здесь найти опоры и сочувствия даже среди самых отсталых слоев населения, испытывавших действие голода. В голодающем Тюкалинском уезде по сообщению газеты «Советская Сибирь» духовенство безоговорочно поддерживало изъятие ценностей. В одной из волостей Татарского уезда конфискация ценностей была произведена не дожидаясь «благословения» епископа. В с. Больше-Могильном Тюкалинского уезда при активном участии верующих было передано 8,5 фунтов золота. В некоторых волостях Томской губернии верующие проводили изъятие сами, до получения разъяснения местных органов Советской власти⁴³⁾.

Характерны также многочисленные случаи активного противодействия крестьянского населения контрреволюционной агитации духовенства. В Татарском уезде Омской губернии во время изъятия был открыт набатный звон, но эта враждебная провокация встретила дружный отпор верующих. В Дуленской и Прокудской волостях Новониколаевской губернии, жители вначале поддавались агитации духовенства, но вскоре в результате проведенной разъяснительной работы сдали 20 фунтов золота и серебра. Крестьяне Кочневской волости требовали от духовенства беспрепятственной сдачи ценностей. Когда последние отказались это сделать, крестьяне предлагали поместить материал об этом в газетах, чтобы голодающие увидели, как им духовенство помогает. Вопреки воле духовенства активно выступало за конфискацию церковных ценностей и население Олшинской волости⁴⁴⁾.

В городе церковники могли рассчитывать на поддержку лишь небольшой части отсталой обывательской массы и явно антисоветских элементов. Масса рабочего класса твердо поддерживала политику Советской власти. Кроме приведенных выше фактов, об этом свидетельствует решительный отпор рабочих и красноармейцев попыткам сорвать конфискацию церковных ценностей и использовать это мероприятие в интересах противников Советской власти. «Мое мнение, — писал рабочий Черемховских копей П. Тульнин, — чем запрашивать разных Анатолиев, а их много таких ржавых заноз в Советской Республике, а у нас есть хозяин Иркутской губернии — губисполком Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, который должен постановить об изъятии церковных ценностей в помощь голодающим». «Если вы не фарисействуете, — обращался красноармеец Н-ской дивизии Алексей

⁴²⁾ ПААК, ф. 37, оп. 3, л. 31, лл. 40, 42, 43, 44; ГААК, ф. 10, оп. 4, л. 20, лл. 143, 232, 297; л. 153, л. 72; ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 266, л. 37.

⁴³⁾ ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 413, л. 16; «Правда», 29 марта 1922 г.; «Советская Сибирь», 29 апреля 1922 г.

⁴⁴⁾ ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 391, лл. 4, 18; д. 403, л. 34.

Симонов к церковникам, — то скажите своим церковникам прямо: отдадим церковное золото для спасения человеческих жизней от голода в Поволжье»⁴⁵).

Эта решительная позиция большинства трудящихся являлась главной причиной провала контрреволюционных замыслов церковников и успешного проведения в Сибири декрета ВЦИК о конфискации церковных ценностей. Вторая причина — правильная политика партийных организаций и органов Советской власти.

Вся агитационно-массовая работа сводилась к разъяснению трудящимся размеров голода и его тяжелых последствий, участия в борьбе с голодом Советского государства и трудящихся масс, необходимости изъятия ценностей из учрежденной культа для оказания помощи голодающим. Руководящие партийные органы неоднократно подчеркивали недопустимость использования кампании по изъятию церковных ценностей для борьбы с религией. Это срывало планы антисоветских элементов, апеллировавших к массам верующих под флагом защиты религии. Основное внимание партийных организаций было направлено на проведение агитационной работы среди наиболее отсталых слоев трудящихся, находившихся под влиянием духовенства и втянутых в орбиту антисоветских провокаций. В смысле организованного влияния на общественное мнение изъятие церковных ценностей было лучше всего проведено в Томской губернии, затем в Енисейской и Иркутской, слабее — в Омской, Алтайской и Новониколаевской губерниях⁴⁶).

Основным направлением практической деятельности партийных и советских органов в период осуществления конфискации церковных ценностей являлось соблюдение необходимого такта в проведении всей практической работы, избежание возможных эксцессов и конфликтов, могущих быть использованными контрреволюцией. Сиббюро ЦК РКП(б) предложило во избежание конфликтов с верующими не проводить изъятие ценностей во время пасхи и страстной недели. Сиббюро осудило ошибки, допущенные партийной организацией и комиссией по изъятию церковных ценностей в Рубцовске и вызвавших нежелательные эксцессы.

Вместе с тем партия и Советское правительство решительно пресекали открытые контрреволюционные поползновения духовенства, направленные на срыв кампании по изъятию церковных ценностей и использование ее в антисоветских целях.

В письме губкомам РКП(б) Центральный Комитет партии предлагал немедленно арестовать всех лиц, виновных в хищении церковных ценностей, а Народный Комиссариат юстиции санкционировал возбуждение уголовных дел при обнаружении фактов хищения против всех лиц, являющихся фактически ответственными за хранение ценностей. Всего по неполным данным было привлечено к уголовной ответственности за контрреволюционную деятельность, хищение и укрывательство церковного имущества в 55 губерниях 732 человека⁴⁷).

В Сибири были привлечены к суду группа церковников в Томске и Иркутске, во главе с томским епископом Виктором и иркутским — Анатолием. Все они были матерые враги Советской власти и народа, активные деятели черносотенных организаций, участники кровавых расправ над советскими людьми в период колчаковщины, пытавшиеся сейчас использовать конфискацию церковных ценностей для возобновления борьбы против Советской власти.

⁴⁵ «Власть труда» (Иркутск), 15 марта 1922 г.

⁴⁶ «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)», 1922, № 49, стр. 8.

⁴⁷ Иона Брехничев. Патриарх Тихон и его церковь. М., 1923, стр. 19.

Открытые судебные процессы над главарями церковной контрреволюции вскрыли закулисную антисоветскую деятельность высших сановников церкви, разоблачили в глазах трудящихся враждебное отношение церковников к нуждам миллионов голодающих.

Эти открытые судебные процессы имели большое политико-воспитательное и антирелигиозное значение. Помещения, где проходили процессы, были всегда переполнены. Картина, развернувшаяся на суде, дала ясное представление о роли сибирского духовенства. Действия вожаков именованного духовенства были самой неприкрытой контрреволюцией, использовавшей буквально все, чтобы помешать Советской власти. Это выяснилось и из их собственных показаний, что подтверждали все свидетели, среди которых были и верующие. Духовенство и примкнувших к ним белогвардейские элементы судили не за религиозную, а за политическую антигосударственную деятельность.

В многочисленных резолюциях рабочие Томска, Иркутска и других городов выражали свое возмущение и негодование поведением церковных иерархов и требовали самого сурового наказания организаторов антисоветских провокаций. В резолюции, принятой на общегородском митинге в Томске, было записано: «...бесчеловечное отношение части духовенства мы рассматриваем как акт дикой злобы монархического духовенства против Советской власти, и мы надеемся, что находящиеся под судом понесут заслуженное наказание и суровое возмездие...»⁴⁸). И трудящиеся Сибири с одобрением встретили суровый приговор, вынесенный реакционному духовенству.

Опираясь на массы трудящихся и сломив сопротивление контрреволюционного духовенства, органы Советской власти успешно и в кратчайший срок провели и завершили конфискацию церковных ценностей. По данным финансовых органов Сибири в результате изъятия церковных ценностей в Сибири в фонд помощи голодающим поступило: золота — 2 пуда 3 фунта 77 золотников и 3 доли, серебра — 622 пуда 25 фунтов 39 золотников и 25 долей, золотых монет на сумму 2298 рублей, серебряных монет на сумму 16714 рублей 77 копеек, большое количество бриллиантов, алмазов и других драгоценностей⁴⁹).

Всего поступило за счет конфискации церковных ценностей по РСФСР на 1 октября 1922 года: золота — 33 пуда 32 фунта 36 золотников, серебра — 23997 пудов, 23 фунта 24 золотника, бриллиантов и алмазов — 35670 штук, жемчуга — 2550 штук и другие⁵⁰). В целом по стране к осени 1922 г. операция по изъятию церковных ценностей дала Советскому государству огромную сумму — 8 триллионов рублей в денежных знаках того времени⁵¹). Эти огромные богатства, украшавшие учреждения культа и не приносившие никакой пользы, были целиком употреблены Советским правительством в интересах трудящихся, для оказания помощи голодающему населению: на церковные ценности за границей было закуплено 3 млн. пудов хлеба.

Так, сибирское духовенство не только смогло использовать в борьбе с Советской властью «костлявую руку голода», но лишь разоблачила себя перед всеми массами как злейшего врага, готового на любое преступление во имя своих собственных интересов. Авторитет

⁴⁸) «Красное знамя», 21 июля 1922 г.

⁴⁹) «Жизнь Сибири», 1922, № 3, стр. 50. Эти сведения несколько расходятся с данными органов Помгол, где сведения о количестве изъятых золота и серебра по Томской, Алтайской губерниям — больше. См. Центральный государственный архив октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 1065, оп. 4, д. 33, лл. 29—30; Итоги борьбы с голодом. М., 1922, стр. 450—452.

⁵⁰) ЦГАОР, ф. 1065, оп. 4, д. 33, л. 25.

⁵¹) «Известия», 16 сентября 1922 г.

церкви в результате враждебного отношения духовенства к помощи голодающим потерпел заметный ущерб, в результате чего часть трудящихся отошла от религии, в то время как влияние партии и Советской власти на трудящиеся массы заметно укрепились.

Контрреволюционные позиции духовенства и то возмущение, которое они вызвали у трудящихся, дали толчок развитию массового антирелигиозного движения в Сибири на следующем этапе.

Поддержка трудящимися массами политики Советской власти и решительные действия по пресечению открытых антисоветских выступлений, вынудили церковную контрреволюцию отступить и изменить тактику. Проявлением этого был раскол в мае 1922 г. церкви на два лагеря — на «старую» тихоновскую церковь и обновленческие группы, низложение патриарха Тихона и образование Временного церковного правления, объявление об аполитичности церкви и ее сотрудничестве с Советской властью по изъятию церковных ценностей и оказанию помощи голодающим⁵²). 2 июня 1922 г. на собрании инициативной группы духовенства и верующих было образовано новое церковное управление в Томске, которое 9 июня объявило себя Сибирским церковным управлением во главе с томским священником Блиновым⁵³).

Так называемый церковный переворот и движение за «обновление церкви» явились следствием давления масс верующих и не означали коренного изменения отношения церковной верхушки к Советской власти. Это было только временное отступление, вынужденное создавшейся обстановкой, переход от тактики открытой борьбы, которая потерпела полный провал, к более замаскированной, закулисной антисоветской деятельности. Вместе с тем это была попытка спасти авторитет церкви и религии, сохранить ее влияние на массы, не допустить полной дискредитации в глазах масс. Характерно, что сразу же после «церковного переворота» новое руководство православной церкви пытается спасти от заслуженной кары патриарха Тихона, а в Сибири епископа Виктора и других главарей церковной контрреволюции⁵⁴). В Барнауле новые главари церкви требовали возвращения конфискованных Советской властью церковных зданий, в Томске — пытались добиться устройства легальных собраний верующих⁵⁵).

В связи с этим партийные организации усилили антирелигиозную агитацию и разъяснение сущности церковного раскола среди трудящихся. Следует отметить, что задачи антирелигиозной агитации и пропаганды не облегчались, а усложнялись, так как «обновленческая» или «живая» церковь надеялась на получение каких-то привилегий и переорождение Советской власти.

Разобраться в этом явлении сибирским партийным организациям помогали анализ В. И. Ленина в докладе на XI съезде партии политической сущности «сменовеховства» (ибо раскол в церкви и появление «живой» церкви было не чем иным, как отражением «сменовеховства» в православной церкви), а также тезисы агитотдела ЦК РКП(б) по антирелигиозной пропаганде в связи с движением «живой церкви», в которых говорилось о том, что партия не может не относиться враждебно ко всякой религии и ко всякой церкви под каким бы именем она не выступала⁵⁶).

⁵²) См. В. Е. Ладоренко. К вопросу о политической ориентации русской православной церкви. Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей, XII. М., 1964, стр. 112—116.

⁵³) «Красное знамя», 6 июня 1922 г., 13 июня 1922 г.

⁵⁴) «Известия», 14 мая 1922 г.; «Красное знамя», 13 июня 1922 г.

⁵⁵) ЦПААК, ф. 2, оп. 2, д. 6, л. 70.

⁵⁶) «Революция и церковь», 1923, № 1—3, стр. 8.

В успешном проведении кампании по изъятию церковных ценностей большая роль принадлежала периодической печати Сибири.

Когда выяснилось, что собираемых во всех уголках Советской республики средств далеко недостаточно для оказания реальной помощи голодающим губерниям, и что необходимо обратиться с призывом к верующим жертвовать для помощи голодающим церковные ценности, газеты отвели для этого специальные разделы. Газеты и журналы разъясняли необходимость изъятия церковных ценностей, регулярно информировали о ходе работ губернских комиссий по изъятию. Одновременно с этим в газетах были введены специальные подборки «Церковные дела», в которых помещались материалы, раскрывающие неблагоприятные дела церковников и разоблачало истинное лицо князей церкви. Большой интерес читателей вызвали разделы «Контрреволюция под церковным флагом», в которых давались перепечатки из центральных газет и местный материал. Газеты и журналы помогали верующим правильно понять причины и сущность проходившей в губерниях борьбы сторонников «живой» и «мертвой» церкви, оценив ее лишь как борьбу за преобладающее влияние среди масс, и верующих в первую очередь. На ярких, убедительных примерах газеты показывали истинную сущность религии и церкви, которые в любом своем виде были и остаются орудием эксплуатации и затемнения сознания трудящихся. Среди статей, опубликованных в связи с изъятием церковных ценностей и расколом церкви в различных газетах и журналах Сибири, выделяются статьи Е. Ярославского, который был в то время членом Сиббюро ЦК РКП(б) и заведующим коллегией Сибполитпросвета⁵⁷).

Управление периодической печатью в своем отчете высоко оценило роль «газеты «Советская Сибирь» в проведении кампании по изъятию церковных ценностей, которую она отражала на своих страницах «полно, умело, толково и популярно»⁵⁸). Положительную роль в проведении кампании газеты «Красное Знамя» отметил в специальном решении Томский губком партии, отметивший, что «редакция «Красного знамени» содержательно, умело и тактично, не оскорбляя чувств верующего, провела эту кампанию, в значительной степени способствуя тому, что она была проведена успешно и без особых эксцессов»⁵⁹).

Таким образом, в начале новой экономической политики против Советской власти выступило реакционное духовенство. Ее враждебные позиции в отношении мероприятий советских органов по изъятию церковных ценностей в помощь голодающим свидетельствовали о том, что церковники в Сибири открыто помогали контрреволюции. Трудящиеся Сибири, в том числе и часть верующих, в процессе борьбы партийных, советских и общественных организаций за осуществление декрета об изъятии церковных ценностей убедились в реакционности церкви, часть верующих порвала с религией, а другая требовала от духовенства изменения позиций в отношении Советской власти, что было поддержано и частью духовенства.

Давая оценку всем этим явлениям, XII конференция РКП(б) в своей резолюции подчеркнула, что «начавшийся глубокий раскол церкви, чреватый серьезнейшими последствиями», относится к числу тех явлений, которые «явились симптомом ослабления антисоветского лагеря и косвенным подтверждением упрочения наших позиций»⁶⁰). Эта оценка целиком и полностью относится к итогам всей кампании по изъятию церковных ценностей и в Сибири.

⁵⁷) См. И. Н. Юрасов. Указ. соч., стр. 131—132.

⁵⁸) ЦГАОР, ф. 2313, оп. 1, д. 77, л. 7.

⁵⁹) «Известия Томского губкома РКП(б)», 1922, № 15, стр. 20.

⁶⁰) КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I. 1953, стр. 669.

**О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «АГРАРНОМ ПЕРЕНАСЕЛЕНИИ»
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ
ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СССР
НАКАНУНЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ**

Н. И. ПЛАТУНОВ

В годы восстановления и начальный период реконструкции народного хозяйства в СССР очень остро стоял на повестке дня вопрос о так называемом «аграрном перенаселении». Под этим выражением имелась в виду совокупность причин и условий, которые порождали сельскую безработицу и стремление крестьян к переселению за пределы Европейской части СССР, главным образом в Сибирь.

«Аграрное перенаселение» явилось проблемой общесоюзного значения, оно оказывало влияние на состояние всей экономики страны и в значительной степени определяло экономическую политику Советского правительства в годы восстановления и начальный период реконструкции народного хозяйства СССР. Как важная экономическая проблема этот вопрос нашел отражение в решениях XV съезда ВКП(б). В резолюции съезда «О работе в деревне» говорилось следующее: «Крупнейшей отрицательной чертой современной деревни, выражающей ее историческое прошлое и остатки общей отсталости страны, является так называемое «аграрное перенаселение», т. е. большое количество «излишних рабочих рук, не находящих себе трудового применения в деревне и значительно увеличивающих количество безработных в городе»¹⁾).

Давление «аграрной перенаселенности» вынуждало крестьян уходить из деревни на заработки или переселяться в Сибирь. На повестку дня этот вопрос был поставлен развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве царской России конца XIX — начала XX вв.

В период столыпинской реакции и нового революционного подъема в России наблюдалась массовая миграция сельского населения на окраины страны. Вопросы перенаселения в эпоху империализма стояли в центре общественно-политической жизни России. Большое число экономистов и историков пыталось найти социально-экономические причины перенаселения.

Исследуя вопросы переселенческого движения в эпоху империализма, дворянско-буржуазные историки и экономисты Н. Н. Романов, А. А. Кауфман, Н. П. Огановский, Я. Ф. Ставровский, А. А. Мануилов, П. Ф. Чиркин и другие объясняли причины «аграрного перенаселения» и социально-экономические предпосылки переселения на окраины Рос-

¹⁾ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II, изд. 7-е, М., 1954, стр. 474.

сни абсолютным малоземельем, усугублявшимся ростом сельского населения, низким уровнем сельскохозяйственного производства и недостаточными темпами развития промышленности. Не развитие капитализма в сельском хозяйстве и массовое разорение крестьянства, по их мнению, создавало «аграрное перенаселение», а «несоответствие количества земли формам ведения хозяйства»²⁾.

А между тем классики марксизма-ленинизма дали ряд глубоких по смыслу замечаний относительно социально-экономических причин так называемого «аграрного перенаселения» и миграции населения в эпоху капитализма. Карл Маркс писал: «...Рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах само производит средства, которые делают его избыточным населением. Это — свойственный капиталистическому способу производства закон населения...»³⁾. Относительно избыточное население создается при капитализме не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Оно обнаруживается в сельском хозяйстве, главным образом тогда, когда возникает спрос на рабочую силу. «Когда капитализм проникает в земледелие,— писал К. Маркс.— то в результате создаваемой им классовой дифференциации... часть сельского населения постоянно готова перейти в ряды городского или мануфактурного пролетариата и выжидает условий, благоприятных для этого превращения... Следовательно, этот источник относительного перенаселения течет непрерывно»⁴⁾.

Глубокий научный анализ сущности аграрного кризиса в России дал В. И. Ленин. На примерах конкретной русской действительности образно и ясно показал он картину русской деревни пореформенной России, вскрыл социально-экономические источники «аграрного перенаселения» и переселенческого движения в эпоху империализма.

Аграрный кризис в России вообще, вопрос об «аграрном перенаселении» и переселенческом движении в частности, В. И. Ленин увязывал не с недостатком земли и ростом плотности сельского населения в Европейской России, а с неравномерным распределением земли и орудий производства между отдельными классами и среди самого крестьянства, с проникновением капитализма в сельское хозяйство и в связи с этим с массовой пролетаризацией сельского населения. Массовое разорение крестьянства, которое составляло абсолютное большинство населения царской России, и его скопление в центрально-черноземных и западных губерниях создавали так называемое «аграрное перенаселение» и вынуждало крестьян искать спасения в батрачестве, отхожих промыслах и в массовом переселении в Сибирь и Среднюю Азию.

Исследуя материалы земельной статистики о расхождении деревни, в 1899 г. В. И. Ленин указывал, что развитие капитализма в сельском хозяйстве способствовало росту концентрации земли, скота и сельхозинвентаря в руках сельской буржуазии — кулаков. И далее В. И. Ленин пишет: «Чем дальше идет проникновение товарного производства в земледелие, чем сильнее, следовательно, становится конкуренция между земледельцами, борьба за землю, борьба за хозяйственную самостоятельность,— тем с большей силой должен проявиться этот закон, ведущий к вытеснению среднего и бедного крестьянства крестьян-

²⁾ См. В. Т. Тьюкавкин. Социально-экономические предпосылки переселения крестьян в Сибирь в начале XX в. Ученые записки Иркутского пединститута, вып. XVIII (6), 1961, стр. 9.

³⁾ К. Маркс. Капитал, т. 1, стр. 637.

⁴⁾ К. Маркс. Капитал, т. 2, стр. 512.

ской буржуазней»⁵). Так происходило по образному выражению В. И. Ленина «раскрестьянивание» деревни. Каждый неурожай выбрасывает массы среднего крестьянства в ряды пролетариата... происходит специфически свойственное капиталистическому хозяйству вымывание средних членов и усиление крайностей — «раскрестьянивание»⁶).

В. И. Ленин на конкретных фактах показал, как «раскрестьянивающаяся» масса сельского населения, скопившись в Европейской России, задыхаясь в тисках нужды и не находя производительного применения своим рабочим рукам, создавала «аграрную перенаселенность», что в свою очередь являлось предпосылкой переселенческого движения в эпоху империализма.

Наиболее видные исследователи переселенческого дела советского периода Л. И. Лубны-Герцык, Н. В. Турчанинов, В. П. Вошинин, И. Я. Ямзин и другие в значительной степени находились под влиянием дореволюционной школы историков и были согласны с прежним объяснением причин «аграрного перенаселения» в царской России. Не вскрыла существа этого вопроса и Е. И. Соловьева, ограничившись только отдельными ссылками, что революционное движение крестьянства и частые неурожаи способствовали переселенческому движению в период столыпинской аграрной реформы⁷).

И до настоящего времени в советской исторической науке недостаточно вскрыта сущность «аграрного перенаселения», которая являлась основной причиной переселенческого движения в Сибирь в эпоху империализма⁸). В. И. Венецкая, исследуя вопросы переселенческого движения, почти совершенно не касается его социально-экономических причин⁹). И. Я. Куварин, хотя и посвящает целую главу кандидатской диссертации «аграрному перенаселению» как основной причине перенаселения крестьян в царской России, однако весь анализ сводит исключительно к характеристике самого процесса переселения. Стремление крестьян к переселению объясняет малоземельем, а широкий размах переселения в Сибирь исключительно деятельностью царского правительства¹⁰).

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась одновременно последовательной аграрной революцией. Ликвидация частной собственности на землю и конфискация помещичьих, монастырских и удельных земель, передача их в трудовое пользование крестьянству внесли коренные изменения в земельные отношения. Однако вопрос о так называемом «аграрном перенаселении» оставался на повестке дня в течение первого десятилетия Советской власти. Давление «аграрного перенаселения» отрицательно сказывалось на всем хозяйственном положении страны.

В связи с возрастающим притоком сельского населения в города, обострением безработицы и массовым переселением крестьян в Сибирь, в резкой форме встал вопрос изучения причин, масштабов и сущности «аграрного перенаселения». Исследование этого вопроса было поручено группе научных работников Государственного колониального науч-

⁵) В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 66.

⁶) В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 173—174.

⁷) Е. И. Соловьева. Переселение крестьян в Томскую губернию в период столыпинской аграрной реформы. Автореферат кандидатской диссертации, Томск, 1956, стр. 9.

⁸) См. В. Г. Тюкавкин. Указ. соч., стр. 11.

⁹) См. В. И. Венецкая. К вопросу о переселенческом движении. Рукопись кандидатской диссертации. М., 1953, стр. 35—86.

¹⁰) См. И. Я. Куварин. Сельскохозяйственное переселение в СССР и его значение в развитии производительных сил. Рукопись кандидатской диссертации. М., 1962, гл. 1.

но-исследовательского института, позднее переименованного в Институт землеустройства и переселения, а также большой группе специалистов Наркомзема и других учреждений, под общим руководством профессоров Л. И. Лубны-Герцыка, Н. В. Турчанинова и И. Я. Ямзина. Однако они не смогли дать марксистско-ленинского анализа причин и сущности «аграрного перенаселения». Но их взгляды по этому вопросу в значительной степени становились официальной точкой зрения Наркомземов Республики и Всесоюзного переселенческого комитета при ВЦИК СССР.

Наиболее крупные исследования в определении масштабов и причин «аграрного перенаселения» в Европейской части СССР провел в 1924 г. Л. И. Лубны-Герцык. Так как в сельском хозяйстве безработица принимала скрытую форму, то определенную трудность представляло определение ее масштабов. Лубны-Герцык использовал следующий метод в определении масштабов сельской безработицы. Он подсчитал количество трудоспособного сельского населения по четырем районам Европейской части РСФСР, определил количество земли, которую в состоянии обработать один человек, и подсчитал фактическое землеобеспечение. Норма в 4 десятины на условного работника соответствовала 10 десятинам на крестьянский двор. Затем он произвел подсчет избыточного населения по районам следующим образом:

Таблица 1

Районы	В них всего населения, живущего на доходы от сельского хозяйства	% избыточного труда в сельском хозяйстве		Соответствует ему численность избыточного населения деревни, (рабочего и нерабочего)	
		исходя из нормы		исходя из нормы	
		в 4 дес.	в 5 дес.	в 4 дес.	в 5 дес.
Северо-Западный	3989480	31,2	45,1	1252696	1799925
Западный	8410280	36,7	49,4	3086572	4154678
Центрально-промышленный	15169910	42,6	54,1	6461955	7206380
Центрально-земледельческий	10134350	22,8	47,1	3125410	4773278
Всего по четырем районам	37703020	37,8	50,2	14251741	18926916

Так он определил количество рабочей силы, могущей быть производительно-использованной в каждой губернии¹¹⁾. Согласно его подсчетам по Северо-Западному району РСФСР избыточное трудоспособное сельское население составляло от 31,4 до 45,2%, по Западному району — от 42,6 до 54,1%; по Центрально-земледельческому району — от 33,8 до 47,1%. Всего по четырем районам РСФСР избыток рабочей силы в сельском хозяйстве, согласно подсчетам Лубны-Герцыка, составлял 37,8%.

Автором при учете избыточного труда в сельском хозяйстве бралось во внимание наличие пригодной и фактически используемой зем-

¹¹⁾ См. Труды Государственного колонизационного научно-исследовательского института. Т. II. М., 1926, стр. 44.

ли. Он утверждал, что землеобеспечение крестьянских хозяйств было недостаточным для полной занятости сельского населения.

По мнению Лубны-Герцык, не социально-экономические условия породили «малоземелье» и «аграрное перенаселение», а быстрый рост сельского населения, опережающий развитие культуры земледелия.

«Она (природа. — *Н. П.*) оказалась бы свободной от такого глубокого трагизма, которым перенасыщена, благодаря фактору размножения. Ибо размножение создает тенденцию к перенаселению со всеми роковыми его последствиями¹²). Свою мальтузианскую «теорию» он пытался представить как марксистскую: «Как видим, и Маркс рассчитывает на меньшую плодovitость социалистического общества и вряд ли можно упрекнуть Каутского в неправильном понимании руководящих идей марксизма, поскольку он предвидит сознательное ограничение рождаемости при социализме¹³».

Биологические законы размножения он ставил выше социальных законов развития человеческого общества и преобразующих действий Октябрьской революции и пытался подтвердить это «фактами»:

«Русская революция разрешила эту задачу (уравнительное распределение земли. — *Н. П.*) одним великим стихийным порывом. Ныне вся удобная для сельского хозяйства земельная площадь находится в руках трудового крестьянства... Всеобщий уравнительный предел стал действительностью. Однако земельной нужды русского крестьянства он не устранил... Аграрное перенаселение России после нивелирующего воздействия русской революции выяснилось грозно и недвусмысленно¹⁴). Не в социально-экономических преобразованиях Лубны-Герцык видит пути преодоления «аграрного перенаселения», а в «сознательном ограничении рождаемости при социализме». Он отрицал даже буржуазную теорию ликвидации аграрного кризиса путем интенсификации крестьянского земледелия и перенаселения. «Для меня нет сомнения в том, что интенсификация нашего сельского хозяйства не является выходом из кризиса аграрной населенности, а также не является выходом и перенаселение¹⁵».

Автором при учете избыточного труда в сельском хозяйстве были избраны «средние» цифры землеобеспечения крестьянских хозяйств. В европейской части СССР имелись еще значительные площади неосвоенных земель. Деревенская беднота, не имея возможности обработать свои участки, сдавала их в аренду кулакам. Такие важнейшие факторы сельской жизни периода нэпа, как дифференциация крестьянства, неравномерное распределение средств производства в сельском хозяйстве, совершенно не принималось во внимание. Он не учитывал того обстоятельства, что раскрестьянивание сельского населения создавало избыточный труд в сельском хозяйстве в доколлективизационный период. И причиной тому являлось не малоземелье, а экономические законы мелкотоварного производства.

Объяснение «аграрной перенасыщенности» малоземельем и высокой плотностью сельского населения Европейской части СССР стало, как мы уже отмечали, официальной точкой зрения переселенческих организаций. Наиболее четко эту точку зрения высказало Брянское губземуправление в обращении к Наркомзему РСФСР с просьбой выделить наряды на перенаселение. Наркомземы республик и губземы Европейской части СССР требовали увеличения нарядов на перенаселение

¹² Л. Лубны-Герцык. Что такое перенаселение. М., 1923, стр. 9.

¹³ Там же, стр. 25.

¹⁴ Л. Лубны-Герцык. Аграрное перенаселение и аграрный строй. «Сельское и лесное хозяйство», 1923, № 10; стр. 9.

¹⁵ Там же, стр. 22.

в Сибирь, мотивируя необходимость перенаселения малоземельем и высокой плотностью сельского населения¹⁶⁾.

Подобную же ошибку в объяснении причин «аграрной перенаселенности» допускали земельные и переселенческие организации Сибири. Заведующий Сибирским переселенческим управлением Месяцев писал: «Передача крестьянству нетрудовых (т. е. помещичьих, удельных, монастырских и т. д. — *Н. П.*) земель, дав незначительный прирост к его прежнему землепользованию, сама по себе не изменила общей картины народного хозяйства. Помещичьи хозяйства разошлись по мелочам и бесследно исчезли в многомиллионном море крестьянских хозяйств. Положение в смысле перегруженности деревни излишним трудом не улучшилось и в настоящий момент является очень неблагоприятным»¹⁷⁾.

Метод исчисления избыточного населения Н. В. Турчаниновым несколько отличался от метода Лубны-Герцыка. Турчанинов считал все хозяйства, располагающие удобной сельскохозяйственной площадью менее 2 десятин, избыточными. Из их числа 10% он скидывал на огородников, ведущих интенсивное хозяйство. Далее он полагал, что группа хозяйств от 2 до 6 десятин выделяет на отхожие промыслы 40—50% всей их наличной рабочей силы, а хозяйства от 6 до 10 десятин в центрально-земледельческих и западных районах, по его мнению, дают главные кадры переселенцев. На основании таких расчетов он определил избыточное сельское население, которое и поставляло кадры переселенцев. Результаты его исследований выглядели следующим образом:

Таблица 2¹⁸⁾

Районы	Избыточное рабочее население деревни, стремящееся к выселению (душ обою пола)	В том числе вероятный контингент переселенцев (душ обою пола)
Центрально-земледельческий	около 1400000	до 700000
Западный	1200000	550000
Центрально-промышленный	3000000	250000
Северо-Западный	750000	100000
Итого по четырем районам	6350000	1600000

В отличие от Лубны-Герцыка в определении степени аграрной перенаселенности Турчанинов придавал решающее значение не малоземелью крестьян, а наличию или отсутствию промыслов и внеземледельческих заработков. На основании заявок от губерний Турчанинов определял сельское перенаселение по СССР в 13,5 млн. человек, в том числе по РСФСР — 6,8 млн. чел., в БССР — 1,14 млн. чел. и в УССР — 5,376 млн. чел.¹⁹⁾

Таким образом, Турчанинов количество избыточного населения определил несколько меньшей цифрой. Он считал избыточность труда в сельском хозяйстве значительно выше, чем численность работников,

¹⁶⁾ Центральный государственный архив народного хозяйства СССР (ЦГАНХ), ф. 2077, оп. 8, д. 66, л. 2.

¹⁷⁾ П. Месяцев. Перспективы и задачи переселения. «Жизнь Сибири», 1926, № 8—7, стр. 8.

¹⁸⁾ См. Труды Государственного Колонизационного научно-исследовательского института, стр. 46.

¹⁹⁾ ЦГАНХ, ф. 5675, оп. 1, д. 2, лл. 26, 27.

стремящихся уйти из деревни в поисках заработка, так как на миграцию сельское население толкала крайняя нужда. «Выход из деревни избыточного населения является одним из главных признаков аграрного перенаселения, но не может еще служить числовым его выражением»²⁰).

Турчанинов, как и Лубны-Герцык, считал, что рост интенсификации труда в сельском хозяйстве не успевает за приростом сельского населения. Увеличивающийся разрыв между приростом сельского населения и агрокультурой земледелия является, по их мнению, причиной обострения аграрной перенаселенности и массового переселения крестьян на окраины страны. Турчанинов под выражением «внеземледельческие заработки» совершенно не имеет в виду связь между промышленностью и сельским хозяйством, и что индустриализация страны может коренным образом изменить картину сельского хозяйства и ликвидировать «аграрную перенаселенность». Под выражением «внеземледельческие заработки» он имел в виду «сезонные отхожие промыслы крестьян». При анализе кризисных явлений в сельском хозяйстве он совершенно не учитывал социально-экономические процессы в сельском хозяйстве в доколлективизационный период.

И. Л. Ямзин был не согласен с системой определения численности излишнего сельского населения только на основании норм трудоемкости хозяйства. Он считал, что рост плотности сельского населения оказывает влияние на аграрную перенаселенность, поскольку он влечет за собой сокращение доходности крестьянского хозяйства и снижение возможностей для внеземледельческих заработков. Но взаимосвязь не всегда соблюдается. Поэтому он пишет: «В самом деле, следует ли из цифр высокой плотности населения Бельгии, Германии, промышленных районов СССР и пр. какой-либо приговор по отношению к живучести крестьянского хозяйства этих районов и, с другой стороны, разве мы не знаем критического состояния крестьянского хозяйства во многих незаселенных районах с широчайшими формальными возможностями для применения трудовых сил земледельческого населения, и разве не знаем о постоянном и значительном «обратном движении» из таких районов»²¹).

Но и Ямзин не дает марксистско-ленинского обоснования причин аграрного перенаселения, односторонне объясняя его низкой доходностью крестьянского хозяйства и недостаточными возможностями внеземледельческих заработков. «Чрезвычайно низкая доходность крестьянского хозяйства при небольшом слабом объеме внеземледельческих заработков в промышленно-недоразвитой стране вели к образованию того относительного малоземелья, которое делало невозможным достаточно полное и рациональное использование рабочей силы в крестьянском хозяйстве и обрекло его на неподвижность системы хозяйства и полеводства. Получавшееся в итоге падение урожайности крестьянской земли еще далее обостряло кризис хозяйства, доводя его до состояния безысходности»²²).

В работах более позднего периода И. Ямзин ближе подходит к правильному объяснению причин «аграрной перенаселенности» и переселенческого движения и делает более четкие выводы:

«Обычные ссылки на малоземелье, как основную причину выселений, недостаточны, так как меры недостаточности земельного обеспечения весьма разнообразны в различных экономических условиях и пределы снижения земельных норм соотносительны системам народно-

²⁰) Труды Государственного Колонизационного научно-исследовательского института, стр. 47.

²¹) См. Вестник землеустройства и переселения. Кн. 1—3. М., 1927, стр. 51—52.

²²) См. там же, стр. 55.

го хозяйства, которые всегда историчны и находятся в состоянии вечной динамики, ускоряющейся в темпах даже в сельском хозяйстве по мере проникновения в него начал товарного хозяйства. Поэтому «малоземелье» лишь символизирует состояние недостаточной доходности крестьянского хозяйства в аграрно-перенаселенных районах... Овладение земледелия капитализмом обостряло противоречия, вело к усилению дифференциации земледельческого населения и откладывало в старых аграрных районах прочную черту роста «избыточного» сельского населения, т. е. развитию одной из основных динамических диспропорций капиталистического общества, когда в деревне постепенно образуются скрытые резервы труда... Естественный рост населения таких аграрно-уплотненных районов ведет к дальнейшему замельчанию крестьянских хозяйств и к мобилизации трудовых земледельческих масс в миграционных процессах»²³).

Автор правильно указывает, что проникновение капитализма в сельское хозяйство обостряло классовые противоречия «земледельческого населения» и что его дифференциация влияла на рост «избыточного сельского населения». Однако эти выражения автора являются мимолетными, а основное внимание он по-прежнему уделяет «доходности крестьянского хозяйства». Дифференциацию крестьянских хозяйств, «аграрную перенаселенность» и социально-экономические причины переселения он усматривает в «естественном росте населения аграрно-уплотненных районов».

В вопросе объяснения социально-экономических причин переселения в России в эпоху империализма он послушно следует за буржуазными учеными прежнего времени, считая эти вопросы полностью научно доказанными. «Монографические и земельно-статистические работы, посвященные вопросам связи переселенческого движения с состоянием крестьянского хозяйства, совершенно очевидно в свое время установили эту связь»²⁴).

И. Ямзин считал, что в первое десятилетие после Великой Октябрьской социалистической революции наследие прежних аграрных отношений еще сохранилось и давало о себе знать в форме аграрной перенаселенности. Более аргументированного анализа причин «аграрного перенаселения» он не дает. На основании специальных обследований и заявок с мест Ямзин определял аграрную перенаселенность в 21 млн. чел. по СССР²⁵).

Аграрный вопрос в СССР в восстановительный период он рассматривал с точки зрения уровня агрокультуры. «Дело в том,— писалось в инструктивной справке Всесоюзного переселенческого комитета (ВПК) от 22 декабря 1924 г., составленной Ямзиным,— что причины, вызывающие стремление к переселению, кроются не столько в малоземелье, сколько в отсталости приемов ведения хозяйства..., стремление к переселению, прежде всего, вызывается неумением хозяйничать, неумением рационально использовать земельный надел. О малоземелье одинаково кричит как сибирский крестьянин со своим залежным хозяйством при 4—5 дес. надела на едока, так и пензенский крестьянин с трехпольем при 1, 1,5 дес. надела на едока, и тот и другой ищут спасение от малоземелья в переселении. В действительности сибиряк бежит от своего надела потому, что он на нем не может уже вести привычного ему залежного хозяйства, а пензенский крестьянин не может на своем наделе вести привычного трехполья»²⁶). Данное объяснение

²³) Вестник землеустройства и переселения, №№ 9—10. М., 1928, стр. 90—91.

²⁴) Вестник землеустройства и переселения. Кн. 1—3, М., 1927, стр. 56.

²⁵) Там же, стр. 50.

²⁶) ЦГАНХ, ф. 2077, оп. 8, д. 20, л. 223.

причин кризиса сельского хозяйства и переселения являлось повторением ошибочной теории буржуазного историка начала XX в. А. А. Кауфмана, который причину переселения крестьян видел в кризисе системы земледелия ввиду сокращения земельного обеспечения крестьянских хозяйств. Сибирские переселенческие организации также объясняли «аграрную перенаселенность» и переселение крестьян малоземельем и низким уровнем агрокультуры.

«Разрыв между экономикой и плотностью,— писал заведующий Сибирским переселенческим управлением П. Месяцев,— вот в чем причина, толкающая крестьянство к переселению...; население в целом ряде районов увеличилось более того предела, который соответствует данному уровню развития производительных сил, данной трудоемкости народного хозяйства»²⁷).

В нашей исторической науке пока нет специальных работ, посвященных анализу причин «аграрного перенаселения» и переселения крестьян на окраины страны в доколлективизационный период. Однако ряд правильных критических замечаний по поводу объяснения причин кризиса сельского хозяйства малоземельем, высокой плотностью сельского населения и низким уровнем агрокультуры появился в печати в годы коллективизации сельского хозяйства. Так, Ф. А. Хоробрых писал: «Теория «ртов» — старая, известная теория. Сущность этой теории была еще раскрыта Марксом, который доказал, что она всегда служила в качестве ширмы для апологетов капиталистической эксплуатации». Критикуя одного из сторонников бухаринской оппозиции, автор писал: «История по профессору Челинцеву очень несложна. Основное противоречие, свойственное всем временам, сводится к противоречию между количеством ртов и количеством земли. Такие противоречия, как, например, классовые противоречия, как противоречие между ростом производительных сил и капиталистической формой производства нужно заглушать, и процесс сельскохозяйственного производства представлять в форме невинной эволюции систем земледелия с ростом народонаселения»²⁸). А еще ранее П. Попов писал: «Перенаселенность мы будем и должны лечить не в порядке пропаганды абортных или других «милых» мальтузианских средств, а в порядке роста промышленности, развития с/х, мелниорирования окраин, их заселения»²⁹).

Каковы же действительные причины «аграрного перенаселения» в доколлективизационный период Советской власти, которые породили массовое стихийное движение крестьян в Сибирь в эти годы?

До великой Октябрьской социалистической революции вся земля в 50 губерниях Европейской России (без Польши, Финляндии и Кавказа) распределялась следующим образом: 90 млн. крестьян имели 137 млн. дес. земли, в том числе в руках одного-полтора миллионов кулаков — более 40 млн. дес., из них 220 тыс. самых крупных кулацких хозяйств концентрировали в своих руках 20 млн. десятин земли. Частные владельцы (главным образом помещики) имели 92 млн. дес. земли, церковь и монастыри — 2 млн. дес., города 2 млн. дес., казачьей земли, сдаваемые в аренду, составляли 2,5 млн. десятин. Таким образом, из общего количества 242,5 млн. дес., пригодной для сельскохозяйственного использования, накануне Октябрьской революции в руках трудового крестьянства находилось не более 97 млн. дес. или 40% всего земельного фонда, а 60% земли было сосредоточено в руках нескольких десятков тысяч помещиков и кулаков³⁰). Великая Октябрьская социали-

²⁷) П. Месяцев. Указ. соч., стр. 9.

²⁸) «Жизнь Сибири», 1929, № 11—12, стр. 74.

²⁹) П. Попов. Перенаселение деревни. «Большевик», 1926, № 9—10, стр. 89.

³⁰) «Социалистическое земледелие». 1933, № 2—3, стр. 18.

стическая революция, ликвидировав частную собственность на землю, разрешила земельный вопрос в интересах широких масс трудового крестьянства.

Декретом II съезда Советов вся земля была национализирована и поступила в трудовое пользование всего крестьянства. На основании Декрета о земле в трудовое использование бедным и средним слоям крестьянства были переданы конфискованные земли. Дополнительно к имевшейся ранее крестьянство Европейской части РСФСР бесплатно получило 50 млн. га конфискованных частновладельческих (главным образом помещичьих, монастырских и купеческих), 60 млн. га земли крупных кулацких хозяйств и 10 млн. га земель из государственного фонда — всего 110 млн. гектаров. Землеобеспечение бедняцких и середняцких хозяйств возросло в этих районах с 60 до 136 млн. га — более чем в два раза³¹⁾. В личное пользование крестьянству передавался бесплатно весь конфискованный у помещиков сельхозинвентарь и 90% скота (остальные 10% передавались совхозам) стоимостью в 300 млн. руб. Погашалась задолженность крестьян крестьянскому банку в сумме 1,5 млрд. руб. и накопившиеся проценты по задолженности на такую же сумму, что в итоге составляло 3 млрд. руб. Крестьяне освобождались от ежегодной платы за арендованную ими ранее землю в сумме 350 млн. руб. и расходов на покупку земли в 350 млн. руб., что также в итоге составило 700 млн. руб.³²⁾.

Первые аграрные преобразования Советской власти способствовали экономическому подъему бедняцких и середняцких крестьянских хозяйств. Так, по данным ЦСУ в 22 губерниях Европейской части РСФСР число беспосевных хозяйств сократилось с 10,6% в 1917 г. до 4,7% в 1920 г. В то же время резкие ограничительные действия в годы военного коммунизма по отношению к кулацким хозяйствам значительно ослабили их экономические позиции. За эти же годы число крупных кулацких хозяйств сократилось с 3,7 до 0,5% от общего числа крестьянских³³⁾.

Таким образом, сбылась вековая мечта русского крестьянства. Социалистическая революция самым радикальным образом разрешила земельный вопрос в России. Декрет о земле, в основу которого был положен «Крестьянский наказ о земле», утвердил национализацию земли. Отмена частной собственности на землю с одновременной конфискацией крупного земледелия нанесла окончательный удар по феодально-крепостническим пережиткам в деревне. Социалистическая революция попутно, но самым решительным образом разрешила аграрный вопрос, который стоял на повестке дня буржуазно-демократической революции.

Вместе с тем Декрет о земле принял и такой пункт «Крестьянского наказа», в котором говорилось об уравнительном распределении земли по трудовой или потребительной норме. «7. Землепользование должно быть уравнильным, т. е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительной норме. Формы пользования землею должны быть совершенно свободными». Принцип уравнительного распределения земли по трудовой норме получил затем свое дальнейшее подтверждение и развитие в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», а главным образом в Декрете «О социализации земли». На основании ст. 9 закона распределение

³¹⁾ XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет, т. 2, М., 1962, стр. 1178—1179.

³²⁾ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, Т. 3. Изд. 2-е, М., 1956, стр. 31.

³³⁾ Н. П. Огановский. Результаты аграрной революции и современное расхождение крестьянства. «Плановое хозяйство», 1925, май, стр. 41.

земли между крестьянами осуществляли местные и федеральные земельные органы. Статья 12 подтверждала, что распределение земли должно производиться «на уравнильно-трудовых началах» по «потребительно-трудовым нормам»³⁴).

Большевистская партия признавала прогрессивный характер требований уравнильного землепользования в ходе буржуазно-демократической революции как самого радикального средства в выкорчевывании феодально-крепостнических пережитков в деревне. Но в то же время было ясно и то, что уравнильное распределение земли не отвечает требованиям социалистического преобразования сельского хозяйства. «Проводя закон о социализации земли,— закон, «душой» которого является лозунг уравнильного землепользования, большевики с полнейшей точностью и определенностью заявили: эта идея не наша, мы с таким лозунгом не согласны, но считаем долгом проводить его, ибо таково требование подавляющего большинства крестьян. А идея и требования большинства трудящихся должны быть изжиты ими самими: ни «отменять» таких требований, ни «перескочить» через них нельзя. Мы, большевики, будем помогать крестьянству изжить мелкобуржуазные лозунги, перейти от них как можно скорее и как можно легче к социалистическим»³⁵).

Своеобразие аграрного вопроса в России определялось тем, что в стране мелкое крестьянство составляло подавляющее большинство населения, и что после двух буржуазно-демократических революций остался не решенным один из важнейших — вопрос о земле. Национализация земли в сочетании с созданием крупных коллективных хозяйств, основанных на совместном труде крестьян и общем пользовании орудиями производства, означает социалистическую реконструкцию сельского хозяйства. Национализация же земли на принципах ее уравнильного распределения и сохранении мелкотоварного крестьянского производства расчищает дорогу от феодальных пережитков наиболее быстрому развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Даже при наличии политической власти в руках пролетариата сама по себе отмена частной собственности на землю без производственного кооперирования крестьянства не в состоянии затормозить развитие капиталистических отношений в деревне со всеми вытекающими отсюда последствиями: дифференциацией крестьянства, обеднением одной его части и обогащением другой за счет эксплуатации наемного труда и т. д.

Критикуя народническую аграрную программу, В. И. Ленин писал: «Народники думают, что отрицание частной собственности на землю есть отрицание капитализма. Это неверно. Отрицание частной собственности на землю есть выражение требований самого чистого капиталистического развития»³⁶).

Непосредственно после Октябрьской революции Советское правительство не имело экономической возможности немедленно приступить к коллективизации, так как для этого требовалась соответствующая техническая база. Кроме того, крестьянство на собственном опыте должно было убедиться в невозможности социалистического равенства и подъема культуры земледелия в мелких индивидуальных хозяйствах. Уравнильное землепользование есть «...идеализирование капитализма с точки зрения мелкого производства»³⁷). Не было такой силы, которая

³⁴) Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. Т. 1, М., 1957, стр. 16, 31, 37, 40.

³⁵) В. И. Ленин, ПСС, т. 37, стр. 321.

³⁶) В. И. Ленин, ПСС, т. 16, стр. 292—293.

³⁷) В. И. Ленин, ПСС, т. 23, стр. 399.

помешала бы крестьянам, сбросив царя и помещиков, дойти до «идеального» капитализма в виде уравнительной дележки земли.

Уравнительное землепользование не могло привести к социальному равенству в деревне, поскольку оно сохраняло товарно-капиталистические отношения. Но в этом должны были на собственном опыте убедиться крестьянские массы, которые составляли абсолютное большинство населения России. «...Ни в коем случае не обгонять развитие масс, а дожидаться, пока из собственного опыта этих масс, из их собственной борьбы вырастет движение вперед», — говорил В. И. Ленин³⁸⁾.

Экономическое развитие сельского хозяйства СССР в доколлективизационный период полностью подтвердило выводы о том, что путь к социалистическому равенству и экономическому подъему крестьянских хозяйств лежит только через производственную кооперацию.

Конечно, Советская власть, используя свои экономические возможности, путем налоговой политики, законодательными актами и т. д. ограничивала поле деятельности сельской буржуазии и тем самым сдерживала масштабы дифференциации крестьянства. Особенность расхождения советской деревни в рассматриваемый период состояла в том, что не происходило «вымывания» среднего крестьянства, а, наоборот, наблюдался рост за счет экономического подъема части бедняцких хозяйств³⁹⁾.

Однако и после Октябрьской революции сельское хозяйство в СССР до сплошной коллективизации продолжало оставаться частнособственным, мелкотоварным. За исключением земли, национализированной Советским государством и переданной в трудовое пользование крестьянства, мелкое крестьянское хозяйство основывалось на частной собственности на орудия и средства производства. Экономические преимущества были на стороне тех крестьянских хозяйств, которые лучше были ими обеспечены. Распространение орудий труда и средств производства среди крестьян и после Октябрьской революции продолжало оставаться неравномерным.

Наглядным подтверждением этому служат материалы обследования крестьянских хозяйств НК РКИ СССР:

Таблица 3⁴⁰⁾

Районы	% хозяйств без пахотной земли	% хозяйств без рабочего скота	Способ обработки пашни весной 1925 г.					суп-рягой	смешанным способом
			своим скотом и своим инвентарем	наемным скотом и наемн. инвентарем	наемным инвентарем и своим скотом	наемным скотом и инвентарем			
СССР	нет сведен.	33,4	50,5	2,7	1,3	24,2	15,1	6,2	
РСФСР	35,6	30,5	56,8	3,3	1,3	21,3	10,3	7,0	
УССР	39,7	44,7	27,1	1,2	1,4	34,9	31,5	3,9	
БССР	11,9	12,8	81,8	1,5	1,4	8,4	0,8	6,1	

По весеннему обследованию 1926 г. хозяйство без пахотного инвентаря было по СССР — 33,4%, по РСФСР — 30,5%, УССР — 44,7%, БССР — 12,8%.

³⁸⁾ В. И. Ленин. ПСС, т. 23, стр. 252.

³⁹⁾ См. КПСС в резолюциях, ч. II, стр. 474.

⁴⁰⁾ К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства. Материалы НК РКИ СССР. М.—Л., 1928, стр. 51.

Естественно, безлошадные не могли воспользоваться той землей, которая им бесплатно была передана в трудовое пользование Советской властью. Они бросали свою землю и уходили на промыслы, занимались в батраки к кулакам, либо переселялись в Сибирь. Численность годовых, сроковых и помесячных наемных рабочих в зажиточных крестьянских хозяйствах составляла по СССР 2083,5 тыс. чел.⁴¹⁾.

Не имея тягловой силы и сельхозинвентаря, маломощные крестьянские хозяйства забрасывали свои участки. Идя навстречу их экономическим интересам, Советское государство в законодательном порядке разрешило сдачу земли в аренду⁴²⁾, чем немедленно же воспользовалось кулачество. В 1926 г. зажиточными хозяйствами было арендовано только по официальным данным 10 млн. 920 га земли⁴³⁾. Значительное число арендных сделок нигде не регистрировалось. Так, в газете «Беднота» от 3 марта 1928 г. один из землеустроителей писал: «Налицо тысячи безхозяйственных сделок аренды земли, торговля и «спекуляция» землей, которые бьют по бедняку и на руку всяким деревенским дельцам и проходимцам».

Распределение посевов между крестьянскими хозяйствами выглядело крайне неравномерно. В 1924 г. по СССР без посевных хозяйств было 4,3%, с посевом до 2 дес. — 37,1%, от 2,1 до 4 дес. — 32,8%, от 4,1 до 8 дес. — 19,6% и свыше 8 дес. посева — 6,2%⁴⁴⁾.

Таким образом, кулацкие и определенная часть середняцких хозяйств, сконцентрировав в своих руках капитал, орудия и средства производства, расширяли свое хозяйство, используя наемную рабочую силу. Эти хозяйства были более рентабельными, более конкурентно-способными по сравнению с маломощными хозяйствами. Значительное число мелких крестьянских хозяйств становилось убыточными. «Раскрестьянивание» сельского населения проходило настолько быстрыми темпами, что возникли определенные трудности с их трудоустройством. Тем более, что в это время наша страна еще только приступала к индустриализации и потребность притока в рабочей силе была значительно меньше притока сельского населения в города. Таким образом, создавалось «аграрное перенаселение», которое пыталось найти свое разрешение в различных формах, в том числе и в массовом стихийном переселении крестьян на «свободные земли», прежде всего в Сибирь.

Усиление капиталистических тенденций в экономике страны в восстановительный период отмечалось в резолюции XV съезда ВКП(б). «В период, непосредственно последовавший за введением НЭП..., командные высоты пролетариата были крайне ослаблены, частный капитал находился в период своего первоначального накопления и наступал, мелкобуржуазная стихия представляла крупнейшую мелкобуржуазную угрозу для дела социалистического строительства»⁴⁵⁾.

Таким образом, и в годы Советской власти до сплошной коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса наблюдалась массовая дифференциация сельского населения. Хозяйства значительной части маломощного крестьянства становились либо убыточными, либо недостаточными для материального обеспечения семьи. Выброшенные из колеи сельской жизни у себя на родине, они пытались восстановить свою экономическую самостоятельность на другом месте.

⁴¹⁾ Итоги десятилетия Советской власти. 1917—1927. Сборник ЦСУ. М., 1928, стр. 162.

⁴²⁾ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, т. I, стр. 532—533.

⁴³⁾ А. К. Азизян. Аренда земли и борьба с кулаками. М.—Л., 1929, стр. 34.

⁴⁴⁾ Н. П. Огановский. Указ. соч., стр. 41.

⁴⁵⁾ КПСС в резолюциях, ч. II, стр. 471.

Так начиналось в стихийном порядке переселение крестьян на окраины страны, которое впоследствии Советское государство направило в плановое русло.

Таким образом, совершенно неосновательны утверждения тех исследователей, которые объясняли «аграрную перенаселенность» «малоземельем», отсталой системой земледелия, не соответствующей плотности сельского селения», или «недостаточной возможностью несельскохозяйственных промыслов». Причиной «аграрного перенаселения» и одновременно массового стихийного переселения крестьян на окраины страны была дифференциация крестьянства, которая являлась следствием экономических законов развития мелкотоварного крестьянского хозяйства.

ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 1927—1928 гг. И БОРЬБА С КУЛАЧЕСТВОМ В ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Л. П. ЕГОРОВА

Неуклонный рост социалистических форм хозяйства и решительное ограничение капиталистических элементов страны, развернувшееся особенно после XV съезда партии, обостряли классовую борьбу в деревне. Сопrotивление кулачества всей политике пролетарского государства усилилось. Это нашло свое конкретное выражение в хлебном саботаже кулака и частного торговца во время хлебозаготовительной кампании 1927—1928 гг.

Преодоление хлебозаготовительных затруднений зимой 1927—1928 гг. в Сибири имело в то время большое государственное значение. В силу сложившихся обстоятельств (неурожай на Украине и Северном Кавказе), удельный вес Сибирского края в снабжении страны хлебом значительно вырос. В условиях усиленного сопротивления кулачества борьба за хлеб далеко вышла за рамки чисто хлебозаготовительной работы и приобрела большое политическое значение.

Изучение классовой борьбы в 1927—1928 гг., в годы, непосредственно предшествовавшие массовой коллективизации, представляет особый интерес. Именно в это время в деревне складывались экономические и политические предпосылки развернутого наступления на последний эксплуататорский класс — кулачество.

Вопрос, поднимаемый в статье, нашел частичное отражение в исследованиях советских историков, посвященных подготовке и ходу коллективизации по стране. Ход хлебозаготовок в Сибири более подробно рассматривается в книге Г. А. Конюхова¹). Автор показывает большую работу сибирской партийной организации по преодолению хлебных затруднений в 1928 г., правда, опираясь в основном на периодическую печать. Естественно, рассматривая борьбу партийных организаций с хлебными затруднениями в основных зерновых районах страны, автор не мог подробно осветить классовую борьбу в сибирской деревне.

Борьба с кулачеством в ходе хлебозаготовок в той или иной степени освещается в исследованиях сибирских историков²). Определен-

¹) Г. А. Конюхов. КПСС в борьбе с хлебными затруднениями в стране (1928—1929 гг.). М., 1960.

²) В работах И. Н. Новикова (Коллективизация сельского хозяйства Омской области. Омск, 1956) и А. К. Касьяна (Сибирская деревня в 1926—1929 гг. М., 1960) эта проблема рассматривается в связи с освещением социально-экономического положения сибирской деревни в конце 20-х годов. Работы П. Степичева (Борьба

ный интерес для понимания социально-экономической и политической обстановки в деревне в 1927—1928 гг. представляет работа непосредственных участников событий тех лет — В. Каврайского и И. Нусинова³). Авторы дают очень интересный материал о классовой дифференциации деревни и показывают удельный вес различных социальных групп крестьянства в хлебозаготовках 1927—1928 гг.

В данной статье делается попытка показать борьбу с кулачеством в западно-сибирской деревне во время хлебозаготовительной кампании 1927—1928 гг., выявить ее формы и особенности.

Хлебный кризис, разразившийся в конце первого полугодия 1927—1928 заготовительного года⁴) (страна недополучила 128 млн. пудов), сложился за счет таких хлебопроизводящих районов, как Поволжье, Северный Кавказ и Сибирь⁵). В силу относительно высокой товарности сельского хозяйства, Западная Сибирь⁶) являлась основным поставщиком товарного хлеба в Сибири. Из общего плана государственных хлебозаготовок по Сибирскому краю в 82 млн. пудов в Западной Сибири заготовлялось свыше 57 млн. (69,5%⁷).

Основная причина хлебозаготовительного кризиса лежала в сравнительно медленных темпах развития сельского хозяйства, в его низкой товарности, обусловленной раздробленностью и отсталостью мелкокрестьянского хозяйства. Но, как указывали апрельский и июльский (1928 г.) Пленумы ЦК ВКП(б), развитию кризиса способствовал ряд специфических для того времени причин⁸).

В 1927—1928 хозяйственном году продолжался сравнительно быстрый рост сельского хозяйства Сибири. Посевная площадь увеличилась за год на 9,2%, поголовье крупного рогатого скота — на 12,4%⁹). Валовая продукция сельского хозяйства Сибири в 1927—1928 хозяйственном году выросла на 33% по сравнению с 1925—1926 гг. Товарная же продукция выросла за этот период только на 12,3%¹⁰).

Отставание роста товарной продукции объясняется в основном увеличением внутреннего потребления и отчасти плохим товароснабжением деревни. Особенно отставала товарность зерновых культур, снизившись за год с 1.384 до 861 тыс. тонн, т. е. почти на 38%¹¹). Это снижение можно объяснить, с одной стороны, более низким урожаем зерновых в 1927 г. по сравнению с предыдущим годом (валовой сбор уменьшился на 10,5%¹²), с другой — неоправданно низкими ценами на

Иркутской организации КПСС за коллективизацию сельского хозяйства (1928—1930 гг.). Иркутск, 1958; Некоторые вопросы истории классовой борьбы в сибирской деревне в период подготовки и начала сплошной коллективизации (по материалам Восточной Сибири). М., 1961) освещают классовую борьбу в восточносибирской деревне.

³) В. Каврайский, И. Нусинов. Классы и классовая борьба в современной деревне. Новосибирск, 1929.

⁴) Заготовительный год продолжался с 1 июля 1927 г. по 1 июля 1928 г.

⁵) Г. А. Конюхов. Указ. соч., стр. 65.

⁶) Территориально охватывала 11 сибирских округов, которые по административному делению в 1930 г. были выделены в Западно-Сибирский край, а именно: Тарский, Омский, Новосибирский, Барабинский, Бийский, Барнаульский, Рубцовский, Славгородский, Каменский, Томский, Кузнецкий.

⁷) Подсчитано по данным партийного архива Новосибирской области (ПАНО), ф. 2, оп. 1, д. 2597, л. 945.

⁸) См. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II, изд. 7. М., 1954, стр. 372—380, 391—397.

⁹) «Известия Сибкрайкома ВКП(б)», 1928, № 5, стр. 7.

¹⁰) Материалы к отчетному докладу Сибкрайкома ВКП(б) IV краевой партконференции. ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 2685, л. 6. Проценты подсчитаны автором.

¹¹) Сибирский край. Статистический справочник. Новосибирск, 1930, стр. 312. Проценты подсчитаны автором.

¹²) Там же.

зерно по сравнению с ценами на продукты животноводства и технические культуры.

Благодаря относительно быстрому росту сельского хозяйства, благосостояние сибирского крестьянства улучшалось.

Если по стране покупательная способность села выросла на 11%¹³⁾, то покупательная способность сибирской деревни, по предварительным данным Сибкрайсоюза, увеличивалась по сравнению с 1926—1927 гг. более чем на 20%¹⁴⁾.

Возросшей покупательной способности деревни не было противопоставлено соответствующее товароснабжение. Как отмечал пленум Сибкрайкома партии (март 1928 г.), «планирующие и регулирующие организации недоучли экономических процессов, влиявших на выбрасывание хлеба на рынок». В частности, по вине Наркомторга осенью — зимой 1927 г., т. е. в самую горячую пору хлебозаготовок, Сибирь испытывала большой недостаток в товарах. 30 ноября 1927 г. Президиум Сибкрайисполкома обратил внимание центра на «хроническое недоснабжение Сибири прмтоварами»¹⁵⁾.

Уменьшение суммы сельскохозяйственного налога в 1927—1928 гг. (22.322 тыс. рублей против 24,208 тыс. в 1926—1927 гг.) в сочетании с нерешительным и несвоевременным взиманием всех платежей с крестьянства (просроченные ссуды, страховые платежи, налог)¹⁶⁾ также способствовали задержке в продаже крестьянами своих хлебных излишков. За сибирским крестьянством числилась большая задолженность по сельскохозяйственному налогу. На 1 января 1928 г. поступило лишь 10.420 тыс. рублей, что составляло 49% всей суммы налога¹⁷⁾. Хуже обстояло дело в хлебных западно-сибирских округах. В Омском округе на этот же срок было собрано всего 43% необходимой суммы¹⁸⁾. Большой недобор налога и страхплатежей наблюдался в Рубцовском и Барнаульском округах¹⁹⁾. Если учесть, что 48,6% всей суммы налога падало на кулацко-зажиточные хозяйства (составлявшие по данным Сибкрайисполкома 13% от общего числа дворов)²⁰⁾ и, что все недоимки с бедноты были сложены по Манifestу ВЦИКа 1927 г., то задолженность в основном числилась за кулацко-зажиточной верхушкой села и середняком.

Эти экономические причины, вызвавшие затруднения в заготовках хлеба, усугублялись классовой обстановкой в деревне.

Чтобы понять обстановку, в которой проходила хлебозаготовительная кампания 1927—1928 гг., рассмотрим социальный состав западно-сибирской деревни. Данные сельскохозяйственной переписи, произведенной в 1927 и 1928 гг. по юго-западной Сибири, показывают, что беднота вместе с полупролетарскими элементами деревни в 1927 г. составляла 39,9%, а капиталистическая верхушка — 7,1% всех обследованных хозяйств²¹⁾. Кулаки, составляя 1/16 часть дворов, концентрировали в своих руках 1/5 часть всех средств производства, а беднота, составлявшая 2/5 всех крестьянских дворов, располагала лишь 1/8 частью

¹³⁾ «Беднота», 14 марта 1928 г.

¹⁴⁾ «Красное знамя», 23 августа 1927 г.

¹⁵⁾ ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 217, л. 14.

¹⁶⁾ ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 2603, л. 16; Резолюция IV пленума Сибкрайкома ВКП(б). «Известия Сибкрайкома ВКП(б)», 1928, № 5, стр. 7.

¹⁷⁾ ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2564, л. 197.

¹⁸⁾ ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 217, л. 109.

¹⁹⁾ «Правда», 8 января, 14 февраля 1928 г.; Партийный архив Алтайского крайкома КПСС (ПААК), ф. 4, оп. 2, д. 27, л. 4.

²⁰⁾ ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 2603, л. 143.

²¹⁾ Отчет Сибирского краевого комитета ВКП(б) к IV краевой партконференции. Новосибирск, 1929, стр. 52.

средств производства²²). Анализ социально-экономических процессов в сибирской деревне в 1927 и 1928 гг. показывает, что в условиях нэпа верхушка деревни продолжала расти, составляя в 1927 г. — 7,1%, а в 1928 г. — 7,4% (соответственно в абсолютных цифрах: 61.663 и 66.874 хозяйства)²³). Кулацкие хозяйства Западной Сибири в 1927—1928 гг. дали всего 16,7% валового сбора зерна. Но их доля в производстве товарного хлеба была еще значительной. Так, по обследованным районам юго-западной Сибири²⁴) в руках кулачества было сосредоточено 27,7% всех товарных излишков хлеба, у середняков — 72,3%. Беднота товарного хлеба не имела²⁵).

Все меры Советской власти, направленные, с одной стороны, на ограничение капиталистических тенденций кулацких хозяйств (ограничения в аренде земли, найме рабочей силы, в приобретении сложных сельскохозяйственных машин и соответственная налоговая и кредитная политика), с другой стороны, на подъем бедняцко-середняцких хозяйств и вовлечение их в коллективы вызывали усиленное сопротивление капиталистических элементов деревни. В сводке Сибкрайисполкома отмечается, что в этот период кулачество, активно выступая против всей экономической политики Советской власти, было особенно озлоблено только что окончившейся кампанией по учету объектов обложения. Кулаки и зажиточные в один голос заявляли: «При таких налогах, которые существуют сейчас, скоро восстановить хозяйство невозможно, так как боишься посеять лишнюю десятину. Налоговая политика Советской власти неверна». «Надо обязательно на 5 лет войны, чтобы выбить всю эту сволочь, иначе они задушат нас налогами». Подобные яростные нападки на налоговую политику отмечались по всей Западной Сибири²⁶). Одной из форм сопротивления кулацкой верхушки села классово-дифференцированному налогу явилось массовое укрытие объектов обложения (чаще всего посевов)²⁷).

Скрывая посевы, отказываясь платить налог, кулаки стремились сорвать налоговую кампанию и в то же время вели усиленную антисоветскую агитацию среди крестьянства, используя малейшие затруднения внутри страны и за рубежом. Обострение международной обстановки активизировало сибирское кулачество. Кулаки и антисоветские элементы опасность войны связывали с надеждой на падение Советской власти. Они распускали среди крестьян провокационные слухи и излагали свою программу: «На коммунистов движется черная туча. Все государства идут войной. Коммунисты и вся власть отживает последние дни. Больше ее уже никто терпеть не станет». «Скоро будет война, тогда мы вырежем всех до одного коммуниста и комсомольца, не оставим их племени. Каждый год по одному коммунисту будем избивать, а если будет нужно, то устроим им Варфоломеевскую ночь²⁸». А пока всю свою классовую ненависть капиталистическая верхушка села направляла против деревенских активистов, низовых советских и партийных работников. С 1 июля по 31 декабря 1927 г. по Сибири было отмечено 109 случаев террора (убийств, ранений, избиений и под-

²²) Отчет Сибирского краевого комитета ВКП(б). Март — октябрь 1927 г. Новосибирск, 1927, стр. 19.

²³) Подсчитано нами по данным: Сибирский край, Статистический справочник. Новосибирск, 1930, стр. 212, 213, 272.

²⁴) По шести гнездам Барнаульского, Бийского, Каменского и Рубцовского округов.

²⁵) В. Каврайский, И. Нусинов. Указ. соч., стр. 72.

²⁶) Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), ф. 47, оп. 4, д. 54, л. 20.

²⁷) ГАНО, ф. 47, оп. 4, д. 54, л. 22.

²⁸) ГАНО, ф. 47, оп. 4, д. 54, лл. 19, 20, 38.

жогов). Особенно широкий размах террористическая деятельность кулачества в этот период получила в Бийском, Барнаульском и Новосибирском округах²⁹⁾.

«От приемов убийств из-за угла,— отмечается в сводке Сибкрайисполкома,— кое-где кулаки пытались перейти к организации массовых беспорядков и избиений и использовали стихийное недовольство толпы в своих политических целях»³⁰⁾. При этом кулачество проявляло даже некоторую организованность. В п. Ямки Славгородского округа 15 человек зажиточных объединились в группу, собиравшуюся на тайные собрания и строившую далеко идущие планы подрыва авторитета активных советских работников, подчиненных своему влиянию сельсовета и кооперации. Под влиянием этой кулацкой группировки находились отдельные бедняки и батраки³¹⁾. В с. Михайловка Бийского округа действовала группа кулаков в 13 человек, которая терроризировала бедняков и срывала все мероприятия Советской власти³²⁾. Подобные группы кулацких и антисоветских элементов, подчинившие своему влиянию некоторую часть населения и всячески противодействовавшие местным органам власти, имелись в Новосибирском и Томском округах³³⁾.

Многообразная антисоветская деятельность кулачества и его пособников не всегда получала должный отпор со стороны сельсоветов и партийных ячеек. Опыт проведения налоговой кампании и первые месяцы хлебозаготовительной кампании показали, что сельские партийные и советские работники нечетко проводили классовую политику по отношению к кулакам («не находили кулака»), извращали ее в силу незнания классового расслоения деревни³⁴⁾. Анализируя работу партийной организации в ходе хлебозаготовок, бюро крайкома партии 12 октября 1927 г. отметило, что «в практической работе сельских ячеек выявился правый уклон и примиренческое отношение к нему»³⁵⁾. Это объяснялось низким политическим и культурным уровнем деревенских коммунистов, которые зачастую были не выше основной крестьянской массы и поддавались ее влиянию, проявляя в работе хвостизм и растерянность³⁶⁾.

Относительная малочисленность деревенской партийной организации Западной Сибири (1331 ячейка на 4009 сельсоветов³⁷⁾) при небольшом числе политически грамотных коммунистов приводила к тому, что сельская ячейка порой не могла своими силами овладеть всей общественной жизнью села. Сказывалось и отсутствие должной работы среди бедноты. Зачастую массовая и организационная работа по сплочению бедняцко-средняцких слоев крестьянства подменялась администрированием³⁸⁾. Эти отрицательные моменты в работе партийных и советских организаций не могли не сказаться на общей политической обстановке, которая сложилась в деревне к концу 1927 г.

Ход хлебозаготовок в значительной степени зависел от работы государственных и кооперативных заготовительных органов, которые

²⁹⁾ ГАНО, ф. 47, оп. 4, д. 109, л. 459.

³⁰⁾ ГАНО, ф. 47, оп. 4, д. 54, л. 24.

³¹⁾ Там же, л. 45.

³²⁾ ПАНО, ф. 2, оп. 1, л. 2561, лл. 1—2.

³³⁾ ГАНО, ф. 47, оп. 4, д. 54, лл. 23—24.

³⁴⁾ Два года работы Сибирского краевого исполнительного комитета Советов. 1927—1928 гг. Новосибирск, 1929, стр. 4; Доклад Сибкрайкома ВКП(б) и прения на IV Барнаульской окружной партконференции. ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2526, лл. 33—40.

³⁵⁾ ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 1797, л. 8.

³⁶⁾ «Известия Сибкрайкома ВКП(б)», 1928, № 1—2, стр. 1.

³⁷⁾ «Известия Сибкрайкома ВКП(б)», 1928, № 7—8, стр. 1—2; Сибирский край. Статистический справочник. Новосибирск, 1930, стр. 56, 58.

³⁸⁾ «Известия Сибкрайкома ВКП(б)», 1928, № 5, стр. 8—9; ГАНО, ф. 47, оп. 4, д. 54, л. 37.

в 1927—1928 гг. держали в своих руках 95% хлебозаготовок в Сибири³⁹). Но как показал первый период хлебозаготовительной кампании, заготовительные аппараты, ограничиваясь ролью приемщика хлеба, пустили дело заготовок на самотек. Этим пользовались частные торговцы, забравшие значительную долю хлеба с государственного рынка. Например, в Барнаульском округе частники скупали в день до 6.000 пудов зерна, муки, а за первую пятидневку января закупили не менее 30.000 пудов пшеницы, тогда как Сибторг и Хлебопродукт (имевшие свои аппараты в округе) за первую десятидневку заготовили всего 300 пудов. Подобные факты имели место в Бийском, Новосибирском, Омском и других округах⁴⁰). Более того, в условиях слабого поступления хлеба кооперативные заготовители противопоставляли себя государственным заготпунктам и вставали на путь нездоровой конкуренции, сами нарушали государственные цены и в погоне за прибылью продавали заготовленное зерно по спекулятивным ценам, привлекая к заготовкам частных скупщиков⁴¹). В Барабинском округе Новосельское кредитное товарищество под заготовки хлеба авансировало кулаков и снабжало их машинами; Рождественское и Благовещенское отделения потребкооперации всю мануфактуру, полученную в декабре, распределили исключительно среди кулацко-зажиточной части села⁴²).

Безответственное отношение к государственным хлебозаготовкам, иногда противодействие им, извращения советской политики в значительной степени объяснялись засоренностью сельскохозяйственной кооперации классово-чуждыми элементами, тесно связанными с кулацкой средой⁴³). Все эти недочеты в работе заготовителей и недостаточное внимание партийных и советских организаций к хлебозаготовкам оказали кулаку и частнику объективную помощь в попытке срыва государственных хлебозаготовок.

В связи с принятием ряда мер по усилению хлебозаготовок уже в декабре 1927 г. кулачество начало все решительнее заявлять о своем нежелании продавать хлеб государству: «Товаров нет и скоро не будет, а раз так, мы за деньги хлеб продавать не будем»; «Не дадите мануфактуру, так черта с два получите хлеба! Ею (мануфактурой) мы пока не нуждаемся, а вот вы хлебом, как видно дозарезу нуждаетесь!». Распуская слухи о скорой войне и гибели Советской власти, призывая население саботировать все ее мероприятия, кулаки уговаривали крестьян придержать хлеб: «Сейчас нет смысла продавать за бесценок... Война с часу на час будет, поэтому хлеб продавать не надо, наоборот, надо запастись»⁴⁴). Перспективой получения высоких спекулятивных цен весной на внутридеревенском рынке кулаку удалось увлечь за собой и часть зажиточных середняков. О том, что часть середнячества задерживала излишки хлеба, говорилось на Барнаульском межокружном совещании по хлебозаготовкам, которое состоялось 22 января с участием И. В. Сталина и С. П. Сырцова. На нем отмечалось, что если в январе 1927 г. среди сдатчиков хлеба середняк составлял 60%, то в январе 1928 г.— только 30%⁴⁵). И по мере реализации запасов хлеба основной массой крестьянства удельный вес товарных излишков

³⁹) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 278, л. 121.

⁴⁰) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 217, л. 198.

⁴¹) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 2663, лл. 63—64, 167; Партийный архив Томской области (ПАТО), ф. 76, оп. 1, д. 50, л. 28.

⁴²) ГАНО, ф. 47, оп. 4, д. 54, л. 8; ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2550, л. 36.

⁴³) Постановление бюро Крайкома ВКП(б). ПАТО, ф. 76, оп. 1, д. 594, л. 238; ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 2663, лл. 50—54, 63—64. ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2550, л. 20—21.

⁴⁴) Там же, л. 24.

⁴⁵) ПААК, ф. 4, оп. 2, д. 27, л. 48.

кулачества и зажиточного середнячества возрастал. К январю 1928 г. в Омском, Славгородском, Бийском, Барнаульском, Рубцовском округах Западной Сибири основные запасы хлеба находились у кулацко-зажиточной части деревни от 500 до 2000 пудов на хозяйство. Они не вывозили хлеб на рынок, заявляя, что «сдавать его нет никакого смысла, если хлеб поберегешь, так оно лучше. Как видно опять будет голод...»⁴⁶).

Под влиянием усиленной антисоветской агитации кулачества кое-где в селах создавалось паническое настроение, которое проявлялось в том, что крестьянство задерживало продажу хлебных излишков и раскупало все, что было в лавках потребкооперации⁴⁷).

Сосредоточив в своих руках значительную часть товарного хлеба, кулак вел себя вызывающе. В сводке сибкрайисполкома приводятся примеры, когда кулаки приносили на заготовительные пункты пшеницу и, издеваясь, заявляли: «Ядреная пшеничка! Только вам не продам, дешево платите. Весной к нам придете — дороже дадите!»⁴⁸).

Задержка хлеба кулацко-зажиточной частью села в сочетании с усиленной политической активностью кулаков и антисоветских элементов при отсутствии должной организованности бедняцко-батрацкой массы крестьянства и слабой массово-политической работой в деревне создавала довольно напряженную обстановку. Падение хлебозаготовок, начавшееся еще в октябре 1927 г., в конце года разразилось настоящим кризисом, дав понижение по сравнению с прошедшим годом на 41% (заготовлено 23.950 тыс. пудов против 40.800 тыс.)⁴⁹). Плохой темп хлебозаготовок в декабре отмечался в Омском, Новосибирском, Томском, Рубцовском и Барнаульском округах⁵⁰).

Таким образом, трудности хозяйственного строительства и напряженность международной обстановки зимой 1927—1928 гг. активизировало сибирское кулачество. Саботируя все мероприятия Советской власти и государственные хлебозаготовки, оно в одном строю с капиталистическими элементами страны выступило против пролетарского государства.

Недостаток хлеба в стране в связи с хлебозаготовительными трудностями грозил большими осложнениями всему народному хозяйству. На это обратил внимание местных партийных организаций ЦК ВКП(б) в своих директивах от 14 декабря и 24 декабря 1927 г., предлагая принять все меры для усиления хлебозаготовок⁵¹). Значительные недозаготовки хлеба на начало 1928 г. заставили Центральный Комитет партии 6 января вновь обратиться к местным партийным организациям. ЦК ВКП(б) категорически потребовал от местных партийных и советских организаций направить все усилия, использовать все средства вплоть до применения советских законов к злостным саботажникам и спекулянтам для преодоления кризиса хлебозаготовок⁵²).

Следуя указаниям Центрального Комитета партии, крайком и крайисполком начали предпринимать меры для усиления заготовок хлеба. С целью изъятия денежных накоплений деревни, особенно ее зажиточной части, были максимально сокращены сроки сбора платежей с крестьянства. Окончательный срок выплаты сельскохозяйствен-

⁴⁶) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2550, л. 23; В. Каврайский, П. Нусинов. Указ соч., стр. 78.

⁴⁷) ГАНО, ф. 47, оп. 4, д. 54, л. 21.

⁴⁸) ГАНО, ф. 47, оп. 4, д. 109, л. 177.

⁴⁹) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 2685, л. 23.

⁵⁰) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2571, л. 310.

⁵¹) Содержание этих директив дано в сочинениях И. В. Сталина, т. II, стр. 9—11.

⁵²) Директивное письмо-телеграмма ЦК ВКП(б) от 6 января 1928 г. ПАТО, ф. 76, оп. 1, д. 50, лл. 8—9.

ного налога переносился с 1 апреля на 15 февраля, окладного страхования — с 31 января на 15 января⁵³). Окружным партийным и советским органам предлагалось принять самые жесткие меры к взысканию всех платежей вплоть до административных мер (опись имущества, кратное обложение, предание суду), за исключением колхозов и бедняцких хозяйств⁵⁴). Наряду с усиленным сбором паевых взносов кооперации, размер которого по Сибири увеличивался до 10 рублей, были сокращены операции Сибсельбанка и сельскохозяйственной кооперации по снабжению деревни деньгами⁵⁵). Резко возросло и товароснабжение села. Если за весь последний квартал 1927 г. Сибирь получила немногим более 400 вагонов мануфактуры⁵⁶), то только в течение января в ее хлебозаготовительные районы было направлено 425 вагонов хлопчатобумажной ткани, шерстяных тканей — на 1 550 000 рублей, кожаной обуви — на 1 500 000 рублей, 2 144 тонны кровельного и листового железа⁵⁷). Одновременно в селах развернулась работа по распространению государственного займа укрепления крестьянского хозяйства, выпущенного Советским правительством в январе 1928 г., повсеместно вводились дополнительные местные сборы по самообложению с целью привлечения средств самого населения на строительство культурно-просветительных и медицинских учреждений и благоустройство деревни.

Для более оперативного руководства всей хлебозаготовительной кампанией 10 января 1928 г. была создана краевая тройка в составе секретаря крайкома партии С. И. Сырцова, председателя сибкрайсполкома Р. И. Эйхе и заведующего крайторготдела А. Н. Злобина⁵⁸). В течение января во всех округах и районах были организованы подобные тройки, которые сосредоточили в своих руках всю работу по хлебозаготовкам⁵⁹).

В связи с неудовлетворительным ходом хлебозаготовок 17 января в Сибирь прибыл генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин. 18 января И. В. Сталин выступил по вопросу хлебозаготовок на расширенном заседании бюро крайкома ВКП(б), 22 января принял участие в работе межокружного совещания советских, партийных и кооперативных работников в г. Барнауле, а в последующие дни выезжал в Омский и Рубцовский округа.

В своих выступлениях И. В. Сталин⁶⁰) указывал, что у местных сибирских работников нет настоящей заботы о выполнении плана хлебозаготовок, хотя урожай в Сибири небывало высокий и подчеркивал, что в кулацких хозяйствах имеются по 50—60 тыс. пудов хлебных излишков на одно хозяйство⁶¹). И. В. Сталин предлагал:

а) потребовать от кулаков немедленной сдачи всех излишков хлеба государству по государственным ценам;

б) в случае отказа кулаков подчиниться — привлечь их к судебной ответственности по 107 статье УК РСФСР⁶²) и конфисковать у них хлебные излишки в пользу государства с тем, чтобы 25% конфискованного хлеба было распределено среди бедняков и маломощных середня-

⁵³) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2571, л. 310.

⁵⁴) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 217, л. 3.

⁵⁵) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2571, лл. 310—311.

⁵⁶) Г. А. Конюхов. Указ, соч., стр. 96.

⁵⁷) ПАНО, ф. 76, оп. 1, д. 50, л. 67.

⁵⁸) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 217, л. 229.

⁵⁹) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2550, л. 39; д. 2589, лл. 100, 111; ГАНО, ф. 47, оп. 4, д. 109, л. 162.

⁶⁰) Краткая запись выступлений И. В. Сталина. См. соч. т. II, стр. 1—9.

⁶¹) Там же.

⁶²) Уголовный кодекс РСФСР. Москва, 1931, стр. 46.

ков по низким государственным ценам или в порядке долгосрочного кредита.

И. В. Сталин решительно отменил сомнения местных руководителей о целесообразности введения чрезвычайных мер и настаивал на немедленном применении 107 статьи. Кроме того он потребовал от местных партийных организаций снять всех негодных работников суда и прокуратуры и заменить их честными, добросовестными работниками⁶³).

В специальной телеграмме от 18 января 1928 г. Сибкрайком ВКП(б) потребовал от окружных партийных и советских органов принять решительные меры для преодоления сопротивления кулачества государственным хлебозаготовкам. В главных хлебозаготовительных районах Западной Сибири предлагалось выделить несколько (4—10) явно кулацких хозяйств, враждебных Советской власти, скопивших большие запасы зерна, и привлечь их к судебной ответственности как злостных спекулянтов по 107 ст. УК РСФСР⁶⁴). Кроме того, рекомендовалось над особо злостными держателями хлебных излишков организовывать открытые судебные процессы с широким оповещением хода и результата их в печати⁶⁵).

Работа окружных и районных партийных и советских организаций в значительной степени определялась ходом хлебозаготовок. Под этим углом зрения пересматривалась работа низового советского и кооперативного аппарата, в практической деятельности которых продолжали иметь место недочеты и ошибки первого периода хлебозаготовительной кампании. По данным крайсуда в ходе кампании за бездеятельность и преступно-халатное отношение к хлебозаготовкам по 10 округам края было снято 1370 советских и кооперативных работников. 612 из них предано суду. Только по Бийскому округу было сменено 13 из председателей райисполкомов и более половины (149 из 277) председателей сельсоветов⁶⁶). В начале 1928 г. в Омске, Барнауле, Рубцовске и Новосибирске было заменено руководство окружных союзов сельскохозяйственной кооперации⁶⁷).

В конце 1927 — начале 1928 гг. по всей Западной Сибири прошли расширенные пленумы окружкомов и окрисполкомов, собрания партийно-советского актива, пленумы сельских райкомов по вопросам хлебозаготовок и сбора сельскохозяйственного налога⁶⁸). В Славгородском, Омском, Бийском, Томском и других округах на хлебозаготовки был мобилизован весь окружной и районный актив⁶⁹). Только в села Омского округа выехало свыше 200 коммунистов-уполномоченных по хлебозаготовкам⁷⁰). В помощь низовым партийным и советским органам в течение декабря-января было направлено 84 краевых работника⁷¹).

В течение всей кампании в села направлялись рабочие и комсомольские агитбригады, которые организовывали беседы, вечера вопросов и ответов по политике Советской власти, принимали активное участие в подготовке и проведении крестьянских собраний⁷²). Лучшие представители партийных, советских и комсомольских организаций края совместно с деревенскими коммунистами повели большую раз-

⁶³) И. В. Сталин, соч., т. II, стр. 4.

⁶⁴) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 217, л. 281; ПАТО, ф. 76, оп. 1, д. 50, лл. 43—44.

⁶⁵) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 217, л. 220.

⁶⁶) Сводка Сибкрайкома ВКП(б). ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 2603, л. 98.

⁶⁷) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 2663, л. 54.

⁶⁸) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 217, лл. 180, 109; ПААК, ф. 4, оп. 2, д. 27, л. 4.

⁶⁹) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 217, лл. 227, 439; ПАТО, ф. 76, оп. 1, д. 42, л. 170;

Г. А. Конюхов. Указ. соч., стр. 122.

⁷⁰) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 217, л. 109.

⁷¹) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 217, лл. 16, 39.

⁷²) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2589, л. 100.

яснительную работу в деревне. Значительную роль в организационной и массово-разъяснительной работе в ходе хлебозаготовительной кампании сыграла периодическая печать. Ежедневно на страницах краевых («Советская Сибирь», «Сельская Правда») и окружных газет печатались материалы, которые помогали крестьянам разобраться в сущности мер, принятых Советской властью для усиления хлебозаготовок.

В деле создания единого бедняцко-средняцкого фронта и антикулацкого настроения в селах большое значение имели повсеместно проводимые общие крестьянские и специальные (молодежные, женские и бедняцкие) собрания. В связи с хлебозаготовками в Новосибирском округе в январе-феврале прошли 14 районных совещаний представителей групп бедноты, на которых присутствовал 441 делегат. Крестьяне — участники совещаний — проявляли большую активность при обсуждении вопросов о хлебозаготовках, о сельскохозяйственном налоге, коллективизации: из 441 выступили 323 делегата⁷³). 1 марта 1928 г. открылась первая в Сибири Новосибирская окружная конференция бедноты, на которую из 110 прибыли 102 делегата⁷⁴). Подобные конференции и совещания проходили в Томском, Бийском, Барнаульском и других округах Западной Сибири⁷⁵).

«Надо разъяснять в деревне всем, что кулак злостный держатель хлеба — враг государства и всей деревне. Он чего ждет? — Повышения цен весной, чтобы закабалить бедноту...» «Хорошо, что сроки (уплаты налога — Л. Е.) изменили и проводят хлебозаготовки — это снизит цены на хлеб»⁷⁶). Многочисленные примеры подобных выступлений на совещаниях и бедняцких собраниях свидетельствовали о возросшей политической сознательности и активности бедняцких масс крестьянства.

Почти во всех информационных сводках из округов Западной Сибири отмечалось, что в связи с усилением хлебозаготовительной кампании политическая активность кулачества и антисоветских элементов возросла: «Кулацкий актив обнаглел до крайности, не стесняясь даже представителей из округа, выступает на крестьянских собраниях с засученными рукавами против всех мероприятий Советской власти»⁷⁷). В январе-феврале 1928 г. в селах на крестьянских собраниях и сходах развернулись настоящие классовые бои вокруг вопросов о продаже хлеба государству, принятии новых сроков уплаты налога, прогрессивно-подоходного самообложения, покупки облигаций государственного займа.

Кулаки с. Иверка (Томский округ) на крестьянском собрании выступили против новых сроков уплаты налога заявляя, что «Советская власть только способна обирать крестьян, совсем разоряет деревню». Однако собрание приняло решение о признании сроков уплаты сельскохозяйственного налога⁷⁸). В Спасском районе Барнаульского округа кулачество распространяло ложные слухи о том, что в других районах крестьянство отказалось платить налоги в новые сроки. На собрании в деревне Козловка кулак «пояснял» крестьянам: «Сроки уплаты перенесли для того, чтобы выколотить хлеб. Нет, наверное, трудно будет выколотить, мы ведь тоже понимаем»⁷⁹). Кулаки агитировали крестьян не принимать обязательств по самообложению или предлагали такой

⁷³) «Известия Сибкрайкома ВКП(б)», 1928, № 5, стр. 13.

⁷⁴) «Правда», 2 марта 1928 г.

⁷⁵) ПАТО, ф. 76, оп. 1, д. 42, л. 193; «Известия Сибкрайкома ВКП(б)», 1928, № 1—2, стр. 13—14.

⁷⁶) «Правда», 2 марта 1928 г.; ГАНУ, ф. 47, оп. 4, д. 108, л. 258.

⁷⁷) ГАНУ, ф. 47, оп. 4, д. 108, л. 121; д. 109, л. 177.

⁷⁸) ПАНУ, ф. 2, оп. 1, д. 2550, л. 14—15.

⁷⁹) ГАНУ, ф. 47, оп. 4, д. 109, л. 210.

принцип самообложения, который полностью смазывал его классовую направленность (по паям, по 10 коп. с налогового рубля, с десятины посева и т. п.). Так, в селе Петропавловка (Каменский округ) кулак Ткачев на собрании по самообложению внес предложение провести самообложение по 10 коп. с налогового рубля. В селе Черновка (тот же округ) группа зажиточных выступила против самообложения. Им возразил бедняк Ильинский: «Нам школа нужна и я — бедняк, внесу причитающуюся с меня сумму по самообложению... Нам беднякам учить детей надо». Вся беднота, присутствовавшая на собрании, поддержала его и самообложение было принято⁸⁰). На другом собрании по самообложению бедняки заявили: «Надо было давно такую линию проводить, а то они (кулаки) привыкли на нашей спине ехать. Нас Советская власть освободила от налога, а они по самообложению хотят поравняться, предлагая равные пан на всех. Этот номер не пройдет»⁸¹). Основная масса середняцкого крестьянства шла вместе с беднотой, выступая за поддержку всех мероприятий Советской власти: «Нам ввиду сокращения сроков уплаты придется тяжело, а каково будет нашему государству, если мы не соберем задолженность, которой за нами очень много. Мы этим самым можем сорвать план хозяйственного строительства всего государства»⁸²).

Хлебозаготовки в Сибири шли в основном за счет середняцкого хлеба⁸³). Средняки не только сдавали свои хлебные излишки государству, но и активно участвовали в распространении облигаций государственного займа, в проведении самообложения⁸⁴). Но информационные материалы партийных и советских органов отмечали, что кое-где в селах середняки проявляли недовольство в связи с усиленным сбором денежных платежей, выражали чувство ревности к бедняку⁸⁵). Не единичны случаи, когда они поддерживали кулака в его выступлениях против налога, самообложения и займа. Такие факты имели место в тех деревнях, где допускались перегибы и ошибки по отношению к середнякам. Вот здесь-то кулачество брало верх. Так, в Каменском округе было сорвано три собрания по самообложению. Случаи срыва собраний, принятие решений об отказе от самообложения, от покупки облигаций займа имели место в Рубцовском, Бийском, Барабинском, Барнаульском и Славгородском округах⁸⁶).

Но в большинстве случаев, как свидетельствуют документы, вылазки кулачества на крестьянских собраниях кончались его поражением. Основная масса западно-сибирского крестьянства поддержала мероприятия Советской власти. Об этом свидетельствовало успешное поступление всех платежей. В Барнаульском округе на 31 января крестьянство выплатило 92,9% налога, в Омском — 86%⁸⁷). В отдельных районах Бийского, Новосибирского, Рубцовского округов на это время были внесены полностью все платежи⁸⁸). К 15 февраля, т. е. к окончательному сроку, сбор сельскохозяйственного налога по Западной Сибири был выполнен на 96,3%⁸⁹). Крестьяне сами выступили инициато-

⁸⁰) ГАНО, ф. 47, оп. 4, д. 109, л. 178.

⁸¹) ГАНО, ф. 47, оп. 4, д. 108, л. 258.

⁸²) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2589, л. 158.

⁸³) В. Каврайский, И. Нусинов. Указ. соч., стр. 78.

⁸⁴) ГАНО, ф. 47, оп. 4, д. 108, л. 254; д. 109, л. 178; ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2589, л. 158.

⁸⁵) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2544, л. 20; д. 2589, лл. 107, 133.

⁸⁶) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 217, л. 424; ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2589, лл. 158, 196.

⁸⁷) ГАНО, ф. 47, оп. 4, д. 108, л. 171.

⁸⁸) «Правда», 14 февраля 1928 г.; ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 217, лл. 315, 316; оп. 1, д. 2550, л. 3.

⁸⁹) ГАНО, ф. 47, оп. 4, д. 108, л. 175.

рами коллективной сдачи хлеба государству. Одни из первых крестьяне села Сростки (Бийский округ) 12 января организовали обоз в 300 подвод и с красным знаменем и лозунгами, призывавшими крестьян продавать хлебные излишки государству, отправились в Бийск⁹⁰). 22 января красный обоз был организован в с. Завьялово (Новосибирский округ)⁹¹). Во многих селах Ояшинского района (Новосибирский округ) крестьянские собрания принимали решения «коллективно сдать излишки хлеба, а на приобретенные деньги купить облигации»⁹²). Крупные хлебные обозы в 1500—2000 пудов хлеба организовывались в Томском и Омском округах⁹³).

Активно выступая против усиленного сбора налога, страхплатежей сам кулак, как подчеркивается в официальных документах, относительно легко рассчитывался с государством по всем платежам, благодаря наличию у него больших денежных средств. «Хотя Советская власть и хочет задушить нас налогами, но мы не поддадимся. Я вот, к примеру, продам двух лошадей и уплачу налог, но хлеб не повезу, додержу до весны, а весной возьму за него не менее, чем по 1 руб. 50 коп. за пуд. С этих же пролетарней выручу все убытки», — заявляли кулаки в Барабинском, Омском, Рубцовском и других западносибирских округах.

Кулаки и зажиточные полностью рассчитывались по всем платежам в своем большинстве, не реализуя хлеба на рынке⁹⁴). Продолжая активную антисоветскую деятельность и саботируя хлебозаготовки, кулаки и частные торговцы стремились сорвать советскую политику цен. Так, в Барнаульском округе частные торговцы, скупая пшеницу и овес по повышенным ценам, вздували цены на все виды хлебопродуктов на 50—100%.

Местами спекулятивные махинации кулачества принимали довольно широкий размах. В крупном пристанционном пункте Иссык-Куль (Омский округ) группа кулаков во главе со Зверевым в течение месяца систематически перепродавала зерно в потребляющие районы Томского округа. Они также отравили 3 вагона зерна в Казахстан. Эта группа вела и подрывную политическую работу, дискредитировала Советскую власть, действуя от имени тройки, якобы существующей при райисполкоме. В с. Рассказовке (Омский округ) кулаки Прокудины скупали хлеб, имели связь со спекулянтами других сел. У них было обнаружено 10 тысяч пудов зерна. Кулак Солодов в с. Белостокском скупил у крестьян до 5 тыс. пудов хлеба⁹⁵). В Бийском округе в Тогуле 12 кулаков скупали хлеб, собираясь перепродавать его в Кузнецком округе. Всего по отдельным западносибирским округам на 15 января за спекуляцию хлебом было арестовано 80 частных торговцев и кулаков⁹⁶).

Наряду с этим кулачество продолжало вести разнузданную антисоветскую агитацию, проявляя большую активность по объединению своих сил. В Бийском, Барабинском, Новосибирском, Славгородском и некоторых других округах стали чаще повторяться выступления кулацких и антисоветских элементов с идеей создания своей крестьянской

⁹⁰) «Беднота», 17 января 1928 г.

⁹¹) «Правда», 22 января 1928 г.

⁹²) «Правда», 25 февраля 1928 г.

⁹³) Хлебоцентр. Информационный бюллетень. 1929, № 8—9, стр. 31; Г. А. Конохов. Указ. соч., стр. 149.

⁹⁴) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2550, л. 23; ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2589, лл. 108, 119, 134, 160; ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 217, л. 105.

⁹⁵) «Правда», 15 февраля 1928 г.

⁹⁶) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 217, л. 198.

политической партии («Союза хлеборобов» или «Крестьянского союза»⁹⁷). Во многих селах появились кулацкие группировки, которые на нелегальных собраниях выработали единую линию действия и призывали крестьян к организованному выступлению против Советов с оружием в руках, распространяя провокационные слухи о том, что во многих местах страны крестьяне уже восстали, что восстание против Советской власти готовит Троцкий и Зиновьев⁹⁸). В селах стали появляться антисоветские листовки и анонимки с угрозами в адрес активных бедняков и середняков, советских и партийных работников⁹⁹). От угроз кулак переходил к террору. За первое полугодие 1928 г. со стороны кулачества было совершено 204 террористических акта, т. е. примерно, в два раза больше, чем за второе полугодие 1927 г.¹⁰⁰).

На кулацкий саботаж, его активную антисоветскую деятельность местные органы власти ответили жесткими мерами. Со второй половины января в Сибири начались массовые аресты крупных держателей хлеба, злостно саботировавших государственные хлебозаготовки. На начало февраля по 4-м районам Омского округа у 8 кулаков было конфисковано 12150 пудов хлеба, у кулака Гридина (Новосибирский округ) было изъято 4000 пудов излишков. В 4-х районах Рубцовского округа было конфисковано по суду 18 500 пудов пшеницы. Только в одном Покровском районе к судебной ответственности был привлечен 21 кулак. Среди привлеченных были такие крупные кулаки, как Теплов, гноивший 15 000 пудов зерна, Балунин—7 000 пудов, Жариков—5 000 пудов, Полк — 4000 пудов и другие¹⁰¹). Из 270 кулаков, привлеченных по 107 статье, у 200 были изъяты от 1000 до 2000 пудов излишков хлеба, а у остальных свыше 2000 пудов на хозяйство¹⁰²). Всего в ходе хлебозаготовительной кампании 1927—1928 гг. в Западной Сибири по 107 ст. было осуждено 545 кулаков из 922 привлеченных к судебной ответственности. 35,2% всех привлеченных имели хлебных излишков свыше 1000 пудов¹⁰³).

Большая организационная и массово-разъяснительная работа в деревне в сочетании с репрессиями против наиболее злостных саботажников дала свои положительные результаты. Перелом в хлебозаготовке в Сибири наступил в феврале (несколько позже, чем в других районах страны). Так, если в январе по краю было заготовлено всего 8,6 млн. пудов (месячный план был выполнен на 58,6%), то в феврале хлебозаготовки составили 19,4 млн. пудов¹⁰⁴).

Информационные сводки окружных и краевых органов подчеркивают, что основная масса беднячко-середняцкого крестьянства одобряла действия Советской власти против кулаков — злостных держателей хлебных излишков. Политическому прозрению крестьян в значительной мере способствовали открытые судебные процессы, которые обычно проходили в селах при большом стечении народа. В ходе судебного процесса над кулаками-саботажниками Тепловым, Жариковым и другими в с. Первая Карповка (Рубцовский округ) крестьяне говорили: «Давно бы нужно обуздать кулацкое отродье. Эти тысячи пудов

⁹⁷) Сводка Сибкрайкома ВКП(б). ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2550, л. 14; д. 2589, л. 158; ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 217, л. 424.

⁹⁸) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2550, л. 2; ГАНО, ф. 47, оп. 4, д. 108, л. 252; д. 109, л. 109.

⁹⁹) ГАНО, ф. 47, оп. 4, д. 108, лл. 314—316.

¹⁰⁰) ГАНО, ф. 47, оп. 4, д. 109, л. 459.

¹⁰¹) ГАНО, ф. 47, оп. 4, д. 108, л. 139; ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 217, лл. 173, 175; ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2550, лл. 25, 26; д. 2589, л. 118; «Правда», 14 февраля 1928 г.

¹⁰²) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 217, лл. 344, 348.

¹⁰³) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 217, л. 744.

¹⁰⁴) «Правда», 2 марта 1928 г.

они держали, чтобы весной нашего брата — бедняка жать»¹⁰⁵). Во всех округах отмечались разговоры бедняков и батраков о том, что «с меро-приятиями нажима на кулака немного запоздали, давно надо было их подтянуть, а то он зазнался и стал думать, что у Советской власти нет твердости по отношению к зажиточным и кулакам»¹⁰⁶). Бедняки и маломощные середняки активно помогали Советской власти преодолевать саботаж кулачества, выявляя крупных держателей хлеба, скупщиков, выступая свидетелями на судах¹⁰⁷). Ход хлебозаготовок показал, что чрезвычайные меры против крупных держателей хлеба оказали решающее влияние на кулаков и ту часть середнячества, которая подражала им, придерживая свои излишки. По многим районам и округам, как отмечается в сводках, кулаки и зажиточные крупными партиями повезли хлеб на заготовительные пункты¹⁰⁸).

Но этот успех в хлебозаготовках надо было еще закрепить, так как в своей массе кулачество продолжало сопротивляться еще упорнее и шло на всяческие ухищрения, чтобы «спасти свой хлеб». Распуская слухи о том, что «наступила разверстка, настал 20—21 год, власть отбирает наш хлеб насильно и вывозит его за границу, и скоро в деревне нечего будет есть», кулаки бросились прятать свои излишки в ямы, раздавать небольшими партиями по многочисленным «родственникам», а бедноту запугивали голодом¹⁰⁹). Кулаки, стремясь привлечь на свою сторону бедноту и маломощных середняков, часто выступали в роли защитников их интересов, предлагали беднякам «экономическую помощь», раздавая хлеб в кредит до нового урожая, под отработки. Имеются факты, когда «задобренные» таким образом крестьяне прятали у себя кулацкий хлеб¹¹⁰).

Продолжая саботировать государственные хлебозаготовки, кулачество не вывозило свои излишки и на внутридеревенский рынок. В связи с этим цены на муку на базарах весной поднялись до 1 руб. 80 коп.—2 руб. 50 коп. за пуд¹¹¹). Недостаток хлеба в это время ощущался во многих селах и рабочих поселках. Кулаки отказывались продавать хлеб беднякам и середнякам, мотивируя это тем, что «Советская власть выгрела у них хлеб еще зимой». На почве продовольственных затруднений весной 1928 г. в некоторых округах Западной Сибири наблюдалось недовольство крестьянства, которое выливалось в стихийное выступление толпы. Так, в 6 селах Каргатского района (Славгородский округ) толпы крестьянок в 30—100 человек, подстрекаемые кулаками и антисоветскими элементами, самовольно разбирали заготовленный хлеб в кооперации, семенной фонд комитетов крестьянской взаимопомощи, приходили в райисполкомы, в сельсоветы с требованием хлеба. Подобные выступления крестьянства имели место в Новосибирском и Барнаульском округах¹¹²).

В некоторых районах Западной Сибири недовольство середняков и отчасти бедняков вызывалось перегибами и ошибками в ходе хлебозаготовительной кампании. Категорические указания центра и края о том, что удар по кулаку необходимо вести на основе советской законности, репрессии применять только к злостным держателям хлебных

¹⁰⁶) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2589, л. 158.

¹⁰⁶) ГАНО, ф. 47, оп. 4, д. 108, л. 258; д. 109, лл. 207, 210.

¹⁰⁷) ПАНО, ф. 47, оп. 4, д. 109, лл. 178, 207; ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2589, л. 160.

¹⁰⁸) «Правда», 1 февраля 1928 г.; ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 217, л. 315; ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2589, л. 40; ПААК, ф. 4, оп. 2, д. 47, л. 17.

¹⁰⁹) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2564, л. 188.

¹¹⁰) ГАНО, ф. 47, оп. 4, д. 109, л. 204; ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2571, л. 162.

¹¹¹) ГАНО, ф. 47, оп. 4, д. 108, лл. 298, 306; ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2572, лл. 6, 8.

¹¹²) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 258, лл. 1—2; д. 261, лл. 8—9.

излишков и не допускать продрозверсточных методов в ходе кампании, нарушались. В ряде мест помимо неправильных решений суда, выразившихся в конфискации сельскохозяйственного инвентаря, домашней утвари, всего хлеба, без оставления на продовольственные и семенные нужды, имелись случаи осуждения по 107 ст. середняков¹¹³). В Томском округе по этой статье в апреле 1928 г. были осуждены середняки, имевшие в своих хозяйствах излишки в 200 и менее пудов¹¹⁴). Всего в ходе заготовительной кампании в Западной Сибири по 107 ст. было осуждено 56 середняков и 3 бедняка¹¹⁵).

Низовые работники иногда на практике допускали продрозверсточные методы заготовок: подворный обход, проверку амбаров с целью выявления крупных держателей хлеба (в селе Юрты Новосибирского округа, в селах Кузнецкого округа, в 15 селениях Барнаульского округа в других местах), причем эти обходы часто оказывались безрезультатными¹¹⁶); доведение заданий по хлебосдаче до всех дворов. В Сосновском районе Омского округа была создана комиссия, которая произвела раскладку по дворам. При этом крестьянину, имевшему 13 пудов хлеба, было предложено 2 пуда сдать в кооперацию¹¹⁷). В с. Усть-Мосиха Куликовского района (Каменский округ), в Гутовском районе (Новосибирский округ) отдельные уполномоченные райисполкомов вызывали крестьян в сельсовет и, угрожая наганом, требовали сдачи хлебных излишков¹¹⁸). Нарушения советских законов и классовой линии, насильственные методы воздействия на крестьянство, имевшие место в ходе хлебозаготовок по всей Западной Сибири, использовались кулачеством в антисоветской агитации. В результате всего этого часть середняков и даже бедняков поддавалась влиянию кулачества.

Большую роль в освобождении беднячко-средняцких масс крестьянства из-под влияния кулачества, в сплочении их вокруг Советской власти сыграла экономическая и производственная помощь государства крестьянству в ходе весенней сельскохозяйственной кампании. На 1 мая 1928 г. по линии сельхозкооперации в кредит сибирской деревне было выдано 15079,7 тыс. рублей¹¹⁹), только льготный бедняцкий денежный фонд составил 6550,6 тыс. рублей¹²⁰). Семенной фонд, выделенный государством сибирскому крестьянству весной 1928 г., более чем в три раза превысил семенной фонд 1927 г., составив 3 млн. 929 тыс. пудов¹²¹). Эти меры по оказанию материальной помощи беднячко-средняцким слоям, а также быстрое исправление ошибок и перегибов, допущенных по отношению к середняку в ходе нажима на кулака, в значительной степени способствовали ликвидации частичного и временного недовольства крестьянства. Как отмечал пленум Сибкрайкома (март 1928 г.), основная масса середняков и деревенская беднота стали на путь поддержки всех хозяйственных мероприятий Советской власти, тем самым обеспечив успешный исход хлебозаготовок 1927—1928 гг. На 16 июня 1928 г. годовой план хлебозаготовок в Сибири был выполнен на 91,7%¹²²). Таким образом, саботаж кулачества удалось сломить.

113) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2589, л. 189.

114) ПАНО, ф. 76, оп. 1, д. 42, л. 223.

115) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 217, л. 744.

116) ГАНО, ф. 47, оп. 4, д. 109, л. 211; ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2553, л. 6; д. 2589, л. 159.

117) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2563, л. 6.

118) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2553, л. 6; д. 2589, л. 151.

119) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 2603, л. 3.

120) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 2681, л. 9.

121) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 2685, л. 6.

122) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 217, л. 749.

Хлебозаготовительная кампания 1927—1928 гг. явилась важнейшим участком экономической и политической борьбы с кулачеством. Эта борьба в условиях Западной Сибири носила особо острый характер, благодаря более глубокой классовой дифференциации села и сильным экономическим позициям кулака. Как отмечал пленум Сибкрайкома ВКП(б) (март 1928 г.): «...накопления кулацкой верхушки крестьянства приблизились к тому пределу, за которым их хозяйственно-целесообразное производительное использование на частно-капиталистической основе в советских условиях затруднено. Этим обусловилось возросшее сопротивление кулака плано-регулирующим мероприятиям пролетарского государства и его (кулака) попытки совместно с городским спекулянтом дезорганизовать хлебный рынок и сорвать нашу политику цен»¹²³).

Если по стране кулак давал в 1927—1928 гг. 1/5 часть товарного зерна¹²⁴), то западносибирский кулак держал в своих руках свыше 1/4 части его (27,7%)¹²⁵). Большие денежные накопления сибирского кулачества позволяли ему маневрировать, используя хлебные излишки как средство для достижения своих экономических и политических целей.

Трудности преодоления хлебного саботажа кулачества усугублялись малочисленностью сельских партийных ячеек и низким политическим уровнем части деревенских коммунистов, а также недостатками в работе низового советского и кооперативного аппаратов.

Большая организационно-массовая работа в сочетании с огромной материальной помощью государства деревне во время весенне-посевной кампании 1928 г. обеспечили поддержку со стороны основной массы бедняцко-средняцкого крестьянства всех мер Советской власти, направленных против кулачества. Этим в значительной степени был решен исход ожесточенной классовой борьбы за хлеб зимой-весной 1928 г.

Хлебозаготовительная кампания 1927—1928 гг. подтвердила необходимость быстрого подъема сельского хозяйства на основе его социалистического переустройства.

¹²³) «Известия Сибкрайкома ВКП(б)», 1928, № 5, стр. 7.

¹²⁴) История КПСС. Госполитиздат, 1963, стр. 419. Г. А. Конюхов. Указ. соч., стр. 47.

¹²⁵) Вообще по Сибири доля кулачества в производстве товарного хлеба была несколько ниже — 26,1%. См. Советская Сибирская энциклопедия, т. II, стр. 707.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ НАКАНУНЕ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (1927—1929 гг.)

В. Я. ОСОКИНА

Социально-экономическое развитие в деревне в годы непосредственной подготовки массового колхозного движения было крайне сложным и противоречивым. Переход на основе решений XV съезда партии к социалистической реконструкции сельского хозяйства все более сужал сферу мелкобуржуазных и капиталистических отношений. Взаимодействие различных по типу производства и удельному весу в экономике сельского хозяйства мелкотоварного, капиталистического и социалистического укладов, при активном влиянии политической надстройки, неизбежно вызывало дальнейшие изменения в расслоении крестьянства.

Социально-экономические отношения в западносибирской деревне в 1927—1929 гг. еще слабо изучены и еще не стали предметом специального исследования. В данной работе не ставится цель осветить их в полном объеме. Рассматриваются лишь те вопросы, которые составляют основу для анализа политической борьбы в ходе избирательных кампаний и социального состава сельских Советов накануне сплошной коллективизации.

Исследователи социально-экономических отношений в советской предколхозной деревне (среди них более глубоко и всесторонне их рассматривает В. П. Данилов) выделяют Сибирь как один из районов резкого классового расслоения¹). В. П. Данилов делает примечательный вывод: «Концентрация средств производства в кулацких хозяйствах достигла особенно высокого уровня в районах Юго-Востока, Урала и Сибири»²).

Национализация земли ликвидировала один из основных источников капиталистического накопления. После ликвидации частной собственности на землю в расслоении крестьянства решающее значение име-

¹) В. П. Данилов. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства СССР. М., 1957. Его же, Советская деревня накануне коллективизации. «Исторические записки», № 55, М., 1956; М. Краев. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954; Доклады на научной сессии по истории советского крестьянства: В. П. Данилова («О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства»), А. К. Касьяна («Западно-Сибирская деревня в 1926—1929 гг.») и И. С. Степичева («Из истории классовой борьбы в восточно-сибирской деревне в период подготовки и начала сплошной коллективизации»), опубликованные в сборнике «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР». М., 1963.

²) История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР, стр. 59.

ло распределение сельскохозяйственных орудий и рабочего скота. Эта особенность классового расслоения предколхозной деревни проявлялась более остро в Западной Сибири. На III Сибирской краевой партийной конференции отмечалось: «Особенно в условиях Западной Сибири доход от эксплуатации сельскохозяйственных машин зачастую является решающим признаком кулацкого хозяйства»³⁾. Материалы конференции показывают, что в Западной Сибири в кулацких хозяйствах было сосредоточено 40% молотилок, 40% жнеек, 30% сенокосилок⁴⁾. Высокую концентрацию средств производства в хозяйствах кулаков подтверждают также данные гнездовой динамической переписи 1927 г. В южных районах Западной Сибири кулацкая часть деревни в это время составляла 1/15 часть дворов и владела 1/7 частью средств производства. Бедняцкие хозяйства, составляющие 2/5 крестьянских дворов, имели менее 1/5 средств производства⁵⁾.

Внутренние, органические процессы классового расслоения в зависимости от использования основного капитала на средства производства раскрывают крестьянские бюджеты за 1926—1927 гг. Они показывают, что затраты на средства производства у различных социальных групп и качественно, и количественно не одинаковы. Из общей суммы основного капитала бедняцкого хозяйства в 226,1 рубля на приобретение инвентаря использовалось 35 рублей, на скот — 88,9 рубля. В хозяйствах середняков из общей суммы основного капитала в 1131,1 рубля на инвентарь расходовалось 265,3 рубля, на скот — 471 рубль. В кулацких хозяйствах из основного капитала в сумме 2609,8 рубля на инвентарь приходилось 699,7 рубля, на скот — 981,6 рубль⁶⁾. Производственные возможности бедняцких хозяйств были в 5 раз меньше середняцких и более чем в 20 раз меньше кулацких хозяйств.

Качественное различие бедняцких, середняцких и кулацких хозяйств по средствам производства еще более определенно раскрывают затраты основного капитала на сельскохозяйственный инвентарь. В Барнаульском, Барабинском, Бийском, Каменском, Рубцовском, Новосибирском, Славгородском и Омском округах удельный вес составных элементов этого капитала определился в социально-экономических группах следующим образом:

Таблица 1⁷⁾

Социально-классовые группы	Капитал на одно хозяйство в инвентаре (в рублях)				
	всего	в сельскохозяйственном инвентаре	в том числе		
			в почвообрабатывающих орудиях	в сельскохозяйственных машинах	в транспорте
Пролетариат и полупролетариат	35,0	30,0	4,3	3,5	14,0
Простые товаропроизводители	265,3	233,2	27,0	89,8	98,0
Мелкие капиталистические хозяйства	699,7	634,6	17,2	341,6	231,6

³⁾ Партийный архив Новосибирской области (ПАНО), ф. 2, оп. 1, д. 1750, л. 207.

⁴⁾ Там же, л. 200.

⁵⁾ Партийный архив Алтайского края (ПААК), ф. 4, оп. 3, д. 52, л. 15.

⁶⁾ Сибирский край. Статистический справочник. Новосибирск, 1930, стр. 319.

⁷⁾ Там же.

Данные бюджетов показывают, что владельцами значительной части сложных сельскохозяйственных машин были кулаки. Средняки имели менее совершенные сельхозмашины. Бедняцкие хозяйства в массе своей располагали несовершенным инвентарем. Значительная часть из них не имела необходимых почво-обрабатывающих орудий. Данные 10% выборочного обследования крестьянских хозяйств позволяют сделать подсчет, что из 848006 обследованных в Западной Сибири хозяйств 310724 не имели пахотного инвентаря⁸⁾.

Резкая поляризация социальных групп в западносибирской деревне являлась также следствием неравномерного распределения рабочего скота. Подсчеты по материалам Сибкраинсполкома подтверждают высокий процент безлошадных хозяйств. Из 1117500 индивидуальных крестьянских хозяйств в округах Западной Сибири 117101, т. е. 11,5%, были безлошадными. Наибольшее количество безлошадных было в крупных земледельческих районах: в Омском округе — 18820 хозяйств, в Барнаульском — 15403, в Новосибирском — 13511, Славгородском — 10983⁹⁾. Кулацкие хозяйства, имеющие 4 и более лошадей, в отдельных округах превышали процент безлошадных. В Рубцовском округе такие хозяйства в 1927 г. составляли 15,2%, в Бийском — 13,9%, в Барабинском — 11,6%¹⁰⁾.

Но для изучения классового расслоения в сибирской деревне характеристика хозяйств только по распределению средств производства недостаточна. Ленинский принцип группировки по хозяйственной состоятельности требует учитывать различия в местных условиях: «Одно дело — основные тенденции крестьянского разложения, другое дело — формы его в зависимости от различных местных условий»¹¹⁾.

Большое влияние на процессы классового расслоения в Сибири оказывало состояние землеустройства. Оно было одной из острых социально-экономических проблем и отражалось на характере землепользования, а также степени классового расслоения и росте социалистических форм производства в деревне.

С 1920 г. в соответствии с «Положением о социалистическом землеустройстве», а затем с конца 1922 г. на основе «Земельного кодекса», в Сибири были проведены большие работы по упорядочению землепользования. К началу 1927 г. в крае насчитывалось до 5,5 млн. га устроенных земель¹²⁾. Это около 10% удобной сельскохозяйственной территории Сибири. Предстояло землеустроить около 56 млн. га¹³⁾. По РСФСР к этому времени неземлеустроенная площадь составляла 172 млн. га¹⁴⁾.

Состоявшаяся в марте 1927 г. III краевая партийная конференция рассматривала осуществление землеустроительных работ как одну из важнейших народно-хозяйственных задач. На конференции был заслушан доклад председателя крайисполкома Р. И. Эйхе и доклад заведующего краевым земледельческим управлением И. А. Харламова о землеустройстве и колонизации края. В докладе подчеркивалось: «Состояние землепользования в Сибири находится в особо неблагоприятных условиях — громаднейшая площадь Сибири не имеет самого элементарного землеустройства. Свыше восьми миллионов десятин земель трудо-

⁸⁾ Итоги 10% выборочного обследования отдельных хозяйств в 1927 году по Сибирскому краю. Новосибирск, 1928, стр. 18, 25.

⁹⁾ Сибирский край, стр. 272—273. Государственный архив Новосибирской области (ГАО), ф. 47, оп. 1, д. 765, л. 9.

¹⁰⁾ Сибирский край, стр. 269.

¹¹⁾ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 137.

¹²⁾ «Известия Сибирского краевого комитета ВКП(б)», 1927, № 2, стр. 23.

¹³⁾ ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 194, л. 56.

¹⁴⁾ «Беднота», 12 января 1929 г.

вого пользования не имеет никаких границ, существует величайшая путаница и неравенство в землепользовании между отдельными хозяйствами»¹⁵).

Такое состояние землеустройства сохранило в значительной степени дореволюционные формы землепользования. Из них широкое распространение имела общиннозахватная форма землепользования. Даже к началу 1929 г. она составляла 33% площади земель трудового пользования¹⁶). Захватное право позволяло кулакам владеть значительной частью лучших земель. В 1927 г. кулаки использовали 15,2% всей, посеваемой площади Сибири¹⁷). В отдельных округах Западной Сибири в их руках находились еще большая часть земель. Данные гнездовой динамической переписи 1927 г. показывают, что в Славгородском округе, южной части Барабинского округа, в Омском и Рубцовском округах процент посеваемых земель, находившихся у кулаков, доходил до 20,2. В целом же по юго-западной Сибири (Омский, Барабинский, Славгородский, Каменский, Новосибирский, Барнаульский, Рубцовский, Бийский округа) кулаки имели 16,6% посеваемой площади. При этом среди кулаков группы с посевом от 11 до 26 и выше гектаров составляли более половины — 50,7%. В тех же выше названных восьми округах беднота и батрачество имели лишь 12,1% посеваемых площадей¹⁸).

Росту капиталистических хозяйств в деревне способствовали идеологи кулачества кондратьевцы, засевавшие в земельных органах Сибирского края. Они насаждали капиталистические формы производства в сельском хозяйстве в форму хуторов и отрубов, способствуя численному росту и экономическому усилению кулачества.

В Сибири больше, чем во всех других районах страны была распространена отрубная система землепользования. Она охватывала 2899378 га, составляя более трети отрубного землепользования по РСФСР¹⁹). Хуторская система также была широко распространена. Хутора имели 280724 га, в то время, как например, на Северном Кавказе — в таком же районе по степени классового расслоения — хуторская система землепользования охватывала 44420 га²⁰).

При землеустройстве допускались нарушения социалистических принципов — жеребьевки вместо выделения бедноте ближних и лучших земель. Только со второй половины 1928 г. в работе земельных органов края, как отмечал Сибкрайком партии, «начала осуществляться более правильная партийная классовая линия». Однако даже в сентябре 1929 г. он вынужден сделать вывод, что «проведение партийной линии в области землеустройства вообще является весьма недостаточным»²¹). Продолжалось распределение земли по жребию в Славгородском, Рубцовском и Томском округах. В «Докладной записке о колхозном строительстве в Сибири в 1928—29 гг.», составленной для Колхозцентра в 1929 г., отмечалось: «...особенностью сибирского землепользования является захватное право, сохранившееся еще в большом числе земельных обществ. В результате медленного темпа землеустройства до сих пор не устранена неравномерность пользования землей различных социальных групп крестьянства»²²).

¹⁵) «Красный Алтай», 1 апреля 1927 г.

¹⁶) ПАНО, ф. 2, оп. 2, л. 398, л. 228.

¹⁷) Сибирская Советская Энциклопедия, т. II, стр. 796.

¹⁸) Сибирский край, стр. 234.

¹⁹) Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927. Центральное статистическое управление СССР. М. [1927 г.], стр. 122—123.

²⁰) Там же.

²¹) ПАНО, ф. 2, оп. 2, л. 398, л. 229.

²²) Центральный государственный архив народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР), ф. 7446, оп. 2, л. 133, л. 1.

Проблема землеустройства в Сибири осложнялась начавшимся в 1927 г. плановым переселением. В РСФСР, на Украине и в Белоруссии было сильное аграрное перенаселение. Требовался дополнительный земельный фонд. В решениях XV партконференции указывалось, что в первоочередном освоении земель Сибири заинтересован весь Советский Союз. Свободные земли Сибири были включены во Всесоюзный переселенческий фонд. Для переселения был открыт 61 район Омского, Тарского, Славгородского, Барабинского, Барнаульского, Томского и Кузнецкого округов, в которых насчитывался 351 переселенческий участок²³). В среднем в год только в Томский округ, например, должны были прибывать 100 тысяч крестьян. Обычные трудности, связанные с устройством на новых местах нескольких сотен тысяч человек, ежегодно усугублялись внеплановым переселением. Насколько сильна была вплоть до массовой коллективизации волна внепланового переселения можно судить по данным за 1927—1928 гг. За этот период в Сибирь прибыло на 120 тысяч человек больше, чем намечалось. В 1929 г. (до 20 мая) только сверх плана прибыло 137 тысяч человек²⁴). В эти годы во многие села и деревни Западной Сибири переселенцы прибывали почти ежедневно. Как отмечал Наркомат земледелия, среди прибывших на новые места крестьян было большое число бедняков. В Томском округе средний процент бедноты на 100 тысяч в год доходил до 60²⁵). В результате переселения количество непривисного населения в крае увеличилось до 350 тысяч человек²⁶).

На классовое расслоение Сибири влияла не только высокая концентрация средств производства в кулацких хозяйствах. В дифференциации крестьянства немалое значение имело распределение посевных площадей.

В отличие от европейских районов РСФСР, где концентрация земли в кулацких хозяйствах происходила в основном за счет аренды, в Сибири она в значительной степени шла и за счет остатков дореволюционных форм в системе землепользования. В. П. Данилов приводит следующие данные о сфере арендных отношений: по СССР они охватили 36,9% крестьянских хозяйств, а в Сибири — 45,8%²⁷).

В земледельческих районах Западной Сибири развитию капиталистических хозяйств способствовала предпринимательская аренда. В юго-западных районах, как показывают материалы 10% выборочной переписи 1927 г., 32,3% хозяйств батраков, 26,7% хозяйств бедняков и 17% маломощных середняков (стоимость средств производства до 400 рублей) сдавали землю в аренду. Среди зажиточных крестьян (стоимость средств производства свыше 800 рублей) сдавали пашню в аренду только 6,7% хозяйств и среди кулацких — тоже небольшое количество хозяйств — 7,2%²⁸). Показателен и состав арендаторов. Лишь 11,1% бедняцких хозяйств арендовали землю, а маломощных середняков — 14,7%. Из кулацких же хозяйств арендовали 49,6%, среди зажиточных крестьян (стоимость средств производства свыше 800 рублей) — 33% хозяйств²⁹).

Основными сдатчиками пашни были батраки, бедняки и маломощные середняки, основными арендаторами — кулаки и зажиточные се-

²³) Переселение в Сибирский край в 1929 году. М., 1929, стр. 8, 9, 11, 14, 15, 18—20, 25.

²⁴) «Беднота», 5 июля 1929 г.

²⁵) Партийный архив Томского обкома КПСС (ПАТО), ф. 76, оп. 1, д. 9, л. 60.

²⁶) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 194, л. 56.

²⁷) В. П. Данилов. О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства, М., 1961, стр. 24.

²⁸) Сибирский край, стр. 247.

²⁹) Там же.

редняки. В отдельных районах, таких, например, как Родинский район Славгородского округа, кулаки арендовали от 100 до 250 десятин земли на хозяйство³⁰). Аренда перераспределяла землю в соответствии с изменившимися средствами производства и усиливала классовое расслоение.

Резкое расслоение социальных групп в деревне определяло кабальную зависимость от кулачества немалой части западно-сибирского крестьянства. По данным гнездовой динамической переписи 1927 г., в земледельческих районах Западной Сибири нанимали сельскохозяйственные орудия 73% бедняцких хозяйств. К этому прибегали 76,3% середняцких хозяйств³¹). Однако и кулацкие хозяйства, сосредоточившие более трети сложных сельскохозяйственных машин, прибегали к аренде средств производства. Эта группа составляла 64,9%. Аренда сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота кулаками носила предпринимательский характер и усиливала их экономически. Тем более, что кулацкие хозяйства, сдававшие средства производства в аренду, составляли по этой группе 71,5%. В то же время среди бедняцких хозяйств только 15,6% сдавали средства производства в наем. Примечательно также, что такие хозяйства среди маломощных середняков составляли лишь 27,6%. В то же время зажиточные середняцкие хозяйства, экономически близкие к кулачеству (стоимость средства производства свыше 800 рублей), составляли среди сдающих в аренду средства производства 60,8%³²). Эта социальная группа, вследствие широко развитых в западно-сибирской деревне арендных отношений, давала относительный рост кулачества, который здесь вплоть до начала 1930 г. был выше общесоюзного и республиканского.

Сильное экономически, сибирское кулачество использовало хозяйственные трудности трудового крестьянства и распространяло тяжелые кабальные отношения на батрачество и бедноту. Характерный факт из жизни в селе Чистюнька, Барнаульского округа раскрывает степень кулацкой эксплуатации. Бедняк этого села, не имея необходимого сельскохозяйственного инвентаря, сдал кулаку 10 десятин пашни в аренду. В уплату за аренду кулак вспахал бедняку десятину. Вспашка одной десятины стоила 6 рублей. Следовательно, каждая арендованная десятинна кулаку обошлась в 60 копеек³³).

В результате специального обследования только по 2 сельсоветам Новосибирского и Славгородского округов Сибкрайисполкома было зарегистрировано более 30 кабальных договоров³⁴). Часто в целях закабаления использовалась особая форма арендных отношений — супряга. В Каменском округе, например, супрягой пользовалась почти треть крестьянских хозяйств³⁵). На краевом совещании по работе в деревне заведующий краевым земельным управлением И. А. Харламов в своем выступлении рассказывал: «Я в деревне столкнулся с массовым явлением супряги. До 25% хозяйств, а иногда и больше охвачено супрягой. Супряга в большинстве случаев носит кабальную форму»³⁶).

Имея большие посевы и сосредотачивая значительную часть производства, кулачество широко использовало наем рабочей силы. Наркомат РКИ на основе материалов специального обследования сделал вывод: «Наибольший процент наемных рабочих, не имеющих своего сельскохо-

³⁰) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 1750, л. 207.

³¹) Сибирский край, стр. 246.

³²) Там же.

³³) «Красный Алтай», 30 апреля 1928 г.

³⁴) ГАНУ, ф. 47, оп. 1, д. 1444, л. 14.

³⁵) «Наша деревня» (Камень), 30 апреля 1928 г.

³⁶) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 209, л. 213.

зяйственного производства, приходится на Северный Кавказ (58,4%), Сибирь (61,3%), Сталинградскую губернию (66,9%), Крым (43,9%), Закавказье (50,8%), т. е. районы, где наем рабочих сильнее развит³⁷⁾. По данным крайкома партии, в конце 1927 г. в Сибири было 185000 батраков. Из них в единоличных хозяйствах работало 162 тысячи батраков³⁸⁾.

Хозяйственная специализация районов лишь в незначительной степени влияла на степень привлечения наемной рабочей силы различными социальными группами крестьянства. Так, например, в зерновых районах Омско-Кулундинской степи (Славгородский округ, южная часть Барабинского и Омского округов, часть Рубцовского округа) к найму рабочей силы прибегали 7,5% бедняцких и 92,3% кулацких хозяйств. В центральном степном и лесостепном районе Западной Сибири (производство зерна, мясо-молочные гнезда) нанимали рабочую силу 12,6% бедняцких и 94,8% кулацких хозяйств. В мясо-молочных и промысловых гнездах Тарско-Барабинского урмана (северная часть Омского, Барабинского и Томского округов, исключая Нарымский край) процент нанимающих бедняцких хозяйств составлял 11,3%, кулацких — 84,1%³⁹⁾.

Наем рабочей силы определялся обеспеченностью средствами производства и посевом. Бедняцкие хозяйства обычно прибегали к найму эпизодически. Кулацкие хозяйства занимались систематической эксплуатацией рабочей силы. Это подтверждает количество дней найма рабочей силы в течение года. На одно бедняцкое хозяйство в год приходилось 15—23,5 дней найма, на одно кулацкое хозяйство — 144—174 дня⁴⁰⁾. Наемная рабочая сила использовалась кулаками в течение всех полевых работ.

Середняки также прибегали к найму рабочей силы, например, в Юго-Западной Сибири — 37,1% середняцких хозяйств. Однако средний срок найма в году у них колеблется от 23 до 29 дней на хозяйство. Примечательно также, что около половины (48,8%) зажиточных середняков прибегали к найму. В то же время среди маломощных середняков группа нанимающих хозяйств составляла лишь 26,6%⁴¹⁾ при менее продолжительных сроках найма.

В отношении батраков кулаки применяли самые тяжелые формы эксплуатации. Тем более, что в Сибири половина батраков была неграмотна. В большинстве кулацких хозяйств рабочий день батраков продолжался до 12 часов и выше. Часто, в обход советского законодательства, не заключались трудовые договора с нанимающимся. В селе Журавлиха Барнаульского округа, например, при обследовании было обнаружено более 100 незарегистрированных кабальных договоров⁴²⁾. Вообще в Сибирском крае было охвачено трудовыми договорами лишь 50,6% сельскохозяйственных рабочих и 49,2% пастухов⁴³⁾. Это позволяло кулакам творить произвол. В селе Батурово Шелоболхинского района, например, кулак держал батрака в течение семи с половиной месяцев и выгнал, не заплатив 35 рублей. Подобный случай произошел в поселке Самодуровка Шадринского района. В селе Обенцово группа кулаков держала пастуха в течение 5 лет и выгнала его, не заплатив за 2,5 года⁴⁴⁾.

³⁷⁾ К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства. Материалы, исследования НК РКП СССР. М.—Л., 1928, стр. 73.

³⁸⁾ ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 213, л. 1. «Сельская правда», 13 июня 1930 г.

³⁹⁾ Сибирский край, стр. 236.

⁴⁰⁾ Сибирский край, стр. 236—239.

⁴¹⁾ Сибирский край, стр. 239.

⁴²⁾ «Красный Алтай», 3 апреля 1928 г.

⁴³⁾ «На советском посту». Новосибирск, 1928, № 2, стр. 13.

⁴⁴⁾ «Известия ЦК ВКП(б)», 1928, № 2—3, стр. 14.

В Сибири кулаки широко применяли натуральную форму зарплаты, когда создавались большие возможности для закабаления. Следствием этого был низкий прожиточный минимум батрачества. По данным Сибкрайкома, формы оплаты труда батраков распределялись следующим образом по всем учтенным трудовым договорам: только деньгами — 60,2%, только натурой — 21,1%, деньгами и натурой — 17,7%⁴⁵⁾.

При выборочном обследовании оказалось, что 31,8% батраков работали даже в праздничные дни⁴⁶⁾.

Советское законодательство о труде ограничивало эксплуататорские стремления кулачества. Переход к политике наступления на капиталистические элементы нашел отражение в постановлении ЦИК и СНК СССР от 20 февраля 1929 г. «О порядке применения кодекса законов о труде в кулацких хозяйствах». В нем требовалось обязательное заключение трудовых договоров, если срок найма был от двух недель и выше в течение всего сельскохозяйственного сезона. Наниматель должен был выдавать рабочему расчетный лист по форме, установленной Народным Комиссариатом труда Союзной Республики. Устанавливались условия труда и срок выдачи зарплаты не реже одного раза в месяц и ее размеры. Постановление определяло: «За нарушение законодательства о труде и социальном страховании наниматель несет ответственность по закону в уголовном или административном порядке»⁴⁷⁾.

Чтобы скрыть эксплуататорский характер хозяйств, избежать наказания за нарушение постановления ЦИК и СНК СССР от 20 февраля 1929 г., кулачество прибегло к массовому найму не сроковых, а поденных рабочих. В Западной Сибири, по неполным данным учета через сельсоветы, количество сроковых рабочих в единоличных крестьянских хозяйствах в 1929 г. сократилось наполовину. В 1927 г. их насчитывалось 93039 человек, в 1929—46456. В то же время, по далеко неполным данным, количество поденных рабочих увеличилось на 5031 человек⁴⁸⁾. Заметное увеличение количества поденных рабочих отразили сведения сельсоветов Барабинского, Каменского, Новосибирского, Барнаульского и Бийского округов, особенно последнего. В Барнаульском округе количество сроковых рабочих в единоличных хозяйствах с 1927 по 1929 год уменьшилось с 10382 до 6193 человек. В то же время количество поденных рабочих увеличилось с 11546 до 14467. В Новосибирском округе число сроковых рабочих уменьшилось почти наполовину (с 9873 до 5742), поденных — увеличилось с 13219 до 15920. В Бийском округе число сроковых рабочих сократилось с 10663 до 5351, а поденных резко возросло с 15437 до 20659⁴⁹⁾. Увеличение количества поденных рабочих наблюдалось по всем округам. Но сведения сельских Советов неполно отразили это явление по ряду причин, в том числе и вследствие засоренности кулаками отдельных сельских Советов, а также вследствие неудовлетворительного состояния делопроизводства во многих сельсоветах.

Капиталистические производственные отношения в западно-сибирской деревне накануне сплошной коллективизации широко распространялись. Однако в Западной Сибири в 1927—1929 гг. происходил очень быстро характерный для всей страны в предколхозный период процесс осереднячивания деревни. Середняцкие хозяйства, составлявшие в 1927 г.

⁴⁵⁾ ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 213, л. 23.

⁴⁶⁾ «На советском посту», 1928, № 2, стр. 13.

⁴⁷⁾ Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927—1935 гг., М., 1957, стр. 130.

⁴⁸⁾ Сибирский край, стр. 413, 415.

⁴⁹⁾ Сибирский край, стр. 413.

55,6%, имели 2/3 средств производства⁵⁰). Заметно увеличивалась группа экономически сильных середняцких хозяйств. К началу 1927 г. середняцкие хозяйства, имеющие посев от 4 до 12 десятин, по данным Сибкрайкома партии, увеличили свой усовершенствованный инвентарь на 22%, жнеек — на 29%, молотилок — на 28%, сеялок — больше, чем на 60%⁵¹). По данным гнездовой динамической переписи 1928 г. в середняцких хозяйствах группа, имеющая средства производства от 501 до 1000 рублей, составляла в 1927 г. 45,6%, в 1928 г. она возросла до 47,9%, а количество маломощных середняцких хозяйств уменьшилось с 41,3% до 38,9%. Увеличивалась та часть середняцких хозяйств, которая экономически была близка к кулацким хозяйствам (стоимость средств производства от 1001 до 1500 рублей). В 1927 г., она составляла 10,9%, в 1928 — 11,2%⁵²).

В бедняцких хозяйствах в 1927—1929 гг. также происходят изменения. Уменьшается количество хозяйств без рабочего скота, без коров и беспосевных. По данным гнездовой динамической переписи 1928 г. в Барнаульском, Бийском, Рубцовском, Каменском и южной части Новосибирского округов группа без рабочего скота среди бедняцких хозяйств в 1927 г. составляла 27,8%, а в 1928 г. — 24,8%. Бескоровные бедняцкие хозяйства насчитывали в 1927 г. 17,1%, в 1928 г. — 16%, беспосевные в 1927 г. — 8,5%, в 1928 г. — 7,5%. Увеличивалось число хозяйств, имевших 1—3 единицы рабочего скота и посев от 4,48 до 8,84 га⁵³).

Улучшение хозяйственных возможностей бедняцких хозяйств происходило на основе огромной финансово-экономической помощи Советского государства. Постановление юбилейной сессии ЦИК СССР об освобождении от сельскохозяйственного налога 35% бедняцких и маломощных хозяйств во всех округах Западной Сибири было выполнено. В районах резкого классового расслоения, например в Сузунском, Спиринском и Кочковском районах Каменского округа, число хозяйств, освобождаемых от сельскохозяйственного налога, составляло 39—41%⁵⁴). Увеличивались кредиты бедноте. В отчетном докладе Сибирского крайисполкома III краевому съезду Советов указывалось, что кредитов крестьянству в Сибири за 1927—1929 гг. было выделено 74 млн. рублей. Помощь бедняцким хозяйствам увеличилась от 10 млн. рублей в 1925—1926 гг. до 31 млн. 644 тыс. рублей в 1928—1929 гг.⁵⁵).

Возрастало снабжение трудовых крестьянских хозяйств чистосортными семенами. В весеннюю посевную кампанию 1927 г. было выдано 825 тысяч, в 1928 г. — до 1712 тысяч пудов⁵⁶). Помощь бедноте семенами увеличилась более, чем в 2 раза. Например, в Томском округе из семфондов выдано бедноте в 1928 г. — 12608 ц семян, в 1929 г. — 21168 ц, в Тарском округе — в 1928 г. — 10000 ц, в 1929 г. — 25215 ц⁵⁷).

Однако в условиях преобладания мелкобуржуазных и капиталистических производственных отношений, несмотря на помощь Советского государства, процесс пролетаризации в деревне продолжался. Возрастало количество бедняцких хозяйств, нанимавших основные сред-

⁵⁰) ПААК, ф. 4, оп. 3, д. 52, л. 15.

⁵¹) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 1750, л. 202.

⁵²) Сибирский край, стр. 249.

⁵³) Сибирский край, стр. 252, 253, 254.

⁵⁴) Отчет Каменского окружного исполнительного комитета III съезду Советов. Камень, 1929, стр. 31.

⁵⁵) Третий Сибирский краевой съезд Советов. Сборник материалов. Новосибирск, 1929, стр. 18; «На советском посту», 1928, № 8, стр. 19.

⁵⁶) ПАНО, ф. 2, оп. 2, л. 398, л. 6.

⁵⁷) ПАНО, ф. 47, оп. 1, д. 1459, л. 418.

ства производства. В южных районах Западной Сибири среди бедняцких хозяйств группа, нанимавших основные средства производства, в 1927 г. составляла 74,3%, а в 1928 г. она возросла до 78,2%⁵⁸).

Учитывая особенности социально-экономических отношений в деревне в условиях роста колхозного движения, XV съезд партии указывал: «Усилить борьбу за высвобождение маломощных безинвентарных крестьянских хозяйств из-под зависимости от кулацких элементов, использующих свой инвентарь (с-х машины и пр.) для закабаления бедноты...»⁵⁹).

В Западной Сибири освобождение бедноты из-под кулацкой кабалы происходило медленно. Засоренность классово-чуждыми элементами земельных органов была здесь очень сильной. Поэтому часть кредитов, предназначенных для бедняцких хозяйств, попала зажиточным середнякам и кулакам. Большая часть машинных товариществ вместо оказания помощи бедноте служила средством закабаления. На бюро Сибкрайкома партии в 1927 г. по вопросу «О работе Барабинского окружкома партии» отмечалось, что «земельный аппарат окружной и районный насчитывает в своем составе только одного ответственного коммуниста». В этом округе, как отмечало бюро крайкома, «средняя долгосрочная ссуда по округу, полученная кулаком, в три раза больше ссуды по округу, полученной бедняком». В производственных товариществах, засоренных кулаками, машины в течение половины срока полевых работ находились в обороте⁶⁰). В Томском округе, как отмечал 2-й пленум Сибирской краевой контрольной комиссии, в начале 1929 г. «процент засоренности по земельным органам достигает значительно большего — 35%, из них дворян — 208 человек; белых офицеров — 30, попов — 3»⁶¹). Для снабжения бедняцкого населения округа сельскохозяйственным инвентарем был отпущен в 1927 г. фонд в сумме 74000 рублей. Большая часть его пошла не по назначению. В деревне Митрофановке, Зырянского района, из ссуды в 1474 рубля беднота получила лишь 130 рублей, в селе Юрманово, Юргинского района, из 2135 рублей беднякам выделено 192 рубля, т. е. 8,5% ссуды, в селе Романовка из 4355 рублей бедняцкие хозяйства получили 430 рублей⁶²). Расширенный пленум окружкома партии, анализируя факты, сделал вывод: «Эти цифры характерны для всех деревень, не только тех деревень, где преобладают крепкие хозяйства, но и там, где превалирует беднота»⁶³). Нарушения классового принципа в округе отмечал и Сибкрайком партии. В постановлении «О работе и состоянии Томской парторганизации» от 8 января 1929 г., он обязывал окружком «в области кредитования проводить четкую классовую линию, приняв меры к немедленному взысканию выданных кулакам кредитов»⁶⁴).

В Рубцовском округе в 1927 г. 6% бедняцкого фонда выдали кулакам. В 1929 г., как отмечал Сибкрайком партии, опять было допущено «использование кредитов не по назначению в Рубцовском округе». Для кредитования бедноты в крае во время весенне-посевной кампании выделялось 687 тысяч рублей. Было реализовано только 220 тысяч. В машиноснабжении за счет кредита допускалось искажение классового принципа. Сибкрайком отмечал: «Основным дефектом в работе низовых ор-

⁵⁸) Сибирский край, стр. 256.

⁵⁹) КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II. Изд. 7, М., 1954, стр. 363.

⁶⁰) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 201, л. 15, 16.

⁶¹) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 351, л. 256.

⁶²) ПАТО, ф. 76, оп. 1, д. 27, л. 104.

⁶³) ПАТО, ф. 76, оп. 1, д. 9, л. 56.

⁶⁴) «Известия Сибкрайкома ВКП(б)». 1929, № 1—2, стр. 10.

организаций по машинноснабжению является прежде всего недостаточность внимания окружающих организаций к разъяснению условий сбыта в классовом разрезе»⁶⁵).

В Тарском округе, например, беднякам отпускались машины по средняцкой шкале, с меньшим задатком отпускались машины заинтересованным хозяйствам. Бедняцкий машинный фонд использовался слабо⁶⁶).

2 мая 1929 года президиум Кузнецкого окрисполкома заслушал вопрос о нарушении Госсельскладом Ленинского района постановление о машинноснабжении, допустившего продажу сеялок кулацким хозяйствам⁶⁷).

9 мая 1927 г. Центральный комитет партии принял постановление «О состоянии и работе Омской организации». Постановление обсуждалось партийными организациями всех округов. Существенные недостатки, отмеченные в работе Омской организации, были характерными для Западной Сибири. ЦК обращал внимание на «недостаточное обслуживание кредитом и маломощных слоев крестьянства при сравнительно высоком кредитовании мощных хозяйств, использование машинных товариществ зажиточно-кулацкими элементами для приобретения на льготных условиях в индивидуальное пользование сложных машин (трактор, молотилка)»⁶⁸).

В Омском округе из 16 обследованных после постановления ЦК партии машинных товариществ 10 были созданы кулаками и зажиточными середняками. В обследованных товариществах 50% хозяйств имели до организации коллективов сложный сельскохозяйственный инвентарь, 28% хозяйств арендовали землю и 25% хозяйств нанимали постоянных батраков. Товарищества организовывались из 5 лиц или из родственников для обогащения. В них не было признаков коллективизации, главное внимание обращалось на развитие индивидуальных хозяйств и заработка на стороне. Машинное товарищество «Братство», например, состояло из отца, 3-х братьев и беднячки. За лето оно купило в кредит трактор и молотилку. До организации производственного объединения у них было несколько сложных сельскохозяйственных машин: молотилка, сенокосилка, лобогрейка и самовязка. Купленный в кредит трактор работал в хозяйствах членов товарищества 5 дней, на сторону — 40 дней. Заработано за это время 1763 рубля, а трактор стоил 1430 рублей⁶⁹).

В 1927 г. в Омском округе насчитывалось 300 машинных товариществ, кулацко-зажиточная группа в них, как отмечало бюро Сибкрайкома, составляла 76%⁷⁰). В марте 1928 г. на первой окружной конференции групп бедноты в докладе о ходе коллективизации опять отмечалось: «В наши машинные товарищества так прет кулак, что мы не можем отбиться»⁷¹). Подобные явления отмечались ответственным инструктором ЦК партии в «Докладной записке о выполнении Бийской окружной организацией решений XV съезда ВКП(б) о работе в деревне»: «Часть колхозов (главным образом простейшие) пускают в прокат свои машины, но с целью эксплуатации. Цена проката выше установленных ОКРЗУ (от 50 до 100%)»⁷²). В отчетном докладе Сибирской контрольной комис-

⁶⁵) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 364, л. 17; д. 398, лл. 4, 5.

⁶⁶) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 398, л. 5.

⁶⁷) ГАНО, ф. 47, оп. 1, д. 1459, л. 265.

⁶⁸) Справочник партийного работника, вып. 6, ч. II, стр. 259.

⁶⁹) Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ) ф. 17, оп. 49, д. 87, лл. 11, 12.

⁷⁰) ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 203, л. 41.

⁷¹) ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 1765, л. 151.

⁷²) ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 19, д. 17, л. 5.

сии на IV Барнаульской партийной конференции в ноябре 1928 г. подводились итоги смотра состава машинных товариществ в крае. Бедняцкие хозяйства составляли 37,9%, процент кулацких и зажиточных середняцких хозяйств — 36,2. Краевая контрольная комиссия сделала вывод: «В некоторых местах кулаками тракторные товарищества были превращены в орудия для эксплуатации бедняков и окружающего населения...»⁷³⁾.

Становление социалистического способа производства в сельском хозяйстве Западной Сибири сопровождалось сложными социально-экономическими процессами.

Западная Сибирь в 1927—1929 гг., в период непосредственной подготовки сплошной коллективизации, была районом резкого классового расслоения. Наиболее широкое распространение здесь получила основная форма капиталистических отношений предколхозной деревни — наем — сдача сельскохозяйственных орудий и рабочего скота. Она охватывала больше половины крестьянских хозяйств. Более ограничено распространилась земельная аренда, не играя решающей роли в социально-экономических отношениях. Наем рабочей силы в 1927—1929 гг. на основе советского законодательства непрерывно сужался. Кулачество стремилось скрыть эксплуататорский характер своего хозяйства, заменяя сроковый найм поденным.

Сравнительно широкое распространение капиталистических форм производственных отношений в западно-сибирской деревне было не только следствием сохранившихся в предколхозной деревне мелкотоварного и капиталистического укладов, но и капиталистических форм землепользования. В определенной степени капиталистические производственные отношения возрождались и вследствие больших нарушений классового принципа в осуществлении землеустроительной, а также финансово-экономической политики и в колхозном строительстве. При резкой поляризации социальных групп в западно-сибирской деревне была неизбежной кабальной зависимость большей части трудового крестьянства от кулачества. Среди середнячества сложилась значительная социальная группа, экономически близкая к кулацким хозяйствам. Все это в совокупности создавало особенно сложное соотношение классовых сил в западно-сибирской деревне.

⁷³⁾ ПААК, ф. 4, оп. 3, д. 1, л. 115.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОТИВ МАССОВОГО КОЛХОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

И. Д. ЭЯНГОРН

Коммунистическая партия в своем отношении к религии и церкви исходила и исходит из интересов построения социализма и коммунизма. Именно поэтому В. И. Ленин требовал подчинять религиозный вопрос основной задаче: «...разентню классовой борьбы эксплуатируемых масс против эксплуататоров»¹⁾. Он указывал, что борьбу с религией надо поставить в связь с конкретной практикой классовой борьбы, направленной к устранению социальных корней религии. «Мы должны бороться с религией. Это — азбука всего материализма и, следовательно, марксизма»²⁾. Определяя реакционную сущность религии, В. И. Ленин писал: «Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда, как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманению рабочего класса»³⁾.

Анализируя общественную роль духовенства, надо прежде всего видеть реакционную роль той идеологии и политики, которую служители всех церквей распространяют и проводят. Известно, что руководители религиозных организаций служили защите царского строя, эксплуатации и одурманиванию трудящихся. Неудивительно поэтому, что они враждебно встретили Великую Октябрьскую социалистическую революцию и оказались в лагере контрреволюции, активно помогая белогвардейцам и иностранным интервентам вести борьбу против Советской власти.

Реакционные круги духовенства питали надежды на реставрацию капитализма в России, на уничтожение Советского государства.

О возможности освещения вопроса связи религиозных организаций с эксплуататорскими классами не раз указывал В. И. Ленин. В статье «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин обращал внимание на издание книг и брошюр, «показывающих связь классовых интересов и классовых организаций современной буржуазии с организациями религиозных учреждений и религиозной пропаганды»⁴⁾.

Наши издательства, в том числе и сибирские, выполняя указания В. И. Ленина, выпустили и выпускают немало книг, брошюр по истории религии, атеизму⁵⁾. В этих и других работах освещается возникновение сектанства, религии, формы и методы борьбы с ней, главным образом

1) В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 419—420.

2) В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 418.

3) В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 416.

4) В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 28.

5) В. Е. Маят, И. Н. Узков. «Братья» и «сестры» во христе». М., 1963;
Л. Н. Митрохин. Баптизм и современность. М., 1964; А. Клебанов. История ре-

вопросы мировоззренческие. Это весьма важно и нельзя ни в коей мере отрицать значение такой литературы. В литературе по истории советского общества, в учебниках, курсах лекций по истории КПСС, истории СССР недостаточно раскрывается деятельность религиозных организаций, как серьезного тормоза в социалистическом переустройстве деревни. Исключение составляет курс лекции по истории КПСС⁶⁾, где показана контрреволюционная роль церковников в борьбе против коллективизации. В немногочисленных устаревших изданиях встречаются отрывочные сведения по характеристике религиозных культов Сибири, которые не дают полного представления о реакционной деятельности духовенства и церкви.

За последнее время написано и защищено немало диссертаций по истории и критике религиозной идеологии, атеистическому воспитанию трудящихся⁷⁾. Эти работы написаны квалифицированно в философском плане и не освещают исторически враждебную работу религиозных организаций против колхозного строительства в Сибири. Нам кажется, что назрела необходимость глубже раскрыть эту сторону деятельности религиозных организаций, осветить мало изученный вопрос истории социалистического строительства в Сибири. Практика атеистической работы показывает, что критика религии, основанная на общих материалах, без привлечения исторических фактов из прошлой деятельности церковников и сектантов, является зачастую не совсем убедительной. Разоблачение антинародной, контрреволюционной деятельности церковников и сектантов имеет еще большое значение и потому, что, освещая на страницах печати прошлое церкви, богословы всячески замалчивают ту реакционную роль, которую занимала церковь как в первые годы Советской власти, так и в период коллективизации.

Контрреволюционные акты церковных деятелей выдаются за случайное явление, вызванное неразберихой, потерей политического чутья и вековой привычкой, «видеть православие до неразрывности сплетенным с царской властью»⁸⁾.

Смысл этих ухищрений состоит в том, чтобы обелить преступное прошлое церкви, снять с нее ответственность за контрреволюционное прошлое и представить церковь в глазах верующих поборницей социального прогресса, выразительницей интересов народа. Данная статья является попыткой автора, используя доступный архивный материал, осветить недостаточно изученный вопрос о контрреволюционной деятельности реакционно-настроенного духовенства против коллективизации.

лигиозного сектанства в России. М., 1965; И. Д. Панцхава. О некоторых особенностях современной религиозной идеологии. М., 1964; А. З. Чернов. О религиозных сектах Томской области. Томск, 1960; Н. С. Семькин. Христианское сектанство. Омск, 1962; Н. П. Семашко. Армагеддон не состоялся. Томск, 1963; Л. И. Боженко. Научно-атеистическая пропаганда в Сибири в восстановительный период (1921—1925 гг.). Ученые записки Томского государственного университета, № 47, 1963; Вопросы теории и практики научного атеизма. Сборник СО АН СССР. Новосибирск, 1961; Строительство коммунизма и философские науки. Сборник СО АН СССР. Новосибирск, 1963, раздел 2, стр. 104—180.

⁶⁾ Курс лекций по истории КПСС. Ч. II, Изд. Ленинградского университета, Л., 1964.

⁷⁾ П. Каушанский. Идеология современного баптизма и его реакционная сущность. Томск, 1962; В. Крестьянинов. Реакционная сущность современного меннонитства и пути его преодоления. Томск, 1964; Г. Джаналиев. Формирование научно-атеистического мировоззрения колхозного крестьянства. Москва, 1965.

⁸⁾ Правда о религии в России. Изд. Московской патриархии. М., 1942, стр. 10—11.

Религия как общественное явление включает в себя не только совокупность представлений и верований, но и систему учреждений — церковь; кадры церкви составляют духовенство. В нашем отношении к религии мы сталкиваемся поэтому с ней не только как с реакционным мировоззрением, но и как с совокупностью людей, определенных общественных группировок, занимающих те или иные позиции в классовой борьбе своего времени, участвующих в экономической и политической жизни. Иначе говоря, мы имеем дело с церковью, как политической и экономической организацией, с духовенством — с попами, муллами, раввинами, проповедниками и другими служителями культа. Религиозные организации располагали большими возможностями мешать колхозному строительству. Накануне массовой коллективизации они представляли организованную многочисленную политическую силу и располагали солидной материальной базой.

В Сибири в 1928 г. насчитывалось около 2800 религиозных общин из них более 1000 сектантских, свыше 1000 служителей культа и 15 — 20 тысяч человек актива в церковных советах, около 2,5 миллионов верующих⁹⁾.

Специфические особенности Сибири заключались в преобладании крестьянского хозяйства, слабо развитой промышленности и незначительности рабочего класса, многообразии национального состава. К этому надо добавить, что в прошлом Сибирь была местом ссылки и переселения сектантов, а после окончания гражданской войны здесь осели недобитые враги Советской власти, значительная часть реакционного духовенства. Все это оказало известное влияние на положение религиозных культов и особенности тактики церковников. В связи с исторически сложившимися условиями здесь были представлены все культы: православие, мусульманство, лютеранство, иудейство, ламство, сектанство всех направлений — баптисты, евангельские христиане, молокане, менониты, неговисты и др. В Новосибирске находились руководящие центры почти всех религиозных организаций — митрополитское управление обновленцев, епархиальное управление старой церкви — тихоновцев, Сибирский союз баптистов, Сибирский союз евангельских христиан, Среднесибирский союз адвентистов 7 дня и др. Во главе этих религиозных организаций стояли бывшие помещики, фабриканты, торговцы, кулаки, белогвардейцы, нэпманы, поддерживающие тесные связи с религиозными организациями за рубежом.

Как известно, в первые годы проведения новой экономической политики церковные организации изменили свое отношение к Советской власти, заняв лояльные позиции. Однако значительная часть духовенства не прекратила своей антисоветской деятельности. Вся церковь в целом являлась крупнейшим реакционным центром, существовавшим совершенно легально и руководившим контрреволюционной борьбой.

Развернутое наступление социализма по всему фронту, построение фундамента социалистической экономики и дальнейшее вытеснение капиталистических элементов города и деревни с целью их полной ликвидации вызывало ожесточенное сопротивление эксплуататорских классов, что привело к обострению классовой борьбы в стране. В этой обстановке наметились две тенденции в борьбе реакционного духовенства с Советской властью. С одной стороны, сохраняя прежнюю внешнюю лояльность к Советской власти, церковь превращалась в центр контрреволюционной организации, готовой в любой момент для свержения Советской власти. Другая тенденция характеризовалась усилением связи с рели-

⁹⁾ Партийный архив Новосибирского обкома КПСС (ПАНО), ф. 2, оп. 2—1, д. 2358, л. 2.

гнозными организациями капиталистических стран, так как внутренние антисоветские силы были, по их мнению, недостаточными.

Активизация церковников усилилась в связи с поворотом основных масс крестьянства на путь колхозов. В 1929 г. произошел коренной перелом в ходе социалистического преобразования деревни. Коллективизация охватила миллионы бедняцких и средних хозяйств, быстро перерастая в сплошную. Пленум ЦК ВКП(б) в ноябре 1929 г., уделивший большое внимание колхозному строительству, отметил, что разрывавшие массового колхозного движения знаменовало собой «новый исторический этап в деле строительства социализма в нашей стране»¹⁰).

Новый исторический этап, означавший ликвидацию мелкотоварного производства в деревне и переход на крупное социалистическое производство, вызвал резкий поворот религиозных организаций к открытым выступлениям против коллективизации.

Еще, примерно с XV съезда ВКП(б), когда было принято решение о социалистическом переустройстве деревни, духовенство и руководители сект принимают ряд мер к активизации своей деятельности.

Целью руководителей церковных и сектантских организаций было разрушение созданных и агитация против создаваемых широкими крестьянскими массами колхозов, поджоги, контрреволюционная агитация, распространение провокационных слухов, террор против партийного и советского актива деревни.

Эта антисоветская работа усилилась в связи с переходом от политики ограничения и вытеснения кулацких элементов к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Курс на уничтожение последнего оплота реставрации капитализма внутри страны — кулачества, вызвал отчаянное сопротивление церковников. Главная идеологическая и политическая опора капитализма в стране — религия и религиозные организации, имеющие глубокие корни особенно в деревне, еще теснее сомкнулись с кулачеством, являясь выразителем интересов этого последнего эксплуататорского класса в его борьбе против коллективизации.

В Сибири кулачество было многочисленней и зажиточнее, чем в других районах страны. Еще в 1927 г. в сибирской деревне 6,7% крестьянских дворов были кулацкими, тогда как на Украине — 3,8%, а в Средне-Волжской области — 3,5%¹¹). Наличие в крае к апрелю 1930 г. 75586 кулацких хозяйств составляло значительную материальную базу духовенства, что и обусловило в известной степени, прочный союз церковников с кулачеством¹²). Объединившись с духовенством, бывшими белогвардейцами, эсерами, меньшевиками и правыми оппортунистами в одну контрреволюционную силу, кулачество пыталось сорвать коллективизацию.

В постановлении Сибкрайкома ВКП(б) 25 мая 1928 г. указывалось на возросшую активность враждебных социалистическому строительству мелкобуржуазных слоев города и деревни, проявляющуюся в оживлении сектантского и церковного движения, направленного против Советской власти¹³).

В решениях Новосибирского окружкома ВКП(б) от 12 декабря 1929 г. отмечалось, что верхушка церковных и сектантских организаций проявила себя противником не только отдельных мероприятий Совет-

¹⁰) КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7, ч. II. Госполитиздат, 1954, стр. 621.

¹¹) ПАНУ, ф. 3, оп. 18, д. 62, л. 50.

¹²) ПАНУ, ф. 2, оп. 2—1, д. 4095, л. 40.

¹³) Центральный партийный архив института марксизма-ленинизма (ЦПА), ф. 17, оп. 32, д. 142, л. 6.

ской власти, таких как хлебозаготовки и коллективизация, но и врагами Советской власти. Церковь и сектантство, являясь орудием классового врага — кулачества, полностью разоблачили свою контрреволюционную сущность¹⁴⁾.

На партийной конференции Славгородского округа в декабре 1928 г. в решении «О колхозно-кооперативном строительстве в округе» говорится: «Усилившееся движение коллективизации в округе проходит в обстановке обострившейся классовой борьбы в деревне. Кулачество, попы, сектанты ведут антиколхозную агитацию среди отсталых слоев бедняцко-средняцких масс, всячески противодействуют организации колхозов, пытаются тормозить вырезку участков земли колхозам, поджигают колхозный хлеб и лес, проникают в колхозы и ведут там разлагательную работу»¹⁵⁾.

Вот что показал неремонах Михайличенко на допросе: «В связи с коллективизацией и ликвидацией кулаков религия стала падать, и мы стали на путь противодействия Советской власти, главным образом коллективизации»¹⁶⁾.

В этом свете становятся понятны те указания, которые давала православная церковь духовенству — говорить в проповедях о повинности власти. Сделано было это в целях маскировки, ради сохранения верующих за церковью. Верующие же кулаки, торговцы смотрели на церковь, как на силу, способную вернуть старые порядки, поэтому они обращались к духовенству с требованием «быть твердой опорой для них в тяжелое время»¹⁷⁾.

В 1929—1932 гг. некоторая часть духовенства, вопреки заявлениям церковного руководства о лояльном отношении к Советской власти, проводила антиколхозную агитацию. Сельские священники с амвонов предавали анафеме колхозы, пытались убедить верующих не вступать в них, грозили колхозникам отлучением от церкви, отказом в требах и даже налагали церковные наказания на крестьян-колхозников. В ряде районов Сибири церковники распространяли антисоветские листовки против коллективизации, в которых крестьяне запугивали «крепостным правом», реставрацией капитализма, колчаковщиной, антихристом. В Седельникском районе, одном из отдаленных углов Омского округа, в селах Вознесенка, Поповка, Михайловка настолько широко распространились пущенные церковниками слухи об антихристе, что рабочая бригада, приехавшая из Омска помочь в проведении коллективизации, была принята за антихриста. В некоторых селах крестьяне, находившиеся в плену религиозных предрассудков, отказывались принять посевной план, уходили с собраний, выступали против коллективизации¹⁸⁾.

В борьбе против коллективизации широко использовались различного рода «видения», «обновления икон», «полеты» на небо, чудеса, «святые ключи» и т. п.

Невежественная пропаганда, проводимая духовенством, имела влияние на некоторую часть крестьянства. Дело в том, что Сибирь была одним из самых отсталых районов царской России, как в экономическом, так и культурном отношении. К началу первой пятилетки в СССР гра-

¹⁴⁾ ПАНО, ф. 2, оп. 2—1, д. 2666, л. 14.

¹⁵⁾ ПАНО, ф. 2, оп. 2—1, д. 2740, л. 4.

¹⁶⁾ П. Зарин. Политическая маскировка религиозных организаций, М., 1934, стр. 103.

¹⁷⁾ Н. Ф. Платонов. Православная церковь в 1917—1935 гг. Ежегодник музея истории религии и атеизма, т. V, 1961, стр. 264.

¹⁸⁾ ПАНО, ф. 2, оп. 2—1, д. 4023, лл. 11—12.

мотного населения в возрасте от 8 до 50 лет было 58,9%, а в Западной Сибири 4,2%¹⁹⁾.

Служители культа использовали перерегистрацию религиозных общин для разложения колхозов. Церковники записывали в члены общины только тех, кто не состоял в колхозах, и некоторые крестьяне поддавались агитации церковников и выходили из колхозов²⁰⁾.

В Рубцовском округе в марте 1930 г. церковники ходили по домам и переписывали всех, не желающих идти в колхоз. Кулацко-поповская организация в этом округе, переписывая верующих, надевала им символические крестики в знак службы против колхозов²¹⁾.

Духовенство проявляло особую активность в работе среди женщин и стариков, агитируя их не вступать в колхозы, потому что в них не будут соблюдаться религиозные обряды.

В Любинском районе Омского округа под влиянием церковников женщины стали выходить из колхоза²²⁾. В деревне Мошково Алексеевского района Томского округа после проповеди священника о борьбе с коллективизацией около ста женщин направились к сельсовету и пытались сорвать собрание крестьян²³⁾. Священник Богоявленский поставил задачу развалить колхоз в с. Буянове Малтвинского района Омского округа. Он сумел повлиять на значительную часть колхозниц, и они вышли из колхоза, что привело к его развалу²⁴⁾.

Наряду с провокационными слухами, клеветой на колхозный строй церковниками велась борьба за развал колхоза путем проникновения в него и подрыва изнутри. В колхоз «Заря» Васинского района Новосибирского округа пролез церковник Плотников, в прошлом помогавший колчаковцам в борьбе с партизанами. В Тибисский колхоз Чановского района Барабинского округа пробрался мулла²⁵⁾. В Ново-Ильинском колхозе «Красный маяк» группа кулаков во главе с попом Мурзиним и другими церковниками вели агитацию против приема бедняков и всячески вредили колхозу²⁶⁾. Колхозники колхоза «Прожектор» села Темново Новосибирского округа изгнали пробравшихся туда кулаков, церковного старосту и попа Гремяченского, занимавшихся разложением вновь организованного колхоза²⁷⁾.

В селе Верх-Мильтюши Черепановского района в сельсовет пролез ставленник попа, который агитировал против коллективизации и помог укрыться от самооблажения 18 кулацким хозяйствам. Федосовский сельсовет, разложившийся под влиянием кулаков и церковников, 24 декабря 1929 г. принял решение «от коллективизации отказаться, так как она у нас неприемлема».

Используя религиозные предрассудки, мусульманское духовенство проповедовало, что вступление в колхозы несовместимо с учением «корана», что верующих мусульман в колхозе заставят есть свинину, вело компанию за развал колхозов, уничтожение скота.

¹⁹⁾ Г. И. Подружин. Партийная организация Западной Сибири в борьбе за ликвидацию неграмотности и малограмотности взрослых и развитие школьного образования в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.). Автореферат канд. диссертации. Томск, 1965, стр. 4.

²⁰⁾ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), ф. 47, оп. 47, д. 1411, л. 6.

²¹⁾ ПАНО, ф. 2, оп. 2—1, д. 4023, л. 11.

²²⁾ Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 28, оп. 1, д. 345, л. 64.

²³⁾ Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 81, оп. 4, д. 25, л. 1.

²⁴⁾ Ф. Олешук. В помощь партучебе. М., 1937, стр. 13.

²⁵⁾ «Советская Сибирь», 13 февраля 1930 г.

²⁶⁾ «Рабочий путь», 20 марта 1931 г.

²⁷⁾ ПАНО, ф. 2, оп. 2—1, д. 1824, л. 159.

Борьбу против колхозов вело также и иудейское духовенство. В Омском округе в Серебряковском районе поселке Шермандорф в еврейский колхоз «Равенство» пролезли купцы, торговцы, тесно связанные с еврейским религиозным обществом. Они организовали хищнический убой скота, разбазаривали инвентарь, пытались развалить колхоз. Колхозники исключили их из колхоза. Переход еврейской бедноты на путь колхозов был использован религиозной общиной для вредительства колхозному строю²⁸).

Церковники были организаторами разбазаривания имущества, скота, семян, выхода из колхозов. Активность этой работы проявлялась в марте—мае 1930 г. в селе Архипово Калачинского района Омского округа под влиянием церковников 14 хозяйств вышли из колхоза и забрали свое имущество. В трех поселках Екатеринбургского сельсовета было разобрано по домам 1500 пудов сортовых семян. В разгар посевной кампании в Черлакском районе в селе Изылбат муллы сумели развалить колхоз, из которого вышло 121 хозяйство²⁹).

Наступление на кулачество и рост колхозного движения усилило сопротивление классового врага, который, чувствуя свою обреченность, прибегал к острым формам борьбы. В январе 1929 г. отмечено 180 случаев террора против советского и партийного актива, в котором активное участие принимало духовенство³⁰). Весной 1929 г. в Омском и Кустанайском районах церковниками были убиты два активных сельских корреспондента, безбожника, разоблачившие союз попов с кулаками³¹). В конце 1929 г. в с. Толмачево Новосибирского округа была раскрыта контрреволюционная группа, во главе которой стоял местный священник Лопашинский. Эта группа призывала крестьян к восстанию против Советской власти, убивала активистов, поджигала и уничтожала хлеба. В церкви составлялись и распространялись антисоветские листовки с призывом против коллективизации³²).

26 января 1930 г. на открытом судебном процессе в селе Богословка над террористической группой кулаков выяснилось, что душой антисоветского заговора был церковный староста кулак Ромахин³³).

В начале 1930 г. в Муромцевском и Тарском районах появились кулацкие вооруженные банды, выступавшие с лозунгами против Советской власти и колхозов. Активное участие в подготовке этих выступлений принимало духовенство. Церковники регулярно собирались на совещания в квартире священника Александрова, куда приезжали служители культа из Бутакова и Новоивановского для разработки вопросов руководства бандой и содержания церковных проповедей. Составлялись и размножались антисоветские листовки³⁴).

Церковники организовали покушение на председателя Таловского сельсовета Рогова, в селе Ивановка убили председателя колхоза, подожгли хлеба колхозов³⁵).

Контрреволюционную роль религиозных организаций и многих служителей церкви хорошо характеризовал бывший благочинный православной церкви села Туендат Томского округа П. Буслаев: «...Нельзя совместить коллективизацию, которая растет в деревне, где я имею

²⁸) «Советская Сибирь», 21 января 1930 г.

²⁹) Партийный архив Омского обкома КПСС (ПАОО), ф. 7, оп. 4, д. 216, л. 160.

³⁰) ПАОО, ф. 2, оп. 2—1, д. 2577, л. 29.

³¹) А. Костицын. Рабселькоровская армия на антирелигиозном фронте. М., 1930, стр. 3.

³²) ГАОО, ф. 264, оп. 1, д. 1, л. 18.

³³) «Рабочий путь», 28 января 1930 г.

³⁴) ПАОО, ф. 7, оп. 4, д. 216, л. 97.

³⁵) ПАОО, ф. 7, оп. 1, д. 88, л. 15.

паству, с самопреданием божеству, с корыстной религиозностью врагов коллективизации, врагов Советов»³⁶).

Путем террора, поджогов враги коллективизации хотели запугать крестьян, приостановить социалистическое наступление в деревне. Церковники видели в коллективизации смертельную опасность, ибо она в корне подрывала вековые устои религии в деревне.

В борьбе против коллективизации активизировались и сектантские организации, численность которых значительно увеличилась в связи с распадом православных религиозных общин. Значительная часть кулацких элементов пытались найти убежище в различных сектах.

В 1928—1931 гг. в Западной Сибири развил бурную антисоветскую деятельность «Всероссийный Союз старообрядческих братьев» путем издания нелегальной литературы и широко поставленной проповеднической работы. Один из руководителей этой организации Кирпичев говорил: «Поскольку коллективизация сельского хозяйства есть одна из переходных стадий к социализму, а христианство не мирится с социализмом..., поэтому вытекала необходимость активной борьбы с Советской властью и противодействие коллективизации сельского хозяйства»³⁷). В своих проповедях они объявили колхозы «дьявольским» учреждением и агитировали крестьян против вступления в колхоз.

В декабре 1929 г. Сибирский союз баптистов разработал директиву провести рождественскую кампанию 1929—1930 гг. под лозунгом против коммунистов и коллективизации³⁸).

Эти указания и директивы проводила в жизнь целая армия проповедников, благовестников, пресвитеров. Особое внимание было обращено на укрепление деревенских общин. Из центральных районов в Сибирь и на Дальний Восток к 1929 г. было направлено в десять раз больше проповедников, чем в 1926 г.³⁹). Сектантские агитаторы под видом нищих шарманщиков обходили деревни и выступали против колхозов, машин, землеустройства.

Антиколхозная агитация сектантов не имела большого отличия от работы православного духовенства. Те же нелепые слухи о конце света, антихристе, войне, антисоветская агитация, запугивание поджогами, убийствами — только бы удержать бедняка и середняка от вступления в колхозы.

Такая деятельность сектантства носила повсеместный характер и в Сибири имели особое распространение потому, что здесь в глухих, отдаленных от крупных промышленных центров, местах сосредоточилось значительное количество сектантов всех направлений, насчитывающих по неполным данным на 1 января 1929 г. свыше 50000 человек⁴⁰).

В начале массовой коллективизации усилилось эмиграционное движение среди меннонитов в Омском и Славгородском районах. Верхушка этих организаций, имея тесные связи с религиозными центрами в Германии и Канаде, агитировали крестьян распродавать имущество и эмигрировать за границу⁴¹).

В борьбе против коллективизации сектантские проповедники не ограничивались только клеветой и провокациями. Там, где не действовали сказки про антихриста и конец мира, они пускали в ход обрезы и топоры. Проповедник Мигла, объезжая латышские поселения Сибири,

³⁶) А. Дологов. Церковь и сектанство в Сибири. Новосибирск, 1930, стр. 51.

³⁷) П. Зарян. Указ. соч., стр. III.

³⁸) Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР (ЦГАОР), ф. 5407, оп. 1, д. 47, л. 83.

³⁹) Ф. Путинцев. Политическая роль и тактика сект. Гаиз, М., 1935, стр. 373.

⁴⁰) ПАНО, ф. 2, оп. 2—1, д. 2358, л. 2.

⁴¹) ПАОО, ф. 7, оп. 4, д. 298, л. 284.

призывал кулачество вести борьбу против колхозов, настраивал местное население на террор против советских работников. В с. Кудинове Калачинского района Омского округа сектанты убили активиста-безбожника Смирнова⁴²).

В борьбе против коллективизации сельского хозяйства сектанты еще теснее сомкнулись с религиозными заграничными центрами, особенно США, где специальная организация руководила контрреволюционной деятельностью сектантства. Глава евангелистов Порханов и руководитель сибирских евангелистов Ананьев, в 1928 г. выехали в США, откуда они привезли идеи построения города Евангельска в Сибири. Это было попыткой противопоставить политике коллективизации обособленную сектантскую линию, направленную по существу против колхозов. С этой целью они попытались начать компанию по евангелизации России. В сибирских сектах имелись секретные тезисы, в которых указывалось: «Вся Россия должна быть евангельской в краткое время. За революцией должна следовать евангельская реформация»⁴³).

Евангелисты собирали деньги на строительство города «Солнца». В деревне Селенка на собрании сектантов один баптист говорил: «Нам, баптистам, в центре Сибири будет построен новый город — «Солнце», где будут жить одни баптисты и иметь свое отдельное производство»⁴⁴).

Враждебная и реакционная сущность сектантства особенно ярко выступила в период ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Один из активных сектантских руководителей кулак Новиков предложил правительству распустить колхозы, ввести свободу внешней торговли, не препятствовать аренде земли⁴⁵).

Сектантские вожаки и проповедники препятствовали всеми силами коллективизации, потому что она подрывала их влияние на трудящиеся массы. Но в то же время видя, что партия и правительство, поддержанные широкими крестьянскими массами, перешли к ликвидации кулачества, как класса, начали менять свою тактику и повели работу по созданию своих сектантских колхозов⁴⁶).

Проповедники убеждали крестьян, что среди них нет ни бедных, ни богатых, что все равны, все могут быть в колхозе. Делалось это с целью сохранения своей религиозной обособленности, сохранения кулачества, укрытия их имущества и противодействия мероприятиям Советской власти, что давало возможность сектантской верхушке продолжать эксплуатацию крестьян.

Сектантские главари добивались разрешения для создания колхозов по вероисповеданиям: евангельских, баптистских, меннонитских, молотканских. На Всесоюзном совещании сельскохозяйственных кооперативов в 1928 г. сектанты выступили с предложениями обособить сектантскую кооперацию от других кооперативов⁴⁷).

Когда над кулаками-сектантами нависла угроза раскулачивания, самообложения, они стали быстро переименовывать сектантские общины в колхозы. Лозунг массовой коллективизации они заменили лозунгом «христианская кооперация» для вовлечения сектантов в свои обособленные кооперативы.

⁴²) ЦГАОР, ф. 5407, оп. 1, д. 35, л. 37.

⁴³) Антирелигиозный фронт и задачи Союза безбожников в Сибкрае. Новосибирск, 1929, стр. 71.

⁴⁴) ПАНУ, ф. 2, оп. 2—1, д. 1740, л. 766.

⁴⁵) К. Морозов. Сектантские колхозы. М.—Л., 1931, стр. 8.

⁴⁶) ЦПА, ф. 17, оп. 32, д. 142, л. 6.

⁴⁷) К. Морозов. Указ. соч., стр. 15—16.

Адвентисты 7 дня с. Горное Шорского района, объединившись в колхоз «Надежда», выступили против приема не сектантов, мотивируя это тем, «что сельсовет хочет поставить нас под контроль православных»⁴⁸).

В сектантские колхозы не сектантов не принимали, да и сектантов принимали с разбором, и вступить в колхоз мог только тот, кто слепо повиновался кулацкой верхушке. Кулаки-сектанты охотно шли в такой колхоз, где они могли скрыться от хлебозаготовок, самообложения.

В целях маскировки кулацкой сущности таких объединений во главе артелей иногда ставились бедняки и середняки. В конце 1929 г. в деревне Самбор Славгородского округа баптисты, чтобы уклониться от хлебозаготовок, организовали артель «Степной луг» и приняли в нее бедняков и середняков, а во главе артели поставили середняка⁴⁹).

В таких лжеколхозах кулаки эксплуатировали бедняков-сектантов, сосредотачивали в своих руках подавляющую часть средств производства, получали большую часть продукции, и широко использовали батрацкий труд. В колхозе «Новый путь» Омского округа владелец паровой мельницы Фомин вместо себя нанимал батрачку для работы в колхозе⁵⁰).

В подобных колхозах крестьянам-беднякам отказывали в приеме, да и сами бедняки и середняки не хотели вступать в такие колхозы, в которых процветала эксплуатация и где у руководства находились кулацко-сектантские элементы. В Хабаровском районе Славгородского округа некий сектант Сорокин, уполномоченный по коллективизации, два года насаждал кулацкие колхозы, не допуская в колхозы бедноту⁵¹).

Состав правлений колхозов, товариществ, как правило, совпадал с составом советов религиозных общин. Хозяйственные вопросы в таких коллективах разрешались зачастую на молитвенных собраниях.

Вот, что можно прочесть в протоколе семенного товарищества «Виноградник» Ужанихинского сельсовета Кузнецкого округа: слушала отчет правления товарищества, организованного на основании Евангелия от Матвея, 20-я глава, 4-й стих. Собрание открывается пением духовных гимнов и молитвой. Все приняли доклад радостно без прений и собрание закончилось чтением духовных гимнов⁵²).

У руководства таких колхозов стояли враги Советской власти и их ставленники. Правления были засорены кулацкими элементами. В 1929 г. 18,9% членов правлений колхозов Сибирского края составляли зажиточные и кулаки.

Колхозы, где на руководящие посты пробирались кулацко-сектантские элементы, не проводили в жизнь политику партии, а выполняли решения кулацко-сектантских съездов.

В товариществе «Восход» Омского округа руководство из баптистов использовало кооперацию для получения кредитов, спекуляции на рынке и хищнического убоя скота. В сектантском колхозе «Степок» Омского округа из 36 хозяйств было 13 кулацких, 19 середняцких и всего 4 бедняцких хозяйств.

В Кузнецком округе Прокопьевского района было распущено 4 лжеколхоза, где инвентарь использовался для обслуживания кулацких хозяйств, срывались хлебозаготовки не выполнялись обязательства перед государством.

Проведенная в 1930 г. чистка колхозов, значительно укрепила их.

⁴⁸) ЦГАОР, ф. 5263, оп. 1, д. 34, л. 58.

⁴⁹) ПАНО, ф. 2, оп. 2—1, д. 2740, л. 602.

⁵⁰) К. Морозов. Указ. соч., стр. 38.

⁵¹) «Советская Сибирь», 13 февраля 1930 г.

⁵²) Антирелигиозный фронт и задачи Союза безбожников в Сибкрае, Новосибирск, 1929, стр. 26.

Под напором массовой коллективизации менялась тактика сектантских руководителей и структура сектантских колхозов. После чистки колхозов, когда кулаки были раскулачены и исключены, оставшиеся проповедники стали агитировать за уравнилельный принцип распределения. В проповедях звучали призывы к ограничению материальных потребностей, принимался материальный стимул к труду.

Имелись случаи, когда целые общины вступали в колхоз, организуя там свои обособленные бригады и таким образом влияли на дела колхозов.

Немалый вред коллективизации причинили искривления линии партии в колхозном движении зимой 1930 г. В ряде округов Западной Сибири отдельные работники пытались административными мерами бороться с религией.

Такая политика сплавивала в единую массу кулаков с рядовыми верующими и тем самым укрепляла фанатизм верующих и позиции кулачества. Администрирование принесло большой ущерб строительству социализма в деревне и отходу масс от религии.

Таким образом, мы видим, что верхушка церковных и сектантских организаций в союзе с кулачеством и другими антисоветскими элементами пыталась дать бой Коммунистической партии и Советской власти по важнейшему вопросу строительства социализма в деревне — коллективизации сельского хозяйства. Реакционная роль духовенства и церкви в период массового колхозного движения характеризовалась открытой враждебностью к колхозному строю, нарушенном социалистической законности, преступлениями и террором.

Коммунистическая партия вела непримиримую борьбу против контрреволюционной деятельности кулачества, духовенства и церкви, за превращение в жизнь ленинского плана коллективизации сельского хозяйства. Эта борьба тесно увязывалась с решением практических задач по объединению крестьян в колхозы, снабжению колхозов новейшей техникой, созданию МТС, подъему культуры, выполнению решений XV и XVI съездов партии. В итоге выполнения плана первой пятилетки Западная Сибирь превратилась в мощный индустриально-колхозный край. Кулачество было ликвидировано, и колхозы стали господствующей формой хозяйства. К концу 1932 г. было кооперировано 63,2% крестьянских хозяйств с охватом 75,5% посевных площадей⁵³).

«Переход советской деревни к крупному социалистическому хозяйству, — говорится в Программе КПСС, — означал великую революцию в экономических отношениях, во всем укладе жизни крестьянства.

Коллективизация навсегда избавила деревню от кулацкой кабалы, от классового расслоения, от разорения и нищеты. На основе ленинского кооперативного плана извечный крестьянский вопрос нашел свое подлинное разрешение»⁵⁴).

Массовая коллективизация подорвала социальные корни религии, открыв простор росту социализма и атеизма в деревне. Все больше верующих уходило от религии, распались религиозные общины и как следствие этого закрывались молитвенные дома. К 1932 г. в стране порвало с религией около 25 млн. человек⁵⁵). Активно проходил процесс отхода от религии в Западной Сибири. За один только 1931 г. в Западной Сибири из 906 сектантских общин развалилось 145, из 38709 сектантов осталось к 1 января 1932 г. 33000. В секте баптистов к 1 января 1929 г.

⁵³) ПАНО, ф. 3, оп. 18, д. 62, стр. 54.

⁵⁴) Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат. М., 1961, стр. 238.

⁵⁵) «Вопросы истории КПСС», 1965, № 1, стр. 13.

было 384 общины и в них 14893 человек, а к 1931 г. осталось 342 общины и 10616 человек⁵⁶⁾).

Жизнь полностью подтвердила правильность научной политики партии по отношению к религии и церкви. Партийные и советские органы, общественные организации, ведя борьбу с антинародной деятельностью церкви, строго различали верхушку церковных и сектантских организаций от рядовых верующих, которые в силу своей темноты и отсталости находились в плену религиозной идеологии.

В период развернутого строительства коммунизма в нашей стране борьба с религиозными пережитками, атеистическое воспитание приобретает особо важное значение. XXII съезд указал на необходимость «систематически вести широкую научно-атеистическую пропаганду, терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований»⁵⁷⁾).

Одним из условий выполнения этого решения является конкретное изучение и знание идеологическими кадрами особенности идеологии и истории реакционной деятельности религиозных организаций. В связи с этим большое значение может иметь дальнейшая научная разработка проблем, связанных с антинародной деятельностью духовенства и церкви в период строительства фундамента социализма.

⁵⁶⁾ Ф. Путинцев. Указ. соч., стр. 404.

⁵⁷⁾ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет, ч. III, М., 1962, стр. 316.

**К ВОПРОСУ О «ГОСУДАРСТВЕННОМ ФЕОДАЛИЗМЕ»
В СИБИРИ (О КНИГЕ Л. Ф. СКЛЯРОВА «ПЕРЕСЕЛЕНИЕ
И ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО В СИБИРИ В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ
АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ»)**

И. М. РАЗГОН, Л. Г. СУХОТИНА

В последние годы наблюдается значительная активизация в изучении проблем пореформенного развития сибирской деревни. И вместе с тем, как совершенно закономерное следствие повышения интереса исследователей к данной проблематике, явились довольно острые дискуссии по вопросу об особенностях социально-экономического развития Сибири и, прежде всего, о путях аграрной капиталистической эволюции.

Вопрос этот стал дискуссионным не случайно. В этом нашла отражение та острая борьба мнений по проблеме генезиса капитализма в сельском хозяйстве России, которая уже довольно долго продолжается на ежегодных симпозиумах по аграрной истории стран Восточной Европы и на страницах исторических журналов. Кроме того, вопрос об особенностях аграрной капиталистической эволюции Сибири (во многом очень специфичной сельскохозяйственной окраины России) заключает в себе решение ряда других важных проблем истории этого края. И прежде всего — предпосылок и особенностей буржуазно-демократической и социалистической революции в Сибири.

В связи с этим понятно то внимание, с которым историки следят за появлением работ в области аграрной истории Сибири. Особенно широкие отклики вызвала работа ленинградского историка Л. Ф. Склярова «Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы» (Ленинград, 1962). Ей посвящены не только специальные рецензии (как содержащие оценку работы в целом¹⁾), так и заметки по частным вопросам работы²⁾), но и уделено значительное внимание в статьях, представляющих собою исторические обзоры по проблеме аграрного развития Сибири³⁾.

Работа Л. Ф. Склярова посвящена переселению в Сибирь периода столыпинских реформ, когда колонизация Сибири была наиболее интен-

¹⁾ В. Г. Тюкавкин. Л. Ф. Скляров. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. «История СССР», 1963, № 5, стр. 173—175.

²⁾ Н. Н. Накоряков и В. М. Суринов. О партийной принадлежности русского агронома Н. Л. Скалозубова. «История СССР», 1964, № 5, стр. 226—227.

³⁾ См. А. М. Анфилов. Новые работы по аграрной истории Сибири. «Вопросы истории», 1964, № 3, стр. 133—136; Л. М. Горюшкин. Об освещении в советской исторической литературе вопроса о путях развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири. «Методологические и историографические вопросы исторической науки» вып. 3, Томск, 1965.

сивной и когда в связи с этим особенно отчетливо проявились реакционные цели провительственной политики в переселенческом вопросе. Работа интересна не только тем, что представляет собой одно из немногих первых крупных монографических исследований по истории сибирской деревни⁴⁾, но и тем, что в отличие от имеющихся работ она не ограничивается территорией какого-либо одного из районов, а охватывает всю Сибирь. Это позволило автору глубже и полнее представить картину переселенческого движения в целом. Понятно почему монография Л. Ф. Склярова была с удовлетворением встречена нашими (и особенно сибирскими) историками, оценившими ее как значительный вклад в разработку проблемы развития капитализма вширь.

Положительным в работе является многосторонний подход к теме исследования, стремление поставить и проанализировать все связанные с нею вопросы. Автор рассматривает причины и размеры переселения, условия выхода переселенцев со старых и устройство их на новых местах жительства, роль колонизации в освоении и хозяйственном развитии Сибири, революционную борьбу крестьянства, как результат краха столыпинских реформ, и т. д.

Очень интересен вопрос о постановке и обсуждении переселенческого дела в Сибири в Государственных думах и роли Дум в переселенческой политике правительства⁵⁾. Вопрос этот ранее не ставился в нашей исторической литературе. Но главным, красной нитью проходящим через всю работу, является показ провительственной политики во всех пунктах переселенческой проблемы. Именно это позволило автору работы не только показать переселенческую политику правительства как неотъемлемую часть аграрной политики царизма в целом, но и, проанализировав колонизационную политику властей, представить место Сибири в составе Российской империи, как одной из ее окраин. В этом, как нам кажется, одно из основных достоинств работы.

Исследование Л. Ф. Склярова интересно не только широкой постановкой темы, но и привлечением большого опубликованного и неопубликованного материала. Основные выводы автора убедительно аргументированы на основе обильной документации и не вызывают сомнений. Поэтому книга Л. Ф. Склярова получила положительную оценку в нашей исторической литературе, хотя и был отмечен ряд недостатков. С некоторыми из них (в основном носящими частный характер) нельзя не согласиться. Так, безусловно, правы Н. Н. Накоряков и В. М. Суринов⁶⁾ в том, что нет достаточных оснований считать Н. Л. Скалозубова кадетом, как это делает Л. Ф. Скляров (стр. 85). Н. Л. Скалозубов выступал как типичный трудовик. Его политическое лицо вполне убедительно раскрывается в его собственных работах, для которых характерны резко критическое отношение к аграрной политике правительства в Сибири и ярко выраженные симпатии к крестьянству.

Показывая необычайно широкий размах переселенческого движения в Сибирь, Л. Ф. Скляров явно переоценивает влияние и роли переселенческого элемента на развитие производительных сил в сибирской дерев-

⁴⁾ В последнее время вышло несколько крупных исследований, таких, как работы В. А. Степынина «Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма», Красноярск, 1962; Ф. Г. Сафронова «Русские крестьяне Якутии. (XVII — начала XX вв.)». Якутск, 1961; П. И. Малахова «О двух типах аграрной эволюции в России», Улан-Удэ, 1962, (треть этой работы посвящена Сибири); И. А. Асатханова «Социально-экономическое развитие юго-восточной Сибири во II половине XIX в.», Улан-Удэ, 1964.

⁵⁾ Ему посвящена вся II глава работы.

⁶⁾ См. Н. Н. Накоряков и В. М. Суринов. Указ. соч., стр. 227.

не, рассматривая это развитие почти исключительно как следствие переселенческого движения.

Трудно согласиться с утверждением автора и относительно того, что в начале XX в. в Сибири налицо был кризис трехполья. Положение это в книге не аргументируется, да и сделать это сколько-нибудь убедительно было бы невозможно. Трехполье начинает практиковаться в Сибири лишь с конца XIX в. в наиболее населенных и развитых экономических районах. При этом в большинстве случаев оно по-прежнему представляло собой экстенсивное залежно-паровое хозяйство без применения удобрений и регулярной смены севооборотов.

Можно бы продолжить перечисленные недостатки работы. Однако, все эти замечания не могут умалить ее положительного значения в целом как серьезного и нужного научного исследования.

Нам хочется остановиться на одном из замечаний, сделанных В. Г. Тюкавкиным и Л. М. Горюшкиным.

Не соглашаясь с выводом Л. Ф. Складорова о преобладании в Сибири прусского типа аграрной эволюции, они отвергают содержащиеся в его книге утверждения о сохранении в Сибири государственного феодализма.

Аргументация их точки зрения очень своеобразна. Не отрицая наличия в Сибири государственной собственности на надельную крестьянскую землю, они стремятся доказать, что право земельной собственности в Сибири являлось чисто юридической категорией не влиявшей, или очень мало влиявшей на характер производственных отношений⁷⁾. Л. М. Горюшкин утверждает, в частности, что «юридическая собственность кабинета и государства на земли Сибири» была феодально-крепостническим пережитком, не определяющим «форму общественного устройства» (т. е. строй общества, воплощавший в себе существовавшие производственные отношения⁸⁾).

Попытаемся рассмотреть эту аргументацию. В ряде работ В. И. Ленина достаточно убедительно показано, что своеобразие пореформенной России состояло в сочетании довольно развитой капиталистической промышленности (именно это дало основание В. И. Ленину характеризовать общественное хозяйство России в целом как капиталистическое) с отсталым «феодальным» «полукрепостническим» сельским хозяйством. Эта отсталость аграрного строя всей России объяснялась сохранением феодальной земельной собственности помещиков и самодержавного государства, являвшегося помещичьим по своей классовой сущности. Сохранение феодальной земельной собственности в России и определяло специфику буржуазно-демократической революции в России, как революции крестьянской, призванной сломать, «революционизировать» земельные отношения и на помещичьих и на надельных крестьянских (бывших помещичьих и бывших государственных) землях. Эта ломка была вызвана потребностями буржуазного развития крестьянства, развития, несовместимого с существовавшим аграрным строем, зиждившемся на феодальной земельной собственности.

Итак, уничтожение существовавших феодальных форм земельной собственности в России было настоятельным требованием времени. Но может быть эта собственность была уже только «юридической категорией», «оболочкой», не определявшей существа производственных отношений в деревне, как это утверждают В. Г. Тюкавкин и Л. М. Горюшкин

⁷⁾ См. В. Г. Тюкавкин. Указ. соч., стр. 174; Л. М. Горюшкин. Указ. соч., стр. 158, 159.

⁸⁾ См. Л. М. Горюшкин. Указ. соч., стр. 158.

применительно к государственной земельной собственности⁹⁾. Если так, то следует предположить, что производственные отношения в сельском хозяйстве стали уже капиталистическими, т. е. что капитализм стал господствующим в сельском хозяйстве России не просто как направление социально-экономического развития страны, а как ведущая, уже сложившаяся форма производства. Но этого не было. Капитализм еще не пересоздал сельское хозяйство страны на свой лад. В противном случае крестьянская буржуазно-демократическая революция в России была бы уже невозможна. Наступил бы тот диалектический перелом, который вообще снимал вопрос о борьбе двух путей аграрной капиталистической эволюции. В. И. Ленин достаточно четко обосновал это положение в ряде своих работ. В работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции», говоря об ошибочности первой аграрной программы партии, В. И. Ленин указывал, что источником ошибки была «переоценка степени капиталистического развития в русском земледелии». «Мы предположили — писал В. И. Ленин, — что элементы капиталистического земледелия уже вполне сложились в России, сложились и в помещичьем хозяйстве..., сложились и в крестьянском хозяйстве...». Но «революция разоблачила эту ошибку»¹⁰⁾.

Это ленинское положение убедительно раскрыто на конкретном историческом материале в работах А. М. Анфимова¹¹⁾.

Нельзя признать доказательным аргумент В. Г. Тюкавкина, основанный на утверждении будто «...классики марксизма-ленинизма неоднократно указывали, что юридическая собственность на землю не определяет систему хозяйства»¹²⁾. Напротив, Маркс и Энгельс постоянно подчеркивали, что производственные отношения и отношения собственности представляют собой одно и то же. «Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям, — пишет Маркс, — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя...»¹³⁾. Итак, основа «всего общественного строя» — есть «непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям». «...Во всех формах, — говорит далее Маркс, — при которых непосредственный работник остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения»¹⁴⁾. В предисловии «К критике политической экономии» К. Маркс пишет: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что

⁹⁾ Хотя совершенно ясно, что собственность государства на землю не могла утратить своего реального значения как феодальная земельная собственность до тех пор, пока продолжала существовать в стране помещичья земельная собственность.

¹⁰⁾ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 269.

¹¹⁾ См. его работы «К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. (Исторические записки АН СССР, 1956, т. 65), «Прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве и его особенности в России» («Вопросы истории», 1965, № 7).

¹²⁾ В. Г. Тюкавкин. Указ. соч., стр. 174.

¹³⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 354.

¹⁴⁾ Там же, стр. 353.

является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались»¹⁵).

Ясно, что отношения собственности — не просто юридическая категория, не относящаяся к производственным отношениям — экономическому базису общества, но его юридическое выражение.

Ссылка В. Г. Тюкавкина (в подтверждение своих взглядов о том, что юридическая собственность на землю не определяла системы хозяйства) на Англию, где собственность феодалов на землю не помешала быстрому развитию капитализма, не доказывает правильность его взглядов. В данном случае совсем не учитывается исторически конкретная обстановка. Особенность исторического развития Англии заключалась в том, что здесь, начиная с XV в., капиталистическое производство беспощадно расправлялось с традиционными земледельческими порядками, создавая себе совершенно адекватные условия. Постольку, следовательно, отмечал В. И. Ленин, в Англии «...не существует собственности на землю, ибо эта собственность представляет капиталу — фермеру — хозяйничать свободно, интересуясь исключительно получением денежного дохода»¹⁶). Подобная чистка земель, — замечает далее В. И. Ленин, — «не встречается ни в одной континентальной стране», поэтому было бы «наивно» смешивать, например, «померанские и английские условия», либо в Германии (заметим в скобках: как и в России — И. Р., Л. С.) «...пересоздание средневековых форм земледелия шло, так сказать, реформаторски, приспособляясь к рутине, к традиции, к крепостническим поместьям, медленно превращающимся в юнкерские хозяйства, к рутинным участкам крестьян-лежебок, переживающих трудный переход от барщины к кнехту и гроссбауэру»¹⁷).

Итак, как мы выяснили, отношения собственности есть лишь юридическое выражение характера производственных отношений. Вот почему по мере становления нового капиталистического производства в Европейской России видоизменяются постепенно и формы собственности: уничтожается монополия дворянской и государственной земельной собственности. Наряду с этими формами собственности появляется частная крестьянская собственность на землю на бывших помещичьих, на бывших государственных землях. Но обе последние формы собственности не только продолжают существовать, они остаются господствующими формами. Это обстоятельство и определило преобладание в России прусского пути аграрной капиталистической эволюции¹⁸). Причем, капиталистическая эволюция сельского хозяйства имела место и на помещичьих и на государственных (арендных) и на надельных (бывших помещичьих и бывших государственных) землях.

Но если в Европейской России развитие капитализма приводило к созданию новых форм земельной собственности — мелкой крестьянской земельной собственности, которая по определению К. Маркса являлась исходным моментом капиталистического производства в сельском хозяйстве, то в Сибири не существовало частной собственности крестьян на землю. Крестьянская реформа в Сибири (8 марта 1961 г. — на землях

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 7.

¹⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 16, стр. 251.

¹⁷ Там же, стр. 251, 252.

¹⁸ Утверждение Л. М. Горюшкина о том, что «...принципы, определяющие природу эволюции, нужно искать не в юридической форме собственности, а в характере развития крестьянских хозяйств на земле, составляющей эту собственность» (см. указ. соч., стр. 159), логически продолженное означает, что тип аграрной эволюции в России не зависел от ликвидации помещичьей собственности на землю. Это явная бессмыслица.

кабинета¹⁹⁾ и 27 ноября 1872 г. — на государственных землях²⁰⁾) не меняла существа поземельных отношений. Как прежде крестьяне лишь «владели» землей остававшейся собственностью государства и кабинета. Если признать, что государство оставалось помещичьим по своей классовой сути (а в этом едва ли можно сомневаться, ибо в противном случае задачей буржуазно-демократической революции не являлся бы радикальный политический переворот наряду с коренной ломкой аграрного строя), то следует, по-видимому, согласиться с тем, что производственные отношения в Сибири еще не сложились в своей основе как отношения капиталистические. Складывание нового типа производства еще не зашло так далеко, чтобы привести к пересозданию старых отношений собственности. То есть нельзя не признать, что в Сибири сохранилась система государственного феодализма, если не отрицать ее существования в России в прошлом вообще.

Историки, не считающие возможным говорить о сохранении в Сибири государственного феодализма, в обоснование своей точки зрения ссылаются на слова В. И. Ленина в полемике с Г. В. Плехановым о том, что землевладение государственных крестьян в пореформенный период уже не являло собой «чистый тип» государственного феодализма, а оказалось «более свободным, чем помещичье», так как «феодалная эксплуатация уже была невозможна во 2-й половине XIX века»²¹⁾.

Но чтобы понять смысл этих слов В. И. Ленина, следует предварительно уяснить, против чего они были направлены, т. е. представить суть позиции Г. В. Плеханова.

Г. В. Плеханов не понял своеобразия крестьянской революции в России как капиталистической эволюции. Смешивая народническое учение о возможности некапиталистической эволюции с ленинским положением о двух путях капиталистической эволюции, он боялся, что аграрная революция в России будет экономически реакционной, ведущей к укреплению общинного земледелия, которое всегда было орудием феодальной эксплуатации со стороны государства, экономической основой «азиатчины». Поэтому Г. В. Плеханов, отстаивая идею муниципализации, выступал против национализации земли, опасаясь, что она облегчила бы реставрацию «нашего старого полуазиатского порядка».

Ошибка Г. В. Плеханова заключалась во-первых, в том, что он не соединял успех аграрной крестьянской революции с радикальным политическим переворотом, без которого, как указывал В. И. Ленин, аграрная революция была бы «пустой фразой» и который в корне менял дело, ставя на место помещичьего самодержавного государства буржуазную демократическую республику. Во-вторых, Г. В. Плеханов совершенно не учитывал того, что уже невозможно было повернуть вспять экономическое развитие страны и что, поэтому даже самодержавно пришлось «базировать контрреволюцию» «...на единственной возможной экономической основе удержания помещичьей власти, на основе капиталистической эволюции по прусскому образцу»²²⁾. Поэтому В. И. Ленин, опровергая взгляды Г. В. Плеханова, особенно акцентировал внимание на том, что в пореформенный период была уже невозможна феодальная эксплуатация в ее чистом виде. Однако это вовсе не означало, что самодержавно-помещичье государство не пыталось сохранить старые формы эксплуатации там, где это было возможно. Такая возможность представлялась царизму в Сибири, где в силу специфики ее исторического раз-

¹⁹⁾ ПСЗ, Собр. 2, XXXVI, 36719, гл. III.

²⁰⁾ ПСЗ, собр. 2, XXXVII, 39043.

²¹⁾ В. И. Ленин. ПСС, т. 16, стр. 310.

²²⁾ В. И. Ленин. ПСС, т. 16, стр. 311.

вития, классовая борьба крестьянства против феодального землевладения не была столь острой, как в Европейской России, и где поэтому политические моменты не оказывали на аграрную политику властей такого влияния, как в центре страны.

Оставив в своих руках собственность на землю в Сибири, государство сохранило здесь старые феодальные формы и методы эксплуатации, воплотившиеся в подушной системе обложения, сохранения натуральных податей, юридическом бесправии крестьянства. В работе Л. Ф. Склярова на огромном статистическом и фактическом материале показано, как государство использовало в Сибири свое право земельной собственности, чтобы удержать экономическое и политическое господство класса помещиков. Столыпинская переселенческая политика и землеустройство в Сибири определялось не хозяйственными интересами местного старожилого крестьянства, а интересами помещиков центра страны. Больше всего правительство было озабочено тем, чтобы в целях разрядки малоземелья в Европейской России переселить как можно больше крестьян в Сибирь, всячески стесняя и ограничивая землепользование крестьян-старожилов. Вот почему полукрепостническое помещичье государство продолжало быть заинтересованным в сохранении собственности на все земли Сибири, в том числе и наделные крестьянские. И то, что право собственности государства на земли в Сибири не было номинальным, не служащим классовым задачам правительства, доказывало революционное движение сибирского крестьянства, перед которым, как это убедительно показано Л. Ф. Скляровым, стояли те же задачи, что и перед трудящимися всей страны — задачи буржуазной крестьянской революции.

О ВОЗРАСТЕ СТОЯНОК ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА В ВЕРХНЕЙ И СРЕДНЕЙ ОБИ (ПАЛЕОЛИТ)

И. М. ГАЙДУК

Археология, как и другие науки, нуждается в целом ряде смежных дисциплин, а такой ее раздел, как каменный век — прежде всего в четвертичной геологии. Человечество на ранней стадии своего развития всецело зависело от природы, которая была источником его существования. Этот период характеризуется еще присвоением готовых продуктов природы. От нее он брал пищу, одежду, обувь, а из материалов изготовлял орудия труда и т. д. Если таких условий на обитаемой им территории не было — он покидал ее. Поэтому природная обстановка, окружавшая древнего человека, не могла не найти своего отражения в многообразии его хозяйственной и бытовой жизни. Именно в этих условиях развивалась общественно-экономическая формация, которую историки обязаны проследить при изучении развития человеческого общества.

Для реставрации палеогеографической обстановки, в которой проживал древний человек, необходимо знать геологический возраст пород, вмещающих культурные слои стоянок с учетом фауны, флоры, обнаруженной в них и одновозрастных отложениях. Необходимо проследить закономерности размещения стоянок на геоморфологических комплексах с целью успешного розыска других памятников. Кроме того, разрешение этих вопросов, в сочетании с изучением орудий труда и материалов для их изготовления, имеет прямую связь с передвижением человека при освоении им Западной Сибири, т. е. позволит проследить откуда шло ее заселение.

В настоящее время вполне возможно реставрировать палеогеографическую обстановку, в которой обитал древний человек в верхней и средней Оби. Накоплено достаточно фактического и литературного геологического материала, однако использование их для разрешения упомянутых вопросов затруднительно по следующим причинам:

1. Отсутствие единого мнения среди исследователей в определении возраста тех или иных геологических отложений (в том числе и содержащих археологические памятники), чему в значительной степени способствовала недооценка датировочного значения орудий труда древнего человека. Не считаясь с определениями их возраста специалистами — археологами, геологи относят одни и те же памятники к различным геологическим эпохам, которые ими определены только по флоре или фауне, или другим данным.

Так например, Е. Н. Щукина¹⁾, приводя очень ценные для археологии палеогеографические исследования предгорий Алтая в период енисейского межледникового, сюда же отнесла Сросткинские позднеледниковые стоянки, расположенные в самой верхней части покровных лёссовидных супесей III надпойменной террасы, которые по возрасту не относятся ко времени накопления ее аллювия. О. М. Адаменко²⁾ в своей не менее интересной схеме, построенной только по биостратиграфическому принципу, эти же стоянки отнес ко времени формирования аллювия III надпойменной террасы — вюрмскому времени, которое сопоставляется с чибитским оледенением схемы Е. Н. Щукиной. Эту же III надпойменную террасу А. М. Малолетко³⁾ относит к ишинскому межледниковью (в Западно-Сибирской низменности ему соответствует послезырянское) схемы Е. Н. Щукиной. М. П. Нагорский⁴⁾ по средней Оби приводит прекрасные палеогеографические построения верхнего плейстоцена, однако и здесь мы наталкиваемся на подобную неувязку. Аналогичную неувязку мы наблюдаем и для неолитической культуры верхней и средней Оби.

2. По мнению автора между накоплением аллювия террасы и покровными лёссовидными отложениями на ее поверхности существовал разрыв во времени их формирования, который обуславливался двумя разными периодами:

первый период — накопление аллювия поймы до тех пор, пока она не превратилась в террасу и на ее поверхности уже постоянно мог проживать человек (например Томская стоянка);

второй период — процесс образования лёссовидных сложенных на поверхности террасы (делювиального, эолового или другого генезиса), не связанный с накоплением аллювия. Это уже более поздние образования по отношению к аллювию террасы. Именно этим лёссовидным отложениям подчинено большинство культурных слоев стоянок (например, Сросткинские стоянки).

Однако, ряд исследователей, определив возраст аллювиальных отложений террасы, распространяет его и на покровные лёссовидные образования, вмещающие культурный слой стоянки, в результате последняя получает возраст намного старше действительного.

3. Лёссовидные отложения, в зависимости от условий их образования, могут иметь различную мощность, хотя они накапливались в одно и то же время. Поэтому, во избежание ошибок в определении их возраста должны привлекаться не только фауна, флора и т. д., но и ископаемые орудия труда, которые во времени изменялись гораздо быстрее, чем фауна млекопитающих.

О недопустимости недооценки ископаемых орудий труда при комплексном изучении четвертичных отложений неоднократно предупреж-

1) Е. Н. Щукина. Закономерности размещения четвертичных отложений и стратиграфия их на территории Алтая. Труды геологического института АН СССР, вып. 26. М., 1960.

2) О. М. Адаменко. Стратиграфия четвертичных отложений предальтайской равнины в районе слияния рек Бии и Катунь. Труды Комиссии по изучению четвертичного периода, том 22. М., 1963.

3) А. М. Малолетко. Палеогеография предальтайской равнины в четвертичном периоде. Труды Комиссии по изучению четвертичного периода, том 22. М., 1963.

4) М. П. Нагорский. Материалы к стратиграфии нижне- и среднечетвертичных отложений Томского Приобья. Вестник Западно-Сибирского и Новосибирского геологических управлений, № 2. Томск, 1962.

дал В. И. Громов⁶⁾ и другие исследователи. Например Е. В. Шанцер считает, что «не будет преувеличением признать археологический метод потенциально даже более важным. Надо помнить, что материальная культура человеческого общества, особенно во времена среднего палеолита (мустье), развивалась значительно быстрее, чем фауна позвоночных животных. Уже одно это обстоятельство заставляет рассматривать в принципе орудия труда человека самыми лучшими руководящими ископаемыми четвертичной системы»⁶⁾).

В свете этих указаний наши исследования Сросткинских и Томской стоянок позволяют датировать их несколько иначе, но в пределах палеогеографических построений, предложенных Е. Н. Щукиной, М. П. Нагорским, О. М. Адаменко, А. М. Малолетко и другими исследователями. При этом, за основу принимается методика В. И. Громова.

Сросткинские палеолитические стоянки

Стоянки находятся на 37 км (от г. Бийска) Чуйского тракта, у с. Сростки и расположены: по правому берегу р. Катунь в 150—200 м юго-восточнее с. Сростки (три памятника) и по левому берегу р. Катунь в 600—700 м против юго-восточной окраины с. Сростки (один памятник) (см. рис. 1).

По единодушному мнению Г. П. Сосновского, П. П. Ефременко, Е. Н. Щукиной, О. М. Адаменко⁷⁾ и других (в том числе и автора) Сросткинские стоянки расположены на одной и той же III надпойменной террасе. В древности с трех сторон ее огибала р. Катунь, образуя огромную водную петлю, а сама терраса представляла собой узкий мыс, вдающийся более километра в сторону реки. Впоследствии Катунь пропилила этот мыс в его центральной части и, замкнув петлю, пошла напрямую. Самая южная (теперь уже левобережная) стоянка оказалась изолированной. В настоящее время мы наблюдаем как бы две самостоятельные террасы, отличающиеся одна от другой конфигурацией, высотными отметками над меженным уровнем реки и покровными отложениями.

Однако эта разница не указывает на их самостоятельное развитие в прошлом, а раскрывает лишь историю жизни последних тысячелетий этой террасы. Это подтверждается не только их одинаковым (в основном) геологическим строением, но и визуальными и аэровизуальными наблюдениями. Четко прослеживается общее постепенное понижение III надпойменной террасы от г. Пикет (IV надпойменная терраса, не выраженная в рельефе) в южном направлении и также четко прослеживается древнее русло р. Катунь, которое огибало всю террасу — мыс. Древние и современные веера блуждания в ее долине также указывают на то, что в прошлом эта была одна терраса, с трех сторон омывавшая

⁶⁾ В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). Труды института геологических наук, выпуск 64, геологическая серия, № 17. М., 1948. Его же. Роль геологических, биологических и физических наук в изучении палеолита. Тезисы докладов к Всесоюзному совещанию по изучению четвертичного периода. Новосибирск, 1964.

⁶⁾ Е. В. Шанцер. Принципы построения и корреляции местных стратиграфических шкал четвертичных (антропогенных) отложений. Труды комиссии по изучению четвертичного периода, том 13. М., 1957. Стр. 13.

⁷⁾ Г. П. Сосновский. Итоги изучения палеолита Алтая (1935—1936 гг.). Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, № 6—7, М., 1940. П. П. Ефременко. Первообытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Изд. третье переработанное и дополненное. Киев, 1953; Е. Н. Щукина. См. указ. соч.; О. М. Адаменко. См. указ. соч.

ся рекой. Даже в настоящее время ее южная сторона (оконечность бывшего мыса) все еще омывается рекой.

Схема
древних берегов р. Катунь у с. Сростки
(составил И.М. Гаудин)

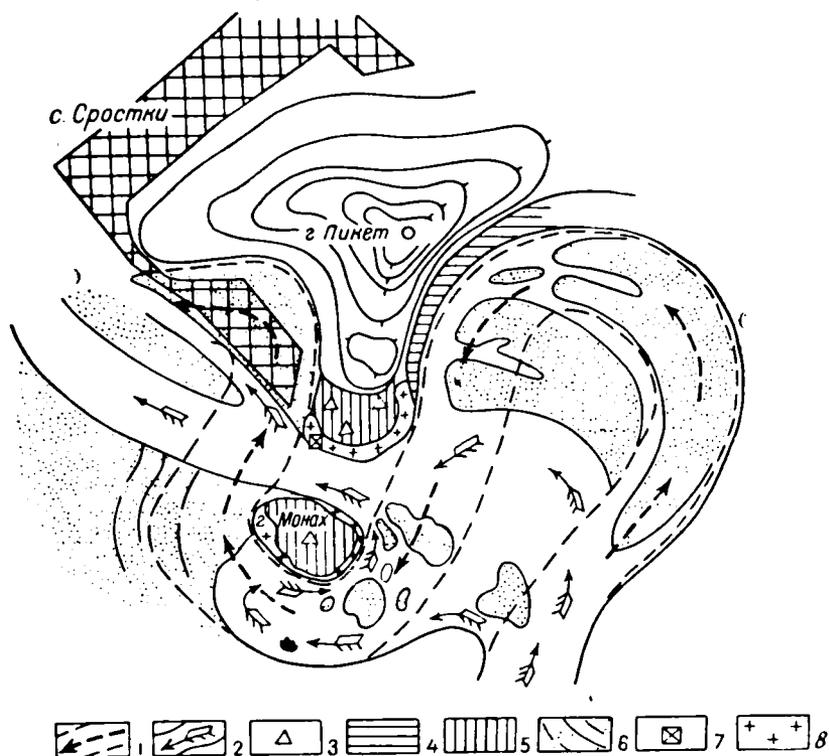

Рис. 1.

1 — Древние берега р. Катунь. Стрелка указывает направление течения древней р. Катунь; 2 — Современные берега р. Катунь. Стрелка указывает направления течения; 3 — Палеолитическая стоянка; 4 — Древний уступ (размытая поверхность красных глин); 5 — III надпойменная терраса; 6 — Пойма (3—5 м) с всерами блуждания и отложения современных островов; 7 — Переправа; 8 — Граниты

Правобережная и левобережная террасы имеют следующий (усредненный) разрез (см. рис. 2);

1. Почвенно-растительный слой. Мощность 0,3—0,4 м.

2. Супесь лёссовидная светло-серая, местами палевая, мучнистая, пылеватая. Мощность 1,4 м.

3. Суглинки лёссовидные буровато-коричневые со слабо-желтоватым оттенком, при высыхании красновато-буроватые, макropористые с хорошо выраженной столбчатой отдельностью, обизвесткованы, пылеватые, в основании прослоек мелко-тонкозернистого песка серовато-желтого, до темного цвета мощностью 0,15—0,2 м. Мощность 7,5 м.

4. Глина темно-серая с желтоватым оттенком, плотная, пылеватая с разложившимися остатками растений, углистыми примазками. Возможно погребенная почва. Мощность 0,2—0,3 м.

5. Суглино-супесь серовато-желтая, легкая, пылеватая с редкими горизонтальными прослойками глины мощностью 0,1—0,15 м, неслоистая и только у основания наблюдается неясно выраженная горизонтальная слоистость. Мощность 12,9 м.

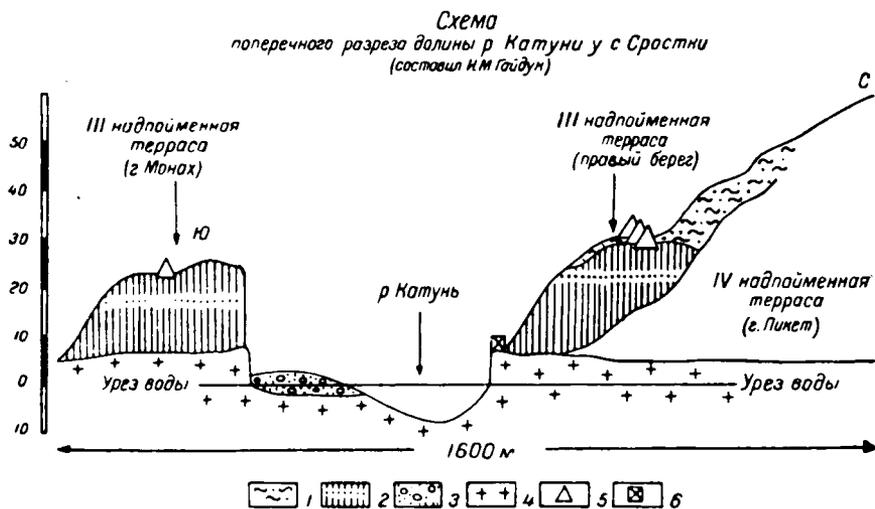
6. Граниты. Мощность до уреза воды 7,5 м.

Предметы палеолитических памятников залегают на различной глубине от дневной поверхности и приурочены к отложениям первых трех горизонтов:

а) правобережные памятники (глубина залегания дается по Г. П. Сосновскому⁸) приурочены: к почвенно-растительному слою — 0,15—0,37 м от дневной поверхности; к супеси лёссовидной — от 0,4 до 0,8—0,9 м от дневной поверхности; к суглинку лёссовидному буровато-коричневому — 0,85—1,3 м от дневной поверхности. Основная масса предметов, как отмечает Г. П. Сосновский⁹), собрана на границе между вторым и третьим горизонтами.

б) левобережный памятник приурочен к третьему горизонту. Предметы расположены в 0,3—0,6 м от дневной поверхности (на этом участке терраса лишена покровной лёссовидной супеси).

По условиям залегания этот горизонт культурного слоя аналогичен культурному слою из нижнего горизонта правобережной террасы.

1- лёссовидная супесь, 2-суглино-супесь с горизонтам деградированной погребенной почвы (?), 3-современная пойма, 4-граниты, 5-палеолитическая стоянка, 6-переправа

Рис. 2

Геологический возраст. Как уже отмечалось, возраст аллювия террасы не следует объединять с возрастом покровных лёссовидных отложений, перекрывших террасу после ее формирования.

Покровные лёссовидные отложения, как считает большинство исследователей (А. И. Москвитин, С. А. Архипов, М. П. Гричук,

⁸) Г. П. Сосновский. Итоги изучения палеолита Алтая.

⁹) Там же.

Е. П. Заррина, Э. И. Равский и С. М. Цейтлин¹⁰) и другие, в том числе и автор статьи, формировались в основном в зырянское (чибитское) время. Культурные слои стоянок расположены в этих отложениях. Следовательно, они одновозрастны, так как человек проживал на их поверхности в тот период, когда шло их накопление. Следует отметить, что культурные слои, приуроченные к лёссовидным породам, залегают в них не на одинаковой глубине. Один залегает до 1,3 м от дневной поверхности (верх третьего горизонта), другой (основной) — до 0,9 м между вторым и третьим горизонтами (в переходном слое от буровато-коричневых лёссовидных суглинков к лёссовидным супесям), третий — до 0,37 м, в почвенно-растительном слое. Поэтому и возраст их будет не одинаков. Если основная толща покровных лёссовидных суглинков, имеющая мощность до 7,5 м, образовалась в зырянское (чибитское) время, то верхняя часть толщи формировалась в конце его, а второй горизонт (лёссовидная супесь) представляет собой перевеянные наносы каргинского (ишинского) межледникового. Это подтверждается и поздней верхнепалеолитической фауной млекопитающих, обнаруженной в культурном слое стоянки Г. П. Сосновским.

Археологический возраст Г. П. Сосновский Сросткинские стоянки считает гораздо моложе Томской стоянки и относит их к позднепалеолитической культуре. Эту же точку зрения поддерживают В. И. Громов, П. П. Ефименко и другие исследователи (в том числе и автор). Хронологический возраст этой стоянки, как позднепалеолитической, автор определяет в 15—20 тыс. лет (включая нашу эру). Это соответствует послечибитскому (послезырянскому времени). Таким образом, возраст ранних и поздних Сросткинских стоянок, а следовательно и вмещающих их горных пород, не может быть датирован енисейским (казанцевским) межледниковьем или сменившим его чибитским (зырянским) оледенением, как ошибочно считают некоторые геологи, распространяя возраст аллювиальных отложений террасы на стоянки.

Археологическая датировка не противоречит и мнению подавляющего большинства исследователей, относящих образование покровных суглинков к зырянскому оледенению, которое предшествовало послезырянскому времени — времени, установленному по орудиям труда, древнего человека, обитавшего на берегах р. Катунь у с. Сростки.

Томская палеолитическая стоянка

Стоянка расположена на правом берегу р. Томи в южной черте г. Томска у Лагерного сада. Томская стоянка, так же как и Сросткинские, расположена на третьей надпойменной террасе, прислоненной к более высокой (45—50 м) IV Лагерно-садской надпойменной террасе и возвышается над меженным уровнем р. Томи на 34 м.

¹⁰ А. И. Москвитин. Опыт применения единой стратиграфической схемы к четвертичным отложениям Западной Сибири. Труды геол. института АН СССР, вып. 26. М., 1960. С. А. Архипов, Е. В. Коренева, Ю. А. Лаврушин. Стратиграфия четвертичных отложений приенисейского района между устьями рек Бахта и Турухан. Труды геол. института АН СССР, вып. 26. М., 1960; М. П. Гричук. Основные черты изменения растительного покрова Сибири в течение четвертичного периода. Палеогеография четвертичного периода СССР. М., 1961; Е. П. Заррина, Ф. А. Каплянская, И. И. Краснов, Ю. М. Миханков, В. Д. Тарноградский. Перигляциальная формация Западно-Сибирской низменности. Материалы по четвертичной геологии. К VI Конгрессу INQUA в Варшаве 1961 г. Новая серия, вып. 4. М., 1961. Э. И. Равский, С. М. Цейтлин. Геологическая периодизация палеолитических памятников. Тезисы докладов к Всесоюзному совещанию по изучению четвертичного периода. Новосибирск, 1964.

Разрез террасы представлен (сверху вниз):

1. Почвенно-растительный слой. Мощность 0,2 м.
2. Суглинок лёссовидный светло-коричневый со слабым желтоватым оттенком, макропористый с ясно выраженной вертикальной столбчатой отдельностью, не слонстой, пылевой. В средней части толщи встречаются тончайшие частицы слюды. В основании прослеживается прослойка супеси мощностью 0,15—0,3 м, содержащей на контакте с лёссовидными суглинками редкое включение мельчайшего гравия (от 1×1 мм до 2×10 мм) кремнисто-кварцевого состава. На границе с подстилающим горизонтом такое же редкое включение, но более крупного гравия (от $0,5 \times 0,5$ мм до 10×10 мм) того же состава полуокатанной и хорошо окатанной формы. В этом прослойке обнаружен культурный слой, состоящий из угольков, разбросанных костей почти полного скелета мамонта, каменных орудий труда и т. д. Мощность лёссовидных суглинков вместе с прослойком супеси 3,3 м.
3. Песок от светло-серого до серого цвета с желтоватым оттенком, горизонтально слонстый с редкими прослойками глины, гравия и гальки небольшой мощности. Видимая мощность 16,5 м.
4. Задерновано. Мощность 11,5 м.
5. Глинистые сланцы палеозойского возраста. Видимая мощность до уреза воды 2,5 м.

Геологический возраст. Культурный слой стоянки расположен в супеси (в основании второго горизонта) и перекрыт лёссовидными суглинками. Как неоднократно уже отмечалось, образование последних связано с зырянским оледенением. Большой коллектив исследователей во главе с Е. П. Зарриной для средней Оби так и отмечает, что на водораздельных пространствах в зырянское время происходило образование верхнего третьего горизонта лёссовидных пород, которые сформировались золовым и делювиально-пролювиальным путем. Описываемая терраса не была исключением, о чем свидетельствуют лёссовидные суглинки на ее поверхности. Следовательно возраст стоянки, согласно геологических условий залегания, зырянский. В. И. Громов также считает возраст этой стоянки «не моложе конца эпохи таяния ледникового (зырянского. — *И. Г.*) покрова»¹¹⁾, т. е. даже минимальный ее возраст должен быть отнесен ко второй половине зырянского оледенения. Это подтверждается мамонтовой фауной, обнаруженной в стоянке. Хорошо сохранившийся почти полный скелет молодой особи мамонта позволил Н. Ф. Кашенко уверенно отнести его к «типическому представителю вида *Elerphas primigenius*», скелеты которых в Западно-Сибирской низменности приурочены (в основном) к лёссовидным суглинкам зырянского оледенения¹²⁾.

Наличие мамонта указывает на суровые климатические условия, и как отмечает В. И. Громов, В. Е. Гарутт¹³⁾ и др. исследователи, это животное является индикатором холодного времени. Об этом же свидетельствует установленная В. И. Громовым последовательность исчезновения фауны верхнепалеолитического комплекса: «В начале мадлена (вюрмская стадия оледенения по В. И. Громову. — *И. Г.*) исчезает носорог и лемминги, а в позднем мадлене (послезырянское время —

¹¹⁾ В. И. Громов. См. указ. соч., стр. 299.

¹²⁾ Н. Ф. Кашенко. Скелет мамонта со следами употребления некоторых частей тела этого животного в пищу современными ему человеком. Записки императорской Академии наук, т. XI, № 7. СПб., 1901. Стр. 332.

¹³⁾ В. И. Громов. См. указ. соч.; В. Е. Гарутт. Мамонт в изображении человека верхнего палеолита. Материалы и исследования по археологии СССР, 79. Палеолит и неолит СССР, т. IV. М.—Л., 1960.

¹⁴⁾ В. И. Громов. Указ. соч., стр. 394.

И. Г.) отсутствуют и мамонт и песцы»¹⁴). Согласно этим выводам, которые автор всецело разделяет, человек обитал здесь в середине мадлена, т. е. во второй половине зырянского оледенения. Существует и другое (пока единственное) мнение, что мамонт обитал здесь и в более позднее время (В. А. Зубаков¹⁵). Однако это к нашему мамонту не относится, так как он обитал, вероятно, в период расцвета этого вида, о чем свидетельствуют многочисленные остатки скелетов крупных мамонтов распространенных почти повсеместно на территории Западно-Сибирской низменности (А. Ф. Палашенков¹⁶). Скелеты же молодых особей мамонта обнаружены только в стоянках с одинаковыми геологическими условиями их залегания — Томской и Ачинской.

Мощное подземное зырянское оледенение, достигнув своего максимума, серьезно повлияло на развитие растительного покрова. Тайга сократила ареал своего распространения, а многие виды деревьев исчезли или приобрели угнетенные формы (например, карликовая береза). Аналогичное явление мы наблюдаем и в составе травянистой растительности — почти повсюду мы видим преобладание осоковых растений, мхов, лишайников и т. д. В этот период внеледниковая область Западно-Сибирской низменности представляла собой перигляциальную зону со скудной растительностью, которая в течение большей части года была закрыта снежным покровом. В поисках пищи мамонт разгребал снег совершенно истирая концы своих бивней, которых, вероятно, ему иногда не хватало до конца жизни.

Суровые климатические условия и недостаток пищи вынуждали этих животных мигрировать за пределы Западно-Сибирской низменности. Так О. Н. Бадер¹⁷ в фауне Волгокамья, в том числе и в палеолитической стоянке Талицкого (где были обнаружены останки костей молодой особи мамонта, съеденного человеком), отмечает многочисленные сибирские черты ее.

Навстречу мамонту, тоже в погоне за добычей пищи, двигался человек, углубляясь на территорию Западно-Сибирской низменности (Томская стоянка). А. Ф. Палашенков¹⁸ считает, что на Иртыше, в районе г. Омска, не найдено каменных палеолитических орудий труда только потому, что там нет камня для их изготовления. Поэтому человек бережно относился к ним, не допуская утери.

Обращают на себя внимание определения крупными специалистами орудий труда и фауны из Талицкой стоянки. О. Н. Бадер¹⁹ Талицкую стоянку по орудиям труда сближает с Сибирскими (ангарскими). В. И. Грбмов считает ее «не моложе вюрма» (т. е. на много старше ангарских — И. Г.)» и отмечает, что «с такой датировкой вполне согласуется фаунистический состав уральского палеолита». И дальше: «Учитывая на стоянке Талицкой наличие носорога и в особенности лемминга, можно вывести заключение о близости ее к южной границе

¹⁴ В. А. Зубаков. Об основных особенностях и закономерностях плейстоценового оледенения Сибири. Материалы по четвертичной геологии и геоморфологии СССР. 1961 г. Новая серия, вып. 4, М., 1961.

¹⁵ А. Ф. Палашенков. Находки костей крупных четвертичных млекопитающих на территории Омской обл. Изв. Омского отд. географического общества СССР, вып. 2, Омск, 1957.

¹⁷ О. Н. Бадер. Палеолит Урала и его место в древнейшей истории Евразии. Четвертичный период и его история, К VII Конгрессу INQUA (США, 1965). М., 1965.

¹⁸ А. Ф. Палашенков. Находки костей крупных четвертичных млекопитающих на территории г. Омска. Изв. Омского отд. Географического общества СССР, вып. 1, Омск, 1956. Его же. Материалы к археологической карте Омска. Известие Омского отд. Географического общества СССР, вып. 3, Омск, 1960.

¹⁹ О. Н. Бадер. Основные этапы этнокультурной истории и палеогеографии Урала. Материалы и исследования по археологии СССР, 79. Палеолит и неолит СССР, том IV. М.—Л., 1960.

тающего рисского ледникового покрова и, предположительно, о тяготеении к группе стоянок первой половины верхнего палеолита»²⁰). Следовательно, эта стоянка старше сибирских, в том числе и Томской стоянки, которую В. А. Городцов²¹) относит к ориньяку европейской схемы и сближает ее по орудиям труда с Карачаровской, а Г. П. Сосновский ангарские стоянки относит к ориньяку — солютре схемы Европы²²). Позже П. П. Ефименко подтвердил выводы Г. П. Сосновского о принадлежности их к ориньякосолютрейскому времени той же схемы²³).

Наметившаяся в выводах последовательная хронология уменьшения возраста стоянок с Запада на Восток (с учетом движения мамонтовой фауны из Сибири на Запад) позволяет сделать предположение, что человек продвигался в глубь Сибири с восточно-европейской части СССР навстречу мамонтовой фауне через Урал (стоянка Талицкого), Западная Сибирь (Томская стоянка) и Среднесибирское плоскогорье (ангарские стоянки — Мальта, Буреть).

Определенное сходство орудий труда из Талицкой стоянки с ангарскими подчеркивает лишь живучесть традиций, принесенных с Запада.

Предлагаемая О. Н. Бадером гипотеза о том, что стоянка Талицкого является результатом миграции азиатского человека, достигшего западных склонов Урала, не состоятельна, так как она основана на мнимом «географическом барьере» в связи с оледенением в средне- и верхне-четвертичное время и на сходстве некоторой части орудий труда с ангарскими стоянками. В действительности, как показывают исследования, человек свободно мог проникнуть в пределы Урала с Запада уже в период московского оледенения, хотя бы в зимних условиях (задолго до появления охотничьих племен, оставивших Талицкую стоянку) в районе тех же рек Камы, Оки, Чусовой, а в микулинский межстадиал тем более, не говоря уже о более поздних калининском и оставшковском оледенениях. Географический водный барьер действительно существовал, но в период таяния максимального, днепровского оледенения. Тогда и Западно-Сибирская низменность представляла собой водный бассейн по площади, почти в два раза превосходившей современное Каспийское море (Е. П. Заррина и др.). Воды из этого озера — моря стекали через Тургайский прогиб в Арало-каспийский бассейн (Е. П. Заррина и другие, В. И. Громов).

Но даже и в это время, как отмечает сам О. Н. Бадер, проникновение мустьерского человека на Урал (стоянки Пещерный лог, Медведь-Камень) было возможным. А если при этом учесть, что мустьерская культура в Западно-Сибирской низменности, предгорьях Алтая и на Ангаре совершенно неизвестна — она известна только в Европе, на Кавказе и Узбекистане (Тешик — Таш), то наиболее очевидная вероятность заселения Урала носителями этой культуры возможна только с упомянутых районов. Это значит, что еще тогда им не страшен был тот грозный барьер великого днепровского оледенения, на который ссылается О. Н. Бадер и который потерял свое значение в последующие стадии оледенения.

С тех пор (от мустье) непрерывность культур почти не прекращается. От более ранних, ориньякских (горновские находки), до более

²⁰) В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит), стр. 293.

²¹) В. А. Городцев. Археология. Каменный период. Том 1. 1923.

²²) Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки Северной Азии. Труды второй Международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, вып. 5. М., 1934.

²³) П. П. Ефименко. См. указ. соч.

поздних — мадленских (Бурановская стоянка). В то время граница обитания человека далеко шагнула на Север. Достаточно сказать, что на р. Печере, у д. Бызовая — за 65° с. ш. обнаружена стоянка, геологический возраст которой О. Н. Бадер считает рисс — вюрмский (микулинское межледниковье схемы А. М. Малолетко). Такого древнего возраста не имеет ни одна стоянка Западно-Сибирской низменности и Ангары.

В геологическом отношении Уральские горы за это время серьезно не изменились, они были почти такими же, как сейчас — с теми же хорошо проходимыми пересекающими их речными долинами, впадинами и т. д. Поэтому человек без особого труда мог пересечь их, идя навстречу потоку мамонтовой фауны с Западно-Сибирской низменности. Очень подвижные охотничьи племена легко могли передвигаться в суровых климатических условиях как на Север, так и на Восток в поисках пищи. Так, О. Н. Бадер отмечает: «В позднем палеолите (микулинское межледниковье, в Западно-Сибирской низменности ему соответствует казанцевское — И. Г.) северная граница ойкумены человека шагнула очень далеко. Возможности для этого были созданы высокой специализацией культуры охотников, в течение тысячелетий хорошо приспособившихся к условиям сурового климата». Отсюда и та «паразитальная бедность временных охотничьих стоянок Урала (как и в Западно-Сибирской низменности. — И. Г.) остатками материальной культуры»²⁴), которой О. Н. Бадер не сможет дать объяснения только потому, что это не увязывается с его концепцией «географического барьера», хотя, вероятно, именно эта обстановка выработала в человеке приспособленность к подвижному, кочевому образу жизни. Ведь не случайно П. П. Ефименко, А. Н. Рогачев²⁵ и другие исследователи Талицкую стоянку (по орудиям труда) сближают с восточноевропейскими. Что касается упомянутого О. Н. Бадером сходства орудий труда из этой стоянки с ангарскими, то эту причину разрешает сам автор: «Нельзя ожидать, что при становлении культуры верхнего палеолита, имеющей, следовательно, повсеместно однородную или почти однородную базу, сразу же должна была произойти ее резкая локальная дифференциация. Развитие и закрепление своеобразных особенностей верхнего палеолита на различных более или менее изолированных территориях особенно хорошо отмечается на более поздних этапах верхнего палеолита и особенно резко выступает в конце его»²⁶). Это очень убедительные теоретические доводы. Ведь, как показали выше упоминавшиеся исследователи-палеолитики, Талицкая стоянка несколько древнее Томской (вторая половина зырянского оледенения), а последняя — древнее ангарских, (конец зырянского оледенения). Следовательно, человек, дойдя до р. Ангары и обитая там, все еще сохранял известное сходство в форме орудий труда до тех пор, пока они не утратили своего назначения в применении и не изжили себя. Впоследствии выработались несколько иные формы, более удобные в применении.

Археологический возраст. В. А. Городцов относит Томскую стоянку к ориньяку и сближает ее (по орудиям труда) с Карачаровской. Однако такая датировка, по мнению автора, несколько увеличена. Тщательное изучение орудий труда из этой стоянки позволяет отнести ее к мадленской культуре. Об этом же свидетельствует и обра-

²⁴) О. Н. Бадер. Палеолит Урала и его место в древнейшей истории Евразии, стр. 131—132.

²⁵) А. Н. Рогачев. Некоторые вопросы стратиграфии и периодизации верхнего палеолита Восточной Европы. Труды Комиссии по изучению четвертичного периода, том 18. М., 1961.

²⁶) О. Н. Бадер. См. указ. соч., стр. 136.

ботка кости (хотя готовых костяных изделий нет), особенно тринадцати рёбер мамонта. На фотографиях Н. Ф. Кащенко хорошо видны приемы умелой и привычной ее обработки. Г. П. Сосновский эту стоянку также относит к более древней эпохе, чем Сросткинские, но более поздней, чем Карачаровская, т. е. к мадленской культуре²⁷⁾.

Характерно отметить, что не только животный мир (мамонт) Томской стоянки, но и форма орудий труда, техника их обработки одинаковы с такими же мелкими орудиями труда из Ачинской стоянки. Исследованные в шлифах материалы, из которых они изготовлялись и частично сами орудия (мелкие) из Ачинской стоянки при сопоставлении их с таковыми из Томской, показали, что они изготовлены совершенно из одного и того же материала: кварцита с включением органических остатков, роговика, опала и т. д. По геологическим условиям залегания эти стоянки также одновозрастны (хотя Ачинская и располагается на водоразделе). Она так же, как и Томская, перекрыта покровными лёссовидными суглинками, образование которых приурочено к зырянскому оледенению.

Краткие выводы

1. Все исследованные верхнепалеолитические стоянки, как правило, расположены на незатоплявшихся берегах древних водоемов.

2. Верхнепалеолитические стоянки, в основном, имеют закономерность в их размещении — все они приурочены к верхам III надпойменной террасы и подчинены покровным лёссовидным отложениям. Причем, культурный слой Сросткинских стоянок расположен внутри их верхней части, культурный слой Томской стоянки — в основании покровных лёссовидных суглинков, Ачинской — в суглинках, облессованных в верхней части.

3. Между накоплением аллювия террасы и образованием на ее поверхности покровных лёссовидных отложений существовал определенный разрыв во времени, который обуславливался:

а) водной стадией формирования террасы — накоплением аллювия поймы до превращения ее в террасу, на поверхности которой уже возможно постоянное поселение человека без угрозы затопления его жилища во времена паводков (Томская стоянка);

б) стадией аккумуляции покровных лёссовидных отложений на поверхности террасы, в процессе которой всегда возможно поселение человека без угрозы затопления его жилища вообще. Таким образом, аллювий террасы и покровные отложения на ее поверхности накапливались в разное время и, поэтому нельзя считать их одновозрастными. Следовательно, неоправданно возраст аллювиальных отложений террасы распространять на покровные лёссовидные образования, которым подчинен культурный слой стоянки. В таком случае последняя получает возраст намного старше действительного.

4. По археологическим и геологическим исследованиям стоянки можно датировать:

а. Томская стоянка: археологическая датировка — середина мадлена схемы В. И. Громова; геологический возраст — вторая половина зырянского оледенения с холодным суровым климатом и характерной фауной и флорой для этой эпохи: мамонт, песок (Томская и Ачинская стоянки) и т. д.

²⁷⁾ Г. П. Сосновский. Итоги изучения палеолита Алтая.

б. Сросткинские стоянки: археологическая датировка — поздняя стадия мадлена схемы В. И. Громова; геологический возраст — послезырянское межледниковье. Климат вначале прохладный с фауной оленя, затем теплый и сухой с фауной открытых степей (лошадь).

в. По геологическим условиям залегания и фауне древние стоянки Урала и Сибири подразделяются: стоянка Талицкого — рисс-вюрмское (казанцевское) межледниковье — первая половина зырянского оледенения схемы В. И. Громова; Томская стоянка — вторая половина зырянского оледенения схемы В. И. Громова; Ангарские стоянки (Мальта, Буреть) — конец зырянского оледенения схемы Э. И. Равского и С. М. Цейтлина.

Отсюда можно сделать предположение, что исследованная нами территория заселялась с Европейской части СССР через средний (возможно южный) Урал в направлении Западной Сибири и далее на восток в бассейн Ангары.

О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ МОЛЧАНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА (VI—VIII вв.)

Л. А. ПАВЛЕНОК

Летом 1964 г. археологическая экспедиция Томского университета продолжала работу на Молчановском курганном могильнике на Рёлке у с. Молчаново Томской области, начатую в 1963 г. За два года было раскопано 8 курганов и вскрыто 39 погребений.

Курганы округлой и вытянутой формы. Величина кургана не зависела от количества погребений в них.

Таблица 1

№№ курганов	Форма насыпи	Диаметр в м	Высота насыпи в метрах	К-во погребений
1	вытянутая	26×16	0,9	13
2	округлая	17	1,0	6
3	вытянутая	13×8	0,8	1
4	округлая	11	0,7	4
5	вытянутая	15×10	1,0	7
6	округлая	15	0,9	5
7	округлая	15	0,7	2
8	округлая	7	0,6	1

Как показывает стратиграфия, для погребений выбирались естественные всхолмления. Это четко прослеживается на разрезах курганов 1, 2, 3, 4, 5, 7: во всех курганах маркирующим горизонтом погребений была поверхность этих всхолмлений.

Насыпь состоит из светлого суглинка. Погребенная почва в курганах прослеживается очень тонким коричневым слоем. Курган возводился постепенно по мере новых захоронений.

В насыпи курганов было большое количество керамики, целых сосудов, металлических и костяных предметов, скоплений костей лошади, кострищ. Насыщенность насыпи зависела от количества погребений. Находки не встречаются в черных пятнах над грунтовыми могилами.

Некоторые курганы (1, 3, 6, 7) оказались сильно разграбленными.

Анализ всех погребений позволяет выделить в могильнике два вида погребального обряда: труположение и трупосожжение.

Труположение. Установлено два типа захоронений этого вида: грунтовые и наземные. Большинство погребений в курганах — грунтовые (19).

Грунтовые могилы неглубокие — 20—40 см, по форме они прямоугольные (курган 1, погребение 2, 6, 4, 11; курган 4, погребение 3; курган 5; погребение 1, 3, 4, 6, 7; курган 6, погребение 2, 4, 7) или овальные (курган 4, погребение 4 и курган 5, погребение 2).

Скелеты лежали на спине с вытянутыми вдоль тела руками и вытянутыми ногами. Ориентацию из-за разрушенности погребений в большинстве случаев определить не удалось. Там, где это было возможно сделать, преобладает ориентация на юго-восток с отклонениями на юг или восток. В двух случаях костяки ориентированы головами на северо-запад. Это детские погребения, очень бедные инвентарем.

Умершего укладывали на берестяную подстилку (курган 1, погребение 8, 9, 11; курган 2, погребение 1), в погребении 3 кургана 5 покойник был покрыт берестой сверху. Следов деревянных сооружений не обнаружено, но дополнительные надмогильные сооружения существовали: над каждой могилой четко прослеживается глубокий (20—40 см) слой темной земли. Это, видимо, остатки от дерновой обкладки. Дерн брался рядом, с поверхности холма.

Наземные погребения залегали на глубине 30—40 см от дневной поверхности.

Хронологической разницы между погребальным инвентарем наземных и грунтовых могил нет.

В наземных погребениях костяки очень разбросаны, вещи лежат без видимого порядка.

А. В. Збруева и М. П. Грязнов считают наземные погребения зимними захоронениями, над которыми возводились какие-то дополнительные надмогильные сооружения¹⁾. Согласно этнографической литературе, это могли быть срубы или лабазы (у селькупов), амбарчики (у энцев), чумы (у нганасан)²⁾ и др.

В Молчановских наземных погребениях дополнительных конструкций проследить не удалось. Видимо, сооружения были легкими, и время их не сохранило. По количеству инвентаря отдельные могилы отличаются друг от друга, но эти различия касаются украшений. Бытовой инвентарь почти везде одинаковый.

Следует остановиться на некоторых отличиях мужских и женских захоронений.

В мужских погребениях с левой стороны у пояса обычно находится железный нож в деревянных ножнах с медными оковками. Справа у бедра находились костяные наконечники стрел.

В ряде случаев сохранились фрагменты одежды: она изготовлялась из меха, кожи и ткани. Украшений на мужской одежде было немного. Рукава платья выше локтя украшались медными пластинками, иногда плоскими, но чаще с несколькими выпуклостями. На поясе носили ремень с железной пряжкой, какие часто встречаются в одинцовских могилах³⁾. На спине несколько ниже пояса находились колокольчатые

¹⁾ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. Материалы и исследования по археологии СССР, т. 30, М., 1952, стр. 111; М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. Материалы и исследования по археологии СССР, т. 48, М.—Л., 1956, стр. 120—121.

²⁾ Б. О. Долгих. О погребальном обряде кетов. «Советская археология», № 3, 1961, стр. 107.

³⁾ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 111—112.

подвески или пластинки с выпуклостями. Пластинки подобного типа широко распространены в более позднее время среди самодийских народов Сибири: нганасанов, энцев⁴⁾, селькупов⁵⁾. В ушах мужчины носили серьги, которые состояли из кольца, продеваемого в мочку, и подвески на кольце. В двух случаях серьги были из свернутой спиралью медной проволоки. Некоторые из серег по форме сходны с серьгами с Архерейской заимки⁶⁾. В одном мужском погребении (курган-1, погребение 6) на груди найдена большая бронзовая плоская подвеска с изображением медведя с головой, повернутой в фас.

Справа от скелета человека, за пределами берестяной подстилки находились остатки костяка лошади. Здесь же помещался глиняный сосуд или отдельные фрагменты сосуда. Каких-либо остатков верховой упряжи не найдено ни в одной могиле.

Захоронение лошади производилось частичное: обнаружены концы конечностей, иногда с черепом.

Частичное захоронение лошадей с умершим было широко распространено на территории нашей страны со времени бронзы. На верхней Оби обычай захоронения шкуры лошади с концами ног и черепом появляется в период верхнеобской культуры (II—VIII вв.)⁷⁾. Подобное погребение шкуры коня было в басандайских могилах X—XII вв.⁸⁾. В отличие от молчановских, там при костяке лошади находились остатки верховой упряжи: удила, стремяна, узденные наборы; лошадь была положена с подогнутыми ногами. В молчановских могилах лошадь лежала на боку с вытянутыми ногами.

В женских погребениях обнаружены топоры — корнекопалки, в одном погребении под правым бедром находился маленький железный нож с остатками деревянной рукоятки. Наконечников стрел ни в одном из женских погребений не обнаружено. Сосуды или фрагменты сосудов были во всех могилах. Определенного порядка в расположении сосудов в могиле не наблюдается. В хорошо сохранившемся погребении I (кургана 5) сосуд находился слева от костяка примерно на уровне кисти вытянутой руки и был перевернут вверх дном.

Женская одежда, судя по остаткам, изготовлялась из меха, кожи, и ткани. В одном погребении обнаружены фрагменты шелковой ткани. По количеству украшений женские погребения мало отличаются от мужских. В разных могилах встречены отдельные подвески, нашивки, некоторые с зооморфными изображениями. В погребении I (курган 5) на черепе находились остатки от повязки или шапочки в виде трех кожаных лент с нашитыми на них выпуклыми бляшками. Это украшение в виде рядов выпуклых бляшек, нашитых на кожу, является разновидностью тех, которые встречены на мужской одежде. Рядом с черепом находилась бронзовая пластинка в виде полукруга. Под костями таза найдены наконечники и полная подвеска с изображением головы совы. Костей лошади в погребение 6 определенно женских могилах не найдено.

Среди погребального инвентаря молчановцев встречается большое количество бронзовых изделий с зооморфными и антропоморфными изображениями (около 30 экземпляров зооморфных и 12 — антропоморфных).

⁴⁾ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 111.

⁵⁾ А. П. Дульзон. Остатки могильники XVI—XVII вв. у с. Молчаново на Оби. Ученые записки Томского пединститута, т. 13, 1955, стр. 113.

⁶⁾ Отчет археологической комиссии за 1896 год, СПб., 1898, стр. 97, рис. 380, 381, 385.

⁷⁾ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 107.

⁸⁾ З. Я. Бояршинова. Погребальный ритуал в басандайских курганах. Сборник «Басандайка». Томск, 1947, табл. 31, 42.

До сих пор такие богатые коллекции подобных вещей встречены только в культовых местах и кладках. Небольшие коллекции зооморфных изображений найдены в могилах Барсова городка⁹⁾ и Архьерейской замки¹⁰⁾. В Молчановском могильнике зооморфные и антропоморфные предметы чаще встречаются в могилах воинов.

Особенностью Молчановского могильника являются миниатюрные вещи, найденные в погребениях и насыпи курганов: железные удила, корнекопалки, плоские наконечники стрел и ножи, а также глиняные сосуды. В двух случаях эти предметы были найдены в могилах в ногах костяков комплексом: наконечники стрел, удила, нож, корнекопалка. В других могилах найдены глиняные миниатюрные сосуды. Они повторяют форму и орнамент обычных сосудов могильника, их размеры от 6×5 см до 1,5×1,7 см.

Обычай класть в могилу с покойником миниатюрные изображения кинжалов и клевцов известен со времен тагарской культуры¹¹⁾. В таштыкское время этот обычай сохраняется, меняются и увеличиваются разновидности миниатюрных предметов. Теперь это бронзовые миниатюрные воспроизведения сосудов и железные миниатюрные удила¹²⁾. В Западной Сибири подвески и серьги в форме миниатюрных котлов встречаются в погребениях переходного этапа верхнеобской культуры¹³⁾.

Миниатюрные предметы в Молчановском могильнике были, видимо, важным атрибутом погребального ритуала. Они не использовались в качестве украшений, как это было в могилах переходного периода. На вещах нет никаких приспособлений для подвешивания или прикрепления. В пользу этого положения говорит и их комплексное расположение.

Два миниатюрных сосуда представляют собой модели лодок, совершенно аналогичных позднему селькупским лодкам «анты». Г. И. Пелих, анализируя лодки селькупов, отмечает, что лодок такого типа у других народов Сибири не встречается¹⁴⁾. Находка моделей лодок, подобных «анты» в могильнике VI—VIII вв. подтверждает то, что этот памятник является древнеселькупским. На моделях есть характерные для «анты» своеобразные выступы «головки», корма круто обрезана. У одной из моделей под головками находятся сквозные отверстия, у другой отверстия на бортах.

С какой целью делались такие модели? Возможно, это связано с представлением молчановцев о душе. У самодийских племен бытовало представление о душе покойного, которая не могла попасть в загробный мир не иначе как в лодке. Там она оставалась долгое время в лодке, охраняя свое жилище¹⁵⁾. Об использовании лодки в погребении у сибирских народов говорят многие этнографические сообщения. Например, по свидетельству В. Ф. Зуева, «остяки и самоеды... делают... гроб из лодки, обрубив нос и корму¹⁶⁾». Об этом же говорит и Б. О. Долгих, исследуя

⁹⁾ Агне Ф. I. Barsoff Corodok, Stockholm, 1935.

¹⁰⁾ Отчет археологической комиссии за 1896 год, стр. 95.

¹¹⁾ С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. Материалы и исследования по археологии СССР, т. 9, М., 1949, стр. 114—115.

¹²⁾ Там же, стр. 238—240.

¹³⁾ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 123.

¹⁴⁾ Г. И. Пелих. Элементы переднеазиатской культуры у нарымских селькупов. Труды Томского государственного университета, т. 171, 1963, стр. 169—170.

¹⁵⁾ В. Н. Чернецов. Представления о душе у обских угров. Труды института этнографии, новая серия, т. 51, 1959, стр. 123.

¹⁶⁾ В. Ф. Зуев. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771—1772). Труды института этнографии, новая серия, т. 5, М.—Л., 1947, стр. 67.

погребальные обряды некоторых сибирских народов, в частности и селькупов, которые «хоронили в земле... в ветках (челноках)»¹⁷⁾.

Другой формой погребального обряда было трупосожжение. В могильнике обнаружено два случая полного трупосожжения (курган 1, погребение 7; курган 7, погребение 1).

Труп умершего сжигали на сильном огне на стороне от могилы, в могилу сбрасывали догорающие останки и клали одежду и весь погребальный инвентарь умершего. Огонь был еще значительным, так как некоторые бронзовые предметы оплавившись. Вещи лежали сплошной грудой без определенного порядка. Подобный обряд захоронений был широко распространен на фоминском этапе верхнеобской культуры¹⁸⁾, но там это был основной обряд. В Молчановском могильнике трупосожжение являлось исключением, и подвергался ему только воин. Такое же сожжение умершего воина наблюдалось в курганах Архирейской замки (VIII в.)¹⁹⁾.

Погребение с частичным трупосожжением встречено одно. Над открытым берестой покойником был разведен костер. Сверху береста сгорела почти вся, местами прогорела и подстилка. Обряд обжиганий покойника сверху очень сходен с подобным обрядом позднего времени в остяцких могилах²⁰⁾. Однако считать эту могилу поздней нет оснований, так как инвентарь погребения сходен с инвентарем из других могил. Стратиграфия также не дает каких-либо отличий от других погребений.

Таким образом, основным видом погребального обряда остается трупоположение. Такое же преобладание трупоположения над трупосожжением наблюдается в поздних селькупских памятниках. Много общего между ними отмечается и в характере надмогильных сооружений, особенно с Пачангским курганным могильником²¹⁾. Различия состоят лишь в том, что в Пачангских могилах существовала деревянная, а не дерновая обкладка. В характере самого погребения, (на спине в вытянутом положении, ориентация головой на юго-восток) видах инвентаря и его размещении в мужских могилах также отмечается сходство. Наличие костей лошади в мужских погребениях, так характерное для Молчановского могильника, сближает его с памятниками одицовского и переходного этапов на верхней Оби. В поздних селькупских погребениях кости лошади встречаются как исключение.

¹⁷⁾ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 107.

¹⁸⁾ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 131, 142.

¹⁹⁾ Отчет археологической комиссии за 1896 год, стр. 94.

²⁰⁾ А. П. Дульзон. Указ. соч., стр. 102.

²¹⁾ Там же, стр. 115—116.

СОДЕРЖАНИЕ

З. Я. Бояршинова. Крестьянская семья Западной Сибири феодально-го периода	3
Ю. С. Булыгин. Формирование земельного населения по Колывано-Кузнецкой военной линии в XVIII в.	20
С. С. Лукичев. О поставках приписными крестьянами Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа провианта и фуража для заводов и рудников	34
Ф. С. Кузьмина. Развитие товарно-денежных отношений в сибирской деревне первой половины XIX в. (по материалам Каинского округа Томской губернии)	47
Л. Г. Сухотина. Формы землепользования, земельные системы и орудия труда в сибирской деревне второй половины XIX в.	58
Н. К. Томилова. Переселение крестьян в Алтайский округ (1865—1899 гг.)	71
М. Г. Сесюнина. К вопросу об эволюции сибирского областничества (70-е — начало 90-х годов XIX в.)	89
И. Г. Мосина. Развитие промышленности и товарно-денежных отношений в Сибири в начале XX в.	101
Г. Х. Рабинович. Рабочее движение на золотых приисках Енисейской губернии в годы первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции	117
А. И. Долгих. Землевладение и землепользование в Сибирском казачьем войске накануне Февральской революции 1917 г.	126
В. В. Ким. Большевизация Иркутского гарнизона в период подготовки социалистической революции	139
В. А. Соловьева. Крестьянское революционное движение в Сибири после свержения самодержавия (март — апрель 1917 г.)	152
М. Е. Плотникова. Колчак и эсеровская «оппозиция»	168
С. Ф. Фоминых. Вопросы истории Сибири (1918—1920 гг.) в освещении современной американской буржуазной историографии	182
В. С. Познанский. Вопросы истории гражданской войны в «Сибирской советской энциклопедии»	193
Л. В. Малиновский. Сельское хозяйство западных национальных меньшинств в Сибири (1919—1928 гг.)	202
Т. А. Корягина. Об особенностях перехода Сибири к новой экономической политике	214
Л. И. Боженко, Е. М. Хенкин. Из истории классовой борьбы в Сибири в начале нэпа	225
Н. И. Платунов. О так называемом «аграрном перенаселении» и социально-экономических предпосылках переселенческого движения в СССР накануне коллективизации	241
Л. П. Егорова. Хлебозаготовительная кампания 1927—1928 гг. и борьба с качеством в западносибирской деревне	225
В. Я. Осокина. Социально-экономические отношения в западносибирской деревне накануне сплошной коллективизации (1927—1929 гг.)	271
И. Д. Эйнгорн. Религиозные организации против массового колхозного движения в Западной Сибири	283

И. М. Разгон, Л. Г. Сухотина. К вопросу о «государственном феодализме» в Сибири (о книге Л. Ф. Склярова «Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы»	295
И. М. Гайдук. О возрасте стоянок древнего человека в верхней и средней Оби (палеолит)	302
Л. А. Павленок. О погребальном обряде Молчановского могильника (VI—VIII вв.)	314

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СИБИРИ

Томск, Изд. ТГУ, 1967 г., 320 с.

Редактор издательства Л. Г. Мордовина
 Литературный редактор А. Е. Гирсова
 Технический редактор Н. С. Ходор
 Корректоры Э. Н. Страшкова и Г. А. Азовцева

КЗ 01430. Сдано в набор 29/VII-66 г. Подписано к печати 28/VI-67 г.
 Формат 70×108^{1/16}; печ. л. 20; уч.-изд. л. 27,4; бум. л. 10.
 Заказ 4255. Тираж 600 экз. Цена 1 руб. 91 коп.

Томск, Издательство ТГУ, проспект Ленина, 36. Областная типография № 1
 Управления по печати, ул. Советская, 47.